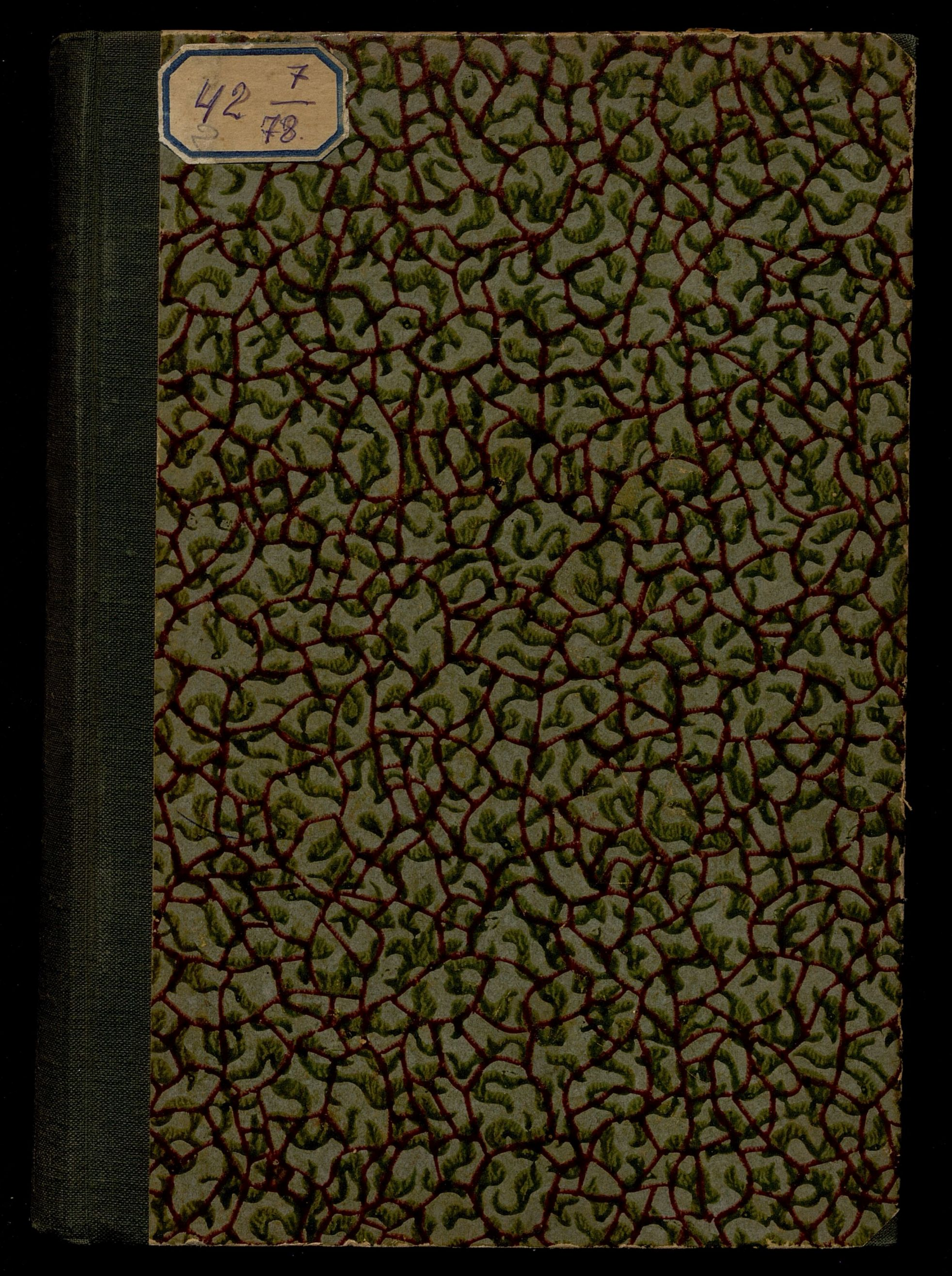
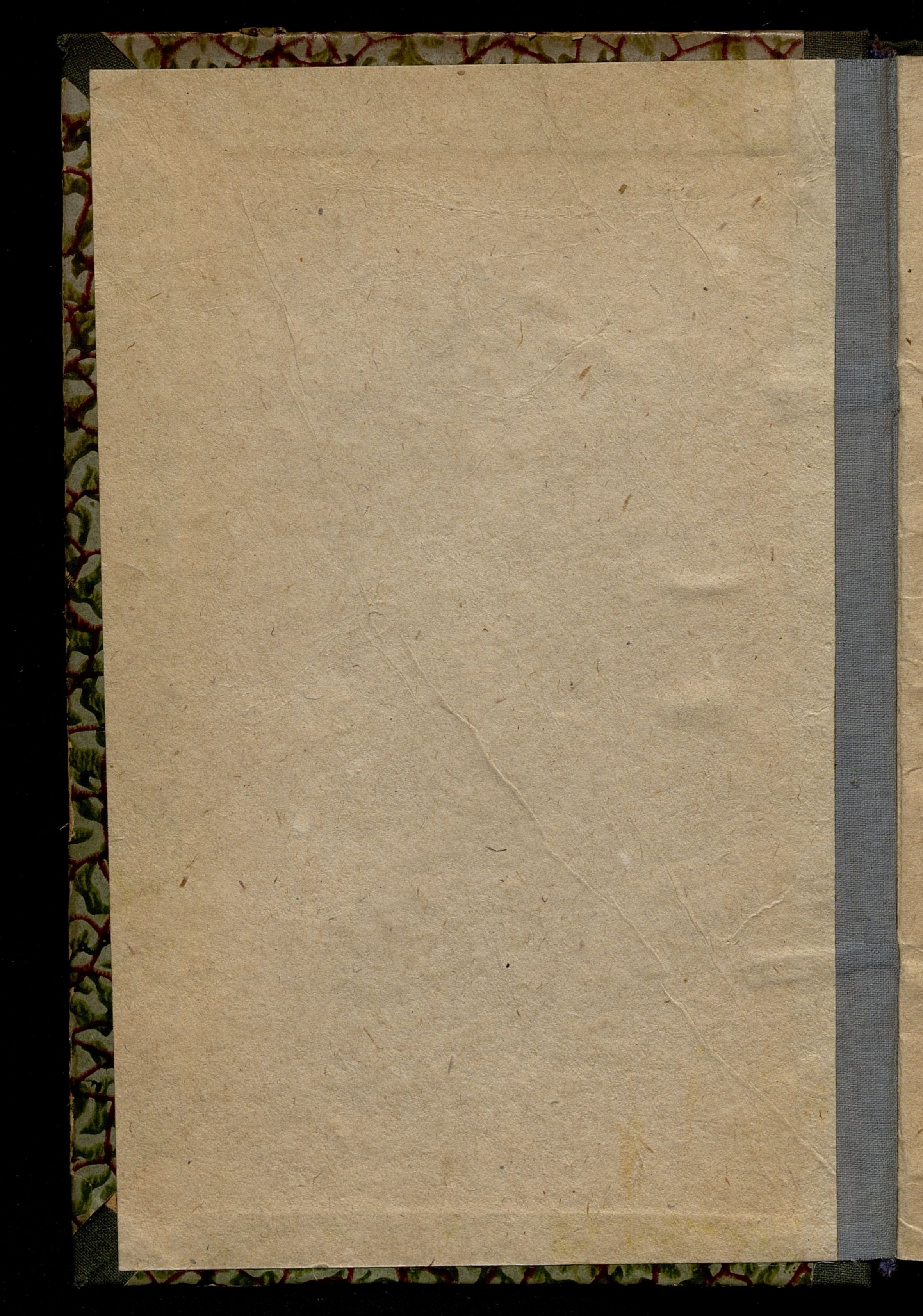

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ОТПРАВЛЕННЫХЪ

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ,

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Съ марта по сентябрь 1863 года).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.
1863.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
на 1863 годъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ, ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Магистра Миллера.

(Съ начала января по половину марта 1863. года).

По истеченіи зимняго вакаціоннаго времени, я продолжалъ слушать въ Берлинѣ тѣ самые курсы, о которыхъ уже говорилъ въ моемъ предъидущемъ отчетѣ. Теперь, съ исходомъ семестра, я могу сообщить объ нихъ полные и рѣшительные отзывы. Къ прежнимъ курсамъ присоединился еще у меня публичный курсъ профессора Вердера о Шекспировомъ «Гамлетѣ», начатый имъ только съ января текущаго года. Занимаясь собственно народною словесностью, этимъ *творчествомъ массъ*, я нашелъ однако же далеко не лишнимъ, ради сличенія, обратить вниманіе на лекціи о такомъ важномъ произведеніи творчества совершенно другаго рода, *творчества личнаго*,— каковъ «Гамлетъ», съ другой стороны представляющій такъ много и для психологическихъ выводовъ, особенно занимающихъ меня при изученіи словесности. Я полагаю, что при необходимости признать несостоятельностъ эстетики въ ея прежнемъ, односторонне-теоретическомъ значеніи, при необходимости перенести ее, по мысли В. Гумбольдта, на психологическую почву и обновить ее предварительнымъ изученіемъ такого многозначительнаго ряда новыхъ данныхъ, каковы данныя устной народной словесности, наконецъ при невозможности, на основаніи настоящей недостаточной разработки этихъ данныхъ, позволить себѣ создавать теорію,—при такомъ состояніи науки объ эстетическомъ творчествѣ, каѳедра ея, обыкновенно соединяемая у насъ съ каѳедрою словесности, должна бы оставаться пока совершенно прикладною, и профессору всего удоб-

нѣе было бы читать два отдѣльныхъ курса: одинъ — о творчествѣ устно-народномъ, творчествѣ массъ, и при этомъ специализировать свой предметъ изложеніемъ богатыхъ данныхъ отечественной народной словесности сравнительно съ данными устной словесности народовъ славянскихъ, а также и ближайшихъ къ славянамъ народовъ общаго индо-европейскаго корня; другой же курсъ, по относительной бѣдности отечественнаго лично-художественнаго творчества, посвятить разбору одного изъ міровыхъ поэтовъ Запада, или даже только нѣкоторыхъ, главнѣйшихъ произведеній такого поэта. Такъ, напримѣръ, я полагаю, что сравнительный анализъ двухъ такихъ произведеній, какъ «Лиръ» и «Гамлетъ», могъ бы служить не только полною характеристикою драматической поэзіи, но и вполнѣ удовлетворительною замѣною цѣлаго отвлеченнаго курса эстетики, а равно и важнымъ пособіемъ для психологіи и исторіи культуры. Къ сожалѣнію, курсъ о «Гамлетѣ» Вердера, несмотря на замѣчательное краснорѣчіе читавшаго, меня далеко не удовлетворилъ. Вердеръ оказался съ самаго начала ожесточеннымъ, а потому и не совсѣмъ справедливымъ противникомъ Гервинуса и другихъ нѣмецкихъ толкователей «Гамлета», которыхъ онъ упрекаетъ въ легкомысленномъ преувеличеніи слабости воли у несчастнаго датскаго принца и въ произвольномъ изображеніи его представителемъ слабыхъ сторонъ германизма. Въ этомъ воззрѣніи Вердера, по моему мнѣнію, есть большая доля правды, но онъ въ свою очередь вдается въ крайность противоположнаго рода, преувеличивая достоинства характера Гамлета и навязывая ему много такихъ соображеній, которыя собственно принадлежатъ только самому г. Вердеру.

Совершенно другимъ характеромъ отличалась скромная, далеко не многочисленная аудиторія Массмана, который, въ своемъ объясненіи «Нибелунговъ», не доводилъ своего сочувствія взглядамъ Гольцмана до догматическаго фанатизма: между тѣмъ какъ приверженецъ противоположной, лахмановой теоріи, Мюлленгофъ гремѣлъ въ своей сравнительно-многочисленной аудиторіи противъ гольцманіянцевъ, гремѣлъ противъ нихъ съ тою нестѣсняющеюся въ выраженіяхъ нетерпимостью, какою отличался покойный Лахманъ и особенно отличается въ наше время замѣчательнѣйшій изъ его послѣдователей, Гауптъ. Гуманная терпимость Массмана невольно заставляла примиряться со многими недостатками его курса, почему я и дослушалъ его до конца. Что касается лекцій о средневѣковой

литературѣ профессора Гоше, то, окончательно убѣдившись въ томъ, что тутъ, кромѣ номенклатуры источниковъ и пособій, ничего не будетъ, я уже въ началѣ января пересталъ ихъ слушать.

Философскія лекціи Группе, Тренделенбурга и Бона-Мейера были дослушаны мною до конца. Къ сожалѣнію, профессоръ Группе такъ плохо разсчиталъ свое время, что успѣлъ только дойти до Платона, на долю котораго достались двѣ послѣднія лекціи. Профессоръ Тренделенбургъ дочиталъ свой курсъ исторіи философіи до конца, но такой громадный предметъ, несмотря на пять лекцій въ недѣлю, при всѣхъ достоинствахъ читающаго, не можетъ быть удовлетворительно прочтенъ въ теченіе одного семестра. Мнѣ кажется, что несравненно сообразнѣе съ назначеніемъ университетскаго преподаванія поступилъ доцентъ Бона-Мейеръ, ограничившійся изложеніемъ одной только системы Канта; но и его прекрасный курсъ былъ бы еще лучше, если бы ему было посвящено болѣе одной лекціи въ недѣлю: до такой степени обширный предметъ составляетъ и одинъ философъ, подобный Канту. Курсъ психологіи профессора Тренделенбурга, при прекрасныхъ частностяхъ (наприм. о волѣ, какъ психическомъ *prius* въ человѣкѣ, о психическомъ значеніи языка и т. д.), однако же далеко меня не удовлетворилъ, по недостаточности въ немъ опытныхъ данныхъ, по отсутствію даже и элементовъ для *психологіи народовъ*, наконецъ по тому недостаточному вниманію, какое было обращено на важный періодъ дѣтства. Несмотря на то, что изъ числа старшихъ берлинскихъ профессоровъ философіи, Тренделенбургъ, какъ послѣдователь Аристотеля, всего болѣе склоненъ къ опытному направленію, и у него психологія еще остается предметомъ по преимуществу умозрительнымъ. Онъ даже не указываетъ съ достаточною опредѣлительностію на то, чего можно ожидать для рѣшенія психологическихъ вопросовъ—съ одной стороны отъ естественныхъ наукъ, преимущественно отъ физіологіи, съ другой—отъ опытныхъ наукъ гуманитарнаго круга. Между тѣмъ какъ одна изъ послѣднихъ, филологія (въ обширномъ смыслѣ этого слова) еще только начинаетъ сознавать въ себѣ призваніе содѣйствовать психологіи, физіологія въ послѣднее время уже громко предъявила свои права на это. Дать себѣ точный отчетъ въ настоящихъ отношеніяхъ физіологіи къ психологіи давно уже составляло для меня предметъ первой важности. Вслѣдствіе этого я обратился къ извѣстному Вирхофу съ просьбою наставить меня, какимъ образомъ я бы могъ

1*

познакомиться съ тѣми результатами естествознанія, которые соприкасаются съ психическими вопросами. Вотъ онъ-то, какъ я, помнится мнѣ, уже замѣтилъ въ первомъ моемъ отчетѣ, и указалъ мнѣ на Бона-Мейера, какъ на молодого философа, очень хорошо знакомаго и съ естественными науками. Это было еще въ октябрѣ прошедшаго года, и я, по совѣту Вирхофа, сейчасъ же сталъ посѣщать лекціи Мейера о Кантѣ. Въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ я могъ наконецъ и самъ, изъ того, что̀ слышалъ въ аудиторіи Мейера, достаточно удостовѣриться въ его знакомствѣ съ естествознаніемъ. Кромѣ того я увидѣлъ, что онъ столько же чуждъ стремленія удаляться отъ удобопонятнаго языка простыхъ смертныхъ, сколько и отъ той нетерпимости и того философскаго догматизма, какими особенно отличаются гегеліянцы (ненавистный имъ Тренделенбургъ чуждъ того и другаго, подобно Мейеру). Я замѣтилъ наконецъ, что, излагая ученіе Канта, Мейеръ стоитъ болѣе или менѣе и самъ на точкѣ зрѣнія этого философа, который, приступивъ къ изслѣдованію законовъ человѣческаго разума безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, съ неумолимымъ безпристрастіемъ и безстрастіемъ стремился отличить то, что̀ носитъ печать несомнѣнности и непреложности, отъ того, что̀ должно быть отнесено къ болѣе или менѣе психологически объяснимымъ чаяніямъ, къ болѣе или менѣе правдоподобнымъ гипотезамъ. Особенное расположеніе Мейера къ такому философу и знакомство его съ опытными науками вполнѣ ручались за трезвый и не исключительно спекулятивный характеръ его философствованія. Вотъ я и отправился къ нему въ началѣ января съ просьбою прочесть мнѣ privatissime небольшой психолого-физіологическій курсъ. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ первоначально готовился въ медики и занимался поэтому всего болѣе естественными науками, а потомъ уже перешелъ къ философіи. Словомъ, въ ходѣ его развитія произошло совершенно то же, что̀ было съ извѣстнѣйшимъ въ наше время самостоятельнымъ философомъ, гёттингенскимъ профессоромъ Лотце.

Предметомъ приватныхъ лекцій, слушанныхъ мною у Б. Мейера, былъ, такъ сказать, смежный вопросъ психологіи и физіологіи—вопросъ объ отношеніи интеллектуальной стороны человѣка къ физической. Сперва онъ разсмотрѣлъ различныя рѣшенія этого вопроса философами различныхъ школъ: матеріалистами, сенсуалистами, дуалистами, идеальными реалистами (Idealrealismus) и спиритуалистами. Изложивъ каждое изъ этихъ ученій въ его главнѣйшихъ

историческихъ видоизмѣненіяхъ, онъ критически разобралъ каждое, съ полнымъ безпристрастіемъ приводя *pro* и *contra* всевозможные доводы—какъ умозрительные, такъ и эмпирическіе. Особой лекціи изложенію того образа философствованія, которому слѣдуетъ онъ самъ, т. е. кантова критицизма, Б. Мейеръ не посвятилъ, полагая, что я уже достаточно знакомъ съ этимъ предметомъ по его университетскимъ лекціямъ. Дѣйствительно, изъ нихъ я уже давно понялъ, что критицизмъ Канта, обозначивъ ту довольно ограниченную сферу непреложнаго и несомнѣннаго, въ которой вращается человѣческій разумъ, вполнѣ доказалъ недоступность для него такъ называемыхъ *послѣднихъ вопросовъ*, т. е. невозможность вполнѣ удовлетворительнаго логическаго ихъ рѣшенія, и такимъ образомъ покончилъ разъ на всегда со всякою метафизикой. Но, покончивъ съ ней, а потому и съ философскимъ догматизмомъ, показавъ, что никакой догматизмъ не представляетъ вполнѣ убѣдительныхъ для разума *pro*, Кантъ въ то же самое время однако же показалъ, что никакой критицизмъ не можетъ привести противъ извѣстныхъ положительныхъ способовъ рѣшенія *послѣднихъ вопросовъ* вполнѣ разубѣждающихъ *contra*, что эти способы рѣшенія составляютъ, въ *практической сферѣ*, неотъемлемую потребность разума. Такое направленіе философіи Канта должно было повести къ той *терпимости мнѣній*, которая и въ философской сферѣ, какъ въ сферѣ религіозной, можетъ быть только слѣдствіемъ паденія догматизма. Философская терпимость, вытекающая изъ ученія Канта, составляетъ такимъ образомъ явленіе, вполнѣ соотвѣтствующее той религіозной терпимости, которая составляла одно изъ первыхъ и главныхъ дѣлъ XVIII столѣтія. Съ другой стороны, выставивъ на видъ неизбѣжное колебаніе умозрѣнія между этими недостаточно убѣждающими *pro* и недостаточно разубѣждающими *contra*, философія Канта должна была въ послѣднихъ своихъ результатахъ привести къ опытному пути. Матеріалы, собранные опытомъ въ различныхъ кругахъ знанія, и тѣ основные пріемы ума, на которые указалъ Кантъ и безъ формирующей силы которыхъ и изъ самаго богатаго опытнаго матеріала никогда бы не вышло стройное зданіе науки — вотъ два начала, отъ взаимнодѣйствія которыхъ мы въ настоящее время уже дождались строгаго разграниченія между положительнымъ знаніемъ и гипотезами, а въ будущемъ можемъ и должны ожидать все болѣе и болѣе удовлетворительной замѣны гипотетическаго положительнымъ. Разбору того, что въ настоящее время уже сдѣлано на опытной

почвѣ такъ называемымъ естествознаніемъ для рѣшенія вопроса о человѣкѣ, посвящены были Б. Мейеромъ послѣднія лекціи его приватнаго курса. Тутъ онъ показалъ, кàкъ съ одной стороны изъ все еще недостаточнаго количества фактовъ дѣлались слишкомъ торопливые выводы, сила которыхъ въ скоромъ времени убывала отъ вновь открываемыхъ фактовъ; съ другой же стороны, даже при фактахъ, значительно вѣсящихъ и количествомъ и качествомъ, часто не ставало умѣнія правильно, т. е. вполнѣ логически, ими воспользоваться для выводовъ. Главною причиною промаховъ было, съ одной стороны, стремленіе притягивать факты къ предвзятымъ взглядамъ, съ другой — даже и вполнѣ добросовѣстное неумѣніе многихъ эмпириковъ мыслить логически, т. е. недостатокъ того философскаго развитія головы, безъ котораго не далеко, или лучше сказать, не вѣрно пойдешь и съ самымъ богатымъ запасомъ опыта. Въ лекціи о душѣ животнаго и душѣ человѣка, Б. Мейеръ указалъ на важность для этого вопроса добросовѣстнаго и обстоятельнаго изученія быта и нравовъ такъ называемыхъ дикихъ народовъ, свѣденія о которыхъ почерпались до сихъ поръ изъ отчетовъ путешественниковъ, и притомъ безъ всякой критики, безъ всякихъ справокъ о добросовѣстности и наукообразномъ развитіи путешественника. Какъ на начало вполнѣ добросовѣстныхъ изслѣдованій по этой части, Б. Мейеръ указалъ на книгу одного изъ замѣчательнѣйшихъ гербартіанцевъ, Вайтца, «Anthropologie der Naturvölker». Особенную важность для рѣшенія того же вопроса имѣютъ изслѣдованія о языкѣ, этой коренной отличительной принадлежности человѣка, этомъ высокомъ его созданіи, съ которымъ связана цѣлая цѣпь другихъ созданій разума, обозначающихъ въ своей преемственности безконечный ходъ развитія человѣка. Дѣйствительно, если бы болѣе вникли, по примѣру В. Гумбольдта, въ языки дикихъ, и въ то, чтò повсемѣстно связано съ языкомъ, въ созданіе миѳа, обряда и пѣсни, эти повсемѣстные начатки умозрѣнія, искусства и словесности, то, конечно, болѣе были бы способны видѣть и въ дикарѣ — не орангутанга, а человѣка.

Психологическія лекціи Бона-Мейера такимъ образомъ привели меня къ тѣмъ же вспомогательнымъ для психологіи наукамъ, о которыхъ я уже довольно много говорилъ, характеризуя вновь создающуюся науку — психологію народовъ (см. мой первый отчетъ). Важное значеніе для нея филологіи въ обширномъ смыслѣ, и той части ея, на которой я остановился, изученіе народной словесности,

сдѣлалось теперь для меня окончательно яснымъ и несомнѣннымъ. Но пора наконецъ обратиться къ отчету о моихъ собственныхъ, домашнихъ занятіяхъ по народной словесности.

Я указывалъ уже въ предыдущемъ отчетѣ на народную основу «поэмы о Нибелунгахъ» и на различныя мнѣнія объ ней двухъ враждебныхъ между собою школъ — Лахмапа и Гольцмана. Желая лично убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли попытка Лахмана возстановить первоначальныя народныя пѣсни, изъ которыхъ, по его мнѣнію, составились «Нибелунги», до такой степени неудачна, какъ думаютъ гольцманіянцы, а отчасти и самъ Яковъ Гриммъ, я занялся сравненіемъ критически-урѣзанной Лахманомъ рукописи *A* съ гольцмановою рукописью *C*. Мнѣ пришлось убѣдиться, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ Лахманъ урѣзалъ то, чего дѣйствительно нельзя не признать измѣненіями или добавками позднѣйшаго времени, то вообще, въ основномъ результатѣ, его остроумно-ученая, но основанная преимущественно на внѣшнихъ признакахъ критика есть не болѣе, какъ талантливый *tour de force*, вслѣдствіе котораго, въ его *очищенномъ текстѣ*, «Нибелунги» утратили много такихъ прекрасныхъ подробностей, которыя принадлежатъ въ нихъ личному творчеству поэта-пересоздателя, и все-таки не сдѣлались похожими на простой сводъ безъискусственныхъ, чисто народныхъ пѣсенъ. Его, какъ онъ воображалъ, возстановленныя народныя пѣсни кажутся особенно не народными тому, кто знакомъ съ такими подлинными произведеніями устной поэзіи, какъ наши былины, которымъ соотвѣтствующаго уже не найдешь ничего и въ самыхъ старинныхъ сборникахъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ. (см. предыдущій отчетъ) Думая, что въ устныхъ сказаніяхъ Исландіи, этого отдаленнаго края, сохранившаго намъ пѣсни Эдды, должно было сохраниться и до сихъ поръ очень многое изъ сказаній о Сигфридѣ, этомъ главномъ героѣ «Нибелунговъ», я взялся за недавно изданную книгу Маурера: «Die isländischen Sagen der Gegenwart, aus der mündlichen Ueberlieferung gesammelt, etc». Эти сказанія оказались однако же по преимуществу миѳологическими, и послужили мнѣ только для сближеній со сборниками миѳологическихъ сказаній Куна и Рохольца. Всѣ эти книги я читалъ одновременно съ превосходнымъ сочиненіемъ Маннгордта «Germanische Mythen», посвященнымъ преимущественно изслѣдованіямъ о Торѣ и Гольдѣ — сравнительно съ соотвѣтствующими имъ божествами индійской миѳологіи. Для меня осо-

бенно интересны были изслѣдованія о Торѣ, представляющемъ много общаго съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о нашемъ Перунѣ.

На сродство нравовъ сѣвернаго и древне-германскаго эпоса съ древне-французскимъ я уже указывалъ въ предъидущемъ отчетѣ. Еще болѣе мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ сродствѣ по прочтеніи одного изъ древнѣйшихъ французскихъ романовъ, или, лучше сказать, *chansons de geste*, такъ-какъ это произведеніе есть не болѣе, какъ сводъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ и не носитъ еще и малѣйшаго слѣда позднѣйшей рыцарской цивилизаціи; это — «Garin le Loherain» (первые два тома—изд. Francisque Mischel, третій томъ—изд. Edelstand du Méril). Древность и безъискусственно народный характеръ этого произведенія даютъ уже прямое право на сличеніе его съ нашимъ народнымъ эпосомъ. Различіе бытовыхъ и моральныхъ основъ германскаго и славянскаго міра высказывается тутъ вполнѣ. Уже въ безъискусственномъ народномъ эпосѣ видны исходныя точки того историческаго пути, по которому пойдетъ развитіе той или другой народности. Всякое человѣческое развитіе состоитъ въ выводѣ человѣческаго *я* сперва изъ того порабощеннаго состоянія, въ какомъ держутъ его слѣпыя, но могучія силы природы, во все болѣе и болѣе возрастающемъ торжествѣ человѣческаго сознанія надъ этими слѣпыми силами; далѣе—въ торжествѣ человѣческаго *я* надъ узкостью и замкнутостью эгоистическихъ интересовъ, въ выходѣ изъ этой тѣсной замкнутости на просторъ все болѣе и болѣе расширяющихся отношеній, отношеній къ другимъ людямъ, при которыхъ человѣкъ только и можетъ достигнуть окончательнаго торжества надъ природой. Но, хотя въ такомъ постепенномъ расширеніи круга человѣческихъ отношеній и заключается историческое развитіе, ходъ этого развитія только тогда бываетъ вполнѣ нормальнымъ, когда эти, все болѣе и болѣе развивающіяся отношенія къ другимъ людямъ будутъ дѣйствительно расширять внутреннее содержаніе личности, а не стѣснять, не сковывать ее, когда обязанности, связанныя съ этими отношеніями, будутъ вытекать изъ основъ природы, будутъ на самомъ дѣлѣ только расширеніемъ естественныхъ человѣческихъ правъ. Жить не только своими, но и чужими, но и общими интересами — трудно, право, сказать, что̀ это: обязанность, или лучше, право нормальнаго человѣка? Природа, въ своемъ нормальномъ развитіи, начертала три концентрическихъ круга отношеній человѣка къ другимъ людямъ, три круга, въ которыхъ права совершенно сливаются съ обязанно-

стями. Право жить интересами цѣлой семьи, только въ обязанности заботиться объ ея счастіи видѣть полноту своего собственнаго счастія — вотъ первый кругъ этихъ правъ — обязанностей. Второй не упраздняетъ перваго, а только концентрически вмѣщаетъ его въ себѣ: семья, сохраняя свое значеніе для живущаго ею лица, поглощается семьею въ болѣе широкомъ смыслѣ — народомъ, и сердце отдѣльнаго человѣка, еще болѣе расширяясь, получаетъ право биться всею силою ощущеній великой семьи народной. Наконецъ третій кругъ, опять не упраздняя прежнихъ, а только ихъ совмѣщая въ себѣ, еще болѣе расширяетъ существованіе отдѣльнаго человѣка, указывая ему братьевъ всюду, во всемъ человѣческомъ родѣ. Таковъ нормальный путь нравственнаго развитія, но исторія далеко не всегда ведетъ этимъ нормальнымъ путемъ. Вмѣсто обязанностей, только расширяющихъ права человѣка, она умѣла развивать обязанности, сковывающія личность, и тѣмъ самымъ, подъ личиною самоотверженія, только болѣе ее погружающія въ топь эгоизма. Такъ называемымъ *правомъ сильнаго* ниспустившись на степень слѣпыхъ стихійныхъ силъ, т. е. отказавшись отъ лучшаго человѣческаго права, права не быть такою силою, человѣкъ сталъ давить, угнетать человѣка. Угнетенный, чтобы хоть сколько нибудь отстоять самого себя, взялся помогать угнетателю угнетать другихъ, отдалъ ему себя цѣликомъ, наложилъ на себя обязянность слѣпой ему вѣрности, а эта обязанность если и была также *правомъ*, то только правомъ владѣть въ награду какимъ нибудь клочкомъ земли, но уже никакъ не правомъ быть и сознавать себя человѣкомъ. Отсюда цѣлый кругъ неестественныхъ, т. е. извращающихъ природу, хотя и исторически-развившихся отношеній, отношеній господина къ его человѣку (des Lehnsherrn zu seinem Mann), сюзерена къ вассалу. Знаменитая въ эпохѣ и лѣтописи Запада вассальная вѣрность развивается прямо наперекоръ человѣческимъ отношеніямъ вообще (стоитъ вспомнить Вальтера Аквитанскаго, въ угоду своему Lehnsherrn нападающему на своего друга, Гагена, вымещающаго на благородномъ Сигфридѣ оскорбленіе своей госпожи; Рюдигера Бехеларскаго, который, по словамъ одного изъ мужей Гунтера, выплачиваетъ кровію этихъ, еще недавнихъ своихъ гостей, за землю и замокъ, полученные имъ въ ленъ!) Но и на мѣсто отношеній и обязанностей семейныхъ развиваются новыя и опять противуестественныя — родовыя. Вмѣсто естественнаго тяготѣнья къ семьѣ

является искусственная похвальба предками. И какъ первое расширяетъ личность, такъ послѣдняя съуживаетъ и унижаетъ ее, потому что тутъ является стремленіе придать себѣ вѣсу — чужимъ вѣсомъ. Отдѣльная личность въ родѣ теряетъ свою естественную человѣческую цѣнность, платясь за проступки другихъ родичей — и родовая месть въ состояніи безпощадно изводить не только виновнаго, но и родню его. Вотъ эти-то начала вассальной вѣрности и родовой мести и господствуютъ какъ въ древне-германскомъ, такъ и въ древне-французскомъ эпосѣ. Рѣзко выдаются они и въ «Garin le Loherain». Напротивъ нашъ богатырскій эпосъ стоитъ скорѣе на почвѣ тѣхъ нормальныхъ отношеній между людьми, на которыя я указалъ выше, а это, кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что тѣ культурныя начала, которыя придется намъ, хотя и загадочно—поздно, только со вторымъ тысячелѣтіемъ исторической нашей жизни, внести въ міровую исторію—начала, въ видѣ нетронувшихся сѣмянъ, сбереженныхъ народомъ въ его поэзіи и его нравахъ, будутъ уже началами совершенно новаго и лучшаго рода.

Другая древне-французская эпопея, на которую я обратилъ особенное вниманіе, относится уже къ значительно позднѣйшему времени и носитъ замѣтный отпечатокъ рыцарства. Это «Chevalerie Ogier de Danemarche» (ed. Barrois) — романъ, особенно замѣчательный по сходству отношеній между Ожье и Карломъ-Великимъ съ отношеніями между Ахилломъ и Агамемнономъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ въ нашемъ эпосѣ отношенія между Ильею Муромцемъ и Владиміромъ. Изъ сличенія этихъ сходныхъ отношеній въ трехъ различныхъ эпосахъ опять съ самой выгодной стороны выказываются воззрѣнія нашего народа. На проявленіе этихъ воззрѣній въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ указалъ я въ статьѣ о послѣднемъ, написанной мною на нѣмецкомъ языкѣ и прочтенной въ берлинскомъ обществѣ для изученія новыхъ языковъ. Національная нетерпимость нѣмцевъ довольно неблагосклонно встрѣтилась съ фактами, совершенно имъ незнакомыми и выгодными для русской народности. Не имѣя никакой возможности, по незнанію, опровергнуть эти факты, члены общества, въ возраженіяхъ, ими мнѣ сдѣланныхъ, старались по крайней мѣрѣ пріискать для нихъ менѣе выгодное толкованіе. Тѣмъ не менѣе статья моя, послѣ чтенія дополненная пояснительными примѣчаніями, будетъ помѣщена въ журналѣ общества (Archiv für das Studium der neueren Sprachen). Новыхъ, уже печатныхъ воз-

раженій на нее я буду ожидать въ Прагѣ, куда надѣюсь переѣхать послѣ праздниковъ, проводимыхъ мною въ Петербургѣ.

С.-Петербургъ, 19/31 марта 1863 года.

2) Кандидата Михаила Вольскаго.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я продолжалъ посѣщать лекціи избранныхъ мною профессоровъ берлинскаго университета, о которыхъ упоминалъ въ моемъ первомъ отчетѣ. Лекціи эти относились отчасти къ предмету, спеціально изучаемому мною, отчасти къ побочнымъ предметамъ, имѣющимъ связь съ наукою о народномъ хозяйствѣ. Въ настоящее время періодъ зимняго семестра окончился и я могу указать на общій характеръ и направленіе лекцій, не вдаваясь въ подробности и ограничиваясь преимущественно лекціями, относящимися къ политической экономіи.

Прежде всего остановлюсь на лекціяхъ доцента Фридлендера. Онѣ были посвящены той части политической экономіи, которая извѣстна подъ именемъ ученія о народномъ хозяйствѣ и въ которой излагаются общія теоретическія начала экономической науки. Главная цѣль профессора заключалась въ ясномъ и систематическомъ изложеніи основныхъ началъ науки. Поэтому, послѣ краткаго историческаго обзора, о которомъ я упоминалъ уже въ моемъ первомъ отчетѣ, онъ приступилъ къ опредѣленію экономическихъ терминовъ и понятій и вслѣдъ за тѣмъ началъ излагать теорію производства, обращенія, распредѣленія и потребленія богатствъ. Хотя лекціи его не представляли никакихъ замѣчательныхъ особенностей и оригинальныхъ воззрѣній, какъ на науку вообще, такъ и на отдѣльныя части ея, тѣмъ не менѣе показывали хорошее знакомство съ экономическою литературою, отличались послѣдовательностью и ясностью изложенія и вообще достаточно знакомили съ основными положеніями науки. Посѣщая эти лекціи, я имѣлъ въ виду не столько изложеніе отдѣльныхъ частей, сколько старался слѣдить за общимъ ходомъ изложенія, за послѣдовательностью развитія и за систематическою связью цѣлаго курса. Въ этомъ отношеніи лекціи Фридлендера принесли мнѣ извѣстную долю пользы.

Иной характеръ представляли лекціи Ганссена, читавшаго практическую часть народнаго хозяйства, подъ именемъ народно-хозяйственной политики (*Volkswirthschaftspolitik*). Въ курсѣ его заключалось изложеніе и обсужденіе различныхъ правительственныхъ

мѣръ, касающихся народнаго хозяйства и благоустройства. Общій матеріалъ, входящій въ область народно-хозяйственной политики, онъ подраздѣлилъ на слѣдующіе шесть отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (Ackerbaupolitik) онъ коснулся вопросовъ, относящихся къ земледѣлію, и довольно подробно изложилъ мѣры относительно сепараціи, регулированія, раздробленія поземельныхъ участковъ и земледѣльческаго кредита. Второй и третій отдѣлъ были посвящены обсужденію мѣръ, относящихся къ лѣсоводству и горному промыслу (Forstwirtschaftspolitik и Bergbaupolitik). Четвертый отдѣлъ относился къ промышленности (Industriepolitik), при чемъ главное вниманіе было обращено на организацію промышленной дѣятельности, именно на цеховое устройство и свободу промышленности, на систему покровительственныхъ пошлинъ и на нѣкоторыя другія мѣры, касающіяся промышленности, какъ-то: на клейма, преміи, патенты на изобрѣтенія, на правительственный контроль и т. д. Въ пятомъ отдѣлѣ говорилось о вѣсахъ и мѣрахъ, о базарахъ и ярмаркахъ, о монетной системѣ, о средствахъ сообщенія, о торговыхъ обществахъ, о консулахъ, о мѣрахъ относительно мореплаванія и вообще о мѣрахъ, относящихся къ торговлѣ (Handelspolitik). Наконецъ послѣдній отдѣлъ представлялъ изложеніе мѣръ, имѣющихъ отношеніе къ народному хозяйству и благосостоянію вообще. Къ этому отдѣлу Ганссенъ отнесъ мѣры относительно народонаселенія, таксы на заработную плату и на различные припасы, мѣры относительно законнаго опредѣленія величины процентовъ и законы о роскоши.

Цѣль лекцій Ганссена состояла не въ полномъ всестороннемъ изложеніи всего предмета народно-хозяйственной политики, а въ разсмотрѣніи и обсужденіи преимущественно тѣхъ отдѣловъ науки, которые по своему практическому значенію имѣютъ особенно близкое отношеніе къ народному хозяйству и благосостоянію. Этимъ объясняется, почему подробно излагая нѣкоторые отдѣлы, какъ напримѣръ, относящіеся къ поземельному законодательству, къ промышленному устройству, къ таможенной системѣ, онъ ограничивался краткимъ и сжатымъ изложеніемъ другихъ частей. Этимъ практическимъ стремленіемъ его лекцій объясняется также, почему главное вниманіе онъ обращалъ на современную жизнь и притомъ преимущественно и почти исключительно на жизнь германскихъ государствъ. Главная мысль, господствовавшая при его изложеніи, состояла въ томъ, что при обсужденіи различныхъ административ-

ныхъ и хозяйственныхъ правительственныхъ мѣръ не должно ограничиваться одними абстрактными воззрѣніями, а необходимо обращать вниманіе на мѣстныя и временныя условія, что́ одно можетъ спасти отъ неизбѣжныхъ ошибокъ. Наконецъ, что касается до самаго способа изложенія, то въ этомъ отношеніи лекціи Ганссена не представлялись вполнѣ удовлетворительными, вслѣдствіе недостатка послѣдовательности при изложеніи отдѣльныхъ частей. Обладая обширнымъ знаніемъ фактовъ и близко знакомый съ хозяйственнымъ законодательствомъ различныхъ германскихъ государствъ, онъ часто теряется въ изложеніи частностей и мелкихъ подробностей, неимѣющихъ тѣсной связи съ предметами главнаго изложенія, вслѣдствіе чего слушаніе лекцій его бываетъ иногда утомительно.

Кромѣ лекцій, читанныхъ въ здѣшнемъ университетѣ, мнѣ удалось присутствовать на политико-экономическихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Берлинѣ передъ собраніемъ рабочихъ. Упроченіе благосостоянія рабочаго класса посредствомъ возможно большаго развитія его гражданской свободы и экономической самостоятельности составляетъ величайшую и благороднѣйшую задачу нашего времени. Вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ возрастающее значеніе въ различныхъ государствахъ Германіи. Разрѣшенію его посвящены не только усилія частныхъ лицъ, но и правительствъ. Но чѣмъ болѣе изучаютъ этотъ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаются, что единственно вѣрное и дѣйствительное средство для его разрѣшенія заключается въ энергіи, усиліяхъ и самодѣятельности самаго рабочаго класса. Для этого необходимо только, чтобы онъ дѣйствовалъ не отдѣльно, не врозь, а совокупными силами, потому что только тогда онъ въ самомъ себѣ можетъ найти опору и силу, которой лишенъ нынѣ вслѣдствіе своего разобщенія и разъединенія. Это въ свою очередь требуетъ, чтобы рабочему классу была предоставлена большая свобода дѣйствій, большая возможность обсуживать свои интересы и совѣщаться о своихъ стремленіяхъ и цѣляхъ. Подобная необходимость чувствуется повсемѣстно и все болѣе и болѣе становится настоятельною и очевидною даже въ глазахъ самыхъ правительствъ. Въ теченіе нынѣшняго года, съ разрѣшенія саксонскаго правительства, въ Лейпцигѣ долженъ произойти общій конгрессъ работниковъ, на который должны съѣхаться представители работниковъ со всѣхъ концовъ Германіи. Цѣль конгресса по преимуществу—практическая и состоитъ въ обсужденіи и проведеніи нѣкоторыхъ мѣръ въ интересахъ рабочаго класса въ Германіи. По

этому поводу, въ январѣ мѣсяцѣ, въ Берлинѣ образовалось новое общество работниковъ съ цѣлью приготовить программу для конгресса отъ имени берлинскихъ работниковъ и вообще съ цѣлью содѣйствовать духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ своихъ членовъ. Общество, какъ гласитъ уставъ, основывается на естественно-законномъ принципѣ собственности и свободы соперничества, какъ на единственномъ залогѣ хозяйственнаго процвѣтанія и какъ на единственномъ принципѣ, удовлетворяющемъ требованіямъ всеобщей справедливости. Общество будетъ стремиться доставлять работникамъ надлежащее положеніе въ обществѣ и государствѣ и средствами для достиженія своихъ цѣлей будетъ употреблять лекціи, взаимныя бесѣды, изданіе популярныхъ экономическихъ сочиненій и т. п.

Въ настоящее время общество вполнѣ конституировалось и имѣло нѣсколько засѣданій, въ которыхъ читались лекціи здѣшнихъ представителей палаты, доктора Фоше и Шульце-Делича. Лекціи эти читаются при громадномъ стеченіи народа обыкновенно по воскресеньямъ, какъ въ наиболѣе свободное для работниковъ время.

Лекція Фоше касалась предмета, весьма близко знакомаго ему, и представляла чрезвычайно интересное изложеніе историческаго хода рабочаго движенія въ Англіи, гдѣ Фоше провелъ около 10 лѣтъ. Сначала онъ объяснилъ экономическія причины, почему движеніе работниковъ въ Англіи началось гораздо прежде, нежели въ другихъ странахъ Европы, при чемъ указалъ на раннее уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній и на тотъ великій переворотъ въ промышленности, который впервые совершился въ Англіи вслѣдствіе различныхъ изобрѣтеній и приложенія различныхъ механическихъ дѣятелей къ производству. Этотъ переворотъ, потребовавшій устройства большихъ мастерскихъ, возвысилъ заработную плату, привлекъ въ города значительную массу сельскаго населенія и вызвалъ существованіе многочисленнаго городскаго рабочаго класса. Вслѣдъ за указаніемъ причинъ ранняго появленія рабочаго класса въ Англіи, слѣдовало историческое изложеніе постепеннаго образованія рабочихъ обществъ съ цѣлью взаимнаго вспомоществованія, начиная съ половины семнадцатаго столѣтія, когда впервые образовалось общество свободныхъ каменьщиковъ, повлекшее за собою образованіе многихъ другихъ обществъ. Говоря о новѣйшихъ рабочихъ обществахъ, онъ упомянулъ о революціонномъ движеніи чартистовъ; потомъ представилъ характеристику нѣкоторыхъ обществъ, составленныхъ съ цѣлью улучшенія быта рабочаго класса, какъ-то обществъ

для улучшенія помѣщеній рабочаго класса, обществъ стремившихся доставить работникамъ поземельную собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ право голоса, наконецъ указалъ на различныя ассоціаціи для производства и потребленія. Этому благотворному движенію въ средѣ рабочаго сословія онъ приписываетъ самыя благодѣтельныя послѣдствія, какъ относительно улучшенія участи рабочаго класса, такъ и относительно государственнаго порядка и спокойствія. Въ то время, какъ во Франціи, въ 1848 году, возникло движеніе работниковъ съ цѣлью получать капиталы безъ процентовъ, съ желаніемъ постановить таксу на цѣны и на заработную плату, въ Англіи господствовалъ совершенно иной духъ, потому что англійскіе работники давно уже сознали, что этимъ способомъ нельзя достигнуть цѣли и приняли другой практическій путь, состоявшій въ учрежденіи различнаго рода ассоціацій, который привелъ ихъ къ несравненно болѣе плодотворнымъ послѣдствіямъ, нежели безплодная соціальная идея.

Подобнымъ же направленіемъ отличались лекціи Шульце-Делича, который стоитъ во главѣ здѣшняго движенія работниковъ, пользуется чрезвычайною популярностью и издавна извѣстенъ, какъ ревностный защитникъ ассоціацій, въ образованіи которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Главная цѣль Шульце-Делича состояла въ томъ, чтобы объяснить рабочему классу его настоящіе интересы и указать тѣ практическія средства, которыя можно употребить для улучшенія его быта. Но, приступая къ этой трудной и важной задачѣ, онъ считалъ необходимымъ распространить между ними здравыя понятія объ основныхъ естественныхъ законахъ всякой человѣческой дѣятельности въ области хозяйственнаго міра, потому что, по его мнѣнію, безъ знанія ихъ нѣтъ твердой основы для обсужденія общественныхъ недостатковъ и всѣ средства, при всей доброй волѣ и при самомъ обильномъ расточеніи силъ и богатствъ, окажутся недѣйствительными и не приведутъ къ достиженію желаемой цѣли. Руководимый этимъ побужденіемъ, Шульце-Деличъ предпринялъ цѣлый рядъ лекцій, въ которыхъ старался объяснить главныя экономическія понятія. Сначала онъ объяснилъ сущность, цѣль и значеніе человѣческаго труда, указалъ на формы и вспомогательныя средства его, а также на раздѣленіе труда и перешелъ потомъ къ объясненію сущности капитала, къ способамъ образованія его, къ значенію его въ хозяйственной дѣятельности и по отношенію къ труду. Здѣсь онъ съ особенною рельефностью старался указать на

ошибочность мнѣнія тѣхъ, которые противополагаютъ капиталъ труду, видятъ въ капиталѣ враждебный элементъ для работниковъ и находятъ борьбу тамъ, гдѣ въ сущности существуетъ необходимая и естественная связь, потому что только дружнымъ содѣйствіемъ этихъ дѣятелей обусловливается производство и благосостояніе всѣхъ классовъ. Далѣе слѣдовало объясненіе, какимъ образомъ достигается цѣль труда, состоящая въ удовлетвореніи разнообразныхъ человѣческихъ потребностей, посредствомъ мѣны и свободнаго соперничества. Послѣ этихъ общихъ понятій, Шульце - Деличъ приступилъ наконецъ къ главному предмету своихъ лекцій, именно къ объясненію и изложенію тѣхъ практическихъ способовъ и мѣръ, посредствомъ которыхъ можно помочь рабочему классу, при чемъ указалъ сначала на тѣ стороны въ жизни рабочаго класса, которыя требуютъ помощи и содѣйствія. Разбирая различные способы, которые предлагались и принимались для улучшенія бѣдственной участи рабочаго класса, онъ прежде всего остановился на системѣ государственныхъ вспомоществованій и вообще на соціалистическихъ системахъ, основанныхъ на вмѣшательствѣ государства, преимущественно же на системѣ Луи Блана, который желалъ устранить соперничество и преобладаніе капитала надъ трудомъ и потому предлагалъ, чтобы государство приняло на себя организацію труда и руководило производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Основываясь на предшествовавшемъ изложеніи экономическихъ законовъ, онъ съ большою убѣдительностью доказалъ всю несостоятельность подобныхъ мѣръ и, мало того, вредное вліяніе ихъ, какъ на матеріальное развитіе страны, такъ и на образованіе и на нравственность. Лекціи Шульце-Делича еще не окончились и въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи онъ вѣроятно перейдетъ къ объясненію тѣхъ средствъ, на которыя указываетъ политическая экономія, именно къ развитію образованія и къ распространенію духа товарищества и разнообразныхъ ассоціацій въ рабочемъ классѣ.

Послѣ этого общаго отчета о лекціяхъ, слышанныхъ мною въ Берлинѣ, я перейду къ нѣкоторымъ новымъ политико-экономическимъ сочиненіямъ, вышедшимъ въ послѣднее время въ Германіи.

Наука народнаго хозяйства, касаясь самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ современныхъ интересовъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Только при знаніи законовъ, излагаемыхъ ею, можно избѣжать ошибокъ и заблужденій при обсужденіи различныхъ вопросовъ относительно таможенъ, на-

логовъ, фабричной промышленности и другихъ предметовъ, глубоко затрогивающихъ интересъ общественной жизни и имѣющихъ громадное вліяніе на общественное благосостояніе. Такое постоянно возрастающее значеніе этой науки, тѣсная связь ея съ практическою жизнью и огромное вліяніе ея на благосостояніе общества суть главныя побудительныя причины той ревности, съ которою стараются какъ отдѣльные ученые, такъ и цѣлыя общества, распространить начала этой науки въ возможно широкихъ размѣрахъ между различными классами. Этимъ объясняется безпрерывное появленіе множества руководствъ, представляющихъ главныя начала этой науки въ систематической связи, съ цѣлью сдѣлать ихъ общедоступными. Не останавливаясь на мелкихъ сочиненіяхъ, я обращу здѣсь преимущественное вниманіе на два недавно вышедшихъ общихъ курса, характеризующихъ два различныя направленія въ наукѣ, именно на курсѣ Арнда: »Die Volkswirthschaft begründet auf unwandelbarem Naturgesetze» и на трехъ-томномъ руководствѣ Хуна Handbuch der Volkswirthschaftslehre und Volkswirthschaftspolitik.

Авторъ перваго курса, Арндъ, давно подвизается на поприщѣ политической экономіи и принадлежитъ къ числу строгихъ послѣдователей Смитовской школы. Главная цѣль изданнаго имъ сочиненія состоитъ въ изложеніи политико-экономическихъ началъ въ послѣдовательной и систематической связи, потому что, по его мнѣнію, экономическая наука хотя и основана на твердыхъ и незыблемыхъ научныхъ началахъ, тѣмъ не менѣе донынѣ страдаетъ еще недостаткомъ систематическаго научнаго изложенія. «Восемьдесять семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, говоритъ Арндъ, какъ шотландецъ Адамъ Смитъ издалъ свои изслѣдованія о народномъ богатствѣ. Изслѣдованія эти почти повсюду основываются на правильномъ пониманіи экономическихъ естественныхъ законовъ, но вслѣдствіе недостатка систематическаго порядка, недостатка связи и послѣдовательнаго развитія, ихъ рѣдко понимаютъ вполнѣ правильно. Вообще, всѣ попытки придать этому предмету систематическую научную форму не достигали до сихъ поръ своей цѣли; а еще болѣе попытки тѣхъ, которые отвергали воззрѣнія Смита и рѣшались самостоятельно строить новыя соціально-политическія системы. «Уже изъ этихъ словъ видно, что авторъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ экономистовъ, которые всю дальнѣйшую задачу экономической науки полагаютъ въ систематизаціи добытаго матеріала. Общая задача политической экономіи, по его словамъ, состоитъ въ указаніи

тѣхъ естественныхъ, неизмѣнныхъ, независимо отъ произвола человѣка существующихъ во всѣ времена и эпохи законовъ, на которыхъ зиждется хозяйственная жизнь образованныхъ народовъ. Эти законы, основанные на внутренней природѣ человѣка и вещей, представляются ему неизмѣнными и непреложными, подобно законамъ физическаго міра. Назначеніе науки состоитъ въ изложеніи этихъ неизмѣнныхъ законовъ и вытекающихъ изъ нихъ правилъ и послѣдствій безъ всякихъ уступокъ къ существующимъ правамъ, привилегіямъ и обычаямъ. Примѣнять эти общія начала науки къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ не есть дѣло науки, а дѣло законодательства и практики. Придерживаясь этихъ основаній, авторъ послѣдовательно проводитъ начало экономической свободы во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и является рѣшительнымъ противникомъ всякаго вмѣшательства общественной власти въ сферу хозяйственныхъ отношеній. Такъ, говоря о цехахъ, о таксахъ, о патентахъ на изобрѣтенія, о преміяхъ и покровительственныхъ пошлинахъ, онъ старается показать безусловную несостоятельность ихъ передъ началомъ соперничества и свободы. Соперничество или та физическая и духовная борьба, которая ведетъ къ торжеству и преобладанію болѣе сильнаго и совершеннаго надъ слабымъ и менѣе развитымъ, представляется ему тѣмъ естественнымъ двигателемъ и установленіемъ, которому вѣчный промыселъ предназначилъ постоянно будить дремлющія въ человѣкѣ силы и вести его къ безпредѣльному совершенствованію и развитію. Такимъ образомъ Арндъ является чистѣйшимъ теоретикомъ и не хочетъ признать за наукою право на сближеніе науки съ жизнью, о чемъ такъ хлопочутъ другіе экономисты. Такое направленіе еще рѣзче выступаетъ въ политической брошюрѣ его: «Das System Wilhelm Rocher's gegenüber der Volkswirthschaft» «Весьма странно, говоритъ онъ, что въ наше время, при всеобщемъ признаніи великаго значенія народнаго хозяйства, относительно сущности, содержанія и требованій его, между главными представителями науки существуетъ величайшее разногласіе». Такое явленіе онъ старается объяснить во первыхъ молодостью этой науки, а во вторыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она затрогиваетъ матеріальные интересы и тѣмъ лишаетъ безпристрастія лицъ, участвующихъ въ нихъ. Въ преніяхъ, возникающихъ по этому поводу, торговые люди выступаютъ противъ фабрикантовъ, либералы противъ монополистовъ, потребители противъ землевладѣльцевъ и представители науки думаютъ, что они обязаны явиться посредни-

ками. «Но, къ счастію, говоритъ Арндъ, для всѣхъ этихъ партій и посредниковъ существуетъ еще высшій трибуналъ — непреложная и неподкупная наука, стремящаяся содѣйствовать общему благосостоянію настоящаго и будущаго и старающаяся помочь развитію тѣхъ зародышей, которые Провидѣніе вложило въ человѣческую природу». Поэтому, желая разрѣшить эту борьбу интересовъ и мнѣній, Арндъ рѣшается выступить представителемъ и защитникомъ истинной науки и избираетъ систему Рошера, какъ сочиненіе, пріобрѣтшее наибольшее значеніе. Рошера онъ упрекаетъ въ томъ, что онъ не имѣетъ понятія о строго-научной формѣ, въ которой должно излагаться ученіе о народномъ хозяйствѣ, и вовсе не знаетъ тѣхъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ, разсмотрѣніе которыхъ подлежитъ экономической наукѣ. Такое неосновательное мнѣніе о Рошерѣ и вообще объ исторической школѣ происходитъ отъ недоразумѣнія и непониманія значенія ея. Историческій методъ, подобно идеальному, нисколько не отвергаетъ существованія извѣстныхъ законовъ, какъ это видно изъ изложенія самаго Арнда. Но, сознавая эти естественные законы и нисколько не отказываясь отъ прежде добытыхъ научныхъ изслѣдованій, онъ старается показать, какъ проявлялись эти законы при извѣстныхъ условіяхъ времени и пространства. Такимъ образомъ историческое направленіе въ наукѣ смотритъ на область политико-экономическихъ изслѣдованій несравненно шире, нежели идеальный методъ, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается та существенная и важная заслуга, которую онъ оказалъ наукѣ народнаго хозяйства. Исходя изъ этой мысли, онъ требуетъ также, чтобы при приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной жизни обращалось вниманіе на временныя и мѣстныя условія, среди которыхъ проходитъ жизнь народа. Поэтому назначеніе науки народнаго хозяйства, по мнѣнію исторической школы, состоитъ не въ томъ, чтобы давать административныя правила и предписывать опредѣленные рецепты для множества отдѣльныхъ случаевъ, такъ-какъ при самомъ значительномъ наружномъ сходствѣ подобныхъ случаевъ все таки существуютъ многочисленныя черты разнообразія, которыхъ нельзя упускать изъ виду. Напротивъ, задача ея состоитъ въ томъ, чтобы стараться точнымъ образомъ изслѣдовать, изучить и изложить хозяйственную жизнь, природу, отношенія, обычаи и потребности каждаго отдѣльнаго народа, разсмотрѣть и представить законы и учрежденія, назначенныя для осуществленія этихъ потребностей, и

наконецъ показать, какой успѣхъ имѣли эти законы и учрежденія, какое вліяніе оказывали на нихъ различныя внѣшнія и внутреннія условія и обстоятельства и какимъ образомъ были удалены соединенныя съ ними неудобства и упрочены дѣйствительныя выгоды ихъ.

Въ подобномъ духѣ историческаго направленія написано руководство къ народному хозяйству Хуна, состоящее изъ трехъ частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, чистую теорію или общія основанія и вѣчные законы производства, обращенія, распредѣленія и потребленія богатствъ, а также теорію и исторію народонаселенія. Двѣ остальныя части посвящены народно-хозяйственной политикѣ, именно въ одной излагается приложеніе этого ученія къ различнымъ отраслямъ первоначальнаго производства, какъ-то къ земледѣлію, рыбному и звѣриному промысламъ, скотоводству и лѣсоводству; въ другой приложеніе того же ученія къ промышленности и торговлѣ.

Излагая ученіе о народномъ хозяйствѣ, авторъ никогда не забываетъ напомнить, что излагаемые имъ хозяйственные законы суть результаты, выведенные изъ множества отдѣльныхъ случаевъ и имѣютъ значеніе только въ общей массѣ фактовъ, но что приложеніе ихъ къ практической жизни требуетъ вновь особенныхъ знаній, разумнаго пониманія и правильной оцѣнки каждаго отдѣльнаго случая и что только такимъ способомъ можно избавиться отъ многихъ погрѣшностей, хотя и нельзя совершенно избѣжать ихъ. Наука народнаго хозяйства находится въ такомъ же положеніи, какъ и всѣ другія науки, изъ которыхъ ни одна не можетъ утверждать, что она непогрѣшима во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ и что она достигла уже своей цѣли. Всѣ науки подлежатъ дальнѣйшему развитію и дальнѣйшей разработкѣ и наука о народномъ хозяйствѣ тѣмъ менѣе можетъ имѣть притязаній на совершенство, что она только въ послѣднее время вступила въ разрядъ наукъ, на обработку которыхъ употреблены уже цѣлыя столѣтія. Поэтому она можетъ представить намъ только совокупность добытыхъ и доказанныхъ доселѣ естественныхъ законовъ хозяйственной жизни, можетъ указать и оцѣнить замѣченные случаи приложенія и дѣйствія ихъ, сравнить пріобрѣтенные результаты и представить ихъ въ научномъ изложеніи. Но чѣмъ далѣе мы будемъ двигаться впередъ, чѣмъ шире будетъ становиться поле наблюденія, тѣмъ болѣе будутъ выступать новыя стороны хозяйственной жизни, новые неизвѣстные законы и слѣдствія ихъ и такимъ образомъ народно-

хозяйственное знанiе постепенно будетъ совершенствоваться и расширяться.

Главная цѣль Хуна при изданiи настоящаго сочиненiя состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать распространенiю науки народнаго хозяйства въ болѣе широкихъ размѣрахъ между народомъ. Сознавая недостатокъ существующихъ руководствъ, онъ старался, на основанiи лучшихъ источниковъ, преимущественно же слѣдуя изложенiю Рошера, представить изложенiе началъ науки народнаго хозяйства въ такомъ видѣ, чтобы оно было вполнѣ доступно и понятно всякому хотя нѣсколько образованному человѣку, не пренебрегая въ то же время требованiями научности. Ученiе о народномъ хозяйствѣ, говоритъ онъ, имѣетъ дѣло съ практическою жизнью, такъ-какъ оно занимается изслѣдованiемъ и изложенiемъ великихъ и вѣчныхъ естественныхъ законовъ, господствующихъ при производствѣ, распредѣленiи и потребленiи богатствъ. Оно касается слѣдовательно тѣхъ основанiй, которыя обусловливаютъ развитiе, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и составляетъ такимъ образомъ лучшую основу для дальнѣйшаго разсмотрѣнiя государственной и народной жизни, точное и правильное познанiе которой возможно только при основательномъ знанiи народно-хозяйственныхъ законовъ и ихъ послѣдствiй. Но, несмотря на такое важное значенiе ученiя о народномъ хозяйствѣ въ кругу новыхъ наукъ, оно, по крайней мѣрѣ во всей его цѣльности и совокупности, донынѣ оставалось почти чуждо народу и даже между образованными классами было не слишкомъ распространено. Хотя въ послѣднее время названiе этой науки было слишкомъ часто произносимо и даже нынѣ слышится изъ устъ многихъ людей, особенно при обсужденiи вопросовъ о промышленномъ законодательствѣ, таможенныхъ тарифахъ и другихъ интересахъ торговой жизни, тѣмъ не менѣе весьма рѣдко имѣютъ правильное и ясное понятiе о ней и весьма немногiе проникаютъ въ сущность этого ученiя. А между тѣмъ несомнѣнно, что возможно широкое распространенiе этой науки во всѣхъ слояхъ народа имѣетъ громадное значенiе и самыя благотворныя послѣдствiя, потому что наука народнаго хозяйства стремится содѣйствовать и споспѣшествовать благосостоянiю и счастiю, какъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ, такъ и цѣлаго человѣчества вообще. Она показываетъ намъ законы и силы, господствующiе и дѣйствующiе въ таинственномъ организмѣ народной жизни, научаетъ познавать ихъ и посредствомъ неоспоримыхъ фактовъ съ по-

бѣдоносною убѣдительностью доказываетъ, что все, совершаемое наперекоръ этимъ законамъ, разрушаетъ и потрясаетъ благосостояніе, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ организмовъ и что напротивъ, старательное и неизмѣнное соблюденіе и повиновеніе этимъ законамъ обезпечиваетъ и увеличиваетъ это благосостояніе. Въ общественномъ организмѣ народовъ происходитъ то же, что́ и въ человѣческомъ организмѣ. Малѣйшее поврежденіе одной части или одного органа болѣе или менѣе влечетъ за собою страданіе и болѣзнь цѣлаго организма; между тѣмъ какъ ненарушимое и законосообразное взаимодѣйствіе всѣхъ частей организма одаряетъ человѣческое тѣло обиліемъ здоровья.

Кромѣ этихъ сочиненій, обнимающихъ предметъ во всей его совокупности, новѣйшая нѣмецкая политико-экономическая литература представляетъ множество другихъ сочиненій, относящихся къ различнымъ отдѣламъ науки, какъ напр. сочиненіе Рошера «Die deutsche National-Ökonomik an der Gränzscheide des 16 und 17 Jahrhunderts», Данкварта «Nationalökonomisch-juristische Studien», Бемерта «Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens» и др. Нельзя также не упомянуть о новомъ сочиненіи Маурера «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland», составляющемъ важное пріобрѣтеніе не только для исторіи, но и для политической экономіи.

Берлинъ, 24/12 марта 1863 года.

3) Кандидата А. Веселовскаго.

Въ эти три мѣсяца я продолжалъ заниматься провансальскимъ языкомъ въ связи съ исторіей литературы; главнымъ занятіемъ дома было чтеніе Эдды и вопросъ о германскомъ героическомъ эпосѣ. Работа сосредоточилась преимущественно дома, потому что здѣсь лучше работалось и лекціи представляли мало интереснаго.

Со времени изданія Дицомъ его сочиненій о поэзіи и жизни трубадуровъ (Poesie der Troubadours. 1826 г. Leben und Werke der Troubadours 1829) и Ренуаровскаго словаря, по провансальской литературѣ сдѣлано мало замѣчательнаго. Издано нѣсколько новыхъ текстовъ Беккеромъ, Барчемъ, Гофманомъ, Келлеромъ, Гессаромъ, Маномъ, Фр. Мишелемъ, Саксомъ; но еще многое остается нетронутымъ, а многое издано такъ, что требуетъ новой повѣрки. Всего болѣе нуждается въ этомъ текстъ трубадуровъ. Рукописи

разсѣяны въ библіотекахъ Франціи, Италіи и Англіи; издатели большею частью принуждены были ограничиться какимъ нибудь однимъ, двумя изводами и по нимъ составляли сводный текстъ. Такимъ образомъ многое оставалось темнымъ и непонятнымъ, что̀ при знакомствѣ съ бо́льшимъ числомъ рукописей объяснилось бы само собою изъ разности чтеній. Еще хуже бывало, когда эти темныя и непонятныя мѣста издатель позволялъ себѣ комментировать и вносить въ лексиконъ, не справившись порядкомъ, точно ли лежитъ эта темнота и непонятность въ самомъ словѣ, а не въ неполнотѣ критическаго аппарата. Этимъ недостаткомъ отличаются изданія Барча. Въ словарѣ приложенномъ къ Peire Vidal's Lieder, можно найти совершенно не романское слово *neis* — leugnen (Beus posc dir ses tot neis), которое рукописи, бывшія у меня подъ руками, дѣлаютъ лишнимъ, читая: beus posc dir ses torneis. Такимъ же путемъ сказочное nelenquir-vernachlässigen (будто бы отъ negligere) обращается въ общепонятное relenquir-relinquere. Изданіе пѣсенъ Бергедана Келлеромъ кишитъ подобными ошибками. Отсюда можно заключить, что провансальская лексикографія недалеко ушла отъ критическаго изданія текстовъ: одно съ другимъ связано неразрывно. Возстановленіе лексикона забытаго языка идетъ всегда ощупью, смыслъ слова угадывается сначала изъ общаго содержанія фразы, онъ крѣпнетъ и упрочивается чѣмъ болѣе текстовъ перебываетъ въ рукахъ составителя; сильнымъ подспорьемъ бываетъ, если между текстами есть переводы, которыхъ оригиналы сохранились и есть возможность сравненія. Рошгюдъ всего чаще ссылается на провансальскій переводъ Бэды и священнаго писанія.

Но ни Рошгюдъ, ни Ренуаръ не имѣли подъ руками достаточнаго количества текстовъ, чтобы всегда точно установить значеніе слова и въ большей части случаевъ не угадать его по одной аналогіи. Послѣдующіе ученые не много принесли новаго, хотя за ними уже стояла грамматика Дица, прочно опредѣлившая организмъ романскаго слова и расширившая предѣлы аналогіи. Ренуаръ еще вѣрилъ, что провансальскій языкъ родоначальникъ всѣхъ романскихъ нарѣчій.

Все это пока о состояніи матеріальной части провансальской литературы. Прибавимъ къ этому, что отдѣлъ прозы, впрочемъ небогатый, остается почти вовсе нетронутымъ, если исключить немногіе отрывки, помѣщенные у Барча; что сочиненія Вальденсовъ издавались пока только въ приложеніи къ многочисленнымъ исто-

ріямъ секты, а Breviari d'amor напечатанъ только въ отрывкахъ Ренуаромъ, Маномъ и Саксомъ. Между тѣмъ извѣстно, какой значительный интересъ представляетъ въ исторіи образованія эта оригинальная литература, стоящая на границѣ народнаго повѣрья и схоластической науки, мѣшающая народный заговоръ съ тератологіей Востока, литература Tesoro, луцидаріевъ, лечебниковъ и букварей. Ея провансальскіе первообразы тѣмъ болѣе важны для насъ, что здѣсь впервые крайній Западъ сошелся съ Востокомъ и черезъ него познакомился съ древней Греціей. Срединное положеніе Прованса, гдѣ сходилось и расходилось столько вліяній, опредѣляетъ его мѣсто въ исторіи южно-европейской литературы.

Изъ школы трубадуровъ вышла искусственная лирика Италіи, Испаніи, Франціи, отчасти нѣмецкихъ миннезингеровъ. Этимъ объясняется, почему я позволилъ себѣ остановиться на ней особенно долго.

Такимъ образомъ, несмотря на наше уваженіе къ нѣмецкой издательской дѣятельности и къ varietas lectionum, та и другая оставляютъ насъ пока въ ожиданіи. Отъ французскихъ ученыхъ ожидать нечего; всѣмъ извѣстно, что романская наука стоитъ въ Германіи несравненно выше, чѣмъ въ какой либо романской странѣ; наконецъ французскіе ученые обращены почти исключительно къ собственной старинѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ императорское правительство закрѣпостило за собой археологію и рыцарскій романъ. Въ настоящее время берлинское общество изученія иностранныхъ языковъ отправило на свой счетъ доктора Грюцмахера осмотрѣть итальянскія и французскія библіотеки съ цѣлю ближе познакомиться съ провансальскими рукописями *). При помощи ожидаемыхъ отъ него матеріаловъ и значительнаго числа списковъ съ рукописей, собранныхъ докторомъ Маномъ, можно надѣяться, что изученіе провансальскихъ текстовъ подвинется впередъ и вмѣстѣ съ нимъ изученіе литературы.

Я сказалъ, что послѣ извѣстныхъ трудовъ Дица ничего новаго въ этомъ отношеніи не появлялось. О книгахъ Сисмонди, де Roisin,

---

*) Одинъ анекдотъ изъ частнаго письма, характеризующій католическія отношенія къ наукѣ: когда Грюцмахера допустили работать въ Ватиканъ, одинъ кардиналъ выразилъ ему свое скромное желаніе, чтобы все скандальное, находящееся въ стихотвореніяхъ трубадуровъ, не было напечатано! Такими же строго-нравственными требованіями руководились, какъ извѣстно, Millot, Ренуаръ и отчасти Форіэль. Грубости нѣмецкихъ ученыхъ мы одолжены тѣмъ, что знаемъ нѣсколько и оборотную сторону медали.

Бринкмейера, Closset можно, я думаю, и не говорить, особенно о двухъ послѣднихъ. Mila y Fontanals занялся исключительно испанскими трубадурами. Мы нарочно цитовали не въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность сказать нѣсколько словъ о книгѣ Форіэля: Histoire de la poésie provençale, 3 т. 1846. Это, собственно говоря, не ученый трудъ, написанный для печати, защищенный цитатами, заранѣе готовый на возраженія. Два годичныхъ курса, читанныхъ въ Парижѣ, нашлись въ бумагахъ покойнаго профессора, сшиты вмѣстѣ, урѣзаны, дополнены и вышла книга, носящая въ себѣ всѣ недостатки и всѣ преимущества живой устной рѣчи. Недостатокъ въ ученомъ аппаратѣ, въ неточности переводовъ и цитатъ. Безъ всего этого можно было обойтись на французской каѳедрѣ; слышанное на лету не легко запомнить и повѣрить; можетъ быть, оттого переводы сдѣланы небрежно, схватывая только общій смыслъ подлинника, какъ будто по памяти. При этомъ авторъ постоянно раскланивается съ слушателями, увѣряетъ, что никакой переводъ не въ силахъ передать подлинника, обѣщаетъ перевесть только тѣ строфы, которыхъ смыслъ ему понятенъ, но и съ этими строфами поступаетъ такъ, что могъ бы и отъ нихъ отказаться. Злые языки говорятъ, что онъ плохо зналъ провансальскій языкъ; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что имѣя подъ руками сокровища парижской библіотеки, онъ почти не пользовался ими и въ лирическомъ отдѣлѣ не пошелъ далѣе Ренуаровскаго изданія. Всѣ эти недостатки, объяснимые отчасти самымъ происхожденіемъ книги, уравновѣшиваются широкой манерой, которая такъ свойственна Форіэлю: широко набрасываются краски, раздвигаются вдаль рамки изслѣдованія и въ противоположность нѣмецкой мысли, углубляющейся въ почву, его мысль движется по землѣ, завоевывая далекіе страны и народы. Это ужь французская завоевательная система. Исторія провансальской литературы, пѣсни новыхъ грековъ, исторія южной Галліи — все это только обрывки одного громаднаго цѣлаго, которому не суждено было осуществиться. Въ средоточіи его стоялъ Провансъ съ его галльскою національностью, его классическими преданіями и борьбой съ Востокомъ во главѣ всего романскаго юга. Провансъ — представитель всей романской Европы; онъ разсылаетъ по ней своихъ трубадуровъ, циклы романовъ о Карловингахъ, о королѣ Артурѣ и хранителяхъ св. Граля и въ лицѣ Вальтера Аквитанскаго заявляетъ свой внутренній антагонизмъ съ германскимъ сѣверомъ. Какъ видно, это та же система Ренуара, переведенная

изъ грамматики на почву исторіи. Та и другая подвергались нареканіямъ и теперь оставлены; въ настоящее время никто не вѣритъ въ исключительную филіацію южныхъ романтическихъ сказаній съ провансальскимъ вымысломъ. Правда, Форіэлю еще не были извѣстны изслѣдованія Вильмарке о кельтскомъ эпосѣ, но во всякомъ случаѣ ему слѣдовало обратить болѣе серьёзное вниманіе на запутанный вопросъ. Онъ рѣшаетъ его очень категорически, не смущаясь отсутствіемъ данныхъ. «Говорятъ, что есть валлійскія народныя сказки, въ которыхъ Артуръ играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ въ тріадахъ и въ поэзіи бардовъ. Эти сказки мнѣ неизвѣстны; судя по нѣкоторымъ приведеннымъ отрывкамъ, король Артуръ является въ нихъ окруженный чудеснымъ, но это чудесное болѣе миѳологическаго, чѣмъ романическаго свойства». За тѣмъ всякая связь между кельтской сказкой и романами такъ называемаго кельтскаго цикла насильственно разрывается и послѣдніе лишены всякой народной основы. «Critico eminente, aunque algo sistematico» отзывается о Форіэлѣ Mila y Fontanals. Ошибка лежитъ въ системѣ, а система въ широкой манерѣ.

Дицъ не брался за исторію провансальской литературы. Его «Поэзія трубадуровъ» вращается преимущественно вокругъ вопросовъ о родахъ и видахъ и внутреннемъ устройствѣ поэтической производительности. «Біографіи трубадуровъ» говорятъ сами за себя. Форіэль задумалъ исторію литературы на обширныхъ основаніяхъ, подробно говоритъ о культурныхъ началахъ южной жизни и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на эпосѣ, на который Дицъ могъ дать только библіографическія указанія. Вторая половина втораго тома и бо́льшая часть третьяго посвящены исключительно провансальскому эпосу; изъ перваго тома сюда относятся главы объ Эддѣ, Нибелунгахъ и подробный разборъ Вальтера Аквитанскаго. Выше я указалъ въ немногихъ чертахъ, какимъ образомъ Форіэль отнесся къ главнымъ сторонамъ эпическаго вопроса. Здѣсь намъ особенно интересно остановиться на лирическомъ отдѣлѣ, которому отведена лишь небольшая часть его книги. Отличія французской и нѣмецкой науки рѣзко бросаются въ глаза. Между изданіями Дица и Форіэля прошло 15 — 20 лѣтъ, между тѣмъ Дица какъ будто не существовало, или онъ существуетъ, чтобъ была возможность сдѣлать на него общую ссылку и не воспользоваться его результатами. Какъ осторожно, методически обращается Дицъ съ скуднымъ матеріаломъ, бывшимъ у него подъ ру-

ками, такъ нецеремонно съ нимъ обращеніе Форіэля: быстро сортируются трубадуры по родамъ поэзіи, переиначивается смыслъ ихъ рѣчей, чтобъ удобнѣе было слушать французскому уху, а что грамматика отъ того страдаетъ, въ томъ никому дѣла нѣтъ. Многія стихотворенія размѣщены иначе, чѣмъ у Дица. Противъ этого нечего сказать, когда въ самихъ стихотвореніяхъ недостаетъ хронологическихъ указаній и всякому предоставлено руководиться своимъ собственнымъ чутьемъ. См. біографія Peire Vidal'я у Дица и Барча. Но тамъ, гдѣ есть твердыя данныя расположить факты такъ а не иначе, тамъ, разумѣется, нѣтъ мѣста произволу и критика Дица стоитъ головой выше критики французскаго ученаго. Обращаемъ вниманіе на біографію Бернара де-Вентадуръ у того и другаго. Тутъ можно найти у Форіэля, что Бернаръ пребывалъ въ Нормандіи у герцогини Элеоноры въ такое время, когда ея не было въ Нормандіи и она сидѣла на англійскомъ престолѣ. Обсчитавшись разъ, онъ потомъ всюду опаздываетъ. Разумѣется, это мелочныя ошибки, которыя не исключаютъ живаго пониманія цѣлаго, хотя этому пониманію сильно мѣшала провансальская гипотеза. Надо видѣть, какихъ усилій стоитъ автору сдѣлать на сколько возможно вѣроятнымъ провансальское происхожденіе нѣмецкаго Персеваля. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ указываетъ на Гійо *провансальца*, какъ на того, кто нашелъ эти приключенія написанными на языкѣ невѣрныхъ и разсказалъ ихъ по *французски*. Но самый романъ Вольфрама противорѣчитъ сообщаемому имъ извѣстію: все говоритъ въ немъ за французскій подлинникъ, всѣ попадающіяся романскія слова явно заимствованы съ французскаго. Такого рода фактъ не ускользнулъ и отъ Форіэля, но вмѣсто того, чтобъ оставить свою гипотезу, онъ старается доказать ее. Трудно предположить, чтобъ французскій языкъ, на которомъ Форіэль передалъ приключенія Персеваля, означалъ у Вольфрама фонъ Эшенбаха что-то болѣе широкое и общее, куда входитъ и langue d'oc и langue d'oil. За то возможно другое предположеніе, что Гійо былъ дѣйствительно провансалецъ, но писалъ по французски — и вслѣдъ за этимъ Форіэль собираетъ факты въ подтвержденіе такой комбинаціи: трубадуры не только вліяли на труверовъ сѣверной Франціи, они даже писали для нихъ. Всего интереснѣе, что въ той же главѣ, гдѣ все это доказывается, упомянутъ и Guyot de Provins, авторъ Bible Guyot, но безъ всякой связи съ главнымъ вопросомъ. Между тѣмъ этотъ Guyot de Provins и оказался впослѣдствіи тѣмъ воображае-

мымъ Гийо провансальцемъ, надъ отысканіемъ котораго такъ трудился Форіэль. Provins — провансальскій; на недоразумѣніи нѣмецкаго поэта построена система о провансальцахъ, писавшихъ на французскомъ языкѣ.

Въ отдѣлѣ лирической поэзіи трубадуровъ Форіэль отводитъ цѣлую главу на такъ называемый «genre populaire». Интересно посмотрѣть, что́ онъ подъ этимъ разумѣетъ. Невозможно предположить, говоритъ онъ, чтобъ воображеніе поэта, какъ бы развито оно ни было, не почувствовало себя стѣсненнымъ узкими рамками той поэтической системы, которая произвела провансальскую метрику и такъ называемую «трудною риѳму». Стремленіе къ большей свободѣ, къ нестѣсненному выраженію личнаго чувства должно было выразиться такъ или иначе. Всего естественнѣе было ему выразиться въ приближеніи къ народной пѣснѣ. Такъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ Форіэль: введеніе діалогической формы, птицы-вѣстники отъ трубадура къ его милой, пастореты, баллады (un petit poème destiné à être chanté en dansant), aubad'ы (albas) — все это Форіэль обнимаетъ однимъ названіемъ: genre populaire. Mila y Fontanals повторяетъ за нимъ то же самое. Намъ кажется, что въ томъ видѣ, въ какомъ эти стихотворенія народнаго стиля дошли до насъ, они не представляютъ ничего народнаго. Вся разница между ними и тѣми, на которыхъ легла позднѣйшая печать болѣе искусственной метрики сводится къ различію трудной и легкой риѳмы (caras, lengieras rimas); все различіе въ формѣ, не въ отношеніи къ предмету. Это отношеніе точно такое же вычурное, неоткровенное: тамъ и здѣсь, недостаетъ непосредственности народнаго чувства. Очень вѣроятно, что эти болѣе простыя формы и были когда-то народными, но чтобъ сдѣлать объ этомъ вѣрное заключеніе у насъ недостаетъ критеріума. Изъ той поры до насъ не дошло ни одной народной пѣсни, а пѣсни современныхъ романскихъ народовъ часто сами выросли на почвѣ, подготовленной искусственной лирикой. Любопытно сличить въ этомъ отношеніи пѣсни трубадуровъ съ произведеніями итальянскихъ поэтовъ XIII вѣка и потомъ на разстояніи пяти вѣковъ до современной народной пѣсни встрѣчать отголоски одного и того же мотива. При общей страсти къ сравненіямъ, взятымъ издалека, нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на общихъ отличіяхъ романской народной поэзіи отъ пѣсенъ германскихъ и въ особенности славянскихъ народовъ. Свѣжіе всходы тамъ и здѣсь, но между ними прошла цѣлая зима. Нѣмецкая сказка

гораздо ближе къ эпохѣ переселенія, когда создались эпическіе круги Сигфрида и Дидриха; стоитъ сравнить собранные Гриммомъ Sigfriedmärchen съ сагами Эдды о Нифлунгухъ, почти не мѣняя почвы, оставаясь въ одной и той же средѣ. Пѣсни романскихъ народовъ (за исключеніемъ развѣ румынскихъ) выросли на слѣдахъ развитой городской жизни, гражданскихъ усобицъ, рыцарскаго романа и вѣжливости — мы стоимъ здѣсь на почвѣ трубадуровъ и за ними и черезъ нихъ слышимъ о классическихъ преданіяхъ Рима и Греціи, но и это преданія книжныя. За нароставшими другъ на друга слоями мы не доберемся до твердаго эпическаго грунта; итальянскіе rispetti твердятъ безъ разбора о Юпитерѣ и Венерѣ, Неронѣ и Роландѣ, объ Іоаннѣ Богословѣ и тиволійской розѣ. Свѣжее народное чувство, разумѣется, относится къ своей задачѣ нѣсколько иначе, чѣмъ искусственная лирика провансальцевъ. Оно честнѣе, наивнѣе, оно также часто обращается къ природѣ, только оно любитъ ее; у ней есть свои эпическіе обороты, повторяющіеся мотивы, ходящія выраженія. Эпическое пониманіе лирическихъ мотивовъ — вотъ, по нашему мнѣнію, отличительная черта романской народной пѣсни. Лирическое содержаніе дано долгой исторической жизнью; сословный характеръ исторіи, туго идущей внизу и лихорадочно развивающейся по верхамъ, дало возможность разнымъ средамъ различнымъ образомъ отнестись къ одной и той же идеѣ. Такъ обращеніе трубадура къ природѣ и веснѣ приняло въ итальянскихъ stornelli совершенно эпическій оборотъ.

Если Гейзе изъ лирическаго содержанія итальянскихъ народныхъ пѣсенъ выводитъ заключеніе о характерѣ народа, онъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на ходъ исторіи. Сравненіе возможно только между сходными величинами и при сходныхъ условіяхъ, иначе предстоитъ опасность возвести въ характерическое отличіе субъекта, что̀ объясняется естественными условіями времени.

Мартъ 1863 годъ.

4) Кандидата законовѣденія Льва Ждановича.

Отправляясь за границу для спеціальныхъ занятій по предметамъ государственнаго благоустройства и финансоваго права, я рѣшился преимущественно заниматься первымъ, собственно потому, что наука государственнаго благоустройства, составляя у насъ только съ недавняго времени особый отдѣлъ права и самостоятельную науку, представляетъ собою предметъ, весьма мало обработанный

во всѣхъ отношеніяхъ, въ чемъ я достаточно убѣдился во время моего 2-хъ лѣтняго преподаванія этого предмета въ лицеѣ князя Безбородко. Поэтому, начавъ еще тамъ заниматься разработкою означеннаго предмета, я рѣшаюсь продолжать этотъ трудъ и далѣе; къ тому же занятія по наукѣ государственнаго благоустройства служатъ подготовительнымъ трудомъ къ наукѣ финансовъ, которою, въ свою очередь, я намѣренъ заняться въ послѣдній семестръ моего пребыванія за границею. Теперь же главнымъ образомъ, какъ я сказалъ прежде, занятія мои сосредоточиваются на наукѣ государственнаго благоустройства.

На основаніи этой цѣли, составленная мною программа для моихъ нынѣшнихъ занятій заключается въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ отчетливомъ изученіи науки народнаго хозяйства (Volkswirthschaftslehre) и народнохозяйственной политики вообще, какъ въ ихъ современномъ состояніи, такъ и въ историческомъ развитіи; во 2-хъ, въ изученіи тѣхъ частей законодательства, какого нибудь развитаго народа въ экономическомъ отношеніи, гдѣ выразились мѣры правительства къ развитію народнаго матеріальнаго благосостоянія; но такъ какъ эти мѣры въ дѣлѣ народнаго хозяйства ограничиваются большею частью или только устраненіемъ причинъ, задерживающихъ развитіе народной экономической дѣятельности, или же иногда само правительство, для примѣра и побужденія общества къ развитію извѣстной отрасли производства, является какъ отдѣльный самостоятельный хозяинъ-дѣятель; во всякомъ же случаѣ, такъ какъ подобная дѣятельность не есть единственный рычагъ, движущій развитіе народной экономіи,—то я полагаю обратить особенное вниманіе на другую главнѣйшую причину развитія народнаго благосостоянія—это на дѣятельность образованнаго общества извѣстной страны. Изъ этого естественно долженъ вытекать слѣдующій, 3-й отдѣлъ моихъ занятій: изученіе тѣхъ мѣръ общества, посредствомъ которыхъ оно подвигаетъ развитіе народнаго богатства по всѣмъ отраслямъ производства; сюда должно быть отнесено: изученіе уставовъ и образа дѣйствій банковъ для земледѣльческаго, ремесленнаго и коммерческаго кредита; статутовъ и образа дѣйствій различныхъ страховыхъ и тѣхъ акціонерныхъ компаній, цѣль дѣятельности которыхъ стремится болѣе къ доставленію извѣстныхъ благъ всему народу, чѣмъ преимущественно къ одной лишь частной прибыли акціонеровъ; кромѣ того сюда входятъ еще: мѣры и дѣйствія различныхъ обществъ къ поддержанію, покровительству и развитію нѣ-

которыхъ особыхъ вѣтвей промышленности; способы присужденія наградъ и привилегій; ученые съѣзды разныхъ обществъ, ихъ диспуты, предлагаемые и рѣшаемые ими вопросы по разнымъ отраслямъ народнаго хозяйства (касающіеся болѣе теоріи нежели техники народнаго хозяйства); организація цеховъ, городскаго хозяйства, а также и совѣтовъ, управляющихъ онымъ; устройство и сравнительная степень совершенства благотворительныхъ заведеній и предпріятій къ облегченію пауперизма въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я посѣщу. Наконецъ, такъ какъ матеріальное благосостояніе народа находится въ непосредственной зависимости отъ его развитія интеллектуальнаго и нравственнаго, то я нахожу необходимымъ познакомиться съ пріуготовительными и общеобразовательными заведеніями вообще и съ реальными въ особенности.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ общественной дѣятельности будетъ изученъ мною во 1-хъ на столько, какъ позволитъ мнѣ время; а во 2-хъ, на сколько это будетъ пригодно для моего предмета и полезно для обсужденія однородныхъ вопросовъ въ нашей отечественной экономической дѣятельности.

Кромѣ исчисленныхъ мною занятій, касающихся собственно самаго предмета государственнаго благоустройства, я намѣренъ еще слушать лекціи статистики, какъ предмета вспомогательнаго для моей науки, а также и государственнаго права, въ область котораго существеннѣйшимъ образомъ входитъ наука государственнаго благоустройства.

Вышеизложенная сложность моей программы естественно происходитъ оттого, что здѣсь нѣтъ, какъ у насъ въ Россіи, особой каѳедры для науки и законовъ государственнаго благоустройства; ибо въ государствахъ стоящихъ на высшей ступени цивилизаціи, не правительство, а само общество двигаетъ развитіе народной экономической дѣятельности; поэтому нѣтъ и надобности въ особомъ экономическомъ законодательствѣ. Здѣсь же составъ нашей науки государственнаго благоустройства распадается между слѣдующими науками: наукою народнаго хозяйства съ хозяйственною политикою, началами государственнаго права вообще и административнаго права (Staatsverwaltungsrecht) въ особенности. Полицейскаго права сюда причислить нельзя; ибо, имѣя своею цѣлью непосредственное препятствованіе нарушенію внѣшняго порядка въ народѣ, оно этимъ самымъ существенно различается и отдѣляется отъ законовъ государственнаго благоустройства, цѣль которыхъ есть — самое созида-

ніе возможно совершеннаго матеріальнаго и моральнаго благосостоянія и порядка народнаго. По крайней мѣрѣ, я такъ разумѣю смыслъ нашихъ законовъ государственнаго благоустройства.

И такъ, сложивъ себѣ программу для изученія науки государственнаго благоустройства изъ двухъ существенныхъ частей: изъ чисто научныхъ занятій по вышеназваннымъ предметамъ и изученія отчасти правительственной, а болѣе этого общественной дѣятельности на пользу и развитіе народнаго хозяйства, при чемъ необходимо еще и нѣкоторое наблюденіе надъ самымъ движеніемъ и явленіями народно-экономической дѣятельности, — я рѣшился, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, избрать мѣстомъ моихъ занятій Лейпцигъ, находя что лекціи, профессоровъ здѣшняго университета (въ особенности г-на Рошера) совершенно соотвѣтствуютъ первому отдѣлу моей программы, а высоко развитая, самая разнообразная экономическая дѣятельность Саксоніи (благодаря разнообразію ея почвы, ситуаціонныхъ случайностей и густотѣ населенія), вполнѣ можетъ удовлетворить и второму отдѣлу оной, т. е. познакомить меня съ самымъ удачнымъ примѣненіемъ теоретическихъ началъ науки народнаго хозяйства къ практикѣ, а это — главная задача науки и законовъ государственнаго благоустройства!

Въ истекшемъ семестрѣ, къ концу котораго я прибылъ изъ Берлина въ Лейпцигъ, я слушалъ здѣсь профессора Рошера, который читалъ по 4 часа въ недѣлю Practische Nationalökonomik und Wirthschaftspolizei, и также по 2 часа Geschichte der Politischen und Socialen Theorien. Лекціи эти нашелъ я въ высшей степени для себя полезными. Не распространяюсь о содержаніи и значеніи этихъ лекцій въ чисто-ученомъ отношеніи, ибо уже та извѣстность, которою пользуется професторъ Рошеръ въ ученомъ мірѣ, болѣе чѣмъ достаточно говорятъ о его эрудиціи, которая вполнѣ высказывается и въ его лекціяхъ; но считаю весьма не лишнимъ передать здѣсь о самомъ способѣ его преподаванія.

Внѣшней, блестящей стороны въ его чтеніяхъ, вовсе нѣтъ; скорѣе его лекціи, при самомъ отчетливомъ выраженіи мысли, отличаются совершенною простотою и безъискусственностью рѣчи; но въ этомъ то именно и заключается высокое ихъ достоинство, потому что вниманіе слушателя не раздробляется между разборомъ хитро и красно-сплетенныхъ фразъ и ихъ смысломъ, не останавливается на отдѣльныхъ мѣстахъ и выраженіяхъ, а плавно и спокойно слѣдитъ за ходомъ и развитіемъ мысли профессора, чрезъ что каж-

дая высказанная имъ мысль является для слушателя совершенно понятною и ясною. Кромѣ того я нахожу, что сжатыя но вполнѣ отчетливо выраженныя мысли профессора заставляютъ внимательнаго слушателя остановиться послѣ лекціи на этихъ мысляхъ и поработать головою надъ дальнѣйшимъ и пространнѣйшимъ ихъ развитіемъ. Касаясь какого нибудь ученаго вопроса, пр. Рошеръ дѣлаетъ сперва самую ясную постановку онаго и, уже этимъ самымъ какъ будто вызываетъ слушателя на разборъ и рѣшеніе изложеннаго вопроса; потомъ, совершенно уклоняясь отъ высказыванія своего собственнаго рѣшенія на счетъ предложеннаго вопроса, онъ начинаетъ кратко излагать и сравнивать мнѣнія, въ различныя времена и различными лицами высказанныя pro и contra его вопроса. При этомъ нельзя не удивляться той массѣ знаній и библіографическихъ свѣденій, которыя въ подобныхъ случаяхъ высказываетъ пр. Рошеръ; но нужно замѣтить, что въ этомъ высказываніи не видно и тѣни ученаго тщеславія, а просто онъ выбираетъ изъ своихъ свѣденій то, что необходимо для аудиторіи и что подходитъ къ рѣшенію заданнаго вопроса; — лишняго при этомъ онъ ничего не выскажетъ. Уклонивъ себя отъ личнаго разрѣшенія, онъ, незамѣтно, чрезъ изложеніе и разборъ чужихъ мнѣній, доводитъ слушателя до всесторонняго пониманія и до правильнаго разрѣшенія вопроса. Весьма рѣдко профессоръ Рошеръ берется самъ разрѣшить вопросъ, или высказать свой окончательный приговоръ на счетъ чьего либо ученаго мнѣнія; — понятно, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы слушатели не приходили на лекціи какъ въ какой нибудь магазинъ, за готовыми результатами науки, а доходили бы до нихъ путемъ пониманія и собственной разработки тѣхъ матеріаловъ, которые имъ передаетъ преподаватель. Однажды на лекціи онъ ясно высказалъ это желаніе своимъ слушателямъ.

Вполнѣ оцѣнивая высокое значеніе лекцій пр. Рошера во всѣхъ отношеніяхъ, я желалъ бы болѣе подробно передать о нихъ вообще, и о содержаніи нѣкоторыхъ по исторіи экономическихъ и соціальныхъ теорій въ особенности, но полагаю, что будетъ болѣе удобнымъ изложить это въ особой статьѣ (которую надѣюсь скоро представить), а не въ самомъ отчетѣ.

Кромѣ лекцій профессора Рошера, я посѣщалъ еще лекціи профессора Арнса (Arns) по государственному праву; но о нихъ не могу сказать ничего особеннаго, ибо по своему содержанію онѣ мало относились къ моему предмету.

Въ наступающемъ семестрѣ (съ 15-го апрѣля по 20-е августа) я намѣренъ слушать пр. Рошера, который будетъ читать: Theoretische Nationalökonomie и Vergleichende Statistik; профессора Кернда (Kerndt): Praktische Nationalökonomie, хотя этотъ профессоръ имѣетъ не очень много слушателей; и еще профессора Шлеттера (Schletter): Sächsisches Staats- Verfassungs- und Verwaltungsrecht; собственно же по теоріи государственнаго права въ этомъ семестрѣ слушать будетъ некого, ибо пр. Арнсъ (не знаю почему) читать не будетъ, никто же другой его не замѣняетъ.

Лейпцигъ. $^{14}/_{26}$ марта, 1863 года.

5) Кандидата Адріана Копылова.

Прибывъ въ Берлинъ 3-го февраля нов. ст., я засталъ лекціи зимняго семестра въ концѣ, и потому въ качествѣ не матрикулированнаго, долженъ былъ ограничиться не постояннымъ посѣщеніемъ лекцій, имѣя въ виду составить, по крайней мѣрѣ, заключеніе, на сколько удобно будетъ исполненіе принятаго мною плана занятій. Планъ этотъ имѣлъ главною цѣлью, при занятіяхъ всеобщей исторіей, обратить наибольшее вниманіе на внутреннюю государственную исторію главнѣйшихъ западно-европейскихъ народовъ, или, другими словами, на главную часть того, что́ у нѣкоторыхъ историковъ носитъ названіе исторіи общества, въ отличіе отъ исторіи человѣка, т. е. его вѣры, науки, искусства и пр. Послѣдняя, а равно и внѣшняя государственная исторія, хотя тоже не должны были быть совершенно выпущенными изъ круга моихъ занятій, но я полагалъ имъ дать второстепенное мѣсто, болѣе для лучшаго уясненія и дополненія главнаго предмета.

Результатомъ сдѣланнаго мною до сихъ поръ знакомства съ университетомъ было то, что я рѣшился остаться на слѣдующій семестръ въ Берлинѣ и обратить особенное вниманіе на чтенія пр. *Моммзена*, который будетъ излагать исторію первоначальныхъ временъ римской имперіи и римскую государственную исторію. Эти лекціи и приноровленныя къ нимъ домашнія занятія, уяснивъ государственную исторію Рима, послужатъ самымъ естественнымъ переходомъ къ исторіи тѣхъ явленій, которыя римская жизнь внесла въ средневѣковое юридическое устройство, а слѣдовательно къ дальнѣйшей послѣдовательной работѣ. Значительнымъ удобствомъ будетъ служить и то, что большая часть историческихъ каѳедръ бер-

линскаго университета будетъ занята чтеніями по древней исторіи, могущими имѣть большее или меньшее отношеніе къ исторіи Рима, такъ напр. проф. *Яффе* будетъ читать о древней хронологіи, пр. *Дройзенъ* исторію древняго востока, пр. *Штейнталь* сравнительную миѳологію и проч. Что касается до такъ называемыхъ историческихъ упражненій (Uebungen), которыя въ минувшій семестръ производились профессорами Дройзеномъ, Ранке, Кепке и Яффе, то изъ того знакомства, которое я успѣлъ сдѣлать съ нѣкоторыми изъ подобныхъ упражненій, и изъ того, что́ слышалъ о другихъ, я долженъ подобнаго рода занятія признать для себя покамѣсть или недоступными, какъ напр. упражненія Дройзена, производимыя имъ у себя на дому и для избраннаго числа слушателей, или мало полезными по причинѣ незначительной самодѣятельности, даваемой занимающимся и слишкомъ спеціальному предмету занятія. Такъ, напримѣръ, знаменитый *Ранке* на своихъ Uebungen занимался чтеніемъ и объясненіемъ Адама Бременскаго, а пр. *Яффе* особенное вниманіе обратилъ на палеографическія объясненія. Правда, послѣдній сообщалъ сверхъ того много данныхъ объ источникахъ средневѣковой итальянской исторіи, но, къ сожалѣнію, ограничивался по большей части такъ называемыми источниками первой руки (средневѣковыя хроники и пр.); такъ что для мало знакомаго съ исторической литературой гораздо удобнѣе отыскивать матеріалъ для работы по недавно вышедшему сочиненію *Подгаста* «Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters», гдѣ, кромѣ замѣчательнѣйшихъ источниковъ первой руки (Geschichtsquellen), показаны также Erleuchtende Schriften т. е. новѣйшія сочиненія, могущія служить для объясненія при изученіи хроникъ.

Домашнія мои занятія въ теченіе прошедшихъ двухъ мѣсяцевъ заключались: 1) въ служащемъ для приготовленія къ лекціямъ будущаго семестра чтеніи Моммзеновой римской исторіи въ связи съ чтеніемъ сочиненія *Peter'а* «Studien zur römischen Geschichte mit besonderer Beziehung auf Th. Mommsen»; 2) въ изученіи исторіи и литературы государственныхъ наукъ по извѣстному сочиненію *Р. Моля* «Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften».

Берлинъ, $^{15}/_{27}$ марта 1863 года.

6) Константина Нейлисова.

Честь имѣю донести, что въ теченіе второй половины зимняго семестра сего 186$^{2}/_{3}$ академическаго года я продолжалъ посѣщать

лекціи профессоровъ Бера и Штарка, и кромѣ того самостоятельно и независимо отъ университетскихъ лекцій занимался изученіемъ римскихъ авторовъ, именно сатиръ Ювенала, исторій Тацита, философскихъ сочиненій Цицерона (de officiis и de natura deorum), и римскими древностями, по недавно вышедшему второму тому руководства Ланге *).

Относительно въ высшей степени полезныхъ и занимательныхъ лекцій профессора Бера я уже имѣлъ честь донести департаменту народнаго просвѣщенія въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, и потому упомяну здѣсь только о начатомъ этимъ профессоромъ, послѣ новаго года, объясненіи Эсхиловыхъ Персовъ, на что онъ употреблялъ двѣ лекціи въ недѣлю, которыя въ первую половину семестра были назначены для энциклопедіи филологіи. Приступивъ, послѣ предварительнаго взгляда на происхожденіе и развитіе драматическаго искусства у грековъ, къ объясненію самой трагедіи, онъ обращалъ преимущественное вниманіе на хоры, которые дошли до насъ въ весьма испорченномъ видѣ и, несмотря на труды многихъ ученыхъ, представляютъ еще обширное поле для критики. Держась Диндорфскаго текста (Тейбнеровское изданіе 1862 года) и сравнивая его во всѣхъ мѣстахъ, представляющихъ нѣкотораго рода сомнѣніе, съ чтеніемъ Бломфильда, Ланге и Германна, онъ вездѣ старался объяснить и оправдать рукописное чтеніе, и прибѣгалъ къ измѣненіямъ и догадкамъ только тамъ, гдѣ крайняя и очевидная испорченность текста требовала этого неотзовно **). Съ особенною подробностью объясненъ былъ конецъ трагедіи, начиная съ 853 стиха. При чтеніи діалогическихъ частей трагедіи, непредставляющихъ столько трудностей въ отношеніи лингвистическомъ, профессоръ Беръ обращалъ большее вниманіе на реальную сторону,

---

*) Этотъ томъ, обнимая время отъ Лициніевыхъ законовъ до реформъ, произведенныхъ Гракхами, то есть періодъ господства чиновной аристократіи, излагаетъ образованіе и постепенное развитіе сословія такъ называемыхъ nobiles, и потомъ устройство сената и народнаго вѣча (comitia centuriata и tributa), этихъ двухъ средоточій политической жизни римскаго народа въ упомянутый періодъ времени.

**) Совершенную противоположность такому раціонально-консервативному методу профессора Бера представляетъ изданіе «Персовъ» Гартунга (Aeschylo's Perser, mit prüfenden und erklärenden Anmerkungen, Leipzig, 1853). Объявивъ около 100 стиховъ подложными и выбросивъ ихъ, Гартунгъ бо́льшую часть остальныхъ стиховъ подвергаетъ самымъ произвольнымъ и насильственнымъ измѣненіямъ. Но всѣ почти его объясненія натянуты и нисколько не убѣдительны. Вообще изъ этого изданія можно видѣть, до чего доходитъ субъективная критика.

и съ этою цѣлію постоянно сравнивалъ слова Эсхила съ разсказомъ Геродота о великихъ побѣдахъ грековъ при Саламинѣ и подъ Платеями. Оставшіяся за тѣмъ, по окончаніи объясненія трагедіи, три или четыре лекціи онъ употребилъ на подробный ея разборъ, въ отношеніи національномъ, религіозно-нравственномъ и художественномъ. Здѣсь онъ между, прочимъ, указалъ на то, что въ трагедіи «Персы» мы не находимъ еще, какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ того же Эсхила и въ трагедіяхъ Софокла, рѣзко очерченныхъ индивидуальныхъ характеровъ, и въ этомъ отношеніи онъ сравниваетъ «Персовъ» и ставитъ ихъ на одну степень развитія искусства съ Эгинскими мраморами, въ которыхъ, при самой художественной отдѣлкѣ человѣческаго тѣла, лица не представляютъ никакой индивидуальности. Это та степень искусства, когда оно не вполнѣ еще успѣло освободиться отъ вліянія на него религіозныхъ вѣрованій, которыя ограничивали его предѣлами обычныхъ формъ, не позволяя еще ни ваятелю, ни трагическому поэту представить полный человѣческій индивидуумъ, съ его личнымъ характеромъ и со всѣми его особенностями. Совершенной эманципаціи искусство достигло во времена Фидія и Софокла.

Письменные переводы съ нѣмецкаго языка на греческій и латинскій, которыми, сверхъ объясненія Платонова Критона и диспутовъ на латинскомъ языкѣ, профессоръ Беръ занималъ студентовъ въ филологической семинаріи, были задаваемы имъ изъ Лукіанова разговора Nigrinus и изъ рѣчи Рункена doctor umbraticus.

Не могу не замѣтить еще, что чтеніе и объясненіе древнихъ авторовъ слѣдовало бы производить профессору совокупно съ студентами, то есть такъ, чтобы сами студенты переводили и отчасти объясняли, а профессоръ только руководилъ этими занятіями. Иначе нерѣдко случается, что слушатели, не вполнѣ понявъ объясненія профессора, составляютъ себѣ о многихъ мѣстахъ переводимаго автора понятіе не совсѣмъ точное и вѣрное, тѣмъ болѣе, что здѣсь не принято прерывать профессора и предлагать ему на лекціи вопросы. Правда, въ филологической семинаріи студенты принимаютъ самодѣятельное въ объясненіи авторовъ участіе, но число назначенныхъ для этого предмета лекцій слишкомъ недостаточно.

Слѣдующій семестръ я намѣренъ провести въ Боннскомъ университетѣ, славящемся филологическимъ факультетомъ, тѣмъ болѣе, что профессоръ Беръ, при прощаніи со мною, самъ совѣтовалъ мнѣ слушать тамошнихъ знаменитыхъ ученыхъ Ричля и Яна.

Въ заключеніе исчисляю филологическія лекціи, объявленныя въ здѣшнемъ университетѣ на лѣтній семестръ этого года:

Проф. Беръ: 1) Латинская стилистика, письменныя латинскія упражненія и объясненія сатиръ Ювенала (2 лекціи).
2) Объясненіе «Облаковъ» Аристофана (2 лекціи).
3) Латинскіе диспуты, письменныя греческія упражненія и объясненіе одной изъ рѣчей Демосѳена (2 лекціи въ филологической семинаріи).

Пр. Штаркъ: 1) Объясненіе стихотвореній Катулла (2 лекціи).
2) Археологія искусства въ систематическомъ обзорѣ, съ обращеніемъ исключительнаго вниманія на архитектуру (4 лекціи).
3) Исторія искусства у древнихъ народовъ Востока (египтянъ, ассиріянъ, персовъ, финикіянъ, малоазіятцевъ) (2 лекціи).
4) Объясненіе Электры Софокла (2 лекціи въ филологической семинаріи).

Пр. Кайзеръ: 1) Объясненіе Софоклова Эдипа царя (2 лекціи).
2) Греческія государственныя и юридическія древности (4 лекціи).
3) Грамматическія и метрическія упражненія (2 лекціи).
4) Объясненіе риторики Аристотеля (2 лекціи въ филологической семинаріи).

Объявленныя доцентами Гофманомъ, Лебо и Онкеномъ лекціи вѣроятно не будутъ читаемы, по недостатку слушателей, какъ это было уже два семестра сряду. Общее число объявленныхъ ими лекцій 16.

Гейдельбергъ, 16/28 марта 1863 года.

7) Кандидата Александра Пассовера.

Честь имѣю представить отчетъ за первые три мѣсяца моихъ занятій, т. е. вѣрнѣе за первые два, потому что хотя командировка моя считается съ 12-го января, но по разнымъ обстоятельствамъ, я получилъ заграничный паспортъ не ранѣе 13-го февраля и не могъ оставить Петербурга ранѣе 14-го, а Россію—16-го числа. Такимъ образомъ на этотъ разъ мнѣ придется давать отчетъ за весьма небольшой промежутокъ времени, съ двадцатыхъ чиселъ февраля по первыя числа апрѣля.

Къ сожалѣнію, я выѣхалъ въ Германію въ такое время, когда университетскіе курсы приходили къ концу и наступили вакаціи. Стало быть, особенно спѣшить было нечего: я все равно уже не могъ воспользоваться какъ слѣдуетъ лекціями зимняго семестра. Имѣя въ виду это обстоятельство, я избралъ не самый кратчайшій путь до ближайшаго мѣста моего назначенія: я поѣхалъ въ Гейдельбергъ на Вѣну. Въ Вѣнѣ я пробылъ столько времени, чтобы познакомиться съ тамошнимъ университетомъ и съ преподаваніемъ нѣкоторыхъ изъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ. Политическія науки, вообще говоря, въ Австріи не процвѣтаютъ—по обстоятельствамъ, впрочемъ, совершенно независящимъ отъ самой науки. Но австрійскому правительству удалось пріобрѣсти для вѣнскаго университета одного ученаго, который самъ по себѣ, для начинающаго русскаго спеціалиста, можетъ восполнить недостатокъ въ Вѣнѣ знаменитостей по большей части политическихъ каѳедръ. Это—бывшій кильскій профессоръ *Штейнъ*, занимающій теперь въ вѣнскомъ университетѣ каѳедры политической экономіи и административнаго права (Verwaltungslehre). Иностранцы рѣдко посѣщаютъ его лекціи, вѣроятно мало довѣряя его профессорскимъ способностямъ. У насъ онъ извѣстенъ во 1-хъ какъ авторъ превосходной книги о соціализмѣ и коммунизмѣ, которую всѣ превозносятъ, но немногіе прочли; во 2-хъ, какъ авторъ далеко еще неконченной «Системы политической науки». Послѣдняя книга у насъ еще менѣе читается, да и тутъ въ Германіи она имѣла не болѣе какъ succès d'estime. Штейну ставятъ въ упрекъ, что переселеніе его на австрійскую почву отразилось и на его научныхъ политическихъ взглядахъ; что обществу онъ уже не даетъ того преобладающаго значенія въ сферѣ политики, какъ прежде; что свои идеалы онъ примиряетъ черезъ чуръ легко и поспѣшно съ политической дѣйствительностью. Наконецъ его обвиняютъ въ пристрастіи къ пустой категоризаціи, къ вычурнымъ выкладкамъ по поводу самыхъ простыхъ, обыденныхъ истинъ. Моль прямо назвалъ его схоластикомъ. Хуже всего конечно то, что послѣдній упрекъ совершенно справедливъ. Кто знакомъ съ прекрасными и по мысли и по изложенію трудами Штейна о *соціализмѣ* и въ особенности о *соціальномъ движеніи во Франціи* *), тотъ съ трудомъ узнаетъ того же автора въ *Системѣ* и въ мно-

---

*) Это сочиненіе Ш. называетъ новымъ, передѣланнымъ изданіемъ своей книги о соціализмѣ. Въ сущности—это совершенно самостоятельный трудъ.

гочисленныхъ анонимныхъ статьяхъ, разбросанныхъ въ *Deutsche Vierteljahrsschrift* за послѣднія 10 лѣтъ. Сколько тамъ ясности, живости, столько тутъ схоластики! Но признаюсь, что этотъ великій схоластикъ въ литературѣ совершенно очаровалъ меня съ каѳедры. Я еще не встрѣчалъ профессора, который бы такъ овладѣлъ своей наукой, какъ Штейнъ, со стороны формы и содержанія ея. Я полагаю, что помимо научнаго достоинства его лекцій (которое въ Штейнѣ не можетъ удивить), стоитъ съѣздить въ Вѣну поучиться у него умѣнью излагать самыя трудныя части науки просто, наглядно, научно, *популярно*, въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. И то правда, что тутъ одного природнаго умѣнья мало: необходимо распоряжаться всѣмъ матеріаломъ науки такъ, какъ распоряжается имъ Штейнъ, а это въ свою очередь не дается сразу, это—результатъ, выработывавшійся вѣроятно очень медленно, плодъ многолѣтнихъ теоретическихъ и практическихъ занятій, въ данномъ случаѣ политической экономіей. Замѣчательно, что самые даровитые, самые живые представители современной германской науки политической экономіи, *Штейнъ* и *Б. Гильдебрандъ*, воспитались во первыхъ на серьёзной критикѣ соціализма и потомъ на практическомъ изученіи дѣла на мѣстѣ—въ Парижѣ, Лондонѣ, Манчестерѣ, Ліонѣ.

Изъ вѣнскихъ профессоровъ по юридическому факультету пользуется хорошей репутаціей даже внѣ Австріи—*Унгеръ*. Онъ читаетъ австрійское гражданское право по своему руководству и съ постоянными указаніями на *Bürgerliches Gesetzbuch*. Такимъ образомъ его лекціи представляютъ не иное что какъ дѣльный коментарій на австрійскій сводъ законовъ. Эта метода, во многихъ отношеніяхъ очень сподручная, имѣетъ свои недостатки, которыхъ нѣмецкіе студенты однакожъ, кажется, не замѣчаютъ. Вообще дѣятельность вѣнскаго университета вовсе не направлена на образованіе будущихъ дѣятелей науки. Съ него довольно, если онъ ежегодно выпускаетъ положенное число дѣльныхъ практиковъ, администраторовъ, чиновниковъ, т. е. болѣе или менѣе искусныхъ рутинистовъ. Этимъ объясняется, почему въ Вѣнѣ сравнительно мало заботятся о философскихъ каѳедрахъ, напр. философіи права, теоріи государства (такъ называемой Allgemeine Staatslehre), общегосударственнаго права (Allgem. Staatsrecht), наконецъ о каѳедрахъ исторіи. Всѣ эти каѳедры или вовсе не замѣщены, или же замѣщены весьма скудными силами. Это рѣзко-практическое направленіе всей

системы преподаванія въ Австріи, должно быть, не осталось безъ вліянія на характеръ изложенія Унгера; самъ по себѣ онъ могъ бы идти далѣе казуистическаго поясненія подлежащихъ §§ австрійскаго кодекса. Своимъ трудомъ о *Бракѣ въ его всемірно-историческомъ развитіи* онъ доказалъ, что ему не чужды ни философское образованіе, ни глубокія свѣдѣнія по исторіи. Тѣмъ не менѣе, повторяю, его лекціи носятъ исключительно-догматическій и казуистическій характеръ, а въ спискѣ лекцій другихъ профессоровъ я не нашелъ курса, отъ котораго можно бы надѣяться надлежащаго восполненія этого пробѣла—отсутствія элементовъ философскаго и историческаго.

Кромѣ Штейна и Унгера, я успѣлъ еще нѣсколько ознакомиться съ преподаваніемъ *Циммермана*, который занимаетъ каѳедру практической философіи. Этотъ философъ пользуется и у насъ нѣкоторой извѣстностью: если не ошибаюсь, его «Пропедевтика» введена въ руководство въ остзейскихъ гимназіяхъ, въ высшихъ классахъ. Но практическаго я нашелъ очень мало въ его «практической философіи». На каждомъ шагу у него попадаются духъ, матерія, сила, тѣло, высшая природа человѣка, борьба съ чувственной и т. п. очень употребительные, но въ наукѣ очень мистическіе термины, и съ которыми рѣдко кто связываетъ опредѣленныя понятія. У Циммермана все основано на постулатахъ, разумную необходимость которыхъ профессоръ не считаетъ удобнымъ мотивировать.

Вотъ и всѣ результаты моихъ *наблюденій* за первые мѣсяцы моего пребыванія за границей. Что же касается до того, что нѣмцы называютъ Studien, то объ нихъ я не упоминалъ, потому что онѣ еще только впереди. До сихъ поръ я могъ только кое-какъ приготовиться къ слушанію лекцій нѣкоторыхъ изъ наиболѣе надежныхъ профессоровъ, какъ-то Гейссера (по исторіи) и Целлера (по философіи). Точно также я думаю прослушать курсъ политики у профессора Блюнчли. Вообще на первыхъ порахъ я стараюсь ограничить число слушаемыхъ мною курсовъ возможнымъ minimum'омъ. Недостатки прежнихъ нашихъ занятій извѣстны: приходится восполнять пробѣлы не только университетскаго курса, но и гимназическаго; а это можно сдѣлать не иначе, какъ занимаясь по большей части у себя дома, кабинетнымъ образомъ, а отнюдь не въ аудиторіяхъ. Такъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что не мѣшаетъ мнѣ освѣжить нѣсколько свое знаніе классической древности. Такого знанія, какое здѣсь выносятъ гимназисты изъ гимназій, т. е.

филологическаго, я конечно не пріобрѣту. Я по необходимости долженъ довольствоваться легкимъ обновленіемъ, повтореніемъ того, что̀ и въ свое время пріобрѣталось и пріобрѣлось, увы! не въ томъ объемѣ и не въ томъ видѣ, какъ бы слѣдовало.

Гейдельбергъ, $^{3}/_{15}$ апрѣля 1863 года.

8) Кандидата М. Стефановича.

Получивши паспортъ $^{14}/_{26}$ февраля, на другой же день я отправился въ Берлинъ, гдѣ и остановился для занятій. Но такъ-какъ чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ въ тамошнемъ университетѣ прекратилось чтеніе лекцій и откроется не раньше послѣднихъ чиселъ апрѣля, то это время я долженъ былъ посвятить на домашнія занятія. Не вдаваясь вдругъ въ спеціальность, я рѣшился первоначально поближе и посолиднѣе изучить главнѣйшія историческія явленія вообще. На будущій семестръ я избралъ предметомъ изученія древнюю исторію. Съ этою цѣлію я намѣренъ слушать лекціи проф. Дройзена «Alte Geschichte» и проф. Момзена «Geschichte der früheren römischen Kaiserzeit». Лекціи проф. Момзена имѣютъ для меня двойной интересъ: какъ по своему предмету вообще, который давно уже не былъ содержаніемъ монографіи лучшихъ историковъ, такъ и по отношенію къ моимъ будущимъ спеціальнымъ занятіямъ; такъ-какъ въ эпоху, которую будетъ разсматривать Момзенъ въ своихъ чтеніяхъ, и среди обстоятельствъ того времени христіанство появилось, первоначально развилось и начало входить въ жизнь человѣчества. А я намѣренъ спеціально заняться впослѣдствіи изученіемъ внутренняго духовнаго развитія средневѣковаго человѣчества. Слѣдовательно слушаніе лекцій проф. Момзена будетъ какъ бы введеніемъ въ эти занятія. Впрочемъ, слушаніе лекцій лучшихъ профессоровъ имѣетъ для насъ значеніе не только по ихъ содержанію, которое конечно должно предполагаться вполнѣ цѣннымъ и по обилію матеріала, самостоятельности обработки и отсутствію компилятивнаго характера, но оно очень важно еще для ознакомленія съ ихъ методомъ изложенія, системою и объемомъ, какой они даютъ своимъ академическимъ чтеніямъ. На этомъ основаніи я намѣренъ посѣщать по временамъ и лекціи профессоровъ, предметъ которыхъ и не имѣетъ прямаго отношенія къ моимъ занятіямъ, но которые отличаются даромъ изложенія.

Необходимо, мнѣ кажется, познакомиться поближе и съ гео-

графіей, какъ древней, такъ отчасти и новой. Нечего и говорить, какъ это изученіе важно для занимающагося исторіей. Въ наше время было бы общимъ мѣстомъ доказательство того, что не только въ дикомъ, но и въ образованномъ состояніи человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ физическихъ условій. «Нѣтъ примѣра въ исторіи, говоритъ Бокль, чтобы какая нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами безъ особеннаго благопріятнаго развитія природы... что даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ могущество человѣка достигло высшей степени, давленіе, производимое на него природою, все еще чрезвычайно сильно» (Gesch. der Civil. in England. Band. 1 s. 43 и 130). Будучи около двухъ лѣтъ преподавателемъ географіи, я имѣлъ возможность познакомиться отчасти съ этою наукою, но вполнѣ сознаю, что это знакомство еще сравнительно незначительно, если принять во вниманіе обширность этого предмета, его разработку въ послѣднее время, на которую тратили свои силы лучшіе представители западно-европейскаго ученаго міра, и особенно, если принять во вниманіе, какъ основательно должно быть знаніе географическихъ законовъ и выводовъ, чтобы съ успѣхомъ ими пользоваться при объясненіи многихъ историческихъ явленій. Поэтому, по мѣрѣ силъ и возможности, я постараюсь обратить вниманіе и на географію, по крайней мѣрѣ на первый разъ, если позволитъ время, безъ ущерба для занятій исторіею, прослушаю курсы Кипперта «Alte Geographie» и Миллера «Über allgemeine und besondere Völkerkunde».

Въ это короткое время пребыванія моего въ Берлинѣ я занимался изученіемъ сочиненій Бокля «Geschichte der Civilisation in England», обращая особенное вниманіе на тѣ части этого сочиненія, которыя имѣютъ историко-географическій характеръ.

Берлинъ, 3 апрѣля 1863 года.

9) Студента Михаила Владиславлева.

(Съ 1-го января по 1-е апрѣля текущаго 1863 года).

Изъ всѣхъ лекцій по философіи, читанныхъ въ гейдельбергскомъ университесѣ въ прошедшій академическій семестръ, преимущественно важными для себя я считалъ, какъ упоминалъ о томъ въ предшествовавшемъ отчетѣ, лекціи профессора Целлера по логикѣ и по исторіи философіи. Особенность его воззрѣнія на логику составляетъ то, что онъ теорію познанія совершенно соединяетъ съ

логикою и считаетъ первую необходимою и существеннѣйшею частью послѣдней. Вопросъ о происхожденіи нашихъ представленій и возможности знанія, по его мнѣнію, можетъ найти для себя отвѣтъ только въ точномъ анализѣ формъ нашего мышленія. Этотъ вопросъ, занимавшій Локка и рѣшенный въ извѣстномъ смыслѣ Кантомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, одностороннее рѣшеніе которыхъ удалило философію съ вѣрной дороги и къ которымъ она должна возвратиться въ настоящее время. Оставаясь вѣрнымъ духу Кантовой философіи, т. е. стараясь относиться къ дѣлу критически, проф. Целлеръ вовсе несогласенъ съ нимъ, что познаніе вещи самой въ себѣ для насъ совершенно недоступно; напротивъ онъ думаетъ, что хотя матеріалъ познанія и получаетъ отъ насъ субъективную форму, однако субъективный элементъ не преобладаетъ до такой степени въ нашемъ познаніи, чтобъ для насъ невозможно было знаніе объективнаго бытія. Тѣмъ болѣе профес. Целлеръ несогласенъ съ воззрѣніемъ философскихъ раціоналистовъ, къ которымъ онъ причисляетъ Картезія, Лейбница и между прочимъ Фихте, которые въ томъ или другомъ смыслѣ принимали строго апріорное происхожденіе нашихъ представленій и понятій. Неотрицаемость факта ихъ развитія изъ чувственныхъ воспріятій и чрезвычайное разнообразіе понятій въ различныхъ людяхъ не дозволяютъ, по его мнѣнію, принимать прирожденность понятій, которая еще требуетъ для своего оправданія предсуществованія душъ, и равно говорятъ противъ мнѣнія о нашихъ представленіяхъ, какъ исключительно субъективномъ проявленіи нашего «Я». Съ другой стороны, проф. Целлеръ не раздѣляетъ взгляда и такъ называемыхъ эмпириковъ на происхожденіе нашихъ представленій. Существованіе въ насъ образовъ фантазіи, общихъ понятій, не даваемыхъ намъ въ опытѣ, опровергаютъ, по его словамъ, мнѣніе, что *все* содержаніе нашего мышленія есть результатъ одного только воздѣйствія на насъ внѣшняго міра.

Соглашаясь съ эмпириками въ томъ, что матеріалъ для нашего мышленія дается намъ внѣ насъ, профес. Целлеръ думаетъ, что воспринимать это данное намъ въ опытъ мы можемъ только въ формахъ, какія условливаются природою нашего духа и устройствомъ нашихъ тѣлесныхъ органовъ. Такимъ образомъ мысль наша имѣетъ дѣло не съ самыми предметами непосредственно, а только съ тѣми впечатлѣніями, какія производятъ на насъ внѣшніе предметы. Въ единствѣ нашего сознанія мы соединяемъ многообразный матеріалъ

чувственнаго воспріятія въ цѣлое, которое мы называемъ представленіемъ, нѣсколько представленій — въ понятія и сопоставляемъ ихъ въ своемъ мышленіи во взаимную связь, давая ей характеръ необходимости. Въ ученіи объ участіи сознанія въ образованіи представленій Целлеръ совершенно сходенъ съ Кантомъ, равно какъ согласенъ съ нимъ въ ученіи о формахъ пространства и времени, вполнѣ принимая ихъ апріорное происхожденіе. Говоря о законахъ мышленія, Целлеръ допускалъ только два закона: законъ противорѣчія и достаточнаго основанія. Законъ тожества онъ считаетъ только положительной формулой закона противорѣчія. Изслѣдовавъ источникъ нашихъ представленій и всеобщіе законы мышленія, Целлеръ перешелъ за тѣмъ къ тому, что обыкновенно называется формальной логикой. Онъ дѣлитъ ее на двѣ части: на элементарную логику, гдѣ говоритъ о простѣйшихъ элементахъ нашего мышленія — понятія, сужденія, умозаключенія и методику, гдѣ разсматриваетъ уже различные способы соединеній этихъ элементовъ въ сложные ряды.

Содержанія лекцій проф. Целлера по логикѣ собственно я не стану передавать, потому что въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы излагать всѣмъ извѣстное содержаніе формальной логики. Всѣ элементы нашего мышленія онъ разсматриваетъ преимущественнно съ формальной стороны, ни сколько не входя въ разсужденія объ ихъ реальномъ значеніи. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ вѣренъ взгляду Канта на логику. На сколько такой взглядъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ отъ логики, какъ науки о человѣческомъ познаніи, и на сколько способна она, при такомъ взглядѣ, быть органомъ изслѣдованія явленій міра физическаго и нравственнаго, этого вопроса я не могу здѣсь касаться, потому что онъ потребовалъ бы очень длинныхъ разсужденій.

Лекціи проф. Целлера по исторіи философіи отличались особенною ясностію изложенія и сжатою краткостію. Историческій талантъ проф. Целлера, сила его историческаго анализа — извѣстны. Для меня преимущественно важны были его чтенія по исторіи древней философіи, потому что она составляетъ главную его спеціальность, которою онъ продолжаетъ заниматься и послѣ изданія своего труда о философіи грековъ. Древней философіи проф. Целлеръ посвятилъ бо̀льшую часть своихъ чтеній; новую философію онъ уже не читалъ, а только диктовалъ свои записки по ней съ краткими устными замѣчаніями.

Вмѣстѣ съ лекціями проф. Целлера я продолжалъ посѣщать лекціи проф. Гельмгольтца о всеобщихъ результатахъ естественныхъ наукъ, расположенныхъ въ системѣ, близкой къ плану «Космоса» Гумбольдта. Онѣ посѣщались большимъ числомъ слушателей: для человѣка, мало знакомаго съ естественными науками онѣ были важны въ томъ отношеніи, что сообщали главные результаты естественныхъ наукъ, изложенные въ связи и порядкѣ, а для человѣка, знающаго естественныя вауки, лекціи проф. Гельмгольтца имѣли тотъ интересъ, что знакомили со взглядами знаменитаго естествоиспытателя на разныя группы явленій физическаго міра и съ его умѣньемъ популярно излагать научныя истины.

Мои домашнія занятія состояли преимущественно въ изученіи трансцендентальной школы. Послѣ изученія главныхъ представителей натур-философскихъ воззрѣній Шеллинга, Окена и Стефенса, я занялся тѣми натур-философскими сочиненіями Гегеля, съ которыми я недостаточно былъ знакомъ прежде. Въ настоящее время я намѣренъ перейти къ занятіямъ, между прочимъ, древней философіей.

Мѣстомъ для занятій своихъ, въ наступающій академическій лѣтній семестръ, избралъ я гётгингенскій университетъ, гдѣ я намѣренъ воспользоваться лекціями извѣстнаго проф. Лотце.

Геттингенъ, $^{2}/_{14}$ апрѣля 1863 года.

10) Причисленнаго къ министерству магистра Троицкаго.

Во вторую половину зимняго семестра, я продолжалъ тѣ же самыя занятія, о которыхъ имѣлъ честь увѣдомлять въ отчетѣ отъ 7-го января настоящаго года.

Оконченныя чтенія зимняго семестра позволяютъ кончить начатыя въ предъидущемъ отчетѣ замѣтки относительно выслушаннаго.

Переходя отъ Фихте къ Шеллингу, профессоръ Куно-Фишеръ останавливается еще разъ на замѣчательной исторіи внутренняго развитія перваго философа.

Фихте не остался вѣренъ своему наукословію; позднѣйшія сочиненія его носятъ другой характеръ и выражаютъ другія стремленія. Содержаніе ихъ показываетъ, что ихъ особенность вышла изъ почувствованнаго самимъ Фихте противорѣчія между задачею наукословія и его результатами.

По положенію наукословія, Я теоретическое есть Я ограниченное; въ качествѣ абсолютнаго, Я должно выступить впервые въ наукословіи практическомъ, гдѣ оно стремится къ безконечному поло-

женію своей свободы. Но самое стремленіе, какъ стремленіе или практическая дѣятельность, условлено препятствіемъ, т. е. предметомъ. Слѣдовательно для самого осуществленія абсолютной цѣли, необходимо извѣстное разстояніе между цѣлію и осуществленіемъ. Или: неосуществимость абсолютной цѣли есть первое условіе ея имманентнаго осуществленія. Слѣдовательно Я практическое никогда не можетъ стать абсолютнымъ и, въ результатѣ, абсолютное чуждо наукословію Фихте. Я остается Я ограниченнымъ, вѣчно противоположнымъ не-Я или предмету. Такимъ образомъ, вмѣсто предположеннаго единства Я и не-Я, мы получаемъ въ концѣ наукословія два противоположныя и вѣчно борющіяся между собою начала или *дуализмъ*, и поэтому самому, вмѣсто идеализма абсолютнаго *идеализмъ субъективный*.

Чтобы уничтожить этотъ разладъ между задачею наукословія и ея выполненіемъ, Фихте измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на Я, признавши послѣднее въ томъ достоинствѣ, въ какомъ оно дѣйствительно выступаетъ въ наукословіи, т. е.: какъ Я ограниченное, далеко не тождественное съ абсолютнымъ. Такой оборотъ взгляда тотчасъ опредѣляетъ необходимое отношеніе ограниченнаго Я къ абсолютному, какъ первоисточнику, абсолютному закону дѣятельности и абсолютной цѣли ограниченнаго духа, — *пантеизмъ*, *религіозное направленіе* и *мистицизмъ*, какъ характеристическія черты этого видоизмѣненнаго ученія Фихте. Оно высказано имъ особенно въ трехъ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Vorlesungen über die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters.

Reden an die deutsche Nation.

Anweisung zu einem seligen Leben oder Religionslehre.

Къ дуализму Фихтева наукословія присоединяются еще значительные пробѣлы, именно — недостатокъ положительнаго пониманія природы и искусства. Этимъ опредѣлилась дальнѣйшая задача философіи съ Канта: понять природу и духъ какъ тождество и слѣдовательно природу въ ея положительномъ достоинствѣ.

Основателемъ системы тождества былъ *Шеллингъ*.

Тождество это признано самымъ наукословіемъ въ его основномъ положеніи; тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность уничтожить дуализмъ въ результатахъ наукословія.

Самый способъ рѣшенія этой задачи указанъ уже въ наукословіи и система Шеллинга, въ ея историческомъ положеніи, является необходимымъ послѣдствіемъ наукословія.

Я равно всему (наукословіе); слѣдовательно все равно Я (Шеллингъ).

Природа есть Я, положенное какъ не-Я (наукословіе). Слѣдовательно природа есть Я и не-Я вмѣстѣ, Я сущее и несущее заразъ или Я *образующееся* (werdendes), Я дѣлающееся абсолютнымъ (Шеллингъ).

Я полагаетъ себя во взаимномъ ограниченіи Я и не-Я; или, не-Я *раздѣляется*, является какъ множество (наукословіе). Не-Я есть Я, положенное какъ не-Я; слѣдовательно дѣлимость не-Я не есть матеріальная, а динамическая; не-Я является въ различныхъ степеняхъ интенсивности или какъ рядъ потенцій (Шеллингъ).

Не-Я есть Я, дѣйствующее безсознательно или какъ производительное воображеніе (наукословіе). Слѣдовательно не-Я есть рядъ потенцій, начинающихся дѣятельностію безсознательною и оканчивающихся дѣятельностію сознательною (Шеллингъ).

Такимъ образомъ опредѣлился принципъ системы Шеллинга. *Природа и духъ суть рядъ потенцій или откровеніе одного и того же абсолютнаго тождества.* Абсолютное тождество является какъ разумъ, дѣйствующій безсознательно (природа) и какъ разумъ сознательный (духъ).

Отсюда двѣ основныя задачи философіи; именно, требуется показать:

1) Какъ природа получаетъ сознаніе, и

2) Какъ сознаніе получаетъ природу.

Первую задачу Шеллингъ пытался рѣшить въ сочиненіяхъ, относящихся къ *философіи природы*; вторую — въ своей *системѣ трансцендентальнаго идеализма;* ту и другую какъ одну цѣльную задачу философіи — въ трактатѣ подъ заглавіемъ: *Darstellung meines Systems.*

Въ природѣ Я и не-Я вмѣстѣ; иначе, природа есть *положенное противорѣчіе.* Противорѣчіе требуетъ противоположностей; но противоположности только тогда дѣлаются дѣйствительнымъ противорѣчіемъ, когда два противоположныхъ опредѣленія приписываются одному и тому же субъекту, или, — когда противоположности соединяются въ единствѣ. Это единство не должно быть ихъ уничтоженіемъ; иначе невозможно то развитіе, какое представляетъ природа. Съ понятіемъ развитія соединяется понятіе движенія, перехода, и слѣдовательно, соотвѣтственно общему понятію о природѣ,— перехода въ новыя противоположности и новыя противорѣчія. Такимъ образомъ, общій законъ природы: *противоположности соеди-*

няются въ единствѣ и единство раздѣляется на противоположности.

Схема этого закона представляется въ простѣйшемъ видѣ въ магнетизмѣ; поэтому, законъ природы можно назвать *закономъ магнитныхъ* или *полярныхъ отношеній.*

Господство въ природѣ полярныхъ отношеній доказывается магнетизмомъ, электричествомъ, химическимъ процессомъ и полами въ такъ называемомъ царствѣ органическомъ.

Оправдавши, такимъ образовъ, на почвѣ опыта выводъ общаго закона природы, Шеллингъ представляетъ, слѣдуя этому закону, рядъ основныхъ потенцій природы — *въ матеріи, тяжести и свѣтѣ, магнетизмѣ, электричествѣ и химическомъ процессѣ* и, наконецъ, въ *процессѣ органическомъ*, характеризующемся *половою системою, раздражимостію* (Irritabilität) и *чувствительностію* (Sensibilität).

Съ *чувствительностію* открывается переходъ въ сферу сознанія или въ *систему трансцендентальнаго идеализма.*

Система трансцендентальнаго идеализма отличается отъ теоретическаго и практическаго наукословія существенно только двумя чертами: а) проведеніемъ закона полярныхъ отношеній на почвѣ сознанія и b) философіею искусства, которой недоставало въ наукословіи и которая должна была явиться въ трансцендентальномъ идеализмѣ вслѣдствіе положительнаго отношенія системы Шеллинга къ необходимости, господствующей въ природѣ и потомъ выступающей въ искусствѣ.

Поэтому, профессоръ Фишеръ не счелъ нужнымъ долго останавливаться на системѣ трансцендентальнаго идеализма и въ изложеніи ея ограничился только замѣчаніями, объясняющими указанныя особенности.

Предметъ трансцендентальнаго идеализма дается непосредственнымъ воззрѣніемъ субъекта на свои собственныя дѣйствія. *Воззрѣніе* есть свободное произведеніе въ цѣляхъ самосознанія или внутренній экспериментъ.

Исходный пунктъ трансцендентальнаго идеализма есть самосознаніе какъ сознаніе теоретическое, составляющее предметъ *теоретической философіи.*

Самосознаніе есть дѣятельность, въ которомъ Я само себя дѣлаетъ своимъ объектомъ, или есть въ одно и тоже время сознающее и сознаваемое и слѣдовательно въ послѣднемъ случаѣ безсознательное. Иначе, самосознаніе, поколику дѣлается сознаніемъ

объективнымъ, дѣятельностію, полагающею предметъ, — перестаетъ быть самосознаніемъ или есть дѣятельность *безсознательная*. Этимъ между прочимъ объясняется безсознательная производительность въ отношеніи къ чувственнымъ предметамъ.

Это противорѣчіе въ актѣ самосознанія составляетъ движущее начало развитія теоретическаго субъекта. Оно разрѣшается безконечнымъ рядомъ дѣйствій, въ которомъ Я какъ самосознаніе переходитъ въ сознаніе объективное и Я какъ сознаніе объективное переходитъ въ рефлексъ безсознательно произведеннаго. Иначе, исторія самосознанія слагается изъ двухъ моментовъ: Я полагаетъ безсознательно объектъ (само себя) и безсознательно полагающую дѣятельность дѣлаетъ снова своимъ объектомъ. Такимъ образомъ, исторія самосознанія есть рядъ возвышеній субъекта надъ самимъ собою или поступательный рядъ рефлективныхъ дѣйствій.

Въ этой исторіи различаетъ Шеллингъ слѣдующія главныя эпохи: *ощущеніе*, *воззрѣніе*, съ которымъ впервые даются внѣшніе предметы или природа, — *отвлеченіе* и *самосознательная воля*, съ которою открывается область *философіи практической*.

Свобода состоитъ въ возможности начинанія дѣйствія, т. е. въ способности, рядомъ съ замкнутымъ кругомъ причинъ и дѣйствій или натуральной необходимости, поставить рядъ дѣйствій, которому болѣе не предшествуетъ никакое дѣйствіе какъ его причина. Но это начинаніе дѣйствія какъ свобода имѣетъ впереди себя только необходимость, или — выходитъ впервые изъ субъекта теоретическаго, ограниченнаго высшимъ закономъ и слѣдовательно неавтономическаго. Это противорѣчіе въ начальномъ актѣ практической дѣятельности разрѣшается положеніемъ свободы *внѣшней* или признаніемъ множества свободныхъ существъ.

Дальнѣйшее разрѣшеніе противорѣчій въ понятіи свободы какъ свободы частныхъ субъектовъ, представляется въ *правѣ*, *гражданскомъ обществѣ* и *исторіи*.

Въ исторіи нѣтъ ни слѣпой судьбы, ни произвола, а есть вѣчный порядокъ вещей или провидѣніе; на этомъ зиждется убѣжденіе *религіозное*.

Теоретическая философія представляетъ Я теоретическое какъ *зависимое* или дѣйствующее *по необходимости*; практическая, напротивъ, представляетъ Я *свободное* или *автономическое*. Но то и другое Я есть одинъ и тотъ же субъектъ. Это противорѣчіе разрѣшается въ послѣднемъ и высшемъ единствѣ изложенныхъ субъек-

тивныхъ дѣятельностей, именно — въ *искусствѣ* или дѣятельности *геніальной*, въ которой субъектъ оказывается дѣйствующимъ столько же по свободѣ, сколько по необходимости.

Изложенное содержаніе философіи природы и трансцендентальнаго идеализма показываетъ, что Шеллингъ въ первой имѣетъ дѣло исключительно съ природою, во второмъ — исключительно съ духомъ. Связь обоихъ феноменальная дана въ результатахъ философіи природы; но истинная связь, настоящее единство духа и природы, т. е. абсолютное тождество — не тронуто Шеллингомъ въ философіи природы, ни въ системѣ трансцендентальнаго идеализма. Такимъ образомъ, двѣ части философіи Шеллинга представляются попытками, неимѣющими цѣльности системы.

Помочь этому недостатку Шеллингъ пытался въ упомянутомъ выше трактатѣ. Въ послѣднемъ, Шеллингъ опредѣляетъ абсолютное тождество какъ безразличіе всего субъективнаго и объективнаго, природы и духа; отселѣ—какъ абсолютный разумъ, абсолютное знаніе и самосознаніе. По изложеннымъ въ системѣ трансцендентальнаго идеализма основаніямъ, умъ абсолютный дѣйствуетъ какъ умъ объективный и какъ сознаніе субъективное; или, изъ абсолютнаго безразличія выходитъ рядъ дѣйствій безсознательныхъ (природа) и рядъ дѣйствій сознательныхъ (духъ).

Не нужно особеннаго напряженія, чтобы замѣтить, что этотъ трактатъ, обозначающій настоящій смыслъ системы Шеллинга и признанный имъ самимъ за единственно подлинное изложеніе его системы, далеко не помогаетъ тому недостатку, который вынудилъ его. Несмотря на всѣ усилія Шеллинга, абсолютное тождество, составляющее принципъ его системы, остается и въ этомъ трактатѣ при однихъ общихъ опредѣленіяхъ абсолютнаго безразличія и абсолютнаго разума; отселѣ, какъ подлинная связь, какъ истинное единство феноменальнаго, это абсолютное тождество не показывается, а только постулируется въ системѣ Шеллинга.

Прямымъ послѣдствіемъ недостаточнаго опредѣленія принципа системы была фрагментарность и неодинаковость методы въ изложеніи различныхъ частей ея. Въ этихъ недостаткахъ Шеллинговой системы открылъ *Гегель* дальнѣйшую задачу философіи съ Канта.

На переходѣ отъ Шеллинга къ Гегелю, проф. Фишеръ нашелъ удобнымъ сдѣлать обзоръ всѣхъ различныхъ направленій нѣмецкой философіи съ Канта, вышедшихъ, по мнѣнію профессора, прямо или непрямо, изъ системы абсолютнаго тождества.

Проф. Фишеръ указалъ на недостатокъ въ системѣ Шеллинга мѣста для религіи, свободы, морали и индивидуальности.

Недостатокъ религіознаго начала стремился восполнить *Эшенмайэръ;* но попытка послѣдняго совпадаетъ съ позднѣйшими стремленіями самаго Шеллинга.

По позднѣйшимъ понятіямъ Шеллинга, система абсолютнаго тождества не исчерпываетъ всей дѣйствительности. Она указываетъ условія, безъ которыхъ феноменальное невозможно; но не въ состояніи представить условій, чрезъ которыя феноменальное есть то, что́ есть. Или, система тождества есть только философія *отрицательная* и потому требуетъ для своего пополненія другой, которая бы раскрыла положительныя условія существованія или философіи *позитивной.* Первая, какъ опирающаяся на логикѣ, есть философія *раціональная*; послѣдняя, какъ переходящая въ мистическое созерцаніе, есть философія *ирраціональная.*

Въ эту ирраціональную философію Шеллингъ пытался ввести элементы, недостающіе системѣ тождества: перерывъ между божественнымъ и небожественнымъ, дающій мѣсто религіи,—слѣпое стремленіе, свободу, нравственность, личность и личность моральную, какъ цѣль божественнаго откровенія.

Такимъ образомъ, у Шеллинга явились двѣ системы: система тождества, теряющаяся въ философіи природы, и философія ирраціональная или теософія.

Строгое изложеніе натурализма шеллинговой системы представилъ *Окенъ;* напротивъ, шеллингову теософію представляетъ система *Баадера.* Соединить то и другое въ одной системѣ сдѣлалось задачею Гегеля.

Противъ системы абсолютнаго тождества выступилъ *Шопенгауэръ*, положившій начало тождества въ индивидуальномъ какъ индивидуализирующей себя волѣ.

Противъ системы тождества вообще сдѣлалъ протестъ *Гербартъ*, который, объявивши невозможнымъ вывести индивидуальное изъ начала тождества, призналъ оное первоначальнымъ или абсолютнымъ въ монадахъ.

Очертивши, такимъ образомъ, различныя направленія философіи съ Канта, проф. Фишеръ приступилъ къ изложенію системы Гегеля.

Гегель вводитъ въ свою систему тотъ же принципъ абсолютнаго тождества, какой мы видѣли въ системѣ Шеллинга, и подъ

тѣмъ же общимъ опредѣленіемъ абсолютнаго тождества какъ *абсолютнаго разума*.

Абсолютный разумъ открывается какъ единый принципъ феноменальнаго — въ природѣ и духѣ или—какъ разумъ *безсознательный* и *сознательный*.

Разумъ безсознательный есть предметъ *философіи природы*.

Разумъ сознательный есть предметъ *философіи духа*.

Но опредѣленія разума въ природѣ и духѣ не суть еще опредѣленія разума въ себѣ; разумъ какъ разумъ, безъ отношенія къ феноменальному, есть предметъ науки о разумѣ in abstracto, т. е. *логики*.

Такимъ образомъ получаются три основныя науки философіи: логика, философія природы и философія духа.

Философія начинаетъ логикою, т. е. сознаніемъ абсолютнымъ; но это сознаніе не есть *натуральное* или *популярное*. Сознаніе восходитъ на высоту сознанія *философскаго* путемъ долгаго, постепеннаго развитія. Наука объ этомъ возвышеніи сознанія на точку зрѣнія философскую или абсолютную есть *феноменологія духа* и служитъ, такимъ образомъ, *пропедевтикою* къ системѣ философіи.

Метода системы Гегеля не можетъ быть названа вполнѣ оригинальною, потому что начало этой методы скрывается въ наукословіи Фихте, а въ системѣ Шеллинга она получила уже нѣкоторую обработку. Но то совершенство, до котораго доведена обработка этой методы въ системѣ Гегеля, часто заставляло называть послѣдняго творцомъ ея.

Метода у Гегеля получаетъ особенный смыслъ вслѣдствіе отношенія къ абсолютному; потому что абсолютное какъ абсолютное знаніе, наука, система (въ смыслѣ субъективномъ и объективномъ), есть поэтому и *метода*.

Разсматриваемая съ формальной стороны, метода есть ничто иное, какъ связь различныхъ членовъ, но не въ видѣ координаціи оныхъ, а въ формѣ развитія одного члена изъ другаго, и въ концѣ всего ряда членовъ изъ одного субъекта.

Развитіе одного члена изъ другаго требуетъ, чтобы членъ развитый заключался въ предшествующемъ въ видѣ возможности или *потенціи* или расположенія къ развитію, слѣд. напряженія, *стремленія*. Слѣд. предшествующій членъ заключаетъ въ себѣ постоянно два состоянія: члена опредѣленнаго, вышедшаго изъ своего предшествующаго, или—*дѣйствительнаго* и—члена таящагося, *стремя-*

щагося стать дѣйствительностію; т. е. заключаетъ съ себѣ *внутреннее противорѣчіе*, стремящееся разрѣшиться. Такимъ образомъ, метода какъ процессъ развитія есть *постепенное разрѣшеніе* или *снятіе внутреннихъ противорѣчій*.

Этотъ процессъ развитія состоитъ, опредѣленнѣе, въ трехъ моментахъ: *положеніи* (извѣстнаго члена), высвобожденіи его противоположности или *противоположеніи* и *соединеніи* обоихъ или высшемъ единствѣ противоположностей,—тезисъ, антитезъ и синтезъ. Древніе называли науку разрѣшенія споровъ діалектикою. Поэтому Гегель назвалъ методу какъ разрѣшеніе противорѣчій (въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ), *діалектическою* методою.

Разрѣшеніе скрытнаго противорѣчія есть отрицаніе предшествующаго члена; разрѣшеніе открытаго противорѣчія между предшествующимъ и послѣдующимъ членами есть отрицаніе того и другаго и слѣд. отрицаніе самаго отрицанія. Такимъ образомъ, діалектическая метода есть метода безконечнаго отрицанія или *абсолютной отрицательности*.

Но само собою разумѣется, что высшее отрицаніе не есть уничтоженіе противоположностей, а есть только, по предъидущимъ опредѣленіямъ, синтезъ обоихъ. Слѣд. противоположности продолжаютъ существовать въ отрицаніи, но уже не какъ противоположности, грубо отталкивающія одна другую, а во взаимномъ ограниченіи, примиреніи, или—какъ лишившіяся своей притязательности, односторонности, *фальшивости* и перешедшія въ свое отрицаніе какъ свою *правду*.

Въ діалектической методѣ указана, такимъ образомъ, и самая задача или цѣль философіи. Она состоитъ въ *разрѣшеніи всѣхъ противорѣчій и достиженіи такимъ образомъ абсолютной правды*.

Раскрывши методу и задачу философіи съ точки зрѣнія Гегеля, проф. Фишеръ приступилъ къ изложенію феноменологіи духа и представилъ слушателямъ ступени сознанія какъ сознанія, самосознанія, разума, духа, религіи и абсолютнаго знанія.

Проф. Фишеръ излагалъ феноменологію духа по всѣмъ рубрикамъ, которыя стоятъ въ оглавленіи этого произведенія Гегеля, со всѣми тезисами, антитезами и синтезами. Предоставляемъ судить насколько можетъ удовлетворять подобная, въ сыромъ видѣ, передача продукта гегелевой философіи.

Феноменологія духа назначена быть пропедевтикою къ системѣ, а между тѣмъ сама для себя требуетъ новой пропедевтики; послѣд-

нюю проф. Фишеръ оставилъ въ сторонѣ. Мы не думаемъ, чтобы основаніе этого лежало въ высказанномъ имъ мнѣніи, что феноменологія духа есть наука новая, мастеромъ которой былъ Гегель. Потому что это мнѣніе не можетъ имѣть претензіи на безусловную вѣрность. Уже потому одному, что феноменологія духа въ цѣломъ не имѣетъ никакого содержанія, отличнаго отъ философіи духа, или есть ничто иное, какъ та же философія духа въ общемъ элементѣ сознанія, — уже поэтому, говоримъ, феноменологія духа должна имѣть и свои историческія отношенія и слѣдов. свой историческій анализъ, какъ свою естественную пропедевтику. Потому что не нужно особеннаго углубленія, чтобы замѣтить, что философія духа Гегеля опирается, въ исторіи, на трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга, наукословіи теоретическомъ и практическомъ Фихте и критикахъ Канта.

Феноменологія духа излагаетъ названія теоретическаго, практическаго, художественнорелигіознаго и философскаго сознанія. Но развѣ не эти же сюжеты обработывались въ указанныхъ произведеніяхъ Шеллинга, Фихте и Канта?

Поставленная въ связь съ исторіею философіи, феноменологія духа получила бы, по нашему мнѣнію, гораздо большій свѣтъ, чѣмъ даютъ ей остроумные намеки на отношеніе различныхъ ея рубрикъ къ различнымъ періодамъ общей исторіи и частнымъ произведеніямъ литературы.

Изложеніемъ феноменологіи духа проф. Фишеръ окончилъ свои чтенія исторіи философіи съ Канта.

О проф. Фишерѣ можно слышать въ Германіи весьма различныя и противоположныя мнѣнія. Иные называютъ его первымъ философомъ нашего времени; другіе унижаютъ до такой степени, что не хотятъ видѣть въ немъ ничего больше какъ фразёра.

Мы высказали кратко свой взглядъ на проф. Фишера въ предъидущемъ отчетѣ, и теперь, прослушавъ весь курсъ его чтеній о философіи съ Канта, мы не видимъ себя вынужденными измѣнять что нибудь въ прежде сказанномъ, но считаемъ себя обязанными дополнить послѣднее замѣчаніями, для которыхъ въ то время мы не имѣли достаточнаго матеріала.

Проф. Куно-Фишеръ принадлежитъ къ тому маленькому числу профессоровъ, въ которыхъ соединяются всѣ преимущества, способныя очаровывать слушателя, и которые пользуются своими преимуществами съ рѣдкимъ искусствомъ. Легко убѣдиться, что одно

изъ первыхъ преимуществъ фишеровскаго таланта заключается не въ рѣдкомъ дарѣ слова и проч., а въ томъ, что предметъ, читаемый имъ—исторія философіи, въ изложеніи которой онъ такъ счастливъ—перешелъ давно въ исторію личной его жизни; что всѣ факты, излагаемые профессоромъ, не только основательно воспроизведены, продуманы, но и прочувствованы. Отселѣ-то и эта удивительная ясность изложенія, которая такъ притягиваетъ къ нему слушателей, и это сочувственное чтеніе, въ которомъ нерѣдко фразы сообщаются слушателямъ какъ электрическія искры, мгновенно потрясающія всю аудиторію.

Философія принадлежитъ къ классу наукъ, изученіе которыхъ слагается единственно изъ самостоятельнаго анализа, критики и вывода. Особенно, философія съ Канта, базисъ которой въ скептицизмѣ и критикѣ процесса познанія и которая опирается на немъ, съ отчетливымъ сознаніемъ точки своей опоры,—особенно, говоримъ, такая философія, основательно прожитая, неспособна держать въ рабскомъ отношеніи къ себѣ. Поэтому, мы ни мало не сомнѣваемся въ свободномъ отношеніи проф. Фишера къ читаннымъ имъ системамъ. Этимъ только и объясняется, что проф. Фишеръ вступилъ въ самостоятельную оцѣнку послѣднихъ результатовъ идеализма—оцѣнку, которая переступаетъ порогъ исторіи и смотритъ въ будущее. Въ предъидущемъ отчетѣ мы пытались указать начинающее обрисовываться новое стремленіе профессора.

Чтобы быть вѣрными факту, мы должны, однакожь, прибавить, что выслушанныя нами чтенія проф. Фишера были далеко не всѣ одинаковаго достоинства и, вообще говоря, теряли свой интересъ по мѣрѣ ихъ продолженія. Большая разница—основательно изучить извѣстныя системы и приготовить изученное для печати или лекцій. Чѣмъ больше мы слушали исторію философіи съ Канта, тѣмъ больше убѣждались, что эта исторія еще мало обработана профессоромъ для лекцій. Преданіе университетское говоритъ, что проф. Фишеръ впервые излагалъ съ каѳедры этотъ періодъ исторіи философіи; это можетъ объяснять сдѣланное нами наблюденіе.

Блестящія чтенія о Фихте, съ подробнымъ анализомъ всѣхъ фихтевыхъ сочиненій, заставляютъ предполагать, что проф. Фишеръ скоро подаритъ публику своими изслѣдованіями объ этой системѣ. Но сжатый обзоръ философіи природы и трансцендентальнаго идеализма Шеллинга, при чемъ сочиненія перваго и третьяго періода шеллинговой философской дѣятельности были только по-

именованы,—и эта въ сыромъ видѣ передача феноменологіи духа, заставляютъ думать, что мы нескоро увидимъ появленіе въ свѣтъ изслѣдованій профессора объ этихъ системахъ.

Далѣе, выслушанныя нами чтенія намъ кажутся болѣе изложеніемъ трехъ извѣстныхъ системъ идеализма, чѣмъ исторіею философіи съ Канта. Представленный профессоромъ очеркъ различныхъ направленій нѣмецкой философіи до осязательности показываетъ, что проф. Фишеръ еще не установился въ спеціальномъ взглядѣ на историческое движеніе философской мысли съ Канта. Очеркъ этотъ оказывается чѣмъ-то врошеннымъ и мало вяжущимся съ теченіемъ лекцій профессора, какъ это легко замѣтить напр. изъ неодинаковой постановки Гегеля къ Шеллингу въ концѣ лекцій о Шеллингѣ и въ очеркѣ. Мы не видимъ, чтобы въ послѣднемъ была исчерпана вполнѣ исторія самого идеализма; между тѣмъ какъ реализмъ, въ системахъ Гербарта и Шопенгауэра, играетъ въ этомъ очеркѣ только роль какого-то глупаго протеста, имѣющаго мало интереса для историка философіи. Что подобное отношеніе къ реализму не лежитъ однакожь въ натурѣ идеализма, это всего легче видѣть изъ лекцій проф. Фортляга.

Проф. Фортлягъ читалъ о законахъ ощущенія и воззрѣнія и потомъ о различныхъ родахъ и формахъ понятій, сужденій и заключеній. Чтенія свои профессоръ заключилъ самымъ сжатымъ энциклопедическимъ обозрѣніемъ основныхъ научныхъ понятій.

Мы не намѣрены представлять содержанія прочитаннаго; потому что все это, за исключеніемъ энциклопедическаго обозрѣнія, было сжатымъ повтореніемъ пространно изложеннаго въ системѣ психологіи проф. Фортляга, изд. 1855 г. Замѣтимъ вообще, что проф. Фортлягъ въ этой части логики, отправляясь какъ обыкновенно отъ кантовой критики чистаго ума, опирается всюду на новѣйшія психологическія открытія. Такъ, въ ученіи о законахъ ощущенія и воззрѣнія, логика Фортляга показываетъ аналогію съ изслѣдованіями Рейнгольда и Тренделенбурга; въ ученіе о родахъ и формахъ понятій и проч., проф. Фортлягъ вводитъ основные законы образованія представленій, открытые Бенеке (Verschmelzungsprozess) и Гербартомъ (Complicationsprozess).

Говоря объ этомъ послѣднемъ ученіи, мы не можемъ не указать на одинъ законъ представленій, впервые раскрытый самимъ проф. Фортлягомъ—законъ, который, по своимъ необозримымъ результатамъ, можетъ сдѣлать имя Фортляга неразрывнымъ съ исто-

ріею этой части логики. Мы говоримъ о законѣ *скалообразнаго развитія нашихъ представленій.* На скалы представленій первое вниманіе обратилъ Гербартъ, изслѣдуя скалы цвѣтовъ и тоновъ; но Гербартъ и не предчувствовалъ того широкаго значенія, какое указано закону скалъ проф. Фортлягомъ. Законы сліянія и компликаціи представленій оказались элементарными въ отношеніи къ закону ихъ скалообразнаго развитія; послѣдній даетъ впервые органическій строй цѣлому міру представленій и въ этомъ строѣ тотъ опредѣленный матеріалъ, въ которомъ работаетъ мышленіе. Такъ что все содержаніе такъ называемой аристотелевской логики, т. е. ученіе объ основныхъ формахъ понятій, сужденій и заключеній сводится у проф. Фортляга въ одно ученіе о скалахъ представленій, въ связи съ работающею въ нихъ дѣятельностію мысли. Отселѣ, эта часть логики получаетъ у проф. Фортляга классическую простоту и ту жизненность, какую можетъ сообщать ей живое начало органической структуры и развитія представленій подлѣ живой функціи мысли.

Послѣдняя часть логики проф. Фортляга имѣетъ для насъ русскихъ особенный интересъ. Въ Россіи существуетъ до шестидесяти каѳедръ логики, т. е. вѣроятно, немного меньше, чѣмъ въ цѣломъ русгерманскомъ союзѣ. Отчего эти кафедры совсѣмъ неизвѣстны русской публикѣ, отгадать не трудно. Что такое русская логика?— Коротко отвѣтить—логика аристотелевская, т. е. развитое ученіе о формахъ мышленія.

Логика Аристотеля была однимъ изъ лучшихъ произведеній его генія. И до Аристотеля трудились много надъ обработкою различныхъ сторонъ сюжета его логики; но эти труды были такъ одиноки, отрывочны и, въ своей разрозненности, такъ непрочны, что въ исторіи философіи до Аристотеля мы находимъ болѣе указанія на работы подобнаго рода, чѣмъ самыя работы и логика Аристотеля является какимъ-то созданіемъ изъ ничего, произведеніемъ генія, который и открываетъ свой сюжетъ и даетъ ему его подлинныя формы. Несмотря на всѣ перемѣны, произведенныя въ ней схоластикою, она сохранила доселѣ слѣды своей жизненности и правды.

Судьба аристотелевой логики приводитъ къ мысли, что самыя живыя произведенія духа черпаютъ свою жизненность не изъ себя, а изъ насъ; что самыя возвышенныя думы, самыя глубокія воззрѣнія становятся мертвымъ символомъ, какъ скоро утраченъ органъ жизненнаго отношенія къ нимъ.

Схоластика была увѣрена, что продолжаетъ дѣло Аристотеля; а между тѣмъ работы ея показываютъ, что она не отыскала настоящаго входа въ лабораторію его творческой дѣятельности. Въ то время какъ Аристотель имѣлъ дѣло съ логическимъ, схоластика имѣла дѣло съ Аристотелемъ; въ то время какъ Аристотель открывалъ, созидалъ, — схоластика ограничивалась разложеніемъ открытаго и созданнаго. И какое разложеніе! Немногіе нынѣ осмѣливаются взглянуть въ эти микроскопическіе анализы, чтобы не потерять равновѣсія и не упасть въ бездну. Вмѣсто аристотелевой логики явился у схоластиковъ тщательно препарированный трупъ этой логики; и этотъ-то трупъ, бережливо хранимый, показывается во всѣхъ анатомическихъ залахъ логики, существующихъ за границею и получившихъ исключительное право существованія у насъ въ Россіи.

Наука, конечно, не брезгаетъ трупами; но жизнь столько же уважаетъ ихъ, сколько мы — изношенныя платья. На мѣсто классической красоты логики Аристотеля, обезображенной на пользу юношества учеными экспериментами схоластики, явилась другая, романтическая красота — трансцендентальная логика Канта. Анатомія аристотелевой логики до сихъ поръ только вѣжливо сторонится передъ послѣднею; вѣроятно потому, что живыя существа, въ которыхъ свѣтитъ сознающій себя умъ, законы запрещаютъ подвергать анатомическимъ экспериментамъ. Наукословіе Фихте и логика Гегеля, какъ результатъ трансцендентальной логики Канта, нашли, естественно, тотъ же пріемъ.

Но вотъ явились психологическія открытія Гербарта, Бенеке, Рейнгольда и друг. Знатоки рѣшили, что наконецъ-то открытъ тотъ фонтанъ, живыя струи котораго дали существованіе логикѣ Аристотеля. Но анатомія этой логики, за недостаткомъ, вѣроятно, письменныхъ документовъ и отдаленностію времени, не рѣшается признать вѣрности этого заключенія, и новыя раскопки въ глубочайшихъ слояхъ психическаго существованія остаются для ней изолированными, неимѣющими ничего общаго съ трудами Аристотеля.

Пусть логика Канта и ей родственныя продолжаютъ пользоваться однѣми вѣжливостями. Но развѣ логика аристотелевская или ученіе о различныхъ формахъ мышленія можетъ быть читано въ настоящее время безъ сдѣлки съ Гербартомъ, Бенеке и друг.? Развѣ можно слушать безъ улыбки эти скучныя перечисленія и дѣ-

ленія понятій, сужденій и заключеній, неопирающіяся ни на какой живой психологическій принципъ?

Возвращаясь къ логикѣ проф. Фортляга, мы не можемъ не выставить раздѣльнѣе трехъ убѣжденій, на которыхъ она построена.

1. Логика не въ правѣ игнорировать Канта, точно такъ же какъ и Аристотеля.

2. Не въ правѣ отказываться отъ необходимыхъ выводовъ изъ кантовой критики, точно такъ же какъ и отъ новѣйшихъ психологическихъ открытій.

3. Метода логики должна быть прежде всего аналитическая, хотя она и не исключаетъ, въ дальнѣйшемъ, апріорнаго построенія.

Въ заключеніе имѣю честь увѣдомить, что я, для продолженія своихъ занятій, съ согласія члена Г. П. У., тайнаго совѣтника Пирогова, отправился изъ Іены въ Геттингенъ.

11) Кандидата Серафима Автократова.

Во вторую половину прошедшаго семестра я продолжалъ занятія, начатыя въ первую.

Лекціи Целлера по «Логикѣ и ученію о знаніи» имѣли значеніе для исторіи философскихъ школъ въ Германіи, потому что Целлеръ, кажется, на нихъ въ первый разъ рѣшительно заявилъ свое отпаденіе отъ гегельянства, — и для слушателей, которые были совершенно незнакомы съ логикой; эти лекціи главнымъ образомъ были посвящены изложенію общеизвѣстныхъ логическихъ понятій, потерпѣвшихъ немного видоизмѣненій подъ вліяніемъ целлеровскаго критицизма.

Въ своихъ лекціяхъ по «Исторіи философіи» онъ старался только съ возможной вѣрностью и во взаимной связи представить развитіе философскихъ ученій.

Общаго научнаго значенія нельзя приписать ни тѣмъ, ни другимъ лекціямъ. На нихъ можно было только вполнѣ убѣдиться, какъ трудно въ настоящее время преподавать въ университетѣ нѣкоторыя части философіи. Талантливый, извѣстный своей глубокой ученостью Целлеръ, почти всегда говорилъ такъ, что собственно его не стоило слушать. Логика, въ теченіе своего двухтысячелѣтняго существованія, не сдѣлавшая почти ни одного шага впередъ, требуетъ рѣшительнаго преобразованія согласно съ настоящимъ развитіемъ научнаго духа; но новый путь логическихъ изслѣдованій

еще не проложенъ, и только составляетъ предметъ болѣе или менѣе неудачныхъ исканій. Исторія философіи, несмотря на то, что обрабатывается научно только съ недавняго времени, сдѣлала уже очень много: теперь оказывается необходимымъ знать не только то, какъ философствовали прежде, но и общіе законы развитія философской мысли. А между тѣмъ еще недостаточно выработалась общая философская точка зрѣнія, на которой была бы возможна такая высшая форма этой науки. Поэтому теперь преподавателю логики и исторіи философіи, если онъ не принадлежитъ къ числу творческихъ умовъ, приходится нерѣдко въ значительной мѣрѣ игнорировать изобрѣтеніе Гуттенберга и мудрый совѣтъ Фихте — не читать съ каѳедры того, что студентъ можетъ прочитать дома.

Кромѣ лекцій Целлера, я успѣлъ еще ознакомиться съ лекціями Рейхлинъ-Мелдека и Вундта.

Рейхлинъ-Мелдекъ читалъ эстетическія лекціи о «Фаустѣ» Гёте (такія лекціи читаются преподавателями философіи во многихъ нѣмецкихъ университетахъ. Предметомъ ихъ и въ настоящее время по большей части избираютъ Шекспира и Гёте). Эстетическія лекціи Рейхлинъ-Мелдека состояли въ томъ, что онъ прочитывалъ нѣсколько стиховъ изъ Фауста, и потомъ старался не болѣе, какъ только объяснить ихъ смыслъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ комментаторы св. писанія. Такое далеко не философское отношеніе къ предмету въ лекціяхъ, причисляемыхъ къ философскимъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, показываетъ, что и въ Германіи философское изслѣдованіе отдѣльныхъ произведеній искусства еще не достигло надлежащаго совершенства (конечно — въ своемъ общемъ уровнѣ).

Направленіе, въ которомъ работаетъ Вундтъ, стоитъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько подробнѣе. Къ идеализму онъ относится такъ: «когда идеалисты занимались расчлененіемъ понятій человѣческаго духа, изслѣдовали ихъ сродство, выводили одно изъ другаго,— это была истинно-научная работа. Но когда философъ шелъ далѣе, осмѣливался изъ общихъ понятій развивать цѣлый міръ опыта, когда онъ начиналъ самымъ страннымъ образомъ противорѣчить естественной здравой логикѣ, чтобы еще однажды создать міръ изъ ничего, — манія мышленія овладѣвала всѣми умами, и каждый, ничему неучившійся, считалъ нужнымъ только мыслить, чтобы творить въ наукѣ, искусствѣ, исторіи, даже въ самомъ мірозданіи, и когда наконецъ философія взялась исправлять исторію по самодѣльному образцу, тогда разумная наука попала на самый ошибочный путь,

и дошла по нему до сумасшествія, которое могло сдѣлаться опаснымъ и для науки, и для всего существующаго порядка вещей. Къ счастію, этого не случилось: извѣстно', что и въ безуміи есть методъ, а методъ идеалистическаго безумія состоялъ въ томъ, что оно позволяло существующему спокойно продолжать свое существованіе,—только объявляло его своимъ произведеніемъ». Къ матеріализму Вундтъ относится столь же неблагопріятно, какъ и къ идеализму. «Множество опытовъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія связь физіологическихъ отправленій мозга съ душевными дѣятельностями. Прослѣдить эту связь далѣе путемъ опыта и наблюденія—конечно составляетъ задачу, заслуживающую всякаго вниманія. Но новый матеріализмъ, взявшись за эту задачу, не прибавилъ ничего къ положительнымъ результатамъ науки. Онъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что или составляетъ лишенныя всякаго основанія ипотезы о связи физическихъ отправленій съ душевными процессами, или возводитъ свойство душевныхъ силъ къ какому нибудь извѣстному физическому дѣятелю. Съ перваго взгляда можно удивляться тому, что трудъ, потраченный въ послѣднія десятилѣтія на матеріалистическую и антиматеріалистическую популярную философію, имѣлъ такъ мало результатовъ. Но если ближе вникнуть въ сущность спора, то дивиться будетъ нечему. Онъ опять вращался около вопросовъ, которые занимали болѣе всего спекулятивныхъ философовъ — около вопросовъ о существѣ души, ея сѣдалищѣ, связи съ тѣломъ, происхожденіи и будущихъ судьбахъ. Эти проблеммы, конечно — необыкновенно интересны; но онѣ частію никогда не рѣшатся, частію рѣшатся только нелитературными спорами. Матеріализмъ впалъ въ ту же ошибку, которую сдѣлала спекулятивная философія: вмѣсто того, чтобы заняться явленіями, несомнѣнно подлежащими наблюденію, и изслѣдовать ихъ законосообразную связь, онъ занялся основными метафизическими вопросами психологіи. Поэтому нисколько не удивительно, что матеріализмъ и спиритуализмъ, вышедши изъ столь различныхъ точекъ, въ концѣ пришли къ одной и той же цѣли, или безцѣльности: оба напередъ покончили съ духовною жизнью: одинъ считалъ трудъ точнаго научнаго изслѣдованія невозможнымъ, другой — ненужнымъ». Вундтъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ мыслителей, которые убѣждены, что время произвольнаго построенія системъ прошло безвозвратно, что для философіи наступила пора точнаго *изслѣдованія*. Его собственныя изслѣдованія обращены на психологію. Недоста-

точное состояніе настоящей психологіи онъ объясняетъ тѣмъ, что психологи доселѣ довольствовались самымъ грубымъ наблюденіемъ, и не пытались улучшить и распространить его посредствомъ болѣе совершенныхъ методовъ. Усовершенствованія психологіи Вундтъ ожидаетъ отъ:

а) распространенія психологическаго наблюденія на душевную жизнь животныхъ, при чемъ высшія, болѣе сложныя формы человѣческой душевной жизни могутъ объясняться простѣйшими однородными формами душевной жизни животныхъ, и наоборотъ.

б) Отъ развитія *естественной исторіи* человѣческаго общества. «Доселѣ исторія преимущественно изслѣдовала индивидуальную жизнь людей. Но человѣчество и отдѣльные народы ведутъ еще *естественно-историческое* существованіе, которое во всѣхъ явленіяхъ зависитъ отъ состоянія цѣлаго общества. Съ помощію статистическихъ изслѣдованій, національная экономія начинаетъ получать достоинство истинной *естественной исторіи человѣческаго общества*. Новая статистика, какъ ни мало она сдѣлала для своей задачи, все-таки уже предлагаетъ психологіи въ высшей степени богатый матеріалъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ статистическихъ изслѣдованій психологъ можетъ научиться большему, чѣмъ изъ всѣхъ философовъ, исключая Аристотеля. Этотъ путь не только даетъ психологіи много новаго, но сообщаетъ ея выводамъ еще математическую точность».

в) Наконецъ самое важное пособіе для психологіи Вундтъ находитъ въ *опытѣ*, который доселѣ не находилъ въ ней почти никакого приложенія. «Если естествоиспытатель изслѣдуетъ причину явленія, то онъ не ограничивается наблюденіемъ вещей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ непосредственно существуютъ въ природѣ. Ограничиваясь этимъ, онъ никогда бы не пришелъ къ своей цѣли. Исторія физики говоритъ, что только тогда успѣвали проникать въ причинную связь явленій, когда къ *наблюденію* присоединяли *опытъ*» *).

*) Посредствомъ опыта Вундтъ такъ опредѣляетъ, наприм., быстроту мысли. Онъ беретъ большой маятникъ, снабженный стрѣлкой, проходящей по раздѣленному кругу. Точка вращенія маятника находится почти въ его срединѣ; здѣсь же къ нему прикрѣпленъ горизонтальный металлическій прутъ. Этотъ прутъ, при движеніи маятника, толкаетъ мѣдный рычагъ, который при этомъ издаетъ ясно слышанный звукъ. Стрѣлка маятника, проходящая по раздѣленному кругу, въ моментъ звука никогда не бываетъ видима на томъ мѣстѣ, на которомъ дѣйстви-

Не отрицая ограниченности вундтова направленія, нельзя не признать его благотворности, особенно въ настоящее время, когда истинно философскую мысль такъ часто стараются замѣнить дешевыми средствами академическаго краснорѣчія.

Къ моимъ домашнимъ занятіямъ исторіей философіи, я счелъ нужнымъ присоединить еще изученіе исторіи и теоріи университетской жизни (Ея развитіе и характеръ въ Германіи вызвали цѣлую науку о ней съ богатой литературой — годегетику. Лекціи по этой наукѣ — далеко не излишнія и у насъ — справедливо считаются здѣсь обязанностью главнымъ образомъ преподавателя философіи).

23-го марта 1863 года.

12) Кандидата В. Власьева.

Имѣю честь донести о томъ, что въ теченіе зимняго семестра я слушалъ лекціи въ гейдельбергскомъ университетѣ, о чемъ я уже имѣлъ честь доносить и въ предыдущемъ своемъ отчетѣ. Лѣтній семестръ, который здѣсь начинается съ 15-го апрѣля, я думаю провести также при этомъ же университетѣ и записался на лекціи: Bluntschli — Politik и его же Geschichte der neueren Staastwissenschaft (allgemeines Staatsrecht und Politik); Rau — Volkswirtschaftslehre (Nationalökonomik); Dietzel — Handelspolitik und Handelsverträge; Laspeires — Armenwesen и Rau — Landwirthschaftslehre.

Политическія науки въ здѣшнемъ университетѣ входятъ въ составъ камеральнаго факультета, который составляетъ отдѣлъ философскаго факультета. Это присоединеніе камеральныхъ наукъ объясняется историческими условіями возникновенія этого факультета. Карлъ Теодоръ Пфальцскій основалъ въ 1774 году Cameralhochschule въ Kaiserlautern, которая потомъ была переведена въ 1784 году въ Гейдельбергъ, а въ 1822 году присоединена къ университету, какъ отдѣлъ философскаго факультета. Надо сказать, что факультетъ этотъ сохранилъ только названіе старое — каме-

тельно находится. Обыкновенно стрѣлку мы видимъ прежде, чѣмъ слышимъ звукъ. Но если обратить главнымъ образомъ вниманіе на звукъ, и ожидать его, то мы увидимъ стрѣлку только послѣ удара, и при томъ на столько позже, на сколько прежде видѣли ее ранѣе. На основаніи пространства, которое лежитъ между положеніемъ маятника, при которомъ произошелъ звукъ, и положеніемъ, при которомъ онъ былъ услышанъ, можно точно опредѣлить время, проходящее отъ сознанія звука до сознанія зрительнаго впечатлѣнія, или наоборотъ. А это самое короткое время, въ какое только могутъ слѣдовать другъ за другомъ два представленія. Оно = $1/8$ секунды.

ральныхъ наукъ, но въ сущности его можно скорѣе назвать факультетомъ политическихъ и административныхъ наукъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I, король прусскій, видя недостаточность одного только юридическаго образованія для людей, поступающихъ на государственную службу по административнымъ и финансовымъ должностямъ, учредилъ въ университетахъ въ Галлѣ и Франкфуртѣ чтенія камеральныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ состоялъ изъ полиціи, экономіи (частной) и финансовъ, или какъ тогда говорили aus Öconomischen - Politischen - und Cameral - Wissenschaften, а для сокращенія употребляли просто Cameral-Wissenschaften. Въ нынѣшнемъ столѣтіи большая разработка наукъ политическихъ и экономическихъ вызвала потребность въ другой группировкѣ. Частная экономія (Privatökonomie) распалась на отдѣльныя части, какъ то сельское хозяйство, технологія и др, изъ которыхъ каждая часть требуетъ исключительнаго занятія ею одною и имѣетъ для этого особыя учрежденія. Финансы государственные получили другое основаніе, чѣмъ они имѣли въ прошлыя столѣтія, и основываются теперь болѣе на законахъ политической экономіи, образовавшейся въ особую науку въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ послѣднее время политика какъ особая наука вошла въ курсъ университетскаго преподаванія. Всѣ эти науки, группируясь вмѣстѣ и входя въ камеральный факультетъ, измѣняютъ вполнѣ первоначальный его характеръ. Что касается до полиціи, то экономическая часть ея—Volkswirthschaftspolitik читается какъ особый отдѣлъ, и этотъ отдѣлъ очень прилежно разработывается; но нельзя того же сказать о полиціи охранительной (Shutz-Polizei) въ послѣднее время нѣтъ ни одного новаго сочиненія по ней. Часть же, которая имѣетъ въ виду народное образованіе (Bildungs-politik), читается въ нѣкоторыхъ университетахъ какъ спеціальный отдѣлъ, какъ напримѣръ въ нынѣшнемъ году во фрейбургскомъ университетѣ.

7-го апрѣля 1863 года.

13) Н. Мельникова.

Въ прошлые три мѣсяца я продолжалъ посѣщать лекціи эмбріологіи D-r Stricker'а, лекціи физіологіи профессора Брюкке и занимался въ его лабораторіи гистологіею пищеварительнаго канала рыбъ. Пищеварительный каналъ рыбъ представляетъ нѣкоторыя интересныя гистологическія особенности.

Въ настоящемъ отчетѣ я позволю себѣ указать на нихъ и изложить, такимъ образомъ, болѣе интересные результаты какъ всѣхъ до сихъ поръ существующихъ работъ по гистологіи пищеварительнаго канала рыбъ, такъ и своихъ изслѣдованій.

На губахъ, слизистой оболочкѣ полости рта и зѣва у нѣкоторыхъ костескелетныхъ и у всѣхъ осетровыхъ рыбъ встрѣчаются особаго рода, только классу рыбъ свойственные, сосочки съ бокаловидными прибавками.

Сосочки эти представляются или въ формѣ простыхъ, конусовидныхъ отростковъ, въ углубленіяхъ концовъ которыхъ сидятъ бокаловидные прибавки; или — сложными, т. е. сосочки усажены сосочками же, на которыхъ уже сидятъ названные прибавки.

При болѣе внимательномъ изслѣдованіи сосочковъ, въ каждомъ изъ нихъ, какъ простомъ, такъ и сложномъ, замѣчается кровеносный сосудъ, котораго вѣточки, въ концахъ сосочковъ, образуютъ петли. При употребленіи извѣстныхъ реактивовъ можно замѣтить въ сосочкахъ и нервныя волокна. Послѣднія къ концамъ сосочковъ замѣтно дѣлаются блѣднѣе и наконецъ совершенно теряются.

Что касается бокаловидныхъ прибавковъ, такъ это овальныя тѣла, нижнимъ полюсомъ сидящія въ углубленіяхъ концовъ сосочковъ, а на верхнемъ — имѣющія круглыя отверстія. Элементы ихъ, по Лейдигу, которымъ въ первый разъ они и были описаны (Über die Haut einiger Süsswasserfische. Zeitschr. f. wiss. Zool. Bd. III), суть удлиненныя клѣтки.

Сосочки съ ихъ бокаловидными прибавками, какъ и вся слизистая оболочка пасти рыбъ, покрыта слоистымъ плоскимъ эпителіемъ.

Между обыкновенными клѣтками этого плоскаго эпителія замѣчаются у нѣкоторыхъ рыбъ особыя слизевыя клѣтки, подобныя тѣмъ, какія описаны Лейдигомъ между клѣтками epidermis костескелетныхъ рыбъ.

Весьма интересна бѣловатая или желтоватая желѣзистая масса подъ слизистой оболочкой зѣва у Chimaera Monstrosa. Эту массу Лейдигъ, вмѣстѣ съ подобною же массою, находящеюся между слизистой и мышечной оболочками пищевода у скатовъ и акулъ, считаетъ гистологически аналогичною лимфатическимъ желѣзамъ высшихъ животныхъ.

Мускулатура рта, пасти и пищевода состоитъ исключительно изъ поперечно-полосатыхъ мышечныхъ волоконъ. Наблюденіе Da-

raine'a, что въ такъ называемомъ сократительномъ нёбномъ органѣ карповыхъ рыбъ есть и гладкія мышечныя волокна, не подтвердилось позднѣйшими изслѣдованіями.

Строеніе стѣнокъ остальнаго пищеварительнаго канала рыбъ тоже не неинтересно.

Мышечная оболочка желудка и кишекъ обыкновенно состоитъ изъ гладкихъ элементовъ — замѣчательное исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ родъ Tinca, у котораго весь кишечный каналъ одѣтъ слоемъ поперечно-полосатыхъ мышцъ (Reichert und Weber см. Stannius'a Zootomie). Слизистая оболочка желудка рыбъ часто не имѣетъ желѣзъ. Если же онѣ есть, какъ у рыбъ изъ отдѣловъ Selachii, Ganoidei и большей части видовъ группы Teleottei, такъ никогда не выстилаютъ совершенно внутренной стѣнки желудка.

Изслѣдуя желудокъ такихъ рыбъ, всегда можно напасть на полосу, непредставляющую желѣзъ по всему протяженію желудка.

Что касается до структуры желѣзъ желудка рыбъ, такъ онѣ не имѣютъ собственной оболочки *). Клѣтки ихъ обыкновенно цилиндрической формы и отличаются отъ клѣтокъ цилиндрическаго эпителія, выстилающаго поверхность слизистой оболочкѣ желудка; величиною онѣ нѣсколько меньше. И въ слизистой оболочкѣ кишекъ рыбъ, имѣющихъ желудокъ, иногда встрѣчаются явственныя желѣзы. Такъ Лейдигъ описываетъ простыя мѣшковидныя желѣзы у Trupedo Galvanii и именно въ той части кишекъ, которая соотвѣтствуетъ тонкимъ кишкамъ высшихъ животныхъ; потомъ — гроздовидныя желѣзы съ короткимъ выводящимъ протокомъ — въ началѣ задне-проходной кишки акулъ и скатовъ. Первыя считаетъ онъ либерксановыми желѣзами, а вторыя бруннеровыми желѣзами рыбъ.

Но въ большей части случаевъ принимать или отрицать присутствіе желѣзъ въ кишкахъ у рыбъ зависитъ, говоритъ Лейдигъ, отъ личнаго взгляда: слизистая оболочка кишекъ вообще всѣхъ рыбъ, въ особенности же нѣкоторыхъ видовъ этого класса, представляетъ такую массу складокъ и перекладинъ, идущихъ во всевозможныхъ направленіяхъ, различнымъ образомъ перекрещивающихся, что поверхность ея кажется невооруженному глазу такой же, какой представляется, подъ микроскопомъ, поверхность слизистой оболочки желудка лягушки (изъ желѣзъ желудка должно быть только сначала выдавлено содержимое).

*) (См. Beiträge zur mikrosk. Anat. und Entw. der Rochen und Haie, Leydig'a).

Складки слизистой оболочки кишекъ микроскопически состоятъ изъ ткани съ такимъ же нерѣзкимъ характеромъ, какъ и ткань кишечныхъ ворсинокъ высшихъ животныхъ.

Настоящія ворсинки встрѣчаются только у небольшаго числа видовъ рыбъ. Что касается до слизистой оболочки кишекъ тѣхъ рыбъ, которыя не имѣютъ дѣйствительнаго желудка, такъ она или совершенно лишена желѣзъ или представляетъ, по длинѣ всего кишечнаго канала, однородныя желѣзы. Нѣтъ вовсе желѣзъ у Petromyzon Planeri, одной изъ тѣхъ рыбъ, у которыхъ цилиндрическій эпителій, выбрасающій слизистую оболочку кишекъ — мерцательный (Leydig. Anat. Hist. Unters. über Fische und Reptilien). Второй случай представляетъ намъ кишечный каналъ обыкновеннаго карпа. Я видѣлъ въ его кишечномъ каналѣ мѣшковидныя желѣзы, выстланныя густымъ, цилиндрическимъ эпителіемъ. Что это за желѣзы—я не могу сказать теперь еще положительно, такъ какъ только что началъ опыты съ пищеварительными жидкостями; но въ слѣдующемъ отчетѣ надѣюсь уже сообщить и результаты этихъ изслѣдованій.

14) Кандидата Даніила Деларю.

Честь имѣю довести до свѣденія департамента, что я, какъ и намѣревался, переѣхалъ для продолженія моихъ занятій въ Парижъ. Переѣздъ этотъ, очевидно, произвелъ довольно значительный перерывъ въ моихъ занятіяхъ, такъ что за эти три мѣсяца я не успѣлъ сдѣлать столько, сколько желалъ бы. Прибылъ я сюда еще во время весеннихъ вакацій и только нѣсколько дней тому назадъ могъ начать посѣщать лекціи въ Collège de France. Долженъ сказать къ тому же, что, къ сожалѣнію, большинство здѣшнихъ профессоровъ продолжаютъ изложеніе статей, читанныхъ ими въ прошедшій семестръ. Такъ *Серре* продолжаетъ излагать теорію прецессій и нутацій, *Бертранъ*—методы интегрированія дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ; одинъ *Лъювилъ* начинаетъ новую статью — исчисленіе вѣроятностей. Что касается до лекцій въ Сорбоннѣ, то посѣщать ихъ теперь я не буду, такъ какъ это лѣто не преподается здѣсь по математикѣ ничего, заслуживающаго вниманія. Извѣстный геометръ Шаль (Chasles) читаетъ свой курсъ высшей геометріи только въ теченіе зимняго семестра. Такъ - какъ небольшое число посѣщаемыхъ мною лекцій оставляетъ мнѣ не мало свободнаго времени, то я и пользуюсь имъ для про-

долженія начатыхъ мною еще въ Гейдельбергѣ занятій по алгебраическому анализу.

Въ настоящую минуту не имѣю ничего болѣе сказать о своихъ занятіяхъ: я вообще продолжаю работать въ томъ направленіи, о которомъ говорилъ въ предъидущемъ отчетѣ моемъ. Что касается до лекцій, которыя слушалъ въ Гейдельбергѣ, то къ высказанному мною о нихъ прежде не имѣю прибавить ничего особеннаго; о лекціяхъ же здѣшнихъ профессоровъ говорить еще не берусь, такъ-какъ еще слишкомъ недавно сталъ посѣщать ихъ и не составилъ себѣ хоть сколько нибудь вѣрнаго и отчетливаго понятія объ ихъ направленіи и достоинствахъ. Надѣюсь однако, что оставаясь теперь на мѣстѣ до окончанія срока моей командировки, я буду въ состояніи представлять отчеты въ занятіяхъ моихъ, болѣе обильные содержаніемъ, чѣмъ настоящій.

Парижъ, 15-го апрѣля 1863 года.

15) В. Модестова.

(За три мѣсяца).

Въ послѣднемъ своемъ отчетѣ я старался, хотя сжато, но послѣдовательно передать содержаніе лекцій Ричля, относящихся къ «введенію въ историческую грамматику латинскаго языка». При этомъ я имѣлъ въ виду, что сообщенныя мною свѣденія, будучи напечатаны въ жур. мин. нар. просв., не останутся безполезными для нашихъ преподавателей латинскаго языка, если не какъ научное достояніе, то какъ новость, способная возбудить вниманіе къ движенію науки. Свѣденія, которыя я намѣренъ сообщить теперь, могутъ принести нѣкоторымъ изъ нашихъ преподавателей положительную пользу, ибо они касаются тѣхъ научныхъ средствъ, безъ знакомства съ которыми разумное преподаваніе латинскаго языка невозможно. Это — результаты моихъ занятій, возбужденныхъ нѣсколькими *) лекціями Ричля о новой граматической и лексикографической литературѣ по латинскому языку.

Начало разработки латинской грамматики, какъ и вообще древней филологіи, принадлежитъ итальянцамъ. Направленіе, данное ими грамматикѣ, было *эмпирическое*, т. е. не философское, поднятое въ XVIII ст., и не историческое, на которое заявило притязаніе

*) Ричль сказалъ объ этомъ 2 лекціи.

богатое ученостью наше время, а то самое, представительницами котораго у насъ служатъ грамматики Цумпта и Кюнера.

Первое замѣчательное сочиненіе по латинской грамматикѣ принадлежитъ Лаврентію Валлѣ (1415—1465), написавшему «De linguae latinae elegantia libri sex». Это сочиненіе имѣло много изданій. Я пользовался кёльнскимъ изданіемъ 1545 г. «Elegantiae» Валлы до сихъ поръ заслуживаютъ вниманіе по многимъ дѣльнымъ и остроумнымъ замѣчаніямъ. Но системы въ нихъ нѣтъ никакой: въ отдѣльныхъ главахъ занимается Валла, то склоненіями и спряженіями, то этимологіей и синонимикой, то синтаксисомъ.

Въ XVI ст. англичанинъ Thomas Linacer въ своемъ сочиненіи «De emendata structura latini sermonis libri VI» представилъ уже въ нѣкоторой степени систематическое изложеніе латинскаго синтаксиса. Въ первый разъ вышло это сочиненіе въ Лондонѣ 1524 г. Я пользовался лейпцигскимъ изданіемъ 1569.

Систематическая латинская грамматика въ первый разъ написана испанскимъ іезуитомъ Эмман. Альварезомъ (по лат. Alvarus). Называется это сочиненіе «De institutione grammmatica libri III, 1572. Я не могъ достать этой книги; но ее весьма хвалятъ.

Въ XVI вѣкѣ возбудила особенное вниманіе книга другаго испанца, Франц. Санкція (Francisco Sanchez de las Brozas), саламанкскаго профессора. Книга его вышла въ 1587 г. въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: Minerva seu de causis lingvae latinae commentarius. Она замѣчательна тѣмъ, что въ ней объясняется эллипсами все, что только вздумалось объяснять такъ ея сочинителю. Санкціева «Минерва» получила весьма дѣльную обработку отъ знаменитаго голландца XVII в., Перизонія, который издалъ ее 4 раза. Читать Санкція слѣдуетъ именно по Перизонію, а сдѣланное въ концѣ прошлаго столѣтія изданіе нѣмцемъ Людвигомъ Бауэромъ никуда не годится.

Не знаю, почему Ричль не упомянулъ Ю. Цез. Скалигера: «De cavsis linguae latinae libri tredecem (Лейденъ 1540). Я пользовался изданіемъ 1597 г., гдѣ не обозначено мѣсто изданія. Въ сочиненіи Ю. Цез. Скалигера можно найти очень ученую разработку этимологіи и фонетики.

Первое замѣчательное сочиненіе по латинской грамматикѣ, составленное нѣмецкимъ ученымъ, принадлежитъ Герм. Іог. Фоссу, именно De arte grammatica libri VII, Amsterd. 1635. Мнѣ кажется, что Фоссъ былъ полезенъ всего болѣе трудолюбивымъ собраніемъ

матеріаловъ. Того здраваго смысла, который ему приписываютъ нѣмецкіе ученые, я не могъ найти въ большой мѣрѣ. Нелѣпостей въ его книгѣ много. Напр, въ 9-й главѣ 1-й кн. онъ приписываетъ изобрѣтеніе алфавита «Адамову сыну, Сиѳу». Стремленіе обращаться къ еврейскому языку при объясненіи латинскихъ словъ тоже не можетъ принадлежать къ ученымъ пріемамъ, руководимымъ здравымъ смысломъ. Впрочемъ, какъ сборникъ матеріаловъ, книга Фосса не безполезна и въ наше время. Я пользовался первымъ изданіемъ, сдѣланнымъ въ Амстердамѣ 1635.

Иное дѣло — сочиненіе англичанина Томаса Рудиманна: Institutiones gramatticae latinae. Edinb. 1725. Я пользовался осьмымъ эдинбургскимъ изданіемъ 1762, сдѣланнымъ для школы. Если бы грамматическія правила написаны были обыкновеннымъ языкомъ, а не нелѣпыми стихами, то можно было бы сказать, что Рудиманнъ исполнилъ свое дѣло, какъ очень умный человѣкъ.

Нѣсколькими годами раньше книги Рудиманна появилось въ Римѣ сочиненіе бенедиктинскаго монаха Августина Маріи де Монте, подъ заглавіемъ: Latium restitutum sive latina lingua in veterem restituta splendorem. Romae 1720. О достоинствѣ этого сочиненія ничего не могу сказать, потому что не видалъ его. Оно сдѣлалось чрезвычайной библіографической рѣдкостью. Замѣчательно оно тѣмъ, что посвящено Богородицѣ. Рейзигъ говоритъ, что синтаксисъ обработанъ въ этой книгѣ гораздо полнѣе, чѣмъ у Рудиманна (Vorles. üb. lat. Sprachwis. pag. 32).

Grammatica latina Marchica (Berl. 1718) составлена обществомъ нѣмецкихъ ученыхъ по старинной французской грамматикѣ: Nouvelle methode pour apprendre facilement et en peu de temps la langue latine, которая въ свою очередь составлена тоже обществомъ ученыхъ, именно par Messieurs de Port Royal.

О Шеллерѣ и Брёдерѣ — нѣмецкихъ грамматикахъ XVIII вѣка говорить не стоитъ, хотя они и пользовались когда-то славой. А надобно сказать о Шнейдерѣ (Конрадъ Леопольдъ). Ричль находитъ его неоконченный трудъ самостоятельнымъ и очень хорошимъ. Шнейдеръ успѣлъ только написать о буквахъ и слогахъ, да о формахъ до прилагательнаго. Его книгу взялся продолжать остзейскій нѣмецъ Neu называвшій себя по латыни Nevius: Formenlehre der lateinischen Sprache. Mitau, 1836. Этой книги вообще лучше не читать.

Грамматика Рейзига, т. е. его Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft (Leipz. 1836), есть лучшая ученая грамматика латин-

скаго языка. Впрочемъ все достоинство ея заключается въ умномъ и ловкомъ изложенiи синтаксиса. Этимологическiй отдѣлъ въ многихъ отношенiяхъ не выдерживаетъ современной критики. Есть у Рейзига особенная часть, совершенно новая, которую онъ называетъ семасiологiей, т. е. ученiемъ о значенiи словъ.

Нельзя не указать на превосходную книгу датчанина Мадвига. Здѣсь въ сжатой и ясной формѣ содержится все, что̀ сдѣлало эмпирическое направленiе. Послѣднее нѣмецкое изданiе этой книги сдѣлано въ 1857 въ Брауншвейгѣ. Было бы очень хорошо, если бы Мадвигова грамматика была у насъ распространена по больше на счетъ Цумпта и Кюнера.

Двѣ лекцiи Ричль употребилъ на исторiю философской и сравнительно-исторической грамматики. Такъ-какъ предметъ этотъ касается латинскаго языка столько же, какъ и всякаго другаго, и такъ-какъ объ этомъ предметѣ я имѣю мало положительныхъ знанiй въ силу того, что онъ выходитъ изъ круга моей спецiальности, то я не беру на себя труда толковать о томъ по поводу лекцiй Ричля. Считаю нужнымъ только замѣтить, что философская грамматика, получившая начало въ прошломъ столѣтiи, не достигла своей цѣли по неимѣнiю достаточнаго количества положительныхъ данныхъ объ языкахъ разныхъ народовъ. Что касается до сравнительнаго и историческаго метода въ приложенiи къ латинскому языку, то первый установилъ прочно его мѣсто въ ряду другихъ индо-европейскихъ языковъ, а послѣднiй служитъ въ настоящее время единственнымъ методомъ, который можетъ двинуть далѣе изученiе языка. О литературѣ и результатахъ сравнительнаго языкознанiя можно найти много дѣльнаго въ книгѣ Макса Миллера, о которой я имѣлъ случай говорить въ своей статьѣ о классической филологiи (мартовская книжка Жур. Мин. Нар. Просв.). По исторiи латинскаго языка, если сдѣлано и не мало, то нѣтъ ни одного систематическаго сочиненiя.

Остается сказать теперь о латинской лексикографiи. При этомъ я считаю нужнымъ указать только на особенно видныя произведенiя.

Какъ греческая лексикографiя основывается на исполинскомъ трудѣ Генриха Стефана, такъ латинская на менѣе основательномъ трудѣ Роберта Стефана, французовъ знаменитой фаланги филологовъ XVI вѣка.

Два вѣка Thesaurus Роберта Стефана былъ незамѣнимымъ про-

изведенiемъ. Въ 1749 г. появилась въ Лейпцигѣ передѣлка этого лексикона, сдѣланная очень ученымъ и умнымъ нѣмцемъ, Геснеромъ. Геснеръ всего болѣе пользовался Персiемъ и Ювеналомъ, такъ что его лексиконъ можно употреблять, какъ спецiальный при чтенiи этихъ поэтовъ. Жаль только, что «Novus linguae et eruditionis romanae thesaurus, post Rob. Stephani et aliorum curas digestus, locupletus et emendatus» неудобенъ для пользованiя потому, что къ алфавитному порядку въ немъ примѣшивается еще этимологическiй. Геснеровъ трудъ имѣетъ большое преимущество передъ трудомъ Роберта Стефана въ этимлоогическомъ отношенiи.

Въ 1771 г. вышелъ Lexicon totius latinitatis Форчеллини, составленный имъ подъ руководствомъ знаменитаго ректора падуанской семинарiи Фаччiолатти. Это до сихъ поръ самый уважаемый въ Европѣ латинскiй лексиконъ, хотя нѣмцы предпочитаютъ пользоваться Фрейндомъ. Этимологическая часть у Форчеллини слаба, такъ что Ричль совершенно справедливо замѣтилъ, что эта часть лучше и у Геснера. Но по полнотѣ и постоянной вѣрности цитатъ, Форчеллини, по моему мнѣнiю, остается до сихъ поръ самымъ лучшимъ латинскимъ лексикономъ въ мiрѣ.

Wörterbuch der lateinischen Sprache Вильгельма Фрейнда (Leipz. 1834) дѣйствительно могъ бы стоять гораздо выше Форчеллини, если бы составитель его выполнилъ тотъ планъ, который онъ принялъ въ основанiе, т. е., если бы онъ представилъ намъ дѣйствительно исторически-генетическiй лексиконъ латинскаго языка. Впрочемъ, лексиконъ Фрейнда былъ большимъ шагомъ впередъ, послѣ котораго не сдѣлано ничего далѣе на этомъ поприщѣ.

Послѣднiя лекцiи Ричля, которыми онъ заключилъ зимнiй семестръ, посвящены были чтенiю исторiи латинскаго алфавита, при чемъ почтенный профессоръ преподавалъ своимъ слушателямъ таинства палеографiи.

О тѣхъ немногихъ лекцiяхъ, какiя Ричль успѣлъ прочесть въ настоящiй семестръ, сказать пока нечего. Онъ началъ строить теперь свою историческую грамматику, о которой я желалъ бы представить подробный отчетъ за одинъ разъ по окончанiи семестра.

Занимался я между прочимъ чтенiемъ Плавта съ спецiальною цѣлью изученiя древняго латинскаго языка, и читалъ эклоги Виргилiя, обращая особенное вниманiе на комментарiи древнихъ грамматиковъ.

Наконецъ приступилъ къ составленію изданія Тацитова «Агриколы». Оно войдетъ въ ту серію изданій древнихъ авторовъ, которую откроютъ, по возвращеніи въ Россію, нѣсколько молодыхъ филологовъ.

Боннъ, $\frac{\text{29-го апрѣля}}{\text{11-го мая}}$ 1863 года.

16) Кандидата Степанова.

По окончаніи семестра въ гейдельбергскомъ университетѣ, рѣшился я отправиться куда нибудь къ берегу моря, чтобы наглядно познакомиться съ морскою фауною; я надѣялся также заняться тамъ, на сколько позволитъ время, анатоміею и исторіею развитія нѣкоторыхъ изъ представителей этой послѣдней; экскурсія такая, наконецъ, давала мнѣ возможность сдѣлать запасъ матеріала для предстоящихъ работъ у профессора Лейкарта въ Гиссенѣ, гдѣ я разсчитывалъ провести лѣтній семестръ. Имѣя для выполненія всѣхъ своихъ намѣреній въ распоряженіи только полтора мѣсяца, мнѣ нечего и думать было о рѣшеніи какой-бы то ни было спеціальной задачи; я даже не могъ быть увѣреннымъ въ правильномъ ходѣ моихъ занятій, такъ какъ и для этого нужна уже извѣстная степень опытности; все это однако нисколько не могло въ глазахъ моихъ уменьшить ту пользу, которую должна была мнѣ принести предполагаемая поѣздка. Болѣе спеціально впрочемъ намѣренъ былъ я работать надъ анатоміею животныхъ иглокожихъ и кольчатыхъ червей, для чего и занялся передъ отъѣздомъ изъ Гейдельберга ихъ систематикою.

По совѣту профессора Паженштехера, выбралъ я для своихъ занятій городокъ Специю, на берегу Средиземнаго моря; Паженштехеръ работалъ самъ въ этомъ мѣстѣ и рекомендовалъ мнѣ заливъ Специи какъ особенно богатый разнообразіемъ животныхъ. Кромѣ того, въ Пизѣ, проѣздомъ, имѣлъ я случай видѣться съ профессоромъ зоологіи Sari, который также ручался мнѣ за успѣхъ занятій въ Специи. Въ Пизѣ могъ я осмотрѣть прекрасный кабинетъ сравнительной анатоміи; начало ему положилъ самъ профессоръ Sari и потомъ впродолженіе 40 лѣтъ старался его обогащать разными препаратами, большая часть которыхъ относится къ анатоміи позвоночныхъ животныхъ; искусство, съ которымъ они приготовлены, показываетъ, что профессоръ занимался своимъ дѣломъ съ полною любовью. Я успѣлъ также посѣтить одну изъ его лекцій

зоологіи: предметъ ея составляло введеніе въ систематику птицъ; лекція эта не представляла ничего особеннаго, что̀ бы могло мнѣ дать право сдѣлать заключеніе вообще о методѣ преподаванія профессора.

По пріѣздѣ въ Специю, предположеніе мое о трудности дать опредѣленный ходъ своимъ занятіямъ вполнѣ оправдалось; такимъ образомъ, найдя большое количество матеріала по исторіи развитія ракообразныхъ и мягкотѣлыхъ, я бросился было сперва за ихъ изслѣдованіе, но скоро долженъ былъ убѣдиться на дѣлѣ, что прослѣдить весь ходъ развитія хотя одного изъ названныхъ мною животныхъ, отняло бы у меня все время; кромѣ того, недостатокъ книгъ и трудность устройства аквариума, который бы вполнѣ удовлетворялъ спеціальной цѣли, заставили меня довольствоваться наблюденіемъ только нѣкоторыхъ, мнѣ попадавшихся, фазъ. Болѣе положительно занялся я анатоміею иглокожихъ животныхъ; кольчатыхъ червей удалось мнѣ найти только въ небольшомъ числѣ. Наконецъ я имѣлъ подъ рукой большое число мягкотѣлыхъ изъ всѣхъ классовъ, между которыми меня болѣе интересовали головоногіе и оболочники. Вотъ тѣ животныя, на изученіи строенія которыхъ особенно остановилось мое вниманіе, хотя я старался по возможности пользоваться попадавшимся мнѣ матеріаломъ изъ другихъ классовъ животнаго царства; болѣе рѣдкихъ изъ найденныхъ мною экземпляровъ привезъ я въ Гиссенъ, гдѣ и займусь теперь ихъ изученіемъ.

Гиссенъ, 10-го мая.

17) Кандидата В. Сергѣевича.

Особенности французскаго кассаціоннаго суда. Кассація извѣстна во Франціи еще съ XIV в. До этого времени феодальный дворъ короля (la haute cour feodale) былъ высшимъ судомъ въ государствѣ. На рѣшенія его нельзя было жаловаться: они исходили отъ самого короля, предсѣдателя этого суда*), и скрѣплялись его подписью. Высокій дворъ помогалъ королю своими совѣтами не при одномъ только отправленіи правосудія; точно такое же участіе принималъ онъ въ его законодательной и административной дѣятельности. Въ концѣ XIII в., вслѣдъ за увеличеніемъ случаевъ, въ которыхъ прежде

*) Таково правило; въ дѣйствительности предсѣдательствовалъ кто нибудь по назначенію короля.

допускалась аппелляція на феодальные суды въ высокій королевскій дворъ, занятія его, и безъ того спорныя, усложнились еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось неудобство, которое проистекало изъ того, что дворъ этотъ не имѣлъ постояннаго мѣста пребыванія, а всюду слѣдовалъ за королемъ. Эти неудобства вызвали Филиппа Красиваго къ важному въ исторіи французскаго судопроизводства преобразованію. Въ 1302 г. онъ выдѣлилъ изъ вѣдомства феодальнаго двора судебную часть и предоставилъ ее особому учрежденію — парламенту, который долженъ былъ собираться въ извѣстное время года и въ разъ навсегда опредѣленномъ мѣстѣ. Чтобы дать рѣшеніямъ новаго судебнаго учрежденія необходимый вѣсъ и значеніе, король тогда же опредѣлилъ — считать эти рѣшенія окончательными, неподлежащими обжалованію. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ отдѣленію судебной власти отъ законодательной и административной. Но въ сознаніи эпохи еще слишкомъ глубоко лежала мысль о происхожденіи отъ короля всякаго суда, чтобы новое начало отдѣленія могло быть проведено строго и послѣдовательно. Тяжущіеся продолжали смотрѣть на короля, какъ на судью въ высшей инстанціи; а король, съ своей стороны, въ прямомъ отказѣ лично разсудить дѣло, несправедливо рѣшенное въ парламентѣ, не могъ еще видѣть исполненія своей обязанности. Поэтому, хотя Филиппъ Красивый и объявилъ рѣшенія парламента не подлежащими аппелляціи, но въ то же время учредилъ за собою право поправлять эти рѣшенія, если бы въ нихъ вкралась ошибка. Если короли исправленіе такихъ рѣшеній предоставляли тѣмъ же судьямъ, какъ это дѣлалъ напр. самъ Филиппъ Красивый, а не сами исправляли ихъ, такъ это было слѣдствіемъ ихъ доброй воли, ихъ нежеланія уронить авторитетъ парламента, а вовсе не значило, что они не могли сами постановить новаго рѣшенія. Всю свою власть парламентъ получилъ отъ доброй воли короля; и король имѣлъ несомнѣнное право, если тяжущіеся были недовольны судомъ парламента, или перерѣшить это дѣло лично, или, уничтоживъ неправильное рѣшеніе, назначить новыхъ судей. Таково происхожденіе кассаціи во Франціи. Она есть ничто иное, какъ проявленіе королевской власти, изъ которой истекаетъ всякій судъ, и которая поэтому можетъ уничтожить всякую неправду, хотя бы она и была облечена въ формы окончательнаго судебнаго рѣшенія. Первоначально въ поводахъ, которые допускаютъ кассацію, нѣтъ различія между фактомъ и правомъ, столь характеристи-

ческаго для новѣйшей кассаціи: кассація безразлично допускалась какъ по случаю ошибки въ правѣ, такъ и по случаю ошибки въ фактѣ.

Съ конца XVI в. кассація начинаетъ получать другой характеръ. По мѣрѣ усиленія парламентовъ, королямъ понадобилось средство, при помощи котораго они могли бы противодѣйствовать отказамъ парламентовъ исполнять издаваемыя ими постановленія*). Такое средство нашли они въ кассаціи. Съ конца XVI вѣка кассація начала угрожать всѣмъ рѣшеніямъ, которыя будутъ contre la teneur des ordonnances. Но по причинѣ того же самаго усиленія парламентовъ, кассацію начинаютъ допускать все рѣже и рѣже въ ея первоначальномъ, болѣе широкомъ значеніи. Чтобы не очень раздражать опаснаго соперника, правительство оставляетъ въ сторонѣ интересы тяжущихся и допускаетъ кассацію только противъ такихъ приговоровъ парламента, въ которыхъ видно нарушеніе законовъ, прямо оскорбляющее авторитетъ королевской власти. Такимъ образомъ кассація изъ орудія частнаго права дѣлается орудіемъ права государственнаго. Она допускается рѣдко и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Это новое значеніе кассаціи совершенно выяснилось въ XVIII в. «Дѣйствительно», говоритъ Жоли де-Флери въ запискѣ, поданной въ 1763 г. Лудовику XV, «въ вопросѣ о допущеніи кассаціи болѣе имѣли въ виду публичный интересъ и уваженіе къ закону, чѣмъ интересъ спорящихъ сторонъ. Въ совѣтѣ всегда исходили изъ того положенія, что кассація была введена скорѣе для поддержанія постановленій, чѣмъ въ интересѣ тяжущихся» **). Въ такомъ видѣ кассація существовала до 1790 г., въ которомъ получила новую организацію. Но прежде чѣмъ перейдти къ этому времени, я скажу нѣсколько словъ о самомъ учрежденіи, которое завѣдывало кассаціею, и о порядкѣ производства въ немъ дѣлъ.

По раздѣленіи въ 1702 г. высокаго феодальнаго двора на два учрежденія—государственный совѣтъ и парламентъ, высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, въ которомъ степень власти опредѣлялась степенью близости къ королю, оказался государственный совѣтъ, члены котораго были ближайшими совѣтниками короля по части законодательной и административной. Этому совѣту, извѣстному подъ разными именами — conseil, grand conseil, conseil privé ***) и пр., есте-

*) Hiver, Histoire critique des inst. jud., стр. 298.

**) Hiver, — стр. 282.

***) Pardessus — Essai histor. sur l'organis. jud. стр. 144.

ственно было предоставить и верховный надзоръ за отправленіемъ правосудія. Судебная дѣятельность conseil privé не ограничивалась одной кассаціей. На основаніи того начала, что всякій судъ исходитъ отъ короля, образовался обычай, по которому допускалось всякое дѣло, производящееся въ парламентѣ или другомъ судѣ, перенести въ совѣтъ короля для окончательнаго въ немъ рѣшенія; этотъ обычай, извѣстный подъ именемъ évocation, былъ источникомъ безчисленныхъ злоупотребленій. Всякій, кто надѣялся имѣть на своей сторонѣ голоса членовъ совѣта, переносилъ туда свое дѣло и выигрывалъ тяжбу. Такимъ образомъ государственный совѣтъ не только кассировалъ судебныя рѣшенія, но и самъ судилъ. Неправильность и поверхностность его приговоровъ вошли въ пословицу: il raisonne comme un arrêt de conseil.

Порядокъ производства дѣлъ въ совѣтѣ окончательно установленъ въ 1738 г.; но въ главныхъ своихъ чертахъ онъ образовался еще въ половинѣ XIV в. Я остановлюсь только на одной его особенности. Прошеніе о кассаціи не прямо поступало на разсмотрѣніе совѣта; оно должно было пройдти прежде чрезъ особый комитетъ (chambre des requêtes), въ которомъ рѣшался вопросъ о его допущеніи на разсмотрѣніе совѣта. Только прошенія, найденныя основательными этимъ отдѣленіемъ совѣта, проходили въ самый совѣтъ, который постановлялъ уже окончательно объ уничтоженіи обжалованнаго рѣшенія, или объ отказѣ просителю. Такимъ образомъ въ самомъ совѣтѣ было какъ бы двѣ инстанціи. Эта крайняя осторожность въ допущеніи кассаціи объясняется характеромъ того далекаго времени, когда впервые возникло въ феодальномъ государствѣ понятіе объ аппелляціи вообще. Аппелляція въ своемъ первоначальномъ видѣ есть жалоба на судью. Поэтому въ высшій судъ должны были явиться не одни тяжущіеся, но и судьи, которые должны были защищать предъ судомъ свое рѣшеніе. Въ господство феодализма аппеллянтъ былъ всегда вассалъ своего судьи. Предоставить ему самому вызвать своего господина къ отвѣту передъ высшій судъ было бы несогласно съ понятіями и приличіями того времени; это значило бы нанести личное оскорбленіе феодалу. Поэтому аппеллянтъ долженъ былъ получить отъ короля приказъ (lettre de justice *), lettre de grâce **), которымъ вызывались къ суду какъ выиграв-

*) Pardessus, стр. 159.

**) Hiver, стр. 280.

шій, такъ и судьи. Чтобы выдать такой приказъ, нужно было прежде удостовѣриться въ основательности прошенія. Съ этой цѣлью и возникло то сложное производство, остатки котораго мы видимъ въ такъ называемыхъ chambres des requêtes, которыя существовали какъ при государственномъ совѣтѣ, такъ и при парламентахъ, и должны были рѣшать вопросъ о допущеніи аппелляціи и кассаціи. Этотъ порядокъ удержался гораздо долѣе, чѣмъ феодальные нравы, его вызвавшіе; судьи давно перестали являться для защиты своихъ рѣшеній, а lettres de justice продолжали выдаваться до самаго 1789 г.

Кассація въ теперешнемъ своемъ значеніи создана первой французской революціей. Не должно думать, что учредительное собраніе, которому принадлежитъ новая организація кассаціоннаго суда, творило безъ всякаго отношенія къ тѣмъ временнымъ, чисто мѣстнымъ требованіямъ, которыя возникли изъ исключительныхъ условій тогдашней общественной жизни Франціи. Не должно думать, что плодомъ его творческой дѣятельности было такое капитальное пріобрѣтеніе въ области судоустройства и судопроизводства, которое безъ дальнихъ измѣненій можетъ сдѣлаться собственностью всякаго законодательства.

Кассаціонный судъ въ современномъ его значеніи имѣетъ великую задачу: онъ долженъ установить на всемъ протяженіи государства одинакое примѣненіе закона. Гдѣ бы ни производился судъ, при существованіи кассаціоннаго суда тяжущіеся могутъ быть увѣрены, что встрѣтятъ такое же толкованіе закона, къ какому привыкли въ своемъ родномъ городѣ, и на которое разсчитаны всѣ ихъ юридическія дѣйствія. Водворяя одну правду по всему государству, кассаціонный судъ даетъ каждому гражданину величайшую увѣренность въ его правахъ. Такова цѣль новаго кассаціоннаго суда. Какъ бы ни была она хороша, осуществленіе ея при посредствѣ кассаціоннаго суда представляетъ почти непреодолимыя затрудненія. Учредительное собраніе обошло, а не побѣдило ихъ. Оно сознавало новую задачу кассаціоннаго суда; отъ него не были скрыты и нѣкоторыя затрудненія; но время было слишкомъ неудобное для законодательнаго творчества, и особенности новаго суда опредѣлились не столько основательной оцѣнкой дѣйствительныхъ нуждъ процесса, сколько побужденіями, совершенно ему чуждыми. Въ преніяхъ законодательнаго собранія, отчетъ о которыхъ печатался въ тогдашнемъ Монитёрѣ, можно найдти любопытныя указанія на тѣ мотивы, которые руководили учредителями кассаціоннаго суда.

Это учрежденіе предназначалось не для одного только правосудія; еще въ большей мѣрѣ оно должно было играть роль блюстителя политическаго единства Франціи. «Два главныхъ мотива» — говорилъ деп. Барнавъ въ рѣчи, рѣшившей учрежденіе кассаціоннаго суда — «приводятъ къ необходимости учредить кассаціонный судъ. Во первыхъ — сохранить единство монархіи: это лучшее средство связать между собою всѣ части государства и предупредить раздѣленіе, которое повело бы къ федеративному устройству. Во вторыхъ—поддержать единство законодательства и предупредить различія въ примѣненіи законовъ. Что касается до перваго, дѣло ясно и безъ большихъ доказательствъ. Вы дали всякому департаменту особыя учрежденія—судебныя и административныя, отсюда слѣдуетъ, что для прочности монархіи, должно образовать учрежденіе, которое было бы одно для всего государства, которое простиралось бы на всѣ его части, связывало и соединяло ихъ. Тѣ, которые возражали противъ новой конституціи, говорили, что отнятіемъ у короля того, чѣмъ онъ пользовался по злоупотребленію, и возстановленіемъ правъ народа было разрушено единство государства. Мы предлагаемъ средство сохранить это единство» *). Къ этому желанію — поддержать пошатнувшееся зданіе—присоединилось другое: законодатели, помня отказы парламентовъ исполнять королевскія постановленія, боялись, что и ихъ нововведенія не будутъ приняты судьями; чтобы оградить себя отъ этого и понадобилось создать такую власть, которая бы постоянно наблюдала за исполненіемъ законовъ. «Кассаціонный судъ» говорилъ Робеспьеръ—«произноситъ въ видахъ общаго интереса, для поддержанія закона и законодательной власти» **). Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеристичны пренія о поводахъ къ кассаціи. «Должно отличать» говорилъ деп. Шапелье — «поводы аппелляціи отъ поводовъ кассаціи. Я знаю, что поводъ кассаціи есть также и поводъ аппелляціи, но не всякій поводъ аппелляціи есть поводъ кассаціи. Вы издали постановленіе, которымъ отмѣнено старинное неравенство при раздѣлѣ наслѣдствъ. Если судья произнесетъ приговоръ, несогласный съ этимъ закономъ, нужна кассація; но если законъ только неправильно приложенъ къ спорному факту — нужна аппелляція». Рѣчь окончилась предложеніемъ текста закона: кассація допускается въ

---

*) Moniteur. 1790 г. 524 стр.

**) Moniteur. 1790 г. стр. 1302.

случаѣ прямаго нарушенія буквы закона (une contravention directe au texte d'une loi). Предложеніе принято взрывомъ рукоплесканій. За этимъ поднялся другой ораторъ, г. Пріёръ (Prieur), и, объявивъ, что послѣ того благопріятнаго впечатлѣнія, которое произведено на собраніе замѣчаніями его предшественника, ему слѣдуетъ очень сократить свои собственныя, продолжалъ такъ: «Я замѣчу только, что поднятый вопросъ такъ важенъ, что безъ правильнаго его разрѣшенія безполезно было бы издавать законы, ибо ничто не гарантируетъ ихъ исполненія. Вы узаконили, чтобы бумажныя деньги принимались какъ металлическія. Должникъ въ уплату долга предлагаетъ билетъ въ 100 экю; кредиторъ не беретъ и требуетъ металлическихъ денегъ. Судъ рѣшаетъ въ его пользу. Я говорю о томъ, чему былъ свидѣтелемъ! Каково будетъ отчаяніе должника, если онъ будетъ лишенъ средствъ заставить торжествовать законъ! Когда это дѣло было доведено до свѣденія національнаго собранія, единодушный крикъ негодованія соединилъ всѣ партіи. Кассаціонный судъ есть стражъ, наблюдающій за исполненіемъ закона!» * Рѣшеніемъ вопроса о поводахъ къ кассаціи учредительное собраніе) стало на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣли на кассацію еще до революціи: интересъ тяжущихся оставленъ совершенно въ сторонѣ.

Возлагая такія великія надежды на кассаціонный судъ, учредительное собраніе не могло забыть и другой стороны дѣла. Изъ примѣра старинныхъ парламентовъ оно хорошо видѣло, какое опасное значеніе можетъ пріобрѣсти высшее судебное учрежденіе въ государствѣ; а потому поставило себѣ задачей такъ организовать кассаціонный судъ, чтобы онъ, охраняя единство монархіи и авторитетъ законодательной власти, не могъ однако ни для кого сдѣлаться опаснымъ. Вопросъ о томъ, какъ въ одно и то же время надѣлить кассаціонный судъ и такой силой, которая необходима для достиженія выше означенныхъ цѣлей, и лишить его всякой возможности быть вреднымъ, не могъ никого затруднить въ 1790 году. Тогда это достигалось очень просто — раздѣленіемъ власти: кассаціонный судъ долженъ былъ произносить только о правѣ, о существѣ дѣла должны были произносить другіе суды. Опасеніе, какъ бы учрежденіе кассаціоннаго суда не обрушилось на головы учредителей, проглядываетъ у многихъ ораторовъ, говорившихъ въ защиту предложенія объ учрежденіи путешествующаго кассаціоннаго суда, а не

*) Moniteur 1790 г. стр. 1306.

постояннаго. Барнавъ въ рѣчи, которую я уже приводилъ, слѣдующимъ образомъ успокоиваетъ недовѣрчивыхъ законодателей: «кассаціонный судъ будетъ только уничтожать рѣшенія безъ права произносить о самомъ дѣлѣ; у него не будетъ никакой силы для того, чтобы дѣлать зло». И далѣе: «Верховный судъ не будетъ имѣть никакихъ средствъ къ тираніи, ибо онъ не будетъ имѣть права постановлять иное рѣшеніе, вмѣсто уничтоженнаго».

Постановивъ, что новый судъ будетъ только уничтожать рѣшенія, учредительное собраніе по тѣмъ же причинамъ не могло предоставить этому суду права издаватъ обязательное для низшихъ судовъ толкованіе закона. Дурныя воспоминанія изъ опытовъ прошедшаго и здѣсь явились грознымъ пугаломъ воображенію законодателей: они хотѣли избѣгнуть всего, что сколько нибудь напоминаетъ arrêts de réglement, которые имѣли право издавать старые парламенты. Но сдѣлать что нибудь, прямо противоположное ненавистному старому порядку,—не значитъ еще сдѣлать что нибудь хорошее. Учрежденіемъ 1790 года изложеніе закона въ томъ случаѣ, когда обыкновенные суды не примутъ толкованія, сдѣланнаго кассаціоннымъ судомъ, предоставлено не кассаціонному суду, а законодательной власти. Это должно было происходить такимъ образомъ. Послѣ первой кассаціи, судъ, которому передано дѣло для новаго постановленія, можетъ рѣшить его, не стѣсняясь мнѣніемъ кассаціоннаго суда; то же самое и послѣ второй. Если дѣло снова (т. е. въ 3-й разъ) поступитъ въ кассаціонный судъ, онъ долженъ пріостановиться уничтоженіемъ рѣшенія и передать спорный вопросъ о смыслѣ закона на разъясненіе законодательнаго собранія. Законодательное собраніе издаетъ по этому случаю, съ утвержденія короля — décret déclaratoire de la loi. По полученіи этого декрета, кассаціонный судъ приступаетъ къ новому разсмотрѣнію спорнаго дѣла и или кассируетъ приговоръ въ 3-й разъ, или отказываетъ просителю, смотря по изданному толкованію закона, которое, какъ вышедшее отъ законодательной власти, обязательно и для всѣхъ другихъ судовъ.

Законодательное собраніе далеко не на всѣхъ сторонахъ новаго учрежденія остановилось съ одинакимъ вниманіемъ. Нѣкоторыхъ оно почти вовсе не коснулось. Такъ весь порядокъ судопроизводства былъ удержанъ старый, съ незначительными измѣненіями, несмотря на то, что онъ сложился при совершенно иныхъ условіяхъ, и что нѣкоторыя формы его давно отжили и потеряли смыслъ.

Изъ этого очерка мотивовъ, руководившихъ учредителями кассаціоннаго суда, можно видѣть, на сколько его организація зависѣла отъ чисто мѣстныхъ условій. Съ одной стороны они управлялись желаніемъ создать нѣчто такое, что̀ бы могло поддержать единство монархіи, вѣковыя основы которой были сильно поколеблены; съ другой страхомъ, который внушали имъ — conseil privé и древніе парламенты, и вотъ возникло учрежденіе — громадное по замыслу, слабое въ дѣйствительности, учрежденіе безъ всякой положительной силы, съ однимъ отрицательнымъ значеніемъ: оно можетъ только уничтожать рѣшенія и то въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Если Франція сохранила свое политическое единство, такъ этимъ она нисколько не обязана кассаціонному суду; что же касается до единства въ примѣненіи законовъ, такъ это единство — вопросъ очень спорный.

Чтобы познакомиться ближе съ тѣми затрудненіями, которыя должны были встрѣтиться учредителямъ кассаціоннаго суда, я остановлюсь на особенностяхъ этого суда и обозначу измѣненія, къ которымъ привели указанія опыта.

Кассаціонный судъ долженъ установить по всему государству одинакое примѣненіе закона; отсюда выводятъ такое слѣдствіе: онъ долженъ быть одинъ, несмотря на то, что Франція въ десять разъ меньше Россіи (Европейской со включеніемъ Пермской и Оренбургской губ.), что Парижъ ближе къ ея центру, чѣмъ С.-Петербургъ къ центру Россіи; несмотря на это, польза учрежденія одного кассаціоннаго суда въ Парижѣ казалась многимъ депутатамъ болѣе чѣмъ сомнительной. Сомнѣнія эти заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что принадлежатъ лучшимъ людямъ палаты и далеко не противникамъ кассаціоннаго суда. Барнавъ свою рѣчь о необходимости этого суда заключилъ такимъ образомъ: «Представляются два важныхъ неудобства: первое — тиранія, которая можетъ быть слѣдствіемъ сосредоточенія власти въ одномъ учрежденіи; второе — значительныя издержки, которыя должны будутъ нести тяжущіеся при переѣздахъ. Я не думаю, чтобы можно было обойтись безъ кассаціоннаго суда, если хотятъ, чтобы законъ примѣнялся одинаково; я не думаю, что это учрежденіе будетъ полезно тремъ четвертямъ населенія Франціи, если хотятъ, чтобы оно имѣло одно постоянное мѣсто пребыванія. За тѣмъ онъ предлагаетъ планъ путешествующаго кассаціоннаго суда. Въ томъ же духѣ говорили: адвокатъ Шабру (Chabroud), Тронше (Tronchet) и Гупиль де Пре-

фельнъ (Goupil de Prefeln). Но всего важнѣе то, что комитетъ учредительнаго собранія (comité de constitution), во главѣ котораго стоялъ адвокатъ Туре *) (Thouret), совершенно раздѣляя общее увлеченіе въ несомнѣнную пользу единаго кассаціоннаго суда, предлагалъ учредить шесть отдѣльныхъ департаментовъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи для облегченія тяжущимся сношеній съ парижскимъ кассаціоннымъ судомъ. Планъ, представленный по этому случаю комитетомъ, очень неудобенъ, но любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, на сколько неразрѣшима задача соединить единство кассаціоннаго суда съ удобствомъ тяжущихся **). Но учредительное собраніе, какъ было видно изъ приведенныхъ выше мотивовъ, не столько имѣло въ виду интересы тяжущихся, сколько свои собственные; а потому неудивительно, что, не останавливаясь надъ этимъ важнымъ неудобствомъ, оно опредѣлило учрежденіе одного кассаціоннаго суда въ Парижѣ — «въ интересахъ города Парижа», какъ объясняетъ Ферріеръ ***).

Но если бы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ и въ интересахъ правосудія, какъ это думаетъ Иверъ, все таки учрежденіе одного кассаціоннаго суда далеко еще не ведетъ къ установленію единства въ примѣненіи законовъ. Для того, чтобы кассаціонный судъ былъ въ уровень своему назначенію, чтобы онъ дѣйствительно ввелъ желаемое единство, ему надо предоставить необходимую для достиженія этой цѣли власть. А вопросъ о степени власти, которую можно предоставить кассаціонному суду, представляетъ снова неразрѣшимыя затрудненія. Власть, въ которой нуждается въ этомъ случаѣ кассаціонный судъ, состоитъ въ правѣ издавать обязательныя для низшихъ судовъ (во всѣхъ ихъ будущихъ рѣшеніяхъ) заключенія о смыслѣ сомнительныхъ статей закона. Но такое право входитъ въ область правъ, принадлежащихъ законодательной власти. Надѣлить имъ кассаціонный судъ значило бы уничтожить единство законодательства. Робеспьеръ хорошо понималъ, что кассаціонный судъ безъ власти толковать законъ не достигнетъ своей цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что эту власть нельзя предоставить учрежденію особому отъ законодательнаго собранія. «Законодатель-

*) Вотъ какъ его характеризуетъ Иверъ: esprit net, puissant et laborieux, l'un des principaux ordonnateurs du système politique et administratif, qu'on discutait alors.

**) Планъ этотъ см. Moniteur 1790 г. стр. 930.

***) Hiver — изъ Mémoires de Ferrières, стр. 86.

ная власть» говорилъ онъ въ засѣданіи 10-го ноября «установляетъ общіе законы. Сила ихъ въ правильномъ примѣненіи. Если бы судьи вмѣсто закона осуществляли свою личную волю, они сдѣлались бы законодателями. Итакъ нужно наблюденіе, которое удерживало бы трибуналы на началахъ, выраженныхъ въ законѣ. Эта наблюдательная власть будетъ ли она частью власти судебной? Нѣтъ, ибо надъ нею должно наблюдать. Исполнительной? нѣтъ, она стала бы выше закона. Будетъ ли это власть отдѣльная отъ власти законодательной, административной и судебной? Нѣтъ, я не знаю четвертой власти въ конституціи. Это наблюденіе принадлежитъ власти законодательной, ибо законодатель толкуетъ законы» *). Въ томъ же духѣ высказался деп. Гупиль. Учредительное собраніе было слишкомъ проникнуто началомъ раздѣленія властей, чтобы остановиться на предложеніи Робеспьера и слить кассаціонный судъ съ законодательной палатой; еще менѣе могло оно — и по историческимъ воспоминаніямъ и по существу самаго дѣла — удѣлить кассаціонному суду часть законодательной власти. Въ рѣшеніи этого вопроса оно избрало совершенно новый путь: кассаціонному суду была предоставлена только отрицательная власть — уничтожать рѣшенія. Этой власти, пожалуй, достаточно для обузданія непокорныхъ судей; но она вовсе не ведетъ къ единству практики и совершенно не въ состояніи сдѣлать новый судъ учрежденіемъ, полезнымъ для тяжущихся. Учредительное собраніе, конечно, надѣялось, что низшіе суды, изъ одного нежеланія видѣть свои рѣшенія кассированными, откажутся отъ своихъ мнѣній и будутъ примѣнять законъ согласно съ мнѣніемъ кассаціоннаго суда. Опытъ не оправдалъ этого ожиданія: суды произносили второе и третье рѣшеніе по одному и тому же дѣлу согласно съ первымъ, уничтоженнымъ приговоромъ кассаціоннаго суда. Тяжущіеся входили съ прошеніемъ о третьей кассаціи, къ которой кассаціонный судъ могъ приступить не прежде, какъ по разрѣшеніи спорнаго вопроса о смыслѣ закона въ законодательномъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого окончаніе процессовъ откладывалось на цѣлые годы.

Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ **) устранить это неудобство, послѣдовалъ законъ 1828 года, совершенно уронившій значеніе кассаціоннаго суда. Для удобства тяжущихся суду предо-

*) Moniteur 1790 г. стр. 1302

**) Законы 1795 г, 1800 г. и 1807 г.,

ставлено прямо кассировать дѣло въ третій разъ, не дожидаясь разрѣшенія спорнаго вопроса въ законодательномъ порядкѣ, и потомъ уже дѣлать королю представленіе о неясномъ законѣ. Кассированное дѣло отсылалось въ аппелляціонный судъ, который долженъ былъ постановить приговоръ въ полномъ собраніи всѣхъ своихъ членовъ. Этотъ приговоръ, хотя бы онъ былъ и несогласенъ съ мнѣніемъ кассаціоннаго суда, объявлялся окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшей кассаціи. Такимъ образомъ по новому закону послѣднее слово принадлежитъ аппеляціонному суду. Съ этимъ вмѣстѣ кассаціонный судъ потерялъ и отрицательное свое значеніе: прежде онъ уступалъ только законодательной власти, теперь онъ долженъ смолкнуть передъ аппелляціоннымъ судомъ.

Такое печальное существованіе кассаціонный судъ влачилъ до 1837 г., въ которомъ послѣдовало постановленіе, сильно поднявшее его значеніе для практики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно измѣнившее его первоначальный характеръ. Вторымъ § закона 1837 года низшимъ судамъ вмѣнено въ обязанность при рѣшеніи дѣлъ, поступившихъ къ нимъ послѣ второй кассаціи, согласоваться съ тѣмъ заключеніемъ по спорному вопросу о смыслѣ закона, которое высказано кассаціоннымъ судомъ. Такимъ образомъ кассаціонный судъ получилъ право издавать обязательныя для низшихъ судовъ мнѣнія относительно примѣненія законовъ въ данномъ случаѣ. Это право не должно смѣшивать съ тѣмъ правомъ толковать законы, которое постановленіемъ 1790 г. предоставлено законодательному собранію. Толкованія, издаваемыя въ законодательномъ порядкѣ, имѣютъ силу закона для всѣхъ будущихъ случаевъ, а при извѣстныхъ условіяхъ имѣютъ и обратное дѣйствіе. Толкованіе кассаціоннаго суда имѣетъ силу только для того случая, по поводу котораго оно сдѣлано; всѣ другіе подобные случаи рѣшаются по усмотрѣнію низшихъ судовъ независимо отъ этого толкованія. Даже самъ кассаціонный судъ не связанъ разъ сдѣланнымъ объясненіемъ закона: въ новомъ подобномъ случаѣ онъ можетъ истолковать его смыслъ иначе, что̀ и случается. И такъ, по новому закону, кассаціонный судъ можетъ отослать въ одну изъ низшихъ инстанцій для перерѣшенія дѣло съ слѣдующимъ обязательнымъ для этой инстанціи заключеніемъ: въ такомъ-то дѣлѣ, при такихъ-то условіяхъ должна быть примѣнена такая то статья потому-то, а какъ судъ примѣнилъ другую, то его рѣшеніе и уничтожается; или въ такомъ-то дѣлѣ, при такихъ-то условіяхъ такая-то статья должна

имѣть такой-то смыслъ потому-то, и какъ судъ придалъ ей другой, то его рѣшеніе и уничтожается. Это новое право, данное кассаціонному суду, приводитъ къ вопросу: кто же рѣшаетъ дѣло въ существѣ: тотъ судъ, которому посылается такое заключеніе, или самъ кассаціонный судъ? Законъ говоритъ, что низшіе суды подчиняются мнѣнію кассаціоннаго суда только въ вопросѣ о правѣ. Но возможно ли это отдѣленіе вопроса о правѣ отъ вопроса о существѣ дѣла?

Вопросъ объ отдѣленіи въ судебныхъ рѣшеніяхъ заключенія о правѣ отъ заключенія о существѣ дѣла возникъ не изъ существенныхъ свойствъ самыхъ дѣлъ, а изъ причинъ, лежащихъ совершенно внѣ процесса: изъ желанія ограничить власть суда. Есть случаи, въ которыхъ кассація условливается не особенностями суда, который не имѣетъ власти рѣшать въ существѣ, а особенностями самого дѣла, которое не можетъ быть рѣшено въ существѣ высшимъ судомъ. Сюда относятся дѣла, рѣшенныя низшими судами съ нарушеніемъ формъ судопроизводства; напр. судилъ некомпетентный судъ, не было полнаго числа судей, отвѣтчикъ не былъ вызванъ и пр. Высшій судъ, въ который поступаетъ жалоба на такое рѣшеніе, не можетъ перерѣшить дѣла, хотя бы онъ былъ и аппелляціонный судъ. Но учредительное собраніе имѣло въ виду не эти случаи, давно извѣстные въ судопроизводствѣ; оно поднимало совершенно новый вопросъ. Вопросъ этотъ получилъ важное практическое значеніе только съ 1837 года. До этого времени кассаціонный судъ, не имѣя права издавать обязательныхъ для низшихъ судовъ заключеній, собственно не рѣшалъ ни сомнѣнія о правѣ, ни дѣла въ существѣ.

Въ законодательномъ порядкѣ объясненіе истиннаго смысла законовъ можетъ быть сдѣлано безъ всякого отношенія къ какому нибудь факту. Но, хотя разсмотрѣніе сомнительной статьи и происходитъ внѣ связи съ тѣмъ или другимъ случаемъ, однако самое рѣшеніе не можетъ остаться безъ вліянія на тѣ юридическія отношенія, которыя имѣютъ въ своемъ основаніи спорный законъ: характеръ ихъ опредѣлится новымъ закономъ *). Что же касается до

*) Такъ напр. рѣшеніе законодательнымъ порядкомъ не такъ давно поднятаго въ нашей юридической литературѣ вопроса о смыслѣ 1140 ст. X т. I ч. предрѣшитъ множество споровъ. Тѣ, которые при существованіи двоякаго толкованія этой статьи, могли надѣяться выиграть процессъ въ томъ случаѣ, если судьи будутъ держаться толкованія, для нихъ благопріятнаго, при разрѣшеніи вопроса за-

возможности рѣшать подобные вопросы и въ процессуальномъ порядкѣ точно также безъ отношенія къ факту, такъ эта возможность весьма сомнительна. Суду эти вопросы являются не въ отвлеченіи, какъ законодателю, а въ фактической оболочкѣ. Ему надо прежде отвлечь ихъ, и потомъ уже рѣшить; а этого отвлеченія нельзя сдѣлать безъ анализа фактовъ. Только тогда, когда спорный вопросъ о правѣ поступаетъ въ судъ въ такомъ же отвлеченіи, какъ онъ поступаетъ къ законодателю, онъ можетъ быть разсмотрѣнъ и рѣшенъ независимо отъ фактовъ, что, впрочемъ, составляетъ чрезвычайно рѣдкій случай. Для этого нужно, напр., чтобы судья, рѣшая извѣстное дѣло на основаніи извѣстнаго закона, выводилъ въ своемъ приговорѣ такое заключеніе о дѣлѣ изъ этого закона, которое изъ него вовсе не слѣдуетъ. Въ такомъ случаѣ приговоръ можетъ быть уничтоженъ на основаніи нарушенія смысла закона, которое видно изъ самого приговора, безъ разсмотрѣнія дѣла. Если рѣшеніе спорнаго вопроса о правѣ въ законодательномъ порядкѣ не остается безъ вліянія на частные случаи, то тѣмъ менѣе можетъ остаться процессуальное рѣшеніе спорнаго вопроса о правѣ безъ вліянія на тѣ факты, которые непосредственно вызвали это рѣшеніе: спорный вопросъ отвлеченъ отъ извѣстныхъ фактовъ и рѣшеніе его непремѣнно отразится на самыхъ фактахъ, — рѣшитъ дѣло въ существѣ. Такимъ образомъ возможность разсматривать вопросъ о правѣ, внѣ связи съ извѣстнымъ случаемъ, зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ предстанетъ этотъ вопросъ суду: въ отвлеченіи, или нѣтъ, что совершенно случайно. Рѣшеніе же этого вопроса всегда рѣшаетъ и самое дѣло. Эта зависимость приговора о существѣ отъ приговора о правѣ еще очевиднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда прошеніе о кассаціи имѣетъ въ своемъ основаніи не сомнительный законъ, допускающій различное толкованіе, а такъ называемое неправильное примѣненіе закона къ извѣстнымъ фактамъ, что составляетъ очень обыкновенную причину кассаціи *).

конодательнымъ порядкомъ въ пользу ихъ противниковъ, теряютъ эту надежду, и наоборотъ.

*) Чтеніе приговоровъ кассаціоннаго суда приводитъ къ тому же заключенію. Вотъ одинъ для примѣра. Супруги Елли вступили въ бракъ въ 1828 г., при чемъ г-жа Елли всему своему имѣнію придала свойство приданаго (sous le régime dotal). Въ 1841 г. г-жа Елли предприняла постройку прядильной фабрики на землѣ, входящей въ составъ приданаго. Немного времени спустя, она подала въ фалескій судъ прошеніе о дозволеніи ей обмѣнить землю, входящую въ составъ при-

Такимъ образомъ законъ 1837 г. предоставилъ кассаціонному суду

данаго, на $1/4$ часть фабрики, которая хотя только что начата, но имѣетъ быть непремѣнно выстроена на этой землѣ. Эта $1/4$ часть, вслѣдствіе обмѣна, должна была сдѣлаться приданымъ, а остальныя $3/4$ фабрики и земля освобождались отъ ограниченій, лежащихъ на приданомъ, и могли, слѣдовательно, быть продаваемы и закладываемы (дѣлались изъ dotal — paraphernal). 10-го сентября 1842 г. послѣдовало опредѣленіе суда, согласное съ этимъ прошеніемъ.

Позже, по судебному опредѣленію, на эту фабрику было наложено запрещеніе въ пользу г. Віоло. Въ силу этого запрещенія г. Віоло подалъ прошеніе о продажѣ съ публичнаго торга $3/4$ фабрики, какъ свободныхъ отъ ограниченій приданаго вслѣдствіе обмѣна, разрѣшеннаго постановленіемъ суда отъ 10-го сентября 1842 г. Противъ этого прошенія возстали супруги Елли на томъ основаніи, что постройки, сдѣланныя г-ю Елли, имѣютъ свойство приданаго, какъ и земля, на которой онѣ находятся, и къ которой относятся, какъ принадлежность. Такимъ образомъ, по мнѣнію супруговъ Елли вся недвижимость—есть приданое, несмотря на приговоръ суда, утвердившій обмѣнъ.

30-го ноября 1854 г. судъ опредѣлилъ продатъ недвижимость, свободную отъ ограниченій приданаго.

Супруги Елли, недовольные рѣшеніемъ, аппеллируютъ. Королевскій судъ опредѣлилъ: имѣя въ виду.... Если позволеніе суда отчуждать недвижимое приданое послѣдуетъ съ соблюденіемъ условій, опредѣленныхъ закономъ, въ такомъ случаѣ оно есть твердое основаніе для правъ третьихъ лицъ, вступившихъ въ виду этого дозволенія въ какую нибудь сдѣлку съ собственницей этой недвижимости.... При разрѣшеніи этого вопроса въ другомъ смыслѣ, судебные приговоры получили бы значеніе ловушекъ для довѣрчивой публики; имѣя въ виду, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о мѣнѣ, и что мѣна приданаго дозволена 1559 ст. К. Н. съ разрѣшенія суда, который обязанъ удостовѣриться чрезъ экспертовъ въ ея пользѣ; что недвижимое приданое можетъ быть обмѣнено не только на недвижимое имѣніе, принадлежащее третьему лицу, но и на недвижимое, принадлежащее самой собственницѣ приданаго, и свободное отъ ограниченій приданаго; что обмѣнъ можетъ имѣть мѣсто какъ съ вещью, уже существующею въ минуту обмѣна, такъ и съ вещью, которая должна возникнуть только впослѣдствіи, какъ напр. съ фабрикой, которая должна быть еще выстроена; въ этомъ случаѣ судъ долженъ только принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности, чтобы обѣщанная фабрика дѣйствительно была выстроена; имѣя въ виду далѣе, что именно обмѣнъ этого рода дозволенъ судебнымъ приговоромъ 10-го сентября 1842 г.; съ другой стороны, хотя справедливо, что строеніе, воздвигнутое на приданой землѣ, само получаетъ свойство приданаго, какъ принадлежность; но фабрика, о которой идетъ рѣчь, не существовала еще въ минуту разрѣшенія мѣны 10-го сентября 1842 г.... она выстроена послѣ мѣны и слѣд. въ эпоху, когда земля уже перестала быть приданымъ, вслѣдствіе чего и постройка, на ней воздвигнутая, не имѣетъ характера приданаго и можетъ служить для обмѣна, разрѣшеннаго судомъ....

Супруги Елли, недовольные рѣшеніемъ, просятъ кассаціи — по причинѣ нарушенія ст. 1554 и 1560 К. Н. въ томъ отношеніи, что судъ мѣну, дозволенную ст. 1559 между приданымъ и другою недвижимостью, признаетъ и въ томъ случаѣ

власть рѣшать дѣла въ существѣ *), хотя это рѣшеніе и скрыто подъ внѣшними формами кассаціи. Сохраненіе этихъ формъ не составляетъ необходимости и объясняется историческими условіями происхожденія и развитія кассаціоннаго суда. Формы эти значительно усложняютъ судопроизводство и ставятъ въ очень неловкое положеніе низшіе суды. Мнѣніе кассаціоннаго суда лишаетъ ихъ возможности рѣшить дѣло по собственному убѣжденію: согласны они съ нимъ или нѣтъ, они должны примѣнить его къ дѣлу. Такимъ образомъ ихъ рѣшеніе есть одна формальность, совершенно несоотвѣтствующая достоинству суда. Вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ правъ кассаціонный судъ утратилъ одно изъ главныхъ различій, существовавшихъ между нимъ и судами апелляціонными. Теперь вся разница (помимо различія въ поводахъ) сводится къ тому, что кассаціонный судъ не повѣряетъ фактовъ, а принимаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они признаны низшими судами. Но эта особенность не такъ важна, чтобы на ней можно было построитъ совершенно особенное судебное учрежденіе.

При опредѣленіи поводовъ къ кассаціи учредительное собраніе имѣло въ виду—огражденіе своей законодательной дѣятельности.

когда обмѣнъ произошелъ между землею, составляющею приданое, и постройкою, на ней находящеюся, какъ будто бы эта постройка можетъ имѣть другой характеръ, чѣмъ земля.

Приговоръ кассаціоннаго суда: имѣя въ виду въ ст. 1554 и 1560 К. Н.; имѣя въ виду, что изъ обжалованнаго приговора слѣдуетъ, что г-жа Елли, вступая въ бракъ, объявила все свое имѣніе приданымъ; что также безспорно и то, что г-жа Елли рѣшила построить на землѣ, входящей въ составъ приданаго, прядильную фабрику; — что эта фабрика, увеличивая цѣнность недвижимаго имѣнія, не можетъ однако измѣнить ея характера, и что новая постройка на землѣ, составляющей приданое, принимаетъ свойства земли какъ принадлежность, и дѣлается вмѣстѣ съ нею неотчуждаемою; что, слѣдовательно, нельзя безъ нарушенія основнаго характера приданаго раздѣлять недвижимость, о которой идетъ рѣчь, на двѣ части: на землю и на фабрику, признать свободный характеръ послѣдней и допустить обмѣнъ на основаніи 1559 ст. К. Н., которая допускаетъ обмѣнъ только между двумя различными недвижимостями; — если супруги Елли, имѣя въ виду сдѣлать заемъ, и получили разрѣшеніе къ этому обмѣну, несогласному съ законами, это разрѣшеніе не можетъ лишать г-жу Елли ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, которыя возникаютъ для нея изъ того, что она придала всему своему имѣнію характеръ приданаго; имѣя въ виду, что обжалованный приговоръ рѣшаетъ иначе, въ чемъ видно ложное примѣненіе ст. 1559 и прямое нарушеніе ст. 1554 и 1560 К. Н., уничтожаетъ и пр. Sirey, Recueil général des lois et des arrêts. An. 1861. стр. 11—15.

*) Mittermaier. Arch. für Civ. Pr., 44 B. стр. 292.

Изъ двухъ рѣчей, которыя посвящены были разъясненію этого вопроса, видно, что подъ contravention directe au texte d'une loi учредительное собраніе понимало не неправильное приложеніе закона, а отказъ судьи повиноваться закону. Опредѣленіе, сдѣланное въ этомъ духѣ, допускало кассацію въ очень рѣдкихъ случаяхъ, что не могло удовлетворить потребностямъ практики, которая видѣла въ кассаціонномъ судѣ не столько орудіе государственной власти, назначенное для поддержанія ея авторитета, сколько орудіе правосудія. Подъ вліяніемъ стремленія практики сдѣлать кассаціонный судъ болѣе доступнымъ для тяжущихся, послѣдовало постановленіе 1810 г., которымъ поводомъ къ кассаціи опредѣлено считать не contravention directe au texte d'une loi, a contravention expresse à la loi. По этому новому опредѣленію для кассаціи не нужно нарушенія буквы закона, довольно нарушить его смыслъ. Но при отсутствіи въ законѣ болѣе точнаго указанія на то, что должно разумѣть подъ contravention expresse à la loi, выраженіе это допускаетъ очень различныя толкованія. Одни, какъ напр. Henrion *), толкуютъ эту статью въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали поводы къ кассаціи учредители кассаціоннаго суда: для допущенія кассаціи они требуютъ возстанія судьи противъ закона (un parti pris de se mettre en rebellion contre la loi). Другіе, отправляясь отъ потребностей практики, даютъ этой статьѣ болѣе широкое значеніе и подводятъ подъ нее всякое ложное примѣненіе закона (fausse application de la loi. Практика кассаціоннаго суда, которая—по своему положенію въ этомъ дѣлѣ—одна могла рѣшить спорный вопросъ, не могла долго колебаться въ выборѣ; она приняла второе толкованіе **). Принятіе перваго осудило бы ее почти на совершенное бездѣйствіе. Такимъ образомъ въ настоящее время всякая матеріальная неправда приговора, если только она есть слѣдствіе прямаго нарушенія закона, или неправильнаго его примѣненія, ведетъ къ кассаціи ***). Если бы даже текстъ приговора былъ согласенъ съ текстомъ закона, кассація имѣетъ мѣсто, если приговоръ есть плодъ ложнаго толкованія закона, которое высказано въ мотивахъ рѣшенія ****). Если аппел-

*) Dalloz, слово cassation, § 609.

**) Тамъ же.

***) Frey: Frankreichs Civil-und Criminalverfassung.

****) Dalloz, сл. cass. § 649. Любопытно, какъ практика завоевываетъ себѣ все большее и большее поле дѣйствій. Въ 1813 г. дѣйствовалъ еще совершенно противоположный обычай: тогда contravention expresse à la loi принималось только въ

ляціонный судъ произноситъ заключеніе о недѣйствительности контракта по несоблюденію формы, недовольный уничтоженіемъ контракта можетъ просить кассаціи, ибо неправильное толкованіе формальнаго акта считается равнымъ нарушенію закона *). Но практика идетъ далѣе: хотя кассаціонный судъ, говоритъ она, не оцѣниваетъ силы доказательствъ, онъ имѣетъ однакоже право разсматривать слѣдствія фактовъ, признанныхъ несомнѣнными, и приложеніе закона къ этимъ фактамъ. Такъ въ спорѣ о сумасшествіи онъ рѣшаетъ: признанные факты ведутъ ли къ заключенію о сумасшествіи. Сюда же отнесены нѣкоторые споры, возникающіе изъ браковъ, и по разводамъ **).

Такимъ образомъ, въ теченіе своего 50 лѣтняго существованія, кассаціонный судъ очень измѣнился. Его почти узнать нельзя. Измѣненія эти произошли въ силу того, что начала, положенныя въ его основаніе, не заключали въ себѣ никакихъ зародышей дѣйствительной жизни. Значеніе для тяжущихся кассаціонный судъ получилъ только съ того времени, когда его надѣлили нѣкоторыми свойствами обыкновеннаго аппелляціоннаго суда.

Изъ свойствъ, которыми надѣлило его учредительное собраніе, въ совершенной чистотѣ сохранилъ онъ только одно: какъ тогда, такъ и теперь, онъ одинъ на всю Францію. Но вопросъ о введеніи единства въ примѣненіи законовъ имѣетъ практическое значеніе только съ 1837 года, когда кассаціонный судъ получилъ право издавать обязательныя для низшихъ судовъ заключенія. Но и при новомъ значеніи кассаціоннаго суда, вопросъ о пользѣ и необходимости единаго верховнаго суда не перестаетъ быть сомнительнымъ. Чѣмъ большее практическое значеніе получитъ кассаціонный судъ, тѣмъ будутъ чувствительнѣе затрудненія, проистекающія изъ того, что онъ одинъ — затрудненія, далеко не вознаграждаемыя обѣщаннымъ единствомъ судебной практики. Что кассаціонный судъ одинъ, изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что въ приговорахъ его постоянно будетъ проводиться одно извѣстное направленіе въ толкованіи законовъ. Во Франціи, какъ и во всякой странѣ, гдѣ есть сколько

томъ случаѣ, когда самый текстъ приговора былъ въ формальномъ противорѣчіи съ закономъ, а не мотивы его. Feriat-Saint-Prix: Cours de procedure civile, стран. 426, изд. 1813 года.

*) Dalloz, сл. cass. § 707 и 708.

**) Dalloz сл. cass. § 789, 790.

нибудь развитая юридическая жизнь, существуютъ различные взгляды въ пониманіи той или другой статьи положительнаго закона *). Влѣдствіе этого одинъ и тотъ же спорный вопросъ о правѣ рѣшается кассаціоннымъ судомъ различно, смотря потому, какой взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ большинство членовъ. Это бываетъ причиной весьма оригинальныхъ столкновеній между кассаціоннымъ судомъ и судами обыкновенными. Аппелляціонный судъ, рѣшая какое нибудь дѣло, ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія на практику кассаціоннаго суда. Недовольный приговоромъ проситъ о кассаціи, и кассаціонный судъ дѣйствительно уничтожаетъ рѣшеніе, хотя оно и совершенно согласно съ его предшествовавшей практикой. Дѣло въ томъ, что кассаціонный судъ, вслѣдствіе перемѣны въ личномъ составѣ своихъ членовъ, успѣлъ уже принять другое толкованіе спорной статьи **). Предоставить же кассаціонному суду рѣшать эти вопросы разъ на всегда невозможно: это значило бы перенести на него права законодательной власти. Такимъ образомъ учрежденіе одного кассаціоннаго суда не уничтожаетъ возможности различно толковать и примѣнять законы. Противъ этого остается по прежнему одно только средство: разъясненіе спорныхъ статей въ законодательномъ порядкѣ.

Учредительное собраніе было очень нерасположено къ апелляціонному производству. Желаніе обойти это зло было одной изъ причинъ, заставившихъ его создать кассаціонный судъ, а не третью инстанцію. Кассаціею же хотѣло оно по возможности затруднить, чтобы къ этому опасному средству, какъ выражались ораторы, обращались только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Ни то, ни другое желаніе учредительнаго собранія не исполнилось. Изъ того толкованія, какое даютъ словамъ — contravention expresse à la loi, можно видѣть, насколько практика облегчила доступъ къ «опасному средству»; а

---

*) Миттермайеръ приводитъ два господствующихъ направленія французскихъ юристовъ, изъ которыхъ объясняется различіе въ толкованіи отдѣльныхъ статей. Arch. für Civil-Prax. Band 44, стр. 289.

**) Такой примѣръ можно найти на стр. 54 собранія приговоровъ кассаціоннаго суда за 1861 г. — Sirey: Recueil des arrêts и пр. Издатели дѣлаютъ по этому поводу такое примѣчанія: Il est peu de questions sur lesquelles la jurisprudence de la Cour de cassation ait autant varié que sur celle-ci. Par son arrêt actuel, la Cour revient à la doctrine qu'ella a consacrée à diverses reprises de 1846 à 1857, mais qu'elle avait refusé d'admettre par un arrêt antérieur du 11 juin 1844, et dont se sont écartées plus tard quelques autres des ces décisions.

на сколько учредительное собраніе избѣгло третьей степени суда, можно видѣть изъ слѣдующаго перечисленія инстанцій, черезъ которыя можетъ — въ крайнемъ случаѣ — пройдти дѣло.

1. Судъ первой степени.

2. Королевскій судъ, какъ вторая и послѣдняя инстанція.

3. Chambre des requêtes, которая произноситъ по выслушаніи истца, или его адвоката, о допущеніи прошенія. Срокъ для подачи прошенія о кассаціи два мѣсяца *); для приготовленія дѣла къ докладу дается еще два мѣсяца; въ случаяхъ же, нетерпящихъ отлагательства, этотъ послѣдній срокъ сокращается до одного мѣсяца.

4. Chambre civile, которая кассируетъ и произноситъ заключеніе о вопросѣ права. Въ chambre civile дѣло производится обыкновеннымъ тяжебнымъ порядкомъ **) (съ нѣкоторыми, впрочемъ, различіями; такъ не допускаютъ новыя доказательства, небывшія на разсмотрѣніи низшаго суда, и пр.); отвѣтчику дается мѣсяцъ для явки.

5. Снова королевскій судъ, куда дѣло должно быть отослано для приговора о существѣ.

6. Второе прошеніе о кассаціи и второе разсмотрѣніе прошенія въ Chambre des requêtes — тѣмъ же порядкомъ.

7. Второе заключеніе chambre civile объ уничтоженіи приговора и о вопросѣ права — тѣмъ же порядкомъ.

Третье и послѣднее заключеніе королевскаго суда, которое должно быть согласно съ заключеніемъ кассаціоннаго суда.

Такимъ образомъ всего 8 инстанцій. При этомъ надо замѣтить, что переносъ дѣла въ кассаціонный судъ не останавливаетъ исполненія рѣшенія (кромѣ очень немногихъ случаевъ), хотя бы отъ этого произошло непоправимое зло ***). Также нельзя требовать отъ

---

*) Законъ 2-го іюня 1862 года; прежде — 3 мѣсяца.

**) Этотъ порядокъ подтверждаетъ вышесказанное о невозможности совершеннаго отдѣленія права отъ факта; иначе не за чѣмъ было бы вызывать отвѣтчика. Во время преній 1790 года, деп. Прюньонъ обратилъ вниманіе палаты на это несоотвѣтствіе порядка производства съ общимъ характеромъ кассаціоннаго суда, который долженъ произносить только о правѣ. Депутатъ требовалъ, чтобы, согласно назначенію высшаго трибунала, кассаціонный судъ произносилъ о правѣ не въ обыкновенномъ тяжебномъ порядкѣ, а по выслушаніи одного только истца.

***) Dalloz, слово cass. § 365.

противника, чтобы онъ представилъ поручителей въ сохраненіи предмета спора, если бы онъ даже былъ иностранецъ и хотѣлъ предметъ спора увезти за границу*). Въ этихъ правилахъ отразился тотъ взглядъ на кассаціонный судъ, по которому цѣль его не столько въ огражденіи правъ частныхъ лицъ, сколько въ огражденіи неприкосновенности законовъ. Въ настоящее же время французскіе юристы находятъ ихъ очень неудобными.

Даже защитники кассаціоннаго суда находятъ этотъ рядъ инстанцій слишкомъ длиннымъ. Одни**) изъ нихъ предлагаютъ уничтожить Chambre des requêtes и предоставить кассаціонному суду право вмѣстѣ съ первой кассаціей дѣлать обязательныя для низшихъ судовъ заключенія. — Другіе***) идутъ далѣе: они находятъ нужнымъ предоставить кассаціонному суду право рѣшать дѣла въ существѣ, но съ слѣдующимъ различіемъ отъ апелляціонныхъ судовъ (кромѣ различія въ поводахъ): къ рѣшенію дѣлъ въ существѣ высшій трибиналъ приступаетъ только вслѣдствіе второй жалобы, на первую же онъ отвѣчаетъ въ качествѣ кассаціоннаго суда.

Въ этомъ очеркѣ я не имѣлъ намѣренія представить полную картину кассаціоннаго суда съ догматической стороны. Я хотѣлъ только указать на главныя отличительныя черты его по учрежденію 1790 г. и на послѣдующія измѣненія, результатомъ которыхъ было сближеніе этого новаго средства въ судопроизводствѣ съ давно-извѣстнымъ — съ апелляціей. Созданный главнымъ образомъ въ интересѣ закона и законодательной власти, онъ и теперь — за всѣми измѣненіями—можетъ лучше дѣйствовать въ этой сферѣ, съ цѣлью обузданія нѣкоторыхъ судей (если бы такіе явились), чѣмъ въ гражданской — для возстановленія частныхъ правонарушеній. Хотя практика и усиливается примѣнить кассацію къ нуждамъ частныхъ лицъ, но въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ апелляціонныхъ судовъ. Этою пригодностью кассаціоннаго суда для политическихъ цѣлей объясняется то, почему онъ устоялъ при всѣхъ перемѣнахъ въ государственномъ устройствѣ Франціи. Но вмѣстѣ съ этимъ необходимость въ немъ должна чувствоваться слабѣе и слабѣе по мѣрѣ того, какъ будетъ дѣлаться сомнительной возможность появленія судей, прямо возстающихъ на законъ. Это подтверждается

---

*) Dalloz, слово cass. § 366.

**) Frey — стр. 151 и 154.

***) Königswarter, Krit. Zeitschr. für Rechtswiss. 82 — 84 стр.

всей исторіей кассаціи во Франціи: какъ орудіе законодательной власти, она употребляется чрезвычайно рѣдко; но какъ скоро она переносится въ чисто гражданскую сферу, такъ сейчасъ же является необходимость сообщить ей нѣкоторыя свойства апелляціи.

Недостатки кассаціоннаго суда никогда не были тайной; нѣкоторые изъ нихъ чувствовались еще его учредителями. Въ настоящее время, вслѣдствіе указаній опыта, они сдѣлались только виднѣе, а польза сомнительнѣй *). Впрочемъ, вопроса о кассаціонномъ судѣ нельзя еще считать совершенно поконченнымъ: этотъ судъ продолжаетъ пріобрѣтать какъ новыхъ защитниковъ въ литературѣ **), такъ и новыхъ послѣдователей въ законодательныхъ трудахъ.

18) Магистра Тихановича 2-го.

Кромѣ посѣщенія лекцій, различныхъ ученыхъ собраній, упражненій въ практическихъ методахъ, о чемъ было уже упоминаемо мною въ предъидущихъ отчетахъ, я во все время пребыванія своего въ Гейдельбергѣ былъ еще занятъ самостоятельными изслѣдованіями изъ области органической химіи. Хотя при пріѣздѣ моемъ въ Гейдельбергъ я имѣлъ въ виду разработать нѣкоторые вопросы по отдѣлу физико-химіи, но къ несчастію — трудность найти приличное помѣщеніе, необходимое для подобныхъ работъ, требующихъ крайней осмотрительности и точности, а съ другой стороны — дороговизна аппаратовъ, неудобство обращенія съ ними при переѣздахъ, заставили меня отложить изслѣдованія въ этомъ направленіи до болѣе благопріятнаго случая. Вотъ почему, оставляя физико-химическія работы, хотя наиболѣе интересныя и полезныя при теперешнемъ состояніи науки, я обратился къ изученію химическихъ реакцій. Тѣла, избранныя мною для изслѣдованій, принадлежатъ къ разряду органическихъ соединеній съ высокимъ паемъ, а потому при розысканіи представляютъ миллионы трудностей. Тѣла эти суть: азотистые дериваты, бромъ-гидрины и смѣшанные эѳиры меннита.

4-го мая 1863 года.

---

*) Въ послѣднее время противъ кассаціоннаго суда высказались: Mittermaier: Archiv für die civ. Pr. 1861 г. стр. 286. Plank—Kritische Viert. für Gesetzgeb. 1862 г. 280 стр. Arnold — Die Umgestaltung des Civilproz. in Deutschland 1863 г. стр. 176.

**) Zink — Über die Ermittelung des Sachverhaltes im französischen Civilpr. 1860 г. 398 стр.

19) Кандидата Головкинскаго.

Вскорѣ по окончаніи зимняго учебнаго семестра въ Гейдельбергѣ, я отправился въ Италію. Первой мѣстностью, гдѣ я остановился на значительное время, были горы Апуанскія. Въ нѣсколько экскурсій, предпринимаемыхъ изъ Пизы, я прослѣдилъ третичный мергель, являющійся мѣстами у подножія горъ и известнякъ, весьма бѣдный окаменѣлостями, но причисляемый, по положенію, къ юрской формаціи; метаморфозированный въ мраморъ, онъ образуетъ извѣстныя каменоломни Серавецы и Каррары. Я посѣтилъ при этомъ лежащія въ окрестностяхъ Серавецы серебристо-свинцовую руду въ Боттино и желѣзную въ Стацема; бурый желѣзнякъ, составляющій послѣднюю, произошелъ, по всей вѣроятности, изъ колчедана, попадающагося и въ окрестномъ мраморѣ и почти повсюду свойственнаго юрской формаціи, въ слояхъ которой заключены обѣ руды.... Кромѣ чисто-геогностическихъ наблюденій, въ Специи, Віареджіо и при устьѣ Арно, я старался познакомиться съ фауною и флорою Средиземнаго моря и тѣми физическими условіями морскаго берега, познаніе которыхъ для геолога можетъ быть болѣе важно, нежели подробное изученіе самой геотектонической стороны какой-либо отдѣльной мѣстности. Съ этою цѣлью я дѣлалъ экскурсію въ море изъ Специи, вмѣстѣ съ занимавшимся тамъ въ то время г. кандидатомъ Степановымъ. Здѣсь-же я имѣлъ случай познакомиться съ профессоромъ геологіи болонскаго университета, Капеллини, приступившимъ, въ послѣднее время, къ изданію геологической карты окрестностей Специи, которыя онъ изслѣдовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ словесно сообщилъ мнѣ весьма любопытныя свѣденія о спирально-скрученномъ положеніи пластовъ, образующихъ отрасль горъ, которыя ограничиваютъ заливъ Специи съ запада: вслѣдствіе этого скрученія, на южномъ концѣ горной вѣтви, при Портовенере, формаціи представляются въ противунормальномъ порядкѣ, что ввело въ весьма понятную ошибку прежнихъ изслѣдователей, профессоровъ Менигини и Савви.

Проведя въ этой части Италіи около двухъ съ половиною недѣль, я переѣхалъ въ Неаполь, вулканическія окрестности котораго составляли главную цѣль моего путешествія.... Къ сожалѣнію, Везувій находится теперь въ состояніи почти полнаго покоя. Кратеръ засыпанъ и представляетъ яму неболѣе пятидесяти футовъ глубиною, не сообщающуюся съ внутренностію вулкана ни одною тре-

щиной. Хлористоводородный и сѣрнистокислый паръ пробивается сквозь сыпучую почву дна и окраинъ кратера, доказывая страшное давленіе, подъ которымъ онъ находится; это обстоятельство дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предсказаніе проводника, увѣрявшаго меня, что скоро должно послѣдовать изверженіе. Наблюденія надъ магнитною стрѣлкою въ везувіанской обсерваторіи не показываютъ однако никакого движенія массъ внутри горы.... Обозрѣніе Везувія и его окрестностей чрезвычайно поучительно и вывѣряетъ взглядъ на значеніе вулканическихъ явленій въ исторіи земной поверхности. Нельзя не признать, конечно, что результатъ наблюденій много зависитъ отъ предрасположенія наблюдателя, или просто, случайнаго обращенія вниманія предпочтительно на одну сторону факта. Немогу не припомнить, что наблюденія вулканизма этой мѣстности много способствовали, въ лицѣ Леопольда фонъ-Бухъ, побѣдѣ, которую одержалъ плутонизмъ, боровшійся въ первой четверти нашего столѣтія съ авторитетомъ Вернера. Какъ Вернеръ топилъ въ водѣ все безъ исключенія, такъ потомъ плутонисты расплавили все, что̀ твердо, кристаллично и не содержитъ остатковъ организмовъ. Но всепожирающій огонь не могъ избѣжать своей участи: какъ всякій занесшійся высоко принципъ, онъ возбудилъ антагонизмъ, и вода отчасти въ новомъ видѣ пара съ высокимъ давленіемъ, стала снова оспоривать его господство.... Относясь, сколько мнѣ кажется, безпристрастно къ совершенно для меня объективнымъ, ничѣмъ не связаннымъ съ моимъ самолюбіемъ теоріямъ, я не нашелъ въ вулканическихъ явленіяхъ ничего, что̀ могло-бы подтвердить плутоническій взглядъ; они, скорѣе, указываютъ на метаморфизмъ отъ перемѣны аггрегаціоннаго состоянія и замѣны составныхъ частей, подъ вліяніемъ различныхъ атмосферныхъ условій, въ теченіи долгаго времени: новыя лавы рѣшительно не кристалличны и вовсе не содержатъ тѣхъ кристалловъ, образованіе которыхъ изъ расплавленнаго состоянія, вопреки опытамъ и наблюденіямъ, считаютъ возможнымъ плутонисты; таковы потоки лавы 1858,—56,—48 годовъ, по которымъ обыкновенно проѣзжаютъ, взбираясь на Везувій; болѣе древняя лава, образующая *dykes* Соммы, кристаллична, порфировидна. Предполагать болѣе медленное застываніе, вслѣдствіе болѣе высокой температуры земной поверхности, какъ обыкновенно дѣлается при объясненіи происхожденія кристаллическихъ породъ, было-бы въ этомъ случаѣ особенно неосновательно, потому что лавы Соммы, выполняющія трещины туфа съ остатками животныхъ,

обитающихъ еще теперь въ Средиземномъ морѣ, несомнѣнно принадлежатъ очень новому геологическому періоду, котораго фауна, а слѣдовательно и климатическія условія не могли отличаться въ сколько-нибудь достаточной степени отъ современныхъ. Время, т. е. говоря точнѣе, продолжительное дѣйствіе незамѣтныхъ, но тѣмъ неменѣе, постоянно работающихъ молекулярныхъ силъ, можетъ быть при посредствѣ воды, — остается единственнымъ вѣроятнымъ факторомъ.

Я надѣялся найти богатую коллекцію образчиковъ лавы въ музеѣ Неаполитанскаго университета, но ожиданіе не оправдалось: куски, которые тамъ хранятся, взяты, видимо, только ради болѣе или менѣе отчетливыхъ, болѣе или менѣе прозрачныхъ друзъ, которымъ они служатъ пьедесталами и консерваторъ музея, относясь съ небрежностью къ некрасивому, сѣрому камню, старался обратить мое вниманіе на изящныя щетки сицилійской сѣры, на бразильскій кварцевый кристаллъ двухфутоваго діаметра и т. п. минеральныя чудеса.

На обратномъ пути по Италіи, я останавливался въ Болоньи. Профессоръ Капеллини показалъ мнѣ свое прекрасное палеонтологическое собраніе по третичной итальянской формаціи, замѣчательное, какъ по богатству видовъ, такъ и по числу экземпляровъ одного вида. Послѣднее обстоятельство особенно важно для научнаго значенія коллекціи и, къ сожалѣнію, очень рѣдко встрѣчается въ музеяхъ. Проф. Капеллини обѣщалъ мнѣ удѣлить коллекцію итальянскихъ окаменѣлостей для казанскаго университета.

Возвращаясь въ Германію чрезъ Тироль, я останавливался для небольшихъ экскурсій въ Ботценѣ, Инсбрукѣ и Зальцбургѣ. Кромѣ ближайшихъ окрестностей, я посѣтилъ изъ Зальцбурга Галлейнъ и лежащую близъ него Дюрнбергъ, извѣстную соляными копями.

Въ эти два мѣсяца, проведенные въ Италіи и отчасти въ Тиролѣ, я убѣдился въ несомнѣнной пользѣ путешествія. Я снова повторю, что наблюденіе современныхъ геологическихъ процессовъ, которое возможно только въ путешествіи и ничѣмъ не замѣняется при занятіяхъ книжныхъ и въ музеяхъ, дѣйствуетъ болѣе плодотворно на развитіе геологическаго взгляда, чѣмъ подробное знаніе самыхъ слоевъ и породъ формацій. Запасъ свѣдѣній, составляющихъ необходимую основу для всякаго сужденія о минувшей жизни природы, результатомъ которой явилось то или другое минеральное образованіе, чрезвычайно обогащается при разсматриваніи гор-

ной цѣпи и береговъ моря: картина разрушенія на Мон-Сени, представляющая темныя расчелины съ гигантскими обломками скалъ на днѣ, размываемыми кипучимъ потокомъ, осыпи вывѣтривающихся утесовъ въ Тиролѣ, образующія, въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, цѣлыя предгорія съ характеристичными, волнистыми очертаніями; постоянное возвышеніе уровня низменностей, которое такъ наглядно доказываютъ римскія форумы и зданія, разрушительное и образовательное дѣйствіе морскаго прибоя и животныхъ и множество другихъ явленій — даютъ возможность оцѣнить роль водъ и атмосферы въ исторіи земли и убѣдительно доказываютъ ненужность тѣхъ бурныхъ, періодическихъ катастрофъ, въ которыя такъ крѣпко вѣрила и, въ лицѣ многихъ представителей, теперь еще вѣритъ наука.

15-го мая я пріѣхалъ въ Тюбингенъ и намѣреваюсь провести здѣсь нѣсколько недѣль, дѣлая экскурсіи для изученія юрской и тріасовой формацій и занимаясь опредѣленіемъ окаменѣлостей; причемъ, расчитываю пользоваться совѣтами профессора Квенштета, съ которымъ я уже сдѣлалъ, въ послѣднее время, шестидневную экскурсію въ Шварцвальдъ. Но все, относящееся къ моимъ занятіямъ въ Тюбингенѣ, я буду имѣть честь изложить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Тюбингенъ, $^{31}/_{19}$ мая 1863 года.

20) Кандидата Петра Алексѣева.

Въ Тюбингенѣ я продолжалъ свою работу надъ нитроанисовой кислотой и надъ масломъ горькихъ миндалей; по напечатаніи ихъ, я буду имѣть честь препроводить въ департаментъ оттиски.

Съ начала апрѣля мѣсяца я нахожусь въ Геттингенѣ. Здѣсь прежде всего я занялся анализомъ газовъ, такъ какъ заниматься этимъ мнѣ еще не приходилось, и къ тому же не во всякой лабораторіи находятся необходимыя для этого удобства. Анализъ газовъ здѣсь производится по методѣ Бунзена. Если я для этихъ моихъ занятій не выбралъ лабораторіи самаго Бунзена, то потому, что во 1-хъ, у него надо слишкомъ долго ждать, чтобы получить возможность приступить къ занятіямъ, — такъ много желающихъ; а во вторыхъ, и здѣсь можно было надѣяться пріобрѣсти не менѣе пользы, занимаясь подъ руководствомъ опытнаго здѣшняго ассистента г. Бейльштейна, пробывшаго довольно долгое время въ лабораторіи Бунзена. Теперь я, пользуясь здѣшнимъ пребываніемъ, занимаюсь ра-

ботами по неорганической химіи, преимущественно огневыми, подъ руководствомъ гг. Вёлера и Бейльштейна. Прекрасно устроенная лабораторія представляетъ удобства и въ этомъ отношеніи, удобства, которыя можно встрѣтить еще только въ лабораторіи H. Sainte-Claire-Deville въ Парижѣ. Устройство здѣшнихъ печей дѣйствительно замѣчательно. Онѣ даютъ возможность получать довольно высокую температуру. И въ какомъ частомъ употребленіи онѣ здѣсь, можно видѣть уже изъ того, что на одни уголья выходитъ около 700 тал. въ годъ.

Самъ Вёлеръ очень любезенъ и внимателенъ, и, не смотря на свои лѣта, не перестаетъ работать; такъ въ настоящее время онъ занимается недавно открытымъ имъ, въ высшей степени интереснымъ соединеніемъ—гидратомъ новаго окисла кремнія.

Изъ лекцій я посѣщаю здѣсь «Лекціи органической химіи» д-ра Бейльштейна; прекрасное изложеніе и богатая коллекція органическихъ соединеній, дѣлаютъ его лекціи, хотя и элементарныя, не лишенными интереса. Подробнѣе мнѣ придется поговорить объ этихъ лекціяхъ въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ, такъ какъ теперь онъ только еще недавно приступилъ къ спеціальной части.

Я посѣщаю еще лекціи д-ра Гюбнера «Die Geschichte der Chemie, mit besonderer Berücksichtigung ihrer neuesten Entwickelung»; объ нихъ я тоже еще пока ничего не могу сказать, такъ какъ всего было еще только три лекціи.

Говоря объ удобствѣ занятій въ здѣшней лабораторіи, я долженъ еще упомянуть, что при ней находится очень хорошая библіотека.

Геттингенъ, 17/5 мая 1863 года.

21) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Во вторую половину прошедшаго семестра, какъ и въ первую, я посѣщалъ лекціи профессоровъ Берлинскаго университета, Вейерштрасса и Куммера. Къ сообщенному уже мною въ моемъ предыдущемъ письмѣ о лекціяхъ г. Куммера прибавить теперь нечего, ибо онъ закончилъ свой курсъ теоріею квадратичныхъ формъ, показавъ, какъ приложенія ея, рѣшеніе въ цѣлыхъ числахъ квадратныхъ уравненій съ двумя незивѣстными.

Вейерштрассъ отъ доказательства, что функція, удовдетворяющая дифференціальному уравненію

$$\left(\frac{ds}{du}\right)^2 = 4s^3 - \delta s + \varepsilon$$

двояко періодична, перешелъ къ опредѣленію функціи x и далъ выраженіе ея по другой функціи σu, опредѣляемой изъ дифференціальнаго уравненія

$$\frac{d^2 \log \sigma (u)}{du^2} = - s$$

Эту же функцію ввелъ въ выраженіе *sn* и *cs* амплитуды и *sn* и *cs* суммы и разности амплитудъ. Въ заключеніе изложилъ теорію Якобіевой Θ и показалъ аналогію и различіе, существующія между ею и $\sigma (u)$.

Въ текущемъ семестрѣ я посѣщаю лекціи Вейерштрасса (о Абелевыхъ функціяхъ) и занимаюсь на механическомъ отдѣленіи Берлинскаго ремесленнаго института (Gewerbe Institut).

Въ этомъ институтѣ существуютъ четыре отдѣленія: одно — общее техническое и три спеціальныя: механики, химіи и горнаго дѣла и кораблестроительнаго искусства.

На общемъ техническомъ отдѣленіи читаются слѣдующіе предметы:

Чистая математика (высшая алгебра, сферическая тригонометрія, дифференціальное и интегральное исчисленія) теоретическая механика (статика и динамика), начертательная геометрія съ приложеніемъ къ теоріи перспективы и тѣней, и къ разрѣзу камней, опытная физика, неорганическая химія, строительное искуство и практическая механика (теорія простыхъ частей машинъ).

На спеціальномъ механическомъ отдѣленіи преподаются: аналитическая механика (гидростатика и гидродинамика), математическая физика, теорія прочности построекъ, практическая механика (общая теорія машинъ, теорія рабочихъ машинъ, гидравлическихъ двигателей и паровыхъ машинъ, и вычисленіе простыхъ частей машинъ), механическая технологія, химическая технологія. Сверхъ того, слушатели упражняются подъ руководствомъ преподавателей въ составленіи проектовъ частей машинъ, полныхъ машинъ, заводовъ и такихъ формъ, которыя употребляются для литья изъ желѣза.

О двухъ другихъ отдѣленіяхъ, какъ не касающихся до меня, я не скажу ничего, кромѣ того, что, по отзывамъ лицъ, занимающихся химіею въ Берлинѣ, лабораторіи химическаго отдѣленія Gewerbe Institut'a представляютъ гораздо больше удобства для занятій и находятся въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ принадлежащія университету.

Я посѣщаю лекціи слѣдующихъ преподавателей института: профессора *Вибе* (о простыхъ частяхъ машинъ и рабочихъ машинахъ)

профессора *Финка* (Fink) (проектированіе частей машинъ) и г. *Грасгофа* (о гидравлическихъ двигателяхъ и паровыхъ машинахъ). Сверхъ того, по причинѣ свободныхъ часовъ между лекціяхъ Вибе и Грасгофа, занимаюсь у профессора *Лоде* проектированіемъ формъ для литья и у г. Фрейберга черченіемъ частей машинъ.

Сверхъ слушаемыхъ мною теперь лекцій, я намѣренъ слѣдить за лекціями Вейерштрасса о приложеніи теоріи эллиптическихъ функцій къ рѣшенію вопросовъ, взятыхъ изъ геометріи и механики.

Такъ какъ лекціи почти только что начались, то содержаніе слушаемыхъ мною въ Gewerbe Institut'ѣ лекцій я откладываю до слѣдующаго письма. Въ этомъ письмѣ я скажу нѣсколько словъ только о самомъ институтѣ.

Gewerbe Institut есть высшая школа Пруссіи, въ которой заканчиваютъ свое образованіе молодые люди, уже окончившіе курсы въ провинціальныхъ ремесленныхъ школахъ или въ реальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ школа, образующая хорошихъ мастеровъ для заводовъ и фабрикъ, Gewerbe Institut не достаточенъ, по преобладанію болѣе теоретическаго элемента въ преподаваніи. Прослушавшіе полный курсъ въ институтѣ, для болѣе близкаго знакомства съ дѣломъ съ практической его стороны, поступаютъ волонтерами на пользующіяся извѣстностью фабрики. Gewerbe Institut въ томъ видѣ, въ какомъ есть, служитъ какъ бы дополненіемъ Берлинскому университету. Берлинскій университетъ, имѣя отличныхъ профессоровъ чистыхъ математическихъ наукъ, не представляетъ почти ничего полезнаго ищущему знакомства съ прикладными науками. Курсъ аналитической механики обыкновенно объявляется только въ лѣтній семестръ г. *Hoppe*, и то почти всегда существуетъ только на страницахъ Verzeichniss'а. Случается иногда, что аналитическую механику читаетъ и г. Куммеръ; но это бываетъ весьма рѣдко (въ четыре семестра одинъ). Въ настоящее время, правда, кромѣ курса г. *Hoppe* объявлены еще г. Вейерштрассомъ чтенія о нѣкоторыхъ задачахъ геометріи и механики, рѣшаемыхъ помощью эллиптическихъ функцій; но этотъ курсъ будетъ имѣть значеніе только указанія возможности и средствъ дѣлать приложенія той теоріи эллиптическихъ функцій, которая была читана въ зимній семестръ. Обыкновенно студенты Берлинскаго университета, желающіе ознакомиться съ механикою, посѣщаютъ, какъ госпитанты, лекціи Gewerbe Institut'а.

Берлинъ, $^{7}/_{19}$ мая 1863 года.

22) Кандидата Александра Бесселя.

По окончанiи лекцiй зимняго семестра, главное содержанiе которыхъ я имѣлъ честь сообщить въ предъидущемъ отчетѣ, я преимущественно занялся тѣми своими изысканiями по дiоптрикѣ, которыя были потомъ представлены мною въ С.-Петербургскую академiю наукъ, и удостоены въ засѣданiи 27-го марта быть помѣщенными въ издаваемыхъ ею запискахъ. Остальное время вакацiй до открытiя лекцiй я посвятилъ на изученiе докторской диссертацiи извѣстнаго Геттингенского профессора Римана «Grundlagen zur Theorie der Functionen einer veränderlichen complexen Grösse» и чтенiе нѣкоторыхъ современныхъ образцовыхъ сочиненiй: Baltzer, Theorie und Anwendung der Determinanten и Salmon, Analytic Geometry of three dimensions, Dublin, 1862. Послѣднее сочиненiе достойно особеннаго вниманiя по своей полнотѣ и многосторонности изложенiя.

Въ исходѣ апрѣля начался лѣтнiй семестръ. Я ограничился на этотъ разъ лекцiями Вейерштрасса и Куммера и занятiями въ семинарiи. Вейерштрассъ продолжаетъ теорiю эллиптическихъ функцiй и, кромѣ того, читаетъ теорiю Абелевыхъ функцiй, Остановившись въ концѣ прошедшаго семестра на разложенiе функцiй φ (u) и σ (u) по синусамъ въ безконечные ряды и безконечныя произведенiя, Вейерштрассъ началъ нынѣ съ изложенiя нѣкоторыхъ общихъ теоремъ, относящихся къ двояко-перiодическимъ функцiямъ, и показалъ какимъ образомъ всякая подобная функцiя выражается чрезъ φ (u) и σ (u). Непосредственнымъ приложенiемъ этихъ теоремъ было интегрированiе такого иррацiональнаго дифференцiала, который заключаетъ одну только иррацiональность $\sqrt{R(x)}$ гдѣ R (x) полиномъ не выше 4-й степени. Самый дифференцiалъ, преобразованный въ функцiю отъ u $\left(\text{гдѣ } u = \int \frac{dx}{\sqrt{R(x)}}\right)$, также какъ и интегралъ его, получаются въ весьма простомъ и изящномъ видѣ; не требуется никакого приведенiя R (x) къ частному виду, все приводится только къ вычисленiю тѣхъ величинъ u, для которыхъ данная подъинтегральная функцiя обращается въ безконечность. Интегралы всѣхъ 3-хъ родовъ получаются съ одинаковою легкостью. Для объясненiя своей теорiи интегрированiя посредствомъ эллиптическихъ функцiй— или точнѣе: посредствомъ функцiй σ (u)—на примѣрѣ, Вейерштрассъ выбралъ такой частный видъ подъинтегральной функцiи, который встрѣчается почти во всѣхъ приложенiяхъ эллиптическихъ функцiй,

разобралъ его во всей подробности, обратилъ вниманіе на всѣ частные случаи, могущіе тутъ встрѣтиться, и вывелъ нѣсколько замѣчательныхъ формулъ, находящихся съ нимъ въ тѣсной связи, въ видѣ подготовленія къ приложенію эллиптическихъ функцій къ вопросамъ геометріи и механики, чѣмъ онъ и намѣренъ заняться на будущей недѣлѣ.

Въ видѣ вступленія въ теорію Абелевыхъ функцій, Вейерштрассъ изложилъ, по собственному способу, полную теорію интегрированія линейныхъ совокупныхъ дифференціальныхъ уравненій съ комплекснымъ перемѣннымъ и разсмотрѣлъ, какъ частный случай ея, теорію опредѣленныхъ интеграловъ между комплексными предѣлами. На слѣдующихъ лекціяхъ онъ намѣренъ приложить эту теорію къ тѣмъ дифференціальнымъ уравненіямъ, посредствомъ которыхъ опредѣляются Абелевы функціи.

Куммеръ также читаетъ два курса: a) теорію кривыхъ линій и кривыхъ поверхностей и b) теорію комплексныхъ и идеальныхъ чиселъ. Не смотря на то, что лекціи Куммера о кривыхъ линіяхъ и кривыхъ поверхностяхъ и не отличаются тою оригинальностью, которою обладаютъ лекціи Вейерштрасса, предлагающаго своимъ слушателямъ только самостоятельныя свои изслѣдованія, онѣ неоцѣнимы, какъ для начинающихъ — по своей ясности и простотѣ изложенія: такъ и для людей, знакомыхъ уже съ этимъ отдѣломъ науки — по своему изяществу и историческимъ указаніямъ, которыми онѣ изобилуютъ.

Изложивъ теорію кривыхъ двоякой кривизны и остановившись по-подробнѣе на кривыхъ 3-й степени, Куммеръ приступилъ къ теоріи кривыхъ поверхностей и остановился покуда на разсматриваніи обертывающихъ конусовъ, особыхъ точекъ и соприкасающихся конусовъ.

Въ теоріи комплексныхъ и идеальныхъ чиселъ, напротивъ, Куммеръ совершенно оригиналенъ. Посвятивъ двѣ лекціи на доказательство главныхъ теоремъ, относящихся къ комплекснымъ числамъ вида $\alpha + \beta i$ (гдѣ α и β цѣлыя числа), обратившимъ на себя уже вниманіе Гаусса, Куммеръ указалъ на самый общій видъ комплекснаго числа въ смыслѣ теоріи чиселъ и на простѣйшій видъ, къ которому оно приводится. Послѣ сего онъ приступилъ къ главному предмету своихъ лекцій: теоріи комплексныхъ чиселъ, составленныхъ раціональнымъ образомъ изъ комплексныхъ корней единицы. Содержаніе немногихъ лекцій, прочитанныхъ нынѣ по этому пред-

мету, я отлагаю до слѣдующаго отчета, находя болѣе удобнымъ за разъ сообщить въ связномъ и систематическомъ порядкѣ содержаніе всей теоріи.

Въ семинаріи Вейерштрассъ занимался нѣкоторыми опредѣленными интегралами со многими перемѣнными; а Куммеръ предложилъ изслѣдовать общія свойства всѣхъ поверхностей 4-го порядка, на которыхъ можно начертить безконечный рядъ коническихъ сѣченій.

Берлинъ, $\frac{\text{21-го мая}}{\text{2-го іюня}}$ 1863 года.

23) Кандидата А. Ильина.

(Съ 23-го февраля по 23-е мая 1863 года.)

Сообразно намѣренію, выраженному мною въ послѣднемъ моемъ отчетѣ, съ окончаніемъ зимняго семестра во Франціи, я оставилъ Парижъ съ цѣлію провести лѣтній семестръ при одномъ изъ германскихъ университетовъ и въ настоящее время нахожусь въ Лейпцигѣ. Чтенія по части математики, какъ публичныя такъ и частныя, на философскомъ факультетѣ Лейпцигскаго университета распредѣлены между четырьмя профессорами слѣдующимъ образомъ: Профессоръ Hankel читаетъ аналитическую геометрію, докторъ Moebius читаетъ: публично, физическую астрономію; частно (privatim), теорію чиселъ. Кромѣ того, онъ занимается gratis упражненіями въ геометріи. Профессоръ Drobisch излагаетъ дифференціальное и интегральное счисленія, а также имѣетъ лекціи введенія въ философію и логику. Профессоръ Scheibner излагаетъ теорію опредѣленныхъ интеграловъ и занимается, кромѣ того, публично упражненіями въ такъ называемой математической семинаріи.

Съ своей стороны, я слушаю лекціи профессоровъ Moebius'а и Scheibner'а по теоріи чиселъ и теоріи опредѣленныхъ интеграловъ; о результатѣ посѣщенія этихъ лекцій я упомяну въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ, который почти совпадетъ съ окончаніемъ настоящаго семестра.

Такъ какъ между концемъ зимняго семестра во Франціи и началомъ лѣтняго въ германскихъ университетахъ я имѣлъ свободный промежутокъ времени, который могъ употребить исключительно на собственныя занятія, то, не имѣя причины оставаться долѣе въ Парижѣ и, въ то же время, желая сохранить удобства пользованія библіотеками, я переѣхалъ въ городъ Люттихъ (Льежъ) въ Бельгіи; при этомъ выборѣ я руководствовался тѣмъ, что, по соб-

раннымъ мною свѣденіямъ, лекціи въ люттихскомъ университетѣ продолжались почти непрерывно и, слѣдовательно, университетская библіотека была открыта все время. При томъ еще я имѣлъ въ виду воспользоваться случаемъ познакомиться съ бельгійскими учебными учрежденіями. Хотя Люттихскій университетъ не допускалъ къ слушанію лекцій лицъ незаписавшихся въ число студентовъ, но, обратившись лично къ ректору университета, доктору медицины, Шпрингу, и объяснивъ ему цѣль моего нахожденія въ Люттихѣ, я получилъ дозволеніе посѣщать университетскія лекціи въ теченіе одного мѣсяца. Вслѣдствіе того, я посѣщалъ лекціи профессоровъ: De Guyper'a, по высшей алгебрѣ и анатомической механикѣ, и Schaar'a, по высшему анализу, а также занимался въ университетской библіотекѣ. Собственныя мои занятія состояли въ изученіи теоріи опредѣлителей, по сочиненію доктора Бальцера, и въ продолженіи чтенія мемуара Якоби объ интегрированіи частныхъ дифференціальныхъ уравненій, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ своемъ отчетѣ.

Во время нахожденія моего въ Люттихѣ, я могъ, при содѣйствіи г. ректора университета, Шпринга, узнавшаго отъ меня цѣль моего командированія за границу, собрать нѣкоторыя свѣденія, дающія понятіе объ устройствѣ бельгійскихъ университетовъ вообще и, въ отдѣльности, люттихскаго университета, по отношенію къ числу слушателей, устройству факультетовъ, взиманію платы за лекціи и университетской дисциплинѣ.

Люттихскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: философскаго, юридическаго, физико-математическаго, медицинскаго, къ которымъ еще присоединяется спеціальная школа для приготовленія технологовъ и гражданскихъ инженеровъ. Между этими факультетами и школою распредѣлены до 900 слушателей, при чемъ это распредѣленіе, какъ почти и всюду, указываетъ на преобладающее стремленіе массы слушателей къ пріобрѣтенію практическихъ свѣденій, что, впрочемъ, для Люттихскаго университета можетъ быть объяснено требованіями той страны, гдѣ онъ находится. Наибольшее число слушателей сосредоточивается въ спеціальной школѣ; изъ факультетовъ же maximum слушателей на юридическомъ факультетѣ, minimum — на философскомъ.

Особенность устройства факультетовъ составляетъ раздѣленіе каждаго изъ нихъ на два отдѣла: первый состоитъ изъ курсовъ для приготовленія къ экзамену на степень кандидата, соотвѣт-

ствующую по требованіямъ экзамена на нее почти степени кандидата же нашихъ университетовъ; второй отдѣлъ, такъ называемый высшій, составляютъ курсы, слѣдованіе за которыми и экзаменъ даютъ степень доктора, соотвѣтствующую степени магистра нашихъ университетовъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что подобное учрежденіе втораго отдѣла факультетовъ, очень много облегчающее приготовленіе къ докторской степени, весьма мало находитъ слушателей и, по словамъ Шпринга, были годы, когда эти вторые отдѣлы факультетовъ существовали только номинально. Должно замѣтить однако, что степень доктора не даетъ еще права на занятіе каѳедры въ бельгійскихъ университетахъ. Это право пріобрѣтается вторичнымъ экзаменомъ, который можно держать не ранѣе какъ черезъ два года по полученіи степени доктора.

Плата за слушаніе лекцій распредѣлена такъ: поступающій въ университетъ вноситъ первоначально 15 фр. за такъ называемое, право вписаться (droit d'inscription), давъ предъ этимъ обязательство подчиняться университетскимъ постановленіямъ. Затѣмъ, объявивъ желаетъ-ли онъ слушать полный курсъ предметовъ, требуемыхъ на экзаменахъ для той или другой степени, или только желаетъ слѣдовать за отдѣльными курсами, вноситъ особую плату. Maximum платы за полный курсъ — 250 фр., за отдѣльные курсы 80 фр., minimum — 20 фр. Число лѣтъ, впродолженіе которыхъ вносящій плату можетъ слѣдить за курсами, неопредѣленное. Освобожденіе отъ платы за слушаніе лекціи и степендіи существуютъ такъ же, какъ и въ нашихъ университетахъ; но число ихъ очень ограниченно и онѣ пріобрѣтаются по конкурсу. Дисциплина университетская въ стѣнахъ университета возлагается на самихъ профессоровъ, которые обязаны предъ лекціями удостовѣриться поименно въ присутствіи своихъ слушателей, давать каждые три мѣсяца ректору отчеты о пропускавшихъ лекціи, требовать слушатей къ отвѣтамъ изъ прочитаннаго и т. п. Въ числѣ карательныхъ мѣръ, полагаемыхъ университетскимъ уставомъ, есть весьма странная: лишеніе права посѣщать лекціи по одному или нѣсколькимъ предметамъ въ теченіе извѣстнаго времени. Въ случаѣ исключенія студента, прочіе университеты имѣютъ право не принимать его въ число своихъ слушателей.

Библіотеки университетскія открыты не только для студентовъ, но и для публики вообще во все время продолженія университетскихъ лекцій. Хотя средства библіотеки люттихскаго университета

очень невелики, но занимаясь въ ней, я находилъ всѣ необходимыя сочиненія и журналы.

Лейпцигъ, $\frac{\text{3-го іюня}}{\text{22-го мая}}$ 1863 года.

24) Кандидата Льва Модзалевскаго.

По окончаніи зимняго семестра въ Гейдельбергѣ (18-го апрѣля), я спѣшилъ въ Швейцарію, чтобы застать тамъ классы и экзамены еще до начала весеннихъ вакацій, послѣ которыхъ начинается новый учебный годъ. Время это было тѣмъ благопріятнѣе для меня, что представляло возможность видѣть системы классныхъ курсовъ по каждому предмету во всей ихъ полнотѣ и законченности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться съ самыми методами преподаванія.

Прежде всего я остановился на извѣстной «Обывательской женской школѣ» Фрелиха въ Бернѣ, вполнѣ заслуживающей самаго внимательнаго изученія, во 1-хъ, по своей обширности, такъ какъ четыре отдѣленія ея: Kleinkinderschule, Elementarschule, Sekundarschule и Fortbildungsschule обнимаютъ всѣ возрасты учащихся отъ 3-хъ и до 20-ти лѣтняго, а слѣдовательно представляютъ все разнообразіе педагогическихъ условій и при томъ въ строгой послѣдовательности, и во 2-хъ, по свѣжести и раціональности самыхъ началъ, на которыхъ строится въ ней все женское воспитаніе и образованіе въ общечеловѣческомъ, національномъ и семейномъ отношеніи. Едва-ли гдѣ такъ вѣрно поставлены, такъ стройно и глубоко проведены всѣ эти начала, опредѣляющія назначеніе женщины-гражданки, матери и хозяйки, какъ въ школѣ г. Фрелиха, обязанной своимъ процвѣтаніемъ единственно энергической дѣятельности своего директора, при крайне скудныхъ матеріальныхъ средствахъ. За послѣдніе 10 лѣтъ число ученицъ удвоилось и нынѣ доходитъ до 450 во всѣхъ четырехъ отдѣленіяхъ, состоящихъ изъ 15 классовъ, такъ что почти каждому возрасту соотвѣтствуетъ особый классъ. Преподаваніе находится въ рукахъ: самаго директора, имѣющаго до 18 ур. въ недѣлю, 6 учителей и 20 учительницъ. Всѣ учительницы вышли изъ той же школы, пройдя чрезъ всѣ ея степени, начиная отъ малолѣтняго отдѣленія и кончая педагогической семинаріей (Fortbildungsschule), и потому во всемъ организмѣ заведенія господствуетъ полная гармонія во всѣхъ частяхъ, полное единство во всѣхъ принципахъ, исходящихъ изъ *одного* источника — самаго директора. Учительницы эти преподаютъ нетолько въ низшихъ и среднихъ, —

но и въ самыхъ высшихъ классахъ, и обладаютъ такимъ педагогическимъ тактомъ, такими знаніями (напр. Jungfrau Studer и Jungfrau Drechsler), какихъ можно пожелать каждому учителю. Степень образованія, сообщаемая школой, значительно высока и не уступаетъ многосторонности; высшее отдѣленіе имѣетъ 19 однихъ обязательныхъ предметовъ, но вмѣстѣ съ искусствами; а психологія (читаетъ директоръ) преподается гораздо обширнѣе и глубже, чѣмъ въ мое время въ С.-Петербургскомъ университетѣ, и притомъ сократически. Преобладающій методъ, проходящій чрезъ всѣ отдѣленія и классы, концентрическій. Искренность, простота и свобода характеризуютъ внутреннюю жизнь заведенія, конечно открытаго, ибо закрытость воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ, кромѣ развѣ сиротскихъ пріютовъ, здѣсь даже немыслима. Каждое изъ общихъ педагогическихъ положеній г. Фрелиха до того просто, ясно, истинно, что можетъ быть принято педагогической аксіомой, — и я только потому не стану приводить ихъ и вообще описывать знаменитую Бернскую школу, что гг. Авенаріусъ и Сентъ-Илеръ, кажется занялись спеціальнымъ изученіемъ ея и могутъ представить еще болѣе обстоятельное описаніе всѣхъ сторонъ жизни. Въ ея спеціальныхъ классахъ я нашелъ пять ученицъ, на нѣсколько лѣтъ присланныхъ къ г-ну Флериху Финляндскимъ правительствомъ, которое потомъ поручитъ имъ основаніе «Дѣтскихъ садовъ» въ Финляндіи и образованіе учительницъ для ея народныхъ школъ.

Въ Бернѣ я пробылъ недѣлю. Неболѣе этого времени я могъ оставаться и въ *Кюснахтѣ* (близь Цюриха), гдѣ находится народно-учительская семинарія *г. Фриса* и отличается отъ другихъ подобнаго рода заведеній тѣмъ, что будущимъ учителямъ сообщается не одно узко-спеціальное образованіе, доходящее въ Германіи почти до дрессировки, но и общее, исключающее ихъ изъ круга полуобразованныхъ людей. Полный курсъ продолжается 4 года. Такая система на первое время едва-ли примѣнима къ Россіи, гдѣ такой громадный запросъ на народныхъ учителей, но въ Германіи давно могла бы быть принята. Кюснахтская семинарія не есть заведеніе закрытое; желающимъ дается помѣщеніе въ самомъ зданіи семинаріи, и, замѣчательно: почти всѣ изъявляютъ желаніе на это, хотя жизнь въ городкѣ и безъ того дешева и разстоянія ничтожны. Явленіе это дѣлается понятнымъ изъ слѣдующаго: молодые люди, число которыхъ простирается до 100 человѣкъ, помѣщаются по 4 въ комнатѣ; — ихъ внутренняя жизнь не имѣетъ ничего излишне при-

нудительнаго, и я могъ бы привести много характеристическихъ случаевъ изъ ихъ отношеній къ директору, учителямъ и товарищамъ. Духъ разумной свободы и взаимнаго уваженія царствуетъ также и въ этомъ заведеніи, какъ и вообще во всей жизни Швейцарцевъ. Въ народные учители, пользующіеся не только общественнымъ уваженіемъ, но и хорошимъ содержаніемъ, идутъ не одни бѣдняки изъ низшихъ классовъ народа, а также и люди достаточные. До такой высоты еще нигдѣ въ Германіи не достигало званіе народнаго учителя, которому швейцарцы не боятся сообщить побольше знаній и поставить его въ кругъ образованныхъ людей, такъ какъ жизнь здѣшнихъ образованныхъ классовъ не такъ рѣзко отличается отъ народной и при томъ не заражаетъ ея тѣми элементами полуобразованности (роскошь, самодовольство, притязательность и т. под.), которые свойственны напримѣръ нашимъ такъ называемымъ образованнымъ классамъ по сравненію съ народомъ. Старшимъ ученикамъ семинаріи читается довольно обширно: психологія и педагогика въ ея главныхъ составныхъ частяхъ: систематикѣ, методикѣ и исторіи. Преподаваніе этихъ предметовъ лежитъ на самомъ директорѣ, кромѣ методики, которою занимается съ семинаристами теоретически и практически особый учитель образцовой школы — Musterlehrer. Это названіе вполнѣ оправдывается его талантомъ. Во время урока онъ всецѣло овладѣваетъ дѣтской натурой, возбуждая всѣ ея высшія силы и способности. Ни одно движеніе его, ни одно слово не пропадаютъ даромъ Все въ немъ убѣждаетъ въ той старой, но еще не всѣми понятой истинѣ, что педагогическое дѣло есть искусство, требующее врожденнаго и тщательно обработаннаго таланта. Устройство образцовой элементарной школы при Кюснахтской семинаріи, оригинально въ томъ отношеніи, что дѣти раздѣлены на шесть классовъ; причемъ нормою дѣленія служитъ возрастъ, и все обученіе ведетъ *одинъ* учитель *одновременно* во всѣхъ классахъ, составляющихъ всего отъ 70 до 80 учениковъ и помѣщающихся въ одной комнатѣ. При этомъ способѣ, уже принятомъ многими здѣшними народными школами, главная выгода — экономія времени и труда; главныя условія: строгій концентрическій методъ и твердый, спокойный тактъ учителя. Для дополненія краткой характеристики семинаріи г. Фриса, — которую я вообще (но не по каждой части въ отдѣльности) ставлю выше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ заведеній того же рода, — прибавлю: что религія преподается самимъ директоромъ съ философско-историче-

ской точки зрѣнія, и такимъ образомъ дѣйствуетъ и на нравственную и на умственную сторону духа учащихся, что естественныя науки (Realien) изучаются особенно полно, и при заведеніи, кромѣ зоологическаго кабинета, есть довольно хорошая химическая лабораторія; что, наконецъ, искусства, путешествія, гимнастика, военныя упражненія довершаютъ эстетическое и физическое образованіе семинаристовъ. Связь съ обществомъ есть также одинъ изъ жизненныхъ элементовъ этого заведенія. На экзаменахъ, вообще не отличающихся отъ обыкновеннаго урока или бесѣды, при мнѣ присутствовало много постороннихъ посѣтителей изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества; тутъ были и теологи, и профессора, и ремесленники и крестьяне, безъ всякой парадности. Элементарная школа привлекла особенно много швейцарокъ, желавшихъ также видѣть и перенять лучшіе педагогическіе пріемы учителя. Въ свободное отъ университетскихъ занятій время я надѣюсь еще разъ посѣтить Кюснахтъ, равно какъ и другіе образцовые педагогическіе институты въ Бернскомъ, Тургаускомъ и Сентгаленскомъ кантонахъ. Педагогическое дѣло въ Швейцаріи представляетъ болѣе разнообразное и, по моему мнѣнію, высшее развитіе сравнительно съ Германіей. Швейцарскіе педагоги трезвѣе смотрятъ на жизнь и воспитаніе и менѣе поддаются рутинѣ, узкому доктринерству или крайнему идеализму, которые довольно обыкновенны въ Германской педагогикѣ. Такое значеніе Швейцаріи понятно вытекаетъ изъ своеобразныхъ условій ея политической и гражданской жизни.

По пріѣздѣ въ Іену я сталъ посѣщать лекціи по важнѣйшимъ для меня предметамъ философскаго факультета, который особенно хорошъ въ Іенскомъ университетѣ. Притомъ же въ этомъ маленькомъ городкѣ гораздо легче устраивается личное знакомство съ профессорами, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ большое число учениковъ, огромныя разстоянія и общій недостатокъ времени много затрудняютъ непосредственное сношеніе съ профессоромъ. Въ Іенѣ мнѣ удалось расположить свои занятія именно такъ, какъ я давно желалъ и считалъ для себя необходимымъ, а именно:

1) по исторіи философіи и 2) по логикѣ и метафизикѣ я сталъ пользоваться лекціями и совѣтами знаменитаго профессора Куно-Фишера. Какъ методъ его такъ и внѣшніе пріемы преподаванія значительно отличаются отъ взгляда на предметъ и изложенія Гейдельбергскаго профессора Целлера. Послѣдній въ изложеніи отдѣльныхъ философскихъ системъ слѣдовалъ преимущественно историко-

эмпирическому методу, стараясь только представить каждую изъ системъ въ ея полнотѣ и связи съ предшествовавшими и послѣдующими, но возможно объективно, не вдаваясь въ критику; у проф. Куно-Фишера, напротивъ того, преобладаетъ спектицизмъ, увлекающій его на критическое поле и наконецъ приводящій къ эклектицизму. Въ исторіи философіи его интересуетъ не самая исторія, не отдѣльныя системы съ ихъ судьбою, но, такъ сказать, *сама философія*, сама истина, которой онъ неутомимо доискивается. Весь историческій путь развитія философіи въ его глазахъ есть только развитіе человѣческаго духа въ самопознаніи, до сихъ поръ еще далеко неполномъ, несовершенномъ; а такъ-какъ въ исторіи въ каждое время человѣкъ стоитъ на извѣстной степени самопознанія,—то поэтому философія только и мыслима въ исторіи. Вслѣдствіе этого своеобразнаго отношенія профессора къ своему предмету, его нельзя причислить ни къ формально-критической школѣ Шлейермахера, ни къ спекулятивной школѣ Гегеліанцевъ; онъ ближе стоитъ къ Кантовской школѣ, и его субъективное отношеніе къ исторіи философіи болѣе напоминаетъ Теннемана. По взгляду на преобладающія въ наше время философскія системы, онъ можетъ быть названъ противникомъ матеріализма, за которымъ онъ хотя и признаетъ всю важность и всѣ права, данныя ему духомъ новаго времени; но всѣ его положенія и доводы считаетъ пока далеко не состоятельными, и потому неудовлетворяющими строгаго философскаго мышленія.

Въ изложеніи логики и метафизики проф. Куно-Фишеръ также вѣренъ своему критическому призванію: онъ не предлагаетъ слушателямъ какой нибудь одной опредѣленной, произвольно и бездоказательно (какъ это нерѣдко бываетъ) сложенной системы,—но каждую логическую истину выводитъ генетически изъ исторіи, съ строгою провѣркою, въ то же время показывая, какъ постепенно, съ какими уклоненіями и заблужденіями, слагалась въ единое цѣлое та сумма несомнѣнныхъ истинъ, которыми теперь обладаетъ наука. При этомъ, естественно, онъ долженъ былъ долѣе остановиться на Аристотелевой системѣ, имѣвшей столь сильное вліяніе на всю науку, которой и до сихъ поръ служитъ основаніемъ послѣ тщательной средневѣковой обработки. Внѣшняя сторона лекцій даровитаго профессора отличается необыкновенною ясностью, простотой и увлекающимъ одушевленіемъ. Онъ ничего не навязываетъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, но ихъ *самихъ* возбуждаетъ къ мышленію и только какъ бы помогаетъ имъ самостоятельно придти къ

8

истинѣ. Кромѣ этого философско-образовательнаго вліянія его лекцій, онѣ содержатъ и другой здоровый педагогическій элементъ, основывающійся на несомнѣнномъ психологическомъ законѣ: при началѣ каждой лекціи профессоръ резюмируетъ все, прежде имъ сообщенное по извѣстному отдѣлу науки; напоминаетъ всѣ разсмотрѣнныя части системы, — и уже за тѣмъ переходитъ къ той части, изученіе которой стоитъ на очереди. При такой связи, послѣдовательности и вообще *логичности* преподаванія, содержаніе его свободно и прочно можетъ быть усвоено слушателями. Гербартовскій математическій методъ здѣсь играетъ главную роль... Нѣкоторые не одобряютъ такого педагогическаго пріема профессора, но я не согласенъ съ ними. Въ личныхъ отношеніяхъ къ своимъ ученикамъ г. Куно-Фишеръ отличается большею доступностью, привѣтливостью и готовностью помочь имъ въ занятіяхъ; но, къ сожалѣнію, нѣсколько выходящее изъ нормы самолюбіе профессора подвергаетъ его нѣкоторымъ нареканіямъ....

3) По психологіи я началъ посѣщать лекціи проф. Фортляге, извѣстнаго своимъ сочиненіемъ «System der Psychologie als empirischer Wissenschaft des innern Sinnes». 2 B. Leipzig. 1855. Онъ принадлежитъ, вмѣстѣ съ Бенеке, Дробишемъ, Лотце, Лазарусомъ и нѣк. др., къ новой Гербартовской школѣ, старающейся установить психологію на прочномъ эмпирическомъ основаніи. Г. Фортляге по воззрѣніямъ на эту науку и по пріемамъ преподаванія, до противуположности рѣзко отличается отъ проф. Шлифаке, читавшаго психологію въ Гейдельбергскомъ университетѣ за прошлый семестръ. Гейдельбергскій профессоръ болѣе вдавался въ спекуляцію и дедуктивный методъ лежалъ въ основаніи его преподаванія. Не смотря на всѣ свои усилія, онъ едва-ли удовлетворялъ кого либо изъ своихъ немногихъ слушателей и едва-ли кому изъ нихъ принесъ существенную пользу. Изложеніе г. Фортляге, хотя его и нельзя назвать краснорѣчивымъ, вполнѣ проникнуто жизненностью, искренностью и богато наблюденіями надъ внутреннимъ чувствомъ человѣка. Психологическія истины, передаваемыя имъ, покоясь на обильномъ матеріалѣ фактовъ изъ внутренней жизни духа, какъ на фундаментѣ, тверды и ясны для слушателя, которому остается только слѣдовать естественной индукціи. По справедливому мнѣнію г. Фортляге, при психологическомъ изслѣдованіи, какъ отчасти и во всѣхъ другихъ наукахъ, необходима и спекулятивная точка зрѣнія, и потому психологію можно назвать связующимъ

звеномъ между эмпирическими и чисто спекулятивными науками. Знакомство же съ главнѣйшими результатами естественныхъ наукъ по отношенію къ антропологіи и желаніе воспользоваться, гдѣ можно, физіологическими данными нельзя назвать въ профессорѣ матеріализмомъ, какъ нельзя назвать матеріализмомъ и попытку Бенеке сдѣлать психологію «als Naturwissenschaft», хотя его и упрекаетъ въ этомъ К. Шмидтъ въ IV томѣ своей исторіи педагогики (стр. 747—752), разбирая его психолого педагогическія положенія. Здѣсь сущность дѣла только въ томъ, что новѣйшіе психологи отдали должную дань уваженія Бэконовскому методу и сенсуализму Лейбница и Локка.

4) Въ послѣднемъ отчетѣ я уже высказалъ, насколько мнѣ было полезно посѣщеніе лекцій педагогики Гейдельбергскаго проф. Гольцмана, излагавшаго ее съ крайне-теологической или ultra-евангелической точки зрѣнія. Можетъ быть, оно такъ и нужно, если принять во вниманіе отношеніе между профессоромъ и его аудиторіей; но меня не удовлетворяло такое преподаваніе почти на столько же, на сколько въ настоящее время удовлетворяютъ лекціи спеціалиста-педагога: доктора Стоя въ Іенѣ. Каждая мысль его взята не изъ книги, но изъ собственной жизни, богатой опытами и наблюденіями надъ человѣческой природой вообще и дѣтской въ особенности При всемъ томъ профессоръ обладаетъ обширной эрудиціей. Аудиторія его состоитъ изъ людей съ истиннымъ педагогическимъ призваніемъ и съ запасомъ собственнаго, хотя еще и не большаго педагогическаго опыта. Все это уже составляетъ полный контрастъ съ тѣмъ, что я нашелъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Въ текущій семестръ проф. Стой читаетъ систематику или, по его собственному выраженію «Философскую педагогику», которую онъ считаетъ *наукой* въ строгомъ смыслѣ этого слова, но причисляетъ её къ *производнымъ* наукамъ (abgeleitete Wissenschaften), какова напр. медицина, и при томъ съ значительнымъ эмпирическимъ элементомъ. Философская педагогика, говоритъ онъ, произошла изъ рефлексіи при воспитательной практикѣ—и въ этомъ ея генетическое право на существованіе, а главная задача: возбудить въ педагогѣ какъ можно больше мыслей о самомъ себѣ, своемъ питомцѣ, и своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ философская педагогика естественно распадается на 2 части: телеологію и методологію; то въ этомъ уже ясно видна ея тѣсная связь съ другими науками: вспомогательными. Въ первомъ отношеніи нужна христіанская этика и фи-

лософія; во второмъ — психологія и физіологическая антропологія. Изъ многихъ побочныхъ положеній этихъ наукъ педагогика заимствуетъ свои фундаментальныя положенія, какъ дѣлаютъ это и многія производныя науки. Исторія педагогики необходима съ тою же цѣлью: обогатить умъ воспитателя разнообразными мыслями о воспитаніи, которыя онъ долженъ подвергнуть строгой самостоятельной критикѣ. Преподаваніе профессора отличается глубиною и силою убѣжденія, почти юношескимъ одушевленіемъ и жаркою любовью къ своему дѣлу. Наиболѣе характеристическая черта его личности: несокрушимая энергія въ чрезвычайно многосторонней дѣятельности, какъ профессора и педагога. Въ настоящее время онъ занятъ также приготовленіемъ къ печати *2-й части* своей энциклопедіи, которая будетъ посвящена разсмотрѣнію пособій для изученія педагогическаго дѣла.

Для практическаго образованія студентовъ a) филологовъ, избирающихъ педагогическое поприще въ качествѣ домашнихъ наставниковъ или учителей при гимназіяхъ и лицеяхъ и b) теологовъ, которые впослѣдствіи станутъ во главѣ народныхъ школъ, проф. Стой еще въ 1843 году устроилъ первую и пока единственную въ Германіи педагогическую семинарію при университетѣ *), въ которой каждый изъ студентовъ (нынѣ 26 чел.) поочередно беретъ на себя на цѣлый семестръ преподаваніе какого-либо предмета отъ 4 до 6 уроковъ въ недѣлю. Школа состоитъ изъ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста, принадлежащихъ къ бѣднѣйшимъ семействамъ города Іены, и насчитываетъ до 100 учениковъ, размѣщенныхъ по возрасту и знаніямъ въ 4-хъ классахъ. Семинаристамъ поручается не одно обученіе ихъ, но и воспитаніе (Führung), а болѣе испорченные мальчики отдаются имъ на особенное попеченіе (Verein für Seelensorge). Взаимное госпитированіе и присутствіе на еженедѣльныхъ пробныхъ урокахъ обязательно для членовъ семинаріи, — между которыми, кромѣ нѣмцевъ, есть также Швейцарцы и Венгры. Три раза въ недѣлю подъ руководствомъ директора Стоя происходятъ особенныя собранія, называемыя по роду занятій: Pädagogicum, Scholasticum и Practicum. Въ собраніяхъ перваго рода читаются и разбираются диссертаціи членовъ семинаріи на избранныя ими темы, напр. ныньче: о развитіи фантазіи; о Гербартовской системѣ обученія чтенію и письму (Schreib-Lese-Methode); о прусскихъ регуля-

*) Учрежденіе ея самому г. Стою обошлось до 13,000 талеровъ, когда въ 1854 г. было выстроено новое зданіе.

тивахъ; о сѣтчатой методѣ рисованія Депюи; о занятіяхъ въ пріютахъ (Kleinkinderbewahranstalten) и «дѣтскихъ садахъ» и др. Я съ радостью вступилъ въ эту семинарію, такъ какъ давно сознавалъ всю громадную пользу подобнаго учрежденія для образованія педагоговъ. Болѣе подробное описаніе семинаріи и школы я представлю департаменту, когда еще болѣе вникну въ ихъ жизнь. Въ январской книжкѣ Журнала мин. нар. просвѣщенія за 1861 г. уже была помѣщена очень интересная статья о Іенской семинаріи, составленная по изданнымъ г. Стоемъ матеріаламъ для ея исторіи, но автору статьи не доставало возможности личнаго наблюденія. По моему мнѣнію, семинарія г. Стоя могла бы служить превосходнымъ образцомъ для насъ, если только справедливо желаніе, чтобы выходящіе изъ нашихъ университетовъ педагоги дѣйствительно имѣли педагогическое, а не одно учительское образованіе. Финляндскіе педагоги, пріѣзжавшіе по порученію своего правительства, между прочимъ и въ Іену, для осмотра учрежденій проф. Стоя, сообщили мнѣ, что при Гельсингфорсскомъ университетѣ будетъ устроена подобная же семинарія.

На частный институтъ профессора, пріобрѣвшій обширную извѣстность, надо смотрѣть какъ на полнѣйшее осуществленіе его педагогическихъ принциповъ, которые также высказаны имъ въ его брошюрахъ: «Pädagogischer Bekenntnisse» 1845—51, и въ его книгѣ: Hauspädagogik, 1855. Все заведеніе, состоящее изъ двухъ отдѣленій: гимназіальнаго и реальнаго, имѣетъ до 50 пансіонеровъ и до 80 приходящихъ всѣхъ возрастовъ, отъ 5 до 18-лѣтняго. Оно устроено на подобіе фамиліи, въ которой самъ г. Стой является отцемъ,— а жена его матерью,—но не по одному только имени. На это небольшое число пансіонеровъ полагается до 15 учителей, (кромѣ учителей искусствъ), которые суть вмѣстѣ и воспитатели—и живутъ въ самомъ заведеніи. Главнѣйшія начала, съ удивительною выдержанностью проведенныя г. Стоемъ въ своемъ институтѣ, слѣдующія: открытая правда во всемъ безъ страха и сомнѣнія; безусловно-строгое подчиненіе школьнымъ законамъ и своимъ обязанностямъ; дружеская близость воспитателей съ воспитанниками и отсутствіе внѣшней формальной дисциплины; возможно—большая самостоятельность каждаго воспитанника, какъ индивидуальности; свободное, а не пассивное пріобрѣтеніе знаній воспитанниками и изгнаніе мертвой эрудиціи, а потому непостоянный объемъ курсовъ каждаго класса; почти суровая простота образа жизни и проч. И все это не въ программѣ, а на дѣлѣ. Директоръ постарался осущест-

вить всевозможныя педагогическія средства для совершеннѣйшаго образованія своихъ питомцевъ: игры, прогулки, путешествія (смотря по возрасту), искусства, ремесла, садовыя занятія, военныя упражненія, гигіеническія предписанія, какъ напр. гимнастика, плаваніе, зимой обливаніе. Благотворные результаты этихъ началъ не могутъ не броситься въ глаза даже поверхностному наблюдателю. Воспитанникъ почти всегда свободенъ, но никогда не праздenъ и каждый долгъ точно выполненъ имъ. Бываютъ исключенія,—но я говорю объ общемъ духѣ, господствующемъ въ заведеніи. По видимому, нѣтъ никакого присмотра,—но каждый шагъ воспитанника извѣстенъ, такъ какъ онъ самъ не таитъ ничего. Самое страшное для него наказаніе: быть позваннымъ къ отвѣту въ конференцію наставниковъ. Самъ директоръ не оставилъ за собой ни малѣйшаго права на произволъ, всю учебно-воспитательную часть предоставилъ конференціи, и исполняетъ обязанность ея президента. Если есть и дурныя стороны въ жизни заведенія, то онѣ рѣшительно не замѣтны изъ-за хорошихъ *).

Прибавлю, что у г. Стоя воспитывается также нѣсколько русскихъ мальчиковъ, изъ которыхъ иные, рано завезенные, не только забыли родной языкъ, но и превратились въ совершенныхъ нѣмцевъ. Конечно, только самая крайняя необходимость можетъ заставить родителей лишить своихъ дѣтей двухъ главнѣйшихъ, священнѣйшихъ условій воспитанія: національнаго и семейнаго, отсутствіе которыхъ не можетъ потомъ не отозваться страданіемъ, такъ какъ тутъ нарушены естественные законы. Г. Фрелихъ, одинъ изъ безкорыстнѣйшихъ современныхъ педагоговъ, говорилъ, что онъ не разъ *отклонялъ* неразумное желаніе русскихъ родителей отдавать своихъ малолѣтнихъ сыновей и дочерей въ разныя швейцарскія учебныя заведенія, и видитъ въ этомъ постоянно развивающемся обычаѣ русскихъ отчуждать такимъ образомъ своихъ дѣтей—опасное распаденіе семьи въ Россіи. Но можно-ли сказать это о всѣхъ классахъ русскаго общества? Иностранная школа разовьетъ тѣло и душу своего питомца, научитъ, пожалуй, понимать недостатки своего отечества, «но не научитъ любить горячо».

Іена, 18-го мая нов. ст. 1863 года.

---

*) Подробное описаніе замѣчательнаго института г. Стоя, когда то такъ пристрастно оцѣненнаго г. А-вой въ Библіотекѣ для чтенія, скоро появится въ одномъ изъ нашихъ педагогическихъ журналовъ.

25) Доктора Зарубина.

Во все время пребыванія моего въ Берлинѣ я постоянно посѣщалъ клинику Лангенбека. Въ ней я слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ за болѣзнями костей и операціями для лѣченія ихъ. Извѣстно, что резекціи костей въ настоящее время предполагаютъ не одну только консервативную цѣль; онѣ имѣютъ въ виду не одно только сохраненіе здоровыхъ, еще годныхъ къ употребленію частей, но и возрожденіе удаляемыхъ (подперіостныя резекціи). Недавно Оллье обратилъ вниманіе на внутренній тонкій слой надкостной плевы (blastème sous-périostale), соотвѣтствующій тому слою, на счетъ котораго у растущаго животнаго происходитъ развитіе кости въ толщину. Что на внутренней поверхности надкостной оболочки образуется окостенѣвающая ткань, знали уже давно; не примирялись только мнѣнія о свойствѣ этой ткани, объ образѣ ея происхожденія и метаморфоза въ кость. Прежде, вообще, распространено было убѣжденіе, что образованіе кости совершается чрезъ посредство хряща: Skarpey и Kölliker поколебали его. Впрочемъ, вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ хрящемъ или соединительною тканью, много потерялъ въ своемъ значеніи послѣ того, какъ Вирховъ открылъ сходство хрящевыхъ ячеекъ съ ячейками соединительной ткани и доказалъ такимъ образомъ сродство хряща съ соединительною тканью. Однакожъ, взявши во вниманіе, что хрящевыя клѣточки не преобразуются непосредственно въ костныя, что ячейки окостенѣвающаго слоя надкостной плевы не имѣютъ такихъ оболочекъ, какъ хрящевыя, и что промежуточная между ними ткань ясно волокнистаго свойства, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь находится особенная форма соединительной ткани, а не гіалинный хрящъ. Этотъ окостенѣвающій слой плотно прилегаетъ къ кости, такъ что при отдираніи надкостной плевы онъ остается большею частію на кости въ видѣ мягкой, бѣложелтоватой пластинки. Микроскопическое изслѣдованіе показываетъ въ ней волокнистое строеніе, какъ въ незрѣлой соединительной ткани, и круглыя или овальныя ячейки съ ядрами. При отдѣленіи этой пластинки отъ кости отрываются вмѣстѣ съ нею маленькія частицы кости и кучки красноватаго мозга. Обнаженная кость представляетъ негладкую поверхность, довольно мягка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, блѣднoжелтовата, по направленію внутрь дѣлается постепенно плотнѣе и бѣлѣе и, наконецъ, принимаетъ обыкновенный видъ

совершенно готовой кости. При переходѣ окостенѣвающей пластинки въ кость, волокнистая ткань ея превращается въ основное вещество кости чрезъ простое отложеніе известковыхъ солей, даже, кажется, безъ предварительнаго появленія известковыхъ крупинокъ; клѣточные же элементы ея, совершенно подобные костномозговымъ ячейкамъ, дѣлаются, какъ показалъ Вирховъ, мало по малу звѣздообразными и превращаются непосредственно въ костныя ячейки. По опытамъ Оллье, куски надкостной плевы, даже совершенно отдѣленные отъ кости и перенесенные на другія мѣста, сохраняютъ способность жизни и образованія кости. Гейне еще прежде доказалъ, что у животныхъ ребра и цѣлыя кости конечностей могутъ возраждаться почти въ первоначальной формѣ, если сохранена надкостная плева. Эта важность надкостной плевы въ возрожденіи костей нашла обширное примѣненіе въ практической хирургіи.

Резекціи костей обязаны Лангенбеку весьма многимъ. Въ первое время своей дѣятельности онъ способствовалъ распространенію ихъ, съуживая показанія для ампутацій; теперь онъ заботится немало объ условіяхъ, обезпечивающихъ возрожденіе резецируемыхъ костей; по этому, сохраненіе надкостной плевы онъ считаетъ необходимымъ требованіемъ отъ каждой резекціи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Выгоды такихъ резекцій несомнѣнны. Не говоря уже о томъ, что вынутые куски костей возрождаются болѣе или менѣе, подперіостныя резекціи имѣютъ то преимущество предъ обыкновенными, что онѣ гораздо меньше ранятъ и легче производятся, особенно если кости болѣли долгое время. Въ такихъ случаяхъ надкостная плева находится въ гиперпластическомъ разростаніи; даже тамъ, гдѣ она едва замѣтна въ физіологическомъ состояніи (напр. гдѣ происходятъ отъ нея мышечныя волокна безъ посредства сухожильныхъ), послѣ болѣзней она такъ утолщается, вслѣдствіе размноженія клѣточекъ ея, что можетъ быть отдѣлена отъ кости весьма легко при помощи пальцевъ. Если надкостная плева здорова, то отдѣленіе ея труднѣе; резекція кости опаснѣе. Такъ подперіостная резекція ключицы — операція совершенно безопасная, мало ранитъ и не сопряжена ни съ какими важными послѣдствіями; между тѣмъ удаленіе кости безъ сохраненіи надкостной плевы гораздо затруднительнѣе, больше ранитъ, сопряжено съ опасностью поврежденія сосудовъ и плевры; если даже они и не будутъ повреждены, то происходитъ нерѣдко воспаленіе подреберной плевы съ образованіемъ гноя. Однажды Лангенбекъ произвелъ

удаленіе половины нижней челюсти, помертвѣвшей отъ вліянія паровъ фосфора; при этомъ надкостная плева отдѣлялась съ такою легкостью, что вся операція окончена была въ нѣсколько минутъ, раненіе состояло только въ одномъ наружномъ разрѣзѣ. Оставленіе надкостной плевы важно еще и потому, что мускулы удерживаютъ свое прикрѣпленіе; отъ этого больше шансовъ для будущей подвижности члена. Эти-то выгоды подперіостныхъ резекцій дали Лангенбеку основаніе расширить показанія для нихъ. Такъ во Франціи нѣкоторые, производя резекціи локтеваго состава, расчитываютъ только на анкилозъ подъ болѣе выгоднымъ угломъ; Лангенбекъ, напротивъ, при неподвижности или при ограниченной подвижности состава, оставшейся послѣ невправленныхъ вывиховъ, дурно зажившихъ переломовъ, дѣлаетъ резекцію съ тою цѣлію, чтобы доставить члену свободную подвижность. Онъ демонстрировалъ одну больную, совершенно выздоровѣвшую послѣ резекціи локтя; она пріобрѣла почти вполнѣ свободную подвижность руки во всѣхъ направленіяхъ и сохранила значительную силу въ ней. Правда, во многихъ случаяхъ послѣ резекцій нельзя надѣяться на полный возвратъ прежней подвижности состава; но локтевой суставъ составляетъ исключеніе изъ этого правила; резекція его вѣнчается самыми блистательными результатами, если сохранятъ надкостную плеву и локтевой нервъ. Въ большей части случаевъ Лангенбекъ дѣлаетъ резекцію локтя, проводя одинъ продольный разрѣзъ черезъ локтевой отростокъ, немного квнутри отъ средины его. Успѣхъ операціи много зависитъ отъ послѣдовательнаго лѣченія. Рана зашивается; оставляется только маленькое отверстіе въ нижнемъ углѣ ея для выхода гноя. Сейчасъ послѣ этого накладывается готовая повязка; рука поставляется почти подъ прямымъ угломъ. Повязка накладывается нѣсколько свободнѣе, чѣмъ при переломахъ; какъ только она окрѣпла, вырѣзывается окно противъ раны. На другой день повязка дѣлается непромокаемою чрезъ пропитываніе растворомъ gummi Damari въ эфирѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ открытіемъ непромокаемыхъ гипсовыхъ повязокъ значительно улучшилось лѣченіе резекцій, потому что, при полной неподвижности состава, можно употреблять постоянныя теплыя ванны. Никакая машина не въ состояніи, не стѣсняя всего члена, держать больной составъ вполнѣ спокойно и неподвижно, что весьма важно для хорошаго исхода операціи. Штромейеръ замѣтилъ, что раздраженіе ранъ при перевязкахъ усиливаетъ боли, воспаленіе и служитъ не

малою причиною пізміи. Послѣ того, какъ Лангенбекъ сталъ употреблять непромокаемыя гипсовыя повязки, при резекціяхъ локтя, у него не было, по словамъ его, ни одного смертельнаго случая. По истеченіи 5—6 недѣль нужно начинать пассивныя движенія. Масштабомъ для частости и продолжительности такихъ движеній служитъ чувствительность больнаго; чѣмъ меньше боли чувствуетъ онъ, тѣмъ чаще онѣ предпринимаются и дольше продолжаются. Лангенбекъ замѣтилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ производилъ резекцію послѣ невправленнаго вывиха, реакція бывала значительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ составъ разрушенъ былъ гноеніемъ. Въ бытность мою въ Берлинѣ онъ оперировалъ 4-хъ больныхъ, между ними двухъ дѣтей (8—9 лѣтъ) послѣ вывиха и arthrocace; въ обоихъ случаяхъ не было почти никакой реакціи послѣ операціи; заживленіе произошло скоро. Резекцію локтеваго состава у дѣтей при такъ называемой золотушной костоѣдѣ Лангенбекъ предпринимаетъ довольно рано; чѣмъ раньше дѣлается она, тѣмъ, по мнѣнію его, лучше результатъ. Онъ наблюдалъ, что составъ въ такихъ случаяхъ возраждается вполнѣ и покрывается гіалиннымъ хрящемъ. Нѣкоторые, можетъ быть, упрекнутъ его за то, что онъ слишкомъ рано прибѣгаетъ къ резекціи, не испытавши другихъ средствъ; но Лангенбекъ предпринимаетъ операцію только тогда, когда хрящъ уже разрушенъ. Выжидать долго при такихъ обстоятельствахъ—нѣтъ цѣли, конца процесса нескоро дождешься, а между тѣмъ больной постепенно истощается, конечность задерживается въ развитіи.

Резекцію состава руки я видѣлъ только одинъ разъ. Наблюденій относительно этой операціи вообще мало, такъ что о достоинствѣ ея нельзя сказать ничего положительнаго. Больная, 17 лѣтъ, имѣла флегмонозное воспаленіе, которое кончилось нарывомъ и разрушеніемъ состава; подвижности въ пальцахъ совершенно не было. Лангенбекъ сдѣлалъ резекцію лучевой и локтевой костей; результатъ—анкилозъ состава, но подвижность пальцевъ, хотя ограниченная, возвратилась. Впрочемъ, пока неизвѣстно ни одного случая, гдѣ была бы получена подвижность состава, но сомнѣваться въ возможности этого нельзя. Въ видѣнномъ мною случаѣ можно было замѣтить нѣкоторую подвижность, но она относилась къ косточкамъ пясти, а не къ составу руки.

Замѣчателенъ случай резекціи плечевой кости у 7-ми-лѣтняго мальчика. Онъ имѣлъ osteosarcoma, которая занимала преимущественно верхнюю часть правой плечевой кости, однакожъ кость

значительно опухла на всемъ своемъ пространствѣ, за исключеніемъ 2″ нижняго конца. Въ прежнее время въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали всегда къ отнятію всей руки, да и теперь, еслибы такая опухоль была на нижней конечности, слѣдуетъ при всѣхъ условіяхъ, дѣлать exarticulatio, потому что резекція не доставитъ никакой выгоды. Ногу можно замѣнить искусственною, руку очень трудно, поэтому нужно стараться сохранять ее, если возможно. Однакожъ еще нерѣшено, можно-ли предпринимать почти полную экстирпацію плечевой кости? Такъ какъ больной былъ дитя, активныя движенія плечеваго состава были возможны, слѣд. мускулы еще не разстроены, то Лангенбекъ рѣшился здѣсь на резекцію кости. Онъ не надѣялся сохранить надкостную плеву, потому что она должна была плотно сростись съ опухолью; поэтому полная регенерація не имѣлась въ виду. 4-го ноября онъ произвелъ операцію; сдѣлалъ сначала не большой разрѣзъ на наружной сторонѣ нижней части плеча и перепилилъ кость какъ разъ подъ локтевымъ отросткомъ, потомъ продолжилъ разрѣзъ кверху и вылущилъ всю опухоль. Предпринимая въ этомъ случаѣ резекцію, онъ надѣялся, въ случаѣ успѣха ея, сдѣлать большой опытъ и разрѣшить вопросъ: какъ велика можетъ быть часть удаляемой кости и насколько свободными останутся послѣ такой операціи отправленія члена? Къ сожалѣнію, па 3-й день послѣ операціи мальчикъ умеръ. Въ голштинскую войну Лангенбекъ сдѣлалъ двѣ резекціи плеча, при которыхъ отнялъ почти половину кости; больные выздоровѣли. Послѣ этой войны онъ резецировалъ однажды 8″ плечевой кости, но больной погибъ отъ піэміи.

Кромѣ этихъ, я видѣлъ нѣсколько резекцій верхней и нижней челюсти. Одна резекція нижней челюсти замѣчательна по показанію, въ силу котораго она была произведена. Извѣстно, что околоушную желѣзу можно вылущивать безопасно, если опухоль ея подвижна; при неподвижности опухоли вылущиванія ея труднѣе, и полное удаленіе почти невозможно въ двухъ мѣстахъ: а) въ томъ, гдѣ она вдвигается между наружною и внутреннею сонною артеріею и b) въ fissura Glaseri, гдѣ околоушная желѣза, такъ плотно соединена, что нельзя отдѣлить ее, не ранивши состава нижней челюсти. Чтобъ удалить вполнѣ околоушную желѣзу, нужно сдѣлать предварительно резекцію нижней челюсти. Лангенбекъ незнаетъ, дѣлалъ-ли кто-нибудь подобную резекцію для удаленія околоушной желѣзы; нѣсколько лѣтъ назадъ, при огромной опухоли,

обнимавшей восходящую вѣтвь нижней челюсти, онъ произвелъ экстирпацію этой вѣтви. Такъ считалъ онъ необходимымъ поступить и теперь для того, чтобы получить доступъ къ опухоли въ глубинѣ fossae temporo-maxillaris. Опухоль была эпителіальный ракъ (рецидивъ во второй разъ). Отнятая кость была здорова, но со всѣхъ сторонъ обросла опухолью.

Въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ я не видѣлъ ни одной ампутаціи въ клиникѣ Лангенбека. Въ одномъ случаѣ, послѣ невправленнаго вывиха, онъ сдѣлалъ резекцію 3-го состава 4-го пальца на рукѣ, въ другомъ, при elephantiasis tuberosa, ограничился удаленіемъ отдѣльныхъ опухолей.

Уже давно пробовали вставлять на прежнее мѣсто выпиленные куски кости, напр. послѣ трепанаціи (Вальтеръ); но результаты были сомнительны. У животныхъ, впрочемъ, эти опыты удавались. Штромейеръ наблюдалъ, что отломки костей при фрактурахъ, совершенно отдѣленные, опять прирастали; но вѣрнѣе можно было надѣяться на это, если куски костей оставались въ связи съ надкостною плевою.

Эти наблюденія послужили основаніемъ для остеопластическихъ резекцій. Лангенбекъ предложилъ особенный способъ резекціи верхней челюсти для выниманія полиповъ изъ fossa spheno-palatina. Съ другой стороны, удачные опыты переноски кости съ одного мѣста на другое возбудили живой интересъ и желаніе къ повторенію ихъ. Знаменитый способъ Пирогова для удлиненія ноги проложилъ дорогу къ этого рода операціямъ. Любители модификацій старались различнымъ образомъ измѣнять его; но всѣ эти измѣненія скорѣе ведутъ къ ущербу операціи, чѣмъ къ улучшенію ея. Лангенбекъ получилъ два раза вполнѣ первичное натяженіе послѣ этой операціи. Главное для успѣха этой операціи состоитъ, по его мнѣнію, въ точномъ соприкосновеніи перепиленныхъ поверхностей костей; для достиженія этого необходима перерѣзка ахилловой жилы. Нѣсколько лѣтъ назадъ Лангенбекъ перенесъ кусокъ большеберцовой кости для излеченія ложнаго состава; цѣль не достигнута, но кость приросла. Олье произвелъ такую же операцію съ костью носа. Въ декабрѣ 1862 года, въ клинику Лангенбека явился больной, у котораго пять лѣтъ назадъ была огромная фиброзная опухоль, занимавшая всю лѣвую верхнюю челюсть, почти всю правую и кости носа. Лангенбекъ сдѣлалъ тогда резекцію обѣихъ верхнихъ челюстей и носовыхъ костей, оставивши только processus orbitalis и часть

processus nasalis на правой сторонѣ. Носъ значительно впалъ, такъ что въ профилѣ былъ почти не видѣнъ; верхняя губа также вдалась внутрь, потому что не было опоры. Лангенбекъ отпилилъ пластинку отъ processus nasalis, надломилъ ее снизу и подложилъ поперечно подъ носъ, который предварительно былъ отдѣленъ отъ корня до крыльевъ. Косточка приросла; носъ получилъ подпору и немного поднялся

Къ операціямъ перенесенія костей относится заворачиваніе междучелюстной кости въ трещину зубнаго отростка. Въ прежнее время отнимали ее; поэтому у паціентовъ всегда недоставало рѣзцовъ. Выдающуюся кость Лангенбекъ, поворотивши, вкладываетъ въ трещину и пришиваетъ къ слизистой оболочкѣ. Это дѣлается легко у новорожденныхъ дѣтей; у болѣе взрослыхъ надо надломить кость щипцами и заложить въ трещину. Лангенбекъ оперируетъ дѣтей даже только что родившихся; одинъ разъ онъ сшивалъ заячью губу у ребенка 28-ми часовъ и при этомъ хлороформировалъ его. По мнѣнію его, чѣмъ раньше сшивать заячью губу, тѣмъ лучше, потому что сшитая губа бываетъ всегда болѣе или менѣе напряжена и оказываетъ давленіе на кости; давленію этому уступаютъ раздвоенныя челюсти, края зубныхъ отростковъ сближаются и самая трещина въ нёбѣ уменьшается. Простыя щели губъ Лангенбекъ сшиваетъ всегда просто. Хотя бываетъ при этомъ большое напряженіе, однакожъ онъ не дѣлаетъ боковыхъ разрѣзовъ, потому что они болѣзненны, а дѣти нелегко переносятъ боли. Въ прежнее время для сшиванія заячьей губы употребляли исключительно обвивной шовъ. Лангенбекъ думаетъ, что, при сильномъ напряженіи сшитый губы, булавки, придавливая ее къ кости, могутъ обусловливать остановку кровообращенія и гангрену; поэтому онъ употребляетъ обыкновенно suturam nodosam, особенно если для операціи избирается болѣе сложный способъ, чѣмъ простое сшиваніе.

Такъ часто бывающая при заячьей губѣ трещина въ твердомъ небѣ закрывается теперь удачно перенесеніемъ надкостной плевы. Опыты переносить надкостную плеву были дѣлаемы и прежде; такъ при ампутаціи бедра отдѣляли надкостную плеву и заворачивали на перепиленный конецъ кости (Bromfield). Нѣсколько лѣтъ назадъ Лангенбекъ пробовалъ переносить надкостную плеву вмѣстѣ съ лоскутомъ кожи, взятымъ изо лба, для образованія искуственнаго носа; послѣдствія показали, что въ новомъ носѣ дѣйствительно развивается костная масса, которая доставляетъ ему достаточную

опору. Въ 1861 году, онъ обнародовалъ свои успѣшныя операціи закрыванія трещины въ твердомъ небѣ посредствомъ переноски слизистой оболочки вмѣстѣ съ надкостною плевою. Въ уранопластикѣ найдено надежное средство противъ тягостнаго порока первоначальнаго развитія, о который разбивались почти всѣ попытки оперативной хирургіи. Неудачи происходили главнымъ образомъ отъ двухъ обстоятельствъ: a) отъ трудности отсепаровывать надкостную плеву съ слизистою оболочкою, b) отъ частаго омертвѣнія лоскутовъ. Лангенбекъ наведенъ былъ на новый способъ своими прежними операціями съ перенесеніемъ надкостной плевы, при которыхъ онъ убѣдился, что 1) обширное отдѣленіе надкостной плевы не грозитъ кости, потому что кость, если остается даже совершенно обнаженною, не мертвѣетъ, но покрывается грануляціями, вырастающими изъ отверстій сосудистыхъ каналовъ ея, 2) надкостная плева, отдѣленная вмѣстѣ съ прилежащими мягкими частями и тотчасъ опять приведенная въ непосредственное соприкосновеніе съ костью, сохраняетъ жизнь и сростается опять съ костью, 3) отдѣленная такимъ образомъ надкостная плева способна къ образованію кости, если переносится на сосѣдніе дефекты. На основаніи этого, онъ предложилъ для закрыванія трещинъ въ твердомъ небѣ отдѣлять слизистую оболочку вмѣстѣ съ надкостною плевою и переносить на мѣсто недостатка въ кости. Съ появленіемъ въ свѣтъ этого способа начались споры относительно заслуги Лангенбека въ изобрѣтеніи уранопластики. Hulke сталъ оспаривать первенство изобрѣтенія уранопластики, утверждая, что этотъ способъ былъ употребляемъ уже давно имъ и другими англійскими врачами, въ особенности Fergusson'омъ и Pollock'омъ. Послѣдній выступилъ еще рѣшительнѣе, говоря, что Лангенбекъ ошибался въ причинѣ неудачи операціи до сихъ поръ, что отдѣленіе одной слизистой оболочки безъ надкостной довольно трудно, а у взрослыхъ совсѣмъ невозможно, въ чемъ легко можно убѣдиться на трупахъ; поэтому Лангенбекъ своими операціями не дѣлалъ ничего другаго, кромѣ того, что было дѣлано уже прежде его другими хирургами. Хотя уже Диффенбахъ совѣтовалъ отдѣлять слизистую оболочку вмѣстѣ съ надкостною, однакожъ все зависитъ оттого, какъ производить это отдѣленіе. Если взять рѣжущіе инструменты, по предписанію англійскихъ хирурговъ, то очевидно, что ими невозможно отдѣлить хорошо надкостную плеву, плотно приросшую къ весьма негладкому твердому небу, между тѣмъ какъ по способу Лангенбека, при по-

мощи подъемцевъ и распаторій, мы въ состояніи получить возможно полное отдѣленіе надкостной плевы. Способъ Лангенбека, кромѣ усовершенствованной техники, отличается еще тѣмъ, что при немъ обращается вниманіе на сбереженіе тѣхъ мѣстъ, откуда лоскуты получаютъ свое питаніе. Французы неменѣе горячо, чѣмъ англичане, взялись за попытку присвоить себѣ честь изобрѣтенія уранопластики. Baiseau, оговоривши значеніе хирургической пластики при трещинахъ въ твердомъ нёбѣ, описалъ уранопластическія операціи par glissement, par renversement et par déplacement lateral, произведенныя Roux, Velpeau, Sanson и другими, и въ заключеніе представилъ свой собственный способъ. Не говоря уже о томъ, что методъ его можетъ быть прилагаемъ только къ небольшимъ трещинамъ, его нельзя считать новымъ, потому что уже Ру употреблялъ его; если же Baiseau называетъ методъ Ру méthode par glissement, а свой procédé par déplacement lateral, то во всякомъ случаѣ между ними нѣтъ разницы, потому что и тамъ, и здѣсь отдѣляются мостики слизистой оболочки и, сдвинутые на средину нёба, сшиваются.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ по настоящее время, Лангенбекъ заключаетъ, что гораздо лучше производить сперва уранопластику, а спустя нѣкоторое время—стафилорафію, чѣмъ ту и другую операцію въ одно время. Послѣ заживленія шва въ твердомъ нёбѣ, значительно съуживается трещина въ мягкомъ, слѣдов. стафилорафія облегчается. Если же производить прежде стафилорафію, то едва-ли можно расчитывать на возможность прочнаго соединенія. При мнѣ Лангенбекъ дѣлалъ двѣ уранопластики; я видѣлъ также нѣсколькихъ больныхъ, у которыхъ операція была произведена прежде; у всѣхъ на мѣстѣ бывшаго дефекта образовалась довольно плотная пластинка. Уже вскорѣ послѣ удаленія шва и удавшагося соединенія раздвоеннаго нёба значительно улучшается произношеніе словъ больными; однакожъ и послѣ совершеннаго заживленія раны и образованія костяной пластинки на мѣстѣ трещины все еще остается замѣтнымъ носовой тонъ. Лангенбекъ думаетъ, что съ теченіемъ времями, при постоянной и заботливой гимнастикѣ, онъ можетъ быть доведенъ до совершеннаго исчезанія.

Гогоря о возрожденіи костей, нельзя не сказать нѣсколько словъ о лѣченіи переломовъ. Лангенбекъ почти во всѣхъ случаяхъ отдаетъ, и посправедливости, предпочтеніе гипсовой повязкѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переломъ сопровождается разрывомъ кожи, и выхожденіемъ кости наружу, только безъ раздробленія ея, онъ совѣтуетъ

поскорѣе наложить гипсовую повязку, но такъ, чтобы она не слишкомъ сильно давила. Онъ вправляетъ отломки и тогда, когда они выходятъ наружу болѣе, чѣмъ на 2″. Наложивши повязку, онъ приступаетъ къ прорѣзыванію окна въ ней черезъ нѣсколько дней; наружная рана заживаетъ обыкновенно первымъ натяженіемъ, и переломъ такимъ образомъ превращается въ простой, подкожный. Окно надо прорѣзывать не раньше, какъ можно уже надѣяться, что заживленіе кожной раны произошло вполнѣ; слѣд. нужно ожидать по крайней мѣрѣ 7—8 дней. Если прорѣзать окно раньше, то находящіяся надъ переломомъ мягкія части, освободившись отъ давленія, припухаютъ, выпячиваются въ окно, и первое натяженіе не удается. За больными нужно слѣдить аккуратно. Если являются боли не очень сильныя, то они могутъ происходить отъ обыкновеннаго раздраженія мягкихъ частей; если же наступаютъ жестокія боли, то онѣ могутъ зависѣть отъ воспаленія. Лучшимъ критеріумомъ въ сомнительныхъ случаяхъ служитъ пульсъ; до тѣхъ поръ, пока онъ спокоенъ, не слѣдуетъ трогать повязку.

Однажды я видѣлъ операцію ложнаго состава — pseudarthrosis radii. Сначала наложена гипсовая повязка; прорѣзано окно и вбиты въ кость гвоздики изъ слоновой кости. Лангенбекъ считаетъ этотъ способъ лучшимъ для лѣченія ложнаго состава; въ настоящее время онъ гораздо успѣшнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ прежде, потому что теперь употребляется гипсовая повязка, чего прежде не дѣлали. Абсолютную неподвижность костей Лангенбекъ считаетъ необходимымъ условіемъ для успѣха этой операціи; машины и лубки не въ состояніи произвести ее. Гвоздики должны оставаться въ кости 3—6 недѣль; послѣ выниманія ихъ повязка должна быть оставлена еще на нѣсколько недѣль (3—4). Исходъ этой операціи, по случаю моего выѣзда изъ Берлина, остался, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ мнѣ. Замѣчательно, что вынутые гвоздики представляются всегда какъ бы каріозно изъѣденными. Причина этого явленія еще не объяснена достаточно. Billroth предполагаетъ ее въ дѣйствіи молочной кислоты; Лангенбекъ склоненъ скорѣе допустить, что изъѣдины гвоздиковъ образуются вслѣдствіе давленія костныхъ грануляцій.

Въ клиникѣ Лангенбека я видѣлъ двухъ больныхъ, у которыхъ была наложена лигатура на подключичную артерію; у одного артерія перевязана при мнѣ для лѣченія аневризмы art. axillaris, у другаго перевязка была сдѣлана внѣ Берлина для остановленія кровотеченія изъ раненой art. axillaris. Аневризма развилась послѣ

раненія ножемъ, въ іюлѣ прошлаго года. Изъ анамнеза извѣстно только, что за раненіемъ слѣдовало сильное кровотеченіе, отъ котораго произошелъ обморокъ. Черезъ 14 дней явилась опухоль ниже ключицы. Когда больной поступилъ въ клинику (въ ноябрѣ), у него была огромная опухоль, которая ограничивалась нижнимъ краемъ m. pectoralis majoris и значительно отодвигала назадъ лопатку. Опухоль очень напряженная, fossa supraclavicularis изглажена отъ смѣщенія ключины; шумъ раздувательный слышенъ очень ясно. Потеря чувствительности и движенія всей правой руки; пульса не было. Измѣненіе пульса при аневризмѣ подкрыльцовой артеріи Лангенбекъ считаетъ очень важнымъ діагностическимъ признакомъ; на той сторонѣ, гдѣ аневризма, пульсъ бьетъ позднѣе, чѣмъ на здоровой, а иногда совсѣмъ не слышенъ, если опухоль очень большая.

Лангенбекъ находилъ здѣсь показаніе для перевязки безъимянной артиріи; но рѣшился перевязать подключичную, хотя предвидѣлъ большія затрудненія операціи, потому что за невозможностію отодвинуть книзу плечо нельзя было увеличить fossam supraclavicularem. При производствѣ операціи было сильное кровотеченіе, вслѣдствіе затрудненнаго возврата крови. Артерія была сдвинута почти до carotis; вена лежала надъ артеріею. Ключица была такъ приподнята, что никакимъ инструментомъ нельзя было изолировать артерію; только послѣ надрѣзыванія portionis clavicularis sternocleidomastoidei и наружнаго края scaleni antici удалось Лангенбеку обойти артерію. По наложеніи лигатуры прекратился шумъ въ опухоли. На 10-й день послѣ операціи больной умеръ. При вскрытіи найдено, что на центральномъ концѣ артеріи образовался плотный тромбусъ длиною $1\frac{1}{2}''$. Опухоль такъ сильно давила на правую сторону груди, что полость ея была почти уничтожена; ребра измѣнены, истончены до того, что ломались отъ прикосновенія пальцами. Плечевая капсула цѣла, но, замѣчательно, головка кости была отдѣлена отъ анатомической шейки. Въ лѣвой половинѣ груди большой экссудатъ, бывшій причиною смерти, которой предшествовали припадки задушенія.

Другой больной пришелъ въ клинику Лангенбека просить совѣта противъ паралича руки. При изслѣдованіи былъ найденъ полный параличъ nervi mediani, ulnaris и неполный n. radialis. Отчего произошелъ параличъ, рѣшить было трудно по недостатку анамнестическихъ данныхъ. Можно было предполагать, что plexus brachialis былъ перевязанъ вмѣстѣ съ артеріею; но могло также случиться,

что плечевое сплетеніе было повреждено при нанесеніи раны больному или во время перевязки артеріи. Извѣстно, что перерѣзанные нервы обыкновенно срастаются; концы ихъ опухаютъ колбообразно, центральный больше, чѣмъ периферическій, и окружаются соединительною тканью. Waller открылъ, что перерѣзанные нервы претерпѣваютъ измѣненія на всемъ ходу до конца, перерождаются; вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ возрожденіе ихъ элементовъ, такъ что прежняя чувствительность можетъ возвратиться вполнѣ. Однакожъ это наступаетъ не очень скоро. Ремакъ показалъ, что даже по истеченіи 8-ми мѣсяцевъ возрожденіе нерва, именно въ вѣтвяхъ, было еще весьма несовершенное. Такимъ образомъ, послѣ раненій, которыя нарушаютъ цѣлость нервовъ, нужны иногда цѣлые годы для полнаго возврата центральнаго вліянія на парализованные органы. Если послѣ поврежденія нервовъ долго остается нечувствительность, то Лангенбекъ считаетъ животныя ванны лучшимъ средствомъ для возвращенія ея.

Въ клиникѣ Лангенбека я видѣлъ только двѣ цистотоміи. Обѣ были сдѣланы у взрослыхъ. Въ одномъ случаѣ былъ камень и неполный параличъ нижнихъ конечностей, на который удаленіе камня не оказало никакого вліянія. Въ другомъ была вынута солома (длиною около четверти), на которую нанизаны были камышки, какъ монисты.

Всѣ операціи Лангенбекъ производитъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и стараніемъ; нимало не торопится, напротивъ, въ важныхъ случаяхъ, напр. при отдѣленіи опухолей отъ больныхъ сосудовъ, даже медлитъ, часто останавливается, выжидаетъ уменьшенія кровотеченія; случается, что между отдѣльными разрѣзами бываетъ пауза; отъ этого неудивительно, что послѣ удаленія опухоли большіе сосуды (art. carotis, vena jugularis, art. femoralis) представляются отчищенными какъ на анатомическомъ препаратѣ. Такихъ операцій я видѣлъ четыре (3 на шеѣ, 1 на паховомъ сгибѣ). При вылущиваніи опухолей, лежащихъ надъ большими сосудами или тѣсно соединенныхъ съ влагалищами ихъ, Ленгенбекъ считаетъ правиломъ—начинать операцію отъ центральной части сосудовъ и потомъ подвигаться къ вѣтвямъ, чтобы обнажить сначала главные стволы и обезпечить себя возможностію скораго остановленія кровотеченія въ случаѣ раненія ихъ. Всѣ смертельные случаи во время самаго производства операціи онъ приписываетъ несоблюденію этого правила. Въ глубинѣ раны при такихъ операціяхъ Лангенбекъ работаетъ всегда прямыми ножницами, которыми рѣжетъ надъ паль-

цемъ, отдавливающимъ сосуды; такимъ образомъ, дѣлая разрѣзы всегда надъ сосудами, онъ избѣгаетъ поврежденія ихъ.

Всѣ операціи Лангенбекъ дѣлаетъ всегда самъ, даже повязки накладываетъ самъ. Клиническіе часы состоятъ обыкновенно въ производствѣ операцій. Студенты и частные посѣтители собираются въ операціонной залѣ. Предъ каждою операціею Лангенбекъ сообщаетъ исторію болѣзни даннаго случая, разбираетъ способы лѣченія, назначаетъ операцію и приступаетъ къ производству ея. При этомъ онъ разсказываетъ о затрудненіяхъ, съ которыми борется, о сосудахъ, которые открываются, о случайностяхъ, которыя онъ не могъ предвидѣть, словомъ, рапортуетъ о каждомъ движеніи своемъ. По окончаніи операціи, онъ припоминаетъ изъ своей казуистики подобные случаи и демонстрируетъ препараты или рисунки. Два раза въ недѣлю онъ дѣлаетъ, вмѣстѣ съ своими слушателями, визитъ всѣхъ клиническихъ больныхъ и такимъ образомъ даетъ возможность слѣдить за теченіемъ болѣзней и исходами операцій. Амбулаторныхъ больныхъ обыкновенно принимаетъ ассистентъ; изъ нихъ онъ выбираетъ наиболѣе интересныхъ для представленія Лангенбеку. Лангенбекъ вызываетъ при этомъ студентовъ, по очереди, для дѣланія діагностики. Нельзя не замѣтить, что эта проба студенческихъ знаній служитъ почти всегда для развеселенія слушателей, потому что на самые простые и обыкновенные вопросы профессора приходится нерѣдко слышать удивительно нелѣпые отвѣты.

Лекціи оперативной хирургіи соединены у Лангенбека съ демонстраціею каждой операціи на трупѣ. На нихъ онъ разсказываетъ много любопытныхъ и поучительныхъ наблюденій изъ своей практики; это придаетъ имъ большой интересъ и оживленность. Самая личность Лангенбека располагаетъ къ симпатіи. О заслугахъ своихъ онъ выражается всегда очень скромно и очень тихо, но громко отдаетъ должную справедливость заслугамъ другихъ. Къ слушателямъ весьма внимателенъ и охотно отвѣчаетъ на вопросы или сомнѣнія ихъ. Вообще, Лангенбекъ съ своею клиникою оставляетъ самое отрадное впечатлѣніе.

Въ заключеніе не могу не упомянуть съ благодарностію о проф. Вирховѣ. Его демонстративный курсъ патологической анатоміи познакомилъ меня практически со многими болѣзненными процессами, о которыхъ прежде я составлялъ понятіе большею частію по книгамъ или рисункамъ. Посѣщеніе его лекцій объ опухоляхъ было также немепѣе полезно; здѣсь я подробно узналъ взгляды Вир-

хова на происхожденіе опухолей и на классификацію ихъ. При практическихъ занятіяхъ патологическою гистологіею я обращалъ особенное вниманіе на хирургическія болѣзни и простудировалъ очень многія изъ нихъ.

Направляясь изъ Берлина въ Вѣну, я пробылъ нѣсколько дней въ Прагѣ. Въ хирургической клиникѣ проф. Блажины я не нашелъ ничего особенно интереснаго. Одинъ только случай опухоли на затылкѣ напомнилъ мнѣ совершенно подобный случай, видѣнный мною въ харьковской клиникѣ. Опухоль величиною въ кулакъ, довольно плотная, пульсирующая, діагностицирована какъ мозговидный ракъ. Противъ нея ничего не предпринималось. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпиталя—самыя обыкновенныя болѣзненныя формы, между которыми язвы составляли большинство. Всѣхъ болѣе интересныхъ больныхъ, особенно если они требуютъ оперативной помощи, проф. Блажина переводитъ въ клинику.

Болѣе любопытнаго представилъ мнѣ дѣтскій госпиталь. Здѣсь въ собраніи патологическихъ препаратовъ я видѣлъ, между прочимъ, довольно рѣдкое гетеропластическое образованіе въ гортани—папиллярную опухоль, туберкулы въ щитовидной железѣ и препаратъ herniae inguinalis ovarii sinistri, бывшей у 1½ лѣтняго ребенка. Между больными я встрѣтилъ дитя, у котораго была сдѣлана tracheotomia при крупѣ. Проф. Лёмнеръ сдѣлалъ 7 трахеотомій—1 съ блестящимъ успѣхомъ, 1 съ невполнѣ удовлетворительнымъ и 5 окончившихся смертью. Не вполнѣ удовлетворительный случай оставался въ больницѣ; операція произведена почти годъ назадъ, но дитя до сихъ поръ не можетъ дышать безъ трубочки. Требованія трахеотоміи при крупѣ, основанныя на этихъ наблюденіяхъ, показались мнѣ немного либеральными, потому что не допускаютъ никакихъ противопоказаній.

Кромѣ этого оперированнаго, интересны были въ хирургическомъ отношеніи—lymphadenitis паховыхъ желѣзъ и periostitis femoris, съ припадками наступающей піэміи.

2-го апрѣля я прибылъ въ Вѣну, гдѣ съ началомъ семестра приступилъ къ новому ряду занятій.

4/16 мая.

26) Василья Васильевскаго.

Въ настоящій семестръ читаются или будутъ читаться въ Берлинскомъ университетѣ слѣдующія лекціи по моему предмету: проф.

Дройзенъ читаетъ древнюю исторію (обыкновенно кончаетъ онъ исторіей Греціи), новую исторію съ 1815 года; доцентъ Эрдманнсдёрферъ—римскую исторію, и о періодѣ гуманизма въ Италіи, проф. Моммсенъ—исторію первыхъ временъ Римской имперіи и окончаніе курса, читаннаго имъ въ зимній семестръ и, объ исторіи государственнаго права Римлянъ, проф. Яффе—римскую и средневѣковую хронологію, проф. Массманнъ—исторію германскихъ университетовъ, Раумеръ—о главныхъ явленіяхъ литературы съ XVI вѣка, Ранке—исторію нѣмецкой имперіи.

Проф. Моммсенъ, занятый работами въ Парижѣ, какъ членъ общества для изданія римскихъ надписей, до сихъ поръ не начиналъ своихъ лекцій. Объ этомъ приходится тѣмъ болѣе жалѣть, что онъ обѣщалъ въ высшей степени интересный курсъ исторіи римской имперіи и окончаніе лекцій зимняго семестра.

Интересъ исторіи римской въ періодъ имперіи, конечно, другой, чѣмъ въ періодъ царей и республики. Выходя изъ самой простой и наглядной точки зрѣнія, различаютъ въ жизни каждаго народа два періода. Первый—это періодъ развитія преимущественно національнаго, домашняго внутренняго, развитія государственныхъ учрежденій, юридическаго быта и т. д. Во второмъ—прогрисивное движеніе въ этомъ отношеніи оканчивается; но, если это народъ историческій, выступаетъ преимущественно другая сторона: дѣйствіе народа на другія націи, вліяніе на общія судьбы человѣчества. Объ исторической жизни Греціи въ этомъ отношеніи можно сказать, что политическая жизнь кончается для ней съ покореніемъ ея Александромъ Македонскимъ (Гротъ), но съ этого времени собственно только и начинается исторія внѣшняго вліянія греческой цивилизаціи: здѣсь становится очевидно, какое важное значеніе въ судьбахъ человѣчества имѣетъ этотъ небольшой уголокъ Европы, давшій рожденіе политикѣ, философіи, наукѣ, искусству. Въ римской исторіи періодъ національнаго развитія, періодъ развитія римскихъ учрежденій—кончается съ покореніемъ восточныхъ провинцій, съ междоусобными войнами. Съ утвержденіемъ деспотической монархіи интересъ домашнихъ дѣлъ Рима ослабѣваетъ, переходитъ въ провинціи, на вліяніе Рима съ его цивилизаціей на міръ его окружающій.

Національное развитіе Греціи имѣетъ, конечно, глубокій интересъ уже независимо отъ того, что плоды его въ послѣдствіи усвоены другими народами и дѣйствуютъ до сихъ поръ. Оно важно для науки по самой даровитости націи, представляющей высшій организмъ

въ сравненіи со всѣми предшествовавшими ей на историческомъ поприщѣ, по силѣ и богатству развитія политическихъ формъ жизни; тѣмъ болѣе, что эти формы въ основныхъ чертахъ всегда однѣ и тѣже, и въ сущности повторяются въ томъ же порядкѣ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ римская исторія представляетъ равный интересъ; въ послѣднемъ даже высшій: логичность и послѣдовательность развитія римскаго государственнаго устройства останавливали на себѣ вниманіе такихъ мыслителей, какъ Вико, такихъ ученыхъ, какъ Нибуръ.

Внутреннее, органически-свободное развитіе римской республики оканчивается послѣ Гракховъ. Заключеніе уже произнесено, и монархія стоитъ впереди со всей логической необходимостью. Семьдесятъ лѣтъ еще тянется борьба олигархической аристократіи и быстро вырождающейся демократіи, но борьба, очевидно, безплодная. Обѣ партіи не въ силахъ выставить, тѣмъ менѣе провести новаго принципа. Устройство Суллы — дѣло одного человѣка и держалось, пока онъ былъ живъ: это была заранѣе осужденная, безжизненная реставрація. Демократическая партія, время отъ времени, выставляетъ на своемъ знамени то или другое требованіе Гракховъ. Но, было очевидно, что провести реформу съ той толпой, которая собиралась теперь на римскомъ форумѣ, вмѣсто плебеевъ, не оставалось никакой надежды. Ю. Цезарь, думавшій, очевидно, достигнуть своей цѣли безъ помощи оружія, какъ Периклъ, какъ Гракхи, послѣ осьмнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ политическихъ интригахъ, въ управленіи демократической партіей, увидѣлъ наконецъ необходимость другой точки опоры, и сорока лѣтъ сталъ во главѣ арміи. Вопросъ переносится въ Галлію, и судьба Рима съ Италіей рѣшается внѣшнимъ образомъ—силой оружія. Еще Гиббонъ доказалъ, что со времени Цезаря римскій міръ держится и расширяется чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ. Военно-деспотическій абсолютизмъ, по самому существу своему, не способенъ къ развитію. Но внутри границъ имперіи совершается начавшійся прежде процессъ амальгамаціи рассъ, нивеллированія національностей подъ одинъ уровень римской или лучше греческо-римской цивилизаціи: въ этомъ главный интересъ исторіи римской имперіи. Такъ смотритъ на дѣло и Моммсенъ, сколько можно судить по его послѣднему тому римской исторіи (кончается Юліемъ Цезаремъ). Пока—лучшее сочиненіе по исторіи первыхъ временъ имперіи — Меривеля (Merival, History of the Romans under the Empire, VII, т. кончается Маркомъ Авре-

лiемъ). Оно представляетъ всѣ достоинства хорошихъ англiйскихъ сочиненiй: солидное знакомство съ *литературными* источниками, твердость и прямота взгляда, необыкновенная ясность и простота изложенiя. Авторъ хорошо понимаетъ свою задачу «представить влiянiе завоеванiй и господства надъ мiромъ на самый римскiй народъ, воздѣйствiе провинцiй на Римъ, стремленiе покоренныхъ народовъ достигнуть участiя въ правахъ и привеллегiяхъ господствующей расы, постепенное слiянiе въ одну массу итальянцевъ, британцевъ, жителей африканской и азiйской провинцiй». Но по литературнымъ только памятникамъ не возможно представить полной картины и границъ римскаго влiянiя, напр. провинцiальное устройство, администрацiя муниципiй потому же самому остаются неясными пунктами: надписи, которыми Моммсенъ столько занимался, нѣкоторыя дошедшiя до насъ грамоты (tabula Salpensana, Malacitana) *) могутъ дать болѣе полный и ясный отвѣтъ. Потомъ, чтобы видѣть, насколько можно съ нетерпѣнiемъ ожидать послѣ Меривеля продолженiя исторiи Моммсеномъ, довольно сличить тѣ части, которыя обработаны обоими — исторiю перваго Цезаря (3 томъ Моммсена и два первыхъ Меривеля). Оставляя въ сторонѣ почти восторженный языкъ Моммсена о личности Цезаря, и на этотъ разъ довольно неясно высказанную и развитую мысль Меривеля о его планѣ образовать нѣчто въ родѣ средняго сословiя изъ всѣхъ свободныхъ и богатыхъ жителей Италiи и провинцiй, взглядъ того и другаго въ сущности не расходится. Но мнѣ представляется, что нѣмецкiй ученый изучилъ прежде до послѣднихъ мелочей всѣ подробности бiографiи Цезаря, его законодательство и распоряженiя, и потому чувствовалъ себя въ силахъ и въ правѣ свободно и самостоятельно, опираясь кромѣ того на цѣлый рядъ предыдущихъ и послѣдующихъ фактовъ, понять и представить общiй планъ, смыслъ и идею реформы Цезаря. Объ англiйскомъ писателѣ можно сказать, что онъ внимательно читалъ Дiона Кассiя, самого Цезаря, Светонiя и проч., и держится осторожно источниковъ не только при передачѣ фактовъ, но, возстановляя смыслъ и идею ихъ, также не отходитъ далеко отъ воззрѣнiй этихъ писателей.

Приготовляясь къ лекцiямъ Моммсена, я слѣжу пока за лекцiями Яффе о римской хронологiи и Бона-Майера о психологiи.

---

*) Я припоминаю, что англiйскiй критикъ даетъ Моммсену забавный совѣтъ не продолжать своей исторiи; потому что перiодъ имперiи представленъ Меривелемъ вполнѣ удовлетворительно.

Яффе принадлежитъ къ тому числу неблестящихъ, но въ высшей степени полезныхъ профессоровъ университета, которые читаютъ или чаще диктуютъ свои лекціи человѣкамъ 5—15. Онъ всегда избираетъ такіе спеціальные курсы: о палеографіи латинской, хронологіи, и читаетъ (диктуя) ихъ весьма основательно.

Б. Майеръ (доцентъ) — одинъ изъ тѣхъ философовъ-психологовъ, которые, оставивъ съ одной стороны идеальныя построенія философскихъ системъ, не отрицая съ другой *права* естественныхъ наукъ объяснять въ извѣстной мѣрѣ психическія явленія, но спокойно и твердо отрицая настоящую удовлетворительность и будущую возможность полнаго объясненія этимъ путемъ, возвращаются къ критицизму Канта, держатся психологическаго направленія Бенеке и сближаются съ естественными науками, пользуясь многими выводами ихъ. Замѣчательно, что аудиторія его состоитъ болѣе, чѣмъ на половину изъ русскихъ.

Кромѣ лекцій, Дройзенъ, Яффе, Кёпке занимаются съ своими слушателями исторической критикой, называя это скромнѣе и вѣрнѣе упражненіями (Übungen). Моммсенъ на этотъ разъ также обѣщалъ взять на себя трудъ руководить «упражненіями» въ римской исторіи. И для меня собственно критическія упражненія только и могутъ быть вполнѣ полезны въ области римской исторіи. По моему мнѣнію, нужно быть предварительно знакомымъ съ первыми источниками, свободно двигаться въ нихъ, чтобы непраздно и совершенно полезно, по указаніямъ профессора, пріискивать и сличать разныя мѣста, чтобъ самому «упражняться». Теперь я только принимаю участіе въ этого рода занятіяхъ Яффе. Въ прошедшій семестръ онъ читалъ о латинской палеографіи и дипломатикѣ. Его теперешнія Uebungen — приложеніе читаннаго курса. Съ этою цѣлію Яффе издалъ сорокъ грамотъ изъ временъ IX—XII вѣковъ, и теперь занимается дипломатическимъ и палеографическимъ разборомъ ихъ.

Берлинъ, $^{19}/_{7}$ мая 1863 года.

27) Доктора медицины В. Стадіона.

1.

Медицина, какъ и всякая наука, имѣетъ общія основанія, общій ходъ, извѣстныя общія идеи, вслѣдствіе которыхъ она, какъ и наука о финансахъ, о политической экономіи, объ исторіи etc, дѣлается достояніемъ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстной мѣрѣ, до-

ступною всякому мыслящему человѣку, даже и вовсе не врачу. Эти общія идеи и воззрѣнія въ наукѣ нисколько однакожъ не неизмѣнны, а напротивъ, видоизмѣняются и превращаются по мѣрѣ того, какъ наука подвигается впередъ, и какъ увеличивается число данныхъ и фактовъ, съ которыхъ эти общія воззрѣнія и возникаютъ. Въ такой многосложной наукѣ, какъ медицина, эти превращенія бо̀льшею частію зависятъ отъ состоянія вспомогательныхъ ея наукъ. Одно какое-нибудь важное открытіе въ химіи, въ физикѣ, одно важное улучшеніе въ устройствѣ микроскопа и—руководящія идеи въ медицинѣ необходимо должны видоизмѣниться въ соотвѣтственномъ смыслѣ. Если напр. до открытія электричества вообще, въ нервахъ нашего тѣла предполагали особые нервные духи (spiritus nervorum), то послѣ этого открытія и послѣ того какъ въ самыхъ нервахъ были доказаны электрическіе токи, на этотъ вопросъ, какъ и на всю нервную физіологію, стали смотрѣть иначе. Руководная идея измѣнилась.

Наука однакожъ невездѣ одинакова. Тамъ, гдѣ умственная дѣятельность оживленнѣе, обширнѣе, дружнѣе, систематичнѣе, тамъ и видоизмѣненія руководныхъ идей совершаются быстрѣе и быстрѣе поддаются впередъ. Такъ напр. въ провинціяльномъ городѣ Франціи до сихъ поръ еще существуетъ цѣлая школа (école de Montpéllier), называющаяся виталистическою и съ отчаяніемъ отстаивающая витализмъ; въ то время какъ въ столичномъ Парижѣ, какъ и во всей Германіи, ничего подобнаго нигдѣ уже не встрѣчается, и на витализмъ здѣсь такъ смотрятъ, какъ возмужалый человѣкъ на юношескія свои мечты, которыя, хотя и не лишены прелести, но все-таки неболѣе какъ плодъ причудливой фантазіи и разгоряченной крови. Точно также и у насъ въ Россіи, гдѣ умственная дѣятельность несравненно слабѣе и разъединеннѣе чѣмъ на западѣ Европы, замѣчается значительная отсталость въ воззрѣніяхъ на цѣли и преподаваніе наукъ.

Изложить состояніе этихъ болѣе общихъ воззрѣній у насъ, въ Россіи, съ одной стороны, а въ Германіи и Франціи съ другой, показать въ чемъ между ними разница и гдѣ у насъ замѣтна отсталость, далѣе же предложить средства къ устраненію этой отсталости и поднятію уровня общихъ воззрѣній—вотъ предметы, о которыхъ я желаю сказать нѣсколько словъ.

Медицина, однакожъ, чрезвычайно обширна. Она въ настоящее время чуть-ли не перестала быть отдѣльною наукой, а сдѣлалась

собирательнымъ именемъ для цѣлаго ряда различныхъ и даже совершенно разнородныхъ наукъ. Поэтому, еслибъ мнѣ пришлось здѣсь распространиться о руководныхъ идеяхъ, объ общихъ воззрѣніяхъ *всей* медицины, то это завлекло бы меня въ такія обобщенія и я вынужденъ былъ бы сдѣлать столь значительныя отвлеченія, что практической пользы отъ этого было бы мало, и я рискнулъ бы попасть въ чужую для меня сферу умозрѣнія.

По счастію, этой опасности очень не трудно миновать. Медицина въ своей общности, какъ коллективное названіе различныхъ наукъ, можетъ быть мною совершенно оставлена въ сторонѣ, а главное мое вниманіе должно быть направлено на ту отрасль медицины, для которой я специяльно посланъ за границу, а именно на клиническую медицину. И эта отрасль имѣетъ общія свои воззрѣнія, руководныя свои идеи, особенную систему и методъ, но, конечно, ужъ значительно менѣе отвлеченныя, чѣмъ вся медицина въ совокупности. Она имѣетъ, если могу такъ выразиться, обобщенія перваго и втораго порядковъ, но не высшихъ порядковъ, гдѣ удаленіе отъ конкретнаго предмета становится весьма значительнымъ, и доходитъ наконецъ до того, что конкретный предметъ съ этой высоты дѣлается чуть замѣтнымъ для глаза.

Теперь я могу приступить къ самому дѣлу.

Медицина въ теченіе многихъ столѣтій и до самаго исхода тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, имѣла характеръ чисто спекулятивный. Медики постоянно ссылались на авторитетовъ, а сами авторитеты отличались только умозрительными своими теоріями, воззрѣніями, основанными не на фактахъ, а на разсужденіяхъ a priori. Были, правда, геніяльные дѣятели, шествовавшіе по другой, лучшей стезѣ, напр. въ XV стол. Vesalius, за нимъ италіянецъ Morgagni, англійскій врачъ Harwey, германскій физіологъ Haler, а въ началѣ XIX стол. французскій изслѣдователь Bichat. Но не смотря на всѣ ихъ безсмертныя творенія, они на массу врачей и даже на общій духъ науки пользовались относительно слабымъ вліяніемъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, потому что, не смотря на вѣрность метода, коего придерживались эти знаменитые изслѣдователи, кругъ ихъ изслѣдованій по необходимости былъ довольно тѣсный, такъ какъ вспомогательныя науки медицины были отчасти только въ зарожденіи, отчасти даже и въ этихъ зачаткахъ не существовали. Какъ наука, медицина стояла на чрезвычайно зыбкомъ основаніи, одна теорія смѣняла другую; то, чтó вчера еще считалось

совершенно доказаннымъ и несомнѣннымъ, черезъ самое короткое время оказывалось игрою фантазіи, самообольщеніемъ и было оставлено въ сторонѣ, чтобы предаваться новому самообольщенію. Въ Германіи медицина, сверхъ того, еще находилась въ зависимости отъ философскихъ системъ, и философы съ своихъ каѳедръ рѣшали самые трудные и до сихъ поръ еще недоступные медицинскіе вопросы.

Такое положеніе медицины должно было имѣть преобладающее вліяніе на преподаваніе этой науки въ университетахъ. Дѣйствительно, въ Германіи вмѣнялось каждому адепту медицины въ обязанность заниматься прилежно, во первыхъ, древнею литературой, особенно же латинскимъ языкомъ, такъ какъ всѣ источники, т. е. авторитеты науки, выражали свои мысли на этомъ языкѣ; на единственный же источникъ всѣхъ естественныхъ наукъ вообще и медицины въ особенности, на природу, не говорящую ни на какомъ языкѣ, а выражающую свои законы рядомъ неизмѣнныхъ явленій, обращали чрезвычайно мало вниманія. Далѣе же, каждый студентъ медицины долженъ былъ слушать сокращенный курсъ философіи: логику, психологію, нерѣдко даже и исторію философіи, чтобы познакомиться съ господствующими философскими системами, которыя большею частью были законодательными и въ самой медицинѣ. Но кромѣ того, дѣломъ первой важности было *чтеніе*, т. е. теоретическое преподаваніе самыхъ медицинскихъ предметовъ. *Видѣть* почти было нечего. О микроскопѣ не знали, объ органической и физіологической химіи понятія даже не имѣли, физіологія была въ дѣтствѣ и живосѣченія (vivisections) животныхъ еще не въ употребленіи, аускультація и перкуссія еще не открыты, патологическая анатомія или мало извѣстна, или весьма мало еще въ ходу. Понятно, что при такомъ безутѣшномъ положеніи медицины, только и осталось что одно посѣщеніе *чтеній* профессоровъ. Тутъ профессоръ, нисколько не соображаясь съ фактами, съ природою, излагалъ свой предметъ совершенно субъективно, по личному своему воззрѣнію и по руководнымъ идеямъ господствовавшей философской системы. Но такъ какъ мнѣнія бываютъ тѣмъ многочисленнѣе и разнорѣчивѣе, чѣмъ болѣе мы удалены отъ истины, то въ тогдашнее время субъективнаго воззрѣнія на медицину такихъ индивидуальныхъ и противурѣчащихъ другъ другу теорій было безчисленное множество, и желавшему познакомиться хоть съ одною изъ нихъ, необходимо было тщательно слѣдить за теоретическими лекціями профессора, не пропускать ни одной изъ нихъ, такъ какъ

одна строго примыкала къ другой. Чѣмъ ненатуральнѣе, чѣмъ искусственнѣе система была сплетена, тѣмъ важнѣе было индивидуальное воззрѣніе преподавателя и тѣмъ незамѣнимѣе была для слушателя всякая потеря подобной лекціи.

Не говоря о геніяльныхъ произведеніяхъ отдѣльныхъ личностей, сохранившихъ свое значеніе и до сихъ поръ, медицина XVII и XVIII столѣтій, какъ она преподавалась въ большинствѣ германскихъ университетовъ, была, кромѣ того, еще діалектическою. Медики тогдашняго времени походили во всемъ на современныхъ имъ богослововъ. Богословы ежедневно заводили нескончаемыя и ожесточенныя словопренія на счетъ самаго маловажнаго и случайнаго иной разъ обряда. Поле битвы обыкновенно оставалось за тѣмъ, кто лучше владѣлъ языкомъ или перомъ, или же кто опирался на авторитетахъ, признанныхъ всѣми за непогрѣшимые, нерѣдко опять и за тѣмъ, кто пользовался большимъ вліяніемъ, большею силою въ обществѣ, или у сильныхъ міра сего. Точно также было съ медиками. Медицинѣ, находившейся тогда въ пеленкахъ, они задавали вопросы, на которые въ состояніи отвѣчать лишь созрѣвшая наука; да самые вопросы были такъ поставлены, что на нихъ вообще не могло послѣдовать никакого отвѣта. Тѣмъ не менѣе отвѣтами не затруднялись: вовсе не справляясь съ природою, каждый отвѣчалъ a priori, по своему, а правъ оставался тотъ, кто другаго могъ пересилить бѣглостью и изворотливостью языка, или числомъ и значеніемъ авторитетовъ, на которыхъ онъ при этомъ ссылался. Если въ настоящее время насъ только можетъ смѣшить вопросъ, напр. такого рода: въ какой именно день или въ какую недѣлю утробной жизни душа вникаетъ въ тѣло утробнаго младенца? то не должно забыть, что лѣтъ 100 тому назадъ врачи серіозно объ этомъ разсуждали, спорили, горячились и ожесточались. Новѣйшая эмбріологія ясно доказала, что уродливости животнаго плода происходятъ отъ пороковъ и альтерацій въ развитіи зародыша, вызванныхъ въ различныя эпохи развитія и различными моментами, отчего и зависятъ различныя формы уродливостей; но что въ этихъ уклоненіяхъ отъ нормы существуетъ однакожъ полная законность, тѣсная связь между причиною и дѣйствіемъ. Прежніе врачи, пораженные разнообразіемъ уродливостей, и не обладая никакими пріуготовительными свѣдѣніями, на счетъ этого предмета пускались въ разныя странныя и ни съ чѣмъ несообразныя толкованія.

Вслѣдствіе этого огромнаго простора, предоставленнаго личнымъ воззрѣніямъ, вслѣдствіе чисто діалектическаго характера тогдашней медицины, допускавшей самыя причудливыя понятія и теоріи, лишь бы онѣ были съ ловкостью защищаемы и опирались на какой-нибудь цитатѣ изъ Цельза, Галлена, Діоскорида или изъ авторитета изъ арабской школы, вслѣдствіе этого, говорю я, теоретическое преподаваніе предмета пріобрѣло еще большее значеніе. Это, впрочемъ, весьма понятно. Что 5 въ квадратѣ составляетъ 25, въ этомъ согласны всѣ люди и всѣ руководства ариѳметики безъ изъятія, и вовсе нѣтъ необходимости слышать это отъ профессора, такъ какъ всякій другой человѣкъ, любая цыфирная книга скажетъ тоже самое. Но если кто утверждаетъ, что душа вникаетъ въ утробнаго младенца на 20 недѣлѣ беременности, или что причина цѣлительнаго дѣйствія лѣкарственныхъ веществъ находится «in gratia Dei», какъ это утверждалъ голландскій мистикъ фанъ-Гельмонтъ, то необходимо слышать это отъ него же самаго, такъ какъ всякій другой врачъ съ такимъ же правомъ и съ такимъ же успѣхомъ могъ утверждать, что душа вникаетъ въ утробнаго младенца въ 40 день беременности, и что лѣкарства по той причинѣ дѣйствуютъ цѣлебно, что первородный грѣхъ искупленъ, или потому что земля шарообразна, а не четвероугольна. Между тѣмъ въ факультетахъ только то выдавалось за истину, что̀ утверждалъ самъ профессоръ, всякое же противо- и разно-рѣчіе предавалось анаѳемѣ и преслѣдовалось какъ постыдное отступничество отъ истины. Какъ характеристическую черту тогдашняго времени можно привести слѣдующій случай: когда извѣстный van Swieten, ученикъ Boërhaave, лейбъ-медикъ Маріи Терезіи и профессоръ клиники въ Вѣнѣ, экзаменовалъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія кандидата медицины на степень доктора и спросилъ его: «quid est febris?» то тотъ съ удивительнымъ здравомысліемъ ему отвѣтилъ: «febris est res, de qua neque tu, neque ego, neque quisquam medicorum aliquid scit». Тѣмъ не менѣе ученіе о лихорадкѣ было для тогдашняго врача настоящимъ артикуломъ вѣры, настоящимъ «credo», безъ чего онъ и шагу ступить не могъ въ медицинѣ. О лихорадкѣ писали дюжины толстыхъ томовъ, сотни брошюръ и каждый авторъ считалъ себя въ обладаніи истиннаго значенія, настоящей сущности лихорадки. На сколько, однакожъ, это было справедливо, можно судить по тому, что только теперь, послѣ изумительныхъ и быстрыхъ успѣховъ физіологической химіи и послѣ классическихъ трудовъ Вирхова, мы начи-

наемъ имѣть элементарныя понятія о сущности этого загадочнаго процесса.

Съ возникновеніемъ и съ развитіемъ вспомогательныхъ наукъ медицины, эта шаткость и эта субъективность стали однакожъ мало помалу уменьшаться. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія знаменитыми французскими изслѣдователями дано было медицинѣ совершенно другое направленіе. Bichat первый обратилъ вниманіе на ткани организма и такимъ образомъ положилъ начало нормальной и патологической гистологіи. Безсмертный Laennec впервые примѣнялъ *слухъ* къ изслѣдованію измѣненій грудныхъ органовъ, и довелъ распознаваніе болѣзней легкихъ, сердца и большихъ сосудистыхъ стволовъ до такой точности, какой до него даже и не подозрѣвали въ медицинѣ. Magendie сталъ учить врачей живосѣченіямъ и единственное спасеніе для физіологіи, единственный исходъ изъ безплодныхъ гипотезъ онъ видѣлъ въ опытѣ надъ животными. Затѣмъ, появилась цѣлая плеяда знаменитыхъ химиковъ: Lavoisier, Gay-Lussac, Berzelius, Dumas, Liebig и многіе другіе, и подъ ихъ творческими руками развилась органическая и животная химія, распространившая изумительный и неожиданный свѣтъ на процессы животнаго организма. Германскіе изслѣдователи взялись за микроскопъ и за исторію развитія растительнаго и животнаго организмовъ. Наконецъ, обширное примѣненіе чисто математической науки, физики—къ физіологіи, какъ оно состоялось трудами геніяльныхъ физіологовъ Германіи: Ioh. Müller'омъ, Dubois-Raymond'омъ, Helmholz'омъ и другими, и преобразовательныя открытія Вирхова въ области патологической анатоміи совершенно измѣнили характеръ новѣйшей медицины, такъ что между нею и медициной первой даже четверти нынѣшняго столѣтія нѣтъ почти никакого сходства. Нынѣшняя медицина успѣла уже изгладить послѣдніе слѣды діалектическаго своего характера, и сдѣлалась естественною наукою въ полномъ значеніи слова, руководствуясь исключительно индуктивнымъ методомъ, о которомъ Беконъ (Baco) уже доказалъ, что для естественныхъ наукъ, онъ единственно вѣрный. Медицина настоящаго времени признаетъ надъ собою одну лишь инстанцію, одинъ лишь авторитетъ—саму природу, которая одна рѣшаетъ безъапелляціонно всѣ спорные пункты. Она ежедневно все тѣснѣе примыкаетъ къ точнымъ наукамъ, каковы напр. физика, химія, микроскопическая анатомія etc., и если въ ней еще много простора для субъективныхъ воззрѣній, то причиною тому съ одной стороны чрез-

вычайная сложность объекта ея изслѣдованія, т. е. человѣческаго организма, котораго нельзя такъ безцеремонно толочь, растворять, дистилировать etc., какъ это дѣлаетъ химикъ съ незнакомымъ ему тѣломъ; съ другой же стороны нельзя въ теченіе трехъ или четырехъ десятковъ лѣтъ поправить того, что̀ цѣлыя столѣтія лежало подъ спудомъ причудливыхъ гипотезъ и пустаго словопренія. Тѣмъ неменѣе настоящій методъ найденъ; по немъ бодро подвигаются впередъ и дорога ежедневно прокладывается обширнѣе и ровнѣе.

Очевидно, что такое коренное измѣненіе характера медицины не могло остаться безъ вліянія и на преподаваніе этой науки въ университетахъ. Чисто философскіе предметы потеряли теперь для врача бо́льшую часть своего значенія и почти вовсе имъ не посѣщаются. Правда, что истинно-философскій взглядъ въ наукѣ, очень хорошо примиряющійся съ самою строгою объективностью, всегда будетъ чрезвычайно важенъ и даже необходимъ, если кто въ хаосѣ детальныхъ и часто безсвязныхъ фактовъ не хочетъ терять изъ виду общаго обзора и желаетъ сохранить красную, все связывающую нить. Но этотъ взглядъ едва-ли пріобрѣтается посѣщеніемъ лекцій спекулятивной философіи, и не каждому врачу онъ въ равной степени нуженъ,—менѣе всего же врачу специялисту, какъ напр. акушеру, глазному врачу. Кто однакожъ чувствуетъ потребность усвоить себѣ болѣе общій, философскій взглядъ на свой предметъ, тотъ во всякое время, и даже оставивъ университетскую скамью, можетъ пополнить этотъ недостатокъ чтеніемъ Бекона и другихъ, новѣйшихъ, подобнаго рода сочиненій, преимущественно же, близкимъ знакомствомъ съ исторіею самой медицины. Во всякомъ случаѣ, гораздо лучше, если кто обращается къ подобнымъ этюдамъ по собственному влеченію, самъ сознавая къ тому позывъ, чѣмъ въ первые семестры университетскаго курса, какъ это бывало прежде, когда детальные факты молодому адепту вовсе еще неизвѣстны, а обобщенія, изъ нихъ выведенныя, для него имѣютъ мало смысла и едва-ли доступны его пониманію.

Еще рѣзче духъ новѣйшей медицины отражается въ преподаваніи чисто медицинскихъ предметовъ. Въ то время какъ прежде обращали преимущественное вниманіе на одно только *устное* изложеніе, теперь лекціи, несопряженныя ни съ опытами ни съ демонстраціями какого бы то ни было рода, едва возбуждаютъ малѣйшій интересъ. Какой медицинскій предметъ мы ни возьмемъ, онъ долженъ быть изложенъ вполнѣ объективно, если ему суждено

вызвать сочувствіе посѣтителей аудиторіи. Анатомія, нормальная и патологическая, должна быть сопряжена съ демонстраціями на трупахъ и препаратахъ; физіологія должна производить опыты и живосѣченія; въ химіи вообще, и въ животной химіи въ особенности, безъ нагляднаго опыта нельзя сдѣлать и шагу; эмбріологія и гистологія на столько лишь приносятъ пользу, на сколько онѣ, помощію микроскопа, наглядно представляютъ слушателямъ рядъ морфологическихъ явленій и превращеній. Спеціяльная патологія, хирургія, акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни тогда лишь важны и полезны, когда излагаются у кровати больнаго и тутъ же производится примѣненіе къ данному случаю. Словомъ, безъ объективности, безъ наглядности, безъ опыта, безъ демонстрацій въ медицинѣ теперь съ успѣхомъ и шагу ступить невозможно.

Конечно, вслѣдствіе силы инэрціи, вслѣдствіе врожденной намъ склонности неохотно отставать отъ разъ освященнаго навыкомъ и традиціей, въ германскихъ университетахъ и теперь еще читаются лекціи чисто теоретическія, безъ всякихъ демонстрацій, какъ напр. женскія и дѣтскія болѣзни, теоретическая терапія, теоретическая хирургія etc. Но за то эти предметы читаются болѣе pro forma, такъ сказать, ради полноты программы, приносятъ чрезвычайно проблематическую пользу и возбуждаютъ весьма мало интереса между слушателями, полагающими не безъ основанія, что они тоже самое, что̀ излагаетъ профессоръ, найдутъ столь же ясно и систематично въ любомъ руководствѣ, число которыхъ, даже отлично составленныхъ, теперь весьма значительно. Нельзя однакожъ отрицать, что *иногда* и эти чисто-устныя лекціи пользуются живымъ участіемъ медиковъ. Но въ такомъ случаѣ причиною тому бываетъ необыкновенная живость и увлекательность изложенія, или же многолѣтняя и многоиспытанная практическая опытность преподавателя, пользующагося между студентами большимъ кредитомъ. Это однакожъ не правило, и въ лучшихъ германскихъ факультетахъ уже и теперь сознаютъ, что чисто теоретическимъ лекціямъ нельзя придавать серіознаго значенія. Такъ напр. въ Вѣнѣ спеціяльная патологія не излагается отдѣльно въ теоретическомъ курсѣ, но самимъ Оппольцеромъ въ его клиникѣ, у кровати больнаго, причемъ онъ распространяется о болѣзняхъ не въ систематическомъ порядкѣ, а по мѣрѣ того, какъ ему попадаются дѣйствительно больные; которые тутъ же представляются наблюденію слушателей. Извѣстный акушеръ и женскій врачъ Сканцони, въ Вюрцбургѣ, недавно пе-

редалъ *чтеніе* объ акушерствѣ и женскихъ болѣзняхъ обыкновенному приватъ-доценту, оставивъ за собою только клинику. Конечно, онъ это сдѣлалъ съ полнымъ сознаніемъ, что для слушателей въ сущности разница невелика, кто именно имъ читаетъ теоретическій курсъ, а важно только примѣненіе сложившейся теоріи къ практикѣ, а это онъ оставилъ за собой. Впрочемъ, время ужъ недалеко, когда въ Германіи однѣ чисто-устныя лекціи совершенно выведутся изъ факультетовъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Одна только исторія медицины, по самой сущности своей, сохранитъ право оставаться при чисто-устномъ изложеніи.

И такъ, повторяю вкратцѣ: въ Германіи, гдѣ факультеты подвигаются вмѣстѣ съ временемъ, и преподаваніе медицины значительно измѣнилось. Прежняя медицина была схоластической и діалектической, новѣйшая, напротивъ, исключительно демонстративна и наблюдательна. Сообразно съ этимъ, и преподаваніе, недавно еще бывшее чисто субъективнымъ и въ которомъ все зависѣло отъ личнаго взгляда преподавателя, нынѣ все болѣе и болѣе дѣлается объективнымъ. Прежде студента заставляли «jurare in verba magistri»; теперь его учатъ наблюдать и удостовѣряться самому, собственнымъ глазомъ, собственнымъ ухомъ, собственнымъ осязаніемъ въ томъ, что̀ говоритъ профессоръ, и отъ самаго знаменитаго учителя ничто не принимается на вѣру, на̀ слѣпо, безконтрольно. Прежде чтеніе теоретическихъ лекцій безъ опытовъ и демонстрацій считалось въ медицинѣ дѣломъ чрезвычайно важнымъ; теперь печатныя руководства взяли на себя трудъ посвящать адептовъ въ теорію медицины, и по мѣрѣ того какъ руководства становятся яснѣе и лучше, и залы, въ которыхъ читаются однѣ устныя лекціи, все болѣе и болѣе пустѣютъ. Дѣломъ же преподавателей стало — опытами, демонстраціями, химическимъ анализомъ или клиническимъ наблюденіемъ упражнять, по крайней мѣрѣ, 4 изъ пяти чувствъ своихъ слушателей, и дѣйствительно, какъ говорится, «demonstrare ad oculos», сдѣлать вполнѣ наглядными истину и положительность своихъ изрѣченій. Прежде въ медицинѣ было время цитатъ, безплодныхъ словопреній и ссылки на разныхъ авторитетовъ; теперь словопренія эти совершенно вывелись изъ употребленія, въ спорныхъ же дѣлахъ обращаются къ природѣ, которая, при опытѣ, логически произведенномъ, произноситъ свой приговоръ. Если же есть еще бездна такихъ вопросовъ, на которые природа до сихъ поръ не дала никакого отвѣта, то, или не съумѣли еще надлежащимъ обра-

зомъ формулировать вопросъ, или еще недостаточны средства, помощію которыхъ мы консультируемъ природу. Въ первомъ случаѣ истина добывается болѣе логичною, болѣе геніяльною комбинаціею опыта или всего метода изслѣдованія; во второмъ же — спорные пункты оставляются пока въ сторонѣ, какъ неспособные въ настоящее время быть рѣшенными, и всякое словопреніе о нихъ считается излишнею тратой времени. Какъ бы ихъ однакожъ ни рѣшалъ самый уважаемый авторитетъ въ наукѣ, дѣло остается сомнительнымъ, пока сама природа ясно объ этомъ не высказалась. Къ этому духу новѣйшей медицинской науки приноравливается и преподаваніе медицины въ германскихъ университетахъ, и если это не вездѣ бываетъ въ одинаковой мѣрѣ, то надо отдать Германіи справедливость, что *въ ней* знаютъ, чего хотятъ; цѣль ея факультетовъ ясно обрисована и, по мѣрѣ средствъ и возможности, каждый факультетъ стремится къ достиженію этой цѣли.

Этимъ я заключаю нынѣшнее свое сообщеніе. Въ слѣдующихъ письмахъ, я разберу спеціяльно характеръ нынѣшней медицинской клиники въ Германіи и ея отличительные признаки отъ клиники истекшей эпохи, затѣмъ, перейду къ отечественной медицинѣ вообще и къ ея терапевтической клиникѣ въ особенности.

Вюрцбургъ (въ Баваріи), $^{18}/_{30}$ апрѣля 1863 года.

2.

$^{4}/_{16}$ марта академическій семестръ въ Берлинѣ былъ къ концу, лекціи прекратились и клиники были закрыты. Дней десять спустя, я переѣхалъ въ Вюрцбургъ. Переѣздъ этотъ я совершилъ не на основаніи однихъ лишь собственныхъ соображеній, а послѣ того какъ распредѣленіе моихъ занятій на предстоявшій лѣтній семестръ вполнѣ одобрено было его превосходительствомъ, Н. Н. Пироговымъ, прибывшимъ въ Берлинъ въ первыхъ числахъ марта нов. ст. Тѣмъ не менѣе, я считаю себя обязаннымъ разъяснить департаменту тѣ доводы, которые заставили меня переѣхать въ другой университетъ, такъ какъ подобные переѣзды всегда сопряжены съ потерею времени, и оправдываются и вмѣстѣ вознаграждаются лишь *тогда*, когда предприняты на основаніи зрѣло взвѣшенныхъ доводовъ, а не вслѣдствіе древняго римскаго изрѣченія: «variatio delectat».

Уже въ первомъ своемъ отчетѣ, который я имѣлъ честь представить департаменту, я упомянулъ, что главная причина, побу-

дившая меня начать научныя свои занятія въ Берлинѣ, заключалась въ томъ, что патологическая анатомія, составляющая теперь основу всей новѣйшей медицины, имѣетъ въ берлинскомъ университетѣ самого знаменитаго своего представителя, профессора Вирхова. Кромѣ того изо всей Германіи, исключая Вѣны, въ Берлинѣ самый обширный матеріалъ для изученія этой отрасли медицины. Этотъ разсчетъ мой оказался совершенно вѣрнымъ. Польза, которую я вынесъ изъ аудиторіи и секціонныхъ залъ Вирхова, для меня неоцѣнима. Я при этомъ обогатился не только важными и необходимыми для врача свѣдѣніями, но я вмѣстѣ испыталъ магическую силу мыслей и воззрѣній великаго изслѣдователя, идей, которыя такъ оживотворяютъ, такъ сильно разшевеливаютъ мыслительныя способности слушателя, что отголосокъ ихъ, вѣроятно, отзовется благодѣтельнымъ образомъ и въ позднѣйшей моей дѣятельности.

Если однакожъ рѣчь идетъ о патологической анатоміи, то при этомъ обыкновенно подразумѣваютъ двѣ, одну другую пополняющія, части, а именно: *макроскопическую*, или совокупность тѣхъ измѣненій, которыя узнаются невооруженнымъ глазомъ, и *микроскопическую*, или совокупность измѣненій, относящихся къ морфологическимъ составнымъ частямъ или къ элементарнымъ частямъ организма, и которыя узнаются однимъ только вооруженнымъ глазомъ, т. е. помощію микроскопа. Но въ то время какъ въ Берлинѣ, по обилію матеріала и совершенству метода, представляются самыя благопріятныя условія для изученія патологической *макроскопической* анатоміи, *микроскопическіе* этюды тамъ, напротивъ, чрезвычайно затруднены, а для иныхъ даже невозможны, и вотъ по какой причинѣ:

Изученіе *патологической* гистологіи предполагаетъ предварительное знакомство съ *нормальною* гистологіею, но на бѣду въ нашихъ университетахъ, исключая развѣ одного дерптскаго, микроскопомъ занимаются чрезвычайно мало. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ врачей, оставляя отечественный университетъ, можетъ хвалиться хоть бы даже поверхностнымъ знаніемъ гистологіи, т. е. знаніемъ не книжнымъ, а практическимъ? Много-ли у насъ найдется такихъ, которые бы хоть разъ руку приложили къ микроскопу? У насъ, вообще, микроскопъ еще очень мало въ ходу, и не близко еще то время, когда этотъ важный оптическій снарядъ сдѣлается непремѣннымъ достояніемъ, неотразимою потребностью русскаго врача.

Пока, почти всѣ мы, за весьма немногими исключеніями, пріѣзжаемъ за границу безъ всякой подготовки, или съ весьма отрывочной подготовкой даже со стороны *нормальной* гистологіи. Понятно, однакожъ, что кто за границей желаетъ заниматься *патологическою* гистологіею, тотъ первоначально долженъ выполнить только что упомянутый пробѣлъ на счетъ нормальной гистологіи. Блаженъ тотъ, у кого времени вдоволь и кто можетъ, не торопясь, систематично подвигаться впередъ, т. е. сперва основательно познакомиться съ нормальною гистологіею, а потомъ уже приступить къ патологической. Немногіе однакожъ располагаютъ такимъ обиліемъ времени; между тѣмъ натуралистамъ вообще, а врачамъ въ особенности, представляется за границей столь много новаго, хорошаго, заманчиваго, глаза въ стѣнахъ университета такъ разбѣгаются во всѣ направленія и чувство своей недоконченности такъ больно охватываетъ человѣка, что нѣтъ возможности предаваться цѣликомъ одному только предмету, и что только *специялистъ* по патологической анатоміи можетъ ей посвятиться съ надлежащею систематичностью. Другіе же врачи вынуждены обратиться къ другому способу, а именно: къ *одновременному* изученію нормальной и патологической гистологіи. Не знаю, какъ это кажется a priori, опытъ однакожъ показываетъ, что этотъ способъ возможенъ, и что успѣхъ при этомъ достигается весьма удовлетворительный, предполагая, разумѣется, надлежащую долю усидчивости и выдержки. Во всякомъ случаѣ, однакожъ нужно, чтобъ занятія по одному и другому роду гистологіи шли, по меньшей мѣрѣ, *одновременно*, такъ какъ изученіе патологической гистологіи, безъ всякихъ свѣденій въ нормальной, едва-ли удобомыслимо.

Если мы теперь обратимся къ берлинскому факультету, то увидимъ, что, по части микроскопа, въ немъ три авторитета: профессоры Рейхертъ и Ремакъ для нормальной, и знаменитый Вирховъ для патологической гистологіи. Изъ нихъ проф. Ремакъ однакожъ, весь предавшись съ нѣкоторыхъ поръ электротерапіи съ постояннымъ токомъ, совершенно оставилъ микроскопъ въ сторонѣ, и не только не даетъ болѣе курсовъ въ микроскопической анатоміи, но и самъ рѣдко заглядываетъ въ свой микроскопъ. Словомъ, по этой части, профессора Ремака въ Берлинѣ какъ бы и не было. Остаются, затѣмъ, Рейхертъ и Вирховъ. Лабораторіи обоихъ однакожъ не только не въ одномъ зданіи, но даже не въ одной улицѣ и отстоятъ другъ отъ друга, по меньшей мѣрѣ, на разстояніи $^3/_4$ часа, такъ

что переходъ отъ одного къ другому былъ бы сопряженъ съ большою потерею времени. Сверхъ того, расположившись разъ въ одной какой-либо лабораторіи и запасшись всѣмъ, что нужно для работъ по гистологіи: микроскопомъ, реактивами, разными инструментами etc, всѣ эти снадобія скоро до того размножаются, что переносить ихъ часто съ мѣста на мѣсто нѣтъ никакой возможности, и занимающійся все-таки вынужденъ выбрать себѣ осѣдлость и продолжать свои занятія въ одной, либо другой лабораторіи. Тѣ, которые подготовлены въ нормальной гистологіи, прямо располагаются въ лабораторіи Вирхова; медики же, не пользующіеся этимъ преимуществомъ, все-таки вынуждены воздержаться отъ лабораторіи Рейхерта, потому что это бы ихъ оторвало отъ всякаго сообщенія съ секціонными залами, и они, по недостатку матеріала, должны были бы ограничиться одною лишь нормальною гистологіею, на что однакожъ, дорожа временемъ, никто не рѣшается. Ко всему этому присоединяются еще и другіе, весьма неблагопріятные моменты, которыхъ не за чѣмъ коснуться здѣсь, но которые дѣлаютъ параллельныя занятія у одного и другаго профессора совершенно невозможными. Дѣйствительно, въ Берлинѣ нѣтъ *ни одного*, кто бы напр. занимался одну половину дня у профессора Рейхерта, другую же у профессора Вирхова, а занимаются или цѣликомъ у одного, или же цѣликомъ у другаго, смотря по тому, чей предметъ для кого важнѣе. Тѣ же, которые желаютъ заниматься *вмѣстѣ* нормальною и патологическою гистологіею, берутъ, обыкновенно, курсъ *нормальной* гистологіи у ассистента проф. Вирхова, чтобъ не отлучиться отъ секціонныхъ залъ. Но я уже прежде имѣлъ случай высказать, что курсы эти даются съ одною лишь промышленною цѣлью и пользы отъ нихъ очень немного. Что же относится до *патологической* гистологіи, которую на практикѣ преподаетъ самъ Вирховъ (privatim), то онъ такъ занятъ, такъ теперь поглощенъ другими вопросами, что участіе его по этому предмету чисто эфемерное, и посѣтитель совершенно предоставленъ самому себѣ.

Такимъ образомъ, легко объясняется то, что на первый видъ кажется столь страннымъ, а именно: что въ Берлинѣ, не смотря на то, что тамошній медицинскій факультетъ считаетъ между своими членами трехъ, весьма извѣстныхъ гистологовъ, пріѣзжему врачу нельзя однакожъ научиться гистологіи. Въ Берлинѣ гистологіею съ успѣхомъ можетъ заниматься только тотъ, кто уже основательно изучилъ этотъ предметъ, а нынѣ желаетъ лишь усвоить

себѣ методы знаменитыхъ специялистовъ; но для обыкновеннаго изученія гистологіи, тамошнія условія чрезвычайно неблагопріятны, преимущественно же для иностранцевъ, о которыхъ въ Берлинѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, не слишкомъ заботятся.

Гистологія, однакожъ, для современнаго клинициста — предметъ первой важности; замѣтивъ, что Берлинъ съ этой стороны не обѣщаетъ мнѣ ничего утѣшительнаго, я рѣшился переѣхать въ Вюрцбургъ, гдѣ соединены всѣ условія для успѣшнаго изученія этого предмета. Въ вюрцбургскомъ факультетѣ тоже 3 гистолога, и весьма извѣстные: профессоры Келликеръ и Генрихъ Мюллеръ для нормальной, и Ферстеръ для патологической гистологіи. Всѣ они расположены въ одномъ и томъ же зданіи, даже въ одномъ и томъ же ярусѣ, хотя въ различныхъ залахъ. Переходить изъ кабинета, либо аудиторіи одного въ соотвѣтственныя помѣщенія другаго — дѣло одной минуты. Но важнѣе всего полное согласіе, научное какъ и личное, между этими тремя отличными дѣятелями науки. Занимаясь у одного изъ нихъ, никто этимъ не вызываетъ неудовольствія другаго; напротивъ, за нимъ всегда обезпечены и добрые совѣты, и полезныя указанія, и драгоцѣнныя коллекціи препаратовъ, либо иныхъ пособій остальныхъ двухъ профессоровъ. Если къ этому еще прибавить сообщительность и дружелюбіе южно-германцевъ, дружелюбіе, заставляющее ихъ забывать всякую разницу между туземцемъ и иностранцемъ и охотно дѣлить съ послѣднимъ свои познанія, то Вюрцбургъ окажется чуть-ли не самымъ благопріятнымъ пунктомъ для анатомическихъ этюдовъ.

Прибывъ въ Вюрцбургъ еще въ первыхъ числахъ апрѣля, нов. стиля, мѣсяцемъ почти раньше начала лѣтняго семестра, я, не смотря на это, тотчасъ получилъ разрѣшеніе отъ проф. Ферстера занять мѣсто въ его лабораторіи и начать свои занятія, чѣмъ я и поспѣшилъ воспользоваться. Такимъ образомъ, вакаціонный мѣсяцъ апрѣль не пропалъ для меня даромъ и начало лѣтняго семестра (1 мая нов. ст.) застало меня въ Вюрцбургѣ въ совершенной осѣдлости.

Въ нынѣшнемъ семестрѣ профессоръ Ферстеръ держитъ:

1) Секціонный курсъ, privatim, дважды въ недѣлю, по два часа, (по вторникамъ и пятницамъ, отъ 11 — 1). Въ этомъ курсѣ, участвующими поочередно производятся вскрытія и диктуются протоколы подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Ферстера. Хотя вскрытія эти не достигаютъ той отчетливости, подробности

и законченности, которыя мы встрѣчаемъ въ Берлинѣ, гдѣ методъ Вирхова заявляется столь блестящимъ образомъ, тѣмъ неменѣе они очень важны и полезны, такъ какъ добросовѣстность и сообщительность преподавателя вполнѣ вознаграждаютъ за нѣкоторыя недостаточности метода. Къ чести проф. Ферстера надобно сказать, что, хотя онъ обязался держать секціонный свой курсъ только два раза въ недѣлю, онъ на дѣлѣ держитъ его всякій разъ, какъ только подъ рукой есть трупъ, что̀ случается почти *ежедневно*, такъ что съ тѣхъ поръ какъ начался семестръ, дня не прошло, чтобы не было одного или двухъ вскрытій, а иногда даже и болѣе. Въ подобныхъ случаяхъ проф. Ферстеръ, кромѣ утреннихъ часовъ, беретъ еще и полуденные часы, отъ 3 до 5.

2) Курсъ патологической гистологіи, дважды въ недѣлю по 2 часа, privatim (по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 11 — 1). Въ этотъ курсъ приносятъ измѣненные органы, найденные при вскрытіяхъ, и послѣ краткаго объясненія со стороны профессора, участвующіе самостоятельно разсматриваютъ измѣненныя части подъ микроскопомъ. Проф. Ферстеръ всякій разъ, предварительно, при этомъ сообщаетъ, какъ слѣдуетъ поступить съ изслѣдуемымъ объектомъ, чтобъ его приспособить къ разсматриванію подъ микроскопомъ. Курсъ этотъ очень хорошъ, преимущественно тѣмъ, что пополняетъ и контролируетъ тѣ результаты, которые получены были при вскрытіи труповъ помощію одного только невооруженнаго глаза. Матеріалъ этого курса, такимъ образомъ, не чуждъ, но знакомъ, и всегда представляется въ связи съ данными предшествовавшаго микроскопическаго изслѣдованія. Кромѣ того, рѣдкая любезность профессора Ферстера, его полное безпристрастіе, его одинаковое ко всѣмъ вниманіе дѣлаютъ гистологическій его курсъ не только полезнымъ, но и пріятнымъ. Проф. Ферстеръ читаетъ также публично (collegium publicum):

3) Исторію медицины, дважды въ недѣлю по одному часу. Хотя предметъ этотъ мнѣ вовсе нечуждъ, и хотя онъ, по сущности своей, собственно непрактическій, тѣмъ неменѣе, я съ удовольствіемъ посѣщаю и эти лекціи проф. Ферстера, который передаетъ свой предметъ занимательно, плавно и не безъ нѣкоторой самостоятельной критики.

Изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ настоящемъ семестрѣ проф. Мюллеромъ, я участвую лишь въ его курсѣ нормальной гистологіи, дважды въ недѣлю по 2 часа (по средамъ и пятницамъ, отъ

5—7 по полудни). Преподаваніе проф. Мюллера отличается большою ясностью, строгою систематичностью и весьма удачно выдержанною постепенностью. Кромѣ того, онъ всегда самъ заботится о томъ, чтобъ доставлять участвующимъ въ его курсѣ самые лучшіе и годные объекты для изслѣдованія различныхъ тканей; причемъ онъ не ограничивается однимъ лишь человѣкомъ, а выбираетъ свои объекты между различными позвоночными животными (vertebrata), гдѣ только изслѣдуемыя ткани выдаются наиболѣе рѣзко. Вообще, самое честное, непритворное желаніе научить своихъ слушателей чему-нибудь полезному, составляетъ отличительную черту преподаванія проф. Мюллера. Жаль только, что число участвующихъ въ его курсѣ слишкомъ велико, и безпристрастный проф. Мюллеръ, постоянно переходя отъ одного къ другому, не въ состояніи посвятить каждому поодиночно болѣе двухъ или трехъ минутъ. Тѣмъ не менѣе недостатокъ этотъ не очень чувствителенъ тѣмъ изъ участвующихъ, которые уже отчасти знакомы съ главными основаніями гистологіи и съ пріемами микроскопныхъ занятій.

Кромѣ этихъ предметовъ, на первомъ планѣ у меня находится, конечно, *терапевтическая клиника*, состоящая здѣсь подъ завѣдываніемъ весьма извѣстнаго въ наукѣ профессора Бамбергера, бывшаго когда-то ассистентомъ у проф. Оппольцера въ Вѣнѣ. Проф. Бамбергеръ—современный клиницистъ въ полномъ смыслѣ слова. Изслѣдованіе больныхъ производится у него весьма тщательно: діагностика ни на шагъ не отступаетъ отъ анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ, сохраняя, впрочемъ, постоянно въ виду конкретный случай; лѣченіе его просто и, невполнѣ исключая благоразумный и умѣренный эмпиризмъ, оно всетаки явно обнаруживаетъ недовѣріе опытнаго клинициста къ фармацевтическимъ средствамъ. Вслѣдствіе этого, благоразумная діэтетика стоитъ у него на первомъ планѣ; фармацевтическое же леченіе играетъ лишь второстепенную роль и во многихъ случаяхъ предписывается болѣе для очистки совѣсти, чѣмъ съ надеждою на успѣхъ. При діагностикѣ проф. Бамбергеръ не придерживается, такъ сказать, той численной точности, какъ напр. проф. Траубе, но за то онъ многосторонѣнъ и одинаково хорошо разбираетъ случаи грудныхъ, брюшныхъ, нервныхъ, мышечныхъ болѣзней etc. Въ настоящую минуту я не могу себѣ позволить болѣе подробнаго анализа вюрцбургской терапевтической клиники, такъ какъ клиника открыта всего не болѣе трехъ недѣль, а для полной оцѣнки этотъ промежутокъ времени еще не

совершенно достаточенъ. Пока, утвердительно о ней можно сказать только то, что врачъ въ ней найдетъ и наставленіе и довольно достаточный матеріалъ, а это самое существенное.

Кромѣ клиники проф. Бамбергера, я еще посѣщаю клинику проф. Сканцони. Хотя женскія болѣзни, строго смотря, не принадлежатъ къ такъ называемой терапевтической клиникѣ и составляютъ отдѣльную специальность, тѣмъ неменѣе я счелъ для себя выгоднымъ посѣщать клинику проф. Сканцони, ужъ и по той причинѣ, что она бываетъ по утрамъ отъ 8 до 9 ч., непосредственно передъ клиникою проф. Бамбергера, такъ что она не совпадаетъ съ другими предметами и не разстроиваетъ другихъ моихъ занятій.

Слѣдующая таблица наглядно передаетъ распредѣленіе моего времени въ теченіе текущаго лѣтняго семестра.

	Отъ 8 — 9.	9 — 10.	11 — 1.	3 — 4.	5 — 7.
Понедѣльникъ.	Клиника проф. Сканцони.	Терапевтич. клиника у Бамбергера.	Патологическая гистологія.	Исторія медицины у Ферстера.	
Вторникъ.	dito.	dito.	Секціонный курсъ.		
Среда.	dito.	dito.		Исторія медицины.	Нормальная гистологія у проф. Мюллера.
Четвергъ.	dito.	dito.	Патологич. гистологія у Ферстера.		»
Пятница.	dito.	dito.	Секціонный курсъ у него же.		Нормальная гистологія.
Суббота.	»	dito.			

Какъ видно изъ этой таблицы, у меня остается еще довольно невыполненнаго времени, особенно же по полудни, такъ какъ время отъ 11—1 по средамъ и субботамъ обыкновенно выполняется сек-

ціями, которыя вообще бывають ежедневно. Все свободное пополуденное время, сплошь до 7 ч. вечера, посвящено занятіямъ микроскопнымъ въ лабораторіи проф. Ферстера. Занятіямъ этимъ весьма благопріятствуютъ долгіе лѣтніе дни и большею частію ясная погода, такъ что надъ микроскопомъ еще удобно можно работать до 7½ ч. вечера. Главное мое стремленіе направлено къ тому, чтобы въ теченіе нынѣшняго семестра познакомиться съ патологическою гистологіею хоть на столько, чтобы за границей мнѣ болѣе не нужно было возвращаться къ этому предмету, такъ какъ въ будущемъ семестрѣ, который я, вѣроятно, проведу въ Вѣнѣ, да и позже, вниманіе мое будетъ поглощено предметами совершенно другаго свойства. Судя по удобствамъ, которыя здѣсь представляются занимающимся этюдами по гистологіи, я надѣюсь, что до исхода семестра цѣль моя будетъ достигнута.

Вюрцбургъ, 13/25 мая 1863 года.

28) Магистранта Александра Новоселова.

Съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь классической филологіей, я всегда понималъ все печальное положеніе этой науки въ нашемъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на столѣтнее оффиціальное существованіе ея въ русскихъ университетахъ, едва-ли можно указать на какую-нибудь науку, которая бы менѣе классической филологіи привилась къ нашимъ университетамъ и менѣе ея была знакома нашему обществу. Я не говорю уже о томъ, чтобы у насъ было сдѣлано что-нибудь для движенія этой науки путемъ серьезной самостоятельной разработки; этого я и не ищу: но мы не имѣемъ почти ничего даже изъ того, что̀ называется зачатками, азами этой науки. Это фактъ, противъ котораго можетъ спорить только мелкое самолюбіе, или полное невѣжество. Недалѣе, какъ года два назадъ, одинъ изъ нашихъ, безспорно лучшихъ, филологовъ вотъ что говорилъ объ этомъ предметѣ на одной изъ публичныхъ лекцій: «Мм. гг.! Я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едва-ли заслужила такую честь (т. е. что на эту лекцію собрались необязательные слушатели, а представители образованнаго общества, безъ всякаго оффиціальнаго отношенія къ университету). Мы сдѣлали, продолжаетъ авторъ, все или почти все, для того, чтобы поселить въ нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До сихъ поръ мы

обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики, на древнихъ писателей смотрѣли, какъ на средство изучить всѣ ея тонкости, да и тѣхъ не изучили. Я, разумѣется, нисколько не вооружаюсь противъ грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она необходимое основаніе, безъ котораго невозможно строить зданія филологіи. Я говорю только, что принять фундаментъ за зданіе—большая ошибка, а скорбѣть о томъ, что никто не восхищается такимъ безобразнымъ и только что начатымъ зданіемъ—большая наивность. Дѣло въ томъ, что живыя стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ *)». Это откровенное признаніе лучшаго представителя филологической науки въ Россіи и наиболѣе компетентнаго судіи въ этомъ дѣлѣ должно навести на глубокое раздумье всякаго, кто дорожитъ дѣломъ отечественнаго образованія. Да, сто лѣтъ труда и издержекъ и такіе жалкіе результаты!

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы эта наука или, вѣрнѣе, циклъ наукъ не служилъ предметомъ заботъ правительства и лицъ, составлявшихъ университетскіе уставы. Филологическій факультетъ являлся въ числѣ первыхъ въ каждомъ вновь открывавшемся университетѣ. Филологическая наука пользуется въ нашихъ университетахъ правомъ гражданства уже цѣлое столѣтіе. Въ такой промежутокъ времени можно бы, кажется, ожидать многаго, если не для движенія этой науки путемъ рѣшенія разныхъ новыхъ вопросовъ въ ея области, то, по крайней мѣрѣ, для передачи въ общественное сознаніе того, что̀ выработывалось и выработывается по этой части на западѣ. Мы вправѣ были бы ожидать не пренебреженія, или, по крайней мѣрѣ, не сухаго равнодушія всѣхъ образованныхъ классовъ къ этой наукѣ, а другихъ, болѣе утѣшительныхъ результатовъ. Это ожиданіе тѣмъ естественнѣе, что филологія всегда признавалась одною изъ наукъ наиболѣе образовательныхъ, и потому начало знакомства съ нею полагалось и полагается еще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Она не медицина, не право, съ которыми, обыкновенно, начинаютъ знакомиться въ первый разъ только на университетской скамьѣ. Въ этомъ отношеніи классическая филологія имѣетъ большое преимущество предъ послѣдними. Молодой человѣкъ является въ университетъ уже запасшись предварительными знаніями для этой науки, онъ уже владѣетъ до извѣстной степени средствами для дальнѣйшихъ занятій ею. Поэтому,

*) См. двѣ публичныя лекціи проф. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ. Спб. 1860 г.

поступая на филологическій факультетъ, онъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ и, слѣдовательно, сознательно, опредѣляетъ свою способность и наклонность къ филологическимъ занятіямъ. Но не смотря на всѣ эти выгоды, мы, въ продолженіи ста лѣтъ, не ушли дальше грамматики въ дѣлѣ изученія классическихъ наукъ; живыя стороны ихъ намъ чужды, знакомства съ литературой и культурой греческаго и римскаго міра у насъ вовсе не существуетъ доселѣ; отъ чего же это грустное явленіе?

Не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ причинъ этого явленія, я считаю нужнымъ однако сказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько словъ. Между прочимъ, я нахожу ихъ 1) въ отсутствіи всякой солидарности между русскими филологами не только разныхъ университетовъ, но и одного и того же, солидарности, которая столь необходима для успѣшнаго преслѣдованія научныхъ интересовъ и которая такъ широко развита въ Германіи; 2) въ недостаткѣ системы и постепенности въ университетскомъ преподаваніи. Если прослѣдить преподаваніе филологическихъ наукъ въ нашихъ университетахъ, то трудно будетъ найти въ немъ ту послѣдовательность, которая является плодомъ яснаго пониманія дѣла, то умѣнье преподавателя пробудить въ слушателяхъ интересъ къ наукѣ, обращеніемъ ихъ вниманія на ея сущность и живыя стороны, которое дается всестороннимъ знакомствомъ съ предметомъ и живымъ представленіемъ о самой задачѣ и цѣли науки. Классическая филологія — наука историческая; между тѣмъ вплоть до 40 годовъ вся дѣятельность нашихъ наставниковъ состояла въ чтеніи древнихъ классиковъ для языка или, точнѣе, для грамматики; грамматика служила цѣлію преподаванія; знанія слушателей измѣрялись однимъ только знакомствомъ съ лексической и грамматической стороной автора; эта сторона была альфой и омегой усилій преподавателя. Только въ послѣднія два десятилѣтія, когда на нѣкоторыхъ филологическихъ каѳедрахъ появились русскіе профессоры, слушатели начали узнавать, что читать древнихъ писателей можно и иначе, чѣмъ они читались прежде, что главною цѣлію этихъ чтеній нужно ставить содержаніе, а не форму, что изученіе грамматики древнихъ авторовъ еще ничуть не знакомитъ насъ съ главными и существенными сторонами ихъ сочиненій, а представляетъ только средство для этого. Въ этотъ же промежутокъ времени, и также отъ русскихъ профессоровъ услышали мы въ первый разъ, что въ циклѣ филологическихъ наукъ существуютъ еще исто-

рія греческой и римской литературъ и исторія древностей классическихъ народовъ. Къ сожалѣнію, это улучшеніе не принесло еще всѣхъ благотворныхъ результатовъ, которыхъ можно было бы ожидать, частію потому, что каѳедры упомянутыхъ литературъ и древностей еще доселѣ не во всѣхъ нашихъ университетахъ получили право гражданства, а частію и отъ того, что очень немногіе изъ преподавателей способны были овладѣть этими обширными отраслями филологіи въ такой мѣрѣ, чтобы чувствовать себя хозяевами въ нихъ. О тѣхъ же, которые не ведутъ этого дѣла какъ слѣдуетъ, по нежеланію вести его такъ, я и не упоминаю.

Наконецъ, въ числѣ причинъ, по которымъ классическая наука сдѣлала у насъ такъ мало успѣха, нужно поставить полное отсутствіе пособій и руководствъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ и для русскихъ. Это отсутствіе—фактъ въ высшей степени поразительный и поучительный для всякаго, кто хотѣлъ бы видѣть на опытѣ, какъ можно, долго дѣлая что-нибудь, ничего не сдѣлать. Поразителенъ же онъ потому, что въ мыслящей головѣ онъ рѣшительно не укладывается съ столѣтнимъ существованіемъ филологическихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ и съ пятидесятилѣтнимъ преподаваніемъ древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Вѣдь ни одинъ образованный человѣкъ западной Европы не въ состояніи повѣрить, чтобы доселѣ мы не имѣли на русскомъ языкѣ ни одного изданія древнихъ классиковъ, ни одного порядочнаго перевода ихъ, чтобы у насъ не существовало ни одной сколько-нибудь сносной грамматики древнихъ языковъ, которая бы была составлена приспособительно къ русскому языку, ни одного порядочнаго словаря, ни одного энциклопедическаго лексикона, ни одного руководства, хотя бы переводнаго, ни по греческой, ни по римской литературамъ, ни одного пособія для ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ классическихъ народовъ! Намъ же приходится не только вѣрить этой диковинкѣ, но и горько чувствовать всю безплодность усилій и средствъ, которыя были безвозвратно потрачены у насъ на введеніе и поддержаніе филологической науки въ нашихъ ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Во всѣхъ странахъ западной Европы, начиная съ того самаго момента, какъ классическій міръ сдѣлался предметомъ изученія, мы встрѣчаемъ массы всевозможныхъ изданій и переводовъ классиковъ, массы руководствъ и словарей. Приготовленіе этихъ вспомогательныхъ средствъ всегда было главнымъ предметомъ заботы ученыхъ

и профессоровъ. И теперь эти средства ростутъ съ каждымъ годомъ: авторы древности издаются и доселѣ съ самыми всесторонними объяснительными примѣчаніями; переводы многихъ изъ нихъ приходится считать десятками; новые словари, грамматики и энциклопедическіе лексиконы являются съ каждымъ годомъ обстоятельнѣе и цѣлесообразнѣе. Такая усиленная дѣятельность вытекаетъ изъ того простаго убѣжденія, что безъ упомянутыхъ средствъ и пособій нельзя шагу ступить въ дѣлѣ распространенія классическаго образованія. Только наши просвѣтители не хотѣли или не могли понять этой азбуки.

Русская литература не богата филологическими статьями и въ этомъ отношеніи, если у насъ и было что-нибудь сдѣлано, то сдѣлано филологами изъ русскихъ. Мы встрѣчаемъ въ нашей, правда очень скудной, филологической литературѣ имена Благовѣщенскаго, Леонтьева, Тихановича, Ордынскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Въ филологическихъ статьяхъ упомянутыхъ русскихъ ученыхъ, въ выборѣ предметовъ, ихъ изложеніи и направленіи, не смотря на противоположныя стремленія нашихъ заморскихъ просвѣтителей, уже обнаружился практическій смыслъ первыхъ и пониманіе ими нашихъ нуждъ. Но крайняя малочисленность и разбросанность этихъ статей, при полномъ отсутствіи самыхъ основныхъ пособій къ изученію классической филологіи, служили одною изъ причинъ, почему онѣ прошли у насъ малозамѣтными; заслуженное вниманіе и справедливая оцѣнка этихъ трудовъ принадлежатъ будущему. Какъ первые филологическіе труды въ Россіи, они войдутъ въ кругъ той нашей филологической литературы, въ развитіе которой мы вѣримъ. Мы надѣемся при этомъ, что найдутся честные и здравомыслящіе споспѣшники этому дѣлу, найдутся они, конечно, между тѣми образованными русскими, которымъ дорого отечественное просвѣщеніе, и прежде всего между русскими профессорами филологіи и преподавателями классическихъ языковъ въ гимназіяхъ. Мы вѣримъ, что они взглянутъ на свое назначеніе и на свои обязанности прямо, съ любовію просвѣщеннаго патріота, безъ школьническаго тщеславія попасть въ антикварные нѣмецкіе каталоги древней филологіи; что, призванные содѣйствовать просвѣщенію Россіи, они будутъ и работать для Россіи, имѣя въ виду прежде всего ея собственныя нужды. Отъ тѣхъ же, кто подъ видомъ просвѣтителя нашего отечества тормазитъ его просвѣщеніе, прикрываясь теоріей l'art pour l'art и другими, руководясь разными своекорыстными и иными побужденіями, отъ тѣхъ, разумѣется, нечего ждать!

Въ надеждѣ на поддержку первыхъ мы рѣшились приступить къ дѣлу, безъ котораго невозможно никакое развитіе филологической науки. Это дѣло на первый разъ должно будетъ состоять въ составленіи грамматики и другихъ руководствъ, въ русскихъ изданіяхъ и переводахъ древнихъ классиковъ. Съ этой цѣлію еще полгода тому назадъ, взялся я за изученіе рѣчей Димосѳена противъ Филиппа. Цѣль моего изученія — приготовить ихъ русское изданіе съ объяснительными примѣчаніями, чтобы облегчить молодымъ людямъ знакомство съ лучшими произведеніями великаго оратора древности и доставить возможность какъ историческаго, такъ и лингвистическаго пониманія его безъ большихъ усилій. Рядомъ съ этимъ идетъ и переводъ упомянутыхъ рѣчей. О побудительныхъ причинахъ къ избранію для своихъ студій именно этого автора древности я скажу только слѣдующее. Высокій трагизмъ эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Димосѳенъ, еще высшій трагизмъ личности этого благороднѣйшаго патріота, неотразимая сила его слова, потрясавшая цѣлый народъ, языкъ, доведенный до послѣдней степени совершенства, наконецъ, обиліе матеріала, которое представляютъ его сочиненія для всесторонняго изученія современной ему эпохи древней Греціи, — вотъ мотивы, руководясь которыми, я обратился къ изученію Димосѳена. Труды двухъ Беккеровъ, Якобса, Вестермана, Бёнеке, Ан. Шеффера и Реданца служатъ главными пособіями въ моихъ работахъ. Я понимаю всю трудность принятой мною на себя задачи, понимаю и то, что выполненіе всей упомянутой программы невозможно не только для одного, но и для нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей. Но я, какъ и нѣкоторые другіе, берусь за это дѣло въ томъ убѣжденіи, что оно первое и главное для успѣха классическихъ наукъ въ Россіи, и въ той твердой увѣренности, что всѣ молодые русскіе филологи, всѣ занимающіеся классическими науками въ Россіи, кто только незараженъ жалкою страстію возить дрова въ лѣсъ, отзовутся къ нему съ сочувствіемъ и соединятся съ нами для совокупнаго достиженія предположенной цѣли. Здѣсь пунктъ, на которомъ должна развиться столь необходимая для успѣха всякаго дѣла солидарность между тружениками одного фаха!

Другой писатель древности, который входитъ въ кругъ моего преимущественнаго изученія, есть Аристофанъ. Великій комикъ Греціи, онъ въ то же время представляетъ богатый источникъ для знакомства съ темными сторонами той эпохи греческаго міра, ко-

торая приготовила нравственное и политическое паденіе греческой націи, эпоху Димосѳена и Филиппа. Здѣсь связь Аристофана съ Димосѳеномъ. Первый, такъ сказать, поясняетъ послѣдняго, показывая начала той распущенности и апатіи грековъ, которыя развились уже позднѣе и противъ которыхъ великій ораторъ и неутомимый патріотъ боролся со всею мощью своего великаго духа. Боде, Ротчеръ, Кокъ, Фричъ, Дройзенъ и Лейтшъ — вотъ ученые, трудами которыхъ, между прочимъ, я пользуюсь при изученіи Аристофана.

За этими занятіями слѣдуетъ посѣщеніе лекцій. Въ нынѣшній семестръ я записался на лекціи профессоровъ Ричля и Отто Яна. Первый читаетъ въ университетѣ историческую латинскую грамматику, а въ филологической семинаріи «Антигону» Софокла; второй исторію греческой литературы и Эклоги Виргилія. Онъ же руководитъ студентовъ въ археологической семинаріи.

Имя профессора Ричля въ ученомъ мірѣ тѣсно связано съ эпиграфикой и съ полной реставраціей и разносторонней обработкой римскихъ комиковъ Плавта и Теренція. Ученый міръ недавно еще привѣтствовалъ его гигантскій трудъ «изданіе древнихъ надписей», исполненіе котораго было поручено ему, какъ лучшему знатоку эпиграфики, берлинской академіей наукъ и стоило громадныхъ усилій. Плодъ же изученія проф. Ричлемъ Плавта и Теренція представляетъ его Parergon Plautinorum Terentianorumque. Здѣсь соединено и издано въ одной книгѣ все, что̀ писалъ онъ о Плавтѣ и Теренціи до 1845 года. Дальнѣйшіе его труды по этому предмету, которые идутъ до 1860 г., издавались отдѣльно.

Эти то памятники римской письменности (т. е. надписи и комедіи) и послужили проф. Ричлю главнымъ матеріаломъ и вмѣстѣ подкладкой для того курса, чтеніе котораго онъ началъ въ прошедшій семестръ и который составляетъ новый огромный шагъ въ разработкѣ классической науки. Этотъ курсъ, какъ я сказалъ, историческая латинская грамматика. Доселѣ латинскій языкъ разсматривался только, какъ вполнѣ сформировавшееся явленіе, какъ фактъ въ данный моментъ его бытія. Писатели золотаго вѣка служили главнымъ источникомъ для изученія его; по нимъ преимущественно составлялись и грамматики. Это были грамматики литературнаго языка. Теперь же разработка вышеупомянутыхъ памятниковъ со стороны языка дала возможность и средства профессору Ричлю взглянуть на латинскій языкъ въ его историческомъ развитіи и обратить вниманіе на народные элементы въ немъ. Предыдущій

курсъ проф. Ричля былъ введеніемъ въ историческую грамматику; въ нынѣшній семестръ онъ въ первый разъ началъ чтеніе самой грамматики. Со стороны содержанія онъ раздѣлилъ ее на три части: предметами первой будутъ служить элементы слова *στοχειολογία;* предметомъ второй — ученіе о самыхъ словахъ *λεξιολογία*, предметъ третьей части составитъ ученіе о соединеніи и связи словъ *σύνταξις*. Чтеніе его въ нынѣшній семестръ ограничивается обозрѣніемъ одной первой части.

Въ историческомъ развитіи латинскаго языка онъ находитъ три періода: 1) Urperiode, отъ котораго не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ 2) Vorperiode, простирающійся до 1-й пунической войны или до времени Ливія Андроника; источникомъ для изученія языка въ этотъ періодъ служатъ первые памятники письменности — надписи и т. п., и 3) Litteralische Periode, начинающійся съ Ливія Андроника и продолжающійся чрезъ всю исторію римскаго народа. Этотъ періодъ проф. Ричль подраздѣляетъ на нѣсколько отдѣловъ, въ основаніи которыхъ лежатъ вліяніе иностранныхъ элементовъ и реформы въ языкѣ, произведенныя самими римскими писателями. Затѣмъ проф. Ричль приступилъ къ обозрѣнію латинскаго алфавита и показалъ, какъ число буквъ, колебавшееся сначала между 20 и 21, мало помалу возрасло въ послѣдствіи до 26, какія изъ нихъ были древнѣйшія, какія введены были вновь и почему? Отъ алфавита перешелъ онъ къ разсмотрѣнію звуковъ въ словахъ. При разсмотрѣніи согласныхъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на дупликацію нѣкоторыхъ изъ нихъ и на ассимиляцію ихъ; здѣсь же объяснилъ онъ происхожденіе столь загадочнаго въ своихъ измѣненіяхъ мѣстоименія *hic*, посредствомъ указанія на его корень, и древнѣйшія формы склоненія. Теперь перешелъ онъ къ гласнымъ звукамъ, и именно среднимъ (Mittelton), на чемъ пока и остановился. Широкое знакомство профессора съ памятниками даетъ ему возможность, при всякомъ удобномъ случаѣ, пользоваться примѣрами для подтвержденія своихъ положеній, отъ чего его лекція, не смотря на отвлеченность содержанія, дѣлается наглядною и удобопонятною.

Профессоръ О. Янъ началъ въ нынѣшній семестръ чтеніе греческой литературы съ древней лирики: обозрѣвъ разные ея виды, какъ-то *Παιάν* съ *ὑπορχημα*, Диѳирамбъ, *Ἰουλος* или *Οὖλος*, *Κορώνισμα*, Гиминей, Эпиталаміи, Сколій, *Κῶμος* и др., онъ перешелъ къ чтенію о греческой музыкѣ; здѣсь онъ весьма подробно изложилъ исторію

и теорію музыкальнаго искусства грековъ, виды музыкальныхъ инструментовъ, способъ игры на нихъ и т. п. Методъ чтенія проф. О. Яна состоитъ въ томъ, что онъ прежде изложенія самаго предмета, обыкновенно приводитъ или, по крайней мѣрѣ, цитуетъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ древніе говорятъ о данномъ предметѣ, и уже отсюда выводитъ понятіе о немъ.

Занятія въ филологической и археологической семинаріяхъ только что начались и потому говорить объ нихъ пока нечего.

Боннъ, 20 мая 1863 г.

29) Кандидата М. Авенаріуса.

Отправляться за границу съ ученою цѣлью разумно только въ томъ случаѣ, когда надѣешься пріобрѣсть здѣсь свѣденія, которыя, при всей своей важности, или совсѣмъ недостижимы у насъ въ Россіи или по крайней мѣрѣ даются съ несравненно бо̀льшими затрудненіями. Этою мыслью я руководствовался во все время своего пребыванія за границей, и она причиною, что я преимущественно обратилъ вниманіе на экспериментальную часть. Прослушалъ я, такимъ образомъ, два полные курса экспериментальной физики (Дове и Магнуса), посѣщалъ безъ исключенія всѣ практическія работы на дому у г-дъ профессоровъ, но вездѣ здѣсь, кромѣ опытовъ у пр. Эрмана, болѣе дѣлалъ профессоръ, чѣмъ слушатель. Напрасно обращался я еще зимою къ пр. Магнусу съ просьбою работать у него: онъ отговорился недостаткомъ помѣщенія, обѣщаясь, впрочемъ, по возможности устроить это дѣло. Такимъ образомъ, хотя и не упускалъ я изъ виду опытной части, такъ мало для нея представлялось случаевъ, что бо̀льшая часть времени оставалась свободною, и я естественно долженъ былъ обратиться къ теоріи. Что я здѣсь дѣлалъ—извѣстно изъ моихъ прежнихъ отчетовъ. Въ одномъ изъ нихъ же я объяснилъ, почему считалъ безполезнымъ оставаться зимній семестръ въ Гейдельбергѣ, а думалъ провесть тамъ нынѣшнее лѣто; но и отъ этого пришлось отказаться. Николай Ивановичъ Пироговъ, во время своего пребыванія въ Берлинѣ, сообщилъ мнѣ, что работать у Кирхофа (Kirchhoff) едва ли можетъ удасться, такъ какъ русскіе физики, живущіе въ Гейдельбергѣ, напрасно обращались къ нему съ подобными просьбами, и какъ въ тоже время и проф. Магнусъ уже устроилъ свой кабинетъ для этихъ занятій, то я остался въ Берлинѣ.

Весь нынѣшній семестръ я намѣренъ посвятить практическимъ работамъ. Теоретическія мои занятія ограничиваются чтеніемъ сочиненій, находящихся въ связи съ этими работами, посѣщеніемъ физическихъ собраній у Магнуса и слушаніемъ лекцій профессоровъ: Поггендорфа (физической географіи) и Дове (производства опытовъ съ оптическими приборами). Объ устройствѣ и значеніи физическихъ собраній я говорилъ уже раньше, о лекціяхъ скажу въ концѣ семестра, теперь же опишу, въ нѣсколькихъ словахъ, обстоятельства, при которыхъ приходится производить опыты, т. е. скажу о помѣщеніи, въ которомъ они дѣлаются, употребляемыхъ приборахъ и людяхъ, съ которыми работаешь.

За условленную съ университетомъ плату, проф. Магнусъ уступилъ въ своемъ домѣ квартиру, въ семь комнатъ, для физическихъ работъ молодыхъ людей, желающихъ спеціально заняться этимъ предметомъ. Помѣщеніе устроено со всѣми возможными удобствами; построены необходимыя здѣсь печи, станки и проч., проведены проволоки отъ баттарей, (находящихся въ подвальномъ этажѣ), проведенъ повсюду газъ, удалено изо всего помѣщенія желѣзо и т. п. Одинъ недостатокъ: домъ находится среди города, и ѣзда на улицѣ мѣшаетъ иногда точному отсчитыванію, напр. въ приборахъ, какъ мультипликаторъ Видемана, которымъ я это время пользовался. Замѣчу здѣсь, касательно этого прибора, что Магнусъ, работающій такимъ же, находя его для своихъ работъ недостаточно чувствительнымъ, сдѣлалъ свое зеркало астатическимъ, повѣсивъ надъ нимъ, извѣстнымъ образомъ, другое, приблизительно той же силы.

Физическій кабинетъ здѣшняго университета находится въ распоряженіи у пр. Магнуса, а потому можно было получать нужные приборы. Но такъ какъ кабинетъ этотъ не можетъ удовлетворять каждой спеціальной цѣли, то пришлось пользоваться приборами и собственными, даже обзавестись нѣкоторыми новыми. Такъ въ моихъ опытахъ я употреблялъ свой мультипликаторъ и зрительную трубу, долженъ былъ пріобрѣсть точные термометры (у Гейзлера), мѣдные сосуды, подставки къ нимъ, газовыя лампы, проволоки различныхъ металловъ и т. п. Все это можно было найти и въ физическомъ кабинетѣ, но не всегда въ должномъ видѣ; такъ пользовался я и мультипликаторомъ Магнуса и его термометрами, въ особенности многими проволоками; но, при всей его любезности, онъ же совѣтовалъ иногда завестись тѣмъ или другимъ, такъ какъ

немного измѣненный видъ прибора часто значительно упрощалъ производство опыта.

Работать въ физическомъ кабинетѣ можно съ утра до вечеру, ежедневно, безъ исключенія. Пр. Магнусъ проводитъ здѣсь нѣсколько часовъ до и послѣ обѣда, готовъ каждому, въ случаѣ надобности помочь—приборомъ ли, книгой, совѣтомъ,—что̀, по причинѣ его большихъ экспериментальныхъ свѣденій, ему всегда удается. Утромъ бываю я здѣсь большею частью одинъ, а такъ какъ Магнусъ самъ много занимался вопросомъ о термо-электричествѣ (къ которому относится моя работа), и потому интересуется моими опытами, то удѣляетъ мнѣ часто цѣлые часы для обсужденія того или другаго вопроса. При отсутствіи Магнуса, остается въ кабинетѣ его помощникъ; кромѣ того, приставленъ сюда служитель для посылокъ, для установки приборовъ и т. п. Всего работаетъ здѣсь 6 человѣкъ, все спеціалисты по физикѣ, что́ даетъ возможность изучать на опытахъ и такіе вопросы, которыми самъ въ это время не занимаешься.

Такимъ образомъ, помѣщеніе, приборы, люди, съ которыми работаешь, все удовлетворяетъ требованіямъ, налагаемымъ на подобнаго рода физическій кабинетъ.

Что касается цѣли моей работы и производства самихъ опытовъ, то объ этомъ я скажу подробно въ отдѣльной статьѣ, которую надѣюсь представить въ скоромъ времени.

Берлинъ, $\frac{\text{24-го мая}}{\text{5-го іюля}}$ 1863 года.

30) Кандидата Гарничъ-Гарницкаго.

(За первые три мѣсяца).

Я пріѣхалъ въ Берлинъ въ то время, когда начались уже въ Германіи весенніе каникулы. Это обстоятельство было причиною того, что вначалѣ мое путешествіе было не совсѣмъ удачно. Такъ въ Берлинѣ я могъ только осмотрѣть лабораторію Митчерлиха; изъ ученыхъ же, которые меня интересовали, мнѣ не удалось видѣть никого, потому что всѣ они въ то время поразъѣхались. Поэтому, пробывъ въ Берлинѣ дня четыре, я отправился далѣе въ Гейдельбергъ. По дорогѣ не могъ не заѣхать въ Гиссенъ—это дорогое мѣсто по воспоминаніямъ для каждаго химика. Здѣсь былъ долгое время Либихъ, отсюда вышли лучшіе дѣятели по химіи—всѣ они

ученики Либиха. Въ Гиссенѣ свѣжо еще сохранилась память о Либихѣ — нетолько взрослые, но и дѣти тамъ знаютъ, кто такой былъ Либихъ. Въ настоящее время Гиссенъ также имѣетъ большой интересъ для химика — тамъ живетъ Коппъ, одна изъ свѣтлыхъ личностей химическаго міра въ Германіи. Къ сожалѣнію моему, мнѣ не пришлось его видѣть. Въ послѣдніе годы Коппъ такъ сильно растроилъ свое здоровье, вслѣдствіе усиленныхъ занятій, что отказался отъ изданія своего Jahresber. и передалъ его Вимо, который также въ Гиссенѣ.

Изъ Гиссена я отправился въ Гейдельбергъ. Здѣсь я рѣшился остаться на первый семестръ, имѣя въ виду исключительно заняться химіей, оставляя до другаго времени физику и физіологію. Вообще, Гейдельбергъ представляетъ много удобствъ для занятія химіей. Здѣсь есть нѣсколько лабораторій; лучшихъ же изъ нихъ безспорно двѣ: Бунзена и Эрленмеера. Первая изъ нихъ отъ правительства, вторая же частная, устроенная профессоромъ Эрленмееромъ на свои средства. Я предпочелъ для своихъ занятій избрать вторую изъ нихъ по многимъ причинамъ, о которыхъ упоминать здѣсь не считаю умѣстнымъ. Предметъ моихъ занятій главнымъ образомъ ацетоны, хотя я началъ въ то же время и другія изслѣдованія, но поступилъ, какъ вижу, весьма опрометчиво. Съ тѣхъ поръ какъ началъ я заниматься спеціально химіей, у меня накопилось много разныхъ вопросовъ, которыхъ въ Россіи разрѣшить я не могъ, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ удобствъ, какія представляются здѣсь для занятій. Поэтому, найдя ихъ здѣсь, я сразу началъ нѣсколько работъ; мнѣ хотѣлось поскорѣе разрѣшить всѣ тѣ вопросы, которые меня интересовали. Это-то обстоятельство было причиною того, что я въ короткое время издержалъ очень много денегъ, такъ что въ настоящее время я едва, едва могу продолжать одну изъ начатыхъ работъ съ ацетонами, какъ самую дешевую. Съ сожалѣніемъ я долженъ былъ оставить продолженіе прежнихъ моихъ работъ, работъ очень интересныхъ, извлеченіе изъ которыхъ напечатано въ Comptes rendus des séan. de l'Acad. des Sciences, T. XLVIII, вслѣдствіе весьма простой причины — необыкновенной здѣсь дороговизны льду (1/2 guld. за фунтъ), который въ большомъ количествѣ нуженъ при этихъ работахъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что результаты моихъ изслѣдованій, хотя нѣкоторыхъ, появятся въ скоромъ времени въ печати. Кромѣ самостоятельныхъ занятій въ лабораторіи, я посѣщаю еще лекціи органической химіи проф. Эрленмеера и лекціи

исторіи развитія химіи его же. Думалъ было посѣщать еще лекціи физики Киргофа и физіологіи Гельмгольца; но оба они, хотя читаютъ очень хорошо, но до того элементарно, что меня нисколько не удовлетворяютъ, почему я ихъ и не посѣщаю. Что же касается до лекцій проф. Эрленмеера, то о нихъ я поговорю по окончаніи семестра.

Гейдельбергъ, $\frac{\text{26-го мая}}{\text{7-го іюня}}$ 1863 года.

31) Докторанта Н. Ковалевскаго.

(За вторую половину зимняго семестра 18$^{62}/_{63}$ года).

Въ предъидущемъ отчетѣ я указалъ на предметы моихъ занятій въ Вѣнѣ. Говоря о работѣ, которую я предпринялъ въ лабораторіи пр. Брюкке, я прослѣдилъ вкратцѣ главныя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ въ области микроскопической анатоміи и физіологіи лимфатическихъ железъ, не входя въ болѣе или менѣе подробную критику какъ фактическихъ ихъ результатовъ, такъ и объясненій, данныхъ имъ, потому что собственныя наблюденія мои были въ то время слишкомъ недостаточны. Принявшись за изслѣдованіе, я пользовался тою методою, которую рекомендовали многіе изъ новѣйшихъ микроскопистовъ. Железы инцицированныя и неинцицированныя, вымоченныя въ крѣпкомъ алкоолѣ, служили для разрѣзовъ. Эти разрѣзы подвергались промывкѣ кисточкою въ водѣ, окрашивались въ амміакальномъ растворѣ кармина, переносились въ безводный алкооль для извлеченія воды и наконецъ, освѣтленные терпентиномъ, заклеивались въ дамаровый лакъ. Но эту методу пришлось нѣсколько измѣнить при изслѣдованіи тѣхъ железъ, въ которыхъ были инцицированы лимфатическія пространства. Такъ какъ масса для инъекціи состояла изъ растворимой берлинской лазури съ рыбьимъ клеемъ, на которую дурно дѣйствуетъ вода при промывкѣ препаратовъ и окраскѣ ихъ въ нейтрализованномъ карминноамміальномъ растворѣ, то, послѣ вторичнаго извлеченія воды алкоолемъ, ихъ уже нельзя было узнать, когда они были положены въ терпентинъ. Всѣ части препарата стягиваются сильно и часто неправильно, и дѣлаются негодными для изслѣдованія подъ сильными увеличеніями. Кромѣ ярко и равномѣрно окрашенныхъ перекладинъ изъ соединительной ткани, менѣе интенсивно окрашенныхъ тесемъ и ихъ колбовидныхъ утолщеній железистаго вещества въ периферіи железы, да темнофіолетовой инъекціонной

массы въ лимфатическихъ пространствахъ, ничего невидно. Это заставило меня искать другой методы приготовленія препаратовъ, которою бы, по возможности, устранялось вліяніе воды на нихъ и при которой интенсивность окрашиванія частей требовала бы наименьшаго времени, и не была при томъ связана съ форменными измѣненіями послѣднихъ. По предложенію пр. Брюкке, началъ я пробовать окрашиваніе препаратовъ различными тинктурами, въ которыхъ простымъ сотрясеніемъ прополаскивались тонкіе разрѣзы, и изъ этихъ пробъ убѣдился, что изъ ряда тинктуръ Alcannae, Hennae, Rhei и Croci, послѣдняя даетъ наиболѣе удовлетворительные результаты. При употребленіи этого способа окраски препаратовъ, сокращается процессъ приготовленія ихъ и удаляется то, что́ можетъ вредить ясности и красотѣ ихъ. Я переносилъ готовый тонкій разрѣзъ въ тинктуру, прополаскивалъ его въ ней отъ 1—5 минутъ или же очищалъ его слегка кисточкой, и, промывъ въ безводномъ алкоолѣ отъ излишней краски, освѣтлялъ желтымъ (осмоленнымъ) терпентиномъ. Для изслѣдованія я употреблялъ, кромѣ неиницированныхъ брыжжеечныхъ железъ человѣка, быка, собаки, кролика, брыжжеечныя железы съ инициированными кровеносными сосудами кошки, лисы, и шейныя лимфатическія железы собаки, которыхъ лимфатическія пространства были вполнѣ иницированы чрезъ vasa afferentia. Этимъ послѣднимъ матеріаломъ я былъ обязанъ пр. Людвигу, который своею прекрасною инъекціею облегчилъ мнѣ самое изслѣдованіе, познакомивъ меня при этомъ съ техникою подобнаго рода работъ, требующихъ вообще много навыка.

Прежде, чѣмъ я опишу главные факты, данные моими препаратами, я долженъ сдѣлать оговорку, что въ моемъ описаніи подъ соединительнымъ веществомъ я разумѣю ту часть соединительной ткани, которая образуетъ волокна и пластинки, слѣд. и Intercellularsubstanz Virchow'a, и часть его клѣтокъ соединительной ткани. Это вещество, образуясь или отдѣляясь отъ эмбріональныхъ клѣтокъ, содержитъ ядра какъ остатки этихъ клѣтокъ; но можетъ содержать и клѣтки съ замѣтнымъ количествомъ протоплазмы, что́ бываетъ всегда тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто болѣе или менѣе сильное новообразованіе. Въ этомъ же веществѣ существуютъ сокопроводящіе промежутки, быть можетъ, какъ остатки промежутковъ эмбріональныхъ клѣтокъ, слѣд. какъ бы разграничивающія области, принадлежащія этимъ первичнымъ клѣткамъ или образовавшіяся изъ нихъ. Но такіе сокопроводящіе промежутки не составляютъ ячеекъ въ ги-

стологическомъ смыслѣ, какъ это думали недавно. Сдѣлавши эту оговорку, которая можетъ нѣсколько пояснить отношеніе извѣстныхъ сѣтокъ, къ лежащимъ въ промежуткахъ ихъ железистымъ ячейкамъ, я приступаю теперь къ краткому описанію тѣхъ фактовъ, которые заставляютъ насъ нѣсколько измѣнить взгляды, выработанные недавними изслѣдованіями микроскопической анатоміи лимфатическихъ железъ. Такъ какъ рисунки мои, назначаемые для отдѣльной статьи—какъ болѣе подробному изложенію моей работы, еще не готовы, то я предлагаю для нѣкотораго уясненія моего описанія пересмотрѣть рисунки His'a, приложенные къ его статьѣ: Untersuchungen über den Bau der Lymphdrüsen (Zeitschrift für wiss. Zool. Bd. XI. Hft. 1), а для сравненія и рисунки Frey'я. Рисунки His'a, наиболѣе вѣрные природѣ, недостаточны только въ отношеніи сѣти соединительнаго вещества въ медулярной части железъ.

Препараты мои изъ шейныхъ железъ собаки съ инъекціей лимфатическихъ пространствъ чрезъ v. afferens подтверждаютъ непосредственную связь какъ приносящихъ, такъ и выносящихъ сосудовъ съ этими промежутками. При этой инъекціи сѣть, распростертая въ лимфатическихъ промежуткахъ и происходящая изъ соединительной ткани перекладинъ, не наинъицировывается. Ея отростки, дойдя до железистаго вещества, переходятъ въ поверхностную сѣть его и удерживаютъ здѣсь свои продолговатыя ядра, которыя въ медулярномъ веществѣ слѣдуютъ преимущественно за направленіемъ железистыхъ тесемъ (Drüsenschläuche His'a). На разрѣзахъ этого вещества означенныя ядра лежатъ довольно близко другъ около друга и какъ бы отдѣляютъ его отъ лимфатическихъ пространствъ. Изслѣдованіе очищенныхъ кисточкою или тщательно выполосканныхъ въ алкоолѣ тонкихъ разрѣзовъ подъ q (иммерзіонною) системою Hartnack'a показало, что отъ тѣхъ же отростковъ сѣти лимфатическихъ пространствъ, или отъ поверхностей сѣти железистаго вещества, идутъ къ стѣнкамъ кровеносныхъ сосудовъ послѣдняго тончайшія пластинки, представляющіяся на разрѣзахъ обыкновенно въ видѣ нитей, мѣстами соединяющихся другъ съ другомъ, и составляющія какъ бы влагалища железистыхъ шариковъ. Замѣчательно, что, при инъекціи лимфатическихъ пространствъ, масса до извѣстной степени проникаетъ между железистыми клѣтками и, какъ это показываютъ очищенные кисточкою препараты, занимаетъ тѣ тончайшіе промежутки, которые образуютъ между собою пластинки, одѣвающія клѣтки железистаго вещества. По крайней мѣрѣ, масса,

принявшая форму сѣти, съ мѣстными утолщеніями, не стирается при очищеніи кисточкою препаратовъ и вообще легко отличается на препаратахъ, окрашенныхъ—га Croci, отъ наружнаго окрашиванія сѣти лимфатическихъ пространствъ. Нетолько разрѣзы въ продольномъ, но, что́ важнѣе, и въ поперечномъ направленіи, указываютъ на прониканіе инъекціонной массы въ железистое вещество. На моихъ препаратахъ прониканіе это было гораздо значительнѣе въ мякотномъ чѣмъ въ корковомъ веществѣ. Тамъ, гдѣ тесмы мякотнаго вещества начинаются отъ колбовидныхъ утолщеній корковаго, можно было ясно видѣть эту разницу; при чемъ замѣтно было, что это прониканіе инъекціонной массы въ колбы корковаго вещества было со всѣхъ сторонъ равномѣрное, и не было значительнѣе со стороны мякотнаго вещества.

Чѣмъ объяснить это различное отношеніе корковой и мякотной части железистаго вещества къ инъекціи лимфатическихъ пространствъ? Можно сказать по этому поводу только то, что объясненіемъ не можетъ служить различный способъ разграниченія железистаго вещества въ его двухъ формахъ отъ лимфатическихъ пространствъ, потому что факты говорятъ прямо въ пользу аналогіи въ разграниченіи и той и другой формы отъ этихъ промежутковъ.

На сколько значительна разница въ величинѣ тонкихъ промежутковъ железистаго вещества, воспринимающихъ массу, въ различныхъ частяхъ его; какую роль играютъ при этомъ ядра въ сѣти, число и величина которыхъ гораздо значительнѣе въ корковомъ, чѣмъ въ мякотномъ веществѣ, не ими ли стѣсняются промежутки въ первомъ и проч.? на эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта. Если мы скомбинируемъ теперь приведенные нами факты, какъ то: 1) прониканіе инъекціонной массы въ железистое, особенно мякотное вещество и окрашиваніе сѣти его, 2) отсутствіе массы въ крупной сѣти лимфатическихъ пространствъ, 3) связь всѣхъ этихъ сѣтей изъ волоконъ и пластинокъ со стѣнками кровеносныхъ сосудовъ железистаго вещества, 4) отсутствіе настоящихъ эпитеміальныхъ клѣтокъ на поверхности послѣдняго, обращенной въ лимфатическія пространства,—то увидимъ, что ими подтверждается аналогія корковаго и мякотнаго вещества; далѣе, что корковое вещество новыми изслѣдователями (His'омъ и Frey'емъ) было правильнѣе описано, чѣмъ мякотное, въ отношеніи котораго они нѣсколько несходятся другъ съ другомъ и что наконецъ описаніе His'a наиболѣе сходно съ тѣмъ, что́ и намъ пришлось видѣть, тѣмъ болѣе, что и

мы ясно видѣли сѣть въ мякотномъ веществѣ (отрицаемую Frey'емъ), и поверхностную сѣть железистаго вещества съ ея ядрами вмѣсто поверхностной оболочки (принятой Frey'емъ), и никогда незамѣчали здѣсь настоящаго эпителія, (который описанъ у Recklingshausen'a); инъекцію же въ самомъ железистомъ веществѣ можно было бы объяснить тою структурою и консистенціею, которыя приписаны ему His'омъ. Но именно этого послѣдняго сдѣлать нельзя, потому что мы замѣтили еще фактъ, позволяющій сдѣлать иное заключеніе объ этой структурѣ и консистенціи, чѣмъ это сдѣлалъ His. Тотъ же фактъ укрѣпляетъ насъ въ принятіи промежутковъ между тонкими пластинками железистаго вещества, аналоговъ большимъ лимфатическимъ лакунамъ въ другихъ частяхъ организма. Фактъ состоитъ въ томъ, что если при инъекціи кровеносныхъ сосудовъ лимфатическихъ железъ дѣлается экстравазатъ, то какъ бы онъ малъ ни былъ, не выполняетъ самыя железистыя тесмы (Drüsenschläuche) мякотнаго вещества, раздвигая его шарики какъ это можно было бы ожидать, зная описаніе этого вещества Frey'емъ и His'омъ, но скорѣе разрываетъ тесму и тотчасъ проникаетъ въ большія лимфатическія пространства и инъицируетъ ихъ. Слѣдовательно, мы не должны считать железистое вещество за одно скопленіе лимфатическихъ шариковъ, легко подвижныхъ, но задержанныхъ нѣсколько въ сѣти, какъ это слѣдуетъ изъ описанія His'a. Нѣтъ, это ткань, имѣющая свою долю плотности, устойчивости, которая падаетъ, конечно большею своею частью на соединительное вещество, которое окружаетъ клѣтки въ видѣ тонкихъ пластинокъ. Инъекція же железистаго вещества безъ поврежденія его, указываетъ на присутствіе промежутковъ между этими пластинками, одѣвающими железистыя клѣтки, промежутковъ, которые въ фильтраціи лимфы изъ кровеносныхъ сосудовъ железы играютъ, вѣроятно, немаловажную роль.

Эти мелкіе промежутки составляютъ аналоги тѣмъ большимъ, которые остаются въ лимфатическихъ пространствахъ между волокнами соединительнаго вещества и здѣсь обусловливаютъ передвиженіе лимфы съ шариками. Въ какомъ генетическомъ отношеніи находятся пластинки и волокна соединительнаго вещества съ ихъ ядрами къ клѣткамъ железистаго, составляетъ ли это соединительное вещество видоизмѣненіе протоплазмы зародышныхъ клѣтокъ, отъ которыхъ остаются мѣстами только ядра, способныя къ дальнѣйшимъ метаморфозамъ и къ образованію лимфатическихъ шариковъ, или же эти ядра не метаморфозируются далѣе, а зародыш-

ныя клѣтки, своимъ размноженіемъ и отдѣленіемъ части своей протоплазмы въ видѣ тонкихъ пластинокъ соединительнаго вещества, образуютъ железистую ткань съ ея сѣтью — это вопросы, на которые въ настоящее время отвѣчать нельзя. Но рѣшеніемъ этихъ вопросовъ подвинулось бы впередъ ученіе о такъ называемомъ Virchow'омъ Intercellularsubstanz, составляющемъ въ отношеніи своего образованія одну изъ интересныхъ задачь гистологіи. Замѣтимъ здѣсь только, что Brücke, на основаніи многихъ данныхъ, указываетъ на возможность метаморфоза поверхностнаго слоя протоплазмы эмбріональныхъ клѣтокъ въ Virchow'ское Intercellularsubstanz.

Кромѣ моихъ спеціальныхъ занятій въ лабораторіи проф. Брюкке и посѣщенія его лекцій, я бралъ курсъ экспериментальной физіологіи у проф. Людвига. Этотъ курсъ читается почти каждый годъ, по просьбѣ съѣзжающихся въ Вѣну иностранцевъ-врачей. Въ нашемъ курсѣ учавствовали большею частью русскіе, кромѣ того было нѣсколько шведовъ и голландцевъ. Въ продолженіе 40 часовъ Людвигъ прошелъ съ нами экспериментально отдѣлы о кровообращеніи, лимфообразованіи и лимфодвиженіи (преимущественно о мочеотдѣленіи), дыханіи въ обширномъ смыслѣ слова и о нервномъ и мышечномъ электричествѣ. Обращая преимущественно вниманіе на опыты, онъ знакомилъ насъ въ своемъ курсѣ съ техникой ихъ, съ чѣмъ изъ книгъ не познакомишься. Такой курсъ, по богатству опытовъ, считается въ настоящее время первымъ въ Европѣ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что механическая работа сердца въ организмѣ служитъ первымъ моментомъ въ движеніи жидкостей организма, доступнымъ для изслѣдованія, онъ прослѣдилъ это движеніе не только въ границахъ кровеносной системы, но и въ самыхъ тканяхъ и органахъ, указавъ на способъ образованія и движенія лимфы, на способъ образованія и отдѣленія мочи, на аналогіи, существующія между послѣднимъ отдѣленіемъ и отдѣленіемъ пота.

Въ каждомъ органѣ онъ обращаетъ вниманіе на взаимныя отношенія анатомическія и физіологическія кровеносной системы къ лимфатической и той, которая составляетъ какъ бы специфическую принадлежность органа. Эти же взаимныя, преимущественно количественныя, отношенія онъ проводитъ и въ область дыханія. Потомъ уже переходитъ онъ къ тѣмъ отправленіямъ, которыя можно считать аналогичными мышечной дѣятельности, связанной съ нервною и въ ряду аналоговъ этой дѣятельности поставилъ на первомъ мѣстѣ дѣятельность слюнныхъ тѣлецъ съ движеніемъ ихъ зеренъ и

отдѣленіемъ слюны подъ нервнымъ вліяніемъ, далѣе движенія пигментныхъ клѣтокъ и т. д. Это изложеніе отправленій по аналогіямъ тѣмъ болѣе наглядное, что сопровождалось опытами съ аппаратами, выражающими тему органа; все это рядомъ съ вивисекціями ведетъ чрезвычайно хорошо и логично къ тому, чтобы учащіеся поняли, какъ рѣшается правильно поставленный въ опытной наукѣ вопросъ. Здѣсь знакомишься не столько съ богатствомъ мелкихъ фактовъ науки, сколько съ ея средствами и методами, а это для насъ, какъ кажется, главное при заграничныхъ нашихъ занятіяхъ.

Все, что только составляетъ современныя, болѣе или менѣе важныя, задачи физіологіи, подлежащія рѣшенію,—все это нашло мѣсто въ курсѣ Людвига. Мы видѣли здѣсь и интересные новые опыты, которые только что были публикованы, какъ напр. опыты Rollett'a съ красящимъ началомъ крови, опыты Eckhardt'a съ erectio penis собаки при раздраженіи nn. erigentes, демонстрацію новыхъ анатомическихъ работъ въ области лимфатической системы, сдѣланныхъ самимъ Людвигомъ и его учениками, Tomsa (относительно яичка) и Заварыкинымъ (относительно почекъ) и т. д.

Этимъ физіологическимъ курсомъ заключился мой первый, но не послѣдній семестръ въ Вѣнѣ. Только для пополненія существеннаго недостатка въ моей подготовкѣ, именно въ аналитическо-химическихъ работахъ, я оставилъ Вѣну на лѣто и выбралъ химическую лабораторію проф. Кольбе въ Марбургѣ, которая представляетъ для этого наиболѣе удобствъ, какъ по прекрасной методѣ изученія, принятой тамъ, такъ и по возможности со стороны профессора и ассистента, при небольшомъ числѣ учащихся, вполнѣ руководить работающаго до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи работать самостоятельно.

На зимній же семестръ я думаю снова вернуться въ Вѣну для продолженія моихъ физіологическихъ студій.

Марбургъ, 6-го іюня 1863 года.

32) В. Имшенецкаго.

Мои занятія въ продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, истекшихъ со времени отправленія въ департаментъ послѣдняго моего донесенія, отъ 5-го марта, состояли по прежнему въ посѣщеніи лекцій и изученіи по источникамъ какъ тѣхъ предметовъ, къ ко-

торымъ относились лекціи, такъ и другихъ отдѣловъ науки, которые я не долженъ упускать изъ виду, приготовляясь быть преподавателемъ.

Въ этомъ отчетѣ, также какъ въ предъидущемъ, я долженъ поставить на первомъ планѣ, по интересу и полнотѣ содержанія, лекціи г. Бертрана въ Collége de France. Изложивъ въ теченіи 1-го семестра теорію Якоби интегрированія уравненій съ частными производными 1-го порядка и способъ Пфаффа, г. Бертранъ посвятилъ послѣднія лекціи нѣсколькимъ вопросамъ, находящимся въ связи съ упомянутыми теоріями; какъ наиболѣе интересный изъ нихъ я могу указать «начало послѣдняго множителя» (le principe du dernier multiplicateur), при объясненіи котораго были также изложены имъ главныя основанія теоріи функціональныхъ опредѣлителей (determinants fonctionels).

Пользуясь промежуткомъ свободнаго времени, до открытія лекцій 2-го семестра, я счелъ полезнымъ заняться изученіемъ самаго сочиненія Якоби «Nova methodus, aequationes defferetiales partiales etc.» (Crelle. Journ. für die reine Math. 60 B.), которое служило главнымъ источникомъ упомянутыхъ лекцій. Кромѣ того, такъ какъ г. Бертранъ предварительно объявилъ, что изберетъ предметомъ своихъ чтеній во 2-мъ семестрѣ теоріи Ампера интегрированія уравненій съ частными производными высшихъ порядковъ,—я имѣлъ возможность, приготовляясь къ слушанію этого курса, дополнить свои свѣденія по этому предмету при помощи 2-го и 3-го томовъ Lacroix «Traité du calc. diff. et du calc. integrale», познакомиться съ первымъ мемуаромъ Ампера «Sur les integrales des equations aux differences partielles» (17 Cahier du Journ de l'Ec. Pol.) и прочесть недавно напечатанную интересную статью г. Bool «Ueber die part. Differentialgleich. 2-er Ordnung» (Crelle. Jour für die reine Math. 61 B. 1863).

Теорія Ампера, самая полная изъ предложенныхъ до настоящаго времени, не представляетъ однако такого теоретическаго совершенства, какъ теорія Якоби въ отношеніи уравненій 1-го порядка; поэтому и характеръ изложенія этихъ двухъ теорій не можетъ быть одинаковъ: теорія Якоби достаточно ясна, будучи изложена въ самомъ общемъ видѣ, между тѣмъ какъ для полнаго усвоенія способовъ Ампера необходимо показать примѣненіе ихъ къ различнымъ частнымъ случаямъ, какъ сдѣлалъ самъ авторъ, примѣру котораго слѣдуетъ и г. Бертранъ въ своихъ лекціяхъ. Эти приложенія, уясняя существенныя стороны теоріи, имѣютъ интересъ и

сами по себѣ, относясь ко многимъ важнымъ задачамъ геометріи и физики.

Какъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, можно указать уравненіе поверхностей наименьшаго протяженія (surface à aire minimum). Г. Бертранъ не ограничился выводомъ общаго интеграла этого уравненія по способу Ампера, но упомянувъ также позднѣйшія изысканія геометровъ относительно этого интеграла, старавшихся опредѣлить систему перемѣнныхъ, при которыхъ онъ принимаетъ дѣйствительную форму, привелъ вполнѣ, какъ самое лучшее, по его мнѣнію, изслѣдовоніе этого рода г. Serret. (Comptes Rendus Vol. 40, 1855).

Въ настоящее время, г. Бертранъ еще продолжаетъ свои лекціи о теоріи Ампера.

Г. Ліувиль назначилъ на 2-й семестръ предметомъ своихъ чтеній въ Collége de France теорію вѣроятностей. Къ сожалѣнію, по случаю болѣзни, онъ открылъ свой курсъ очень поздно, такъ что до настоящаго времени прочелъ не болѣе 4-хъ лекцій, на которыхъ успѣлъ изложить только нѣкоторыя основныя теоремы этой теоріи. Имѣя въ виду небольшое число лекцій, которыми можетъ располагать г. Ліувиль, конечно, нельзя расчитывать на многое въ отношеніи полноты его курса; по крайней мѣрѣ, можно познакомиться со способомъ его изложенія этого предмета.

Я продолжаю посѣщать лекціи механики г. Ліувилля въ Сорбоннѣ; онъ началъ ихъ здѣсь нѣсколько ранѣе чѣмъ предъидущій курсъ въ Collége de France. Изложивъ общія начала теоріи движенія, въ теченіи 1-го семестра, теперь онъ занимается приложеніями ихъ къ обыкновенному ряду вопросовъ, излагаемыхъ въ курсахъ механики. Предметомъ послѣднихъ его лекцій было вращательное движеніе. Съ прекращеніемъ лекцій г. Бертрана чистой математики во 2-мъ отдѣлѣ политехнической школы, въ тѣ же часы началъ читать механику г. Буръ. Я счелъ полезнымъ прослушать тѣ изъ его лекцій, которыя относились къ кинематикѣ, такъ какъ этотъ отдѣлъ механики не входитъ, какъ самостоятельная часть, въ програму, которой держится г. Ліувиль.

Съ окончаніемъ 1-го семестра, г-на Jamin, по преподаванію физики въ Сорбоннѣ, замѣнилъ г. Desains. Онъ читаетъ въ теченіи 2-го семестра акустику и оптику. Имѣя, такимъ образомъ, возможность сравнить преподаваніе обоихъ профессоровъ, нельзя не видѣть превосходства лекцій г. Jamin. Но тѣмъ не менѣе лекціи г. Desains

интересны для меня по многимъ опытамъ, которыхъ до сего времени мнѣ не удавалось видѣть.

Съ прекращеніемъ нѣкоторыхъ курсовъ, посѣщая во 2-й семестръ меньшее число лекцій, нежели въ 1-й, я могъ удѣлить болѣе времени занятіямъ на дому. Кромѣ упомянутыхъ выше предметовъ, я занимался въ это время: вычисленіемъ варіацій при помощи сочиненія «A History of the progress of the Calculus of variation. Todhunter» и новыхъ курсовъ этого предмета Moigno и Stegmann'a; теоріею эллиптическихъ функцій, по сочиненію «Theorie der elliptischen Functionen. Dr. Durege».

Лекціи закроются здѣсь, вѣроятно, въ началѣ іюля. Я намѣренъ посвятить предстоящее вакаціонное время частію окончанію начатыхъ работъ, упомянутыхъ выше, частію же исполненію предположенныхъ занятій по теоріи опредѣленныхъ интеграловъ, чистой геометріи и математической физикѣ.

Позволяю себѣ надѣяться, что я не встрѣчу препятствій со стороны министерства къ тому, чтобы остаться здѣсь по крайней мѣрѣ еще одинъ семестръ, дабы имѣть возможность слушать лекціи гг. Шаля, Lamé и Regnault.

Парижъ, $\frac{\text{24-го мая}}{\text{4-го іюня}}$ 1863 года.

33) Кандидата В. Лебедева.

Изъ Берлина, передъ началомъ лѣтняго семестра, я отправился въ Лейпцигъ, въ намѣреніи слушать лекціи Рошера и Аренса.

Семестръ начался тамъ $^{20}/_{8}$ апрѣля. Рошеръ читаетъ этимъ лѣтомъ общій курсъ политической экономіи и сравнительную статистику Германіи. Изъ лекцій Аренса я посѣщалъ лекціи по философіи права.

Хвалить этихъ двухъ профессоровъ значило бы повторять давно извѣстное. Замѣчу только, что, кромѣ внутреннихъ достоинствъ, лекціи ихъ обладаютъ и внѣшними: простотой изложенія и внятностью. Но непріятно подѣйствовала на меня господствующая въ лейпцигскомъ университетѣ метода диктованія лекцій, метода, отъ вліянія которой не ушли, ни Рошеръ, ни Аренсъ.

Профессоръ диктуетъ медленно и протяжно положенія науки, даже съ нумераціей главъ, параграфовъ и подраздѣленій и потомъ уже, обыкновеннымъ тономъ развиваетъ и поясняетъ продиктованное. Слушатели, сколько я замѣтилъ, записываютъ только продик-

тованное. Такимъ образомъ, самая занимательная часть лекціи — объясненія и примѣры — остается для нихъ какъ бы статьей, не относящейся къ дѣлу. Метода эта, кромѣ того, что лишаетъ лекцію такъ сказать, круглости, — пріучаетъ, какъ мнѣ кажется, слушателя къ невниманію: онъ ловитъ только главы и параграфы, рельефно, съ помощію диктовки, выставляемые передъ нимъ профессоромъ и не имѣетъ достаточнаго побужденія напрягать вниманіе, чтобъ схватить и замѣтить все содержаніе лекціи; выноситъ слѣдовательно изъ аудиторіи только скелетъ лекціи, а не цѣлостное впечатлѣніе.

Болѣе мѣсяца проведя въ Лейпцигѣ, гдѣ, кромѣ посѣщенія лекцій, продолжалъ и свои домашнія занятія, я поѣхалъ въ Іену, чтобъ услышать тамошнихъ знаменитыхъ профессоровъ — Бруно Гильдебранда и Куно-Фишера. Въ Іенѣ, кромѣ университета, въ близкой связи съ нимъ существуетъ сельско-хозяйственный институтъ въ которомъ нѣкоторые предметы читаются университетскими профессорами вмѣстѣ и для университетскихъ слушателей. Такъ Гильдебрандъ читаетъ нынѣшнимъ лѣтомъ курсъ политической экономіи, а Густавъ Фишеръ теорію финансовъ. Другой предметъ — исторію политическихъ системъ, читаетъ Гильдебрандъ въ самомъ университетѣ. Диктовка лекцій господствуетъ и здѣсь. Лекціи Густава Фишера диктуются всѣ, безъ всякихъ поясненій и отступленій отъ тетради и составляютъ самый поверхностный курсъ теоріи финансовъ. Лекціи Гильдебранда блестящи и занимательны. Трудно рѣшить, кому отдать преимущество, — ему, или Рошеру. Скорѣе можно сказать, что ихъ не слѣдуетъ сравнивать: каждый хорошъ въ своемъ родѣ. Сколько могу судить по немногимъ лекціямъ, которыя мнѣ удалось слышать, изложеніе у Гильдебранда, какъ будто круглѣе, чѣмъ у Рошера; примѣры его берутся преимущественно изъ современной практической жизни и изъ новѣйшей исторіи; Рошеръ, напротивъ, пользуется для примѣровъ своихъ преимущественно древней исторіей. По большой близости, такъ сказать, осязательности примѣровъ, приводимыхъ Гильдебрандомъ, лекціи его носятъ въ себѣ больше живаго, практическаго элемента; въ лекціяхъ Рошера же преобладаетъ элементъ чисто ученый. Самъ Гильдебрандъ, какъ мнѣ случилось отъ него слышать, въ томъ ставитъ разницу между собой и Рошеромъ, что онъ больше практикъ, а Рошеръ больше теоретикъ.

Что касается до Куно-Фишера, то, не боясь ошибиться, можно

сказать, что въ немъ соединено все, чего только можно требовать отъ превосходнаго профессора. Лекціи его, читаемыя безъ всякихъ записокъ, и даже конспектовъ, представляютъ образецъ мастерскаго, увлекательнаго изложенія; онѣ рѣшительно приковываютъ вниманіе слушателя. Каждая его лекція составляетъ нѣчто цѣлое, полное, проникнутое удивительною послѣдовательностью и связью мыслей, при полномъ отсутствіи всякихъ лишныхъ словъ и фразъ. Прибавивъ къ этому превосходную дикцію и самый чистый языкъ, безъ всякихъ оттѣнковъ мѣстнаго нарѣчія, такъ сильно отзывающагося въ лекціяхъ другихъ профессоровъ, можно смѣло сказать, что Куно Фишеръ осуществляетъ собою идеалъ профессора. Въ этомъ семестрѣ онъ читаетъ логику, матафизику и исторію греческой философіи. Къ сожалѣнію, лишь нѣсколько дней пришлось мнѣ посѣщать іенскій университетъ, такъ какъ съ наступленіемъ троицкихъ вакацій (Pfingstferien) лекціи прекратились. Нельзя не пожалѣть, что два такіе профессора, какъ Гильдебрандъ и Куно Фишеръ читаютъ въ іенскомъ, а не въ другомъ, болѣе доступномъ университетѣ. Іена лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги и сообщеніе съ нею нельзя назвать удобнымъ. Притомъ жизнь въ Іенѣ слишкомъ пропитана нѣмецкимъ студенчествомъ, что́ имѣетъ свою непріятную сторону.

Прибывъ въ Гейдельбергъ я являлся къ г. Пирогову. Изъ Гейдельберга посѣтилъ я учительскій съѣздъ вь Маннгеймѣ; а затѣмъ отправился въ Швальбахъ взять курсъ водъ, такъ какъ здоровье мое не въ весьма удовлетворительномъ положеніи. Здѣсь занятія мои продолжаются въ прежнемъ направленіи и преимущественно обращены на сравнительное изученіе финансовыхъ законодательствъ главныхъ европейскихъ государствъ. По окончаніи срока леченія, надѣюсь еще застать и провести конецъ семестра въ Гейдельбергѣ.

Швальбахъ, $^{13}/_{1}$ іюня 1863 года.

34) Кандидата Владислава Хорошевскаго.

(О занятіяхъ за границей съ $^{14}/_{26}$ февраля по $^{2}/_{14}$ іюня 1863 года).

Въ послѣдніе три съ половиною мѣсяца я продолжалъ заниматься сочиненіемъ объ альбигойской войнѣ, предназначая его къ печати (см. предъидущій отчетъ). Работа моя приближается къ концу. Продолжая слушать въ «Collége de France» лекціи Лабулѐ (исторія федеральной конституціи Соединенныхъ Штатовъ) и лекціи

политической экономіи Бодрильяра, я счелъ необходимымъ ознакомиться съ слѣдующими сочиненіями этихъ двухъ профессоровъ: «Политическая исторія Соединенныхъ Штатовъ» Лабулѐ; «Этюды о нравственной философіи и политической экономіи» и «новѣйшіе публицисты» Бодрильяра. Кромѣ того я продолжалъ посѣщать лекціи въ «École des Chartes». Сообщаю самыя важныя свѣденія объ этой школѣ.

«École des Chartes» основана въ 1821 г. Постановленіе отъ 31-го декабря 1846 года лежитъ въ основаніи нынѣшняго ея устройства, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

1. *Административное устройство школы.* «École des Chartes», находящаяся въ зданіи архива имперіи (она тамъ занимаетъ особенное маленькое помѣщеніе съ одной аудиторіей), состоитъ въ вѣденіи министерства «d'État», подъ управленіемъ директора (Лакабанъ въ настоящее время) и надзоромъ «совѣта усовершенствованія школы», состоящаго изъ 8-ми членовъ (главный хранитель архива, директоръ императорской библіотеки и директоръ школы всегда входятъ въ составъ совѣта; остальныхъ пяти членовъ назначаетъ изъ среды своей академія надписей). Школа имѣетъ секретаря и одного педеля (appariteur).

2. *Бюджетъ школы* очень невеликъ, именно 33,4000 франковъ. Старшіе профессоры получаютъ жалованья по 4,000 фр. въ годъ; младшіе или адъюнкты по 1,800 (одинъ изъ нихъ, «sous-directeur des études», — 2000); секретарь — 1,600; педель — 1,000. Конечно, профессорамъ было-бы невозможно существовать въ Парижѣ при такомъ незначительномъ жалованьи. Они по большой части занимаютъ еще другія должности (такъ напр. нѣкоторые изъ нихъ суть члены академіи надписей).

3. *Условія поступленія въ школу.* Курсы публичны и безплатны; но чтобы носить титулъ «воспитанника школы хартій» и получить потомъ дипломъ «архивиста-палеографа» нужно 1) имѣть меньше 24-хъ лѣтъ; 2) представить дипломъ «bachelier ès-lettres»; 3) записаться у секретаря школы предъ открытіемъ курсовъ; 4) быть представленнымъ на выборъ министру совѣтомъ усовершенствованія школы и быть назначеннымъ министромъ. Не удовлетворяющіе этимъ условіямъ могутъ быть вольными слушателями школы.

4. *Экзамены.* Вступительнаго экзамена нѣтъ. Переходные экзамены изъ курса въ курсъ производятся профессорами, вмѣстѣ съ

совѣтомъ усовершенствованія школы. Два воспитанника, наиболѣе отличившіеся на экзаменѣ въ первомъ году, получаютъ на слѣдующій годъ стипендію въ 600 фр. Экзаменъ втораго года даетъ право на эту стипендію тремъ наиболѣе отличившимся воспитанникамъ. Чтобы получить дипломъ, нужно, выдержавъ выпускной экзаменъ, защищать диссертацію. Три воспитанника, наиболѣе отличившіеся на выпускномъ экзаменѣ, получаютъ на слѣдующій годъ стипендію въ 600 фр.

5. *Права, даваемыя дипломомъ «архивиста-палеографа».* Шестеро изъ лучшихъ архивистовъ-палеографовъ могутъ получать въ продолженіи трехъ лѣтъ по 600 фр. въ годъ, въ томъ случаѣ, если въ теченіе этого времени не найдутъ себѣ никакой должности, соединенной съ жалованьемъ, превышающимъ 600 фр Кромѣ того, дипломъ архивиста-палеографа даетъ право быть профессоромъ или секретаремъ въ «École des Chartes», архивистомъ въ архивѣ имперіи (жалованье отъ 1,500 до 4,000 фр.), начальникомъ отдѣленія въ томъ-же архивѣ (жалованье отъ 5,000 до 7,000 фр.; но этихъ мѣстъ немного), архивистомъ въ департаментѣ (жалованье отъ 1,500 до 3,000 фр.), помощникомъ въ работахъ академіи надписей (такихъ помощниковъ 6, съ жалованьемъ отъ 1,200 до 1,500 фр.), чиновникомъ въ одной изъ публичныхъ библіотекъ и проч. Вообще, карьера, представляемая дипломомъ архивиста-палеографа, далеко не блестящая. Оттого воспитанниковъ въ школѣ хартій очень мало. (Вольныхъ слушателей также немного, по причинѣ спеціальности школы. Небольшая аудиторія далеко не наполняется посѣтителями).

6. *Преподаваніе.* Школа имѣетъ трехъ старшихъ профессоровъ (Лакабанъ, Кишрà и Гессаръ) и четырехъ младшихъ или адъюнктовъ (Масъ-Латрà, Буркелò, Валè-де-Виривиль и Тардифъ).

Полный курсъ продолжается три года. Въ первомъ году воспитанники занимаются: 1) палеографіей и 2) изученіемъ средневѣковой латыни и средневѣковаго языка.

Во второмъ году воспитанники изучаютъ: 1) дипломатику и 2) разные методы распорядка въ архивахъ и библіотекахъ.

Курсъ третьяго года главнымъ образомъ обнимаетъ: 1) средневѣковую географію Франціи, политическую и церковную, 2) исторію политическихъ учрежденій во Франціи въ средніе вѣка, 3) археологію, 4) средневѣковое право.

Лекціи должны начинаться 2-го ноября и оканчиваться 25-го

августа, но обыкновенно они начинаются позже. Въ этомъ учебномъ году курсъ открылся 18-го ноября.

Сначала я посѣщалъ всѣ лекціи для того, чтобы лучше ознакомиться со школой. Потомъ я ограничился бо̀льшею ихъ частію, именно лекціями палеографіи, дипломатики, средневѣковой латыни и народнаго средневѣковаго языка, археологіи и средневѣковаго права. Слушая лекціи палеографіи и дипломатики, я сталъ заниматься и литературой этихъ предметовъ. Но обширность этихъ наукъ, ихъ сравнительно меньшая необходимость для меня, нежеланіе разбросаться ра̀зомъ на множество предметовъ, — все это заставило меня отказаться отъ мысли изучить палеографію и дипломатику, и я принужденъ былъ оставить какъ слушаніе лекцій, такъ и работы на дому по этимъ предметамъ. Такимъ образомъ, я постоянно посѣщалъ въ «École des Chartes» только лекціи профессоровъ Тардифа (средневѣковое право), Гессара (средневѣковая латынь и народный средневѣковый языкъ) и Кишра̀ (археологія). По причинѣ той важной роли, которая принадлежала церкви и каноническому праву въ средніе вѣка, профессоръ Тардифъ посвящаетъ свой курсъ преимущественно каноническому праву. Мало знакомый съ этимъ предметомъ, я слушалъ курсъ Тардифа съ большою для себя пользою. Особенно замѣчательны курсы Гессара и Кишра̀. Извѣстна отсталость большинства французскихъ ученыхъ въ лингвистическомъ отношеніи. Гессаръ не принадлежитъ къ ихъ числу. Это — ученый, знакомый съ современнымъ состояніемъ лингвистики. Большую часть своего курса археологіи профессоръ Кишра̀ посвящаетъ церковной средневѣковой архитектурѣ, такъ какъ она играетъ первостепенную роль въ средневѣковомъ искусствѣ. Другихъ искусствъ профессоръ касается на столько, на сколько они служили украшеніемъ церковной архитектурѣ. Въ началѣ курса онъ излагаетъ предварительныя свѣденія, нужныя для пониманія технической стороны курса. Онъ — не только мастеръ своей науки, но и хорошій чертежникъ, что̀ дѣлаетъ его изложеніе совершенно нагляднымъ. Въ настоящее время онъ уже окончилъ свой курсъ объ архитектурѣ. Теперь профессоръ читаетъ о средневѣковомъ вооруженіи.

7. *Общество школы Хартій*. Въ 1839 г. основалось общество школы Хартій съ цѣлью установить братскую связь между бывшими воспитанниками школы и издавать періодическій сборникъ, посвященный національной исторіи. Это — извѣстный сборникъ, назы-

вающійся «Bibliothèque de l'École des Chartes». Въ немъ помѣщаются неизданные еще матеріалы, разные историческіе труды, библіографическія извѣстія о выходящихъ въ свѣтъ историческихъ и археологическихъ сочиненіяхъ и т. п.

Школа Хартій принесла несомнѣнную пользу наукѣ, приготовивъ многихъ тружениковъ, занимающихся разработкой и изданіемъ матеріаловъ французской исторіи. По ея примѣру были основаны подобныя школы въ Неаполѣ и Мадритѣ.

35) Кандидата Арнольда Думашевскаго.

Согласно выраженному мною въ послѣднемъ отчетѣ намѣренію, я живу теперь въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушаю лекціи у слѣдующихъ профессоровъ:

1) У г. *Рено* Gemeines deutsches Privatrecht, со включеніемъ леннаго, торговаго и вексельнаго права, 12 часовъ въ недѣлю.

2) У г. *Ценфеля*: deutsch. Staats-und Rechts-Geschichte, 6 час. въ недѣлю.

5) У г. *Пагенштехера*: Pandecten practicum и Repetitorium 6 час. въ недѣлю и 2 ч. privat. на дому, изъ пандектъ.

4) У г. *Целлера:* Geschichte der philosophischen Theorien über Staat und Gesellschaft, 2 часа въ недѣлю, — и

5) Кромѣ того, я посѣщаю лекціи г. *Гойера*: о новой исторіи съ 1789 г., 6 часовъ.

Что касается выбора мною этихъ именно лекцій для слушанія, то, я думаю, онъ слишкомъ объясняется уже предметотъ моей будущей спеціальности (гражд. пр.), чтобы нужно было еще особо мотивировать его.

Потому ограничусь замѣтками о самихъ лекціяхъ. Но, признаюсь, это-то скромное желаніе высказать свои замѣтки, на этотъ разъ, ставитъ меня въ затруднительное и щекотливое положеніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что сказать русскому о такихъ предметахъ, о которыхъ сами нѣмцы, посвятившіе имъ чуть-ли не цѣлое тысячелѣтіе времени, не могутъ ни себѣ, ни другимъ дать яснаго отчета?

Я говорю о системѣ преподаванія въ германскихъ университетахъ римскаго и обще-германскаго правъ.

Извѣстно, что въ Германіи римскаго права не читается, для

него и каѳедры нѣтъ, а читаются: исторія римскаго права, Institutiones и пандекты или *нынѣшнее* римское право.

Чтобы уяснить теперь den Schwerpunct моего недоразумѣнія, служащаго источникомъ сказаннаго затрудненія, я долженъ сказать нѣсколько словъ *о нынѣ дѣйствующемъ въ Германіи правѣ*.

Нынѣ дѣйствующее въ Германіи право, такъ называемое Gemeines deutsches Recht, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: изъ римскаго права (на сколько оно было глоссировано, и потому и реципировано въ Германіи — по правилу: «quidquid non agnoscit glossa, nec agnoscit curia»), каноническаго права и чисто германскаго (Шпигеля, Liber feudorum, Reichsabschiede и вообще произведенія законодательной власти бывшей имперіи и нынѣшняго германскаго союза, Rechtsgewohnheiten, провинціальныхъ привилегій и пр.)

Это Gemeines deutsch. Recht имѣетъ, впрочемъ, юридическую силу только въ весьма не многихъ частяхъ Германіи; въ большей же части ея существуютъ особые Landrecht'ы для каждой страны, наприм. Пруссіи, Австріи, Баваріи, Саксоніи и пр. Кромѣ того, въ значительной части Германіи, а именно по Рейну, дѣйствуетъ Code Napoléon.

Landrecht'ы и Code читаются особенно въ мѣстныхъ университетахъ — слѣдовательно, о нихъ говорить нечего здѣсь, и потому возвращаюсь къ обще-германскому и римскому правамъ.

Въ виду такого состава нынѣ дѣйствующаго въ Германіи права, и такъ-какъ въ него входитъ не *римское* право, а *нынѣшнее* римское право, т. е. та только часть, которая была глоссирована глоссаторами (а именно Аккурзіемъ) и только въ томъ видѣ, въ какомъ оно было измѣнено законодательною властью бывшей священной имперіи,—было бы кажется всего логичнѣе (или лучше сказать, единственно логично), еслибъ и читали это право, т. е., *нынѣ дѣйствующее въ Германіи право*, кромѣ ландрехтовъ, которые читаются особо въ каждой странѣ. Другими словами, профессоръ читалъ бы систему или догму, или то и другое вмѣстѣ, нынѣ дѣйствующихъ въ Германіи юридическихъ нормъ. При этомъ онъ могъ бы, какъ это дѣлается вездѣ, указать источникъ и историческое развитіе каждаго отдѣльнаго института и элемента, поясняя, что̀ здѣсь чисто римское, что *нынѣшнее* римское, что каноническое, что чисто германское и пр.

А такъ-какъ главную массу нынѣ дѣйствующихъ въ Германіи юридическихъ нормъ, въ особенности гражданскаго права, состав-

ляетъ римское право, то для лучшаго ихъ пониманія и для научной цѣли вообще, курсу обще-германскаго права слѣдовало бы предпослать курсъ *римскаго* права и исторію его.

Но не такъ дѣлаютъ нѣмцы. Римскаго права они не читаютъ, а читаютъ вотъ что: исторію римскаго права — ну, это понятно; далѣе, institutiones — этого ужъ я не понимаю.

Въ средніе вѣка, когда читалась не система римскаго права, а преподавался, или лучше сказать, интерпретировался самый Corpus juris, подъ этимъ словомъ понимали извѣстную часть юстиніановыхъ кампиляцій, озаглавленныхъ Institutiones. Это имѣло смыслъ.

Но что такое нынѣшніе «институты»? Нѣмцы говорятъ, что это есть энциклопедія или введеніе къ изученію римскаго права. Между тѣмъ, чего-чего не услышите на этомъ курсѣ — и общихъ юридическихъ понятій, и исторію римскаго права, а иногда и довольно изрядный курсъ римскаго права. Словомъ, вы услышите весьма много и много хорошаго.

Но курсъ Institutiones все-таки не есть курсъ римскаго права. Это послѣднее предстоитъ еще изучить на другомъ курсѣ и обыкновенно въ слѣдующемъ семестрѣ, именно на курсѣ «Пандектъ».

Но пандекты опять таки не *римское* право; это, какъ мы видѣли и какъ сами нѣмцы называютъ ихъ, *нынѣшнее* римское право, т. е., на сколько оно реципировано и измѣнено въ Германіи.

Итакъ, мы римскаго права еще не узнали. Пойдемъ далѣе къ *«обще-германскому праву»*.

Но читатель глубоко ошибется, если онъ подумаетъ на этомъ курсѣ узнать *дѣйствующее въ Германіи право*. Ни чуть не бывало. На этомъ курсѣ онъ узнаетъ *только тѣ институты и элементы нынѣ дѣйствующаго въ Германіи права*, *которые профессоръ считаетъ чисто-германскими*.

Профессоръ Рено поступаетъ на своихъ лекціяхъ обыкновенно такъ: начнетъ излагать ученіе о какой-либо отдѣльной матеріи гражданскаго права, напр. о собственности, обязанности и проч. и прямо говоритъ: «Гг., и въ этомъ институтѣ имѣютъ вообщее силу римскія начала, а вотъ наше германское право дѣлаетъ слѣдующія уклоненія и имѣетъ еще такія-то и такія-то особенности» — и начнетъ излагать свои родные дребезги, отдѣльные кусочки.

Спасибо г-ну Рено и за это. Онъ, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ о римскомъ (конечно о *нынѣшнемъ*) правѣ, а перѣдко, хотя вкратцѣ, напоминаетъ своимъ слушателямъ и римское ученіе о данномъ пред-

метѣ. Другіе же профессора и того не дѣлаютъ, а прямо излагаютъ вамъ тѣ обрывки и обломки изъ нѣнѣ дѣйствующаго въ Германіи права, которые онъ считаетъ чисто-германскими.

Каноническое право читается особенно. Спрашивается теперь: къ чему это и отъ чего эта разъединенная Германія, это разорваніе нынѣ дѣйствующаго въ Германіи права по кусочкамъ, по атомамъ, по элементамъ? — на это вамъ никто не дастъ точнаго отвѣта.

Напрасно мы хотѣли бы оправдывать нѣмецкихъ ученыхъ тѣмъ предположеніемъ, что такой методъ преподаванія обусловливается, быть можетъ, какою-нибудь практическою пользою, — къ чему, по видимому, даетъ поводъ то обстоятельство, что они читаютъ не *римское*, а *нынѣшнее* римское право. Можно было бы, слѣдовательно, подумать, что оно отчасти потеряло теперь свою юридическую силу, а потому они ограничиваются только нынѣ дѣйствующею частью его, считая все антикварностью. Но это было бы совершенно лишнее и незаслуженное оскорбленіе. Честные и трудолюбивые нѣмецкіе романисты, положительно жертвующіе жизнь свою изученію римскаго права и реставрированію текста источниковъ его, можно сказать, по атомамъ, откапывая его по буквамъ и полу-буквамъ на старыхъ палимсестахъ, — и не думаютъ о практической пользѣ. Нѣтъ, этому есть другія причины.

Но здѣсь я считаю нужнымъ сдѣлать небольшое отступленіе и оговориться.

Я знаю, что у насъ, на православной Руси, есть такіе правовѣрные поклонники всего нѣмецкаго, что всякое слово, произнесенное не въ безусловную и, такъ сказать, слѣпую похвалу нѣмцамъ, представляется имъ чуть-ли не святотатствомъ. А потому, не желая даже и косвенно и невольно обидѣть кого бы то ни было и нарушить чью нибудь совѣсть, я тутъ же прямо и положительно заявляю, что предлежащія замѣтки мои о системѣ преподаванія въ Германіи права вовсе не проистекаютъ изъ желанія умалить славу и заслуги нѣмецкихъ цивилистовъ и ученой Германіи вообще. Я указываю только на существующій фактъ и высказываю свое затрудненіе найти логическое оправданіе его существованія, — затрудненіе, которое теперь чувствуютъ и многіе нѣмецкіе юристы, если не всѣ.

Но если нельзя найти *логическое* оправданіе нынѣшней системѣ преподаванія въ германскихъ университетахъ римскаго и обще-

германскаго правъ, то она за то вполнѣ оправдывается и объясняется *исторіею*.

Извѣстно, что преподаваніе юридическихъ наукъ въ Германіи началось съ римскаго права. Преподаваніе было тогда очень просто: читали самый Corpus juris прямо какъ онъ есть, дѣлая къ нему объясненія. Такъ составились и глоссы, такъ писались и книги.

Съ XVI вѣка явилась реформа. Ученые начали усматривать всю безплодность такого чисто-механическаго изученія, стали искать другаго метода и набрели на то, что было уже подъ рукою — юстиніановы *«пандекты»*. Тогда стали излагать римское право по порядку пандектъ — откуда и пресловутое имя для нынѣшнихъ курсовъ римскаго права *«пандекты»*.

Вскорѣ замѣтили, что и этотъ порядокъ неудовлетворителенъ, и стали излагать по системѣ юстиніановыхъ Institutiones, — и именно съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія начали преподавать римское право систематически, не руководствуясь порядкомъ ни Corpus juris, ни какой-либо отдѣльной части его, а группируя юридическій матеріалъ по его внутреннему существу.

Но преподаваніе римскаго права въ Германіи началось уже послѣ появленія глоссъ, а потому въ то время, когда изученіе римскаго права ограничилось чтеніемъ Corpus juris съ глоссою, и поэтому читали только то, что было глоссировано; а потомъ, когда римское право было реципировано въ Германіи и какъ эта рецепція совершилась руками и усиліями этихъ же doctorum juris, т. е., тогдашнихъ романистовъ, то и были реципированы только тѣ части римскаго права, которыя имъ были извѣстны, т. е., глоссированныя. Хотя, съ начала нынѣшняго столѣтія, система преподаванія рѣшительно измѣнилась, по старой памяти все-таки продолжали преподавать тѣ же только части.

Такимъ-то образомъ и объясняется тотъ фактъ, что въ германскихъ университетахъ, вмѣсто римскаго права, читается теперь только *нынѣшнее* римское, т. е. только реципированное, т. е., *только глоссированное римское право*, или другими словами, вмѣсто римскаго права — явились *«пандекты»*.

Рядомъ съ этимъ идетъ другое явленіе. Римское право было реципировано въ Германіи, какъ извѣстно, только въ концѣ XV вѣка. Сначала народъ громко возставалъ противъ этого. Дворянство прямо требовало отмѣны этого нововведеннаго *иноземнаго* права и недопущенія *«докторовъ»* въ суды. Простой народъ выра-

зилъ свою критику римскаго права въ крестьянскихъ войнахъ. Но императоръ все-таки взялъ верхъ, а тогдашніе романисты поддерживали его въ этой борьбѣ, проповѣдуя слѣдующій силлогизмъ: Германская имперія вѣдь не *нѣмецкая*, а *римская*, а потому и римское право не иноземное, а *германское*. По ихъ мнѣнію, оно не нуждалось даже въ рецензіи; оно обязательно въ Германіи уже само по себѣ, какъ *римское* право въ *римской* (германской) имперіи.

Но когда первый пылъ прошелъ, и фактическое сопротивленіе народа не помогло, то явилась другая опозиція — ученая. Стали задавать себѣ вопросъ: а народъ-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, римское право дѣйствительно, кажется, не наше; не имѣемъ ли мы права на наше собственное право, или, какъ здѣшній профессоръ г. Ценфель выразился, не имѣемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ права на собственный носъ?

Явились смѣльчаки, которые рѣшились отвѣтить на это утвердительно; — а что для этого дѣйствительно нужна была нѣкоторая смѣлость, мы можемъ заключить изъ того обстоятельства, что въ то время итальянскіе романисты, а со словъ ихъ и нѣмецкіе, называли германское право *jus asininum*; а чтобы изъ главнаго романиста сдѣлаться вдругъ преподавателемъ juris asinini — согласитесь для этого не у каждаго хватитъ рѣшимости.

Но какъ бы то ни было, опозиція пошла въ ходъ, и вмѣстѣ съ римскимъ стали преподавать и германское право, а именно такъ, какъ я говорилъ выше, т. е. стали излагать цѣльное дѣйствующее въ Германіи право, не дробя его на элементы. Однакожъ, германисты и романисты не могли, видно, ужиться вмѣстѣ; они раздѣлились — и вотъ каждый унесъ свою долю: романистъ сталъ читать свои римскія крохи — это *«пандекты»*, а германистъ — свои германскія крохи — это Gemeines deutsches Recht.

Такимъ-то путемъ образовались тѣ курсы, которыми нынѣ исчерпывается преподаваніе въ германскихъ университетахъ гражданскаго права, и то, чего нельзя оправдать *логически*, вполнѣ оправдывается и объясняется *исторически*.

Попытки излагать единое дѣйствующее въ Германіи право продолжаются, однакожъ, и по нынѣ; судьба ихъ такая же, какъ и попытокъ образовать единую Германію: на бумагѣ, въ книжкахъ, стишкахъ, да въ сердцахъ истыхъ нѣмцевъ она давно единая — только не на дѣлѣ. Тоже самое и здѣсь: сочиненій, гдѣ излагается единое германское право, явилось много, а въ университетахъ про-

должаетъ существовать старый порядокъ, хотя теперь почти всѣ, если не всѣ, германскіе цивилисты убѣждены въ неумѣстности его.

Спросятъ, пожалуй, отчего же тѣ, которые убѣждены въ необходимости читать цѣльное германское право, не дѣлаютъ этого? На этотъ вопросъ здѣшній профессоръ г. Рено, въ частномъ разговорѣ, отвѣтилъ мнѣ вотъ что:

«Вы хотите, чтобы я читалъ полную систему и догму нынѣ дѣйствующихъ въ Германія юридическихъ нормъ въ области гражданскаго права? Но повѣрьте, какъ только я стану излагать римское ученіе о трактуемомъ мною предметѣ, всѣ мои слушатели положатъ перья и выпучатъ на меня глаза. Вѣдь римское ученіе они уже слушали на Institutiones и пандектахъ, а отъ меня они ожидаютъ только чисто-германскаго ученія». — И онъ вполнѣ правъ.

Дѣйствительно, при существующемъ нынѣ порядкѣ, когда кромѣ обще-германскаго права, читается еще и *нынѣшнее* римское, на которое профессоръ отнимаетъ у своихъ слушателей 3 — 4 ч. (даже по 8 ч.) ежедневно въ теченіе цѣлаго семестра, было бы, конечно, неумѣстно повторять римское ученіе и на курсѣ обще-германскаго права.

Но спросятъ еще, отчего же не отмѣнятъ самый этотъ порядокъ чтенія, отчего же не устранятъ, наконецъ, эти роковыя institutiones и пандекты?

На это я отвѣчу, *во первыхъ*, что Германія не такая страна, гдѣ что-нибудь такъ скоро дѣлается, и вѣдь со времени появленія перваго капитальнаго сочиненія съ цѣльнымъ изложеніемъ дѣйствующаго въ Германіи права прошло всего только два столѣтія*), — слѣдовательно, время еще терпитъ; *во вторыхъ*, многіе германскіе юристы увѣряютъ, что это было бы возможно, или по крайней мѣрѣ удобнѣе, когда въ Германіи будетъ единый обще - германскій кодексъ. Судя по тому, что первую мысль о необходимости для Германіи единаго кодекса высказалъ знаменитый епископъ Агабарбъ, жившій при Людовикѣ Благочестивомъ, и что съ того времени прошло только немного болѣе одного тысячелѣтія, — можно положительно ожидать, что обще - германскій кодексъ вѣроятно будетъ скоро готовъ, хотя Савиньи, а вмѣстѣ съ нимъ и многія другія юридическія знаменитости Германіи, еще въ началѣ нынѣшняго

*) Это именно извѣстное соч. G. A. Struve: Jurisprudentia romano - germanica forensis 1670 г.

столѣтія увѣряли, что нѣмцы еще не достаточно разработали право, чтобы писать кодексъ для себя — значитъ, еще не созрѣли.

Но эта ссылка на отсутствіе кодекса, очевидно, есть не болѣе, какъ оговорка. Благо, еслибъ вовсе не читали германскаго права, а то вѣдь оно читается, только по кусочкамъ — германскіе элементы особенно, и римскіе особенно. Слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ читать тотъ же матеріалъ, тѣ же элементы, только вмѣстѣ. Если весь юридическій матеріалъ слишкомъ громаденъ для одной каѳедры, то его вѣдь можно было бы раздѣлить—только не по атомамъ, не по элементамъ, какъ теперь, а по институтамъ. Можно было бы предоставить одному профессору читать, напримѣръ, семейное и наслѣдственное право, а другому — ученіе о собственности и обязанностяхъ.

Но это, вѣдь, только возможно, а почему это не дѣлается такъ, т. е. почему же не читаютъ въ германскихъ университетахъ *римскаго* права и *нынѣ дѣйствующаго въ Германіи* права, — это-то именно и есть тотъ вопросъ, разъясненіе котораго и ставитъ меня, какъ я уже выше сказалъ, въ затруднительное и щекотливое положеніе.

Что касается, наконецъ, внѣшней стороны слушаемыхъ мною теперь лекцій, то чтенія гг. Рено, Ценфеля и Целлера можно смѣло рекомендовать всякому посѣщающему гейдельбергскій университетъ.

Въ заключеніе, замѣчу еще слѣдующее. Въ послѣднемъ отчетѣ я высказалъ намѣреніе — изложить результаты моего ознакомленія съ юридическимъ бытомъ Пруссіи въ особой монографіи. Но, приступивъ къ работѣ, я долженъ былъ отказаться отъ этого: на это потребовалось бы слишкомъ много времени, и, признаюсь, я нахожу болѣе полезнымъ употребить пребываніе свое за границею на то, чтобы научиться самому, чѣмъ научить другихъ, а поучиться есть чему — и положително, и отрицательно, т. е., поучиться что̀ и какъ *дѣлать*, а что̀ и какъ *не дѣлать*.

Гейдельбергъ, 7-го іюня 1863 года.

36) Старшаго учителя Александра Іонина.

(За четвертый триместръ пребыванія за границей).

In der Philologie wie in Erforschung der Natur gedeiht kein Eifer demjenigen, der in irgend einem Winkel des grossen Gefildes, arbeitet,

ohne zu wissen, wonach seine Mitarbeiter um ihn her auf andern Plätzen bemüht sind.

Wolf Darstellung der Alterthumswiss. стр. 15.

Мѣстомъ пребыванія и занятій моихъ въ настоящій семестръ я избралъ Берлинъ, имѣя въ виду преимущественно лекціи проф. Бёка, назначившаго въ этотъ семестръ предметомъ своихъ чтеній энциклопедію и методологію филологическихъ наукъ.

Не говоря уже о важности этихъ предметовъ, изученіе которыхъ способствуетъ къ установленію правильнаго взгляда на отношеніе различныхъ частей нашей науки, и показываетъ сущность пріемовъ филологическаго изслѣдованія, меня привлекло сюда желаніе ближе ознакомиться съ взглядами Бёка, выработавшимися въ продолженіе 56 лѣтъ неутомимой профессорской и ученой дѣятельности *).

Вмѣсто того, чтобы излагать содержаніе прочитанныхъ до сихъ поръ лекцій, я нахожу болѣе удобнымъ представить въ краткомъ очеркѣ главнѣйшіе взгляды на филологію и взаимное отношеніе частей ея, причемъ само собою опредѣлится мѣсто, занимаемое Бёкомъ въ ряду прочихъ мыслителей.

По замѣчанію Аста **) въ изученіи филологіи съ эпохи возрожденія до начала нынѣшняго столѣтія можно различить слѣдующіе три періода:

1) Періодъ *гуманизма*, когда въ изученіи древности видѣли исключительное средство къ умственному и нравственному образованію. Это 14, 15 и 16 ст.,—время Петрарки, Боккачіо, Полиціана и итальянскихъ стилистовъ.

2) Періодъ *матеріальнаго изученія*, 17 ст.,—вѣкъ Скалигера, Сомеза (Salmasius), Казобона (Casaubonus), Гроно (Gronovius), вообще древнѣйшей французской и голландской школы.

3) Періодъ *формальнаго и критическаго изученія*, 18 вѣкъ, отмѣченный именами Бентли, Гемстергейза, Валькенера, Рункена.

Этими направленіями отчасти уже обозначается преобладаніе тѣхъ или другихъ взглядовъ на филологію. Въ первомъ періодѣ на занятія ею смотрѣли какъ на studia humanitatis ***), которыя дол-

*) *Hoffmann* Lebensbilder berühmter Humanisten. Leipzig 1837. Стр. 53 слѣд. см. также *Ascherson* August Böekhs fünfzigjähriges Doctorjubiläum. Leipzig. 1857.

**) Grundriss der Philologie. Landshut. 1808 стр. 4 слѣд. см. также *Daub und Creuzer*, Studien I, 7—13 и das akademische Studium des Alterthums. 80—87.

***) См. рѣчь *Ант. Мурета* de utilitate et praestantia litterarum humaniorum.

жны вести къ гумманности, т. е. гармоническому развитію и разумному употребленію всѣхъ духовныхъ способностей. Во второмъ періодѣ, когда стали собирать матеріалы, необходимые для пониманія древней литературы, образовался взглядъ, что филологія — наука универсальная, полигисторія, обнимающая собою всѣ области знанія *). Но при прогрессивномъ ходѣ прочихъ наукъ, такое универсальное значеніе филологіи оказалось наконецъ невозможнымъ; необходимо было его ограничить. Так. обр., слѣдуя этимологическому значенію самаго слова, подъ филологіею стали разумѣть языкознаніе, хотя и то въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ **). Рядомъ съ изученіемъ языковъ шла критическая разработка собраннаго въ предшествовавшіе вѣка матеріала, и понятіе филологіи сдѣлалось тождественнымъ съ понятіемъ критики ***). Слѣдствіемъ этихъ послѣднихъ взглядовъ было то, что филологія сдѣлалась формальной наукой, утратила всякое содержаніе, и въ отношеніи къ другимъ наукамъ стала въ зависимое положеніе, какъ вспомогательное средство, безъ котораго, впрочемъ, можно было и обойтись ****).

Заслуга эманципаціи филологіи изъ этого зависимаго положенія принадлежитъ *Фр. Авг. Вольфу*. Онъ первый сдѣлалъ попытку образовать изъ нея систему, стройный научный организмъ, указать ея раздѣленіе и предѣлы. Онъ опредѣляетъ *****) филологію, какъ

---

*) Dictionnaire de Trévoux. T. V, стр. 528: C'est une espèce de science, composée de Grammaire, de Rhètorique, d'Antiquités, d'Histoire, ct generalement de la Critique et interprêtation de tous les Auteurs; en un mot une litterature universelle, quis etend sur toutes sortes de sciences et d'Auteurs.

**) *Sulzer* (Kurzer Begriff aller Wissenschaften und anderer Theile der Gelehrsamkeit. Frankfurt und Leipzig. 1786 стр. 9. (Die Philologie ist der Inbegriff aller Regeln, Lehren und Anmerkungen, welche zu gründlicher Erlernung der Sprachen dienen.

***) Что, вѣроятно, побудило Гете сказать: Die Philologie ist ein Handwerk, und zwar das Handwerk zu emendiren (III ч., стр. 288).

****) Такое жалкое состояніе филологіи не могло не отразиться и на матеріальномъ бытѣ филологовъ. Heumann въ Conspectus reip. literar. Hannov. 1733. Стр. 204 говоритъ: Eaedemcausae sunt (какъ и при философіи) cur magnorum philologorum rarus sit proventus. Sie nim unam alteramque professionem academicam et paucas gymnasiorum bibliothecarumque praefecturas exceperis, philologos plerosque ars sua vel non alit vel parcissime minusque honeste alit. Fructuosas igitur literas a plérisque anteponi contemptae et famelicae sapientiae philologicae non est quod miremur. Fucrunt etiam, qui ut vivere passent et lautius et honestius, in Pontificia castra transierunt, ut Acidalius, Scioppius, Holstenius, Philippus Caroli, Kusterus.

*****) Darstellung der Altterthumswissenschaft nach Begriff, Umfang, Zweck und

науку древности (классической)—Alterthumswissenschaft, и дѣлитъ ее на 24 части. Не смотря на всѣ недостатки этого дѣленія, именно, отсутствіе внутренней связи между частями, въ слѣдствіе чего вмѣсто системы является аггрегатъ, за Вольфомъ все-таки остается честь установителя самостоятельнаго значенія филологіи, какъ науки съ опредѣленнымъ содержаніемъ и цѣлью.

Болѣе удовлетворяетъ требованіямъ системы *Астъ*, представившій взглядъ свой на филологію и ея раздѣленіе въ двухъ сочиненіяхъ: 1) Grundriss der Philologie (Landshut 1808) и 3) Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik (тамъ же 1808). Подъ филологіею онъ также разумѣетъ науку древности но придаетъ ей слишкомъ большое значеніе: въ древней классической образованности онъ видитъ образецъ для нашей современной, *) забывая, конечно, что такой взглядъ противорѣчитъ идеѣ вѣчнаго прогресса въ развитіи человѣчества. Дѣленіе филологіи на части уже обозначено двумя упомянутыми сочиненіями, изъ которыхъ первое обнимаетъ науки реальныя, а второе—средства къ изученію древности: дѣленіе совершенно основательное, хотя грамматику слѣдовало бы отнести къ реальному отдѣлу.

Бернгарди (Grundlinien zur Encyclopaedie der Philologie. Halle 1832) представляетъ всѣ филологическія науки въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ: 1) Элементы филологіи—герминевтика и критика, 2) органъ ея—грамматика, 3) реальныя науки и 4) приложенія (Beiwerke). Въ этомъ дѣленіи, по замѣчанію Рейхардта *) удержана вольфова система со всеми ея недостатками, и въ добавокъ еще ложно понятая. Прежде всего, на какомъ основаніи герминевтика и критика, эти органы филологическаго пониманія, причисляются къ элементамъ филологіи? Элементы, основанія, уже заключаютъ въ себѣ нѣчто реальное, и, слѣдовательно, составляютъ принадлежность третьяго отдѣла. Далѣе, почему грамматика считается органомъ филологіи? Если только потому, что она необходима для пониманія, то это

Worth in *Wolf und Buttmann* Museum der Alterthumswissenschaft. I. стр. 1 слѣд. Разборъ его системы см. *Dr. Hans Reichardt:* Die Gliederung der Philologie. Tübingen 1846. Стр. 106 сtt.

*) Grundr. d. Phil. стр. 6: Die Welt der Griechen und Römer betrachten wir mit Recht als das Muster der menschlichen Bildung. Стр. 8. Wiedererweckung der classischen Bildung zu einem höheren, geistig verklärten Leben ist das Ziel unserer Bildung. См. *Elze:* Ueber Philologie als System. Dessau. 1845. Стр. 8.

**) Стр. 114.

доводъ очень недостаточный: не говоря уже о томъ, что грамматика не объясняетъ, напримѣръ, произведенiй искусства, ея одной слишкомъ мало для пониманiя даже литературныхъ памятниковъ. Впрочемъ, такой взглядъ на грамматику принадлежалъ всѣмъ филологамъ до Бёка, который первый указалъ грамматикѣ мѣсто въ ряду реальныхъ наукъ. Наконецъ, въ перечисленiи послѣднихъ, у Бернгарди не видно никакого основанiя, почему именно четыре науки—исторiя литературы, древняя географiя, древняя исторiя и знанiе древнихъ (куда относится и миѳологiя) должны составлять реальный отдѣлъ. Что же касается до приложенiй (подъ ними онъ разумѣетъ древнее искусство съ нумизматикой и эпиграфикой, и исторiю филологiи), то ихъ, вообще, не должно быть въ изслѣдованiи, цѣль котораго установленiе научной системы: если заключающiеся въ нихъ предметы филологическiе, то ихъ мѣсто въ одномъ изъ трехъ первыхъ отдѣловъ; если нѣтъ, то нечего и говорить о нихъ. Впрочемъ, это сочиненiе Бернгарди, какъ и его исторiя греческой и римской литературы, очень важны по богатому указанiю источниковъ и пособiй, и историческимъ очеркамъ каждаго отдѣла.

Особенною оригинальностью отличается система *Авг. Маттiэ* (Aug. Matthiä: Encyclopaedie und Methodologie der Philologie. Leipzig, 1835). Знанiе языка и древностей (въ этихъ послѣднихъ заключаются всѣ реальныя науки филологiи), какъ теоретической части филологiи, служитъ только приготовленiемъ и основанiемъ практической части—герменевтики и критики, составляющихъ настоящую цѣль филологiи, которая, по его опредѣленiю—наука о толкованiи и исправленiи литературныхъ произведенiй грековъ и римлянъ. Переходимъ къ разсмотрѣнiю системы Авг. Бёка. Взглядъ свой на изслѣдованiе классической древности онъ высказалъ въ введенiи къ трактату: Ueber die Antigone des Sophocles *). «Греческая древность является намъ чуждымъ, до нѣкоторой степени замкнутымъ, особеннымъ мiромъ; всякое значительное явленiе въ немъ представляетъ безчисленное множество вопросовъ, надъ рѣшенiемъ которыхъ мы трудимся уже нѣсколько столѣтiй, и никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ рѣшилъ много. Ни одна частность не можетъ быть понята безъ общаго, и на оборотъ. Чтó древнiе понимали сами собою, потому что и общее и частное было имъ не-

*) Помѣщ. въ Abhandlungen der historisch-philologischen Classe der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Jahrgang 1824.

посредственно присуще, до того мы должны доходить приблизительно, путемъ искусства и разсудка, стараясь изъ разсѣянныхъ чертъ воспроизвести общія основанія съ цѣлью живѣе и ближе узнать отдѣльныя явленія. Такимъ образомъ, тотъ всего ближе приходитъ къ истинѣ, кто при одинаковой съ другими степени навыка, при одинаковомъ дарѣ созерцанія и анализа, *обладаетъ наибольшею способностью обозрѣвать общее и цѣлое*, потому что онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь видитъ напередъ, какъ слѣдуетъ понимать то или другое; онъ не впадетъ въ ту ошибку, которая составляетъ подводный камень для людей самыхъ остроумныхъ, въ пустыя тонкости, и не станетъ, какъ паукъ, сплетать изъ себя то, что должно быть добыто изъ сочетанія разнообразныхъ свидѣтельствъ. Но кто можетъ сказать, что онъ имѣетъ достаточный обзоръ цѣлаго? Пока не достигнутъ этого обзора, пусть одинъ дополняетъ другаго, чтобы въ свою очередь быть дополненнымъ; и, такимъ образомъ, будетъ полезно изслѣдовать предметы до тѣхъ поръ, пока никто не найдется въ состояніи прибавить что-нибудь». При такомъ взглядѣ на изученіе древности вообще, Бёкъ не могъ не обратить вниманія на необходимость разумной и точной системы, которая бы связывала разнообразныя части филологіи въ одинъ стройный организмъ, и опредѣляла бы характеръ изслѣдованія, свойственный каждой изъ нихъ. «При нынѣшнемъ состояніи филологіи», говоритъ онъ *): «когда такъ много разработано по всѣмъ отраслямъ ея, оказывается настоятельная потребность бросить взглядъ на внѣшнюю и методическую сторону нашей науки, о чемъ еще такъ мало изслѣдованій, особенно такихъ, которыя бы отличались глубиною. Большая часть филологовъ едва имѣетъ понятіе о сущности употребляемыхъ ими пріемовъ, но продолжаетъ занятіе по привычкѣ или по охотѣ, бозсознательно увлекаясь превосходствомъ этой науки. Даже тѣ, которые хотѣли начертать систему филологіи, показываютъ не малую неспособность къ образованію понятій, и такой странный недостатокъ сознанія своей собственной, весьма успѣшной дѣятельности, что, напримѣръ, грамматику, которая очевидно заключаетъ въ себѣ часть филологическаго матеріала, относили вмѣстѣ съ герменевтикой и критикой къ органамъ филологіи, какъ фор-

---

*) Въ введеніи къ трактату: Ueber die kritische Behandlung der pindarischen Gedichte, помѣщ. въ Abhandlungen der historisch-philologischen Classe der königl. Academie der Wissenschaften zu Berlin. 1825.

мальную науку». Первый очеркъ энциклопедіи филологіи былъ сдѣланъ имъ еще въ 1807 г. въ Гейдельбергѣ *), и затѣмъ, онъ нѣсколько разъ прочитывалъ въ берлинскомъ университетѣ полный курсъ ея, котораго, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ не существуетъ въ печати, хотя этотъ недостатокъ пополняется отчасти трудами нѣкоторыхъ изъ слушателей, усвоившихъ и развившихъ его взгляды; между ними особенно замѣчательны упомянутыя уже сочиненія *Эльце* и *Рейхардта*. Самъ Бёкъ высказывалъ печатно только нѣкоторыя указанія на свою систему, и то при случаѣ.

Въ основаніе этой системы Бёкъ полагаетъ понятіе о филологіи. «Всякое знаніе, имѣющее своимъ предметомъ духъ человѣка, бываетъ двоякое: знаніе первичное, γνῶσις и вторичное, ἀναγνωσις. Предметъ — *воспроизведеніе первичнаго знанія* (Wiedererkenntniss des Erkannten) или *историческое разсмотрѣніе человѣческаго духа въ его произведеніяхъ»* **). Въ этомъ смыслѣ филологія—историческая наука. Къ первичному знанію (primitive Erkenntniss) относятся и представленія, выраженныя въ пластическихъ образахъ, слѣдовательно, искусство и языкъ, такъ-какъ въ немъ заключаются самыя первыя знанія ***); наконецъ устройство быта общественнаго и частнаго есть результатъ практическаго знанія народа. Итакъ, филологія — наука весьма обширная, и по замѣчанію Эльце ****) обнимаетъ цѣлую треть человѣческаго знанія вообще. По различію народовъ древности, филологія бываетъ различна, напр., оріентальная, классическая и пр. Наконецъ она можетъ быть ограничена извѣстнымъ періодомъ древности. Изъ этого основнаго понятія филологіи Бёкъ выводитъ двѣ части ея. Если филологія воспроизведеніе древняго знанія, то отсюда слѣдуетъ необходимость *пониманія* древности. Функціи пониманія, герменевтика и критика, составляющія какъ бы филологическую логику или канонику, сами должны быть напередъ узнаны, и систематическое изложеніе ихъ законовъ заключается въ первой, *формальной* части филологіи. Посредствомъ этихъ двухъ органовъ разработывается матеріалъ древности, составляющій вторую, *матеріальную* часть филологіи. Языкъ, котораго со-

---

*) Hoffmann. стр. 34.

**) Слова Бёка Ср. Elze, стр. 16.

***) Языкъ, по словамъ Бёка, Abbild der Urkenntniss.

****) Стр. 16.

ставъ и строй объекты, а не органы филологическаго воспроизведенія, надо отнести ко второй части.

Такъ-какъ матеріальная часть филологіи должна обнимать всѣ произведенія духовной дѣятельности народа, а духовная дѣятельность бываетъ практическая и теоретическая, то во второй части разсматриваются:

1) Государственная жизнь,

2) Частная жизнь,

3) Искусство и

4) Наука, къ которой относится и языкъ.

Что касается до религіозныхъ воззрѣній народа, то ихъ слѣдуетъ отнести къ отдѣлу искусства, такъ-какъ они обыкновенно выражаются въ символическихъ образахъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ система Бёка, болѣе подробное изложеніе и разборъ которой могутъ быть умѣстны только по прослушаніи цѣлаго курса.

Кромѣ чтеній профессора Бёка, я посѣщаю также лекціи профессора Гаупта, на которыхъ онъ разбираетъ комедію Плавта: Miles gloriosus. Такъ-какъ этотъ писатель мало требуетъ историческихъ объясненій, то комментарій профессора преимущественно грамматическій и критическій. Первый касается какъ исторіи языка, такъ и особенностей плавтова употребленія; второй состоитъ въ разборѣ текста на основаніи рукописей; причемъ указывается, до какой степени увлекались иногда самые замѣчательные филологи страстью къ эмендаціямъ и конъектурамъ. Само собою разумѣется, что для того, чтобы съ пользою слушать эти объясненія, необходимо напередъ приготовиться къ нимъ; лучшимъ пособіемъ при этомъ служитъ критическое изданіе Ричля.

Въ заключеніе, мнѣ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о здѣшней филологической семинаріи, въ которой переводятся и комментируются: Демосѳенъ (ὁ κατὰ Πεισίου λόγος), подъ руководствомъ профессора Бёка, и Лукрецій (de rerum natura)—подъ руководствомъ профессора Гаупта; но устройство ея ничѣмъ не отличается отъ боннской, о которой я уже писалъ въ одномъ изъ предъидущихъ отчетовъ.

Берлинъ, 4/16 іюня 1863 года.

37) Кандидата Константина Брохоцкаго *).

(За зимній семестръ 18⁶²/₆₃ года).

По всей вѣроятности, мнѣ первому изъ воспитанниковъ нашего университета случилось завернуть на родину знаменитѣйшаго изъ французскихъ юристовъ — Куякція. Пробывъ два семестра въ Германіи, я отправился во Францію, желая короче познакомиться съ кодексомъ Наполеона и способомъ изложенія здѣшнихъ профессоровъ. Выборъ мой палъ на Тулузу (и, при теперешнемъ стеченіи политическихъ обстоятельствъ, я имъ очень доволенъ: спокойнѣе угла нѣтъ), съ одной стороны, вслѣдствіе совѣта г. сенатора Губе, члена здѣшней академіи законодательства, съ другой — вслѣдствіе желанія узнать получше югъ Франціи, полный преданій, *pays du droit écrit*, почерпнуть изъ книгъ и разговоровъ съ ученымъ профессоромъ Молиньé *(Molinier)* хотя несовершенно подробныя свѣденія о развивающемся съ каждымъ днемъ законодательствѣ сосѣдней Испаніи, и, наконецъ — желаніе увидѣть эту *Tolosa Palladiana*, въ которой юридическія науки и *artes liberales* цвѣли еще до нашествія визиготовъ, и возродились съ начала XIII столѣтія.

Нынѣ, пробывъ здѣсь почти шесть мѣсяцевъ и узнавъ довольно коротко здѣшнихъ юристовъ, членовъ академіи и профессоровъ, систему изложенія послѣднихъ, общее устройство юридическаго факультета и проч., передаю нѣсколько свѣденій, которыя вѣроятно не останутся безъ интереса.

Начало здѣшнему университету, состоящему нынѣ изъ трехъ факультетовъ (F. de Droit, F. des Sciences, F. des Lettres), положилъ собственно Людовикъ Святой по договору съ графомъ тулузскимъ Раймондомъ VII (22-го мая 1229 г.), съ цѣлью препятствовать развитію и распространенію ученія альбигойцевъ; согласно съ нею, предметы преподаванія были: теологія, право римское и каноническое, грамматика и свободныя искусства. Привилегіи первыхъ ректоровъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Парижскомъ университетѣ, и только Францискъ I положилъ конецъ буйности студентовъ и полной независимости университетскихъ дѣлъ отъ обыкновенной юрисдикціи.

---

*) Г. Брохоцкій отправленъ за границу С.-Петербургскимъ университетомъ на счетъ Демидовской стипендіи для приготовленія кандидатовъ къ профессорскому званію.

Въ настоящее время юридическій факультетъ ставитъ себя выше двухъ прочихъ, гордясь отблескомъ сіянія славы и учености Куякція; впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ многіе члены его, какъ гг. профессоры Шово, Родіеръ, Дельпешъ, Молиньé, Массоль теперь уже славятся, трое другихъ — Дэмантъ, Эмберъ, Гюкъ... по всей вѣроятности заслывутъ вскорѣ истинно-учеными и отличными профессорами.

Составъ факультета слѣдующій:

1) *Кодексъ Наполеона.* Ордин. профессоры: Дельпешъ (деканъ), Лоранъ *(Laurens)*, Брэссоль. Проф. адъюнкты: Эмберъ и Гюкъ.

2) *Гражданскій процессъ.* Орд. профессоръ Родіеръ. Адъюнкты: Эмберъ, Рози.

3) *Римское право.* Ордин. проф. Массоль, Дэмантъ.

4) *Право уголовное.* Проф. Молиньé.

5) *Право административное.* Шовó.

6) *Торговое право.* Проф. Дюфуръ.

7) *Исторія франц. права.* Проф. Жинуйльякъ.

Система изложенія здѣшнихъ профессоровъ экзегетическая; они строго придерживаются порядка главъ и статей кодекса и сѣтуютъ противъ абсолютизма нѣмецкихъ ученыхъ, образующихъ основанныя на логичномъ порядкѣ системы. Система кодекса гражданскаго (Sujet, Objet, Modes d'Acquisition) прекрасна, проста, естественна и очень хорошо удовлетворяетъ требованіямъ практической жизни; но при теоретическомъ изложеніи юридическихъ истинъ упряма; по рубрикамъ кодекса, при отсутствіи *общей части*, неизбѣжны постоянныя повторенія тѣхъ же общихъ началъ, возвращенія къ изложеннымъ статьямъ и заглядываніе въ главы, касающіяся новыхъ, вполнѣ неизвѣстныхъ ученику матерій.

Профессора Дельпешъ и Брэссоль съумѣли избѣгнуть отчасти этого недостатка, введя нѣкоторый синтезъ: поставляя въ началѣ главные, основные принципы, выводя изъ нихъ общія законодательныя мѣры, упоминая о контроверсіяхъ и разбирая главнѣйшія изъ нихъ, и только, послѣ такого подготовленія, переходя къ толкованію буквы закона.

Обыкновенно, изложеніе всякой болѣе важной статьи соединяетъ исторію съ догматикой; притомъ, разумѣется, у всякаго профессора свой конекъ; такъ г. Гюкъ болѣе напираетъ на римское право, г-нъ Эмберъ — болѣе на исторію французскаго. Амальгама всѣхъ

лекцій производитъ очень полное, хорошее цѣлое, только жаль, что порядка въ немъ мало и юридическія дисциплины выбиваются во всѣ стороны изъ тѣсныхъ рамокъ статей, несмотря на разныя профессорскія пристройки.

Другая слабая сторона здѣшняго юридическаго воспитанія та, что изложеніе спеціальныхъ вѣтвей права начинается вдругъ съ перваго же года, что очень неудобно для молодыхъ людей, неподготовленныхъ юридически посредствомъ энциклопедіи законовѣдѣнія, только что выдержавшихъ испытаніе *de baccalauréat*, помнящихъ школьную ферулу и вступающихъ въ университетъ съ цѣлью погулять.

Справедливость моего замѣчанія доказываютъ экзамены *de licence*; они болѣе чѣмъ легки, такъ напр. мнѣ случилось слышать, что *L. Aelia Sentia* относилась къ наслѣдствамъ, а отвѣчавшій получилъ бѣлый шарикъ, соотвѣтствующій нашему балу 5, и кромѣ того, студентъ можетъ продолжать ихъ любое число лѣтъ, отказъ же *(réfus)* ничего не значитъ. Я присутствовалъ при экзаменѣ г-на Феронъ, отосланнаго уже 23 (!) раза.

Экзаменъ *de licence* состоитъ изъ курсовъ трехъ первыхъ годовъ, курсъ же 4-го года принадлежитъ къ докторскому испытанію; экзаменующихъ коммиссій двѣ или три въ году, каждая состоитъ не менѣе какъ изъ пяти профессоровъ.

Система юридическаго образованія, принятая въ университетахъ Германіи, гораздо совершеннѣе; сообщаю ихъ сравнительную таблицу:

Въ Тулузѣ.	*Въ Боннѣ и Гейдельбергѣ.*
I. Année.	
Code Napoléon. Droit Romain.	*I. Semester.* Encyclop. und Methodol. der R-wiss. Geschichte und Institut. des R. R. Philos. des R. Logik. Exegese eines Latein. jurist. Classikers.
II. Année.	
Code Napoléon. Droit Romain. Droit Commercial. Procédure Civile.	*II. Semest.* Pandekten. Deutsche Staats und R. gesch. Exegese eines Latein. jurist. Classikers.
III. Année.	
Code Napoléon. Droit Administratif. Droit Criminel.	*III. Semest.* Pand.-Repetitorium. Deutsch. Privat- und Lehnrecht. Römisch. Prozess. Civilprozess. Exegese des Sachsenspiegels.

IV. Année.

Droit Français, étudié dans ses origines féodales et coutumières.

Conférences sur les Digestes.

IV. Semest. Staatsrecht. Politik. Criminalrecht. Landrecht (oder Französisches Civilr.) Disputiruebungen.

V. Semest. Kirchenrecht. Criminalprozess. Landrecht. (oder Französ. Civilr.) Land- oder Französ. Civilprozess. Völkerrecht.

VI. Semest. Civil- und Criminalprozess-practika. Wiederholung der Pandekten. Polizeiwiss. Finanzwiss. Allgemeine Repetitorien.

(Порядокъ, принятый въ этой таблицѣ, соблюдается студентами традиціональнымъ образомъ, хотя собственно зависитъ отъ ихъ свободнаго выбора).

Одно чтеніе этой таблицы убѣждаетъ, что въ Германіи стремленіе къ учености сильнѣе, чѣмъ во Франціи.

Но, говоря о недостаткахъ, нельзя пройти молчаніемъ многаго хорошаго:

Во-первыхъ, есть при здѣшнемъ факультетѣ отличное учрежденіе, которое вѣроятно не мѣшало бы ввести и у насъ, — это *конференціи*. Онѣ не что иное какъ репетиціи письменныя и словесныя проходимыхъ въ году дисциплинъ, приготовляющія студентовъ къ испытанію, и что̀ важнѣе — пріючающія ихъ къ техническому умѣнію хорошо говорить (столь рѣдкому у насъ) и разрѣшать письменно ученые вопросы. Конференцій три, по одной для каждаго года; на нихъ ученики, подъ руководствомъ профессоровъ - адъюнктовъ *(proff. agrégés)*, повторяютъ ежедневно, изустно и поочередно знакомыя по лекціямъ дисциплины; кромѣ того, всякій обязанъ представить ежемѣсячно письменное развитіе заданной темы, такъ что въ концѣ года сумма всѣхъ сочиненій является въ видѣ довольно полнаго résumé всего курса.

Посѣщеніе конференцій необязательно, но исполняется обыкновенно большинствомъ студентовъ за плату 60 фр. въ годъ.

Во-вторыхъ, Тулуза до сихъ поръ старается всѣми средствами оправдать свое прозвище *palladiana*. На дняхъ ректоръ г-нъ Рошѐ

(Conseiller à la Cour de Cassat.) говорилъ мнѣ: «On joue ici à l'académie; mais une d'entre elles est vraiement sérieuse, c'est l'Acad. de Législation: elle encourage réellement le travail et couronne le vrai mérite».

Академія законодательства основана въ 1851 г. (7-го мая) подъ вліяніемъ генеральнаго инспектора Лафферіера и профессора Бэнешъ; цѣль ея — способствовать развитію и усовершенствованію французскаго законодательства вообще, и въ особенности — розысканіямъ на пути исторіи древняго законодательства, законовѣдѣнія и судебной практики южной Франціи. Согласно съ этою цѣлью академія назначаетъ ежегодно двѣ темы для конкурса (предметъ одной — догма дѣйствующаго права, другой — исторіи права); кромѣ того, въ каждые пятьнадцать дней бываетъ засѣданіе въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера, на которомъ читаются монографіи членовъ академіи и иностранныхъ корреспондентовъ и рапорты объ ученыхъ и законодательныхъ трудахъ французскихъ и иностранныхъ юристовъ; наконецъ, академія коронуетъ ежегодно лучшую изъ докторскихъ диссертацій всѣхъ факультетовъ Франціи.

Недавно, на одномъ изъ академическихъ засѣданій, я прочелъ публично диссертацію о поединкѣ (Notice sur le Duel), содержащую исторію развитія его въ Россіи и сравненіе статей 2048 до 2063 нашего уголовнаго уложенія съ проектомъ, представленнымъ во Франціи коммиссіею (Commission de l'Assemblée nationale) 1851 года, подъ предсѣдательствомъ профессора Valette. На слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи, 18-го марта, академія присудила мнѣ серебрянную медаль съ изображеніемъ Куякція и надписью: Res sanctissima civilis sapientia, и рѣшила, напечатать мое сочиненіе въ своемъ годичномъ сборникѣ: (Récueil des travaux de l'Académie de Législation de Toulouse).

Разумѣется, что писаніе этого сочиненія не должно было прерывать и не прервало обыкновеннаго хода моихъ занятій.

Они были слѣдующія:

Во-первыхъ, я слушалъ въ недѣлю: девять лекцій *de Code Civil*, три лекціи гражданскаго процесса, три лекціи торговаго права, и три конференціи проф. Массоль, для приготовляющихся къ докторскому испытанію, о избранныхъ мѣстахъ дигестовъ; во-вторыхъ: кромѣ того, тоже три раза въ недѣлю я присутствовалъ на аудиенціяхъ гражданскихъ трибуналовъ. Наконецъ, я посвящалъ остальное время занятіямъ дома и въ факультетской библіотекѣ, а иногда въ библіотекѣ адвокатовъ.

Такимъ образомъ я старался извлечь всю возможную пользу и изъ ознакомленія съ учеными теоріями и съ примѣненіемъ ихъ къ дѣйствительной жизни.

Тулуза, 25-го марта 1863 года.

38) Кандидата Константинова *).

Увѣдомляю о своихъ занятіяхъ въ теченіе зимняго семестра. Я оставался въ Лейпцигѣ этотъ семестръ изъ желанія прослушать весь академическій курсъ чтенія проф. Рошера, изъ области науки о народномъ хозяйствѣ. Въ теченіе этого семестра онъ читалъ практическое народное хозяйство, науку о финансахъ и исторію политическихъ и соціальныхъ теорій.

Будучи далекъ отъ мысли установить новую теорію въ политической экономіи, долженствующую смѣнить такъ называемую промышленную школу Ад. Смита, Рошеръ выдѣляется однакоже изъ толпы новѣйшихъ экономистовъ, повторяющихъ въ другомъ порядкѣ, съ небольшими измѣненіями, законы, высказанные Ад. Смитомъ. Его труды далеко оставляютъ позади труды сотоварищей по наукѣ. Историко-физіологическій методъ выводитъ его на ему только свойственный путь и — нужно удивляться его умѣнью употреблять съ пользою богатый запасъ историческихъ знаній. Этотъ методъ есть лучшій пробирный камень для оцѣнки началъ Ад. Смита, Мальтуса и другихъ знаменитыхъ его предшественниковъ. Рошеръ не представляетъ читателю готоваго вывода, а предлагаетъ ему самый процессъ выработки той или другой истины; онъ заставляетъ предъ читателемъ проходить историческія явленія изъ хозяйственной жизни народа; для выработки же мнѣнія, спускается до самаго начала извѣстнаго хозяйственнаго явленія, а ясное сознаніе начала и хода его въ кругу другихъ постороннихъ явленій жизни, придаетъ большую твердость взгляду. Рошеръ болѣе другихъ экономистовъ входитъ въ жизнь, ею обхватывается, а потому, менѣе кого-либо другаго, признаетъ всеобщій идеалъ пригоднымъ для всякаго времени и мѣста. Онъ далекъ отъ фантазіи, а также и отвлеченнаго вывода, не подтверждаемаго жизнью. Дѣйствительность — вотъ среда, гдѣ вращаются его изслѣдованія и гдѣ они находятъ готовый матеріалъ. Значеніе Рошера состоитъ еще въ томъ, что онъ оказалъ огромную

---

*) Г. Константиновъ также отправленъ за границу на счетъ демидовской стипендіи.

услугу нѣмецкому обществу распространенiемъ, между различными слоями его, истинныхъ понятiй о народномъ хозяйствѣ и законахъ имъ управляющихъ; чему много способствовали ясность изложенiя, приложенiе историческаго метода, облегчающее для самаго обыкновеннаго человѣка пониманiе основныхъ законовъ народнаго хозяйства.

Огромная начитанность, умѣнье пользоваться богатымъ запасомъ своихъ знанiй, не увлеченiе частностями, при ясномъ изложенiи предмета, суть достоинства и особенность таланта Рошера. Его академическiя чтенiя еще болѣе приближаются къ цѣли—ясному усвоенiю экономическихъ законовъ—чрезъ сжатое, сосредоточенное на извѣстномъ пунктѣ изложенiе. Найдя исходную точку, онъ ведетъ, не сходя съ нея, слушателей по разнымъ переходамъ явленiя въ жизни, стараясь извлечь законы изъ ея самой. Все то, чтó дастъ жизнь, онъ принимаетъ охотно; но на что въ ней нѣтъ сочувствiя, нѣтъ зачатковъ элементовъ, необходимыхъ для того или другаго вывода, отвергаетъ положительно, не потому, что извѣстное мнѣнiе ложно, а по не совпаданiю его съ дѣйствительностiю. Этотъ пунктъ служитъ главнымъ для нападокъ со стороны еще борющихся идеальныхъ теорiй; обвиняютъ его въ проповѣдыванiи вреда отъ стремленiя къ истинамъ, къ идеаламъ, такъ напр.: къ безусловной свободѣ торговли и т. д. Мнѣ кажется, все это происходитъ отъ невѣрнаго разумѣнiя мнѣнiя Рошера:—онъ указываетъ только на то, что такой-то идеалъ не приложимъ къ дѣйствительности, въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ, а потому, по мнѣнiю его, нужно стремиться не къ дальнему идеалу, а къ болѣе близкому. Не отвергая безусловной торговли какъ идеала, можно все-таки не желать ея осуществленiя въ данный моментъ. «Такъ же мало существуетъ общепригоднаго хозяйственнаго идеала для различныхъ народовъ, какъ общепригодной мѣрки для личностей». Въ послѣднее время нѣкоторые ученые (Arnd) обвиняютъ Рошера даже въ ненаучности его изслѣдованiй, что они слишкомъ поддались жизни, пропитались ея духомъ и—потеряли свою мертвенность, должны бы были прибавить къ своимъ возраженiямъ противъ ненаучности изслѣдованiя Рошера.

Все это меня побудило пробыть въ Лейпцигѣ два семестра и заниматься преимущественно политической экономiею.

Академическiя чтенiя проф. Рошера изъ политической экономiи близко соприкасаются съ его учеными трудами въ тѣхъ частяхъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ двухъ томахъ системы народнаго хо-

зяйства и въ другихъ статьяхъ, изданныхъ до настоящаго времени. Подобное явленіе вытекаетъ само собою изъ сущности дѣла, изъ невозможности имѣть двѣ науки—школьную и кабинетную, изъ невозможности читать одно, а издавать другое; хотя и должна быть между ними разница, заключающаяся въ наружной формѣ, въ порядкѣ изложенія, группировкѣ фактовъ и т. д., но въ сущности обѣ должны быть согласны. Никто и не вправѣ, слѣдовательно, ожидать отъ профессора чего-то новаго, небывалаго, а потому впередъ можно было сказать, что и лекціи Рошера настоящаго семестра будутъ сколки съ его же сочиненій; но тутъ примѣшивалось новое названіе, практическое народное хозяйство, и слушатели вправѣ были ожидать болѣе свѣжести. Въ своей системѣ народнаго хозяйства проф. Рошеръ не знаетъ раздѣленія на двѣ части, теоретическую и практическую, народнаго хозяйства, —обѣ части взаимно переплетаются и дополняютъ другъ друга. Извлекая основы народнаго хозяйства изъ жизни, изъ дѣйствительности, не давая большаго хода отвлеченному мышленію, Рошеръ и не могъ иначе поступить, не произнося смертный приговоръ надъ своимъ же трудомъ. У него невозможно подобной непослѣдовательности встрѣтить! Опредѣливъ подобнымъ образомъ свои лекціи, Рошеръ оговаривается, что практическою онъ называетъ не въ противоположность непрактичности теоретической части, а единственно потому, что выводы послѣдней прилагаетъ къ жизни, вводитъ ихъ въ дѣйствительность, примѣняясь къ сопоставленію разныхъ условій. Но допустивъ подобный взглядъ,—является необходимость болѣе частнаго и подробнаго разбора экономическихъ явленій, что́ на лекціяхъ Рошера было очевиднымъ недостаткомъ, хотя и не безъ пользы для самаго изложенія предмета, выигрывающаго чрезъ то болѣе ясности. Какъ бы въ опроверженіе самаго себя, весь 1-й отдѣлъ, за исключеніемъ главы о бѣдности, есть не болѣе какъ пополненіе изъ перваго тома его системы народнаго хозяйства подъ болѣе общеупотребительными, житейскими названіями, подъ другимъ расположеніемъ рубрикъ,— такъ что нѣкоторыя лекціи были повтореніемъ лекцій запрошедшаго семестра. Нельзя ее также назвать практическою потому, что она занимается въ одномъ мѣстѣ исключительно поземельнымъ хозяйствомъ (Landwirthschaft), въ другомъ — ремесленными, торговыми; скорѣе, поэтому, ей подходитъ названіе «особой части».

Такимъ образомъ, взаимно-тѣсная связь теоретической съ практической частію, не позволяетъ дѣлать строго-научнаго раздѣленія.

Но опа имѣетъ свою также выгоду, придавая болѣе жизненности выводамъ науки изъ фактовъ, представляя критику, повѣрку имъ въ примѣнимости къ дѣйствительности. Рошеръ воспользовался, болѣе чѣмъ кто-либо другой, этою выгодою. Сжатое, обращенное на одинъ пунктъ изложеніе, выпукло выставляетъ сущность самого предмета, обхваченнаго со всѣхъ сторонъ дѣйствительностію, вращающагося въ средѣ многочисленныхъ, посторонних причинъ, вліяющихъ на то, или другое направленіе. Историческій методъ играетъ здѣсь особенно видную роль. Богатство историческаго матеріала доставляетъ Рошеру возможность, безъ натяжекъ, прослѣдить явленіе съ начала до конца. Такъ, разсматривая поземельную политику и признавъ землевладѣніе исходною точкою, неизбѣжною необходимостію, а слѣдовательно вполнѣ справедливою и разумною, онъ ведетъ читателя по различнымъ переходамъ этого вопроса, разъясняя отношенія формы землевладѣнія къ общинѣ (Gemeine), фамиліи, сословіямъ и личности на различныхъ ступеняхъ развитія общественной жизни.

Практическое народное хозяйство занимало почти половину часовъ чтенія проф. Рошера, другую же половину пополняла наука о финансахъ и исторія политическихъ и соціальныхъ теорій. Какъ финансовое хозяйство есть часть народнаго хозяйства и немыслимо безъ онаго, такъ и наука о финансахъ есть часть отдѣльнаго цѣлаго—науки о народномъ хозяйствѣ. Условія государственнаго хозяйства во многомъ разнятся отъ народнаго и въ особенности въ самомъ источникѣ дохода, непремѣннаго признака каждаго хозяйства; но она безъ знанія началъ народнаго хозяйства не удобоприложима. Реакція противъ дробленія наукъ поступила уже довольно давно въ область политико-экономическихъ наукъ. Рау давно же говоритъ о политической экономіи, раздѣленной на три части: теоретическую, практическую и науку о финансахъ; преподаваніе науки о финансахъ сосредоточивается въ рукахъ политико-экономовъ, точно такъ-же, какъ такъ называемаго у насъ полицейскаго права.

Указавъ кратко развитіе государственной жизни, постепенное ея подчиненіе закону, Рошеръ перешелъ къ изложенію государственныхъ доходовъ. Раздѣленіе его на составныя части проще, чѣмъ у кого-либо другаго; онъ не допускаетъ большаго подраздѣленія, затрудняющаго ясно обнять сущность вообще государственныхъ доходовъ. Двѣ группы онъ разлагаетъ: privatrechtliche доходы государства и подати. Развитіе государственныхъ доходовъ и порядка

ихъ сбора шло параллельно съ развитіемъ общественной жизни, вызывающей новыя потребности, нуждающейся въ большихъ доходахъ. Въ жизни государства преобладала сначала первая группа, а мало-по-малу совершался переходъ ко второй и все болѣе и болѣе исключавшей доходы первой группы, замѣняя ихъ второю. Какъ прежде доходы первой группы были болѣе раціональны, болѣе удовлетворяли общественнымъ потребностямъ, не причиняя значительнаго вреда народному хозяйству, даже на извѣстной ступени были полезны: такъ въ настоящее время, когда общество достигло значительной степени развитія, наоборотъ, ихъ мѣста заступили доходы второй группы. Развитіе политической жизни народа, выработка общественнаго мнѣнія суть непремѣнные признаки господства второй группы доходовъ. До тѣхъ поръ пока подобный моментъ не наступилъ въ странѣ, выгодно для нея убыточное доминіальное хозяйство, такъ какъ это единственное средство противъ произвола правительства, представляло бы иначе почти безграничное право ему распоряжаться доходами гражданъ. А потому Рошеръ не знаетъ всеобщаго, годнаго для всѣхъ странъ, идеала системы государственныхъ доходовъ. Блестящіе результаты акцизной системы, по-доходной подати въ Англіи, тѣсно связаны со всѣмъ ея государственнымъ строемъ, вполнѣ зависятъ отъ богатой выработки общественнаго мнѣнія. Не вслѣдствіе системы, акцизы даютъ богатые результаты и по доходности и безвредности, хотя сравнительно съ другими государствами, а вслѣдствіе постороннихъ условій, вполнѣ независимыхъ отъ превосходства самой системы.

Порядокъ и форма изложенія тѣ же, какъ и въ ученіи о народномъ хозяйствѣ, т. е. то же приложеніе историческаго метода къ изслѣдованію, то же краткое, сжатое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное изложеніе предмета въ его сущности.

Расходы, теорія ихъ, заняла самое незначительное мѣсто, тѣмъ болѣе, что конецъ семестра приближался, а Рошеръ даже не закончилъ вполнѣ свое изложеніе относительно формальной стороны финансоваго хозяйства. Такъ относительно веденія книгъ, счетовъ, контроля и т. д. онъ ограничился указаніемъ сочиненій по этимъ предметамъ. Лекціи изъ «исторіи политическихъ и соціальныхъ теорій» не заняли много времени и читались безплатно. Цѣлью Рошера не было прослѣженіе постепенной выработки какого-либо политическаго или соціальнаго ученія, а указаніе на тѣ главные моменты развитія его, которые соединяются въ одномъ, или много,

что въ нѣсколькихъ современныхъ личностяхъ и сохраненіе внутренней связи ихъ между собою. Внѣшнія причины играютъ при этомъ очень видную роль, обусловливая то или другое направленіе философской теоріи. Подобная система представляетъ очень замѣтно свою выгодную сторону въ той ясности излагаемой теоріи, которая не запутывается дальнѣйшею ея разработкою, мало-по-малу уклоняющеюся отъ первоначальнаго понятія и мало-по-малу измѣняющеюся въ своемъ направленіи. Рошеръ поставилъ себѣ задачею прослѣдить ходъ человѣческой мысли, помѣчая и на выпуклыхъ точкахъ, не только относительно чисто экономическаго ученія, но также относительно идеи государства, общества въ ихъ обѣихъ равнозначущихъ сторонахъ — экономической и политической. Реформація, лучше другихъ, указываетъ на гармоническое соединеніе всѣхъ этихъ сторонъ: она была не только религіозною, но и политическою, и экономическою реформою тогдашняго общества Германіи; вліяніе послѣднихъ двухъ равно чувствовалось какъ въ протестантскихъ, такъ и католическихъ мѣстностяхъ.

Все чтеніе Рошеръ раздѣлилъ на 17-ть главъ и расположилъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Фукидидъ и Софисты, 2) Платонъ, 3) Аристотель, 4) римскіе теоретики, 5) политическая экономія древности, 6) Макіавелли, 7) реформаторы (Лютеръ и пр.), 8) іезуиты, 9) абсолютисты, 10) англичане XVI ст., 11) Руссо и энциклопедисты, 12) защитники (die Wortführer) и противники французской революціи, 13) нѣмецкіе философы (съ Канта), 14) реакціонеры, 15) конституціоналисты XIX ст., 16) новѣйшая политическая экономія и 17) соціалисты и комунисты.

Древній міръ — прототипъ новаго, или, лучше сказать, всеобщаго человѣческаго развитія; въ немъ, или лучше сказать, въ послѣднемъ, мы встрѣчались съ тѣми же законами, обусловливающими развитіе, которые дѣйствовали и до новой эры — вотъ взглядъ Рошера на отношеніе античнаго къ нашему времени. Въ экономическихъ явленіяхъ мы встрѣчаемъ поразительную аналогію — возьмемъ ли мы кредитные законы, законы о ремеслахъ и торговлѣ, или развитіе государственныхъ потребностей и средствъ ихъ удовлетворяющихъ — вездѣ мы увидимъ вѣчно дѣйствующіе законы.

Разсматривая чтенія Рошера въ вышеизложенномъ порядкѣ, мы находимъ двѣ группы теорій — до Рож. Хр. и послѣ онаго и въ каждой изъ нихъ двѣ части, два рода теорій, — въ одномъ преобла-

дастъ политической элементъ, а во второмъ—экономическій. Выработку древнихъ мыслителей онъ высоко ставитъ не только въ собственно политическомъ отношеніи, но и въ экономическомъ. Каждое экономическое явленіе имѣетъ, по Рошеру, двѣ равнозначущія стороны — политическую и экономическую; первая преобладала въ изслѣдованіяхъ античнаго міра, вторая господствуетъ въ настоящее время. Обѣ эти стороны должны сливаться, чтобы избѣжать односторонности въ экономическихъ изслѣдованіяхъ и обѣ равнозначительны для правильности вывода экономическаго закона. Усиленіе экономической стороны, въ изслѣдованіяхъ новаго времени, на счетъ политической, есть главная причина недостаточной оцѣнки трудовъ древнихъ ученыхъ. Этимъ можетъ быть объяснено огромное значеніе въ политической экономіи, приписываемое имъ Фукидиду, у котораго, по его словамъ, онъ научился болѣе чѣмъ у кого-либо другаго. Для точной же оцѣнки древнихъ экономистовъ, необходимо перенестись въ окружающую ихъ среду, отрѣшиться отъ условій настоящаго времени и подчиниться не буквѣ, а смыслу ученія — вотъ необходимыя условія, чтобы понять все значеніе древнихъ экономистовъ. Фукидидъ, по его мнѣнію, чистъ отъ ошибокъ и большой знатокъ законовъ политической экономіи, безошибочнаго ихъ пониманія и вывода ихъ изъ окружающихъ условій жизни. Этому доказательствомъ служатъ экономическія идеи, разсыпанныя по всей его исторіи пелопонезской войны и въ особенности сдѣланное имъ сравненіе Афинъ, государства, экономически развитаго, богатаго, промышленнаго, съ хорошими путями сообщенія и пр., съ Спартою — страною воинственною, бѣдною, земледѣльческою, съ дурными дорогами и т. д. Его мнѣніе о колоніяхъ не потеряло свою силу и въ настоящее время, тогда какъ сдѣлано безчисленное количество опытовъ.

Выходя изъ взгляда, что личное развитіе мыслителя обусловливается въ значительной степени окружающей средою, Рошеръ, разбирая ту или другую теорію, очерчивалъ современную ей эпоху, настроеніе которой обусловливало то или другое направленіе теоріи. При подобной системѣ поразительно ясно, выпукло рисуется сущность ученія, не какъ личнаго развитія, не какъ отдѣльное, а какъ выраженіе тогдашняго общества, тогдашнихъ условій жизни. Личное развитіе не можетъ освободиться отъ современности, если не желаетъ попирать почву подъ ногами; мысль философа опутана современнымъ порядкомъ вещей, она обусловлена ими и геній можетъ только,

живо прочувствовавъ современное, найти въ немъ зачатки дальнѣйшаго развитія, указать на нихъ и, пользуясь знаніемъ ихъ сущности, указать на предстоящій путь. Задача не легкая и подъ силу только талантливаго мыслителя. Если мы представимъ теперь греческій міръ, единственно образованный міръ тогдашней эпохи, то увидимъ удивительное разнообразіе какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ развитіи и при всемъ томъ единство, выражавшееся въ греческой цивилизаціи. Существенный порядокъ вещей казался не только лучшимъ, но вполнѣ законнымъ и необходимымъ. Аристотель, въ лицѣ котораго греческое знаніе достигло своей вершины, тогда какъ общественная жизнь стала выказывать зачатки будущаго паденія, считаетъ рабство естественнымъ явленіемъ и если у него является сомнѣніе въ естественности, то онъ спѣшитъ выставить требованія, казавшіяся долгое время не исполнимыми, напр. рабство уничтожится, когда корабли будутъ ходить безъ гребцевъ, когда время можно будетъ знать безъ постояннаго наблюденія и т. д. Будучи воспитанъ въ обществѣ, живущемъ на счетъ работы рабовъ, Аристотель не могъ отдѣлиться отъ современности, отъ убѣжденія, что подобный порядокъ будетъ вѣчно существовать, если не случится чего-то необыкновеннаго въ развитіи человѣческаго знанія.

А также, какъ объяснить, безъ разсмотрѣнія современнаго состоянія общества, несогласіе двухъ великихъ философовъ въ опредѣленіи лучшей формы правленія — Аристотеля и Платона, жившихъ въ одно столѣтіе! Откуда разница взгляда, откуда у Платона предпочтеніе аристократическому, а у Аристотеля—монархическому правленію? Какъ нельзя лучше объясняется разница взглядовъ изъ современнаго имъ состоянія общества.

Пользуясь этимъ методомъ изложенія, ни одна теорія не является случайно, а есть порожденіе современнаго ей состоянія общества; чрезъ это значительно облегчается самая оцѣнка того или другаго направленія. Въ обществѣ существуетъ еще другой законъ, законъ перемѣнчивости, законъ, по которому одно направленіе извѣстнаго мнѣнія дѣлается невозможностію, а онъ, какъ должно ожидать, нашелъ достаточное мѣсто у Рошера, безусловно убѣжденнаго въ круговращеніи, т. е. что за періодомъ либерализма слѣдуетъ періодъ консерватизма, не только въ жизни, въ дѣйствительности, но и въ изслѣдованіяхъ ученыхъ. Но консерватизмъ не есть сохраненіе прошедшаго, а остановленіе либеральнаго направленія на

пути развитія; онъ далеко не тотъ, который существовалъ до періода либерализма.

Разбирая разность направленія въ политическихъ и соціальныхъ теоріяхъ англичанъ и французовъ, Рошеръ указываетъ на главную причину ея — на разность стремленій; у первыхъ liberty и propriety, у вторыхъ égalité и liberté и потомъ еще fraternité. Англичане, хотя и признаютъ за современнымъ поколѣніемъ право передѣлки общественнаго быта, болѣе удовлетворяющаго его нуждамъ, но оно не безусловно и ограничено историческимъ наслѣдствомъ и требованіями будущаго передать наслѣдованное. Французы, какъ извѣстно, поставили совершенно иначе вопросъ и признавали только право одного настоящаго поколѣнія. Другое различіе между ними состоитъ въ различіи взглядовъ на происхожденіе собственности.

Послѣднія двѣ главы, къ сожалѣнію, не имѣли достаточно подробнаго изложенія по недостатку времени; и Рошеръ указалъ только на главныя направленія со временъ Ад. Смита. Какъ скоро индустріальная школа достигла торжества, является реакція противъ нея и вотъ эти два направленія, реакція и дальнѣйшая обработка ученія Ад. Смита, и составляли сущность послѣднихъ лекцій Рошера. Реакція произошла изъ трехъ различныхъ пунктовъ: соціальнаго (S. de Sismondi, по исходной точкѣ M. Chevalier и въ нѣкоторомъ отношеніи I. St. Mill), консервативнаго, изъ желанія возвратиться къ средневѣковому быту (A. Müller) и національнаго (Gannil, Fr. List и Carey). У него, въ числѣ послѣдователей Ад. Смита, является группа русско-нѣмецкихъ экономистовъ, въ главѣ которой онъ ставитъ Шторха, заслуга котораго, по его мнѣнію, состояла въ томъ, что Шторхъ, прибывъ изъ образованныхъ странъ въ Россію и владѣя знаніемъ экономическихъ законовъ, выработанныхъ на западѣ, не оставлялъ безъ вниманія мѣстныя условія страны въ своихъ изслѣдованіяхъ. Самое интересное мѣсто въ этихъ главахъ, состоящее изъ нѣсколькихъ словъ — о значеніи историко-физіологическаго метода. Приготовленіемъ къ нему послужила система Рау, замѣчательная по безпристрастію разсматриваемыхъ явленій и богатству статистическаго матеріала.

Въ исторіи политической экономіи существуетъ еще разное мнѣніе о томъ, кого считать основателемъ историческаго метода въ изслѣдованіяхъ о народномъ хозяйствѣ. M. Wirth признаетъ творцемъ Рошера и указываетъ на важное значеніе послѣдняго. Самъ же Рошеръ не выставляетъ себя прямо, но ни объ комъ не упомянулъ;

и притомъ разсмотрѣлъ значеніе метода въ наукѣ, какъ дѣло близко его касающееся. Важность того или другого метода въ изслѣдованіяхъ, особенно соціальныхъ явленій, не отрицаема; перемѣна его влечетъ за собою движеніе самой науки впередъ. Подобное явленіе мы можемъ прослѣдить въ развитіи каждой отрасли человѣческаго знанія и особенно оно поразительно дѣйствовало, до настоящаго времени, въ области естественныхъ наукъ. Въ соціальныхъ наукахъ оно не выразилось еще довольно ярко, да въ дѣйствительности и не было кореннаго измѣненія системы, а только частныя, оставляющія самую сущность послѣдней безъ измѣненія; историко физіологическому методу предстоитъ завидное значеніе въ области политической экономіи: отъ его приложенія зивиситъ дальнѣйшее ея развитіе.

Но въ чемъ же состоитъ сущность метода Рошера? Разобравъ ученія послѣдователей и противниковъ Ад. Смита, Рошеръ указываетъ на мѣсто, занимаемое его методою въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не простое соединеніе, примиреніе различныхъ мнѣній, господствующихъ въ политической экономіи, послѣдователей и противниковъ Ад. Смита, составляетъ стремленіе историко-физіологическаго метода, а выясненіе ошибокъ, лежащихъ въ основѣ разныхъ системъ. Выясненіе погрѣшностей влечетъ за собою возможность составленія мнѣнія, болѣе подходящаго къ истинѣ». Нельзя не замѣтить самодовольства подобнаго, простого желанія — составить мнѣніе болѣе подходящее къ истинѣ.

Кромѣ университетскихъ занятій, я старался по возможности познакомиться съ нѣмецкою политико-экономическою литературою относительно состоянія рабскаго класса и, вообще, вопроса о работѣ, слѣдя, между прочимъ, за въ высшей степени интересною борьбою двухъ направленій въ политикѣ рабочаго класса — Schulze-Delitsch и Lassale. Первый желаетъ развитія ассоціацій рабочихъ безъ помощи государства и разсматриваетъ вопросъ съ чисто экономической точки; второй же ставитъ требованіе, что государство должно споспѣшествовать къ учрежденію ассоціацій, такъ какъ оно помогаетъ другимъ предпріятіямъ — постройкѣ чугунки и т. д. и что безъ его помощи нѣтъ возможности улучшить положеніе рабочаго класса. Онъ ставитъ этотъ вопросъ на чисто политическую точку и требуетъ всеобщей подачи голосовъ, чтобы и рабочій классъ имѣлъ представителей въ законодательныхъ собраніяхъ и нападаетъ на новѣйшую школу экономистовъ, укрѣпившихъ «жестокій» законъ о рабочей

платѣ. Онъ отвергаетъ предложенія Schulze-Delitsch, не видя возможности чрезъ то улучшить положеніе рабочаго класса. Но оба предложенія Lassale и Schulze-Delitsch невозможно сравнивать между собою, такъ какъ оба имѣютъ предметомъ разные классы рабочаго слоя народа, такъ какъ первый желаетъ преимущественно улучшить положеніе фабричныхъ, а второй—ремесленнаго класса въ тѣсномъ смыслѣ.

Окончивъ занятія въ Лейпцигѣ, я переѣхалъ въ Гейдельбергъ, предполагая пробыть здѣсь лѣтній семестръ и заняться политическими предметами, слушая лекціи Bluntschli, Häusser.

Гейдельбергъ, 16-го апрѣля / 28-го апрѣля 1863 года.

39) Леопольда Беркевича.

Нынѣшнимъ мѣстомъ моего пребыванія за границею я избралъ Альтону, гдѣ встрѣтилъ опредѣленіе разности географическихъ долготъ между здѣшнею и копенгагенскою обсерваторіями, помощью регистриръ-аппарата. Дабы вполнѣ ознакомиться съ практическою стороною этого способа, сущность котораго состоитъ въ томъ, чтобы прохожденіе однѣхъ и тѣхъ же звѣздъ черезъ различные меридіаны регистрировать на одномъ аппаратѣ, — я, вмѣстѣ съ ассистентомъ Альтонской обсерваторіи Д. Лессеромъ, съѣздилъ въ Копенгагенъ, гдѣ, по причинѣ неблагопріятной погоды, пробылъ пять недѣль. Такъ-какъ способъ этотъ, предложенный директоромъ альтонской обсерваторіи, нынѣ только во второй разъ употребляется, то я считаю долгомъ довести до свѣденія министерства подробное описаніе онаго.

Приборы, употребляемые при этомъ опредѣленіи, были:

1) Два универсальные инструмента работы гамбургскаго художника Репсольда; размѣры ихъ были: объективъ 2 дюйма; вертикальный кругъ дѣленія въ діаметрѣ 1 футъ, а горизонтальный кругъ дѣленія почти 2 фута въ діаметрѣ.

2) Регистриръ-аппаратъ работы альтонскаго часовыхъ дѣлъ мастера, покойнаго Криле. Устройство его слѣдующее:

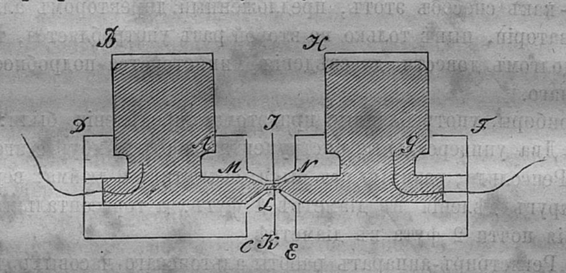
Мѣдный цилиндръ внутри пустой, длиною 15 пар. дюймовъ, шириною $5\frac{1}{2}$ пар. лин. въ діаметрѣ, толщиною $\frac{1}{8}$ пар. лин. (на который накладывается выкрашенная бумага); движется около своей оси помощью часоваго механизма; сзади его находится возокъ, удерживающій три мѣдные рычага и три электромагнита (для каж-

даго рычага одинъ электромагнитъ) и приводимый въ движенiе вдоль оси цилиндра помощью тяжести. Каждый рычагъ на концѣ, болѣе удаленномъ отъ цилиндра, удерживаетъ кусокъ желѣза, на который дѣйствуетъ электромагнитъ и приводитъ рычагъ въ движенiе. Къ другому концу рычага прикрѣпленъ мѣдный штифтъ, законченный алмазомъ, покоющiйся на цилиндрѣ и придавливаемый къ нему помощью малой тяжести. Въ то время, когда цилиндръ и возокъ находятся въ движенiи, каждый штифтикъ описываетъ на цилиндрѣ винтовую линiю, которыя, развернувъ цилиндръ, представляется въ видѣ прямыхъ линiй. Назначенiе средняго штифтика — обозначать на цилиндрѣ секунды мѣстнаго времени; назначенiе же крайнихъ: время прохожденiя звѣзды черезъ меридiанъ.

Для того, чтобы среднiй штифтъ могъ обозначать секунды, электромагнитъ его соединенъ съ часами, которыхъ прерыватель тока (Unterbrecher) такъ устроенъ, что токъ бываетъ одну секунду замкнутый, другую секунду прерванъ. Въ слѣдствiе сего, желѣзо рычага то бываетъ притягиваемое, то, помощью пружины отталкиваемо отъ электромагнита, и штифтъ, вмѣсто прямой, линiи описываетъ ломанную линiю вида _|‾|_|‾|_|‾|_|‾|_

Устройство прерывателя, принадлежащее художнику Криле, слѣдующее:

AB и *GH* (см. черт.) — двѣ стеклянныя трубки, наполненныя ртутью, прикрѣпленныя къ двумъ кускамъ слоновой кости *CD*, *EF*.

Отъ стеклянныхъ трубокъ идутъ вдоль слоновыхъ кусковъ канавки *M* и *N*, черезъ отверстiя которыхъ ртуть можетъ вытекать, если этому теченiю нѣтъ никакихъ препятствiй. Сосуды *CD* и *EF*, такъ поставлены подлѣ себя, что струи *M* и *N* противоположны, въ слѣдствiе чего теченiе прерывается; между сосудами же находится тонкiй слой ртути, служащiй металлическимъ соединенiемъ сосудовъ.

Сосуды *CD* и *EF* прикрѣплены въ ящикѣ часовъ такимъ образомъ, что ртутная струя параллельна плоскости качанія маятника и находится почти на одной высотѣ съ анкернымъ валомъ. Къ анкерному валу прикрѣпленъ малый металлическій брусокъ, достигающій пустаго пространства между сосудами, и удерживающій на другомъ концѣ противовѣсъ, для того, чтобы центръ тяжести лежалъ на вращательной оси анкернаго вала. На концѣ этого рычага прикрѣплена тонкая слюдяная пластинка, перпендикулярная къ струѣ *MN;* она соприкасается къ *L* въ струѣ въ то время, когда маятникъ имѣетъ отвѣсное положеніе, и удаляется или пересѣкаетъ эту струю въ то время, когда маятникъ выходитъ изъ этого положенія.

Когда маятникъ отъ вертикальнаго своего положенія движется въ ту сторону, въ которой пластинка пересѣкаетъ струю, тогда металлическое соединеніе между сосудами прервано, до тѣхъ поръ, пока маятникъ, достигнувъ своего наибольшаго отклоненія, не прійдетъ опять въ вертикальное положеніе; въ слѣдующую за тѣмъ секунду, такъ-какъ пластинка удаляется отъ струи, металлическое соединеніе между сосудами возстановляется.

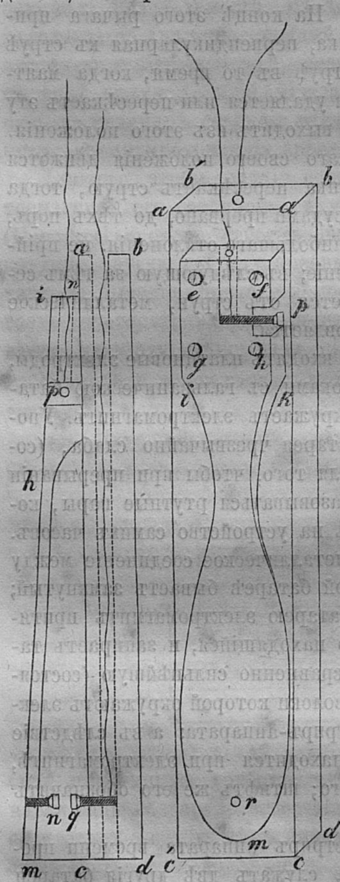
Въ сосуды, наполненные ртутью, входятъ платиновые электроды, которые соединены мѣдными проволоками съ гальваническою батареею; одна изъ этихъ проволокъ окружаетъ электромагнитъ. Употребляемая тутъ галваническая батарея чрезвычайно слаба, (состоитъ изъ 1 элемента Бунзена), для того, чтобы при прерываніи тока и запираніи его не могли образовываться ртутные пары, которые могли бы вредно дѣйствовать на устройство самихъ часовъ. До тѣхъ поръ пока продолжается металлическое соединеніе между сосудами, элекрическій токъ въ этой батареѣ бываетъ замкнутый; слѣдовательно, введенный въ эту батарею электромагнитъ притягиваетъ кусокъ желѣза, подлѣ него находящійся, и запираетъ такимъ образомъ другую батарею, несравненно сильнѣйшую (состоящую изъ 5 элементовъ Бунзена), проволоки которой окружаютъ электромагнитъ средняго рычага регистриръ-аппарата; а въ слѣдствіе сего, рычагъ этотъ одну секунду находится при электромагнитѣ, другую секунду въ удаленіи отъ него; штифтъ же его обозначитъ на цилиндрѣ это движеніе.

Для обозначенія на бумагѣ регистриръ - аппарата времени прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ, служатъ двѣ другія батареи (каждая состоитъ изъ 5 элементовъ). Проволоки этихъ батарей, — одна непосредственно, а другая, окруживъ сперва электромагнитъ

одного изъ крайнихъ рычаговъ регистриръ-аппарата, — идутъ къ рукояткѣ (taste), помощью которой наблюдатель можетъ запирать или отпирать цѣпь.

Устройство этой рукоятки слѣдующее:

Къ четыреугольному куску слоновой кости, длиною въ 4 пар. дюйма, а шириною 9 линій толщиною 3 линіи, прикрѣплена помощью 4 винтовъ *e*, *f*, *g*, *h* мѣдная пластинка, вида показаннаго на чертежѣ, въ части своей *imk*, не много тоньше и удаляющаяся отъ слоновой кости. Въ части *ipk* мѣднаго куска есть отверстіе, въ которое вкладывается проволока, идущая отъ батареи, и плотно къ нему привинчивается. На концѣ этой пластинки въ *r* ввинченъ винтъ, помощью котораго можно дѣлать металлическое соприкосновеніе этой проволки съ другою, идущею отъ батареи, окружающею электромагнитъ одного изъ крайнихъ рычаговъ регистриръ-аппарата и проходящею внутри слоновой кости. Эту рукоятку наблюдатель держитъ въ рукѣ и, то прижимая, то отпуская мѣдную пластинку, можетъ то запирать, то отпирать батарею.

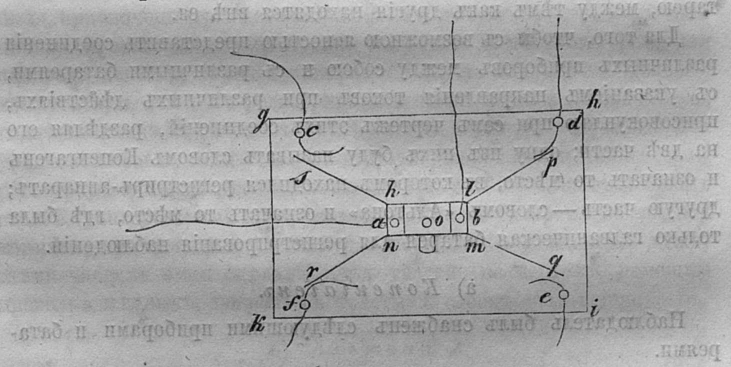
Такъ-какъ одинъ конецъ проволоки окружаетъ электромагнитъ одного изъ крайнихъ рычаговъ регистриръ-аппарата, то въ то время, когда куски находятся въ соприкосновеніи, магнитъ притягиваетъ рычагъ крайняго штифтика, въ слѣдствіе чего прерываетъ непрерывную линію имъ обозначенную; сличая потомъ перерывы съ секундными штрихами, можно съ точностью обозначить время прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ, тѣмъ болѣе что доли секунды могутъ

быть измѣрены помощью циркуля. Такъ-какъ наблюдатель запираетъ или отпираетъ цѣпь въ то время, когда звѣзда проходитъ черезъ нить, то, слѣдовательно, этимъ значительно уменьшается личное уравненіе наблюдателя. Для однообразія предложено было, при прохожденіи звѣзды черезъ нити, поперемѣнно то запирать, то отпирать цѣпь; но такъ-какъ въ малыхъ инструментахъ съ малымъ увеличиваніемъ полярная звѣзда проходитъ черезъ нити нѣсколько секундъ, то для полярной звѣзды предложено было дѣлать три сигнала: первый при прикосновеніи ея съ нитью, второй при ея исчезновеніи, третій при ея появленіи; за время прохожденія принимался средній результатъ.

Кромѣ этихъ приборовъ, необходимыхъ при употребленіи регистриръ-аппарата, были употреблены еще электрическій телеграфъ Морса съ принадлежащами къ нему аппаратами и различнаго рода коммутаторы, которыхъ назначеніемъ было перемѣнять направленіе тока.

Коммутаторы эти имѣли двоякій видъ.

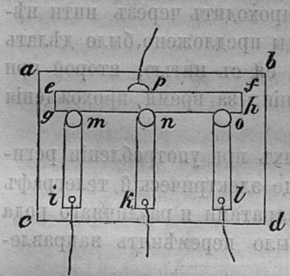
a) Перваго вида коммутаторъ устроенъ былъ слѣдующимъ образомъ. Къ деревянной доскѣ *ghik*, прикрѣплена мѣдная пластинка

hlmn, раздѣленная на три части помощью худого проводника, и могущая вращаться около оси *o*; къ ней прикрѣплены на глухо 4 рычага *lp*, *mq*, *nr*, *hs*; на четырехъ концахъ деревянной доски находятся четыре дуги, оконечности которыхъ *c*, *d*, *e*, *f* соединены проволоками съ различными приборами; мѣдные куски же съ другими. Если, слѣдовательно, коммутаторъ приведенъ въ такое положеніе, что рычаги *lp* и *rn* соотвѣтственно касаются съ дугами *dp* и *fr*, тогда

одни приборы введены будутъ въ батарею, между тѣмъ другіе останутся внѣ ея; если же кусокъ мѣдный повернемъ такъ, чтобы рычаги *mq* и *sh* касались къ дугамъ *c*, *e*, тогда первые приборы выйдутъ изъ батареи, вторые же войдутъ въ нее.

б) Устройство другаго рода коммутаторовъ слѣдующее: къ деревянной доскѣ *abcd*, прикрѣплены 4 мѣдныя пластинки, одна горизонтальная *efgh*, и 3 вертикальныя *i*, *k*, *l*; пластинки эти не находятся въ прикосновеніи, но между ними въ *m*, *n*, *o* есть отверстія, въ которыя вкладывается мѣдный штифтъ, плотно пристающій; горизонтальная пластинка въ *p* соединена съ батареею, а концы *i*, *k*, *l*, вертикальныхъ пластинокъ съ различными приборами. Если, слѣдовательно, мѣдный штифтъ вставимъ въ отверстіе *m*, то горизонтальная пластинка будетъ имѣть металлическое сообщеніе только съ первою вертикальною, другія же къ ней не прикасаются; посему, приборы, соединенные съ *i*, будутъ введены въ батарею, между тѣмъ какъ другія находятся внѣ ея.

Для того, чтобы съ возможною ясностью представить соединенія различныхъ приборовъ между собою и съ различными батареями, съ указаніемъ направленія токовъ при различныхъ дѣйствіяхъ, присовокупляю при семъ чертежъ этихъ соединеній, раздѣляя его на двѣ части; одну изъ нихъ буду называть словомъ Копенгагенъ и означать то мѣсто, въ которомъ находился регистриръ-аппаратъ; другую часть — словомъ «Альтона» и означать то мѣсто, гдѣ была только галваническая батарея для регистрированія наблюденій.

а) *Копенгагенъ.*

Наблюдатель былъ снабженъ слѣдующими приборами и батареями.

1) Галваническою батареею, состоящею изъ 60 элементовъ Бунзена (линейная батарея); назначеніемъ ея было: пересылать депеши.

2) Галваническою батареею изъ 3 элементовъ Бунзена (мѣстная), приводящею въ движеніе приборъ для письма депешъ (шрейбъаппаратъ).

3) Галваническою батареею изъ 1 элемента Бунзена, соединенною съ часами.

4) 3 батареи же, каждая состоящая изъ 5 элементовъ Бунзена, и соединенныя съ электромагнитами, приводящими въ движенiе рычаги регистриръ-аппарата, удерживающiе на своихъ концахъ штифты для письма.

5) Реле (Relais), назначенiемъ котораго было запирать цѣпь мѣстной батареи.

6) Реле (Relais) для запиранiя батареи, регистрирующей наблюденiя, производимыя въ Альтонѣ.

7) Агометромъ, служащимъ для уравновѣшиванiя силы тока.

8) Обыкновеннымъ галванометромъ.

9) Коммутаторами, перемѣняющими направленiе токовъ.

10) Ключемъ для пересыланiя депешъ и шрейбъ-аппаратомъ.

11) Регистриръ-аппаратомъ.

12) Тастою (ключемъ или рукояткою).

13) Универсальнымъ инструментомъ.

Соединенiя между этими частями и съ Альтоною были сдѣланы слѣдующимъ образомъ:

Въ западной сторонѣ залы для наблюденiя, на деревянномъ столѣ (котораго горизонтальный разрѣзъ представленъ на чертежѣ) были привинчены три металлическiя пластинки *ab*, *q*, *p*, *no*, соединенныя проволками съ батареями линейнею и мѣстною, реле для аппарата депешъ, шрейбъ-аппаратъ, ключъ для письма депешъ, коммутаторы, реле для регистрированiя наблюденiи и галванометръ; подлѣ стола на отдѣльномъ стулѣ стоялъ агометръ, служащiй для уравновѣшиванiя силы тока. Въ восточно-южной части той же залы регистриръ-аппаратъ; не далеко же отъ средины залы, на отдѣльномъ столбѣ, универсальный инструментъ; самыя же батареи въ западной комнатѣ, прилегающей къ залѣ для наблюденiя. Соединенiя между этими частями были сдѣланы, какъ указано на чертежѣ, помощью проволкъ мѣдныхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ гута-перчи.

б) *Альтона.*

Наблюдатель былъ снабженъ слѣдующими аппаратами:

а) Линейною батареею изъ 60 элементовъ Бунзена, служащею для пересыланiя депешъ и регистрированiя наблюденiй, производимыхъ въ Альтонѣ.

б) Мѣстною батареею, состоящею изъ 3 элементовъ Бунзена и приводящею въ движенiе шрейбъ-аппаратъ.

в) Ключемъ для письма депешъ.

г) Шрейбъ-аппаратомъ, вмѣстѣ съ ролькою, на которой намотана была бумага.

д) Реле, назначенiемъ коей было запирать цѣпь мѣстной батареи.

ж) Обыкновеннымъ галванометромъ.

з) Рукояткою (тастою) для регистрированiя наблюденiй.

Соединенiе между этими различными аппаратами, какъ съ Копенгагеномъ, было сдѣлано такимъ же образомъ какъ указано на чертежѣ II.

Разсмотримъ теперь направленiе различныхъ токовъ во время производства различныхъ дѣйствiй.

1) Когда наблюдатель въ Копенгагенѣ желаетъ сообщить Альтонѣ депешу: о состоянiи неба или о томъ, какiя звѣзды будутъ наблюдаемы, тогда среднiй коммутаторъ приводится въ положенiе показанное на чер., ключъ же приводится въ соединенiе съ *т*, и направленiе тока будетъ слѣдующее:

Отъ мѣди *М* линейной батареи, чер. I, токъ идетъ въ *q* къ пластинкѣ, отъ *q* въ *т*, отсюда черезъ ключь въ *l*, отъ *l* въ точку *i*, откуда черезъ дугу, рычагъ въ *f*, отъ *f* въ Альтону, чертежъ II. Изъ Капенгагена идетъ въ реле въ *ф*, проходитъ черезъ реле, дѣлаетъ магнитъ, выходитъ въ *щ*, отъ *щ* идетъ къ ключу въ *б*, проходитъ черезъ ключъ въ *г*, отсюда черезъ гальванометръ возвращается въ Копенгагенъ. Изъ Альтоны идетъ (чер. I) къ агометру, проходитъ агометръ, галванометръ и достигаетъ *е*, отъ *е* черезъ рычагъ и дугу въ *d*, отъ *d* въ реле въ *е*, отъ *е* къ пластинкѣ въ *в* и возвращается къ цинку.

Такъ какъ этотъ токъ прошелъ черезъ реле въ Альтонѣ (чер. II), то мѣстпая батарея альтонская заперлась, а токъ въ ней будетъ имѣть слѣдующее направленiе: отъ мѣди мѣстной батареи къ реле въ *л*, пройдетъ черезъ реле до *н*, отъ *н* къ шрейбъ-аппарату, приведетъ его въ движенiе, выйдетъ изъ него въ *ш* и возвратится въ цинкъ.

2) Когда наблюдатель въ Копенгагенѣ получаетъ депешу изъ Альтоны, тогда въ Альтонѣ приводятъ ключъ въ соприкосновенiе съ *ж* и направленiе тока есть слѣдующее:

Отъ мѣди линейной батареи (чер. II) идетъ въ *ж*, отъ *ж* черезъ ключъ, въ галванометеръ въ Копенгагенъ, тамъ (чер. I) изъ Альтоны идетъ къ агометру, отъ агометра къ коммутатору въ *е*, черезъ рычагъ и дугу коммутатора въ *d*, отъ *d* идетъ въ *е* реле; проходитъ реле, дѣлаетъ магнитъ, выходитъ изъ него къ ключу

въ k, проходитъ черезъ ключъ до l, отъ l возвращается къ коммутатору въ i, проходитъ черезъ дугу и рычагъ коммутатора до f, отъ f возвращается въ Альтону; тамъ, чер. II, идетъ изъ Копенгагена въ реле въ $ф$, отъ $ф$ возвращается въ цинкъ батареи.

Такъ какъ этотъ токъ прошелъ черезъ реле копенгагенскаго шрейбъ-аппарата, то мѣстная копенгагенская батарея заперлась, и токъ имѣетъ слѣдующее направленіе: отъ мѣди мѣстной копенгагенской батареи къ пластинкѣ o отъ o въ β, проходитъ реле, выходитъ изъ реле въ γ, доходитъ до шрейбъ-аппарата въ r, проходитъ черезъ него, приводя его въ движеніе, выходитъ изъ него въ s, достигаетъ пластинки въ p, и возвращается въ цинкъ батареи.

Если наблюдатели, сообщивъ взаимно извѣстія о состояніи погоды, желаютъ наблюдать, то сперва коммутаторъ перваго устройства приводится въ такое положеніе, чтобы рычаги его соотвѣтственно касались къ дугамъ g и h; въ слѣдъ за тѣмъ каждый изъ наблюдателей, помощью тасты, то запираетъ, то отпираетъ свою батарею для регистрированія.

3) Если наблюдатель въ Копенгагенѣ запираетъ свою батарею, то токъ имѣетъ слѣдующее направленіе: отъ мѣди батареи MM идетъ къ электромагниту въ P, окружаетъ эклотромагнитъ и отъ него идетъ къ коммутатору въ F, отъ F черезъ штифтъ σ въ A, отъ A идетъ къ тастѣ, проходитъ ее, возвращается назадъ въ z, черезъ штифтъ и доходитъ до D и возвращается къ цинку. Такъ какъ этотъ токъ прошелъ черезъ электромагнитъ и сообщилъ ему магнетизмъ, то онъ притянетъ рычагъ P и, слѣдовательно, непрерывная линія имъ описываемая прерывается.

4) Если наблюдатель въ Альтонѣ даетъ сигналы прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ, сперва между концами ключа въ $б$ кладется кусокъ бумаги и тогда токъ имѣетъ слѣдующее направленіе:

Отъ мѣди линейной батареи черезъ $Б$ доходитъ до тасты, проходитъ черезъ ее и достигаетъ ключа въ $г$, отъ $г$ черезъ галванометръ идетъ въ Копенгагенъ. Тамъ (чер. I), изъ Альтоны черезъ агометръ, галванометръ достигаетъ коммутатора въ e, отъ e черезъ рычагъ и дугу достигаетъ h, отъ h идетъ къ реле для регистрированія сигналовъ въ u; проходитъ его, сообщая электромагниту магнетизмъ, выходитъ изъ него въ t, возвращается къ коммутатору въ g, проходитъ черезъ дугу его и рычагъ до f, возвращается въ Альтону. Тамъ, чер. II, идетъ изъ Копенгагена въ $ф$, и отъ $ф$ возвращается черезъ цинкъ въ батареи. Такъ какъ этотъ

токъ прошелъ черезъ реле для регистрированія сигналовъ, то батарея для регистрированія этихъ сигналовъ заперлась и, слѣдовательно токъ имѣлъ направленіе:

Отъ мѣди батареи MN, къ электромагниту въ R, проходитъ электромагнитъ, и идетъ къ коммутатору въ L, отъ L черезъ штифтъ ς въ c, отъ c идетъ въ w къ реле для регистрированія, проходитъ его, изъ v идетъ въ B, отъ B черезъ штифтъ ν въ J, и, наконецъ, черезъ цинкъ возвращается къ батареѣ.

Такъ-какъ батареи для регистрированія сигналовъ различны, то, чтобы не зависѣть отъ силы тока этихъ батарей, наблюдатели каждый вечеръ перемѣняютъ штифтики регистриръ-аппарата. Для сего служатъ коммутаторы втораго вида. Въ этомъ случаѣ штифтики, находящіеся въ $\mu, \sigma, \nu, \varsigma$ вынимаются и вкладываются въ отверстія, $\varepsilon, \zeta, \eta, \lambda$; тогда токъ, при запираніи тасты въ Копенгагенѣ, будетъ имѣть слѣдующее направленіе:

Отъ мѣди батареи MN, къ рычагу регистриръ-аппарата въ R, отсюда къ коммутатору въ L, отъ L черезъ проволку $\smile$ въ H, отъ H черезъ штифтъ ζ въ A, отъ A идетъ къ тастѣ, проходитъ ее, возвращается въ Z, отъ Z черезъ штифтъ ε въ E, отъ E черезъ проволку $\smile$ въ J, и отъ J черезъ цинкъ къ батареѣ. Наблюдатель, слѣдовательно, въ Копенгагенѣ будетъ обозначать прохожденіе звѣздъ черезъ свой меридіанъ штифтомъ, которымъ писалъ прежде наблюдатель въ Альтонѣ.

При запираніи тасты въ Альтонѣ, направленіе главнаго тока, проходящаго черезъ реле для регистрированія наблюденій, остается то-же какъ въ 4, но направленіе втораго тока перемѣнится, а именно:

Отъ мѣди батареи MM, идетъ къ электромагниту того рычага, которымъ прежде писалъ копенгагенскій наблюдатель, т. е. къ P, окружаетъ электромагнитъ, отъ P идетъ къ коммутатору въ F, отъ F черезъ проволку $\smile$ въ O, откуда черезъ штифтъ λ, пластинку c и проволку, достигаетъ реле въ w, проходитъ реле w въ v изъ него выходитъ, достигаетъ коммутатора въ B, отсюда черезъ штифтъ η, пластинку η K и проволку $\smile$, достигаетъ D и отъ D возвращается черезъ цинкъ къ батареи.

Наконецъ, токъ для обозначенія на регистриръ-аппаратѣ секундъ имѣетъ слѣдующее направленіе.

(Чер. I) отъ мѣди элемента для часовъ идетъ къ сосуду, наполненному ртутью, выше описанному, проходитъ струю ртути, дости-

гаетъ втораго сосуда, выходитъ изъ него, окружаетъ электромагнитъ и возвращается къ тому же элементу. Такъ какъ этотъ токъ прошелъ черезъ электромагнитъ, то батарея для обозначенія секундъ заперлась и токъ въ ней имѣлъ слѣдующее направленіе: отъ мѣди шелъ къ рычагу Q, тамъ окружалъ его электромагнитъ, возвращался назадъ, проходилъ черезъ реле, помѣщенное въ ящикѣ часовъ, выходилъ изъ него и возвращался къ цинку.

Самое производство наблюденій совершалось слѣдующимъ образомъ.

Сперва при положеніи инструмента: кругъ на западѣ, отсчитивалась марка (мира) и нивелиръ; вслѣдъ за тѣмъ поворачивался инструментъ на 180 градусовъ (т. е. перекладывалась ось), нивелировали и отсчитивали миру; затѣмъ, наблюдали прохожденіе полярной звѣзды черезъ три нити инструмента, и прохожденіе сѣверной или южной, близъ зенитальной звѣзды, черезъ всѣ нити (16 нитей). Послѣ сего, опять перекладывали ось, нивелировали, отсчитивали миру, наблюдали прохожденіе полярной звѣзды черезъ три нити, и прохожденіе зенитальной звѣзды черезъ всѣ нити инструмента *).

Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ изъ Копенгагена посылалась депеша о состояніи погоды и, по полученіи отвѣта изъ Альтоны о благопріятномъ состояніи неба, сообщались 4 звѣзды (сѣверо- и южно-зенитальныя) для наблюденія; въ Копенгагенѣ приводился регистриръ-аппаратъ въ движеніе, а коммутаторъ приводился въ такое положеніе, чтобы рычаги касались соотвѣтственно къ дугамъ *d* и *i*, въ Альтонѣ же между концами ключа въ *б* накладывался кусокъ бумаги.

Вслѣдъ за тѣмъ, на каждой станціи отсчитивали на галванометрѣ силу какъ мѣстнаго тока, такъ и идущаго отъ другой станціи; обозначали на регистриръ-аппаратѣ мѣстное время, давая сигналы каждыя пять минутъ, регистрировались прохожденія избранныхъ четырехъ звѣздъ, нивелировали, отсчитивали миру, перекладывали инструментъ, опять нивелировали и отсчитивали миру.

---

*) Такъ какъ полярная звѣзда, при началѣ опредѣленія разности долготъ, проходила около 11-ти часовъ средняго времени, то прохожденіе ея черезъ нити наблюдалось во время регистрированія прохожденія звѣздъ, служащихъ для опредѣленія разности долготъ.

Послѣ сего перемѣняли штифты, пишущіе на регистриръ-аппаратѣ, наблюдали при второмъ положеніи инструмента (кругъ на востокѣ) *) 8 звѣздъ (сѣверо- или южно-зенитальныхъ), нивелировали, отсчитывали миру, перекладывали инструментъ, опять нивелировали и отсчитывали миру.

Наконецъ, при положеніи круга какъ въ началѣ наблюденій, опять перемѣняли штифты для письма, отсчитывали галванометръ, наблюдали 4 звѣзды (сѣверо- или-южно зенитальныя), давали сигналы часовъ, нивелировали, отсчитывали миру, перекладывали инструментъ, нивелировали, отсчитывали миру, опять перекладывали инструментъ, отсчитывали миру.

Изъ этого видно, что при подобномъ расположеніи работъ, состояніе инструмента, какъ то: коллимаціонная ошибка, азимутъ инструмента, каждый вечеръ съ точностью опредѣляется, и слѣдовательно всегда можно освободить результатъ отъ вліянія этихъ ошибокъ; что касается другихъ ошибокъ, какъ то: гнутіе оси инструмента, неточность постоянныхъ принятыхъ для редукціи наблюденій, то онѣ, въ слѣдствіе симметрическаго расположенія наблюденій, уничтожаются въ среднемъ выводѣ.

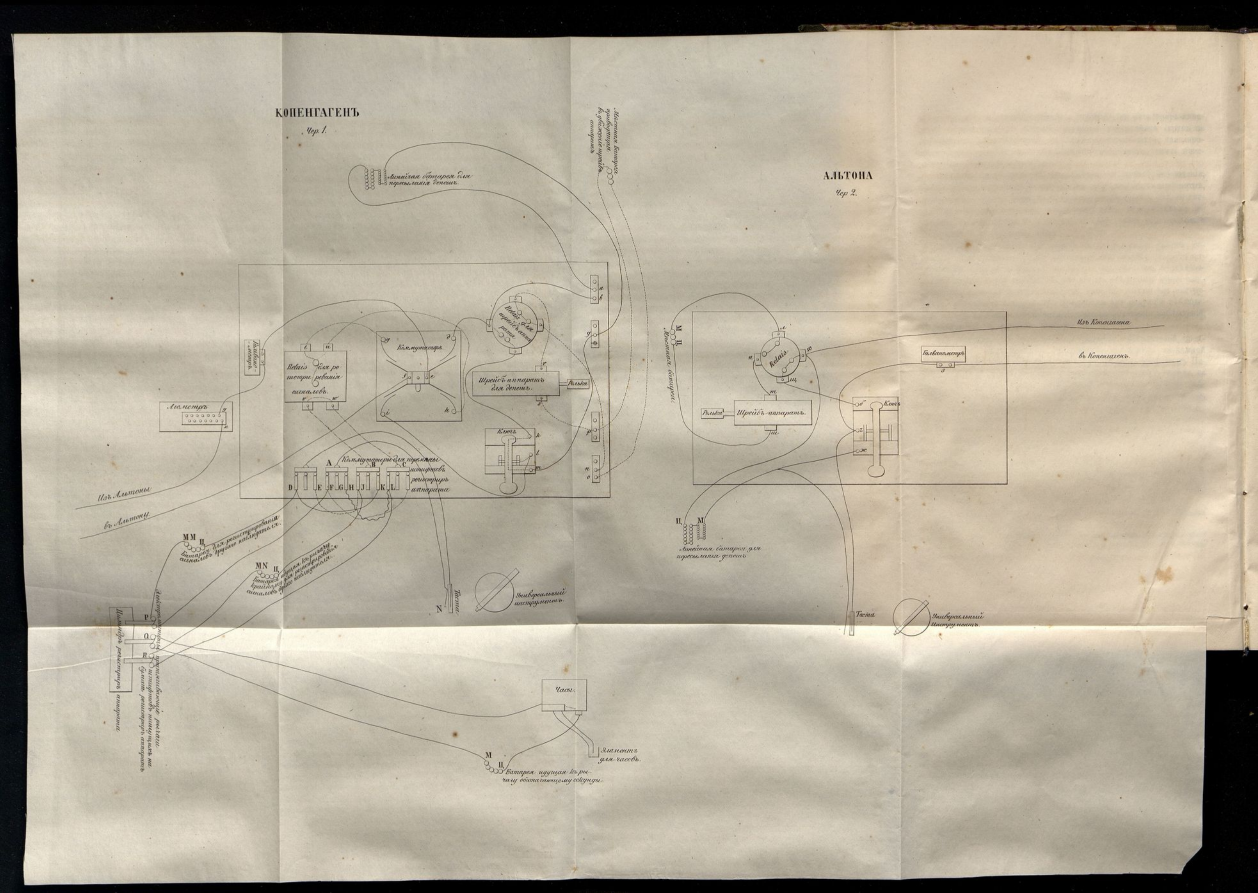
Для уничтоженія вліянія личнаго уравненія наблюдателей, предложено было, чтобы каждый наблюдатель наблюдалъ на каждой станціи одинаковое число дней; въ слѣдствіе сего, профессоръ Петерсъ сперва наблюдалъ въ Копенгагенѣ три дня, вслѣдъ за тѣмъ д-ръ Лессеръ 6 дней; нынѣ опять профессоръ Петерсъ наблюдаетъ въ Копенгагенѣ. Очевидно, что при этомъ расположеніи, если личное уравненіе наблюдателей остается постоянное (что въ продолженіи короткаго времени и если наблюдатель наблюдаетъ однимъ и тѣмъ же инструментомъ и одинаковымъ образомъ, всегда можно предположить), средній результатъ получится независимъ отъ этого уравненія.

Для того, чтобы результатъ не зависѣлъ отъ силы тока, равнымъ образомъ какъ и отъ инерціи реле, предложено было мѣнять штифты для письма; равнымъ образомъ, наблюдатель при перемѣнѣ мѣста бралъ всегда съ собою какъ реле, такъ и тасту.

Изъ сказаннаго видно, что разность долготъ между упомянутыми

---

*) Если перваго дня наблюденія начинались при положеніи инструмента кругъ на западѣ, тогда во второй день наблюденія начинались при положеніи инструмента кругъ на востокѣ.

КОПЕНГАГЕНЪ
Чер. 1.
Линейная батарея для пересыланія депешъ.
Мѣстная батарея приводящая въ движеніе приборы аппарата
Гальванометръ.
Relais для регистрированія сигналовъ.
Коммутаторъ.
Relais для перемѣны цѣпи
Шрейбъ аппаратъ для депешъ.
Ролька
Агометръ
Ключъ
Коммутаторы для перемѣны штифтовъ регистръ аппарата
Изъ Альтоны
въ Альтону
Батарея для регистрированія сигналовъ другаго наблюдателя.
Батарея идущая къ рычагу для регистрированія сигналовъ другаго наблюдателя.
Тасты
Универсальный инструментъ.
Цилиндръ регистръ аппарата
Часы.
Элементъ для часовъ.
Батарея идущая къ рычагу обозначающему секунды.
АЛЬТОНА
Чер. 2.
Мѣстная батарея.
Relais
Изъ Копенгагена
въ Копенгагенъ.
Гальванометръ
Ролька
Шрейбъ аппаратъ.
Ключъ
Линейная батарея для пересыланія депешъ
Таста
Универсальный инструментъ.

пунктами получится, если сочтемъ на бумагѣ регистриръ-аппарата число секундъ, протекшихъ между прохожденіемъ одной и той же звѣзды черезъ различные меридіаны, конечно, обращая вниманіе на ошибки инструментовъ.

Точность этого способа не сомнѣнна; но такъ какъ онъ обусловливается хорошимъ состояніемъ неба единовременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ, то продолжительность его довольно значительна; нынѣшнее напр. опредѣленіе продолжается два мѣсяца, какъ по причинѣ неблагопріятной погоды, такъ и потому, что телеграфическія линіи, соединяющія Альтону съ Копенгагеномъ, въ слѣдствіе значительнаго числа правительственныхъ депешъ, не могли быть отданы въ распоряженіе обсерваторіи.

Альтона, 26-го мая / 7-го іюня 1863 года.

40) Кандидата Іосифа Шиховскаго.

Занятія мои въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ состояли въ слѣдующемъ:

Въ слушаніи лекцій въ Берлинскомъ университетѣ:

Профессора Дройзена: курсъ древней исторіи,

Профессора Яффе: курсъ римской и средневѣковой хронологіи,

Профессора Моммзена: продолженіе курса Римскаго государственнаго права. Кромѣ того, я посѣщалъ семинаріи профессоровъ Яффе и Моммзена, изъ которыхъ первый занимается разборомъ грамотъ германскихъ императоровъ, напечатанныхъ имъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ названіемъ: «Diplomata quadraginta ex archetypis, edidit Philippus Jaffe.» Berolini. 1863. Второй занимается возстановленіемъ и критикою текста, такъ называемаго Monumentum Ancyranum.

О вышеупомянутыхъ курсахъ, которые въ настоящее время едва доведены до половины, я скажу по окончаніи семестра, а теперь ограничусь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей о семинаріи пр. Моммзена.

Подъ именемъ исторической семинаріи вообще, при германскихъ университетахъ, подразумѣваются такія собранія, гдѣ профессоръ научаетъ студентовъ исторической критикѣ. Эта цѣль обыкновенно достигается двоякимъ способомъ. Профессоръ или самъ разбираетъ критически какой-нибудь историческій памятникъ или даетъ сту-

дентамъ темы разобрать какой-нибудь историческій вопросъ по источникамъ.

Такова семинарія, учрежденная въ первый разъ въ нынѣшнемъ семестрѣ пр. Моммзеномъ для разработки римской исторіи. Въ семинаріи пр. Моммзена принимаетъ пока участіе человѣкъ двѣнадцать студентовъ, въ томъ числѣ и я. Каждому пр. Моммзенъ далъ какой-нибудь вопросъ изъ римской исторіи для изслѣдованія по источникамъ; но такъ какъ не было готовой работы студентовъ для разбора на собраніяхъ, то пр. Моммзенъ, какъ я уже упомянулъ выше, занимается разборомъ такъ называемаго Monumentum Ancyranum. Это, собственно говоря, надпись, въ которой императоръ Августъ исчисляетъ, что̀ онъ совершилъ въ теченіе своего царствованія. Изъ словъ Светонія (Aug. c. 101.) и изъ свидѣтельствъ другихъ историковъ надо заключить, что эта надпись, въ самомъ дѣлѣ, написана императоромъ Августомъ и именно не болѣе какъ за мѣсяца полтора до его смерти. Выставлена же она была, во время царствованія императора Тиверія, на двухъ мѣдныхъ доскахъ, передъ мавзолеемъ Августа, въ Римѣ. Оригиналъ надписи, находившійся въ Римѣ, не сохранился до нашего времени, но за то сохранилась копія съ этой надписи, вырѣзанная на внутренней стѣнѣ храма, построеннаго въ честь Августа жителями провинціи Галатіи, въ городѣ Анкирѣ (нынѣшней Ангорѣ). Надпись въ Анкирскомъ храмѣ стала извѣстна ученому міру съ тѣхъ поръ, какъ она въ первый разъ была прочтена и списана посланниками императора Фердинанда при дворѣ Оттоманской порты, Антоніемъ Врантціемъ (Wrantzius или Verantius) и Бусбекомъ (Gislenius Busbequius) въ 1554 году. Второй списокъ той же надписи былъ найденъ, въ 1689 году, въ бумагахъ голландскаго купца Даніила Коссона (Cossonius). Третій списокъ былъ сдѣланъ Павломъ Лукасомъ (Lucas), а четвертый переданъ въ 1701 году извѣстнымъ естествоиспытателемъ Турнефортомъ англичанину Чизулю (Chishullus). Это были четыре списка латинскаго текста надписи. Послѣ этого, на внѣшней стѣнѣ того же храма, построеннаго въ честь Августа въ г. Анкирѣ, былъ найденъ греческій переводъ той же надписи, два отрывка котораго были въ первый разъ списаны путешественникомъ Пококкомъ. Вотъ что было извѣстно объ этой надписи до новѣйшаго времени. На основаніи вышеупомянутыхъ списковъ она и издавалась; и лучшимъ изданіемъ, съ примѣчаніями, до сихъ поръ остается слѣдующее сочиненіе: Caesaris Augusti index verum a se gestarum, sive monumentum Ancyranum.

Ex reliquiis graecae interpretationis restituit Ioannes Franzius, commentario perpetuo instruxit A. W. Zumptius. Berolini. 1845. Если пр. Моммзенъ избралъ именно этотъ памятникъ для разбора на своихъ собраніяхъ, то это вслѣдствіе того обстоятельства, что онъ приготовляетъ анкирскую надпись къ помѣщенію въ издаваемомъ имъ Corpus inscriptionum latinarum и, въ настоящее время, старается возстановить текстъ ея на основаніи новаго списка латинскаго текста надписи, печатаемаго нынѣ французскими учеными Перро и Гильомомъ (Perrot et Guillaume) въ сочиненіи: Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie. Paris. 1862. Года два тому назадъ, эти два ученые совершили ученую экспедицію, на счетъ французскаго правительства, въ малую Азію, для изслѣдованія остатковъ древнихъ памятниковъ. Между прочимъ, они сдѣлали новый списокъ латинскаго текста анкирской надписи, какъ равно списали вновь греческій переводъ надписи въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ былъ до нихъ извѣстенъ, сломавъ зданія, препятствовавшія прежде къ прочтенію этого греческаго перевода. Итакъ, для возстановленія текста надписи пр. Моммзенъ имѣетъ подъ рукою новый списокъ Перро латинскаго текста, списокъ вновь открытаго греческаго перевода надписи и еще новый списокъ надписи, сдѣланный и присланный пр. Моммзену извѣстнымъ нѣмецкимъ оріенталистомъ докторомъ Мордтманномъ. На основаніи этихъ новыхъ списковъ пр. Моммзенъ возстановляетъ текстъ надписи съ гораздо большимъ правдоподобіемъ, чѣмъ можно это было дѣлать до настоящаго времени.

Что касается моихъ домашнихъ занятій, то они состояли въ изученіи переписки императора М. Аврелія съ его наставникомъ, риторомъ Фронтономъ. Для ознакомленія себя вообще съ литературою изучаемаго мною предмета, я прочелъ: *Tillemont:* Histoire des Empereurs. Bruxelles 1782. *Hegewisch*: Über die für die Menschheit glücklichste Epoche in der Römischen Geschichte (т. е. о времени Антониновъ). Hamburg. 1800. Изъ новѣйшихъ сочиненій—я читалъ отдѣлъ объ Антонинахъ, труда *Чарльза Мериваля:* A history of the Romans under the Empire. London. 1862.

Берлинъ, 12/24 іюня 1863 года.

41) Кандидата А. Вериго.

Я продолжалъ заниматься, согласно изложенному мною въ предъидущемъ отчетѣ направленію. Къ сожалѣнію, наступившій срокъ

отчета засталъ главныя мои работы не доведенными до окончательнаго результата и мнѣ придется поэтому ограничиться лишь перечисленіемъ самыхъ работъ и краткимъ обозначеніемъ ихъ хода.

Подъ руководствомъ профессора Вислиценуса я изучалъ слѣдующія реакціи:

1) Дѣйствіе хлористаго ацетиля на молочнокислую-кали-известь. Слѣдовало ожидать, что такимъ образомъ можно будетъ ввести въ молочную кислоту 2 пая ацетиля и получить ангидридъ ацетилево-молочной кислоты. Хотя при нагрѣваніи совершенно сухой молочной соли съ хлористымъ ацетилемъ въ запаянныхъ трубкахъ выдѣляется хлористый кальцій и, при откупориваніи трубокъ, выходитъ съ значительною силою соляная кислота, но образуется не ангидридъ, а ацетилево-молочная кислота. Я занимаюсь дальнѣйшими изслѣдованіями по этому вопросу. Вышеназванный ангидридъ я получаю, дѣйствуя хлористымъ ацетилемъ на баритовую соль ацетилево-молочной кислоты.

2) Дѣйствіе хлористаго ацетиля на этилевый эфиръ слизевой кислоты. Реакція въ запаянныхъ трубкахъ идетъ весьма сильно; при чемъ получается кристаллическое тѣло, изслѣдованіе котораго еще не кончено.

3) Дѣйствіе на валеріановый и энантовый альдегиды синильной кислоты въ присутствіи соляной — таже реакція, посредствомъ которой получена миндальная кислота и которою воспользовался Штэдлеръ для полученія ацетоновой кислоты. Этимъ же способомъ Вислиценусу удалось обратить уксусный альдегидъ въ молочную кислоту. Опыты, которые я сдѣлалъ, дали, какъ кажется, положительное рѣшеніе вопроса. Впрочемъ, продукта получено очень не много, и я отъискиваю болѣе удобныя условія для его образованія. Я не могу теперь войти въ большія подробности касательно этихъ работъ; по доведеніи же ихъ до окончательныхъ результатовъ, я не замедлю представить министерству надлежащія свѣденія. Кромѣ занятій въ лабораторіи, я посѣщаю нѣкоторыя лекціи въ политехническомъ институтѣ. Слѣдующій семестръ я намѣренъ заниматься у пр. Штреккера; но такъ какъ лабораторія Тюбингенскаго университета будетъ во время лѣтнихъ каникулъ закрыта, то я предполагаю остаться на лѣто въ Цюрихѣ и продолжать занятія у проф. Вислиценуса, лабораторія котораго будетъ доступна для работъ во все время каникулъ.

Цюрихъ, 8/20 іюня 1863 года.

42) Кандидата Льва Ждановича.

Въ нынѣшнемъ семестрѣ я продолжаю, какъ и прежде, слушать лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ и заниматься наукою народнаго хозяйства сообразно тому плану, который изложенъ мною въ предъидущемъ отчетѣ. Постоянно посѣщаемыя мною лекціи, суть лекціи науки народнаго хозяйства и статистики, читаемыя профессоромъ Рошеромъ (для каждаго предмета по 4 раза въ недѣлю); по первой изъ нихъ онъ читаетъ въ текущемъ семестрѣ Theoretische Nationalökonomie, и прочелъ уже о произведеніи, обращеніи и распредѣленіи богатства до ученія о поземельной рентѣ.

Придерживаясь системы своего учебника и излагая нѣкоторыя части предмета въ такомъ самомъ объемѣ, какъ онѣ изложены въ самомъ учебникѣ, профессоръ Рошеръ въ своихъ лекціяхъ постоянно подводилъ самыя разнообразныя доказательства изъ экономической жизни народовъ древнихъ и новыхъ въ подтвержденіе своихъ научныхъ положеній; чрезъ что дѣлалъ эти положенія чрезвычайно ясными и наглядными, а самыя лекціи—оживленными. Иногда же и самыя положенія эти выводитъ онъ изъ цѣлой серіи примѣровъ и данныхъ; причемъ, неоспоримо доказываетъ, что не всякое экономическое положеніе, не всякій законъ, иногда принимаемый за абсолютно вѣрный, можетъ истинно быть таковымъ; или лучше сказать, онъ часто высказываетъ ту мысль, что съ измѣненіемъ политическихъ и гражданскихъ отношеній извѣстнаго народа, измѣняются и его экономическія воззрѣнія и отношенія; поэтому, говоритъ онъ, нѣтъ возможности вывести такіе неизмѣняемые экономическіе законы, въ которые бы можно было заковать народно-хозяйственную дѣятельность, не примѣняясь къ ея возрасту и къ извѣстнымъ національнымъ наклонностямъ. Въ слѣдствіе чего, оставляя въ сторонѣ всякую разработку экономическихъ идеаловъ (что онъ говоритъ даже и въ своемъ руководствѣ: System der Volkswirthschaft), онъ строго держится слѣдующаго принципа Дюнойэ: «Je n'impose rien, je ne propose même rien: j'expose».

Задавъ себѣ задачею разработку теоріи и политики народнаго хозяйства по методу историко-физіологическому, и будучи однимъ изъ блистательнѣйшихъ представителей этого метода въ Германіи, профессоръ Рошеръ своими полезными для каждаго лекціями, неоспоримо доказываетъ превосходство избраннаго имъ метода, предъ методомъ идеальнымъ, составляющимъ въ настоящее время доро-

гое достояніе соціалистовъ. Оцѣнивая вполнѣ достоинства метода профессора Рошера, какъ относительно разработки науки народнаго хозяйства, такъ и относительно изложенія оной, приносящаго несомнѣнную пользу его слушателямъ,—я долженъ, впрочемъ, откровенно сознаться, что не каждый профессоръ, по моему мнѣнію, можетъ съ такою пользою для своей аудиторіи держаться этого метода и пользоваться имъ, какъ пользуется профессоръ Рошеръ; ибо, во 1-хъ, не каждый ученый, при всемъ искреннемъ своемъ желаніи, можетъ обладать такими разнообразными и колосальными свѣдѣніями по всѣмъ наукамъ вообще, а по исторіи и древностямъ въ особенности, какъ профессоръ Рошеръ, чтó даетъ ему средство такъ всесторонне и полно разбирать и категорировать явленія экономической жизни народовъ; во 2-хъ, даже и при самой обширности ученыхъ свѣденій, не каждый можетъ такъ легко, какъ онъ, отрѣшиться отъ пристрастныхъ выводовъ и заключеній въ обсуживаемыхъ вопросахъ; чтò, разумѣется, еще тѣмъ труднѣе, чѣмъ интереснѣе и живѣе разбираемый вопросъ по своему современному значенію. Въ послѣднемъ случаѣ, факты, искусcно группируемые профессоромъ Рошеромъ, сами отвѣчаютъ на вопросъ ясно и удовлетворительно. Я полагаю, что подобный методъ разработки и изложенія предмета есть самый лучшій, самый вѣрный и чрезвычайно полезный по всѣмъ отраслямъ наукъ политическихъ;— въ немъ дѣло замѣняетъ фразу!

Очень сожалѣю, что при желаніи моемъ посѣтить еще другіе университеты Германіи, мнѣ не удастся прослушать полнаго курса профессора Рошера собственно по Praktische Nationalökonomie, чтó такъ пригодно для науки государственнаго благоустройства, по которой я готовлюсь; тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, что профессоръ Рошеръ, остановившись въ изданіи своего обширнаго труда System der Volkswirthschaft на второмъ томѣ онаго (Nationalökonomik des Ackerbaues und der verwandten Urproductionen), не можетъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, издать остальныхъ двухъ частей ранѣе какъ года черезъ четыре; ибо въ настоящее время онъ занимается, по порученію короля Баварскаго, составленіемъ исторіи развитія науки политической экономіи въ Германіи.

Я предполагалъ прежде прослушать курсъ Practische Nationalökonomie у профессора Керндта (о чемъ я писалъ въ предъидущемъ отчетѣ), но это предположеніе мое не осуществилось; ибо, хотя въ программѣ лекцій Лейпцигскаго университета на нынѣшній семестръ

и было объявлено, что онъ будетъ читать эту часть науки народнаго хозяйства въ текущемъ полугодіи,—но у него не составилось аудиторіи, чтò здѣсь нерѣдко случается, если какой-нибудь предметъ читаютъ нѣсколько профессоровъ: естественно, что лучшій или извѣстнѣйшій изъ нихъ оттянетъ къ себѣ всѣхъ слушателей. Кто желаетъ здѣсь слушать эту часть предмета, тотъ ждетъ когда ее будетъ читать Рошеръ.

По статистикѣ профессоръ Рошеръ читаетъ въ нынѣшнемъ семестрѣ: Vergleichende Statistik und Staatskunde von Deutschland; лекціи эти были интересны для меня, не столько по излагаемымъ въ нихъ статистическимъ даннымъ, сколько по способу провѣрки, посредствомъ этихъ данныхъ, степени экономическаго развитія германскихъ государствъ въ различные періоды времени; а также для опредѣленія, чрезъ эти данныя, того вліянія, которое обнаруживали извѣстныя правительственныя и общественныя мѣры на развитіе различныхъ отраслей народнаго хозяйства.

Кромѣ означенныхъ лекцій, я посѣщаю еще въ нынѣшнемъ семестрѣ слѣдующія лекціи: профессора Шлеттера: Sächsisches Verfassungs-und-Verwaltungsrecht; профессора Трейшке: (von Treitschke), по исторіи Европы въ послѣдніе годы нашего столѣтія;—лекціи этого профессора весьма интересны и по своему содержанію и по прекрасному изложенію, поэтому и привлекаютъ огромное множество слушателей въ его аудиторію; кромѣ того, иногда посѣщаю еще лекціи профессора Аренса (Ahrens), по философіи права, хотя эти послѣднія и мало относятся къ моему предмету.

PS. Въ прошломъ отчетѣ ошибочно сказано мною, что профессоръ Аренсъ не будетъ читать въ нынѣшнемъ семестрѣ; это я заключилъ изъ того, что въ программѣ лекцій на текущій семестръ по юридическому факультету имени его помѣщено не было, а также и отдѣла, который онъ намѣревался читать; спѣшу исправить теперь эту ошибку объясненіемъ, что здѣсь философія права не составляетъ, какъ у насъ, особой науки, входящей въ юридическій факультетъ (чего я не зналъ прежде), а наука Naturrecht или Rechtsphilosophie составляетъ часть всеобщей философіи; почему и помѣщается всегда въ числѣ чтеній философскаго факультета, на которомъ въ нынѣшнемъ семестрѣ пр. Аренсъ читаетъ, кромѣ Naturrecht, еще и психологію.

Лейпцигъ, $^{15}/_{27}$ іюня 1863 года.

43) Кандидата О. Паульсона.

(Четвертый отчетъ о научной дѣятельности въ Гисенѣ).

Въ нынѣшнемъ семестрѣ профессоръ Р. Лейкартъ читаетъ исторію развитія человѣка и тератологію.

До сихъ поръ онъ разобралъ только вопросъ о зависимости плодовитости животныхъ и, затѣмъ, перешелъ къ строенію и развитію яичка и сѣмени.

Вопросъ о зависимости плодовитости, хотя и далеко еще не выясненъ, однакожъ такъ интересенъ въ своихъ общихъ и главныхъ выводахъ, что считаю долгомъ его изложить, хотя въ самыхъ краткихъ словахъ, тѣмъ болѣе, что не всѣмъ знакомы и доступны, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, источники, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть эти свѣденія; а въ интересѣ науки каждый обязанъ хлопотать о распространеніи ея общихъ результатовъ, чтобы они не остались достояніемъ исключительно только одного класса людей, спеціально ими занимающихся.

Плодовитость зависитъ отъ двухъ факторовъ: отъ количества образовательнаго матеріала и отъ количества эмбріональныхъ потребностей, такъ-что плодовитость можно выразить формулою $f=\frac{m}{n}$.

Количество образовательнаго матеріала выражаетъ капиталъ, накопленный животнымъ въ извѣстное время, который, само собою разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ выгоднѣе отношенія между приходомъ и расходомъ въ хозяйствѣ каждаго организма.

Къ самымъ главнымъ расходамъ животнаго принадлежитъ, безъ сомнѣнія, движеніе. Чѣмъ больше животное, тѣмъ болѣе оно должно израсходовать силы для передвиженія собственной своей тяжести, потому что съ увеличеніемъ массы, послѣдняя возрастаетъ въ кубъ, между тѣмъ какъ сила, измѣряемая поперечнымъ разрѣзомъ мускула, возрастаетъ только въ квадратъ. Изъ этого слѣдуетъ, что большое животное, относительно, гораздо менѣе накопитъ матеріала, чѣмъ маленькое и менѣе будетъ плодовито. Но этотъ законъ вполнѣ вѣренъ только для каждаго отдѣльнаго типа; т. е. для животныхъ, сходныхъ между собою по организаціи; сравнивая же отдѣльные типы между собою, мы находимъ исключенія; но это ничего не значитъ: оно только доказываетъ, что, кромѣ массы тѣла, входятъ многіе другіе факторы, дѣйствія которыхъ мы еще не въ состояніи вычислить, или по крайней мѣрѣ не сдѣланы попытки;

между тѣмъ, они навѣрно то увеличиваютъ, то уменьшаютъ вліяніе массы. Сюда относятся, напр. линяніе, образованіе животной теплоты, на которую имѣетъ огромное вліяніе измѣненіе температуры, и т. д. Кромѣ того, самое произрожденіе (Zeugung) не такъ просто, какъ оно кажется на первый взглядъ — оно не ограничивается одною кладкою яицъ или рожденіемъ дѣтенышей; напротивъ, съ нимъ связаны еще многія другія отправленія, какъ наприм. строеніе гнѣздъ, высиживаніе, кормленіе, вообще, уходъ за новорожденными, образованіе прядильныхъ волоконъ у гусеницъ и т. д., которыя значительно усложняютъ произрожденіе и требуютъ растраты извѣстной суммы силъ. Далѣе, имѣетъ огромное вліяніе какъ самая пища, такъ и образъ ея добыванія; затѣмъ, не менѣе важно то условіе, происходитъ ли обмѣнъ веществъ быстро или медленно.

Другой факторъ: количество эмбріональныхъ потребностей, т. е. количество матеріала, необходимое для каждаго снесеннаго яйца или рожденнаго дитяти, представляетъ значительно больше колебаній между животными, чѣмъ количество образовательнаго матеріала, потому отъ него наиболѣе зависятъ тѣ огромныя разницы, которыя мы встрѣчаемъ въ плодовитости животныхъ. Относительно эмбріональныхъ потребностей я только замѣчу, что онѣ уменьшаются съ упрощеніемъ организаціи животнаго и соразмѣряются со степенью развитія, на которой дѣтеныши рождаются.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что плодовитость не есть нѣчто случайное, но обусловливается организаціею, образомъ жизни, долговѣчностью животнаго, вообще, всѣми тѣми факторами, которые на столько же необходимы для индивидуальной жизни, на сколько для установленія безпрерывнаго равновѣсія въ природной экономіи, основанной на кругооборотѣ матеріи — органической и неорганической.

Я перейду теперь къ продуктамъ половыхъ органовъ, относительно которыхъ могу сообщить весьма интересныя свѣденія. Исторія развитія яичка у млекопитающихъ, наконецъ, положительно вѣрно изслѣдована профессоромъ Флюгеромъ въ Боннѣ.

Я намѣренъ здѣсь дать краткое извлеченіе, съ поясненіемъ нѣкоторыхъ, чисто субъективныхъ взглядовъ почтеннаго профессора.

Происхожденіе яичка у млекопитающихъ было до сихъ поръ неизвѣстно — невозможно же опредѣлить физіологическое отправленіе органа, пока неизвѣстно его строеніе, и дѣйствительно, изслѣдованія надъ строеніемъ яичника до сихъ поръ расходились въ самыхъ главныхъ пунктахъ.

Роботы Валентина надъ строеніемъ яичника (1838 года) были подтверждены Билротомъ (1856 года), но прочіе лучшіе гистологи, не зная удобнѣйшаго періода развитія яичника для изслѣдованія, какъ и необходимыхъ реагенцій, не были въ состояніи подтвердить ихъ результаты, и потому, они остались безъ вниманія.

$2\frac{1}{2}$ мѣсяца тому назадъ вышло изслѣдованіе Флюгера: «Ueber die Eierstöke der Säugethiere und des Menschen».

Главная заслуга Флюгера состоитъ въ томъ, что онъ снова подтвердилъ *трубчатое строеніе яичника*, уже открытое Валентиномъ, и первый доказалъ (а не Шренъ, какъ можно было бы судить изъ его работы, потому что самыя первыя изслѣдованія Флюгера были публикованы имъ уже въ началѣ 1861 и 1862 г.), что *сперва образуется яичко*, *а потомъ графовый фолликулъ*.

Яичникъ состоитъ, въ извѣстномъ періодѣ развитія, по преимуществу, изъ множества трубчатыхъ желѣзъ, выстланныхъ эпителіемъ. Переднiй слѣпой конецъ трубки обращенъ къ поверхности яичника и лежитъ непосредственно подъ peritoneum; противоположный, также слѣпой, теряется по разнымъ направленіямъ въ stroma яичника.

Въ переднемъ концѣ трубки, въ зародышномъ ложѣ (Keimfach), находится мелкозернистый protoplasma, въ которомъ лежатъ маленькіе пузыри съ ядрышкомъ. Эти пузыри и суть первичныя яички (Ureier), контуру которыхъ Флюгеръ принимаетъ за выраженіе не только оболочки (зародышнаго) пузыря, но и едва замѣтнаго слоя protoplasma около него, который однакожъ такъ малъ, что невидимъ лучшимъ микроскопомъ!

Для подтвержденія своего мнѣнія онъ приводитъ дальнѣйшее развитіе яичка. По мѣрѣ того, какъ зародышный пузырь спускается по трубкѣ внизъ, онъ ростетъ, увеличивается, контура его утолщается и, наконецъ, на извѣстной степени развитія, дѣлается замѣтнымъ около него слой гомогеннаго protoplasma, который позже становится зернистымъ. Итакъ, protoplasma т. е. желтокъ, по мнѣнію Флюгера, произошелъ изъ наружной, развившейся части, первоначальной контуры зародышнаго пузыря. Затѣмъ, наружный слой желтка, по общепринятой теоріи, превращается въ желточную оболочку.

Этотъ процессъ развитія яичка служитъ для Флюгера доказательствомъ, что слѣдуетъ оставить до сихъ поръ такъ любимую теорію, по которой желтокъ обволакиваетъ зародышный пузырь.

Это мнѣніе, какъ и его предположеніе о свободномъ зарожденіи зародышныхъ пузырей изъ находящагося въ зародышномъ ложѣ

protoplasma, мнѣ кажутся весьма сомнительными и принадлежатъ болѣе къ субъективнымъ воззрѣніямъ автора. Я остановлюсь на этомъ пунктѣ нѣсколько дальше, тѣмъ болѣе, что затронута теорія ячеекъ, которая подверглась, въ настоящее время, снова сильнымъ контроверсамъ со стороны лучшихъ гистологовъ.

Что касается до свободнаго зарожденія зародышныхъ пузырей, принимаемыхъ Флюгеромъ, впрочемъ, за яички, которыхъ отдѣльныя части только не достигли полнаго развитія, то оно противорѣчитъ обще дознанному нынче закону послѣдовательности въ развитіи ячеекъ; и, если ботаники еще говорятъ о свободномъ зарожденіи, то подъ этимъ разумѣютъ совершенно другой процессъ, т. е. у нихъ свободное зарожденіе всегда происходитъ въ уже существующей ячейкѣ, наприм. появленіе ячеекъ въ зародышномъ мѣшкѣ у явнобрачныхъ, образованіе споръ у грибовъ и т. д.

Далѣе, желтокъ, по Флюгеру, уже въ зародышномъ ложѣ окружаетъ зародышный пузырь, хотя въ незамѣтномъ количествѣ, и обволакиваніе желткомъ имъ отрицается; спрашивается: откуда берется желтокъ? остается одно — зародышный пузырь его выдѣляетъ изъ себя, чѣмъ и объяснилось бы постепенное утолщеніе контуры зародышнаго пузыря и появленіе гомогеннаго желтка. Но сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни одного примѣра, чтобы ячейка или пузырь собственною силою выработывали бы изъ себя необходимыя имъ части, какъ наприм. въ этомъ случаѣ — желтокъ.

Эпителіальныя ячейки должны выстилать и внутреннія стѣнки зародышнаго ложа, иначе не могла бы существовать membrana propria этой части трубки; потому, безъ всякаго затрудненія можно принять зародышный пузырь за десцендентъ эпителіальныхъ ячеекъ, происшедшій посредствомъ дѣленія послѣднихъ. Такое специфическое назначеніе десцендентовъ, происшедшихъ отъ дѣленія эпителіальныхъ ячеекъ, не должно насъ удивлять, потому что изъ работъ Робена, Хокслея и Келликера мы знаемъ подобный примѣръ въ образованіи зубовъ у Ruminantia.

Итакъ, если произвольное зарожденіе и выдѣленіе желтка изъ зародышнаго пузыря весьма сомнительны, то, упираясь на нѣкоторыя собственныя изслѣдованія, особенно на развитіе яйца у Diplozoon *), я полагаю что этотъ процессъ можно объяснить гораздо легче и проще слѣдующимъ образомъ.

*) Mémoires de l'Acad. imp. des sc. de St. Pétersbourg. VII série tome IV. № 5.

Зародышные пузыри суть десценденты эпителіальныхъ ячеекъ, выстилающихъ зародышное ложе. Пузыри, спускаясь внизъ, растутъ, увеличиваются, потомъ обволакиваются гомогеннымъ protoplasma (выдѣляемый изъ ячеекъ эпителія нижнихъ частей трубки) *), который становится зернистымъ; периферическая же часть превращается въ желточную оболочку.

Эти яички представляютъ весьма интересное явленіе—ихъ желтокъ одаренъ самостоятельнымъ движеніемъ и они, какъ Amoeba, вытягиваются и передвигаются съ одного мѣста на другое.

Яички, подобно тому, какъ наблюдалъ Мейснеръ у Mermis albicans, размножаются почками и представляютъ четкообразный рядъ, почти всегда развѣтвляющійся. По мѣрѣ того, какъ яички размножаются и ростутъ, самыя трубки, въ которыхъ они находятся, становятся шире, короче и принимаютъ видъ мѣшка.

Периферическія части четкообразныхъ яичныхъ рядовъ (Eiketten), примыкающія къ стѣнкамъ мѣшка, обрастаются эпителіемъ, который въ это время сильно размножается дѣленіемъ и образуетъ, вмѣстѣ съ membrana proprіa, перегородки какъ между вѣтвями, такъ и между отдѣльными яйцами, такъ что получается конволутъ анастомозирующихъ трубокъ, состоящихъ изъ membrana propria, эпителія и яицъ. Этотъ эпителій представляетъ будущую membrana granulosa графовыхъ фолликуловъ, которые образуются такимъ образомъ, что перехваты между отдѣльными яичками становятся все уже и уже и, наконецъ, совершенно исчезаютъ.

Этотъ процессъ начинается въ центрѣ яичника и постепенно подвигается къ периферіи, такъ что въ продолженіе четырехъ недѣль послѣ рожденія весь мѣшокъ распадается на графовые фолликулы; верхній конецъ—зародышное ложе—облитерируетъ, или также превращается въ фолликулы.

На первомъ году, вновь болѣе не образуются фолликулы — они только развиваются, но потомъ періодически, ежегодно, въ особенности лѣтомъ, снова развиваются трубчатыя желѣзки, яйца и фолликулы.

Если сравнить число графовыхъ фолликуловъ съ числомъ выдѣленнымъ животнымъ въ продолженіе всей жизни, то увидимъ, что число образовавшихся значительно превышаетъ число яицъ, отдѣленныхъ отъ яичника; потому, мы должны принять, что бо̀льшее

*) Что превосходно можно наблюдать у насѣкомыхъ.

число фолликуловъ въ яичникѣ уничтожается процессомъ ожиренія, что̀ дѣйствительно и было наблюдаемо Флюгеромъ — въ противномъ случаѣ должны были бы погибнуть всѣ. Такимъ образомъ, Флюгеръ весьма вѣрно замѣчаетъ, что болѣзненное явленіе въ этомъ случаѣ служитъ необходимымъ факторомъ для нормальнаго отправленія жизни.

Когда яйцо достигло извѣстной величины, образуется zona pellucida. Флюгеръ иногда видѣлъ въ ней радіальныя полоски и при дегенераціи фолликуловъ наблюдалъ, что ячейки membrana granulosa, удлиняясь, вростаютъ въ желтокъ; оттого онъ полагаетъ, что zona pellucida состоитъ изъ плотно между собою связанныхъ палочекъ, которыя можно разсматривать какъ отдѣлившіеся (abgeschnürte) цилиндрическіе отростки эпителіальныхъ ячеекъ фолликула. Первоначальная желточная оболочка сохраняется.

Когда перехваты еще не вполнѣ развились, тогда между фолликулами и яйцами существуетъ еще сообщеніе и желтокъ одного яйца находится въ связи съ желткомъ предъидущаго, посредствомъ небольшаго канала. Послѣ совершеннаго отдѣленія графоваго фолликула, отверстія упомянутыхъ каналовъ еще на время остаются; и мѣсто ихъ положенія въ яйцѣ Флюгеръ называетъ полюсами яйца, о которыхъ я бы не упомянулъ, если бы они не находились въ нѣкоторомъ отношеніи къ образованію микропилы, найденной Флюгеромъ. Весьма было бы интересно подтвержденіе микропилы, существованіе которой болѣе чѣмъ вѣроятно, потому что трудно себѣ представить, чтобы сѣмянныя нити были бы въ состояніи пробуравить толстую zona pellucida.

Какимъ же образомъ образуется микропила? Флюгеръ полагаетъ, что размножающіяся ячейки membranæ granulosæ прерываютъ zona pellucida въ самыхъ слабыхъ ея частяхъ, т. е. въ полюсахъ и образуютъ родъ пробки, закрывающей входъ въ желтокъ. Когда фолликулъ лопается, тогда одновременно съ отпаденіемъ ячеекъ cumuli proligeri вытягивается и пробка; но странно, что микропила образуется только въ одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ 2 мѣста т. е. полюса находятся подъ одними и тѣми же условіями.

Наконецъ, остается мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о происхожденіи трубчатыхъ желѣзокъ яичника. Флюгеру удалось прослѣдить периферическія части желѣзокъ въ самое peritaneum; потому, онъ справедливо думаетъ, что они образуются вслѣдствіе размноженія эпителіальныхъ ячеекъ peritonei, на манеръ всѣхъ прочихъ желѣзъ.

Всѣ эти изслѣдованія преимущественно были сдѣланы надъ яичниками теленка и кошки.

Гисенъ, $^{5}/_{17}$ іюня 1863 года.

44) Магистра Троицкаго.

Мои занятія въ этомъ семестрѣ продолжаются въ Геттингенѣ и стоятъ въ связи съ здѣшнимъ университетомъ.

Въ Геттингенъ я привлеченъ заслуженною извѣстностію проф. Лётца, у котораго слушаю въ настоящее время *метафизику* и *философію религіи.* По особенной связности лекцій этого профессора, я оставляю характеристику оныхъ до конца семестра.

Изъ другихъ философскихъ лекцій, слушаю въ то же время у докт. Тейхмюллера о *системахъ Гербарта и Гегеля* и участвую въ педагогическихъ бесѣдахъ пр. Моллера о *системѣ Спинозы.*

Изъ наукъ вспомогательныхъ слушаю *политику* у пр. Вайца и *экономическую политику* у пр. Гельфериха.

Домашнія занятія состояли главнымъ образомъ въ изученіи нѣкоторыхъ новыхъ работъ по психологіи, изданныхъ въ этомъ году, и самостоятельной обработкѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ этой науки.

Планъ занятій моихъ составленъ мною на основаніи: а) проекта университетскаго устава, б) предварительнаго знакомства съ современнымъ состояніемъ изучаемой мною науки, и в) особенно чувствительныхъ пробѣловъ въ запасѣ нужныхъ мнѣ свѣденій и обработкѣ ихъ.

Преподаваніе философіи въ германскихъ университетахъ представляетъ нѣсколько неодинаковыхъ направленій въ этой наукѣ, и именно: а) извѣстный *идеализмъ*, наслѣдованный отъ Гегеля и мало измѣненный,—представителями котораго являются въ эту минуту пр. Мишле въ Берлинѣ, пр. Эрдманнъ въ Галле, пр. К. Фишеръ въ Іенѣ и пр. Целлеръ въ Гейдельбергѣ; б) *реализмъ*, наслѣдованный отъ Гербарта, лучшимъ представителемъ котораго остается до сихъ поръ пр. Дробишъ въ Лейпцигѣ, и в) направленія *примиряющія*, именно: α) идеализмъ, пытающійся сблизиться съ реализмомъ въ чтеніяхъ пр. Фортляга въ Іенѣ, и β) реализмъ, старающійся сблизиться съ идеализмомъ, въ чтеніяхъ пр. Лётца въ Геттингенѣ и пр. Тренделенбурга въ Берлинѣ.

Выборъ мой между германскими университетами остановился естественно на слѣдующихъ: *берлинскомъ* (Мишле и Тренделенбургъ),

іенскомъ (К. Фишеръ и Фортлягъ) *галльскомъ*, *лейпцигскомъ*, *геттингенскомъ* и *гейдельбергскомъ*.

Изъ нихъ я пожертвовалъ безъ большихъ сожалѣній: а) *галльскимъ*, такъ какъ пр. Эрдмана, извѣстнаго трудами по исторіи новой философіи, могъ съ избыткомъ замѣнить мнѣ знаменитый въ томъ же родѣ пр. К. Фишеръ, и б) *гейдельбергскимъ*, такъ какъ пр. Целлеръ, извѣстный единственно своими трудами по исторіи древней философіи, слишкомъ хорошо извѣстенъ мнѣ, какъ бывшему преподавателю исторіи греческой философіи.

Въ остальныхъ четырехъ университетахъ (Берлинъ, Іена, Лейпцигъ и Геттингенъ) я рѣшилъ провести въ каждомъ по одному семестру, приноравливая время пребыванія къ времени чтеній по такимъ наукамъ, въ которыхъ указанныя направленія философіи выражаются особенно сильно и характерно.

Идеализмъ, какъ и прежде, особенно характеренъ въ логикѣ и силенъ въ исторіи философіи; притомъ, между избранными мною представителями его, я долженъ былъ предпочесть слушать исторію философіи у К. Фишера, и логику у Мишле. Школа Гербарта, представляемая Дробишемъ, особенно выдается въ психологіи; пр. Лётцъ—въ психологіи и метафизикѣ; пр. Фортлягъ и пр. Тренделенбургъ—въ логикѣ и энциклопедіи философскихъ наукъ.

По заведенному порядку, пр. Мишле и Тренделенбургъ читаютъ означенныя науки въ лѣтній семестръ; К. Фишеръ и Фортлягъ—въ зимній; Дробишъ—въ зимній; Лётцъ—психологію въ зимній и метафизику въ лѣтній.

Отказавшись слушать психологію Лётца, которую мнѣ достаточно замѣняли чтенія пр. Фехнера въ Лейпцигѣ, падающія въ одинъ семестръ съ чтеніями пр. Дробиша, я расположилъ провести зимніе семестры въ Іенѣ и Лейпцигѣ, а лѣтніе—въ Геттингенѣ и Берлинѣ.

Проектъ университетскаго устава назначаетъ къ преподаванію три философскія науки: логику, психологію и исторію философіи. Не знаю, удержится-ли предположеніе такого курса послѣ извѣстныхъ замѣчаній заграничныхъ ученыхъ, напр. пр. Розенкранца, на его недостаточность. Если не ошибаюсь, послѣдній предлагалъ ввести также преподаваніе метафизики, практической философіи, энциклопедіи философскихъ наукъ и философіи искусства.

Присматриваясь къ существующимъ курсамъ философіи въ Германіи, я нашелъ, что прочнаго, общепринятаго въ нихъ именно

только то, что отмѣчено въ нашемъ проектѣ. Практическая философія читается не всѣми (напр. не читаютъ К. Фишеръ, Лётцъ); философіи искусства почти не встрѣчается въ философскихъ курсахъ; энциклопедія философскихъ наукъ, если читается, то не иначе, какъ часть логики (въ курсахъ Фортляга, Тренделенбурга); наконецъ, метафизика въ идеализмѣ не отличается отъ логики (у К. Фишера, Эрдмана). Спрашивается: надобно-ли регламентировать чтеніе наукъ, положеніе которыхъ въ курсахъ философіи далеко не установилось? Не лучше-ли обозначить уставомъ только тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ неотъемлемую собственность всѣхъ извѣстныхъ курсовъ философіи, предоставляя въ то же время чтеніе другихъ философскихъ наукъ свободному выбору профессора?

Во всякомъ случаѣ, соотвѣтственно самому современному состоянію философіи въ Германіи, я рѣшилъ сосредоточить особенное вниманіе на наукахъ, указанныхъ въ проектѣ, т. е. психологіи, логикѣ и исторіи философіи, и въ послѣдней, вслѣдствіе пріобрѣтеннаго прежде широкаго знакомства съ философіею греческою— на исторіи новой философіи. Такимъ образомъ, я слушалъ уже, въ Іенѣ, исторію философіи съ Канта у пр. К. Фишера и логику и энциклопедію философскихъ наукъ у пр. Фортляга.

Относительно другихъ философскихъ наукъ я поставилъ себѣ задачею прослушать, въ продолженіи двухъ лѣтъ, возможно полный курсъ оныхъ, и именно метафизику какъ науку, отдѣльную отъ логики, философію религіи (обѣ у пр. Лётца, и уже слушаю), философію нравственности (у пр. Аренса въ Лейпцигѣ), философію права (у Мишле) и педагогію и дидактику (у Тренделенбурга).

Слушая полные курсы различныхъ философскихъ наукъ, я не упускаю изъ виду, въ то же время, чтеній по частнымъ отдѣламъ той или другой науки. Такъ, въ Геттингенѣ, слушаю чтенія пр. Тейхмюллера о системахъ Гербарта и Гегеля.

При этомъ я счелъ нужнымъ познакомиться съ философскими семинаріями, существующими при нѣкоторыхъ университетахъ, и въ Геттингенѣ принимаю участіе въ педагогическихъ бесѣдахъ пр. Моллера о Спинозѣ.

Изученіе тѣхъ или другихъ не философскихъ наукъ съ философскою цѣлію едва-ли можно опредѣлить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ личнаго воззрѣнія на потребности философіи въ наше время и общій уровень личнаго энциклопедическаго образованія.

Съ моей точки зрѣнія, философія въ наше время нуждается, въ

особенности: а) въ нѣкоторыхъ наукахъ *естественныхъ*, какъ пропедевтикѣ къ психологіи (сравнительная и нервная анатомія, нервная физіологія и патологія) и б) *политическихъ* (политика, политическая экономія), въ которыхъ науки философскія находятъ свой ближайшій предѣлъ и приложеніе.

Посвятивъ прежде, въ Россіи, около двухъ лѣтъ на ознакомленіе съ упомянутыми естественными науками, я чувствовалъ нужду ознакомиться здѣсь, за границею, съ науками политическими. Поэтому, я слушаю въ Геттингенѣ политику у пр. Вайца и экономическую политику у пр. Гельфериха, а въ Лейпцигѣ буду слушать политическую экономію и исторію политическихъ и соціальныхъ теорій у пр. Рошера.

Изъ другихъ вспомогательныхъ наукъ я нуждался въ особенности въ исторіи новѣйшей литературы, всеобщей исторіи послѣдняго времени и нѣкоторыхъ лекціяхъ по классической филологіи. Поэтому, въ Іенѣ, я слушалъ лекціи К. Фишера о Лессингѣ, въ связи съ исторіею литературы 18-го столѣтія, а въ Берлинѣ буду слушать исторію государствъ съ 1815 г. у пр. Дройзена и нѣкоторыя лекціи по классической филологіи.

Въ домашнихъ занятіяхъ моихъ, на первомъ планѣ стоитъ задуманная мною обработка полнаго очерка наукъ, указанныхъ въ проектѣ устава, т. е. психологіи, логики и исторіи философіи.

Предположенной обработки прежде всего требуетъ психологія, какъ естественная пропедевтика къ остальнымъ философскимъ наукамъ.

Воспитанный, въ этой наукѣ, на началахъ Бенеке и отчасти Гербарта, я имѣлъ нужду въ изученіи особенно двухъ направленій въ обработкѣ оной: а) съ точки зрѣнія идеализма, принимающаго психологическія открытія, сдѣланныя системами реализма, и б) по методѣ, въ строгомъ смыслѣ экспериментальной. Самый новый и замѣчательный трудъ въ первомъ родѣ представляетъ система психологіи пр. Фортляга; послѣдняго рода обработку встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ Лѣтца и еще болѣе — Фехнера и Вундта.

Округливши свои психологическія свѣденія изученіемъ этихъ направленій, я приступилъ въ Геттингенѣ, на основаніи прежнихъ и новыхъ самостоятельныхъ работъ, къ составленію очерка психологіи, которому можно будетъ дать окончательный видъ, прослушавши въ Лейпцигѣ пр. Дробиша и Фехнера.

Геттингенъ, 20-го іюня 1863 года.

45) Кандидата Серафима Автократова.

Въ Лейпцигскомъ университетѣ читаютъ философскія лекціи Германнъ, Зейдель, Дробишъ, Шиллингъ, Циллеръ, Вейссе и Фехнеръ. Изъ нихъ пріобрѣли себѣ почетную извѣстность: Дробишъ, много способствовавшій своими трудами распространенію гербартовой философіи еще тогда, когда никто не обращалъ на нее вниманія,— Аренсъ, какъ талантливый послѣдователь Краузе, приложившій его начала къ философіи права, и — Фехнеръ, какъ самостоятельный мыслитель.

Такъ какъ всѣ упомянутые преподаватели, кромѣ Фехнера, читаютъ лекціи или для начинающихъ, или о такихъ предметахъ, о которыхъ они уже писали, то я и обратилъ преимущественное вниманіе на лекціи Фехнера.

Философія Фехнера, согласная, въ отношеніи къ методу и основнымъ истинамъ, съ господствующимъ теперь научнымъ міросозерцаніемъ, рѣшительно противорѣчитъ ему въ результатахъ. Болѣе точныя понятія о душевныхъ процессахъ, пріобрѣтенныя наукою въ послѣднее время, привели ее къ отождествленію человѣческаго духа съ прочими существами видимаго міра. Фехнеръ, признавая единственнымъ источникомъ философскаго знанія опытъ, и вполнѣ раздѣляя принятыя теперь въ наукѣ понятія о душевныхъ явленіяхъ, противопоставилъ тому міросозерцанію, которое вездѣ отрицаетъ духъ, другое, по которому все исполнено духа—растенія, животныя, планеты и пр. Если, говоритъ онъ, взвѣсить всѣ пункты сходства и различія между нами и землею, то окажется, что земля сходна съ нами во всѣхъ пунктахъ, которые, по какому бы то ни было взгляду на отношеніе души къ тѣлу, считаются существенными признаками особеннаго одушевленнаго существа; между тѣмъ разительныя разности между нами и землею ясно показываютъ, что она есть существо въ высшемъ смыслѣ живое, самостоятельнѣйшее и индивидуальнѣйшее, чѣмъ мы. Какъ наши тѣла принадлежатъ высшему индивидуальнѣйшему тѣлу земли, такъ наши души принадлежатъ высшему индивидуальнѣйшему духу земли. Духъ земли есть не только сумма земныхъ единичныхъ духовъ, но объемлющее ихъ, высшее, единичное, сознательное соединеніе этихъ духовъ. Мы привыкли говорить о духѣ человѣчества. Если это представленіе можетъ пріобрѣсть твердую опору, то оно необходимо для этого должно перейти въ представленіе о духѣ земли. Небесныя свѣ-

тила имѣютъ такія же примѣты душевной жизни, какъ и земля; поэтому, должно думать, что они образуютъ царство высшихъ въ сравненіи съ нами, одушевленныхъ, существъ. Какъ по матеріальной сторонѣ, всѣ свѣтила принадлежатъ природѣ, такъ всѣ души свѣтилъ — Духу, которому принадлежитъ вся природа. Божественный Духъ есть единое, въ высшей степени сознательное, истинно всевѣдущее существо, т. е. Духъ, носящій въ себѣ всѣ сознанья міра, и слѣдовательно, соединяющій сознанія всѣхъ отдѣльныхъ твореній въ высшемъ сознательномъ единствѣ. Фехнеръ глубоко убѣжденъ, что, въ настоящее время всеобщаго банкротства старыхъ философскихъ школъ, пришла пора замѣнить старыя философіи, объяснявшія ясныя вещи посредствомъ темныхъ (монадъ, вещества и т. п.), новой философіей, которая объясняетъ все посредствомъ того, что наиболѣе ясно для насъ, посредствомъ нашей собственной душевной жизни. Онъ вѣритъ, что хотя ему теперь приходится говорить на вѣтеръ, но этотъ вѣтеръ скоро будетъ дуть на огонь. Сбудется-ли послѣднее, еще не извѣстно, но первое не подлежитъ никакому сомнѣнію. Книги его не расходятся въ продажѣ; слушателей онъ имѣетъ очень мало; судя по рецензіямъ на его книги, собраты по наукѣ — какъ матеріалисты, такъ и идеалисты — даже не могутъ войти въ его воззрѣнія, и доселѣ повторяютъ возраженія, которыя Фехнеръ давно принялъ во вниманіе и достаточно разъяснилъ.

Во всякомъ случаѣ, имя Фехнера займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи новой философіи.

Онъ не только философъ, но вмѣстѣ и математикъ и глубокій естествоиспытатель. Благодаря своимъ разностороннимъ знаніямъ, онъ успѣлъ возвесть прежнія, весьма недостаточныя наблюденія надъ отношеніемъ души къ тѣлу, на степень точной, опытно-математической науки. Эту науку онъ назвалъ психофизикой.

Въ настоящій семестръ Фехнеръ читаетъ о психофизическихъ методахъ измѣренія.

Въ этихъ лекціяхъ онъ излагаетъ результаты психофизическихъ опытовъ, добытые имъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Кромѣ лекцій Фехнера, я слушаю физіологію и микроскопическую анатомію у Э. Г. Вебера, остеологію и нервологію у Эд. Ф. Вебера.

Къ моимъ домашнимъ занятіямъ, о которыхъ я уже писалъ ми-

нистерству, я долженъ былъ присоединить упражненія въ психофизическихъ опытахъ, требующихъ значительнаго навыка.

Лейпцигъ, 22-го іюня 1863 года.

46) Кандидата М. Стефановича.

Занятія мои въ истекшіе три мѣсяца вполнѣ сообразовались съ планомъ, изложеннымъ мною въ предъидущемъ отчетѣ. Всякому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей, понятно, что спеціальное изученіе всѣхъ ея частей не мыслимо. Но незнакомому съ ходомъ и содержаніемъ цивилизаціи всего человѣчества, также не возможно солидное занятіе какой-нибудь отдѣльною ея частію. На этомъ основаніи, я не приступилъ прямо къ занятіямъ исторіею внутренняго развитія средневѣковаго человѣчества, а рѣшился предварительно поближе познакомиться съ древней исторіей. Въ эти три мѣсяца я успѣлъ прослѣдить только исторію Востока по лучшимъ нѣмецкимъ сочиненіямъ и часть исторіи Греціи. Не малымъ пособіемъ мнѣ при этихъ занятіяхъ служили лекціи проф. Дройзена. Профессоръ Дройзенъ въ этотъ семестръ не читаетъ спеціальнаго курса. Его лекціи по древней исторіи скорѣе можно назвать руководствомъ къ изученію предмета, но ни чуть не изложеніемъ самаго предмета. Онъ поставилъ себѣ главною задачею—познакомить слушателей съ литературою предмета и съ современнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди научныхъ изслѣдованій. Своимъ чтеніямъ о древней исторіи онъ, какъ водится, предпослалъ довольно обемистое введеніе; потомъ прочелъ исторію Индіи и часть исторіи Египта. Введеніе его обнимаетъ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ такой или другой взглядъ какъ на исторію вообще, такъ и на пониманіе различныхъ проявленій цивилизаціи человѣчества въ особенности (См. статьи Дройзена въ Historische Zeitschrift Зибеля, 1863 г., 1 кн.). Мы теперь не имѣемъ возможности подробно изложить содержаніе полныхъ интереса чтеній проф. Дройзена, потому что курсъ ихъ еще не оконченъ. Можно только указать на ихъ планъ и методъ. Каждый отдѣлъ своихъ чтеній проф. Дройзенъ излагаетъ исторически, такъ что они служатъ очень важнымъ пособіемъ для самостоятельныхъ занятій; притомъ, онъ владѣетъ замѣчательною способностію излагать ясно, отчетливо, систематически; самому, повидимому, сухому предмету онъ умѣетъ сообщить интересъ. Къ сожалѣнію, онъ не чуждъ недостатка, который, правда,

привлекаетъ цѣлыя массы слушателей въ его аудиторію, но который все-таки какъ-то трудно гармонируетъ съ талантомъ и обширною ученостью этого профессора—это страсть потѣшить своихъ слушателей краснымъ словцомъ. Въ изложеніи исторіи отдѣльныхъ народовъ, послѣ литературы предмета, онъ останавливается преимущественно на вопросахъ, на которые обращено вниманіе нынѣшнихъ изслѣдователей. Такъ въ исторіи Индіи онъ обратилъ вниманіе только на буддизмъ, который, по его мнѣнію, есть первая атеистическая религія, религія ohne Gott. Въ исторіи Египта, также послѣ исторіографіи, онъ до сихъ поръ успѣлъ провѣрить только мнѣніе древнихъ и новыхъ историковъ о Гиксахъ, египетской хронологіи и письмѣ. Излагая изслѣдованія древней египетской хронологіи, Дройзенъ познакомилъ своихъ слушателей съ самими пріемами изслѣдованій Лепсіуса и др., и очень мастерски показалъ значеніе этихъ изслѣдованій, что только при ихъ помощи можно признать глубокую древность египетской цивилизаціи; потому что за 3282 г. до Р. Хр. Египтяне уже имѣли календарь, который разнился отъ юліанскаго на 1′12″. Рѣшеніе профессора Дройзена вопроса о происхожденіи іероглифическихъ письменъ, для меня, впрочемъ, не очень ясно. «Бѣдность первоначальныхъ звуковъ, по его мнѣнію, привела къ рисункамъ». Допустивши подобное мнѣніе, мнѣ кажется, нужно допустить, на первыхъ же порахъ сознанія народнаго, уже достаточную степень его развитія. Мнѣ кажется, что такъ какъ идеи первоначально проявляются въ народѣ вслѣдствіе вліянія различныхъ предметовъ внѣшней природы, то и первоначальная форма этихъ идей есть не иная, какъ подражаніе внѣшнему виду природныхъ явленій.

Кромѣ Дройзена, я слушалъ еще лекціи профессора Моммзена о римскомъ государственномъ устройствѣ (обѣщанный имъ курсъ о времени римскихъ императоровъ онъ отложилъ на слѣдующій семестръ) и Кипперта—древнюю географію Азіи. При своей извѣстности какъ ученый и притомъ ученикъ знаменитаго Риттера, Киппертъ не пользуется популярностью въ университетѣ. У него въ продолженіи этого семестра было только 4 слушателя. Сухость его изложенія, дѣйствительно, въ высшей степени утомительна; между прочимъ, лекціи его, по содержанію, въ высшей степени интересны; потому что онъ принадлежитъ къ числу двигателей своего предмета.

Берлинъ, 18/30 іюня 1863 года.

47) Кандидата Адріана Копылова.

Занятія мои въ прошедшіе три мѣсяца заключались въ изученіи римской исторіи по тому плану, который я кратко изложилъ въ предъидущемъ отчетѣ, и при пособіи, главнымъ образомъ, книгъ *Моммзена* и *Швеглера*. Изъ этихъ двухъ сочиненій исторія Швеглера имѣла для меня особенное значеніе, знакомя какъ съ достовѣрностью источниковъ первой руки, такъ и съ мнѣніями позднѣйшихъ ученыхъ по каждому сколько-нибудь замѣчательному вопросу.

Лишнимъ бы было здѣсь распространяться о наблюдательности столь извѣстнаго историка и умѣніи его ясно поставить вопросъ. Часто онъ входитъ въ мелочныя разъясненія тамъ, гдѣ Моммзенъ или ничего не говоритъ, или говоритъ лишь мимоходомъ нѣсколько словъ, а, между тѣмъ, эти разъясненія приводятъ къ подтвержденію весьма многихъ интересныхъ предположеній. Таковы напр. разборы вопросовъ о происхожденіи триба Luceres, о происхожденіи плебеевъ и т. п. Каждое изъ заключеній Швеглера подтверждается сейчасъ же или мѣстами изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, или ясной и убѣдительной критикой, между тѣмъ какъ Моммзенъ весьма часто по подобному вопросу не приводитъ въ свое подтвержденіе никакихъ доказательствъ.

Кто захотѣлъ бы провѣрить сказанное, могъ бы напр. прослѣдить по обѣимъ исторіямъ вопросъ о томъ, когда началось политическое значеніе центуріатскихъ комицій. Вопросъ этотъ, оставленный Швеглеромъ лишь приблизительно рѣшеннымъ, по недостатку вѣрныхъ данныхъ, Моммзенъ, не приводя въ своей исторіи никакихъ доказательствъ, рѣшаетъ такъ, что придаетъ политическое значеніе центуріатскимъ комиціямъ лишь послѣ введенія республики, ставя притомъ это дѣло въ связь съ уменьшеніемъ значенія куріатскихъ комицій и допущеніемъ въ послѣднія плебеевъ. Такъ какъ несомнѣнно однако, что патриціанское сословіе продолжало исключительно пользоваться важными политическими преимуществами, какъ напр. правомъ утверждать законы, принятые въ центуріатскихъ комиціяхъ (Auctoritas patrum) и выборы имѣвшихъ военную и судебную власть государственныхъ чиновниковъ (Lex curiata de imperio), то Моммзенъ, чтобы согласить это обстоятельство съ принятымъ имъ мнѣніемъ о допущеніи плебеевъ въ куріатскія комиціи, долженъ былъ принять новыя особыя комиціи, составленныя изъ однихъ патриціевъ (патриціанскій конвентъ). Между тѣмъ, дѣло

объясняется гораздо проще, если держаться взгляда, принимаемаго Швеглеромъ, что куріатскія комиціи въ началѣ республики состояли, по прежнему, изъ одних патриціевъ и лишь въ послѣдствіи, когда уничтожилось различіе между патриціями и плебеями касательно *Sacra* и разрѣшены смѣшанные браки, плебеи получили доступъ въ патриціанскія куріи и право голоса въ нихъ *). Вообще, такихъ мѣстъ, гдѣ Моммзенъ ставитъ свое оригинальное мнѣніе, несогласное съ до сихъ поръ принятыми взглядами, въ его исторіи довольно много, и потому, недостатокъ подробнаго разъясненія спорныхъ вопросовъ весьма ощутителенъ. Очень можетъ быть, что многое разъяснилось бы изученіемъ нѣкоторыхъ болѣе частныхъ сочиненій Моммзена, напр. его сочиненія о трибахъ и т. п., но какъ ни полезна бы была эта работа, у меня до сихъ поръ не было на нее ни времени, ни средствъ.

Если, впрочемъ, Моммзенова книга римской исторіи и не объяснила мнѣ, какъ я бы желалъ, нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ исторіи Рима до Лициніевыхъ законовъ, то за то она оказала мнѣ огромную услугу, познакомивъ весьма хорошо съ характеромъ событій и учрежденій такъ называемаго революціоннаго періода римской республики (отъ Гракховъ). Въ послѣдствіи, на лекціяхъ пр. Моммзена мнѣ попадались часто выводы, предполагавшіе въ слушателяхъ знакомство съ многими содержащимися въ исторіи объясненіями, какъ напр. относительно различія между imperium и potestas, относительно власти и мѣста отправленія должности проконсула по суллину законодательству, относительно возвышенія значенія полководца съ того времени, когда Римъ сталъ созывать войска не изъ гражданъ, а изъ провинціаловъ и наемниковъ и т. п. Что касается до самыхъ лекцій Моммзена, то, къ сожалѣнію, онѣ обнимали только одну часть обѣщаннаго въ университетскомъ росписаніи, именно продолженіе начатаго въ прошломъ семестрѣ обзора исторіи римскаго государственнаго управленія. Другой курсъ, предполагавшійся къ чтенію, исторія первыхъ римскихъ императоровъ, по

*) Главнѣйшими доказательствами, которыя Швеглеръ приводитъ въ защиту своего взгляда, служатъ: 1) то, что если бы плебеи были въ самомъ началѣ республики членами курій, то имѣли бы одни Sacra съ патриціями и нельзя бы было отсутствіе этого обстоятельства ставить препятствіемъ къ принятію Канулеева закона (Liv. IV. 2.) 2) Равномѣрно, нельзя бы было говорить о плебеяхъ, что они не имѣютъ родовъ, такъ какъ gentes составляли органическія подраздѣленія куріи. (Liv. X. 8).

случаю поздняго прiѣзда профессора изъ Парижа, отложенъ на слѣдующiй семестръ. Въ доселѣ прочтенныхъ лекцiяхъ Моммзенъ говорилъ объ отличительныхъ свойствахъ суллинной и цезаревой диктатуръ, второмъ трiумвиратѣ и имперiи первыхъ императоровъ. Отличiе суллиной и цезаревой диктатуръ отъ всѣхъ прежнихъ Моммзенъ видитъ главнымъ образомъ въ цѣли установленiя диктатуръ (reipublicae constituendae causa), въ срокѣ пользованiя этой властью и, наконецъ, въ увеличенiи правъ самой власти (такъ напр. Сулла получилъ право обращать частную собственность въ государственную и на оборотъ; всякое его предположенiе и безъ утвержденiя комицiй, по Lex Valeria, имѣло силу закона и проч.). Кромѣ того, отличительное свойство цезаревой диктатуры — соединенiе въ его особѣ диктаторской и императорской властей, изъ коихъ послѣднею, вопреки до сихъ поръ существовавшему праву, онъ пользовался въ предѣлахъ Италiи. Что касается до желанiя Цезаря принять титулъ царя (rex), то Моммзенъ сомнѣвается въ этомъ желанiи, полагая, что Цезарь едва-ли бы могъ желать титула, который, ничего не прибавляя къ его власти, могъ бы лишь возбудить къ нему народную вражду. Свидѣтельствамъ римскихъ писателей объ этомъ предметѣ былъ сдѣланъ разборъ, приведшiй къ заключенiю, что эти свидѣтельства особой убѣдительной силы не имѣютъ. Главное отличiе втораго трiумвирата отъ перваго Моммзенъ видитъ въ томъ, что первый трiумвиратъ былъ частный договоръ, не имѣвшiй, съ точки зрѣнiя государственнаго права, никакого значенiя и важный лишь по личностямъ участвовавшихъ въ немъ трiумвировъ, тогда какъ второй былъ утвержденъ правительствомъ (опять reipublicae constituendae causa). Послѣ обзора правъ и титуловъ, принадлежавшихъ трiумвирамъ и характеризующихъ ихъ государственное значенiе, обращено было вниманiе на особенное, имѣвшее очень важные результаты, положенiе Октавiана, какъ родственника Цезаря. Обозрѣнiе имперiи началось разсмотрѣнiемъ новой власти Августа, произшедшей изъ соединенiя въ его особѣ императорской должности съ ежегодно повторяющейся консульской, которую онъ замѣнилъ въ послѣдствiи постоянной трибунской, какъ par potestas, доставляющей его особѣ преимущества неприкосновенности. Сверхъ того, въ послѣдствiи Августъ возложилъ еще на себя должность высшаго понтифекса. Соединенiе этихъ должностей доставило Августу и его преемникамъ какъ верховную военную власть (imperium), такъ и верховную гражданскую (въ этомъ значенiи онъ — princeps civium),

и обѣ эти власти соединились въ его особѣ подъ оффиціальнымъ императорскимъ титуломъ (Imperator Caesar). Что касается до пріобрѣтенія императорской власти послѣ Августа, то въ теченіе долгаго времени для законнаго освященія этого пріобрѣтенія требовалось утвержденіе сената, получившаго при Августѣ большую часть власти республиканскихъ комицій, и являвшагося въ этомъ случаѣ представителемъ цѣлаго народа. Это показываетъ, что съ точки зрѣнія римскаго государственнаго права наслѣдственность монархіи не признавалась, и въ самомъ дѣлѣ, прямаго назначенія наслѣдника императорской власти при первыхъ императорахъ не встрѣчается. Вмѣсто подобнаго назначенія, первые императоры употребляли въ дѣло институтъ соправительства, т. е. дѣлали предназначаемаго наслѣдника соправителемъ, посредствомъ передачи ему: a) tribunitia potestas, или b) должности Imperator'a, или c) чрезвычайной проконсулярной власти (imperium infinitum) или наконецъ, что было чаще всего, d) титула caesar. Приступивъ къ обозрѣнію управленія первыхъ императоровъ, профессоръ разсмотрѣлъ прежде всего новое положеніе сената, котораго власть и привилегіи были значительно увеличены, и вслѣдъ за тѣмъ, въ настоящее время, разсматриваетъ права и обязанности обѣихъ категорій государственныхъ чиновниковъ (императорскіе и сенатскіе). Изложеніе Моммзенское чуждо всякаго внѣшняго блеска, но за то чрезвычайно ясно, такъ какъ всякій разбираемый здѣсь вопросъ излагается очень обстоятельно. Къ сожалѣнію, однако, и здѣсь о трудахъ другихъ ученыхъ, касающихся того же предмета, совершенно не упоминается.

Въ связи съ занятіями моими по римской исторіи находилось посѣщеніе лекцій проф. *Яффе*, о римской и средневѣковой хронологіи. Въ прочтенной доселѣ первой половинѣ (римская хронологія) заключалось не критическое изслѣдованіе спорныхъ датъ римской исторіи, что́ можно бы было полагать, судя по заглавію, а просто исторія счета времени у римлянъ. Главными источниками для составленія лекцій служили профессору: *Varo*, de Lingua Latina, *Macrobius*, Saturnalia и *Censorinus*, de Die natali; кромѣ того, Ливій, Цицеронъ, Плиній (historia naturalis) и изъ новѣйшихъ *Ideler*, Handbuch der Chronologie и *Mommsen*, Römische Chronologie и Inscriptiones latinae antiquissimae. Приводя весьма часто результаты изслѣдованій Моммзена, проф. Яффе, на сколько можно было замѣтить, только разъ не согласился съ мнѣніемъ знаменитаго спеціалиста, а именно по поводу вопроса о *Nundinae*. Здѣсь, вопреки мнѣнію

Моммзена, было выражено сомнѣніе въ томъ, что Nundinae (девятый день предъ календами) занимали мѣсто въ римскомъ счетѣ дней, такъ какъ, по свидѣтельству Макробія, уже слѣдующій день за Идами считался по отношенію къ будущимъ календамъ (ante diem XVII calendas). При всей сухости и спеціальности предмета, лекціи были иногда довольно интересны, сообщая многіе факты, уясняющіе разныя стороны римскаго государственнаго управленія и общественной жизни. Таковы были напр. лекціи о дѣленіи времени на 8-ми дневные сроки, посредствомъ нундіальныхъ буквъ, о произвольныхъ интеркаляціяхъ понтифексовъ послѣ 191 г. до Р. Х. и т. п. Внѣшніе пріемы преподавателя были чрезвычайно просты, именно онъ каждую лекцію диктовалъ своимъ слушателямъ, прерывая диктовку только тогда, когда, для ясности, необходимо было сдѣлать на доскѣ какое-нибудь вычисленіе или написать таблицу счета времени.

Кромѣ вышеозначенныхъ лекцій, я постоянно посѣщалъ еще лекціи проф. Дройзена о древней исторіи и Historisch-Diplomatische Uebungen, Яффе. О послѣднихъ подробно сообщу въ слѣдующемъ отчетѣ.

Берлинъ, $\frac{\text{21-го іюня}}{\text{3-го іюля}}$ 1863 года.

48) Константина Нейлисова.

Пробывъ въ теченіе прошедшаго семестра въ Гейдельбергѣ, гдѣ я извлекъ особенную пользу изъ лекцій и занятій въ филологической семинаріи профессора Бера, основательно ознакомившихъ меня съ формальною стороною латинскаго и греческаго языка и съ способомъ вѣрно понимать и объяснять древнихъ авторовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставившихъ мнѣ случай пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ въ изложеніи своихъ мыслей на латинскомъ, а отчасти и на греческомъ языкѣ, на время нынѣшняго лѣтняго семестра я избралъ мѣстомъ для своихъ занятій Боннскій университетъ. Здѣсь я записался на лекціи двухъ извѣстныхъ профессоровъ, Яна и Ричля, изъ которыхъ первый излагаетъ исторію греческой литературы (6-ть разъ въ недѣлю), а второй латинскую грамматику (4 раза въ недѣлю). Кромѣ того, я слушаю излагаемыя этими профессорами лекціи въ филологической семинаріи, а у профессора Яна—еще и лекціи археологіи.

Оба профессора продолжаютъ изложеніе начатыхъ ими въ прошедшемъ полугодіи предметовъ. Однако для вновь записавшихся слушателей не проистекаетъ изъ этого ни малѣйшаго неудобства, такъ какъ исторію греческой литературы, по самому свойству этого предмета, хорошо можно понимать, слушая ее и по частямъ; что же касается латинской грамматики, составляющей одно органическое цѣлое, въ которомъ послѣдующее можетъ быть понято только изъ предъидущаго, то профессоръ Ричль первыя лекціи употребилъ на краткое повтореніе главнѣйшихъ, выведенныхъ имъ въ прошедшій семестръ, результатовъ, для того, чтобы вновь поступившіе слушатели вѣрно могли понимать дальнѣйшія его чтенія.

Изложеніе профессора Яна строго ученое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критическое. Не держась ни одного изъ существующихъ по предмету исторіи греческой литературы большихъ и пространныхъ руководствъ, и не ограничиваясь простымъ исчисленіемъ и группировкою положительныхъ фактовъ и общепринятыхъ результатовъ, онъ разработываетъ каждую часть своего предмета совершенно самостоятельно, указывая сначала на источники — извѣстія древнихъ писателей, надписи, сохранившіеся памятники древняго искусства, монеты — которые подвергаетъ точной оцѣнкѣ и критикѣ, потомъ на сочиненія и монографіи новѣйшихъ ученыхъ, и только на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ представляетъ свои результаты и выводы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слишкомъ мало данныхъ, онъ никогда почти не прибѣгаетъ къ гипотезамъ, а предпочитаетъ оставить вопросъ нерѣшеннымъ. Такимъ образомъ, каждая почти его лекція состоитъ изъ двухъ частей: изъ исчисленія и оцѣнки источниковъ и пособій, и изъ изложенія результатовъ. Одинъ недостатокъ его лекцій, разумѣется, весьма относительный, состоитъ въ слишкомъ ученомъ ихъ характерѣ, то есть въ томъ, что онъ не довольно соображается съ потребностями и степенью научнаго развитія своихъ слушателей. Такъ напр. ссылаясь на надписи, вазы, монеты и т. д., онъ ограничивается простымъ указаніемъ на corpus inscriptionum и на тѣ сочиненія, въ которыхъ можно найти изображенія цитируемыхъ имъ вазъ и монетъ, не сообщая объ этихъ сочиненіяхъ никакихъ подробностей; равнымъ образомъ, приводя цитаты изъ Свиды, Поллукса, Прокла, Гефестіона, Іамблиха и другихъ позднѣйшихъ грамматиковъ и схоліастовъ, онъ ничего не говоритъ о личности и сочиненіяхъ этихъ писателей, между тѣмъ какъ они вообще мало знакомы студентамъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ онъ, можетъ быть,

уже говорилъ подробно въ прошедшемъ семестрѣ, при исчисленіи и разборѣ источниковъ и пособій *).

Съ открытіемъ лекцій настоящаго семестра, профессоръ Янъ приступилъ къ изложенію лирической поэзіи грековъ. Начавъ съ первыхъ ея зародышей, съ древнѣйшаго до-историческаго времени, и опредѣливъ на основаніи указаній, встрѣчающихся у древнихъ писателей, особенно у Аѳинея, различные роды лирики, какъ-то *ὕμνος, παιάν, ἐπιθαλάμιον, παροίνιον, σκολίον* (paroxytonon, cf. Kock ad Arist. Ran. 1302), *ἐγκώμιον, διθύραμβος, ἐπικήδειον, θρῆνος* и т. д., и познакомивъ слушателей съ древнѣйшими полумиѳическими представителями этого періода лирической поэзіи, Олимпомъ, Орфеемъ, Ардакомъ, Клонасомъ, Полимнестомъ **), Терпандромъ ***) и другими, онъ перешелъ къ изложенію предмета довольно спеціальнаго, къ теоріи музыкальнаго искусства у грековъ. Эта часть, которая была изложена со всею полнотою,—такъ профессоръ Янъ подробно говорилъ о тонахъ и ихъ раздѣленіи на полутоны, о существовавшихъ въ греческой музыкѣ четвертыхъ частяхъ тоновъ, о сочетаніи тоновъ и аккордахъ, о тактахъ, мелодіи и гармоніи, о музыкальныхъ скалахъ, о законахъ композиціи или генералъ-баса и т. д., — можетъ быть вполнѣ понятною только для спеціальныхъ знатоковъ музыки; однако и для незнакомыхъ съ этимъ искусствомъ филологовъ она важна въ томъ отношеніи, что даетъ имъ понятіе о значеніи встрѣчающихся у древнихъ писателей техническихъ музыкальныхъ терминовъ, какъ-то *φωνὴ συνεχής* (членораздѣльный звукъ), *φωνὴ διαστη-*

*) Судя по способу, какимъ профессоръ Янъ излагаетъ свой предметъ, особенно по множеству цитатъ, которыя онъ приводитъ съ точнымъ указаніемъ главы, страницы, параграфа и т. д., должно ожидать, что онъ въ скоромъ времени издастъ пространную исторію греческой литературы.

**) Упоминаемый у Аристофана, Equit. 1287, сочинитель грязныхъ пѣсень, по мнѣнію профессора Яна, совершенно другое лицо. То же мнѣніе раздѣляетъ и послѣдній, по времени, издатель Аристофановыхъ всадниковъ, Кокъ, который въ примѣчаніи къ помянутому стиху приводитъ слова Плутарха (Mus. 29), разсказывающаго о древнемъ лирикѣ Полимнестѣ, что онъ изобрѣлъ *τὸν ὑπολύδιον νῦν ὀνομαζόμενον τόνον.*

***) Здѣсь онъ между прочимъ указалъ на неосновательность Плутархова разсказа, будто консервативные Спартанцы отрѣзали у Терпандра лишнія струны. Этотъ разсказъ очевидно проистекаетъ изъ недоразумѣнія со стороны Плутарха, такъ какъ онъ прямо противорѣчитъ тому общему преданію, по которому именно Терпандръ изобрѣлъ или, по крайней мѣрѣ, ввелъ во всеобщее употребленіе семиструнную лиру.

ματική (музыкальный тонъ), *σύστημα* (мелодія), *συμφωνία* (гармонія), *ψάλλειν* (объ игрѣ пальцами на струнныхъ инструментахъ), *κρούειν* (объ игрѣ при помощи *πλῆκτρον*) и проч. Затѣмъ, онъ ознакомилъ слушателей съ музыкальными инструментами (*ὄργανα*) грековъ, струнными (*λύρα, κιθάρα*), духовыми (*σάλπιγξ, κερας, αὐλός, σοριγξ*) и съ бубнами и котлами (*τύμπανον, κύμβαλορ, κροταλον, ὄστρακον*), которые въ греческой музыкѣ имѣли значенiе второстепенное *), и указалъ на изображенiе всѣхъ этихъ инструментовъ на памятникахъ древняго искусства. Въ заключенiе этого отдѣла онъ представилъ еще взгляды древнихъ мыслителей на музыку **), Пиѳагора, Аристотеля и особенно Платона, который въ сочиненiи о государствѣ приписываетъ музыкѣ весьма важное влiянiе на нравственность и на политику.

Окончивъ такимъ образомъ древнѣйшую лирику, онъ перешелъ къ знаменитымъ девяти лирикамъ, вошедшимъ въ канонъ Александрiйцевъ. Изъ нихъ онъ прочиталъ объ Алкеѣ, Сапфо, Стезихорѣ и Арiонѣ, и теперь началъ излагать объ Анакреонтѣ. Здѣсь онъ съ особенною подробностью разбираетъ тѣ преданiя древнихъ писателей, которыя очевидно баснословны, и старается объяснить происхожденiе и значенiе подобныхъ разсказовъ. Такъ читая объ Арiонѣ, онъ изложилъ всѣ объясненiя, сдѣланныя уже въ древности, и въ новѣйшее время—Велькеромъ, Крейцеромъ, Лерсомъ, по поводу извѣстнаго разсказа Геродота объ Арiонѣ, и указалъ на относящiяся къ этому предмету древнiя надписи, найденныя на островѣ Терѣ (*Θήρα*). Не соглашаясь съ мнѣнiемъ тѣхъ ученыхъ, которые въ этомъ преданiи ищутъ символическое выраженiе, указывающее на происхожденiе дитирамба изъ Сицилiи, какъ это между прочимъ высказалъ Шмидтъ въ сочиненiи diatriba in dithyrambum, въ чудесномъ спасенiи Арiона дельфиномъ онъ видитъ не болѣе какъ свойственный древнимъ грекамъ способъ выражать влiянiе и силу поэзiи, и сравниваетъ этотъ разсказъ съ другими подобными преданiями, напр. съ миѳами объ Орфеѣ и Амфiонѣ. Читая о Сапфо, онъ обратилъ вниманiе на неосновательность всѣхъ бывшихъ въ древности въ ходу разсказовъ о ея безнравственности и такъ называемой лесбiйской любви, и показалъ, что всѣ они своимъ происхожденiемъ

---

*) Cf. Arist. Ran. 1305.

**) Какъ на лучшiя по этому предмету пособiя, онъ указалъ на слѣдующiя два сочиненiя: Stallbaum — musica ex Platone, и Müller — Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten.

обязаны отчасти шуткамъ и насмѣшкамъ комиковъ, которые въ лицѣ Сапфо представили такой же общій, лишенный всякой индивидуальности характеръ, какимъ является Сократъ въ облакахъ Аристофана, а отчасти не вѣрно понятому значенію слова *ἑταίρα*, предосудительный смыслъ котораго позднѣйшіе писатели анахронистическимъ образомъ перенесли на то время, когда слово это означало не болѣе какъ подругу. Равнымъ образомъ онъ разобралъ апокрифическое преданіе о любви Сапфо къ Фаону, и о томъ, будто она бросилась въ море съ Левкадской скалы, объяснивъ это преданіе существовавшимъ въ древнѣйшія времена обычаемъ свергать съ этой скалы, какъ извѣстнаго рода очистительную жертву, такъ называемыхъ *φαρμακοί* или *καθάρματα*. При эстетической оцѣнкѣ поэтовъ онъ приводитъ сужденія о нихъ древнихъ критиковъ, Діонисія Галикарнасскаго, Квинтиліана, Лонгина, прочитываетъ сохранившіеся отрывки, къ которымъ можно примѣнить эти отзывы, и только послѣ всего этого произноситъ свое собственное о поэтахъ мнѣніе.

Въ археологической семинаріи профессоръ Янъ въ этомъ полугодіи предметомъ своихъ чтеній (разъ въ недѣлю) избралъ ангеологію. Вкратцѣ изложивъ исторію этой науки, онъ исчислилъ тѣ мѣстности, гдѣ находятъ наиболѣе вазъ—Греція, Италія, Сицилія, Киренаика, берега Чернаго моря—показалъ, что такъ называемыя этрусскія вазы аттическаго происхожденія, и потомъ, на основаніи извѣстій у Аѳинея (особенно XI книга) и Поллукса, опредѣлилъ разные сосуды, которые греки означали общимъ названіемъ *ἄγγος*, какъ-то: *πίθος, κάδος, ἀμφορεύς, ὑδρία, λάγυνος, λήκυθος, κρατήρ κύαθος, κοτύλη, φιάλη, κύλιξ, κάνθαρος* и проч. Вслѣдъ за тѣмъ онъ обратилъ вниманіе на греческій обычай класть покойникамъ въ могилу разные сосуды, почему въ Греціи находятъ вазы и исключительно въ могилахъ, съ изображеніями, представляющими по большей части похоронные обряды, и на другой обычай, по которому побѣдители во время панаѳинейскихъ празднествъ получали въ награду священное масло. Это масло, вмѣстѣ съ самыми сосудами, составляло предметъ вывоза, и поэтому именно такъ много аттическихъ вазъ найдено въ другихъ земляхъ. Теперь онъ началъ читать о внѣшнемъ видѣ вазъ и о находящихся на нихъ изображеніяхъ и надписяхъ.

Студенты, записанные въ археологическую семинарію, занимаются упражненіями, которыя состоятъ въ описаніи и объясненіи памятниковъ древняго искусства, въ настоящемъ семестрѣ—вазъ. Отъ

этихъ сочиненій профессоръ требуетъ главнымъ образомъ точнаго и, по возможности, подробнаго описанія вазы, а потомъ указанія на мѣста древнихъ писателей, которыя могутъ быть примѣнены къ изображенному на вазѣ миѳу: только на основаніи этихъ данныхъ, онъ позволяетъ опредѣлять мотивы, которые имѣлъ въ виду художникъ, и самую композицію находящагося на вазѣ изображенія. Притомъ, онъ постоянно предостерегаетъ студентовъ отъ апріорическаго и субъективнаго объясненія древнихъ памятниковъ, которое, основываясь на одной фантазіи, часто вноситъ въ произведеніе художника то, чего въ немъ вовсе нѣтъ. До настоящаго времени была объяснена такимъ образомъ одна только ваза, изображенная у Милленя (Millin—galérie mythologique), и представляющая похищеніе Гиласа нимфами.

Профессоръ Ричль читаетъ латинскую грамматику (grammaticae latinae capita potiora, какъ онъ объявилъ въ Vorlesungen - Anzeiger), или говоря точнѣе, исторію развитія латинскаго языка, развитія, которое, по его мнѣнію, продолжалось почти до конца перваго вѣка послѣ Р. Х. Съ этого времени языкъ начинаетъ искажаться, и это искаженіе языка совпадаетъ съ начавшимся въ то же самое время исчезаніемъ и изглаживаніемъ индивидуальнаго характера римской народности. Въ прошедшемъ семестрѣ онъ прочиталъ введеніе, въ которомъ говорилъ о происхожденіи латинскаго языка и его родствѣ съ другими языками большой индоевропейской отрасли языковъ, и опредѣлилъ методъ историческаго изученія языка и его отношеніе къ сравнительной лингвистикѣ. Историческій методъ состоитъ въ опредѣленіи и объясненіи всѣхъ явленій извѣстнаго языка изъ исторіи постепеннаго развитія этого же самаго языка, совершенно независимо, сколько это возможно, отъ результатовъ сравнительной лингвистики. Законы этой науки нельзя, такъ сказать, октроировать каждому отдѣльному языку, но наоборотъ, достигнутые историческимъ путемъ точные и положительные выводы изъ каждаго отдѣльнаго языка должны составлять основаніе сравнительной лингвистики. Понятно, что въ большей части случаевъ законы каждаго отдѣльнаго языка совпадаютъ съ основными положеніями общесравнительной грамматики; но часто отдѣльный языкъ, вслѣдствіе индивидуальнаго характера народа и вслѣдствіе внѣшнихъ и совершенно случайныхъ причинъ, представляетъ разныя особенности, и эти то особенности должны войти въ общесравнительную грамматику, какъ исключенія изъ ея правилъ. Каждый готовый языкъ, то

есть такой, который достигъ извѣстной степени развитія и законченности, представляетъ собраніе накопившагося въ теченіе долгаго времени матеріала, который, повидимому, никакъ нельзя подвести подъ общіе основные законы; потому грамматика, которая составляетъ свои правила на основаніи одного только готоваго уже языка, необходимо должна прибѣгать къ огромной массѣ исключеній. Но всѣ эти исключенія перестаютъ быть исключеніями, ежели мы обратимъ вниманіе на исторію развитія языка: тогда мы увидимъ, что всѣ они не болѣе, какъ остатки прежняго времени, не подчинившіеся законамъ новой формаціи языка. Ежели даже нѣкоторыя явленія этого рода остаются необъяснимыми, то это проистекаетъ единственно отъ недостатка данныхъ, на которыхъ мы должны основывать свои заключенія.

Потомъ онъ перешелъ къ исчисленію и разбору источниковъ, между которыми указалъ на особенную важность надписей. Даже встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ошибки въ правописаніи важны для насъ въ томъ отношеніи, что онѣ свидѣтельствуютъ о произношеніи, существовавшемъ въ извѣстное время *). Древніе грамматики и риторы, Квинтиліанъ, Геллій, Присціанъ, Марій Викторинъ и т. д. могутъ имѣть только второстепенную и относительную важность, такъ какъ они исключительно занимались языкомъ литературнымъ, оставляя безъ всякаго вниманія источники монументальные и рѣчь народную.

Все вышесказанное составляло предметъ лекцій прошедшаго семестра, и въ общихъ чертахъ было повторено профессоромъ для вновь поступившихъ въ этомъ полугодіи слушателей.

Указавъ затѣмъ на двѣ главныя эпохи развитія латинскаго языка, первую до Эннія, когда онъ развивался изъ самого себя, и вторую, когда онъ подвергся рѣшительному на него вліянію греческаго языка и искусственной поэзіи Августова времени, профессоръ перешелъ къ исторіи римской азбуки и къ главнѣйшимъ законамъ латинской фонетики.

Я представляю здѣсь наиболѣе замѣчательное изъ его лекцій:

---

*) Точно такъ же встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ лѣтописяхъ правописаніе *харашо*, *багатъ* и проч. доказываетъ произношеніе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ извѣстное время буквы О какъ А. Съ этимъ можно еще сравнить правописаніе нѣкоторыхъ греческихъ надписей *ΤΟΜΒΩΜΟΝ*, *ΤΟΛΛΟΓΟΝ*, т. е. *τὸνβωμόν*, *τὸνλόγον*.

О римской азбукѣ. Древнѣйшая римская азбука состояла изъ 21 буквы: отъ a до f, и отъ h до x. На седьмомъ мѣстѣ стояло z, которое однако вскорѣ утратилось. Для выраженія звуковъ i и j, а съ другой стороны, u и v существовало только по одному знаку. Буквы c, k, q произносились почти одинаково, что̀ доказывается древнимъ правописаніемъ QVRA вмѣсто cura, и тѣмъ обстоятельствомъ, что k вскорѣ утратилось, оставшись только въ весьма немногихъ словахъ (kaeso, kalendae, Karthago). Сочетанія двухъ u не существовало у римлянъ; потому единственно вѣрныя и употреблявшіяся въ классическій періодъ языка формы были quom, servos, praecipuos и т. д., а формы quum и проч. вошли въ употребленіе не раньше какъ во времена Квинтиліана. Во второмъ періодѣ римской азбуки мы встрѣчаемъ на седьмомъ мѣстѣ, то есть на мѣстѣ исчезнувшаго z, букву g, которая не что иное, какъ мягкое c, какъ показываетъ уже самое начертаніе этой буквы (на надписяхъ G, C, на одной монетѣ C'). Наконецъ когда латинскій языкъ подвергся сильному на него вліянію языка греческаго, то римляне умножили свою азбуку двумя новыми буквами, y и z, которыя заняли въ алфавитѣ послѣднее мѣсто. Это финированіе греческаго υ и ζ латинскими буквами совершилось при Цезарѣ; до него υ выражали буквою u, а ζ буквами sd (на одной надписи стоитъ sdepuros, что̀ значитъ Ζέφυρος). Ученый императоръ Клавдій сдѣлалъ въ азбукѣ нѣкоторыя незначительныя измѣненія, изобрѣтеніемъ графическихъ знаковъ для согласной v, въ отличіе отъ гласной u, для выраженія греческаго ψ и проч. Но эти нововведенія исчезли вскорѣ послѣ смерти Клавдія (cf. Bücheler—de Claudio Caesare grammatica).

Главнѣйшіе законы латинской фонетики. Въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ не было придыхательныхъ согласныхъ, что̀ между прочимъ доказываетъ вышеприведенное sdepuros, гдѣ буква p служитъ выраженіемъ греческаго φ. Впослѣдствіи, греческія aspiratae начали выражать соотвѣтствующими имъ tenues, съ присоединеніемъ къ нимъ буквы h (латинское f имѣло совершенно особенный, почти дикій звукъ, и потому никакъ не могло служить выраженіемъ греческаго φ). Но придыханіе гласныхъ существовало уже въ древнѣйшемъ языкѣ (напр. harena, haveo вмѣсто arena и проч.), и утратилось только съ теченіемъ времени. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, одно мѣсто Катулла (carm. 84), гдѣ онъ смѣется надъ произношеніемъ поселянъ hinsidiae вмѣсто insidiae.

Въ древнемъ языкѣ не было удвоенія согласныхъ (geminatae con-

sonantes). Оно введено Энніемъ, который создалъ латинскій гекзаметръ по законамъ греческой метрики, и при фиксированіи количества слоговъ (quantitas) поступалъ съ большимъ произволомъ. Постоянство въ удвоеніи согласной встрѣчается только послѣ короткой гласной; послѣ гласной долгой (vocalis longa natura) это удвоеніе соблюдается не всегда, отъ того littera и litera, Iuppiter и Iupiter и т. д. *).

Въ латинскомъ языкѣ существовала такъ называемая ассимиляція. Предлоги ad и *in* ассимилировались въ большей части случаевъ. Не раньше какъ въ 3-мъ или даже въ 4-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. грамматики, занимавшіеся ученою разработкою языка, начали писать adcipere, inprobus и проч. и правописаніе это вошло въ древнѣйшія, сохранившіяся до нашего времени, рукописи римскихъ писателей. Первоначальная форма предлоговъ ob, sub, ab была of, suf, af (offerre, suffocare, affluere—здѣсь нѣтъ никакой ассимиляціи). Въ предлогѣ af буква f перешла въ двухъ словахъ въ v или, что почти тоже, въ u; оттого avfugio, avfero, (или aufugio, aufero). Но древняя af сохранилось еще во времена Цицерона въ счетныхъ книгахъ, напр. af Longo (cf. Cic. or. 47, и объясненія, сдѣланныя въ латинскомъ словарѣ Фрейнда).

Уже въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ существовали всѣ гласныя (a, o, u, e, i). Остальные діалекты Италіи были бѣднѣе гласными буквами: въ однихъ не было o, въ другихъ не было u. Кромѣ того, въ латинскомъ языкѣ существовали средніе между двумя гласными звуки:

1) Средній звукъ между u и i, вѣроятно весьма близко подходившій къ произношенію французскаго u (императоръ Клавдій для выраженія этого звука изобрѣлъ особенный графическій знакъ ⊦, напр. OPT⊦MVS). Этимъ объясняются формы maxumus и maximus, lubet и libet, древнее окончаніе us вмѣсто is, въ род. пад. ед. ч.

---

*) Формы relligio, religio и religio объясняются иначе. Изъ древняго red и ligo произошло redligio или, вслѣдствіе ассимиляціи, relligio; въ формѣ religio выброшено одно l, въ замѣнъ котораго предъидущая гласная сдѣлалась долгою, какъ это весьма часто бываетъ въ греческомъ языкѣ; наконецъ religio образовалось въ позднѣйшій періодъ языка, когда предлогъ red уже утратилъ букву d. Такимъ же образомъ должно смотрѣть и на формы repperi, reperi и reperi. Первыя двѣ древней, а послѣдняя новѣйшей формаціи языка. Но такія формы какъ dupplex, suppellex, suppremus, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданіяхъ римскихъ авторовъ, не болѣе какъ произведенія переписчиковъ среднихъ вѣковъ.

третьяго склоненія и въ глаголахъ (videarus, videaris), наконецъ, извѣстіе, что Августъ говорилъ не sumus, но simus, volimus, possimus и т. д. (разумѣется съ короткимъ і). Со временъ Юлія Цезаря этотъ звукъ начали постоянно выражать буквою і (pontifex, legitimus и т. д.) Остатокъ старины представляетъ глаголъ simulare вмѣсто similare, отъ similis.

2) Средній звукъ между е и і, который Акцій началъ выражать буквами ei. Этотъ переходъ отъ е къ і представляетъ слѣдующія степени: въ древнѣйшее время преобладало е (говорили Martes, Marte, faceles, semulo вмѣсто Martis, Marti, facilis, simulo), потомъ это е начало приближаться къ произношенію буквы і, наконецъ совершенно перешло въ і. Этимъ переходомъ объясняется окончаніе им. и вин. пад. множ. ч. третьяго склоненія: сначала эти падежи оканчивались на es (и въ именит. это es было долгое), потомъ на eis (обѣ гласныя произносились какъ нѣчто среднее между е и і), наконецъ is. Уже по искусственной теоріи позднѣйшихъ римскихъ грамматиковъ, для отличенія обоихъ падежей, окончаніе is оставлено было для одного винит., и притомъ только въ словахъ, образующихъ Gen. Pl. на ium. Подобный переходъ можно прослѣдить въ латинскихъ nomina gentilicia: на надписяхъ встрѣчается Luceus, Lucceius, Lucius, наконецъ, вслѣдствіе наклонности латинскаго языка сокращать долгія гласныя, Lucius (сравнить можно еще totius и totius).

3) Средній звукъ между о и u. На надписяхъ встрѣчается NOVNDINAE, FOVLVIVS и т. д. Этотъ звукъ соотвѣтствовалъ греческой дигаммѣ; онъ позже исчезъ, часто не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Къ разряду такихъ дигаммированныхъ словъ принадлежатъ, между прочимъ, cloaca, jus, judex, jubeo, plus, lumen (отъ корня LOVC — lovcimen, locimen, locmen, lomen, lumen) и проч.

Въ латинскомъ языкѣ не существовало удвоенія гласныхъ (geminatae vocales). Акцій ввелъ въ письмѣ искусственное удвоеніе, для обученія долготы гласныхъ, и писалъ напр. paastor, Maarcus, leege, но обѣ гласныя выговаривались какъ одна долгая *). При Суллѣ, для выраженія долгаго і, изобрѣтенъ былъ такой знакъ |; такъ въ надписяхъ временъ Суллы встрѣчается D|VOS, V|COS, FEEL|CI. Этотъ знакъ сохранился до самаго поздняго времени. При Юліи Цезарѣ, для означенія долготы гласныхъ, за исключеніемъ

*) Долгое і Акцій выражалъ не удвоеніемъ гласной, но буквами ei.

о, которое никогда не удваивалось, и i, которое постоянно писали такимъ образомъ |, начали употреблять особенный значекъ, такъ называемый apex. Этотъ apex до новѣйшаго времени неправильно принимали за удареніе. Эти эпиграфическія свѣденія важны для грамматики въ отношеніи опредѣленія количества слоговъ (qnantitas) въ тѣхъ словахъ, которыя не встрѣчаются у римскихъ поэтовъ. При опредѣленіи количества гласной, долгой только по положенію (positione), кромѣ того, можетъ служить критеріею греческое правописаніе латинскихъ словъ (напр. Cocles — Κόκγιος, Coccejus — Κοκκήϊος, Lentulus — Λέντλος; но Constans — Κώνσταυς и проч.)

Латинскій языкъ, подобно каждому другому, представляетъ измѣненіе и переходъ буквъ гласныхъ и согласныхъ однѣхъ въ другія. Измѣненіе гласныхъ совершалось въ теченіе весьма продолжительнаго времени, и потому даетъ возможность съ большею точностью опредѣлить законы ихъ перехода. Основный законъ состоитъ въ томъ, что гласныя переходили одна въ другую по слѣдующей скалѣ: a, o, u, e, i, притомъ такимъ образомъ, что каждая гласная, стремясь перейти въ i, могла или пройти черезъ всѣ посредствующія степени, или же миновать нѣкоторыя изъ нихъ. Здѣсь должно замѣтить, что часто языкъ возвращался къ древнимъ первоначальнымъ формамъ, которыя такимъ образомъ сохранились и въ позднѣйшій періодъ его существованія.

На основаніи вышеприведеннаго общаго закона:

1) a переходитъ въ o, u, e, i. Изъ греческаго Ἑκάβη произошло древнее Hecoba, потомъ Hecuba *); въ первоначальномъ языкѣ существовалъ глаголъ vacare, который впослѣдствіи перемѣнился въ vocare (напр. въ lex Julia municipalis), но вскорѣ языкъ возвратился къ древнему vacare и удержалъ на всегда эту форму; — изъ rapio произошли surruptus и surreptus; изъ capio — occupo, occupio, occipio; изъ salio — insulio, insilio; изъ salsus — insulsus; изъ quatio — incutio; изъ calco — inculco; изъ aptus — ineptus; изъ pando — dispessus; изъ jacio — conjicio; изъ habeo — inhibeo и множество другихъ примѣровъ этого перехода a въ i.

2) o переходитъ въ u, e, i. Этотъ переходъ доказывается старыми формами notrix, indostrius, jocondus, colpa, utrobi, ollus (кото-

*) Слово Hercules, въ древней формѣ Hercoles, едва ли произошло отъ греческаго Ἡρακλῆς, но скорѣе отъ корня HERC, оставшагося еще въ языкѣ въ словахъ herctum, hercisco.

рое встрѣчается еще у Виргилія) вмѣсто nutrix, industrius и т. д.; древнимъ окончаніемъ *o* во второмъ склоненіи вмѣсто позднѣйшаго u; формами sont, dederont, consol, adolescens и проч. вмѣсто позднѣйшихъ sunt, consul и т. д.; древними формами vorto, vorro, voster, volim вмѣсто velim и т. д.; по этому же закону перехода гласныхъ отъ tempus, oris произошло нарѣчіе temperi; отъ olim произошло ille; вмѣсто hominem существовала древняя форма hemonem и т. п. Слова Colchis, Polyxena древнѣе нежели Culchis, Pulyxena; но языкъ оставилъ эти послѣднія, и обратился опять къ первоначальнымъ Colchis, Polyxena.

3) u переходитъ въ e, i. Этотъ переходъ является въ окончаніяхъ причастій на endus, прежде undus (faciundus и faciendus), прилагательныхъ на urnus и ernus (diurnus и hodiernus), въ происшедшихъ отъ euntis, aucupis въ именительныхъ падежахъ abiens, auceps, въ формахъ lubet и libet, aestumo и aestimo и проч.

4) Наконецъ, e можетъ перейти только въ i. Напр. premo и opprimo, lego и colligo (но neglego и intellego удержали древнюю форму) и т. д.; сюда же принадлежатъ окончанія род. и дат. пад. ед. ч. третьяго склоненія es, e вмѣсто позднѣйшихъ is, i, древнія формы cepet, dedet, vergo, verga, vella вмѣсто cepit, dedit, villa и проч. Этотъ переходъ гласныхъ рѣшаетъ между прочимъ извѣстный споръ относительно правописанія имени Virgilius. Вѣрно и Vergilius, и Virgilius, ибо корень одинъ и тотъ же; вопросъ только въ томъ, какъ писали и произносили во времена Августа это имя.

Переходъ гласныхъ является еще въ словахъ сложныхъ. Въ готовомъ латинскомъ языкѣ, въ словахъ сложныхъ соединительною гласною служитъ по большей части буква i, напр. aurifaber, noctifugus. Но она по времени послѣдняя; такъ мы изъ Феста знаемъ, что вмѣсто noctifugus существовали древнія формы noctufugus и noctefugus; этотъ же переходъ объясняетъ формы hicine, isticine, quippine, usquin facilin, postidhac, antidea, anticipo, antistes и проч. Здѣсь соединительная гласная i произошла изъ болѣе древняго e.

Что касается дифтонговъ, то въ древнемъ языкѣ, по всей вѣроятности, ихъ не было вовсе, и существующіе въ готовомъ языкѣ ae, au, oe произошли изъ слитія двухъ гласныхъ (contractio).

При измѣненіи этихъ дифтонговъ дѣйствуетъ тотъ же самый законъ, какой былъ представленъ при переходѣ гласныхъ. Такимъ образомъ:

1) ae переходитъ въ e, i. Сюда относятся формы praehendo и prehendo вмѣсто позднѣйшаго prehendo; aerumna (какъ писали позже), glaeba, taeter, caerimonia вмѣсто erumna (какъ писалъ Энній), cerimonia и т. д.; nequitia, nequam произошли изъ ne aequitia, ne aequus; quaero, inquiro (встрѣчается еще древняя форма perquaesivit), caedo и occido и проч *).

2) au переходитъ въ o и u. Напр. plaustrum и plostrum; claudo съ формами clodo и cludo и includo **); на надписяхъ AVSTIVM вмѣсто ostium; fraus и древнее defrudare и т. д.

3) oe переходитъ въ oï и u. Напр. oenus, oïnus, unus; moenia, munio; coerare вмѣсто curare; poena и punio; Poenus и Punicus и проч.

Перемѣна согласныхъ окончилась уже въ весьма древній періодъ языка, гораздо раньше перемѣны гласныхъ, почему и несравненно труднѣе прослѣдить ее и опредѣлить законы этого перехода. Кажется, однако, что главнымъ образомъ переходили однѣ въ другія 1) tenues, mediae и liquidae и 2) въ большемъ несравненно числѣ случаевъ въ согласныя одного органа.

Измѣненіе согласныхъ по первому закону мы встрѣчаемъ напр. въ duellum и bellum, duis и bis; subura и sucura (subura въ сокращеніи писали SVC., но это C не что иное, какъ G, которое еще не выражалось особеннымъ знакомъ; переходъ дѣйствительнаго c въ b ничѣмъ не можетъ быть объясненъ, такъ-какъ обѣ эти буквы не имѣютъ рѣшительнаго ничего общаго); Melo старая форма, вмѣсто Nilus, и нѣкоторые другіе примѣры.

Болѣе можно привести примѣровъ для перехода согласныхъ одного и того же органа; такъ переходили одна въ другую:

f, p, b, v, m — напр. poplicus (publicus) и bublicus; af (первоначальная форма этого предлога) и ab; sifilare и sibilare; affugio и avfugio (aufugio), Falerius и Valerius и проч. ***). Въ III вѣкѣ по Р. Х. на-

---

*) Окончаніе род. пад. ед. ч. перваго склоненія должно объяснять такъ: древнѣйшее окончаніе было вѣроятно aë, напр. vitaë; изъ него путемъ контракціи произошло vitae, сдѣлавшееся господствующею формою, а путемъ перехода гласныхъ vitaï. Такимъ образомъ трудно рѣшить, которая форма древнѣе.

**) Claudius и Clodius одно и то же. Когда gens Claudia раздѣлилась на многія семейства, утратившія сознаніе общаго своего происхожденія, и когда съ другой стороны въ языкѣ уже совершился переходъ au въ o, то одни семейства удержали древнюю форму Claudius, а другія приняли новую Clodius.

***) На одномъ найденномъ металлическомъ римскомъ зеркалѣ стоитъ MELERPANTA что значитъ *Βελλεροφόντης*. Греческое окончаніе *φοντης* передано ла-

чали смѣшивать b и v и писали напримѣръ глаголы bibere и vivere одинаково. Правописаніе это перешло и въ нѣкоторыя рукописи древнихъ авторовъ.

k (c, q), g, j — напр. magis и major.

t, d, l, s, r — напр. Alexanter, Cassantra вмѣсто Alexander, Cassandra; на монетахъ города Hardia встрѣчаемъ сокращеніе HAT вмѣсто HAD *); dacruma и lacrima и нѣкоторые подобные примѣры, сохранившіеся у грамматиковъ, особенно у Феста (dingua и lingua, odefacit и olefacit и проч.) Parilia и Palilia; — ar **), apor (древнія формы) и ad, apud (еще въ Senatusconsultum de Bacchanalibus встрѣчается arfuere), meridies и medidies, auris и audio; Fusius, Papisius, Auselius, Lases, majoses, fesiae, вмѣсто Aurelius, Lares и т. п., а также существованіе двухъ формъ arbos и arbor, honos и honor и проч.

Древнѣйшій латинскій языкъ отбрасывалъ или, по крайней мѣрѣ, могъ отбрасывать въ концѣ словъ каждую согласную и гласную. Слѣды этого отбрасыванія сохранились отчасти даже въ языкѣ поэтовъ Августова вѣка и объясняютъ разныя явленія, которыя иначе были бы совершенно непонятны. Чаще другихъ отбрасываются слѣдующія согласныя:

m — не только въ древнемъ языкѣ, но и у всѣхъ позднѣйшихъ поэтовъ. У Эннія эта буква часто не произносилась не только передъ гласною, но и передъ согласною, потому и не составляла позиціи; нѣкоторые изъ гекзаметровъ Эннія оканчиваются *m*, напр. ardentem lucernam, puerilem figuram. Что такое m въ концѣ словъ не произносилось и въ прозѣ, доказываетъ правописаніе надписей: DONO DEDIT (гдѣ dono не дат. пад., но древняя форма винительнаго,

---

тинскимъ PANTA, B перешло въ M, буква L не повторена, ибо въ латинскомъ языкѣ не существовало удвоенія согласныхъ, наконецъ буква O выброшена (syncope), слѣдовательно MELEROPANTA, MELERPANTA.

*) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ римскихъ авторовъ (напр. въ Тацитѣ Ниппердея) встрѣчаемъ правописаніе set, at, quot и проч. Формы эти дѣйствительно были первоначальныя, но уже Плавтъ, а потомъ Лукрецій и Цицеронъ писали только sed, ad, quod; послѣ Августа искусственно старались воскресить древнѣйшую старину, а потому правописаніе set. и проч. перешло и въ наши рукописи. Но facid, reliquid и т. д. порча среднихъ вѣковъ; изъ древности только на одной надписи сохранилось FECID,—доказательство, что языкъ и въ этихъ глагольныхъ формахъ пытался перемѣнить t въ d; однако здѣсь эта попытка не осуществилась.

**) Переходомъ r въ d объясняются формы arcesso и accerso (отъ корня CED); изъ arcesso произошло adcesso, accesso, и вслѣдствіе перехода s въ r, accerso.

т. е. donom). Грамматикъ Verrius Flaccus предлагалъ писать такое m особымъ знакомъ Λ (т. е. половина M).

s — напр. въ стихѣ Эннія tum lateralis dolor, certissimus nuntius mortis. Еще Цицеронъ пользовался въ стихахъ этою вольностью (въ переводѣ Арата, гдѣ напр. одинъ гекзаметръ начинается такъ: magnus Leo, tremulam quatiens etc.), но для поэтовъ Августова вѣка такое s имѣло уже силу полной согласной и всегда составляло позицію. Слѣды этого отбрасыванія буквы s сохранились въ классической прозѣ еще въ двухъ словахъ: mirimodis (т. е. miris modis) и multimodis, а также въ формахъ viden (т. е. videsne), juben, audin, abin, ain. На надписяхъ часто встрѣчаются формы Mummi, Corneli и проч., которыя обыкновенно были принимаемы за genitivus contractus; но Моммзенъ доказалъ, что это именительные падежи древняго склоненія, слѣдовательно Mummis, Cornelis и проч., а съ отброшеннымъ s Mummi. Слѣды этого склоненія остались еще въ древнихъ формахъ alis, alid вмѣсто alius и aliud.

r, n *), l, d, t — это доказывается тѣмъ, что у Плавта и Теренція эти буквы не имѣли никакого вліянія на позицію (simul, calcar, tamen, id, facit и проч., съ короткимъ послѣднимъ слогомъ, хотя слѣдующее слово и начинается согласною); формами simitur и simitu (вмѣсто simul); правописаніемъ Прекестинскихъ надписей majo, mino (вмѣсто major, minor); формами tametsi (вмѣсто tamenetsi) sed, red, prod (вмѣсто se), estod, facitod, ead (neutr. pl.), sententiad (abl. sing., напр. въ Senatuscons. de Bacchan.) и проч. (вмѣсто esto, ea); правописаніемъ нѣкоторыхъ надписей DEDI (вмѣсто dedit) и т. д. Иногда отбрасывались даже двѣ согласныя въ концѣ слова; такимъ образомъ изъ dederunt могло произойти (черезъ посредствующія степени dederun, dederu, и переходъ u въ e) dedere.

Слѣды отбрасыванія гласныхъ видны въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ dicere, ducere, facere, ferre (съ другой стороны въ классической прозѣ встрѣчается еще форма face и на оборотъ, разъ у Катулла inger — 27, 2) въ словахъ satin, scin (вмѣсто scisne) и проч.

*) Буква n, въ извѣстный періодъ, и въ срединѣ слова не имѣла силы полной согласной буквы, а можетъ быть и не произносилась. На это указываютъ формы Megalesia и Megalensia, сокращеніе cos. вмѣсто consul (слѣдовательно, это слово выговаривали cosul или cosol), наконецъ, свидѣтельство Цицерона и Геллія, что предлогъ in долгій передъ двумя, но короткій передъ одною согласною. Этимъ объясняется также, почему греки латинское имя Clemens писали Κλήμης (gen. εντος).

Даже у Виргилія встрѣчается tanton передъ согласною. Этимъ отбрасываніемъ гласныхъ объясняется существованіе двухъ формъ exemplar, tribunal и exemplare, tribunale *). Точно такъ-же произошли слова sal, jubar, vigil и т. д., которыя первоначально всѣ оканчивались на is; здѣсь отброшено сначала s, а потомъ i. Наконецъ, сюда же относится свидѣтельство грамматика Нонія, который говоритъ, что древніе римляне иногда употребляли средній родъ вмѣсто мужескаго, и въ доказательство приводитъ hic homo simile est: это значитъ, что древніе римляне, не произнося окончанія is, вѣроятно, писали simil est.

Сказавъ еще вкратцѣ о переставкѣ (metathesis — Croton и Cortona, Trasumenus и Tarsumenus и проч.) и о вставкѣ (epenthesis — drachuma вмѣсто drachma, Patricoles вмѣсто Patroclus, Tecumessa, Alcumena и т. п.) профессоръ перешелъ къ системѣ латинскихъ склоненій. Должно ожидать, что этотъ отдѣлъ будетъ однимъ изъ самыхъ занимательныхъ.

Лекціи профессора Ричля отличаются ясностью изложенія и строгою опредѣлительностію; при томъ онъ довольно часто разбираетъ на лекціи возраженія противниковъ, напр. Берка и Курціуса, которые возстали противъ нѣкоторыхъ пунктовъ его партіи. Объ ученыхъ своихъ противникахъ онъ отзывается всегда съ полнымъ уваженіемъ, какъ человѣкъ чувствующій свое достоинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющій цѣнить и чужіе труды.

Въ филологической семинаріи студенты комментируютъ на латинскомъ языкѣ древнихъ авторовъ, въ настоящемъ семестрѣ у профессора Ричля — Антигону, а у профессора Яна — Виргиліевы эклоги. Профессоръ Ричль держится того мнѣнія, что писателя должно главнымъ образомъ объяснять изъ него же самого, и потому онъ обращаетъ большое вниманіе на свѣдѣніе такъ называемыхъ loci similes извѣстнаго писателя. Объясненіямъ древнихъ грамматиковъ и схоліастовъ онъ придаетъ важность только относительную, даже отрицательную, и показываетъ какимъ образомъ очевидно-не-

*) Отбрасываніемъ гласныхъ объясняется также происхожденіе мѣстоименія hic. Въ грамматикахъ оно принимается обыкновенно за первоначальную форму, изъ которой произошло усиленное hice. Но здѣсь совершенно обратный процессъ. Коренная форма была HIS, HOD, отъ которой осталось въ языкѣ множ. число и род. пад. ед. числа. Вслѣдствіе утраты s и d, и прибавленія указательной частицы ce произошло hice, hoce (не hicce, hocce), уже изъ этой формы сокращено hic, hoc которое такимъ образомъ стоитъ на послѣдней степени развитія.

вѣрныя и превратныя ихъ толкованія могутъ иногда навести на истину. Испорченныя же мѣста текста (напр. первые же стихи Антигоны) разбираются со всею подробностью. При комментированіи эклогъ Виргилія, у профессора Яна, студенты обращаютъ преимущественное вниманіе на сравненіе Виргилія съ Теокритомъ.

Кромѣ объясненія древнихъ авторовъ, оба профессора занимаютъ еще студентовъ латинскими диспутами *). Диспуты эти состоятъ главнымъ образомъ въ разборѣ испорченныхъ мѣстъ у древнихъ писателей. Занимательность ихъ зависитъ отъ личности студентовъ: одни ограничиваются простымъ сводомъ сдѣланныхъ разными учеными объясненій, что́ довольно сухо и не можетъ имѣть большаго интереса для слушателей, но за то студенты болѣе развитые пишутъ довольно обширные экскурсы, которые разбираются профессоромъ на лекціи. При этомъ профессоръ Янъ въ общихъ чертахъ разбираетъ прочитанное студентомъ сочиненіе; напротивъ того, профессоръ Ричль останавливаетъ его иногда на второмъ словѣ, подымаетъ вопросъ, часто не имѣющій никакой почти связи съ содержаніемъ приготовленнаго студентомъ сочиненія, и начинаетъ диспутъ, который ведетъ совершенно сократическимъ образомъ. Поэтому, на производимыхъ профессоромъ Ричлемъ диспутахъ дѣятельно участвуетъ большее число слушателей, между тѣмъ какъ у профессора Яна дѣйствующія лица—только читающій диссертацію студентъ и его оффиціальный, такъ сказать, оппонентъ, который уже заранѣе приготовилъ свои возраженія.

Собственныя мои занятія состоятъ въ этомъ семестрѣ преимущественно въ изученіи греческихъ авторовъ, именно Аристофана, Платона и, какъ предметъ болѣе легкаго чтенія, Лукіана. Изъ Аристофана я прочиталъ комедіи Всадники, Облака, Лягушки, по изданію Кока, и теперь приступаю къ чтенію Ахарнянъ, по изданію Боте (Bothe). Къ собранію Аристофановыхъ схолій Диндорфа мнѣ случилось прибѣгать въ весьма немногихъ только случаяхъ. Платономъ (именно Apolog. Socrat. и Sympos.) я занимаюсь по изданію Штальбаума. При выборѣ этихъ писателей, кромѣ цѣли чисто лингвистической, я имѣлъ въ виду важность перваго для исторіи Пелопоннезской войны, а втораго для философіи.

Боннъ, 1-го іюля 1863 года.

---

*) Были разбираемы до настоящаго времени слѣдующія мѣста древнихъ писателей: Athen. V, 27, 31, 33; Liv. I, 12. 10, VI, 5 5, XXVII, 25, 11, XXXIV, 49, 8; Soph. Oed. T. 1338; Eur. Troad. 146; Eur. Med. 125.

49) Кандидата М. Вольскаго.

Въ теченіе нынѣшняго лѣтняго семестра я посѣтилъ Лейпцигскій, Іенскій и Гейдельбергскій университеты, въ которыхъ находятся наиболѣе извѣстные профессора по тѣмъ отраслямъ наукъ, которыя составляютъ предметъ моего спеціальнаго изученія. Вообще, преподаваніе политической экономіи во всѣхъ университетахъ, доселѣ посѣщенныхъ мною, совершается довольно однообразно и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Спеціальные курсы различныхъ отдѣловъ политической экономіи встрѣчаются очень рѣдко. Главное вниманіе обращено на систематическое изложеніе всего предмета, съ цѣлью познакомить слушающихъ со всѣмъ объемомъ науки. Всюду господствуетъ дѣленіе общаго содержанія политической экономіи на три отдѣла: на ученіе о народномъ хозяйствѣ, народнохозяйственную политику и науку о финансахъ. Всѣ эти отдѣлы читаются обыкновенно однимъ и тѣмъ же профессоромъ въ теченіе разныхъ семестровъ. Нѣкоторые профессора политической экономіи читаютъ сверхъ того статистику, преимущественно Германскихъ государствъ, какъ напр. Ганссенъ въ Берлинѣ и Рошеръ въ Лейпцигѣ, другіе исторію политическихъ теорій, именно Бруно Гильдебрандъ въ Іенѣ; наконецъ, Рау въ Гейдельбергѣ читалъ курсъ сельскаго хозяйства.

Съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ я за лекціями Рошера въ Лейпцигѣ и Бруно Гильдебранда въ Іенѣ. Рошеръ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу главныхъ современныхъ представителей политико-экономической науки въ Германіи. Имя его, тѣсно связанное съ господствующимъ нынѣ историческимъ направленіемъ, пользуется заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ со стороны послѣдователей всѣхъ школъ и направленій. Дѣйствительно, нельзя не признать важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ для разработки и уясненія политико-экономическихъ понятій. Своими многочисленными монографіями, преимущественно же своимъ курсомъ «System der Volkswirthschaft», онъ проложилъ путь новому направленію въ наукѣ и вызвалъ цѣлую школу, къ числу которой принадлежатъ наиболѣе замѣчательныя личности, дѣйствующія нынѣ на поприщѣ политико-экономической науки. Отличительная черта Рошеровскаго направленія заключается въ его методѣ, который, въ противоположность прежнему идеальному методу, онъ называетъ сравнительно-физіологическимъ. Методъ этотъ, основанный на изу-

ченіи и сравненіи быта и хозяйства различныхъ народовъ въ различныя эпохи, привелъ его къ новому воззрѣнію на общій характеръ экономической науки, рѣзко отличающемуся отъ воззрѣнія прежде господствовавшей школы. Полагая эгоизмъ единственнымъ двигателемъ экономическихъ дѣйствій и считая отношенія человѣка къ предметамъ внѣшняго міра постоянными и неизмѣнными, прежняя теорія ограничивалась наблюденіями надъ современною жизнью и окружающими явленіями и, на основаніи ихъ, стремилась открыть вѣчные и неизмѣнные законы не только производствъ и потребленія, но и распредѣленія богатствъ. Такимъ образомъ, она стремилась создать общій хозяйственный идеалъ, законы котораго могли бы быть приложимы ко всѣмъ временамъ и народамъ. Направленіе это имѣло громадное практическое вліяніе на образованіе современнаго европейскаго хозяйства и долгое время почти исключительно господствовало въ наукѣ. Рошеръ первый ясно и отчетливо указалъ на недостаточность и односторонность его. Громадныя историческія знанія, глубокое изученіе экономическихъ системъ и разнообразныхъ условій, среди которыхъ развивается хозяйственная жизнь народовъ, привели его къ убѣжденію, что всѣ попытки создать абсолютную теорію, общій экономическій кодексъ для всѣхъ временъ и народовъ, несостоятельны. Мнѣніе его главнымъ образомъ заключается въ томъ, что народы въ ихъ цѣлости представляютъ организмы, развивающіеся въ пространствѣ и времени, подъ вліяніемъ разнообразныхъ внѣшнихъ условій, и что, слѣдовательно, нужды и потребности ихъ, степень образованія и отношеніе къ предметамъ внѣшняго міра никогда не остаются одними и тѣми же, а постоянно видоизмѣняются, сообразно мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, и безпрерывно идутъ впередъ вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ человѣчества. Поэтому, тѣ правила и учрежденія, тѣ хозяйственныя и административныя мѣры, которыя могутъ быть въ высшей степени благодѣтельны и полезны для извѣстнаго періода развитія или для извѣстнаго народа, могутъ быть въ то же время неприложимы или вредны для другаго. Отсюда очевидно, что созданіе одного общаго хозяйственнаго идеала для всѣхъ временъ и народовъ есть дѣло несбыточное, потому что каждый народъ и притомъ въ различныя эпохи своего развитія требуетъ инаго идеала, иныхъ учрежденій, инаго способа хозяйства. Такимъ образомъ, показавши несостоятельность прежнихъ стремленій, Рошеръ обратилъ всеобщее вниманіе на необходимость историческаго изученія явленій, которое,

по его мнѣнію, одно можетъ привести къ истинному взгляду на экономическія явленія, къ дѣйствительному пониманію экономической жизни и къ правильному обсужденію различныхъ практическихъ вопросовъ хозяйства.

Переходя отъ общаго значенія Рошера въ литературѣ къ характеру лекцій, читанныхъ имъ въ настоящемъ семестрѣ, мы прежде всего скажемъ, что эти лекціи представляли не что иное, какъ сокращенное изложеніе содержанія перваго тома его курса съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями относительно расположенія предмета. Не только содержаніе лекцій, но и внѣшняя форма ихъ изложенія, вполнѣ напоминаютъ характеръ его книги. Сначала диктуются параграфы, затѣмъ слѣдуютъ примѣчанія и объясненія къ нимъ. Впрочемъ, несмотря на то, что приходится слышать давно знакомыя вещи, лекціи Рошера представляютъ все-таки значительный интересъ; потому что, при его поразительномъ знаніи исторіи, при его глубокомъ классическомъ и политическомъ образованіи и необыкновенной начитанности, онъ всегда легко находитъ возможность разнообразить свои чтенія бездною примѣровъ, взятыхъ изъ жизни народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія. Притомъ же замѣчанія, которыя въ книгѣ нерѣдко упоминаются въ краткихъ ссылкахъ, развиваются здѣсь съ большею подробностью и составляютъ главное достоинство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе интересную и привлекательную сторону его лекцій.

Не менѣе блестящимъ представителемъ новаго историческаго направленія является іенскій профессоръ политической экономіи— Бруно Гильдебрандъ, издающій съ января нынѣшняго года новый политико-экономическій журналъ «Jahrbücher der National-oekonomie», въ которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, самая интересная статья, изъ всѣхъ до нынѣ помѣщенныхъ, принадлежитъ самому талантливому издателю. Въ этой статьѣ, представляющей взглядъ автора на современную задачу политико-экономической науки, мы видимъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ и взглядовъ, которые уже были высказаны имъ отчасти въ его «политической экономіи настоящаго и будущаго». Какъ извѣстно, сочиненіе это, вышедшее еще въ 1847 году, должно было состоять изъ двухъ частей и вторая часть должна была заключать въ себѣ изложеніе методовъ политической экономіи. Къ сожалѣнію, практическая дѣятельность отвлекла автора на нѣкоторое время отъ его ученыхъ занятій, и только въ настоящее время онъ имѣлъ возможность снова приняться за продолженіе

начатаго труда, появленіе котораго, судя по первой части его книги и по настоящей статьѣ, должно имѣть важное вліяніе на экономическую науку. Для Гильдебранда, точно такъ-же, какъ и для Рошера, не существуетъ теорій, имѣющихъ абсолютное значеніе для всѣхъ временъ и народовъ, а существуютъ только системы, имѣющія переходное историческое значеніе. Подъ общій разрядъ всѣхъ экономическихъ теорій, подводитъ онъ и Смитовскую систему, которая, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ продуктъ извѣстнаго вѣка, выраженіе идей и требованій, порожденныхъ даннымъ историческимъ состояніемъ и потому имѣющихъ значеніе только для извѣстнаго періода развитія. Въ Смитовской системѣ онъ видитъ протестъ и реакцію противъ гнета европейскаго абсолютизма, достигшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія крайнихъ предѣловъ и породившаго экономическую систему правительственной опеки, уничтожившую всякую самостоятельную частную и общественную жизнь. Правители, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ, говоритъ Гильдебрандъ, считали себя частными вотчинниками своихъ государственныхъ территорій, неограниченными владыками крѣпостныхъ народовъ, которые не смѣли знать инаго высшаго призванія, иной чести, кромѣ чести военнаго повиновенія. Подданные принуждались къ бракамъ посредствомъ повелѣній; они должны были по правительственнымъ предписаніямъ обработывать поля и дешево продавать свои продукты на предписанныхъ рынкахъ и по предписаннымъ цѣнамъ; они по приказу должны были учреждать фабрики и производить торговлю. Главное назначеніе ихъ состояло въ обезпеченіи благоденствія правителей и въ наполненіи ихъ кассъ посредствомъ возможно большихъ податей.

Подъ гнетомъ этого, исторически развившагося состоянія, народы искали спасенія въ философіи. Во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія развилась революціонная литература, общее стремленіе которой состояло въ томъ, чтобы посредствомъ остроты критики разложить выродившійся міръ дѣйствительности и противопоставить ему новый порядокъ жизни, построенный изъ абстрактныхъ началъ. Отвергалось все, что́ существовало и было унаслѣдовано—вся исторія, всѣ національныя различія, вся преемственная культура—и логически строился для всего человѣчества идеалъ политическаго естественнаго состоянія, въ которомъ отдѣльная личность вполнѣ освобождалась отъ гнета государственной власти и ея неограниченная свобода полагалась исходнымъ и конечнымъ

пунктомъ всего общественнаго сожитія. На мѣсто слѣпой вѣры въ государство, какъ въ церковь, выступилъ духъ критики, на мѣсто безусловнаго повиновенія — неограниченное чувство свободы, на мѣсто авторитета правительственной власти — господство философскихъ понятій, на мѣсто разнообразныхъ положительныхъ законовъ — кодексъ прирожденныхъ естественныхъ и человѣческихъ правъ.

Это направленіе прошлаго вѣка въ политической области наиболѣе рѣзкимъ образомъ проявилось у Руссо; въ области же государственнаго хозяйства оно было начато физіократами и окончательно довершено знаменитымъ твореніемъ шотландца Ад. Смита. Между тѣмъ какъ политико-экономы абсолютизма, или такъ называемые меркантилисты разсматривали хозяйственную жизнь народовъ, какъ продуктъ человѣческаго искусства, которому стоило только приказать, чтобы достигнуть своихъ цѣлей; физіократы и Ад. Смитъ утверждали, что въ хозяйственныхъ состояніяхъ человѣчества господствуютъ такіе же неизмѣнные естественные законы, какъ въ растительномъ и минеральномъ царствѣ, и потому всѣ прежнія государственныя мѣры объявили вредными препятствіями для здороваго естественно-законнаго развитія экономической жизни. Существовавшимъ запретительной и покровительственной системамъ меркантилистовъ, они противопоставили принципъ свободы торговли, существовавшему цѣховому устройству и промышленнымъ монополіямъ — свободное соперничество, остаткамъ средневѣковаго поземельнаго устройства — необходимость полной и раздѣльной поземельной собственности, традиціонному промышленному устройству — принципъ безусловной свободы промышленности.

Такимъ образомъ возникла политическая экономія, какъ наука объ естественныхъ законахъ человѣческаго обмѣна, которая должна была имѣть для человѣческаго общества подобное же значеніе, какъ физика и химія для всего вещественнаго міра. Она должна была изучать естественно-законныя отправленія отдѣльныхъ членовъ гражданскаго общества и, на основаніи ихъ, изыскивать законы, которые управляютъ всеобщимъ общественнымъ процессомъ труда и пропитанія. Хотя Ад. Смитъ значительно отличается отъ физіократовъ своимъ несравненно болѣе тонкимъ и всестороннимъ наблюденіемъ экономическихъ жизненныхъ отношеній и изложенною имъ системою хозяйственныхъ законовъ, тѣмъ не менѣе какъ Ад. Смитъ, такъ и физіократы стоятъ совершенно на одной и той

же точкѣ зрѣнія относительно основныхъ воззрѣній о задачѣ политико-экономической науки, о природѣ человѣческаго общества и относительно положеній, изъ которыхъ они выводятъ экономическіе законы. Обѣ системы считаютъ новую науку хозяйственной жизни въ нѣкоторомъ родѣ естественною наукою, которая должна изслѣдовать всеобще дѣйствующіе законы; обѣ раздѣляютъ съ Руссо атомистическое воззрѣніе на государство и считаютъ интересы индивида исключительною основою и цѣлью всякаго общественнаго сожитія; обѣ раздѣляютъ съ матеріалистическою нравственною философіею того времени воззрѣніе, что эгоизмъ есть единственный двигатель всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и на этомъ предположеніи основываютъ ихъ хозяйственные естественные законы; наконецъ, обѣ имѣютъ общее со всею современною имъ литературою космополитическое направленіе и строютъ абсолютную всемірную экономію, начала которой должны имѣть вѣчную годность для всѣхъ народовъ и временъ.

Такъ объясняетъ Бруно Гильдебрандъ историческое происхожденіе Смитовской системы, за которою признаетъ въ высшей степени благодѣтельное значеніе для развитія человѣческаго общества и которой главнымъ образомъ приписываетъ исполинскіе успѣхи, совершенные новѣйшимъ обществомъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли. Но на ряду съ этими свѣтлыми сторонами онъ указываетъ также на нѣкоторыя мрачныя явленія, сопровождающія новѣйшую народно-хозяйственную культуру. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности проявляется стремленіе — посредствомъ сосредоточенія капитальной силы, монополизировать промышленное производство, создать капитальное господство, которое уничтожаетъ мелкую промышленность, увеличиваетъ неравенство богатствъ и мало по малу овладѣваетъ рынкомъ и потребителями. Такимъ образомъ, порождаются новыя монополіи въ народномъ хозяйствѣ, новый промышленный феодализмъ, тѣмъ болѣе опасный, что господство его основывается не на привилегіяхъ, которыя могли бы быть уничтожены государственнымъ законодательствомъ, но на естественной силѣ собственности. Съ другой стороны, не менѣе печальныя явленія сопровождаютъ конкурренцію, которая хотя и содѣйствовала въ поразительной степени увеличенію производительности всѣхъ экономическихъ силъ народа, но въ тоже время превратила борьбу этихъ силъ въ общественную войну, ведущуюся посредствомъ безнравственныхъ средствъ. Всего же хуже, по мнѣнію Гильдебранда,

то обстоятельство, что эти монопольныя стремленія большаго производства и безнравственныя продѣлки на рынкѣ обращенія, имѣютъ за себя авторитетъ науки, потому что, по ученію Смитовской школы, преслѣдованіе собственныхъ интересовъ не только позволено, но есть естественно-законная необходимость. Отсюда, по его мнѣнію, вытекаетъ настоятельная необходимость настоящаго времени—провѣрить основныя начала науки и разрѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли въ хозяйственной жизни народовъ господствуютъ естественные законы?

Говоря объ естественныхъ законахъ народнаго хозяйства, Гильдебрандъ строго отличаетъ другъ отъ друга слѣдующіе два вопроса: вопервыхъ, имѣетъ-ли безсознательная природа, которой человѣкъ обязанъ средствами для хозяйства и къ которой онъ самъ принадлежитъ по своему тѣлесному организму, имѣетъ ли эта природа съ ея неизмѣнными законами опредѣленное вліяніе на хозяйство народовъ и во-вторыхъ, подчинено-ли естественнымъ замѣнамъ и самое хозяйство, т. е. хозяйственныя дѣйствія людей?

Первое, по мнѣнію Гильдебранда, неоспоримо. Природа и ея вѣчные законы опредѣляютъ со всѣхъ сторонъ границы, въ которыхъ двигается всякое человѣческое хозяйство, и въ этомъ отношеніи хозяйство всѣхъ временъ и народовъ столь же неизмѣнно, какъ элементы и законы самой природы. Но внутри этихъ границъ, начертанныхъ природою, лежитъ еще обширное и необозримое поле хозяйственныхъ возможностей, которымъ владѣетъ человѣческій духъ. Поэтому, появляется второй вопросъ: подвержены-ли естественнымъ законамъ и эти хозяйственныя дѣйствія, вытекающія изъ человѣческой воли?

Литература прошлаго столѣтія и большая часть послѣдователей Ад. Смита рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно, признавая эгоизмъ единственно-законнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій и поставляя его совершенно на одну линію съ естественными силами, дѣйствующими въ безсознательномъ мірѣ. Физическій и нравственный міръ они считаютъ только различными формами проявленія одного и того же закона.

Но Гильдебрандъ не признаетъ этого. Подвергая анализу экономическій законъ заработной платы, онъ находитъ, что этотъ законъ, подобно прочимъ, основывается не только на предположеніи всеобщаго и неизмѣннаго господства эгоизма между всѣми контрагентами, но также на предположеніи равенства всѣхъ эгоистиче-

скихъ силъ, предположеніи совершенно противорѣчащемъ дѣйствительности. Поэтому, законъ этотъ ложенъ. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что вся гипотеза экономическихъ естественныхъ законовъ, основанныхъ на человѣческомъ эгоизмѣ, въ томъ видѣ, какъ учитъ Смитовская школа, не можетъ держаться, а потому и всѣ послѣдствія, выводимыя изъ этой гипотезы, не возможны.

Но изъ того, что эта гипотеза не можетъ держаться, никакъ не слѣдуетъ, чтобы хозяйственныя дѣйствія людей, а также хозяйственныя состоянія, порождаемыя и обусловливаемыя этими дѣйствіями, были предоставлены слѣпому случаю и были бы вполнѣ произвольны. Какъ изъ отсутствія естественныхъ законовъ нельзя допустить подобнаго слѣдствія для прочихъ областей человѣческой дѣятельности и человѣческой жизни, точно такъ-же нельзя допустить этого и въ хозяйственной области. Напротивъ, каждое экономическое дѣйствіе, какъ и всѣ прочіе акты человѣческой воли, обусловливается законнымъ процессомъ, господствующимъ въ нашей психологической жизни и вытекаетъ изъ борьбы нашихъ представленій, въ которой принимаютъ участіе не только наши страсти и наша чувственность, но также и тѣ нравственныя идеи и та сила нравственныхъ правилъ, которая образовалась въ насъ вслѣдствіе воспитанія и опыта.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гильдебранда, человѣческое хозяйство или та сумма дѣйствій, посредствомъ которыхъ человѣческое общество подчиняетъ силы природы цѣлямъ своего существованія, есть продуктъ не только естественныхъ, но и психологическихъ законовъ, притомъ продуктъ вполнѣ новый, которому присущъ свой особенный жизненный принципъ, въ высшей степени отличный отъ тѣхъ двухъ элементовъ, соединенію которыхъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ.

Между тѣмъ какъ законы эти остаются постоянными и неизмѣнными при всей перемѣнѣ въ жизни природы и людей, продуктъ ихъ, человѣческое хозяйство, подчиненъ постояннымъ измѣненіямъ и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ прибавляется новое звено, свидѣтельствующее о постоянно высшей ступени развитія человѣческой культуры.

Растенія и животныя настоящаго времени растутъ по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и за тысячелѣтія прежде; химическія вещества имѣютъ другъ съ другомъ то же сродство, какъ и въ древности; нынѣшній міръ не знаетъ другихъ законовъ мышленія, какъ

тѣ, которые существовали для современниковъ Платона и Аристотеля. Но хозяйственная дѣятельность и культура, познаніе законовъ, употребленіе и подчиненіе ихъ хозяйственнымъ цѣлямъ, хозяйственныя и общественныя учрежденія, благодаря творческой силѣ и свободѣ человѣческаго духа, безконечно возрасли и усовершенствовались во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, Бруно Гильдебрандъ считаетъ народное хозяйство точно такою же отраслью культуры, какъ языкъ, литература, право и искусство. Онъ полагаетъ, что оно, подобно прочимъ отраслямъ культуры, двигается въ границахъ, опредѣленныхъ природою и ея неизмѣнными законами, но внутри этихъ границъ есть продуктъ труда и свободы человѣческаго духа. Поэтому, задача науки народнаго хозяйства, какъ науки нравственно-политической, состоитъ не въ томъ, чтобъ, подобно естественнымъ наукамъ, постановлять одинаковые законы для всѣхъ отношеній во времени и пространствѣ, но напротивъ въ томъ, чтобы изслѣдовать историческимъ путемъ народно-хозяйственный ходъ развитія, какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всего человѣчества отъ одной ступени къ другой, и такимъ способомъ познать основаніе и строеніе нынѣшней хозяйственной культуры, а также тѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ труду живущаго поколѣнія; или, какъ выразился Гильдебрандъ въ предисловіи къ издаваемому имъ журналу, задача политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы указать то звено, которое должно быть присоединено трудомъ нынѣшняго поколѣнія къ цѣпи общаго развитія человѣчества. Отсюда необходимость историческаго народно-хозяйственнаго изученія. Народно-хозяйственная исторія культуры, въ связи съ исторіею всего политическаго и юридическаго развитія народовъ, и статистика суть, по мнѣнію Гильдебранда, единственно вѣрныя основы, на которыхъ представляется возможнымъ успѣшное дальнѣйшее построеніе политико-экономической науки.

Изъ этого краткаго изложенія взгляда Бруно Гильдебранда на общій характеръ политико-экономической науки, очевидно, что онъ вполнѣ принадлежитъ новой исторической школѣ и является наиболѣе даровитымъ представителемъ ея. Характеръ его воззрѣній отражается и на лекціяхъ, которыя отличаются ясностью и послѣдовательностью изложенія, обширностью практическихъ свѣдѣній и разнообразіемъ примѣровъ, приводимыхъ изъ хозяйственной жизни Франціи, Англіи, Швейцаріи и Германіи, близко знакомыхъ

ему не по однѣмъ книгамъ, но и по собственному опыту и наблюденію.

Кромѣ лекцій Рошера и Бруно Гильдебранда, я посѣщалъ также лекціи Аренса въ Лейпцигѣ и Куно Фишера въ Іенѣ. Находясь въ настоящее время въ Гейдельбергѣ, я посѣщаю лекціи Блунчли, Дицеля и Ласпейреса.

Гейдельбергъ, 2-го іюля 1863 года.

50) Кандидата Н. Таганцева.

Прибывъ въ Берлинъ 28-го апрѣля по новому стилю, я засталъ уже лекціи начавшимися. Въ Берлинскомъ университетѣ по каѳедрѣ уголовнаго права четыре профессора: Бернеръ, Гнейстъ, Гефтеръ и Гольцендорфъ; но въ нынѣшній семестръ курсъ уголовнаго права читаютъ только двое: Бернеръ и Гнейстъ. Не знаю, почему лекціи ихъ совпадаютъ между собою, и слушать того и другаго было невозможно, нужно было сдѣлать выборъ: теорія Бернера, взглядъ его на главнѣйшие вопросы уголовнаго права были мнѣ извѣстны по его «учебнику уголовнаго права»; прослушавъ у него нѣсколько лекцій, я нашелъ, что всѣ измѣненія состоятъ главнымъ образомъ въ приведеніи, правда, довольно интересныхъ примѣровъ, и разрѣшеніи нѣкоторыхъ казуистическихъ вопросовъ; между тѣмъ взглядъ и методъ профессора Гнейста были для меня совершенно неизвѣстны, а потому я и записался на его лекціи.

Курсъ уголовнаго судопроизводства читаютъ въ этомъ семестрѣ: Гефтеръ, Бернеръ и Гнейстъ; но лекціи перваго совпали съ выбраннымъ мною для слушанія курсомъ нѣмецкаго права—Безелера, такъ что и здѣсь я выбралъ лекціи пр. Гнейста. Вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія лекцій, я также не могъ выслушать спеціальный курсъ проф. Гольцендорфа «о тюремномъ заключеніи». Другой же курсъ его «о смертной казни» я слушаю.

Отлагая болѣе подробное изложеніе и разборъ этихъ чтеній до выслушанія мною полныхъ курсовъ, я ограничусь здѣсь только общимъ очеркомъ.

Многосторонняя дѣятельность пр. Гнейста приводитъ невольно въ удивленіе. Государственный человѣкъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Fortschrittspartei палаты депутатовъ, спеціалистъ и авторитетъ въ англійскомъ государственномъ правѣ, онъ въ тоже время,

въ одинъ только лѣтній семестръ читаетъ: уголовное право, уголовное судопроизводство, курсъ институтовъ и курсъ исторіи Римскаго права, всего 17 лекцій въ недѣлю, (кромѣ того онъ хотѣлъ еще читать публичный курсъ исторіи англійской конституціи, но это почему-то не состоялось). Если прибавить къ этому, что, пока палаты были не распущены, онъ почти каждый день бывалъ въ парламентѣ, что въ прошломъ мѣсяцѣ напечаталъ вторымъ изданіемъ *) свое сочиненіе объ англійскомъ самоуправленіи—трудъ значительно измѣненный относительно перваго изданія, то нужно только удивляться силамъ этого человѣка. Правда, что онъ изрѣдка манкировалъ лекціями во время сессіи; но, кажется, только нѣмецъ можетъ, послѣ жаркихъ преній на депутатскихъ скамьяхъ, читать совершенно спокойно о видахъ собственности, или обязательствъ по римскому праву и также спокойно переходить къ вопросу о вмѣняемости и т. п.; нужно прибавить, что его курсъ уголовнаго права, для человѣка, даже сколько нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, представляетъ не очень много интереса. Онъ назначаетъ его для начинающихъ студентовъ и притомъ имѣетъ въ виду приготовить болѣе юристовъ-практиковъ. Оттого у него на первомъ планѣ стоитъ разборъ прусскаго кодекса, оттого можетъ быть его лекціи и посѣщаются такъ охотно въ сравненіи съ другими профессорами. Но что касается до разработки теоретическихъ вопросовъ, а равно и нѣкоторыхъ практическихъ, только въ новѣйшее время начавшихся разработываться, какъ напр. вопросъ тюремнаго заключенія, то здѣсь его лекціи были слишкомъ неудовлетворительны; у него было замѣтно даже незнаніе нѣкоторыхъ весьма важныхъ новѣйшихъ сочиненій. Изъ его курса для меня интересны только положительная часть, разборъ прусскаго кодекса. Болѣе значенія имѣетъ его курсъ уголовнаго судопроизводства. Онъ ведетъ его сравнительно-историческимъ способомъ, такъ что при изложеніи каждаго вопроса, указываетъ на разрѣшеніе его въ законодательствахъ Пруссіи, Франціи и Англіи, дѣлая, разумѣется, при этомъ критическую оцѣнку и объясняя историческимъ путемъ происхожденіе той или другой формы. Особенно хорошо изложилъ онъ англійское судопроизводство, и исторію прусскаго въ XIX столѣтіи. Теперь онъ читаетъ такъ называемый обще - германскій процессъ,

*) Пока вышелъ только первый томъ; второй онъ обѣщаетъ выпустить къ октябрю мѣсяцу.

основательное знаніе котораго онъ считаетъ необходимымъ для всякаго нѣмецкаго юриста.

Что касается до лекцій Гольцендорфа, то прежде всего нужно замѣтить, что при значительной литературѣ вопроса о смертной казни, послѣ историческаго изслѣдованія о ней Цёпфеля, философскаго—Бернера и статистическаго—Миттермайера,—предметъ этотъ уже не относится къ числу слишкомъ спорныхъ въ наукѣ. Но жизнь смотритъ иначе; большинство уголовныхъ кодексовъ признаютъ еще существованіе смертной казни; а потому подобный курсъ имѣетъ большое значеніе, особенно у Гольцендорфа, который не даромъ считается здѣсь однимъ изъ лучшихъ профессоровъ юридическаго факультета. Ясное постановленіе вопросовъ, сила аргументаціи и огромный запасъ статистическихъ фактовъ придаютъ его лекціямъ большой интересъ и привлекаютъ значительное число слушателей.

Домашнія мои занятія составляла исторія уголовнаго права и судопроизводства, преимущественно нѣмецкаго; но такъ какъ изучать ее отдѣльно отъ исторіи права вообще нельзя, то я прежде всего принялся за изученіе: Deutsche Staats-und-Rechtsgeschichte—Eichhorn'а, Deutsche Rechtsgeschichte—Walter'а и Deutsche Verfassungsgeschichte—Waitz'а. Первыя два сочиненія обнимаютъ собою всю исторію нѣмецкаго права, а послѣднее доходитъ только до Верденскаго договора 843 г. При изученіи этихъ сочиненій я обращалъ преимущественное вниманіе на государственное устройство Германіи и исторію ея правоваго быта, останавливаясь на самыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ, какъ-то: вліяніи христіанства и романтизма; на возникновеніи и развитіи леннаго и городоваго права и т. д. Что касается до исторіи собственнаго уголовнаго права, то я прежде всего началъ съ сочиненія Wilda: Strafrecht der Germanum, составляющаго первую часть его, къ сожалѣнію, не оконченнаго труда «Исторія нѣмецкаго уголовнаго права». Это сочиненіе отличается довольно рѣзко отъ названныхъ мною выше тѣмъ, что авторъ обратилъ особенное вниманіе на разработку скандинавскихъ источниковъ, хотя правда, онъ впалъ отъ этого въ нѣкоторыя ошибки и приписалъ южно-германскому праву то, что составляетъ исключительную принадлежность сѣвернаго, что и было ему указано Stein'омъ и Wächter'омъ при разборѣ его сочиненія. Другой важный недостатокъ его—это слишкомъ сильный германизмъ, вслѣдствіе котораго онъ хочетъ отыскать полный правовый бытъ даже въ самыя древнія времена германской жизни. Кромѣ Вильда я прочелъ исто-

рію уголовнаго германскаго права Генке и Кёстлина, изъ которыхъ послѣднее особенно интересно по разработкѣ вопроса о вліяніи развитія городовъ на уголовное право. По исторіи уголовнаго процесса я успѣлъ прочесть только Biener'a: Beiträge zu der Geschichte des Inquisitions-Process. Не могу не указать также на новѣйшее изслѣдованіе Freund'a: Lug und Trug von Standpunkte des Strafrechts und der Geschichte. Berlin. 1862 г. Оно должно обнять собою исторію преступленія обмана у всѣхъ народовъ, касаясь при этомъ развитія идеи преступленія и наказанія вообще; но вышедшая пока первая часть заключаетъ только первый періодъ германскаго права, до паденія Каролинговъ. Авторъ обратилъ главное вниманіе на саги, народныя преданія и пословицы, стараясь пополнить ими правовыя опредѣленія, заключающіяся въ письменныхъ памятникахъ того времени; поэтому его книга получаетъ особенный интересъ. Другое сочиненіе по исторіи уголовнаго права, вышедшее въ нынѣшнемъ же году: Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, par Loiseleur. Paris. 1863 г., не представляетъ, по крайней мѣрѣ по той части, которая относится къ исторіи нѣмецкаго права, ничего новаго; а очеркъ исторіи права у грековъ, римлянъ, французовъ, англичанъ — я еще не успѣлъ просмотрѣть. Параллельно съ этимъ я слушаю курсъ исторіи нѣмецкаго права у Безелера, а такъ какъ многіе вопросы нѣмецкаго права совершенно не объяснимы безъ исторіи римскаго права, то я посѣщаю еще курсъ исторіи римскаго права — Гнейста, и курсъ государственнаго устройства Рима временъ императоровъ — Моммзена. Сдѣлать характеристику ихъ чтеній я предоставляю себѣ уже по окончаніи семестра; теперь же я долженъ только прибавить, что, къ сожалѣнію, здѣсь въ исторіи нѣмецкаго права преимущественно занимаются исторіей государства и государственныхъ учрежденій, а исторію развитія правовыхъ понятій, особенно же уголовнаго права, ставятъ на второмъ планѣ.

Одною изъ причинъ, по которой я выбралъ Берлинъ для начала моихъ заграничныхъ занятій, было желаніе познакомиться поближе, практически, съ прусскимъ уголовнымъ судопроизводствомъ, равно какъ и съ устройствомъ здѣшней целлюлярной тюрьмы. Но къ сожалѣнію, засѣданія ассизъ совпадаютъ съ университетскими чтеніями; а потому я отложилъ исполненіе моего намѣренія до вакацій, которыя постараюсь спеціально посвятить этому предмету; что же касается до тюрьмы, то я осмотрѣлъ ее на сколько могъ

и прилагаю при этомъ отчетѣ описаніе ея, дополнивъ мои личныя наблюденія оффиціальнымъ отчетомъ за 1857—60 г., брошюрою директора ея Schük'a и нѣкоторыми другими статьями, указанными мною ниже.

Наказаніе лишеніемъ свободы, по прусскому уголовному кодексу, является въ трехъ видахъ: 1) заключеніе съ принудительными работами (Zuchthausstrafe), которое бываетъ или пожизненное, или временное, въ послѣднемъ случаѣ minimum — 2 года, а maximum — 20. (Пр. уг. к. § 10). Заключенные лишаются права распоряжаться своимъ имуществомъ на все время наказанія и состоятъ какъ бы подъ опекою; кромѣ того, приговоръ влечетъ за собою потерю гражданскихъ правъ (§ 11). Оно назначается только собственно за преступленія (Verbrechen) и отбывается въ особенныхъ, такъ сказать, уголовныхъ тюрьмахъ (Strafanstalten). 2) Заключеніе въ крѣпость, или другія заведенія (Entschliessung) безъ принудительныхъ работъ и безъ лишенія правъ — maximum 20 лѣтъ. (§ 13). Высшая степень его (болѣе 5 лѣтъ) полагается за преступленія, а низшая за проступки (Vergehen). 3) Простое тюремное заключеніе (Gefängnissstrafe) въ обыкновенныхъ тюрьмахъ (Gefangenanstalten); здѣсь допускается работа, сообразная съ прежнимъ образомъ жизни и занятіями заключеннаго; — maximum ея 5 лѣтъ, а minimum — 1 день. Высшая степень (болѣе 6 мѣсяцевъ) полагается за проступки, а низшая за полицейскія правонарушенія. (§ 14). Наконецъ, какъ дополненіе къ этимъ видамъ лишенія свободы, — существуетъ отдача подъ полицейскій надзоръ, maximum — 10 лѣтъ, съ запрещеніемъ выѣзда и т. д. (§ 26). Тюрьмы, въ которыхъ отбываются первые три вида наказанія, раздѣляются на два рода: находящіяся въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, и другія въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Положительныхъ началъ для этого раздѣленія не существуетъ; вѣдомству министерства юстиціи подлежатъ почти всѣ Gefangenanstalten и, кромѣ того, всѣ тюрьмы, состоящія при судахъ, назначенныхъ для предварительнаго ареста. Въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ находятся всѣ Strafanstalten, большія центральныя Gefangenanstalten, для приговоренныхъ болѣе чѣмъ къ 6-ти мѣсячному заключенію, и кромѣ того, какъ исключеніе, городская тюрьма въ Берлинѣ (Stadtvogtei) и небольшія тюрьмы рейнскихъ провинцій. Всѣхъ заведеній въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ состояло до 1861 года 42; изъ нихъ Strafanstalten было 32: 14 исключительно для мужчинъ, 13 для обоего пола и 1 въ So-

gan'ѣ (исключительно для женщинъ). Первое мѣсто между всѣми уголовными тюрьмами занимаетъ пенитенціарная, одиночная тюрьма въ Берлинѣ—Моабитъ, отстроенная въ 1848 г. на началахъ общаго заключенія преступниковъ. Въ 1856 она была вполнѣ преобразована—и съ 1857 г. главная часть ея устроена по келейной системѣ.

Въ настоящее время Моабитъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: 1) собственно Zellengefängniss — о которой мы и будемъ говорить. 2) Такъ называемая Souterrain,—отдѣленіе тюрьмы съ общимъ заключеніемъ, находящаяся въ подвальномъ этажѣ подъ Zellengefängniss. При преобразованіи тюрьмы въ 1856 г. былъ предложенъ вопросъ: посредствомъ кого отправлять въ одиночной тюрьмѣ работы, при которыхъ необходимо общеніе арестантовъ, какъ напр. занятія въ кухнѣ? Употреблять-ли для этого наемныхъ лицъ, или сохранить одно изъ отдѣленій существовавшаго до тѣхъ поръ общаго заключенія? Послѣднее предложеніе было принято, и теперь большинство находящихся въ Soutterain занимаются этими работами; они имѣютъ особенныхъ надзирателей, особую больницу и отдѣленіе въ школѣ; въ церкви для нихъ отведено особое мѣсто на хорахъ, позади остальныхъ заключенныхъ. 3) Filial-Anstalt;—эта вспомогательная тюрьма основана въ 1856 г., когда число приговоренныхъ къ Zuchthausstrafe было такъ велико, что существовавшихъ тогда тюремъ оказалось недостаточно. Теперь она представляетъ какъ бы переходную тюрьму, для лицъ, просидѣвшихъ долгое время въ одиночной тюрьмѣ и уже готовящихся къ выходу; поэтому она пополняется не только изъ Моабита, но и изъ Шпандау. Кромѣ того, сюда же переводятся и заключенные, приговоренные къ недолговременному наказанію и пробывшіе не болѣе одного, или полутора лѣтъ, но хорошимъ поведеніемъ заслужившіе смягченіе; здѣсь имъ дается больше свободы, кромѣ того, они довольно много работаютъ на открытомъ воздухѣ, для чего на разстояніи шаговъ 25 отъ главнаго зданія находится особенное, обработываемое ими поле, въ 100 моргеновъ величиною (около 23 десятинъ). Здѣсь они сѣютъ рожь, хлѣбъ, овощи, косятъ сѣно, разводятъ деревья и т. д.*). Внутри тюрьмы они занимаются различными ремесленными работами, а также хозяйствомъ тюрьмы. Они имѣютъ особенныхъ чиновниковъ, особенную церковь; вообще отдѣлены отъ главной тюрьмы, отъ которой самое зданіе Filial-Anstalt находится

*) Въ 1859 г. было выручено отъ продажи различныхъ продуктовъ 1,728 талеровъ.

на разстоянiи 8—10 минутъ ходьбы. Моабитъ лежитъ въ концѣ города, около 2 верстъ отъ его центра. Она занимаетъ пространство въ 11 моргеновъ (около $2\frac{1}{2}$ десятинъ) и кругомъ обнесена стѣною въ 16 ф. высоты. Вдоль стѣны, съ ея наружной стороны расположены 8 флигелей для квартиръ чиновниковъ *); къ каждому изъ нихъ прилегаетъ особенный дворъ съ садикомъ. Кромѣ того, на восточной сторонѣ стѣны находится еще церковь для Filial-Anstalt.

Внутри тюрьма устроена слѣдующимъ образомъ:

При самомъ входѣ помѣщается жилище привратника, казармы для стражи; потомъ, послѣ небольшаго дворика, на которомъ находятся амбары для хлѣба, угля и т. д., — начинается каридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены: прiемная комната для свиданiя арестантовъ съ родными и даже знакомыми, извѣстными тюремному начальнику; комната для складки бѣлья, бюро, квартира эконома и т. д. Нужно замѣтить, что прiемная комната устроена здѣсь очень просто, безъ всякихъ перегородокъ, какъ въ Брухзалѣ, Пентовиллѣ и др. тюрьмахъ. При разговорѣ присутствуетъ обыкновенно оберъ-надзиратель, или духовное лицо и по словамъ отчета, — случаевъ злоупотребленiя было мало. Въ годъ каждый заключенный можетъ имѣть только опредѣленное число посѣщенiй, а потому каждое изъ нихъ отмѣчается въ особенной книгѣ. Кромѣ того, здѣсь дозволено вести переписку съ домашними, средство сильно помогающее, по словамъ опытныхъ лицъ, исправленiю, но разумѣется всѣ письма предварительно прочитываются директоромъ и духовниками. Число писемъ въ годъ бываетъ отъ 800 — 850.

Надъ этимъ корридоромъ, въ верхнихъ этажахъ, находятся комнаты для холостыхъ чиновниковъ; комнаты для больныхъ, по двѣ постели въ каждой и, наконецъ, на самомъ верху—церковь. При настоящемъ, преимущественно религiозномъ характерѣ тюремнаго управленiя, — при осмотрѣ, на церковь прежде всего обращаютъ вниманiе посѣтителя. Нужно вообще прибавить, что этотъ осмотръ

*) Тюремный персоналъ состоитъ: директоръ, съ 1200 талер. жалованья; 2 инспектора по 700 т. и 2 по 600; 1 пасторъ съ 1100 т., и другой съ 1000; лѣкарь съ 480 т.; секретарь—450 т.; 2 учителя по 400; машинистъ—500; экономъ—350; 2 оберъ-надзирателя по 350; учителя ремеслъ по 350 и другой по 325; 6 надзирателей по 300; одинъ за 290; двое по 280; 6 по 275; и 12 по 250; 6 помощн. надзирателей по 240; 1 ночной надзиратель съ 250 и 2 по 240; привратникъ 280; смотритель за кухнею — 290; цирульникъ — 250 и курьеръ — 240. Изъ нихъ 5 высшихъ и 37 низшихъ чиновъ принадлежатъ къ братству Rauhen Haus.

далеко не удовлетворителенъ: многія вещи, которыя было бы чрезвычайно полезно видѣть, какъ напр. школу, библіотеку, дворы для прогулокъ арестантовъ, не показываютъ безъ особеннаго разрѣшенія г. Вихерна, а его теперь нѣтъ въ Берлинѣ. Церковь въ Моабитѣ устроена на 233 человѣка; мѣсто въ ней расположено амфитеатромъ и каждое мѣсто, такъ называемое Stalls, устроено такъ, что заключенные не могутъ видѣть другъ друга — для этого перегородка между сидѣньями выдвигается довольно значительно впередъ, между тѣмъ какъ сами преступники помѣщаются въ глубинѣ. Но, разумѣется, стоитъ преступнику немного нагнуться впередъ, чтобы отлично видѣть своего сосѣда, а тѣмъ болѣе разговаривать съ нимъ. Для предупрежденія этого, — напротивъ нихъ, рядомъ съ алтаремъ, устроены мѣста для чиновниковъ, которые должны строго наблюдать чтобы преступники не имѣли противозаконныхъ сообщеній. Разумѣется, это отдѣленіе, равно какъ и маски, надѣваемыя преступникамъ при каждомъ выходѣ его изъ кельи, ни къ чему не ведутъ *); теперь вполнѣ почти доказано, что при всѣхъ этихъ мѣрахъ преступники все-таки отлично знаютъ другъ друга: по голосу, въ школѣ, по походкѣ и фигурѣ—при встрѣчахъ и т. д. Притомъ подобная мѣра обыкновенно ведетъ за собою довольно значительное количество штрафовъ, по крайней мѣрѣ такъ бываетъ въ другихъ тюрьмахъ, но здѣсь инспекторъ, который показывалъ тюрьму, увѣрялъ, что число ихъ не велико; да и по отчету между 1857—1860 число всѣхъ штрафовъ за сообщеніе было только: 72, 64, 52, 50,— впрочемъ, вообще все количество дисциплинарныхъ наказаній незначительно, напр. въ 1860 — 172 случая, а число наказанныхъ 109 на 443 челов. Странное дѣло, но въ отчетѣ безпрестанно встрѣчаются цыфры, которыя какъ-то заставляютъ усомниться въ ихъ достовѣрности, такъ напр. число сумасшествій въ 4 года только 1, число галлюцинацій 7; а другихъ видовъ не встрѣчается. Нельзя не прибавить къ этому, что проф. Гольцендорфъ, въ своихъ лекціяхъ о тюремномъ устройствѣ, только слегка коснулся Моабита и прибавилъ, что не только по оффиціальнымъ отчетамъ, но что, даже работая въ статистическомъ бюро, нельзя узнать настоящаго положенія тюрьмы.

Можетъ быть, его отзывъ уже слишкомъ пристрастенъ, такъ какъ

*) Маска состоитъ здѣсь изъ длиннаго кожаннаго козырька фуражки, плотно прилегающаго къ лицу съ отверстіями для глазъ.

онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ антогонистовъ излишняго развитія религіознаго элемента въ тюрьмахъ, а потому и всего нынѣшняго управленія Моабита; но во всякомъ случаѣ, если даже тюремное начальство и не оттѣнило цыфръ, то оно все-таки виновато за ту небрежность, съ которою составленъ отчетъ. Оно дѣйствительно много говоритъ о значеніи духовенства и Rauhen Haus'а въ тюрьмахъ, но за то даетъ такія общія цыфры относительно напр. состоянія здоровья, что по нимъ совершенно ничего нельзя вывести. Этимъ самымъ оно лишаетъ тюрьмовѣдѣніе его единственнаго источника; такъ какъ въ настоящее время почти всѣ спеціалисты по этому дѣлу пришли къ убѣжденію, что только сравнительная статистика тюремъ можетъ дать что-нибудь прочное*).

Но возвращаюсь къ моему описанію.

Изъ корридора, о которомъ я говорилъ, входъ въ самую тюрьму. Она состоитъ изъ 4-хъ флигелей, расположенныхъ полукругомъ. Каждый флигель заключаетъ въ себѣ по три этажа; а по срединѣ корридоръ, проходящій чрезъ всѣ этажи, такъ что изъ центральнаго мѣста, гдѣ находится площадка, можно обозрѣть разомъ, что дѣлается въ тюрьмѣ, во всѣхъ флигеляхъ и этажахъ. По обѣимъ сдоронамъ флигелей расположены кельи, соединенныя между собою узкою площадкою, огибающею каждый этажъ. Число келій въ этажѣ 42; а во всѣхъ 508, такъ какъ въ среднемъ этажѣ каждаго флигеля еще по одной лишней. Впрочемъ, всѣ они полны никогда не бываютъ.

Schück говоритъ, что кромѣ этихъ 508 келій существуютъ еще 12, расположенныхъ внутри зданія, которыя не получаютъ дневнаго свѣта, а освѣщаются постоянно масломъ; но въ отчетѣ объ нихъ ничего не сказано, а потому неизвѣстно, для чего онѣ назначаются; притомъ, по словамъ инспектора, такъ называемаго темнаго ареста у нихъ не существуетъ. Подъ флигелями находятся: кухня, прачешная, домашняя мельница, хлѣбопекарня, бани (каждый заключенный бываетъ черезъ двѣ недѣли, такъ какъ масло, горящее въ кельяхъ, даетъ довольно значительную копоть), здѣсь же рас-

*) Таково напр. рѣшеніе прошлогодняго съѣзда нѣмецкихъ и швейцарскихъ ученыхъ для обсужденія тюремнаго вопроса. Но такъ какъ подобные сравнительные выводы требуютъ подробныхъ и основательныхъ статистическихъ данныхъ, то на съѣздѣ обсуждали также программу статистическихъ вопросовъ, на которые должна подробно отвѣчать каждая тюрьма, какъ это введено въ Швейцаріи. (Alg. Deut. Str. r. Zeit., апрѣль 1863).

положены арестантскія комнаты и Souterrain. Къ сожалѣнію, всѣхъ этихъ заведеній я не видалъ.

Изъ лѣваго флигеля идетъ ходъ въ школу (я знаю ее тоже по отчету и Schück'у). Тамъ въ нижнемъ этажѣ находятся: 3 класса, устроенные, какъ и церковь, амфитеатромъ, — каждый на 39 человѣкъ; потомъ—особенный классъ для находящихся въ Souterrain и библіотека*). Наконецъ, здѣсь же помѣщаются открытые въ 1860 г. вспомогательные классы для менѣе способныхъ.

Въ 1857 году въ школу поступило 271 чел., которые, сообразно съ ихъ знаніями, были распредѣлены въ 5 классахъ. Всѣмъ же вновь поступаюшимъ дѣлается тоже нѣчто въ родѣ экзамена: въ чтеніи, письмѣ, главнѣйшихъ положеніяхъ религіи и библейской исторіи, а затѣмъ опредѣляется классъ, въ который они могутъ поступить. Распредѣленіе знаній между классами слѣдующее:

Въ 5 классѣ помѣщаются или совершенно не умѣющіе читать и писать, или знающіе плохо. Въ 1860 г. изъ 183, бывшихъ въ школѣ, въ этомъ классѣ находилось только 30. Для перевода въ 4 классъ требуется: правильное и твердое чтеніе и небольшое знаніе письма и счета.

Въ 4-мъ классѣ было въ 1860 г. 104 человѣка для перехода въ 3-й требуется: чтеніе съ объясненіемъ прочитаннаго, письмо, съ знаніемъ главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ и первыя четыре правила.

Въ 3-мъ классѣ въ 1860 г. было 29 человѣкъ; для перехода во второй требуется: ясное изложеніе прочитаннаго, небольшое знаніе разбора и знаніе дробей.

Во 2-мъ классѣ въ 1860 г. было 7 человѣкъ; для перехода въ первый требуется изъ ариѳметики знаніе отношеній и пропорцій, правило тройное, товарищества и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ продолжается объяснительное чтеніе и упражненіе въ разборѣ.

Въ 1-мъ классѣ въ 1860 г. было 13 человѣкъ. Здѣсь уже элементарный курсъ прекращается: учащіеся преимущественно занимаются

*) Библіотека содержитъ 961 сочиненіе въ 1430 т., а именно: книги священнаго писанія, исторія церкви, описаніе жизни Спасителя, книги поучительнаго содержанія, проповѣди 190 соч., историческія книги и біографіи 318 с., — естественная исторія и описанія путешествій 35 с., бесѣды, наставленія, техническія книги 378. Очень жаль, что отчетъ не сообщаетъ, какія вообще книги читаются арестантами, кто руководитъ при выборѣ ихъ, какія условія полученія, и тому подобное.

рѣшеніемъ практическихъ задачъ, проходятъ начала прикладной геометріи и т. п.

Неумѣющихъ читать и писать поступаетъ относительно не много, но за то умственное развитіе ихъ стоитъ на самой низкой степени. По словамъ пастора здѣшней тюрьмы Ольденберга, большинство изъ нихъ не знаетъ не только 10 заповѣдей, но даже и «Отче нашъ»; о священной исторіи и говорить нечего. Многіе изъ нихъ бывали въ церкви не болѣе раза, на конфирмацію, къ которой приготовлялись тутъ же, въ теченіи какого-нибудь часа. Онъ приводитъ нѣкоторые чрезвычайно курьёзные отвѣты ихъ, показывающіе на какой еще низкой степени стоитъ уровень развитія низшаго слоя прусскаго народа. Одинъ напр. говорилъ, что Іисусъ родился 500 лѣтъ послѣ рождества Христа; другой, что онъ жилъ въ Австріи, третій, хотя и отвѣчалъ, что онъ жилъ въ Іерусалимѣ, но на вопросъ, гдѣ лежитъ Іерусалимъ, отвѣчалъ: что на Шпре, потому что, говоритъ, Берлинъ назывался прежде Іерусалимомъ. Многіе не знали даже, что Христосъ былъ распятъ и т. д. Знанія ихъ изъ другихъ предметовъ были, разумѣется, такого же рода: значительное число арестантовъ не знало напр. имени короля.

Понятно, что при обученіи обращается главное вниманіе на сообщеніе имъ этихъ элементарныхъ свѣдѣній, что́ достигается отчасти объяснительнымъ чтеніемъ, а главное—религіознымъ наставленіемъ, обученіемъ священной исторіи и т. д., которое идетъ отдѣльно отъ школьнаго. Въ то же время пасторы даютъ наставленія въ практической нравственности. Вотъ что говоритъ о своемъ преподаваніи Ольденбергъ: Я имъ объясняю съ возможною ясностью священное писаніе и даю масштабъ для жизненныхъ отношеній, о которыхъ по большой части они никогда не задумывались. Кромѣ того, при самомъ началѣ занятій, я далъ имъ позволеніе открыто высказывать мнѣ свои мысли и сомнѣнія, но разумѣется оставаясь въ границахъ приличія и благочестія.

Наконецъ, назначенъ еще урокъ пѣнія, который доставляетъ заключеннымъ большое наслажденіе. Поютъ или священные хоралы, или народныя пѣсни христіанскаго характера*).

Сказатъ о результатахъ моабитскаго воспитанія, по цыфрамъ

*) Всего еженедѣльно приходится на обученіе отъ 4 до 5 часовъ на человѣка; изъ нихъ ½ часа на ариѳметику, ½ часа на пѣніе, 1 часъ на чтеніе съ объясненіями, и на письмо, 1 часъ на библейскую исторію, 1 часъ, а для нѣкоторыхъ и 2, на наставленія въ вѣрѣ и нравственности.

представленнымъ въ отчетѣ, ничего нельзя; но сравнивая его съ образованіемъ, какое даютъ въ ирландскихъ тюрьмахъ и даже въ Брухзалѣ, нужно прибавить, что, какъ кажется, въ послѣднихъ оно практичнѣе. Особенно важно отсутствіе преподаванія географіи въ обширномъ смыслѣ; объяснительное чтеніе, по незначительности времени, замѣнить его не можетъ. Тамъ знакомятъ заключеннаго съ мѣстностью страны, съ ея естественными произведеніями, съ ея ремеслами, предметами сбыта и вообще съ торговлею; — при этомъ даютъ краткій очеркъ исторіи страны. А въ Ирландіи *), кромѣ географіи Англіи и ея колоній, проходятъ еще географію важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Притомъ во многихъ ирландскихъ тюрьмахъ преподаютъ даже политическую экономію; разумѣется, самые главные вопросы и по возможности въ самой простѣйшей формѣ, такъ напр. условія возвышенія и пониженія рабочей платы, организацію труда и т. д. По замѣчанію тюремнаго начальства, этотъ предметъ, равно какъ и географія, всего болѣе интересуетъ заключенныхъ.

Между флигелями расположены дворики для прогулокъ заключенныхъ (зимою полагается $1/2$ часа, а лѣтомъ $3/4$). Дворики составляютъ собою кругъ, въ центрѣ котораго находится стеклянный павильонъ для сторожа; отъ него идутъ, какъ радіусы, — довольно высокія каменныя стѣнки, раздѣляющія дворики. Въ каждомъ отдѣлѣ ихъ 20, такъ что всего въ 3 отдѣлахъ 60. Во многихъ изъ нихъ устроены небольшіе гимнастическіе приборы, въ особенности для тѣхъ, которые занимаются сидячею работою въ кельяхъ, какъ напр. портные. Schück **) жалуется, что всѣ малѣйшія движенія сторожа видны всѣмъ заключеннымъ, и что они пользуются этимъ, чтобы изрѣдка перекинуться словечкомъ съ сосѣдомъ; а Миттермайеръ ***) говоритъ, что вслѣдствіе высокихъ стѣнокъ и незначительности пространства они довольно сыры, а потому вредно дѣйствуютъ на здоровье. Я видѣлъ ихъ только изъ окна, такъ какъ въ то время тамъ гуляли заключенные.

Таково внѣшнее устройство тюрьмы; мнѣ остается еще сказать объ устройствѣ самыхъ келій.

---

*) Особенно хорошо устроено преподаваніе въ Смитфильдѣ, благодаря личному старанію тамошняго учителя г. Органа.

**) Die Einzelnhaft in Bruchsale und Moabit 1862.

***) Die Gefängnissverbesserung, 1859 г. и der gegenwärtige Zustand der Gefängnissfrage, 1860.

Каждая келья — небольшая (отъ 700—750 куб. фут.), но чистая и очень хорошо освѣщенная комната. (Нужно прибавить, что оба эти качества принадлежатъ вообще всей тюрьмѣ, такъ что невольно пріятно поражаютъ всякаго входящаго). Въ кельѣ находится во первыхъ койка складная, которая на день убирается; къ ней волосяной матрасъ, простыня, подушка, два шерстяныхъ одѣяла. Затѣмъ слѣдуетъ рабочій столъ со всѣми принадлежностями, такъ напр. у рѣзчика, котораго я видѣлъ, было очень большое число стальныхъ инструментовъ, необходимыхъ для его ремесла; шкафъ съ платьемъ *) и обѣденнымъ приборомъ. Въ кельѣ окно, съ футъ вышиною, снабженное желѣзною рѣшоткою; оно отворяется, впрочемъ, не самимъ заключеннымъ, а смотрителемъ. У одного изъ видѣнныхъ мною заключенныхъ, на окнѣ висѣла клѣтка съ птичкою и стояли горшки съ цвѣтами. Украшать свою комнату здѣсь позволяется въ видѣ награды; эта мѣра принята почти во всѣхъ тюрьмахъ и всѣ находятъ ее чрезвычайно полезною. Потребность видѣть вокругъ себя что-нибудь живое, всего сильнѣе высказывается здѣсь; заключенные стараются прикармливать воробьевъ, случайно залетѣвшихъ въ комнату; они по большей части согласны отказать себѣ въ покупкѣ чего-нибудь съѣстнаго или одежи, на остатки заработковъ — а покупаютъ птичку, или по крайней мѣрѣ цвѣты, за которыми бы могли ухаживать.

У самой двери вдѣланъ въ стѣну Nachtstuhl, герметически закрывающійся (устройство ватеръ-клозетовъ дорого и все-таки неудобно для тюремъ). Хотя инспекторъ и увѣрялъ, что онъ устроенъ лучше, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ, но запахъ все еще силенъ и долженъ вредно дѣйствовать на заключенныхъ. Въ каждой кельѣ находится также небольшая библіотека, состоящая изъ библіи, лютеранскаго катехизма, молитвослова, учебниковъ и тѣхъ книгъ, которыя арестантъ получилъ изъ библіотеки. У каждаго находятся необходимыя принадлежности письма. На стѣнѣ виситъ церковный календарь, роспись вещамъ, находящимся въ кельи и наконецъ правила заведенія **). Въ случаѣ нужды, заключенный можетъ позвать смотрителя посредствомъ звонка, который устроенъ такъ, что когда заключен-

*) Верхняя одежда здѣсь состоитъ изъ короткой куртки, а не длиннаго платья, какъ въ Брухзалѣ; доктора увѣряютъ, что послѣдній родъ платья удобнѣе, такъ какъ онъ предохраняетъ отъ ревматизма.

**) Главнѣйшія изъ этихъ правилъ таковы: заключенный отвѣчаетъ за всѣ вещи, полученныя имъ при поступленіи; онъ обязанъ безусловно повиноваться тюрем-

ный звонитъ, то съ наружной стороны двери открывается дощечка и смотритель, идя на зовъ, видитъ кому онъ нуженъ. За зовъ безъ нужды полагается наказаніе.

Обычай показывать арестантовъ посѣщающимъ существуетъ и здѣсь. Разумѣется, узнать такимъ способомъ что-нибудь о внутреннемъ бытѣ тюрьмы не возможно. Публика приводится обыкновенно къ тѣмъ арестантамъ, которые на хорошемъ счету у начальниковъ, да притомъ всякій изъ нихъ побоится сдѣлать дурной отзывъ о тюрьмѣ, чтобы не навлечь на себя въ будущемъ гнѣвъ. Я видѣлъ здѣсь двоихъ заключенныхъ; оба сидѣли за воровство. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ 40, по виду довольно худой и болѣзненный. Онъ занимался рѣзьбою на деревѣ *). Видно было, что онъ уже привыкъ къ подобнымъ посѣщеніямъ, — хотѣлъ даже какъ будто похвастать устройствомъ тюрьмы; показалъ свою библіотеку, въ которой, сверхъ обыкновенныхъ книгъ, былъ учебникъ естественной исторіи, не помню чей, и 2-я часть ариѳметики (онъ былъ въ 3-мъ классѣ). Другой арестантъ, къ которому мы впрочемъ заходили на минуту, занимался слесарнымъ ремесломъ; онъ готовилъ краны для газа.

Такова внѣшняя обстановка арестантской жизни; время распредѣлено слѣдующимъ образомъ: арестанты встаютъ лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимою въ 5½, по звонку. Затѣмъ, въ центральной залѣ чиновники поютъ утреннія молитвы, и каждый заключенный долженъ читать то же въ кельи. По прошествіи 10 минутъ смотрителя разносятъ воду и принадлежности работъ, а арестанты должны прибирать свои кельи: затѣмъ слѣдуетъ завтракъ (½ часа) изъ ¾ кварты супа и ½ ф. хлѣба. Послѣ завтрака начинается работа и продолжается до самаго обѣда, прерываясь только на ½ часа, или ¾ часа для прогулки и на часъ для занятій въ церкви, или въ школѣ. Въ 12 часовъ имъ приносятъ обѣдъ, 1 кварту ка-

ному начальству, исполнять работы съ прилежаніемъ, быть внимательнымъ въ школѣ и церкви; заботиться о чистотѣ и порядкѣ въ кельи; не дѣлать ни малѣйшей попытки сообщенія съ заключенными; ему строго воспрещается пѣть, кричать, свистать, какъ въ кельѣ, такъ въ школѣ и церкви. За несоблюденіе этихъ правилъ полагается дисциплинарное наказаніе.

*) Эта работа здѣсь самая употребительная и количество разныхъ издѣлій, приготовляемыхъ Моабитомъ, довольно значительно; очень много ихъ, по словамъ инспектора, отправляется въ Петербургъ. Между различными вещами, которыя я тамъ видѣлъ, многія отличались чрезвычайно изящнымъ вкусомъ и чистотою отдѣлки. Рисунки для нихъ также по большей части дѣлаются арестантами.

кого-нибудь кушанья, преимущественно супа и $1/_2$ ф. хлѣба (кормятъ здѣсь вообще несравненно хуже, чѣмъ напр. въ англійскихъ и ирландскихъ тюрьмахъ; мясо полагается только 4 раза въ годъ); на обѣдъ имъ дается часъ; это время они могутъ употреблять по своему произволу. Послѣ обѣда начинается снова работа. Роды занятій здѣсь довольно разнообразны; запрещаются только производящія дурныя испаренія, а также устраняются, по возможности, работы чисто механическія, такъ-какъ главная цѣль заведенія не только научить ремеслу, могущему прокормить въ будущемъ, но кромѣ того—стараться подѣйствовать работой на духовную сторону человѣка. Въ Моабитѣ, находятся: ткачи, разматывальщики бумаги, столяры, рѣзчики, сапожники, портные, слесаря, точильщики изъ кости, и т. д. Работы отданы здѣсь на подрядъ и за каждую сдѣланную вещь платится по таксѣ. Изъ заработковъ $1/_6$ идетъ на заключеннаго и притомъ $1/_2$ этой части лично ему, а другая откладывается и изъ нея составляется капиталъ, отдаваемый заключенному при оставленіи тюрьмы.

Въ $5\,1/_2$ часовъ приносятъ вечерній ужинъ, тоже изъ $3/_4$ кварты супа и $1/_2$ ф. хлѣба. Въ 7 часовъ работы оканчиваются и всѣ принадлежности ихъ уносятся смотрителемъ. Затѣмъ, на главной площадкѣ начинается вечернее пѣніе, по возможности, всѣхъ смотрителей, съ участіемъ директора и инспекторовъ.

По наблюденіямъ, сообщаемымъ отчетомъ и Schück'омъ, «это вечернее пѣніе, разносясь по кельямъ, наполняетъ утомленную душу арестантовъ гармоніею и покоемъ, поселяетъ въ нихъ новыя, глубокія и прекрасныя чувства». Но относительно музыки вообще, Моабитъ поставленъ очень неудачно. Во 1-хъ, возлѣ него находятся казармы и звуки воинственныхъ маршей нарушаютъ по временамъ собою мирную тишину; да кромѣ того, вокругъ тюрьмы расположено еще нѣсколько увеселительныхъ садовъ, такъ что часто, говоритъ Schück, вечерняя молитва, особенно по воскресеньямъ и праздникамъ, прерывается звуками польки или чѣмъ-нибудь изъ таковыхъ. Вслѣдствіе этого, заключенные, продолжаетъ онъ, возвращаются мысленно къ своему промыслу, припоминаютъ міръ и его удовольствія, что́ уничтожаетъ и разрушаетъ доброе, приносимое тюрьмою, тѣмъ болѣе, что эта музыка продолжается ночью и вслѣдствіе глубокаго молчанія тюрьмы дѣлается еще болѣе слышною». Дѣйствительно, нужно согласиться, что подобное обстоятельство должно значительно усиливать тягость тюремнаго заключенія.

Представленный мною порядокъ арестантской жизни измѣняется только по праздникамъ, когда дается больше свободнаго времени, которое заключенные могутъ употреблять по своему усмотрѣнію. Въ этомъ самопроизвольномъ выборѣ занятій всего сильнѣе высказывается характеръ заключеннаго; большею частію они приготовляютъ уроки, заданные имъ въ школѣ, рѣшаютъ задачи; но всего болѣе и охотнѣе занимаются рисованіемъ, преимущественно разныхъ моделей. Они составляютъ здѣсь цѣлыя коллекціи рисунковъ, изъ которыхъ многіе, по выходѣ изъ тюрьмы, примѣняютъ къ практикѣ.

Постоянная работа въ кельѣ прерывается довольно частыми посѣщеніями чиновниковъ. Число посѣщеній въ день здѣсь не опредѣлено, какъ въ Брухзалѣ, но старшіе чиновники: директоръ, инспекторъ и духовные должны посѣтить каждую келью по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, а начальники отдѣленій и начальники работъ—ежедневно. Каждый начальникъ отдѣленія ведетъ особенную Rapport-Buch, гдѣ записываетъ всѣ случаи, бывшіе въ его отдѣленіи; эти отчеты сводятся ежедневно оберъ-надзирателемъ въ одинъ, который представляется директору. Кромѣ того, духовные, учителя и врачъ представляютъ особенные отчеты.

Цѣль этихъ посѣщеній — разговоръ съ заключеннымъ и нравственное воздѣйствіе на него; понятное дѣло, что здѣсь надо быть чрезвычайно осторожнымъ, чтобы по возможности не дать даже замѣтить преступнику этой, такъ сказать, ловли души. Всякая непокорность чиновникамъ строго наказывается, такъ-какъ военная дисциплина и полная покорность—главныя правила заведенія; но впрочемъ, замѣчаетъ отчетъ, любовь и заботливость начальства смягчаетъ эту суровость и поселяетъ хорошія отношенія между нимъ и заключенными.

Я считаю еще не лишнимъ сообщить, на основаніи отчета, свѣдѣнія о состояніи здоровья и объ издержкахъ тюрьмы.

Общее состояніе здоровья, по отзыву здѣшняго врача г. Гейма, было довольно хорошо, не говоря, разумѣется, о незначительныхъ болѣзняхъ, которыя часты и въ обыкновенной жизни. Особенныхъ болѣзней, происходящихъ собственно отъ одиночной системы, по его словамъ, нѣтъ.

Число всѣхъ заключенныхъ въ 1857—1860 было 452, 554, 564, 593, изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ ежедневно больныхъ: 15, 21, 22, 17; умерло 8, 9, 9, 7; что составляло слѣдующій %: $1^3/_4$, $1^2/_3$, $1^1/_2$, $1^1/_5$. Самоубійство во всѣ четыре года только одно,

между тѣмъ, какъ во всѣхъ прусскихъ уголовныхъ тюрьмахъ было 27. Изъ числа 35 умершихъ — 26 умерло отъ туберкулозныхъ болѣзней. Число душевныхъ болѣзней, какъ объясняетъ врачъ, вслѣдствіе тихой жизни, заботливости начальства, правильности работъ и т. д., было всего 1, да кромѣ того 7 галлюцинацій.

Что касается до финансовой части, то отчетъ ничего не говоритъ объ издержкахъ собственно на одиночную тюрьму, а только на всѣ три отдѣленія Моабита вмѣстѣ. На каждаго арестанта валоваго расхода было въ 1858 г. около 130 талер.; въ 1859 около 137, а чистаго въ 1858 около 76 тал. 4 sg., а въ 1859 около 80 тал. 25 sg.

Таково состояніе тюрьмы по офиціальнымъ отчетамъ. Дать объ ней какой-нибудь рѣшительный приговоръ не возможно: она существуетъ всего 6 лѣтъ, да и изъ нихъ за послѣдніе два года мы не имѣемъ никакихъ статистическихъ данныхъ. Офиціальный отчетъ доходитъ только до 1860 года; частныя сочиненія, которыхъ вообще очень немного [2]), останавливаются тоже на этомъ времени. Причина этого та, что проникнуть въ святилище тюрьмы, получить дѣйствительныя цифры можно только избраннымъ. «Rauhen Haus» ревниво бережетъ себя отъ постороннихъ глазъ. Я уже нѣсколько разъ указывалъ, какъ недостаточны, неполны цифры, сообщаемыя отчетомъ. Я долженъ еще прибавить, что вообще способъ принятый прусскимъ правительствомъ, сообщать публикѣ только «Mittheilungen», выдержки изъ отчетовъ, представляемыхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, очень не удобенъ. Очевидно, что составитель извлеченій придаетъ имъ субъективный характеръ, обративъ вниманіе только на то, что ему кажется важнымъ и давая изъ остальнаго только общія цифры, а результатомъ этого всегда будетъ отчетъ въ родѣ настоящаго. Одно только ясно выдается въ отчетѣ—характеристическая черта Моабита — сильное преобладаніе теократическаго элемента.

Вопросъ о значеніи религіознаго элемента въ тюрьмахъ стоитъ теперь на виду, и потому я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ, и постараюсь указать на разрѣшеніе его въ прусскихъ тюрьмахъ, т. е. на значеніе братства Rauhen Haus'a, какъ тюремныхъ служителей.

---

*) Мнѣ извѣстны, кромѣ Schück'a, Böhlau: die Einzelnhaft in Preussen, 1861; Ortloff: das Zellengefängniss in Moabit, 1861,—и Quistorp: das Zellengefängniss in Moabit, 1859. Этимъ, кажется, и исчерпываются всѣ новѣйшія сочиненія о здѣшнихъ тюрьмахъ.

Недостатокъ нравственнаго чувства, неразличеніе понятій добра и зла—одинъ изъ элементовъ преступленія; задача тюрьмы восполнить этотъ недостатокъ, указать преступнику на правильныя отношенія людей въ обществѣ, дать ему понятіе о Богѣ, какъ источникѣ любви и мира; тогда только можно надѣяться принести благотворные результаты, тогда освобожденные изъ нея будутъ дѣйствительно въ состояніи начать новую жизнь. Ясно, что одними правилами, уставами здѣсь ничего не достигнешь; нигдѣ такъ сильно не выдается значеніе личнаго труда, какъ въ дѣлѣ воспитанія, а особенно воспитанія нравственнаго, и притомъ воспитанія не ребенка, болѣе или менѣе легко поддающагося вліянію учителя, а человѣка уже окрѣпшаго, хорошо знакомаго съ жизнію, а потому часто слишкомъ критически относящагося къ словамъ наставника. Поэтому, личный составъ тюремнаго начальства, играетъ большую роль. Вотъ здѣсь-то и выступаетъ религіозная партія, требующая введенія въ тюрьму христіанскихъ братствъ, въ родѣ Rauhen Haus'а *). Они говорятъ, что только люди, вполнѣ отдавшіе себя тюремному служенію, проникнутые одною мыслью, стремящіеся къ одной цѣли: спасенію погибшей души, могутъ оказать благотворное вліяніе на тюрьмы; только одно христіанство, по ихъ мнѣнію, можетъ указать надлежащій способъ обращенія съ заключенными.

Относительно Rauhen Haus'а, этого братства внутренней миссіи, какъ оно себя называетъ, присоединяется и еще одно обстоятельство; оно, кромѣ интересовъ небесныхъ, слишкомъ не оставляетъ интересовъ земныхъ, и потому требуетъ серьезнаго вниманія со стороны общества.

Дѣйствительно, возникновеніе и развитіе этого братства представляетъ странное явленіе. Въ XIX стол., въ протестантской Германіи повторяется явленіе давно минувшихъ вѣковъ, вновь воспроизводится, хотя и подъ измѣненными формами братства Игнатія Лойолы. Всѣми силами старается отстранить отъ себя братство Rauhen Haus'а названіе ордена, отрицаетъ всякую солидарность съ католическимъ монашествомъ, но для всякаго безпристрастнаго наблю-

*) Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ Вихернъ, высказавшій это въ рѣчи о тюремномъ вопросѣ по отношенію къ исторіи и христіанству, сказанной въ 1859 г. въ собраніи евангелическаго общества въ Берлинѣ, а также въ его брошюрѣ: «Rauhen Haus, seine Kinder und Brüder — 1861; потомъ Duhn: die Gefängnissfrage, 1862 и др.

дателя это только споръ о фразахъ, а не о смыслѣ. Правда, въ основанiи общества лежатъ протестантскiе, а не католическiе догматы, члены его не даютъ торжественнаго обѣта, не имѣютъ даже особеннаго костюма; въ этомъ XIX вѣкъ взялъ свое, но и только. Замкнутость общества отъ остальнаго мiра, крѣпкая связь членовъ не обѣтомъ, а болѣе существенными имущественными отношенiями, строгая подчиненность уставамъ и начальству братства даютъ полное право назвать его орденомъ. Въ чемъ же состоитъ его цѣль? Внутренняя миссiя, обращенiе въ христiанство народа, уже носящаго названiе христiанъ. Мiръ—для него враждебный лагерь, борьба съ которымъ, постоянная, упорная—его лозунгъ, его знамя. Здѣсь-то и высказывается всего сильнѣе его сходство съ Iезуитами; средства не есть главное: нужды нѣтъ, что въ нихъ примѣшалось нѣчто и отъ мiра сего—лишь бы достигнуть побѣды! Но идея христiанства слишкомъ всеобъемлюща, отъ нея еще далеко до того узкаго пiетизма, до того ханжества и лицемѣрiя, къ которому ведетъ пропаганда Rauhen Haus'a, о которой говорятъ его дѣла, которая обусловливается наконецъ полуобразованiемъ его членовъ. Всего сильнѣе распространяется братство въ Пруссiи. Укоренившись подъ защитою Вихерна (директора прусскихъ тюремъ и въ тоже время главы братства) въ Моабитѣ, оно постепенно пускаетъ ростки въ другiя тюрьмы, а попавъ куда-нибудь разъ, оно скоро разрастается и мало по малу вытѣсняетъ все ему чуждое. Въ его учредителѣ, по справедливому замѣчанiю Гольцендорфа, виденъ превосходный администраторъ; основная идея проведена необыкновенно тщательно во всѣ подробности.

Братство «суроваго дома» возникло первоначально въ Гамбургѣ, какъ воспитательное заведенiе для безпризорныхъ сиротъ и малолѣтнихъ преступниковъ; эта дѣятельность его, какъ по цѣли, такъ отчасти и по результатамъ стоитъ выше всякихъ упрековъ. Въ это же время была открыта семинарiя для приготовленiя учителей и чиновниковъ, первоначально только для своего же заведенiя *). Но потомъ, когда число ихъ увеличились, они стали поступать и въ другiя мѣста, всегда и вездѣ сохраняя свое единство, всегда имѣя въ виду свое братство, служить которому они обязаны всѣми силами; изъ нихъ-то и составилось постепенно то общество, ко-

---

*) Устройство семинарiи Rauhen Haus'a, съ педагогической стороны было изложено въ Журналѣ для воспитанiя за нынѣшнiй годъ.

торое носитъ теперь названіе «Rauhen Haus'а и число членовъ котораго простирается до 400. Духовные, учителя, чиновники тюремъ и воспитательныхъ домовъ, купцы, служителя при желѣзныхъ дорогахъ — считаются теперь между его членами; ни одно занятіе не должно быть пренебрѣжено, лишь-бы оно принесло пользу обществу и выгоду занимающемуся имъ лицу, говоритъ уставъ братства. Весь міръ земной должно обнять оно собою. Уже теперь члены его находятся, кромѣ Германіи, въ Англіи и даже въ Америкѣ; малые числомъ, они представляютъ страшную силу, вслѣдствіе крѣпко-сплоченной организаціи, вслѣдствіе основнаго начала доставлять во всемъ побѣду братству.

Еще въ семинаріи начинается ихъ отдѣленіе отъ міра и сплоченіе между собою; они живутъ здѣсь въ одной комнатѣ, подъ самою строгою дисциплиною. По выходѣ оттуда, часть ихъ остается при воспитательномъ заведеніи (Hausbrüder), но большая часть дѣйствуетъ внѣ его, преимущественно въ Пруссіи (Sendbrüder). Главныя правила для каждаго Sendbrüder'а состоятъ въ слѣдующемъ:

Во первыхъ, каждый день они должны прочитывать особенныя молитвы, составленныя управленіемъ братства и напоминающія постоянно о единствѣ ихъ общества. Они должны разъ или два пріѣзжать въ Гамбургъ для общаго богослуженія и причащенія, если только не будетъ какихъ-нибудь особенныхъ препятствій. Мѣста для нихъ, какъ я уже сказалъ, выбираетъ управленіе братства; оно заключаетъ условія съ начальствомъ того мѣста, на которое, поступаетъ Brüder и въ этихъ условіяхъ подробно опредѣляются права и обязанности обѣихъ сторонъ. Каждый Sendbrüder обязанъ строго исполнять эти правила подъ страхомъ наказанія. Измѣненіе этихъ условій, оставленіе мѣста и принятіе новаго можетъ быть сдѣлано только съ согласія Vorstcher'а или кураторіи. Самовольное же оставленіе, или вступленіе въ должность подлежитъ наказанію.

Если кому-нибудь изъ членовъ братства понадобится помощникъ, то онъ всѣми силами долженъ стараться взять его изъ членовъ своего общества, помимо другихъ лицъ. Притомъ каждому изъ этихъ молодыхъ сочленовъ они должны помогать совѣтомъ и примѣромъ, какъ въ дѣлѣ вѣры, такъ и въ служебныхъ обязанностяхъ.

Уступка изъ этого правила сдѣлана только въ пользу нѣкоторыхъ вновь возникшихъ евангелическихъ обществъ, какъ напр.

Johannisstift'а въ Берлинѣ, чтобы, какъ говоритъ 16 § ихъ устава, избѣжать непріязненныхъ столкновеній между этими орденами и управленіемъ Rauhen Haus'а. Братья должны наблюдать другъ за другомъ относительно исполненія своихъ обязанностей, помогаютъ другъ другу совѣтомъ, не мѣшаясь только въ техническую часть; если же они видятъ, что братъ находится въ опасности совратиться съ пути и пасть, то они обязаны донести начальству, чтобы оно немедленно приняло средства для спасенія погибающей души.

Каждый изъ братьевъ обязывается хранить миръ и любовь со всѣми, строгую и справедливую жизнь въ словахъ и дѣлахъ. Они даютъ обѣтъ безбрачія, пока не получатъ имущественной возможности жить самостоятельно (срокъ назначается Vorsteher'омъ). При выборѣ жены они должны обращать главное вниманіе на то, можетъ-ли она помогать ему въ дѣлѣ миссіи и притомъ онъ долженъ предварительно получить отъ Vorsteher'а согласіе на женитьбу. Товарищи должны удерживать его отъ неудачнаго выбора, помогать ему совѣтами; а если онъ не слушаетъ, то доноситъ Vorsteher'у. Въ случаѣ непокорства, хотя жениться не запрещается, но за нимъ усиливается наблюденіе и при малѣйшемъ проступкѣ съ его стороны онъ подвергается наказанію.

Въ случаѣ столкновенія между братьями, они обязываются не выносить сора изъ избы, а прибѣгать къ рѣшенію своихъ собственныхъ судовъ. На исполненіе всѣхъ этихъ постановленій каждый членъ даетъ торжественную присягу, въ присутствіи Vorsteher'а и членовъ братства и скрѣпляетъ это собственною подписью.

Весьма важнымъ средствомъ для поддержанія духа единства между братьями служатъ, такъ называемыя, окружныя письма, (Rundschreiben), въ которыхъ они должны описывать всѣ важнѣйшія происшествія ихъ общественной и семейной жизни, ихъ мысли, сомнѣнія, и т. д. Эти письма должны составлять тайну для постороннихъ, потому что общество есть фамилія, говоритъ одно изъ такихъ писемъ, а каждая фамилія имѣетъ свои тайны, въ которыя никто не долженъ проникнуть. Но такъ какъ эти письма литографировались, то, не смотря на предосторожности, нѣкоторыя изъ нихъ проникали въ публику, вслѣдствіе чего, прибавляетъ то же окружное письмо 1853 года, приходится умалчивать о многихъ даже весьма важныхъ вещахъ. Чтобы помочь этому горю, въ 1853 же году заведены, по предложенію господина Вихерна, особые такъ называемые летучіе листки (Fliegende Blätter), которые литогра-

фируются шифрами; ключь отъ этихъ шифровъ извѣстенъ только братьямъ.

За неисполненіе всѣхъ этихъ правилъ, какъ я уже говорилъ, братья подлежатъ наказаніямъ: лишенію права участія въ общей кассѣ (устроенной ими для поддержанія нуждающихся членовъ, а также для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ), а главное «excommunicatio», то есть удаленіе изъ братства, которое, по словамъ Schück'a, влечетъ за собою обыкновенно и удаленіе отъ должности.

Этому строгому контролю, строгому подчиненію членовъ соотвѣтствуетъ и администрація братства.

Въ главѣ управленія стоитъ кураторія изъ 6-ти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Vorsteher'a братства — Вихерна; она есть представительница братства во внѣшнихъ сношеніяхъ, имѣетъ верховный надзоръ за оберъ-конвиктомъ, а также за доходами и расходами братства. За нею слѣдуетъ оберъ-конвиктъ, учрежденный въ 1858 году; онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Ober-convictmeister'a Вихерна; главное занятіе его есть наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ братства, а также высшій дисциплинарный судъ. Подъ вѣдомствомъ этого оберъ-конвикта состоятъ простые конвикты, изъ 6—8 членовъ; такихъ конвиктовъ теперь болѣе 40; изъ нихъ въ одномъ Моабитѣ 6. Главное начало ихъ — христіански-полицейскій надзоръ другъ за другомъ; но, чтобы не придать этимъ конвиктамъ слишкомъ большой самостоятельности, и чтобы всячески прикрѣпить ихъ къ центру, существуетъ правило, что они не могутъ сноситься непосредственно другъ съ другомъ, а должны обращаться для этого къ оберъ-конвикту. Низшіе конвикты распадаются снова на два вида: такъ называемые замкнутые конвикты члены которыхъ находятся въ одномъ заведеніи, или по крайней мѣрѣ въ одномъ городѣ, и Correspondenz-convict'ы, члены которыхъ разбросаны. Члены каждаго замкнутаго конвикта должны собираться чрезъ каждыя двѣ недѣли, если они находятся въ одномъ домѣ, и черезъ 4 или 6 недѣль, если въ одномъ городѣ. На этихъ собраніяхъ, послѣ молитвы прочитывается сначала списокъ всѣхъ наличныхъ членовъ общества, чтобы память объ нихъ не ослабѣвала; затѣмъ братья начинаютъ разговаривать между собою; по уставу они должны укрѣплять другъ друга въ вѣрѣ, сообщать о прочитанныхъ ими книгахъ и о впечатлѣніи, произведенномъ ими на нихъ, давать совѣты о служебной дѣятельности и т. д. Впрочемъ. Гольцендорфъ приводитъ слова одного лица, близко знакомаго съ брат-

ствомъ, которое говоритъ, что въ дѣйствительности разговоръ въ этихъ собраніяхъ болѣе вертится на томъ: кто и что сказалъ о Rauhen Haus'ѣ, что́ дѣлаетъ Вихернъ въ пользу дома и о другихъ преимущественно суетныхъ предметахъ.

Таково устройство общества, которымъ, по закону 1856 года 5-го іюля, вслѣдствіе предложенія главнаго директора тюремъ въ Пруссіи г. Вихерна, замѣнены бывшіе до тѣхъ поръ служителя въ Моабитѣ изъ отставныхъ военныхъ. Теперь подъ покровительствомъ своего Vorsteher'а Вихерна оно утвердилось уже въ 8-ми прусскихъ тюрьмахъ.

Послѣ сказаннаго мною, мнѣ кажется можно видѣть значеніе этого общества. Теперь въ Моабитѣ составились какъ бы двѣ стороны: высшее начальство и низшее; изъ которыхъ послѣднее, вслѣдствіе своей правильной организаціи и многочисленности, совершенно парализируетъ дѣйствія перваго; очевидно, что директоръ долженъ дѣйствовать въ одномъ духѣ съ ними, иначе результаты могутъ быть не совсѣмъ благопріятны для него, какъ напр. переводъ бывшаго директора Schück'а. Чрезъ тайну, облекающую ихъ дѣйствія, чрезъ неполное сообщеніе статистическихъ свѣдѣній, они покрываютъ неизвѣстностью результаты своихъ дѣлъ; я могу только прибавить, что христіанская любовь къ заключеннымъ, которою они такъ гордятся, на которую особенно указываетъ отчетъ, не совсѣмъ-то гармонируетъ съ смертью арестанта Бразе въ 1861 году, въ Lattenkammer, съ убійствомъ другаго арестанта смотрителемъ Куглеромъ въ 1859 году, наконецъ съ показаніями освобожденныхъ изъ тюрьмы, выдержки изъ которыхъ помѣщены въ брошюрахъ Гольцендорфа. Въ заключеніе, я сгруппирую нѣсколько взглядовъ о дѣятельности этого общества въ тюрьмахъ.

Начинаю съ отчета, т. е. другими словами съ мнѣнія Вихерна, составлявшаго его.

Весь духъ тюремнаго управленія, говоритъ онъ, долженъ быть направленъ къ поднятію нравственнаго чувства заключеннаго и наведенію его на путь истинный; для достиженія этого, съ ревностью къ службѣ должна соединяться христіанская любовь къ заключеннымъ; въ нихъ служителя должны видѣть только падшихъ и страдавшихъ братій. Члены общества Rauhen Haus'а, съ полнымъ самоотверженіемъ отдаются своему дѣлу, стараются неутомимо поддерживать другъ друга, а потому съ успѣхомъ выполняютъ свое

назначеніе. Другой оттѣнокъ уже замѣтенъ въ словахъ Schück'а, принадлежащаго тоже къ религіозной партіи.

Цѣлые 4 года, говоритъ онъ, пришлось мнѣ прослужить съ весьма многими членами этого братства (40). И я долженъ сознаться, что какъ всѣ вообще, такъ и многіе въ отдѣльности внушали къ себѣ полную любовь и уваженіе. Нѣкоторые изъ нихъ были полны любви къ заключеннымъ, истинное благословеніе покоилось на ихъ дѣлахъ, и я могу считать за счастье, что могъ служить съ ними; они были образцами не только въ служебной, но и въ семейной жизни. Изъ остальныхъ многіе, продолжаетъ онъ, были слишкомъ раздражительны и суровы; многимъ не доставало образованія, другіе по причинѣ молодости были слишкомъ неопытны въ тюремномъ дѣлѣ. (Значитъ большинство изъ нихъ было почти негодно къ службѣ, такъ какъ безъ опытности. и безъ умѣнья надлежащимъ образомъ обращаться съ преступникомъ, не можетъ быть успѣха).

Гойеръ, директоръ тюрьмы въ Фехтѣ (въ Ольденбургѣ) говоритъ, что въ его тюрьму были приглашены для опыта двое изъ Rauhen Haus'а. Одинъ изъ нихъ былъ очень дѣятельный и умный человѣкъ, но вслѣдствіе его исключительно религіознаго направленія—не могъ оставаться въ тюрьмѣ; онъ хотѣлъ, чтобы всѣ дѣйствовали въ его духѣ, онъ умничалъ въ своемъ высокомѣріи надъ учителями и духовными и доводилъ заключенныхъ нерѣдко до сумашествія, слишкомъ развивая въ нихъ мистическую сторону. Другой былъ скоро удаленъ изъ тюрьмы, какъ порочный лицемѣръ и льстецъ.

Профессоръ Миттермайеръ говоритъ слѣдующее: сочлены подобныхъ орденовъ, даже желающіе принести добро, дѣйствуютъ часто слишкомъ односторонне, обращеніе ихъ иногда слишкомъ изобилуетъ фанатизмомъ; они оказываются не практичными и при обращеніи съ заключенными не имѣютъ надлежащаго такта.

Наконецъ, профессоръ Гольцендорфъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ братства, требуетъ безусловнаго удаленія его изъ государственной службы, какъ общества, противорѣчащаго, по своимъ началамъ, идеѣ государства, какъ чиновниковъ вредныхъ для тюрьмы и способствующихъ только развитію лицемѣрія и ханжества.

Наконецъ, противъ нихъ высказался цѣлый рядъ лицъ, пользующихся полнымъ авторитетомъ въ тюремномъ вопросѣ, какъ напр. Ельверсъ, директоръ тюремъ въ Лейхтенбергѣ, Фюселинъ, Мозеръ,

бывшій директоръ въ С.-Галленѣ; Варрентрапукъ, Дюкпетье, директоръ тюремъ въ Бельгіи и многіе другіе*).

Берлинъ, $\frac{\text{23-го іюня}}{\text{5-го іюля}}$ 1863 года.

51) Магистра Николая Бугаева.

Руководясь совѣтами профессоровъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ, я выбралъ для своихъ занятій въ настоящемъ семестрѣ Берлинскій университетъ. Ученая извѣстность нѣкоторыхъ профессоровъ математическаго отдѣла этого университета достаточно ручалась въ той пользѣ, которую можно было извлечь изъ этого выбора.

Прибывши въ Берлинъ и записавшись въ число студентовъ, я сталъ посѣщать преимущественно лекціи профессоровъ Вейерштрасса и Куммера. Каждый изъ нихъ излагаетъ въ текущемъ семестрѣ по два предмета. Вейерштрассъ читаетъ: 1) приложеніе эллиптическихъ функцій къ различнымъ вопросамъ геометріи и механики, и 2) введеніе въ теорію абелевыхъ функцій.

Впрочемъ, въ началѣ семестра Вейерштрассъ, вмѣсто приложенія эллиптическихъ функцій, излагалъ самую ихъ теорію, какъ продолженіе курса, читаннаго имъ въ предшествующемъ семестрѣ. Оригинальность его изложенія, а также желаніе лучше усвоить содержаніе его настоящихъ чтеній, побудили меня познакомиться съ его курсомъ эллиптическихъ функцій, читаннымъ въ предшествующемъ семестрѣ, въ чемъ мнѣ помогли записки, составленныя Александромъ Васильевичемъ Бесселемъ. Изложеніе эллиптическихъ функцій у Вейерштрасса совершенно своеобразно.

Послѣ нѣсколькихъ общихъ теоремъ, относящихся къ интеграламъ, дифференціальныхъ уравненій, у которыхъ начальная и первая производная связаны алгебраическимъ уравненіемъ, Вейерштрассъ прямо приступаетъ къ преобразованію эллиптическихъ функцій и

---

*) Боясь слишкомъ увеличить размѣры моего отчета, я ограничился только краткимъ очеркомъ дѣятельности Rauhen-Haus'а. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ можно найти въ брошюрахъ: Гольцендорфа: Gesetz oder Verwaltungsmaxime—1861; die Brüderschaft des Rauhen Hauses — 1861., der Brüderorden des Rauhen Hauses—1862.; брошюры Duback'а: Die Propaganda des Rauhen Hauses und das Johannesstift in Berlin, 1862; брошюры Schück'а а также въ уставѣ общества, опубликованномъ въ 1858 году, и въ приведенныхъ мною выше статьяхъ Вихерна.

приводитъ ихъ къ основному виду $\left(\frac{ds}{du}\right)^2 = 4s^3 - \delta s - \varepsilon$, гдѣ δ и ε инваріанты уравненія... Общая эллиптическая функція x, удовлетворяющая дифференціальному уравненію $\left(\frac{dx}{du}\right)^2 = Rx$, гдѣ Rx полиномъ 4-й степени, связывается въ этомъ преобразованіи съ эллиптическою функцію s уравненіемъ 2-й степени относительно x и s.

Для интегрированія основнаго дифференціальнаго уравненія $\left(\frac{ds}{du}\right)^2 = 4s^3 - \delta s - \varepsilon$, онъ вводитъ вспомогательную функцію δu, связанную съ эллиптическою $s = \psi u$ уравненіемъ $\frac{d^2 \lg \delta(u)}{du^2} = -s$ и доказываетъ, опираясь на теоремѣ, изложенной имъ въ сочиненіи «Theorie der Abelschen Functionen», что рядъ $\delta(u)$ будетъ постоянно сходящимся. Кромѣ этой, онъ вводитъ еще вспомогательныя функціи $\delta(u, a) = \delta(u)$, $\delta(u, b) = \delta(u)_2$, $\delta(u, c) = \delta(u)_3$, обладающія аналогичными свойствами и зависящія отъ a, b, c трехъ корней уравненія $4s^3 - \delta s - \varepsilon = o$. Затѣмъ, подробно развивается взаимная зависимость этихъ функцій, опредѣляются нули, безконечности, періоды эллиптической функціи ψu, показывается выраженіе общей эллиптической функціи x по $\delta(u)$; находится связь $\delta(u)$ съ функціями sinamu, csamu, $\triangle$ amu, взаимныя соотношенія $\delta(u)$ при различныхъ аргументахъ и ея отношенія къ функціямъ якобіевымъ $\zeta(u)$, и наконецъ дается разложеніе $\psi(u)$ и $\delta(u)$ по синусамъ въ безконечные ряды и безконечныя произведенія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность его прежнихъ чтеній объ этомъ предметѣ. Въ настоящій семестръ до 8-го іюня онъ исключительно продолжалъ недоконченный имъ курсъ эллиптическихъ функцій.

Изложивъ нѣкоторыя общія свойства двоякопеによる періодическихъ функцій, и доказавъ, что всякая такая функція x можетъ раціонально выражаться по $\psi(u)$ и ея производной $\varphi'(u)$, онъ уяснилъ, въ какой зависимости находится общее выраженіе $F(x, \sqrt{Rx})$ отъ $\psi(u)$ и $\delta(u)$, если F раціональная функція. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой зависимости была возможность найти общій видъ разложенія интеграла $\int F\left(x, \frac{dx}{du}\right) du$. Разложеніе это, требуя опредѣленія тѣхъ величинъ $u_1, u_2, u_3, \ldots u_n$, для которыхъ дифференціальный коэффиціентъ обращается въ безконечность, дало возможность очень ясно обнаружить характеръ и свойства этого интеграла. Подробный разборъ членовъ разложенія привелъ къ раціональному подраздѣленію

подобныхъ интеграловъ на три группы и обнаружилъ отличительныя свойства и необходимыя условія, которымъ подчиняется каждая изъ нихъ. Для лучшаго уясненія этой статьи Вейерштрассъ разобралъ такой частный примѣръ, который, по его словамъ, встрѣчается почти во всѣхъ приложеніяхъ эллиптическихъ функцій, и прибавилъ въ заключеніе дѣйствительное разложеніе $\delta(u)$ и $\varphi(u)$ въ рядъ по степенямъ и съ коеффиціентами, зависящими отъ δ и ε.

Приложеніе эллиптическихъ функцій, какъ я уже упомянулъ, Вейерштрассъ началъ 8-го іюня. Первымъ примѣромъ ему послужила геометрическая задача, состоящая въ опредѣленіи длины лемнискаты. Опредѣливъ выраженіе элемента дуги лемнискаты по радіусу вектору, и показавъ, что онъ есть въ этомъ случаѣ двоякопеіодическая функція, Вейерштрассъ, послѣ приведенія къ своему основному виду, занялся частнымъ разборомъ этой эллиптической функціи. Выразивъ всѣ результаты въ вспомогательныхъ функціяхъ $\delta(u)$, $\delta(u)_1$, $\delta(u)_2$, $\delta(u)_3$, онъ перешелъ къ вопросу о дѣленіи лемнискаты на нѣсколько частей. Для этого онъ тутъ же изложилъ теорію умноженія эллиптическихъ функцій, разобралъ числителя и знаменателя въ выраженіи $\psi(nu)$ по $\psi(u)$ въ случаѣ n четнаго и нечетнаго, и, пользуясь особыми частными свойствами лемнискатовыхъ функцій, показалъ, какъ этими частными свойствами облегчается вопросъ о дѣленіи лемнискаты на n частей въ томъ случаѣ, когда простое число n разлагается на произведеніе двухъ комплексныхъ чиселъ $(a+bi)$ $(a-bi)$, или, что то же, на сумму двухъ квадратовъ. Для примѣра онъ выбралъ дѣленіе лемнискаты на 5 частей, гдѣ $5=(1+2i)$ $(1-2i)$ и показалъ геометрическое построеніе, встрѣчающееся при этомъ. Другимъ примѣромъ приложенія эллиптическихъ функцій ему послужила геодизическая линія на элипсоидѣ вращенія. Послѣ этого примѣра Вейерштрассъ намѣренъ заняться приложеніемъ эллиптическихъ функцій къ изученію вращательнаго движенія твердаго тѣла около неподвижной точки.

Чтенія, составляющія введеніе въ теорію абелевыхъ функцій, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему заглавію. Вѣроятно, Вейерштрассъ имѣетъ въ виду подготовить ими своихъ слушателей къ будущему семестру, потому что, указавъ на дифференціальныя уравненія, которымъ должны удовлетворить абелевы функціи, онъ перешелъ вообще къ теоріи совокупныхъ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій съ комплекснымъ перемѣннымъ, непосредственнымъ приложеніемъ которой была теорія опредѣленныхъ интеграловъ между ком-

плексными предѣлами. Въ связи была имъ разсмотрѣна статья о разложеніи функцій по цѣлымъ степенямъ перемѣннаго, въ зависимости отъ предѣловъ сходимости, теорема Лорана, и нѣсколько соприкасающихся сюда вопросовъ.

Куммеръ излагаетъ точно такъ же два предмета: 1) теорію кривыхъ линій двоякой кривизны и кривыхъ поверхностей и 2) ученіе объ идеальныхъ и комплексныхъ числахъ (Die Lehre von den idealen und den complexen Zahlen). Пріѣхавши нѣсколько позднѣе начала семестра, я не засталъ тѣхъ лекцій Куммера, въ которыхъ онъ излагалъ теорію кривыхъ линій. Мнѣ удалось, впрочемъ, присутствовать при той лекціи, въ которой онъ только что началъ читать о кривыхъ поверхностяхъ. Предложивши общую теорію касательныхъ плоскостей, нормальныхъ линій, обертывающихъ конусовъ и особыхъ точекъ поверхностей, Куммеръ перешелъ къ изслѣдованію кривизны поверхностей. Постановивши вопросъ о кривизнѣ поверхностей въ самомъ общемъ видѣ, онъ, послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ упрощеній, остановился на изслѣдованіи главныхъ сѣченій и распространилъ выведенные результаты на косвенныя сѣченія помощію теоремы Мёнье. Затѣмъ, онъ подробно развилъ способъ Гаусса опредѣленія кривизны поверхностей помощію его Krümmungsmasse, изложенный въ его сочиненіи «Disquisitiones generales circa superficies curvas» и показалъ важность этихъ изысканій въ связи съ вопросомъ о поверхностяхъ, способныхъ быть наложенными на другія (surfaces applicables), бывшихъ предметомъ изслѣдованій Bour'а, французскаго математика.

При изложеніи теоріи образованія поверхностей движеніемъ линій и поверхностей, онъ разсмотрѣлъ поверхности цилиндрическія, коническія, развертывающіяся, прямолинейныя (geradelinege, gauches), вращенія, канало-образныя, обертывающія въ случаѣ одного и двухъ перемѣнныхъ параметровъ.

Теперь Куммеръ старается уяснить, какъ нужно изслѣдовать свойства поверхностей въ томъ случаѣ, когда онѣ выражаются уравненіемъ съ частными производными. Лекціи Куммера отличаются полнотою, ясностію и изяществомъ изложенія, обиліемъ историческихъ замѣтокъ и важными указаніями на ходъ и развитіе этого отдѣла математическаго анализа.

Въ чтеніяхъ объ идеальныхъ и комплексныхъ числахъ (въ смыслѣ теоріи чиселъ) Куммеръ изложилъ сначала нѣкоторыя свойства

тѣхъ комплексныхъ чиселъ, которыя образуются изъ корней единицы, разобралъ свойства нормы такихъ чиселъ и свойства фундаментальныхъ единицъ.

Потомъ, изслѣдуя условія необходимыя для того, чтобы норма комплекснаго числа равнялась данному простому числу, онъ обнаружилъ, что не всѣ простыя числа обладаютъ этимъ свойствомъ, и слѣдовательно, не всѣ простыя числа могутъ быть разложены на производители, составленные изъ дѣйствительныхъ комплексныхъ чиселъ. Предположивши, что разложенію удовлетворяютъ въ такомъ случаѣ идеальныя числа, онъ сталъ изслѣдовать въ дальнѣйшихъ чтеніяхъ существенныя свойства этихъ идеальныхъ чиселъ. Такъ какъ предметъ его чтеній составляетъ одно неразрывное, стройное цѣлое, то я отлагаю изложеніе содержанія его лекцій до слѣдующаго отчета, когда вся эта статья будетъ имъ уже прочитана.

Берлинъ, $\frac{\text{11-го іюля}}{\text{29-го іюня}}$ 1863 года.

52) Кандидата А. Пассовера.

Хотя я и посланъ для спеціальнаго изученія политическихъ наукъ, а Гейдельбергскій университетъ не очень богатъ преподавателями по этой части, однако я рѣшился остаться на первый семестръ въ Гейдельбергѣ по многимъ причинамъ.

Я не стану доказывать невозможности успѣшнаго занятія государственными науками безъ нѣкоторой философской и очень солидной исторической подготовки. Это разумѣется само собой, и мнѣ на самыхъ первыхъ порахъ показалось необходимымъ посвятить этимъ-то занятіямъ хоть сколько нибудь времени. Съ другой стороны, конечно, не слѣдовало упускать изъ виду и главной цѣли. Слѣд. выборъ мой долженъ былъ остановиться на такомъ университетѣ, гдѣ бы исторія, философія и политика имѣли видныхъ представителей. Но германскіе университеты блестятъ обыкновенно или философскими и историческими каѳедрами (напр. Берлинъ, Іена) или политическими и философскими (Лейпцигъ, Геттингенъ). Напротивъ, гейдельбергскіе факультеты, каждый въ отдѣльности, можетъ быть и съ трудомъ выдержатъ сравненіе съ соотвѣтствующими факультетами другихъ университетовъ, но вмѣстѣ взятые, конечно, ближе къ *идеѣ университета*, какъ выраженія организма наукъ, чѣмъ большинство односторонне-богатыхъ нѣмецкихъ университетовъ.

Я рѣшился воспользоваться такимъ счастливымъ стеченіемъ научныхъ силъ въ одномъ центрѣ и записался на слѣдующіе курсы: *Гейссера* «Римская исторія» и «Исторія французской революціи». *Целлера* «Психологія» и «Исторія философскихъ теорій государства и общества»; *Блюнчли* «Политика» и *Цёпфля* «Исторія нѣмецкаго права и государства», — итого 6-ть курсовъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ, и если при этомъ стану указывать на многіе недостатки, да не удивится читатель! Для людей въ моемъ положеніи это очень естественно. Во 1-хъ, недостатки ярче бросаются въ глаза, чѣмъ достоинства, дѣйствіе которыхъ медленнѣе, поэтому и не такъ замѣтно Во 2-хъ, отречься отъ права критики для человѣка сколько нибудь сознательно относящагося къ дѣлу — просто невозможно. Пробѣлы нашего знанія безспорно велики, но все же мы успѣли въ главныхъ чертахъ познакомиться съ важнѣйшими задачами современной науки. Если мы, съ одной стороны, и не владѣемъ всѣми ея средствами, то съ другой для насъ прошла безвозвратно пора безразличной воспріимчивости для всего того, что̀ жрецы науки намъ передаютъ ввидѣ и подъ видомъ науки. Это можетъ быть очень грустно, но это фактъ, и съ нашей стороны было бы недобросовѣстностью заглаживать его сочиненной наивностью. Наконецъ, я говорю о нѣмецкихъ профессорахъ, какъ о преподавателяхъ, вовсе не относясь къ ихъ значенію въ наукѣ, литературѣ или политикѣ. Мнѣ пріятно даже предупредить, что тамъ, въ тѣхъ областяхъ, они стоятъ еще выше, чѣмъ въ сферѣ университетскаго преподаванія.

Теперь можно откровенно поговорить о моихъ ученыхъ менторахъ за этотъ первый семестръ моихъ занятій за границей.

Курсъ *Гейссера* о французской революціи принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ въ Германіи. Можно сказать: на немъ воспиталось цѣлое поколѣніе, потому что читается онъ уже лѣтъ 20 сряду. И это обстоятельство немало отразилось на дикціи профессора. Увѣренность, съ которой онъ въ извѣстныхъ случаяхъ бьетъ на эффектъ, частое употребленіе пріемовъ почти парламентскаго краснорѣчія — все это конечно не сразу дается преподавателю и доказываетъ, что онъ вращается въ формахъ давно испробованныхъ и изъѣзженныхъ. На непривычнаго эта манера производитъ очень странное впечатлѣніе, но нѣмецкимъ студентамъ она

нравится, они привыкли къ тому, что профессоры пренебрегаютъ простотой обыденной разговорной рѣчи. Впрочемъ, этотъ недостатокъ, несносный въ обыкновенномъ преподавателѣ, не такъ важенъ, когда имѣемъ дѣло съ человѣкомъ дѣйствительно владѣющимъ даромъ слова, а въ этомъ дарѣ никто не рѣшится отказать Гейссеру. Гораздо важнѣе то, что въ самомъ обращеніи съ предметомъ видна нѣкоторая старомодность, давно оставленная новой исторической наукой — еще со временъ Шлоссера. Напримѣръ: сказать, что не энциклопедисты произвели революцію, что она продуктъ предшествовавшаго экономическаго, общественнаго и политическаго развитія — еще не большая заслуга. То есть я не отвергаю справедливости этой мысли, но думаю, что прошло то время, когда одно выраженіе подобнаго тезиса, помимо самого способа доказательствъ, было большой заслугой передъ лицомъ науки. Теперь кто не признаетъ этой идеи! выраженная такъ абстрактно она просто обращается въ пошлость. Гораздо важнѣе бы доказать ее, но это возможно лишь отчетливой, искусной группировкой фактовъ, характеризующихъ финансовые и вообще политическіе порядки до-революціонной Франціи. Гейссеръ сдѣлалъ небольшую попытку, но его очеркъ вышелъ неполонъ, неясенъ и блѣденъ. Онъ намекнулъ на какіе-то результаты, добытые во Франціи небольшой исторической школой Токвиля и Бомона (?), но не счелъ нужнымъ познакомить своихъ слушателей ближе съ этими любопытными результатами. И вотъ, послѣ фразъ, очень справедливыхъ, благонамѣренныхъ, но крайне обыкновенныхъ и не подкрѣпленныхъ осязательными фактами, новый недостатокъ Гейссера: ему кажется и въ голову не приходило отвѣчать на вопросъ, который такъ естественно долженъ возникнуть въ умахъ его аудиторіи: какъ относится его взглядъ на французскую революцію ко взглядамъ его предшественниковъ, что принадлежитъ ему и что выработано другими нѣмцами и какъ относятся новѣйшіе нѣмецкіе труды объ этой эпохѣ къ прежнимъ и новымъ трудамъ французскихъ ученыхъ? О важности *этого* недостатка излишне было бы распространяться. Исторіографія каждаго событія важна и любопытна, но исторіографія французской революціи важна еще и тѣмъ, что начиная отъ извѣстной книжки Фихте до многотомныхъ сочиненій Тьера, Мишле и Блана — она сама входитъ составнымъ элементомъ въ исторію революціи. Вмѣсто подробнаго анализа, Гейссеръ во все продолженіе курса довольствовался глухими намеками на какія-то «французскія книги» и без-

плодной полемикой съ какими-то анонимами. Это тѣмъ прискорбнѣе, что иди Гейссеръ открыто наперекоръ недоразумѣніямъ, освященнымъ авторитетами, курсъ его могъ бы служить полезнымъ регуляторомъ ходячихъ мнѣній о важнѣйшей эпохѣ новой исторіи. Воззрѣнія его либеральны. Жаль только, что горя желаніемъ низвести Робеспьеровъ и Маратовъ съ пьедестала, на который поставили ихъ революціонные инстинкты исторіографіи 1-й половины нашего столѣтія, почтенный профессоръ иногда черезъ чуръ увлекается, теряетъ должное спокойствіе и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе своей аргументаціи. Таковы три недостатка, которые можно поставить Гейссеру въ упрекъ: отсутствіе политическаго элемента, отсутствіе литературы предмета, отсутствіе спокойствія при анализѣ извѣстныхъ щекотливыхъ пунктовъ, недостатокъ влекущій за собой неумѣстные въ университетской лекціи крики, повторенія, ожесточенные возгласы. За то главная сила профессора сказывается тамъ, гдѣ французскія дѣла приходятъ въ соприкосновеніе съ нѣмецкими: тутъ онъ, словно, какъ у себя дома. Въ этомъ отношеніи его очерки дипломатическихъ смутъ и путаницъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія—образцы своего рода. Замѣчательно хороши также характеристики нѣкоторыхъ дѣятелей революціи, напр. Лафайета, Дантона. Тутъ проявляется большое умѣнье двумя-тремя свиду мелкими штрихами ярко отдѣлить историческое лицо отъ общаго фона его времени. Въ этомъ видно вліяніе манеры Ранке.

Другой курсъ Гейссера: «Римская исторія, преимущественно политическая», судя по числу слушателей, не пользуется такимъ сочувствіемъ какъ его исторія французской революціи; по моему, онъ полезнѣе и болѣе приближается къ идеѣ университетскаго курса. Тутъ Гейссеръ не претендуетъ на оригинальность воззрѣній *quand même*, но беззавѣтное признаніе авторитета Моммзена, неразъ высказанное Гейссеромъ, не мѣшаетъ ему избѣгать извѣстныхъ односторонностей славнаго берлинскаго историка. Подробная характеристика римскихъ источниковъ, Нибура и новѣйшей литературы показываетъ, что Гейссеръ очень хорошо понимаетъ необходимость такого обозрѣнія и дѣлаетъ опущеніе его въ другомъ курсѣ еще болѣе страннымъ. Наконецъ, частыя повторенія, обозрѣнія пройденнаго пути, напираніе на извѣстныя, особенно выдающіяся стороны предмета — словомъ все это, что̀ въ курсѣ французской революціи производитъ впечатлѣніе ненужной фразы — въ изложеніе римской

исторіи напротивъ вноситъ элементъ рельефности и опредѣленности, который съ помощью однѣхъ книгъ дается очень трудно. Въ изложеніи отдаленной эпохи главное и самое трудное — установленіе и воспроизведеніе правильной исторической перспективы, и наоборотъ, чрезвычайныя усилія преподавателя соблюсти перспективу въ неотдаленномъ времени совершенно излишни: она тутъ является сама собой. Внѣшнія событія такъ хорошо врѣзываются въ умѣ, что задачей преподавателя скорѣй будетъ не раздѣлять, а возстановлять связь между двумя эпохами, свиду порванную какимъ-нибудь крупнымъ политическимъ фактомъ.

Курсъ «Психологіи» *Целлера* можно назвать образцомъ хорошаго *нѣмецкаго* курса: изложеніе у него чрезвычайно отчетливое, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени книжное. Рутина предисловій, введеній и послѣсловій, отдѣловъ, подраздѣленій и параграфовъ въ полной силѣ. Объемъ отдѣльныхъ частей строго расчитанъ, экскурсы соразмѣрены съ количествомъ лекцій въ недѣлю. Словомъ, курсъ задуманъ и обдуманъ, составленъ, обработанъ и переписанъ въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ задолго до произнесенія съ каѳедры. Спора нѣтъ, это тоже своего рода достоинство, и не оцѣнить его было бы явной неблагодарностью. Но я признаюсь, что при всемъ моемъ желаніи ознакомиться съ проблемами такой важной науки какъ психологія, для меня было страшно утомительно слѣдить за подобнымъ курсомъ впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Когда профессора читаютъ нѣсколько сухо, слушатели обыкновенно прибѣгаютъ къ записыванью лекцій: переработка чужой мысли, переводъ ея съ чужаго языка раздражаетъ умственную дѣятельность и даетъ ей пищу. Въ данномъ случаѣ это спасительное средство оказывается недѣйствительнымъ, вслѣдствіе особенной манеры чтенія, очень употребительной въ нѣмецкихъ университетахъ. Большую половину лекціи Целлеръ излагаетъ скороговоркой, а остальную часть наполняетъ диктованіемъ пройденнаго изъ тщательно-переписанной тетрадки. Тутъ возможны два случая. Профессоръ либо удовольствуется диктовкой самыхъ основныхъ мыслей, оставляя въ сторонѣ ихъ мотивировку; либо постарается *in nuce* передать и свои основныя идеи и свою аргументацію. Въ первомъ случаѣ въ тетрадкѣ слушателя незамѣтно и неминуемо окажется страшный наборъ отвлеченныхъ фразъ, стройно расположенныхъ по §§; въ другомъ — профессоръ, гоняясь за полнотой, два раза будетъ повторять однѣ и тѣ же вещи. Замѣчательно, что съ курсомъ Цел-

лера случилось и то и другое. Первая его часть наполнена мыслями очень вѣрными, но чрезвычайно общими и обыкновенными, вторая часть конкретнѣе, не только потому, что самый предметъ сталъ конкретнѣе, но и потому, что профессоръ цѣликомъ сталъ вносить въ диктовку высказанное разъ уже вольной рѣчью. Незнакомому съ условіями успѣшнаго университетскаго преподаванія невозможно вообразить, какъ много профессоръ этимъ вредитъ себѣ и самому дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, за разговорнымъ изложеніемъ слушатель не станетъ слѣдить такъ внимательно, какъ бы слѣдовало, по двумъ причинамъ: 1) онъ надѣется все услышать еще разъ подъ видомъ диктовки; 2) нельзя навязывать терпѣнью слушателей *два* мало рознящіяся изложенія однѣхъ и тѣхъ же матерій, особенно если изложеніе не выходитъ изъ предѣловъ дѣльной, но не очень блестящей аргументаціи. Такимъ образомъ, первая половина чтенія во многихъ отношеніяхъ оказывается безполезной, но и вторая — диктовка и записываніе — не достигаетъ цѣли. Лекція записывается, но *подъ диктовку*, т. е. механически, безъ всякого умственнаго усилія со стороны слушателя: пишущій подъ диктовку плохо вникаетъ въ смыслъ записываемыхъ словъ. Скажутъ: за то слушатель выноситъ въ своей тетрадкѣ надежное руководство по предмету чтеній профессора. Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ въ итогѣ получаются не лекціи, а книга, положимъ крайне дѣльно-составленная, но все же *книга*. Профессоръ читалъ книгу, вмѣсто того, чтобы ее напечатать, а слушатель ее записывалъ вмѣсто того, чтобы читать.... Цѣль университетскихъ курсовъ, какъ извѣстно, совсѣмъ иная. Они должны дать возможность профессору — излагать науку свободно, безъ книжной рутины, безъ черезъ чуръ строгой системы, безъ обширнаго аппарата цитатъ, часто неизбѣжнаго въ ученой книгѣ. Слушателямъ курсъ долженъ дать возможность не страдательно, а чрезъ *собственную* переработку сообщаемаго съ каѳедры содержанія, усвоивать его себѣ. Этого-то диктовка и не достигаетъ ни подъ какимъ видомъ. Если профессоръ желаетъ дать своей аудиторіи твердую точку опоры при первомъ ознакомленіи съ наукой, лучшее къ тому средство изданіе конспектовъ, обозрѣній, *Grundriss'овъ* *).

---

*) Многіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ такъ и дѣлаютъ; но они идутъ далѣе, стараясь соединить полезное для гг. слушателей съ пріятнымъ для себя. Объ этомъ я дальше говорю.

Что Целлеръ не прибѣгаетъ къ этому простому средству, это тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что грундриссъ у него, какъ видно, давно готовъ и тщательно вписанъ въ тетрадку. Такая тетрадка образовалась изъ записокъ мало по малу и у меня. Пока я ея не прочту со вниманіемъ, а я собираюсь ее прочесть съ большимъ вниманіемъ, — эта тетрадка будетъ единственнымъ послѣдствіемъ четырехмѣсячнаго посѣщенія курса Целлера. Но уже теперь, я полагаю, можно положительно сказать, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія пантеизма. Какъ вообще въ пантеистахъ, такъ и въ немъ, я не понимаю отчаянную оппозицію эмпирическому реализму. Что этому послѣднему не удается объяснить переходъ явленій физическаго міра въ психическія, это очень вѣрно, но въ устахъ Целлера такой упрекъ страненъ. Изъ его собственныхъ признаній не разъ оказывалось, что невозможно дать удовлетворительное опредѣленіе такимъ понятіямъ, какъ самосознаніе, душа, представленіе, чувство, *потому что процессъ возникновенія ихъ для насъ скрытъ*. Съ другой стороны, нельзя не признать за Целлеромъ этого достоинства: онъ признается въ невозможности и безсиліи, тамъ гдѣ другіе громкими фразами стараются задѣлать пробѣлы своей системы. Еслибъ кому нибудь вздумалось воспользоваться этой почтенной откровенностью, тотъ могъ бы сказать Целлеру: если реалисты не успѣваютъ рѣшить свою задачу (переходъ физическихъ явленій въ психическія), то пантеистамъ можно напомнить, что все ихъ богатство и разнообразіе категорій въ сущности виситъ на воздухѣ. Это однако не мѣшаетъ признать за Целлеромъ еще и другое достоинство. Индійскіе мудрецы, какъ извѣстно, ожидали обильныхъ результатовъ отъ слѣдующаго философскаго пріема: со спертымъ дыханьемъ, зажмуривши глаза, созерцать обоими глазами кончикъ своего собственнаго носа. Этотъ методъ, какъ извѣстно, съ небольшими измѣненіями усвоили себѣ многіе германскіе психологи. Целлеръ, напротивъ, убѣжденъ, что такимъ путемъ далеко не уйдешь. Онъ старается всюду опереть свое ученіе на положительные опыты, и изложеніе результатовъ этихъ опытовъ (Вебера, Фехнера) принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ отдѣловъ его курса. Къ сожалѣнію, эти опыты сами по себѣ не очень многочисленны. Вообще говоря, я не вынесъ изъ курса Целлера всего того, чего ожидалъ и что онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы въ силахъ дать. Это обстоятельство я между прочимъ объясняю тѣмъ, что ни въ одной наукѣ, но въ особенности въ философской, невозможно ограничи-

ваться лишь одностороннимъ докторальнымъ преподаванiемъ съ каѳедры. То, чего Милль требуетъ отъ новой науки: чтобы она себѣ создала органъ въ родѣ сократическаго метода въ древности и демонстративнаго въ средневѣковой схоластикѣ, — насущность этой идеи Милля особенно чувствительна въ философскихъ дисциплинахъ. Начать съ того, сколько тутъ терминовъ, очень популярныхъ, но которые проживаютъ въ головахъ большинства на тѣхъ же правахъ, на какихъ возникли, т. е. Богъ знаетъ какъ и почему. Какъ часто тутъ извѣстной абстрактной идеѣ самымъ невиннымъ и безсознательнымъ образомъ подкладывается грубый чувственный смыслъ и какъ трудно бываетъ растолковать самому себѣ его несообразность и совершенно освободиться изъ подъ его влiянiя. Все это лежитъ себѣ преспокойно гдѣ-нибудь на днѣ нашего сознанiя, пока не взбаламутится случайнымъ сомнѣнiемъ или встрѣчей съ чужой мыслью. Но въ томъ-то и дѣло, что эта встрѣча не должна быть случайна и на то даны университетъ и профессора, чтобы сдѣлать ее небезплодной. Но рѣдкiй профессоръ способенъ возбудить въ умѣ слушателей рой мыслей, а чтобы направить ихъ, помочь имъ кристализоваться въ твердыхъ формахъ — объ этомъ нѣмецкiе профессора еще менѣе заботятся. Безъ конверсаторiевъ и диспутаторiевъ всѣ возгласы о равнодушiи современнаго поколѣнiя къ философiи — фразы. Вмѣсто риторическаго ратованiя противъ этого факта въ введенiяхъ къ своимъ курсамъ, Целлеръ лучше бы позаботился о средствахъ къ возбужденiю серьёзнаго интереса къ философскимъ занятiямъ и о средствахъ къ его удовлетворенiю. Однѣми лекцiями, какъ бы хороши они ни были, дѣло сдѣлано лишь на половину; въ отношенiе даннаго курса психологiи можно сказать, что даже и не на половину. Несравненно полезнѣе другой курсъ Целлера «философскiя теорiи государства и общества». Не знаю почему тутъ Целлеру пришла счастливая мысль не диктовать: поэтому есть возможность слѣдить умомъ и перомъ за рѣчью профессора. Въ своихъ характеристикахъ Целлеръ ловко умѣетъ указать главныя стороны разбираемой теорiи и отличить важное отъ неважнаго. Видно, что исторiя философiи — его сфера по преимуществу.

Какъ неправильно бываетъ мнѣнiе, которое слагаешь себѣ объ ученомъ по его книгамъ и чужимъ толкамъ, въ этомъ меня недавно убѣдилъ примѣръ *Блюнчли*. Мои ожиданiя отъ его курса политики были болѣе чѣмъ скромны. Виной тому нѣкоторая неопредѣленность и даже туманность его основныхъ теоретическихъ воззрѣнiй

и прежней политической дѣятельности. Чего можно хорошаго ожидать отъ смѣси довольно развитаго либерализма съ реакціонными замашками и порядочной долей мистицизма? По всѣмъ этимъ пунктамъ я не стану приводить доказательствъ: факты эти всѣмъ извѣстны здѣсь и въ нашемъ любезномъ отечествѣ подали поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ довольно дешеваго свойства надъ «нѣмцемъ» Блюнчли. Я думалъ, въ университетскомъ курсѣ онъ-то и дастъ просторъ своимъ странностямъ. Къ удивленію, мои опасенья оказались напрасными. Кромѣ замѣчанія, высказаннаго мимоходомъ, что государство въ общежитіи представляетъ мужской элементъ, а церковь — женственный, кромѣ двухъ-трехъ лекцій, наполненныхъ дѣйствительно курьёзными размышленіями объ «индивидуальной» и «породистой» натурахъ человѣка — за вычетомъ этихъ немногихъ странностей, отъ прежняго автора психологическаго метода въ политикѣ и слѣда не осталось. Курсъ Блюнчли представляетъ ясное, толковое, популярное изложеніе того, *что́ онъ называетъ Политикой.* Именно: что *онъ* называетъ Политикой, потому что врядъ ли сыщете двухъ нѣмцевъ, вполнѣ согласныхъ въ томъ, что́ надо отнести къ политикѣ и что принадлежитъ другимъ сферамъ государственныхъ и (опять дѣленіе чисто нѣмецкое!) общественныхъ наукъ? Для древнихъ была мыслима лишь одна форма общежитія — государство, у нихъ же была очень простая классификація политическихъ наукъ: всего на все оказывалась одна — Политика, т. е. наука о политической жизни человѣка. Нѣмцы, совсѣмъ напротивъ, съ конца прошлаго столѣтія стали различать теоретическія и историческія политическія науки. Иные идутъ далѣе: изъ сферы этихъ наукъ выдѣляется новый циклъ — наукъ общественныхъ. Такъ напримѣръ Моль весь составъ государственной науки раздѣляетъ съ одной стороны на: теорію государства, государственное право, политику, политическую этику, съ другой — на политическую исторію и статистику. Моль принялъ много горя за эту классификацію. Пикфордъ напр. указалъ на то, что отдѣляя такимъ образомъ науки одну отъ другой, мы придемъ къ тому, что въ одной наукѣ будутъ вырабатываться одни принципы, въ другой — другіе. Ловко подмѣчено. Только въ такомъ случаѣ не зачѣмъ отдѣлять политическую экономію отъ женскихъ болѣзней, а то пожалуй и эти науки начнутъ выработывать противоположные принципы, а нечего говорить, какъ вредно это должно отразиться на обѣихъ. Но дѣло идетъ не о безусловномъ дѣленіи, а лишь объ относительной пользѣ формальнаго.

Вопросъ поставленъ такъ: цѣлесообразно ли извѣстное дѣленіе въ формальномъ отношеніи или нѣтъ? а спорить противъ того, должны ли всѣ науки составлять организмъ и т. д. и т. д. — объ этомъ никто и не помышлялъ. Что́ бы ни говорили противники, Молю (въ этомъ случаѣ) нельзя отказать въ послѣдовательности. Дѣлить, такъ дѣлить, тѣмъ болѣе, что и о цѣльности государственной науки Моль позаботился какъ слѣдуетъ, поставивъ теорію государства *(Allgemeine Staatslehre)* во главу своей классификаціи. Не менѣе послѣдователенъ и Вайтцъ. Отвергая всѣ подраздѣленія Моля безъ исключенія, онъ пришелъ къ простѣйшему т. е. къ политикѣ въ античномъ смыслѣ. Блюнчли сталъ на распутьи этихъ двухъ дорогъ и разсуждаетъ такъ: политическая этика у Моля трактуетъ о цѣляхъ государства, его политика — о средствахъ къ осуществленію этихъ цѣлей. Но какъ цѣлей отдѣлять отъ средствъ нельзя, а средствъ отъ цѣлей (къ тому еще и моральныхъ)! даже не должно, то политика и политическая этика должны составлять одно нераздѣльное цѣлое. Съ другой стороны, продолжаетъ все еще Блюнчли, неловко смѣшивать политику съ государственнымъ правомъ, какъ это дѣлаетъ Вайтцъ. Государственное право излагаетъ постоянныя нормы, законы, которые лежатъ въ основаніи политическихъ организацій и самыя эти организаціи; а политика разсматриваетъ эти организаціи со стороны ихъ движенія, ихъ развитія и неизбѣжныхъ послѣдствій. Слѣдовательно, политику надо отдѣлить отъ государственнаго права.

Но мнѣ кажется, если цѣлей нельзя и не слѣдуетъ отдѣлять отъ средствъ, то очень можно отдѣлить изложеніе цѣлей отъ изложенія средствъ. Или же наоборотъ: если ужь дѣйствительно нѣтъ возможности отдѣлить изложеніе цѣлей государства отъ изложенія его средствъ, то точно также невозможно отдѣлять разсмотрѣніе политической жизни со стороны ея организаціи отъ разсмотрѣнія той же политической жизни со стороны движенія и развитія этой организаціи. Я не слушалъ лекцій Блюнчли по государственному праву, но судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, въ томъ числѣ по его книгѣ *Allgemeines Staatsrecht*, я полагаю, что его курсъ «общегосударственнаго права» и формой и содержаніемъ не многимъ разнится отъ его «Политики». Другими словами, мнѣ сдается, что Блюнчли окольными путями приходитъ къ тому результату, къ которому сознательно пришелъ Вайтцъ, а до него — Монтескьё, еще

прежде — Маккіавелли, а всѣхъ ранѣе — Аристотель, — т. е. къ *Политикѣ* единой и нераздѣльной.

Впрочемъ, все это имѣетъ скорѣе формальное значеніе; и Блюнчли поступилъ съ большимъ тактомъ, не останавливаясь слишкомъ долго на спорахъ объ удобнѣйшемъ размежеваніи государственныхъ наукъ, — спорахъ, которыми и безъ того, если не ошибаюсь, чревато будущее нѣмецкой науки о государствѣ. Вообще, надо отдать справедливость Блюнчли — изъ гейдельбергскихъ профессоровъ, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, съ лекціями которыхъ я успѣлъ ближе ознакомиться, онъ менѣе всѣхъ педантъ. Этому обстоятельству вѣроятно надо приписать не только большую ясность его изложенія, но и нѣкоторую безсистемность, и во всякомъ случаѣ ту беззаботность, съ которой онъ касается самыхъ капитальныхъ вопросовъ, рѣдко рѣшая ихъ (по большой части оно и невозможно), за то всегда побуждая слушателя обдумать дѣло еще разъ, освѣжая умъ, утомленный нескончаемыми контроверсами въ кружкахъ, газетахъ и ученыхъ книгахъ. Блюнчли рѣдко вдается во всѣ тонкости любимыхъ спорныхъ пунктовъ современной публицистики. Это можетъ показаться недостаткомъ. На мои глаза, это достоинство. Университетскій курсъ не учебникъ: съ него довольно, если ему удастся направить вниманіе аудиторіи на самыя важныя проблемы науки. Но чего можно требовать отъ каждаго профессора — это то, чтобы онъ далъ студенту средства продолжать внѣ аудиторіи процессъ мысли, зародившійся подъ вліяніемъ лекціи. Я уже сказалъ, что это достигается двоякимъ способомъ: указаніемъ и оцѣнкой спеціальной литературы и потомъ болѣе тѣснымъ сближеніемъ профессора съ его аудиторіей, при помощи конверсаторіевъ и диспутаторіевъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ Блюнчли мало заботился объ исполненіи этихъ прямыхъ своихъ обязанностей. На это у него, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ гейдельбергскихъ преподавателей, есть особенныя причины, ничего впрочемъ не имѣющія общаго съ его званіемъ профессора. Въ послѣднее время, между нѣмецкими мужами науки и каѳедры стала быстро распространяться ересь: занятіе наукой для науки признается недостаточнымъ, профессора имѣютъ соціальное призваніе напр., хоть засѣдать въ Баденскомъ парламентѣ. Я внутренно убѣжденъ, что польза, приносимая учеными элементами, хоть Баденской монархіи — неисчислима. Но я не менѣе убѣжденъ, что еще громаднѣе была бы польза, если бы эти профессора старались воспитать политически развитое поколѣніе,

а для этого мало однѣхъ лекцій. Этого не достигнешь парламентскими рѣчами въ университетѣ, точно такъ же, какъ учеными лекціями въ камерахъ не содѣлаешь изъ Бадена Англію. — Блюнчли еще читаетъ курсъ исторіи государственнаго права и политики, но я не могъ посѣщать этотъ курсъ, потому что имѣлъ неосторожность подписаться на совпадающій съ нимъ.

Курсъ «исторіи нѣмецкаго права и государства» — *Цёпфля*, автора нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, въ томъ числѣ и учебника исторіи нѣмецкаго права. Читая по всѣмъ доступной печатной книгѣ, онъ однако считаетъ нужнымъ диктовать. На первыхъ порахъ это мнѣ показалось ужасно страннымъ. Ознакомившись ближе съ книгой, я убѣдился, что новая переработка печатнаго текста — дѣло вовсе не лишнее и небезполезное. Книга состоитъ изъ несмѣтнаго количества латинскихъ выписокъ, на живую нитку переплетенныхъ теоретическими размышленіями весьма обыкновеннаго свойства. Невольно приходило на мысль: чѣмъ читать подобныя лекціи, лучше бы не писать подобныхъ книгъ. Но мои недоразумѣнія нѣсколько упростились, когда я прослушалъ $^2/_3$ курса: что книга составлена не совсѣмъ удовлетворительно, въ этомъ меня не обмануло первое впечатлѣніе, но что профессоръ переливаетъ въ цѣльную форму всю массу разбросаннаго по его книгѣ сыраго матеріала — это мнѣ только такъ показалось при первомъ взглядѣ. На самомъ дѣлѣ профессоръ повторяетъ печатный текстъ, опуская по большей части цитаты. При этомъ особенно любопытно искусство, съ которымъ онъ переставляетъ и перетасовываетъ §§ своей книги, и этимъ объясняется, почему для непривычнаго легко принять диктуемое съ каѳедры за нѣчто новое, не вошедшее въ составъ учебника. Словомъ, книга Цёпфеля вполнѣ упразднила его самого какъ профессора.

Почтенный профессоръ, приступая къ разсмотрѣнію какого нибудь памятника или института, обыкновенно обращается къ аудиторіи съ такой рѣчью: «Господа! Когда это возникло, какія имѣло редакціи, какія изданія, какіе варіанты, какое истолкованіе нужно дать терминамъ — все это предоставляемъ рѣшить филологамъ и археологамъ. Насъ, юристовъ, интересуетъ жизненная, юридическая сторона дѣла!» Трудно представить, какъ жестоко профессоръ ошибается на счетъ своихъ ученыхъ вкусовъ. Вышеозначенныя мелочи его-то всего болѣе и интересуютъ. Напротивъ, животрепещущіе вопросы науки для него какъ будто не существуютъ. Вопросы объ отношеніи родоваго быта въ Германіи къ общинному устройству,

объ образованіи государства, о происхожденіи королевской власти, вопросъ о непрерывности римскаго права въ средніе вѣка — Цёпфль не только не рѣшилъ, но и не указалъ даже на то, что̀ другими сдѣлано для ихъ рѣшенія; онъ даже не указалъ на возможность ихъ рѣшенія, и я сомнѣваюсь, вѣритъ ли онъ въ необходимость такого рѣшенія.

Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій изъ его книги. Если тутъ и затронуты кой-какія капитальныя проблемы, то, какъ видно, авторъ не придаетъ имъ большаго значенія (напр. изложенію политическаго быта Германіи до Меровинговъ посвящено счетомъ 24 строки текста), и онѣ затеряны въ массѣ второстепенныхъ подробностей. Вообще, трудно сказать, для какой публики предназначенъ учебникъ Цёпфеля. Тутъ текстъ совершенно подавленъ выписками изъ источниковъ и надо признаться, эти выписки еще составляютъ самую годную часть всего труда. Читать текстъ съ цитатами кряду нѣтъ возможности: мысль спотыкается на каждомъ шагу. А текстъ безъ примѣчаній, какъ я уже замѣтилъ, бѣденъ содержаніемъ до крайности. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что ему хотѣлось, подъ видомъ выписокъ изъ источниковъ, дать читателю нѣчто въ родѣ юридической хрестоматіи. Мысль хороша. Но въ такомъ случаѣ не приличнѣе-ли помѣстить примѣчанія на мѣсто нынѣшняго текста, а текстъ замѣнить краткимъ коментаріемъ на выписки въ видѣ выносокъ. Правда, тогда пришлось бы замѣнить громкое, но не совсѣмъ характеризующее заглавіе «Исторія нѣмецкаго права» болѣе скромнымъ и приличнымъ.... Профессоръ обѣщался прочесть исторію нѣмецкаго права *и государства*. Когда ему приходитъ на память это обѣщанье (по счастью, это случается рѣдко), онъ бросаетъ скороговоркой такіе взгляды на прошлыя и будущія судьбы германской націи, что въ умѣ моемъ воскресаютъ длинной вереницей незабвенныя страницы Смарагдова. Эти характерные очерки приводятъ въ отчаяніе сидящаго подлѣ меня товарища-спеціалиста по исторіи.

Недѣли черезъ три профессора закроютъ свои курсы. Я буду радъ, что мнѣ удалось систематически прослушать цѣлый семестръ въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Какъ ни велики его недостатки, я все-таки вынесу убѣжденіе, что нѣмецкій университетскій семестръ совсѣмъ не то, что наше академическое «полугодіе»....

Гейдельбергъ, 8/20 іюля 1863 года.

53) Магистра В. Герье.

Съ тѣхъ поръ какъ въ аудиторіяхъ Гейдельбергскаго университета замолкла рѣчь знаменитаго старца Шлоссера и Гервинуса, историческій факультетъ этого университета утратилъ часть своего прежняго блеска и интереса. Въ настоящее время слава его преимущественно поддерживается Гейссеромъ, потому что Гервинусъ только числится при университетѣ какъ professor honorarius, но уже не читаетъ. Гейссеръ въ лѣтній семестръ читаетъ два курса — исторію римской республики и исторію французской революціи. Первый изъ этихъ курсовъ читается 4 раза въ недѣлю, утромъ отъ 8 — 9, предъ аудиторіей отъ 30 — 40 человѣкъ. Гейссеръ при изложеніи римской исторіи не входитъ въ тѣ области, гдѣ исторія въ тѣсномъ смыслѣ граничитъ съ миѳологіей, филологіей и исторіей литературы; онъ излагаетъ только исторію войнъ и дипломатіи и внутреннее развитіе государственной жизни Рима. Особенно интересны были первыя его лекціи, въ которыхъ онъ излагалъ свой взглядъ на древнѣйшую исторію Рима. При разработкѣ этого вопроса историку необходимо представляются двѣ крайности: полное довѣріе къ источникамъ повѣствующимъ о началѣ Рима и излишняя строгость въ оцѣнкѣ ихъ. Въ настоящее время легче впасть въ послѣднюю крайность, чѣмъ въ первую. Гейссеръ прошелъ по срединѣ между этими двумя крайностями съ необыкновеннымъ историческимъ тактомъ и съ такой твердой опредѣленностью взгляда, который дается только посредствомъ глубокаго изученія дѣла и большаго опыта.

Такъ-какъ предметъ курса обширенъ а времени немного, то Гейссеръ никогда не входитъ въ подробности, въ спорные вопросы или критику источниковъ и только изрѣдка приводитъ мнѣніе Нибура и Моммзена. Онъ излагаетъ свой собственный взглядъ и результаты своихъ трудовъ. При дарѣ изложенія Гейссера и при увлеченіи, съ которымъ онъ читаетъ, такой способъ чтенія приноситъ большую пользу молодымъ слушателямъ, которые заняты лекціями и не имѣютъ времени или охоты спеціально изучать римскую исторію. Впечатлѣнія, которыя они выносятъ изъ лекцій, становятся цѣльнѣе и рельефнѣе, проникаютъ глубже въ память, и даютъ имъ живое понятіе о цѣломъ ходѣ римской исторіи. Изъ этихъ лекцій замѣтно, что Гейссеръ посвятилъ главные труды свои исторіи XVIII столѣтія. Съ большимъ развитіемъ политической жизни, дипломатическія отношенія европейскихъ государствъ получали все большее

и большее значеніе. Это становится особенно замѣтно въ концѣ XVIII столѣтія, когда судьба Европы часто рѣшалась не войнами и не побѣдами, а дипломатическими комбинаціями. Гейссеръ сжился съ этой эпохой и съ опытнымъ взглядомъ привыкъ взвѣшивать, какое вліяніе имѣла на извѣстное событіе современная ему политическая обстановка. Этотъ способъ онъ примѣнилъ къ области древней исторіи, гдѣ обыкновенно излагаютъ судьбы Востока, Греціи и Рима совершенно отдѣльно, причемъ незамѣтны ихъ внутренняя связь и взаимное вліяніе; Гейссеръ же переносится въ древній міръ съ опытностью политика XIX столѣтія. Излагая какой нибудь внутренній переворотъ или какую нибудь войну, онъ бросаетъ взглядъ на общее положеніе тогдашняго историческаго міра и указываетъ на вліяніе, которое оно имѣло въ данномъ случаѣ. Вслѣдствіе этого, факты римской исторіи теряютъ свой археологическій характеръ и слушатель Гейссера вглядывается въ эпоху пуническихъ войнъ съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ онъ слѣдитъ за современной политикой.

Второй курсъ Гейссера читается имъ послѣ обѣда при многочисленномъ стеченіи любознательныхъ и имѣетъ характеръ публичныхъ лекцій. Гейссеръ долго останавливался на французской литературѣ XVI столѣтія а потомъ на событіяхъ первыхъ годовъ французской революціи. Онъ излагалъ особенно подробно исторію походовъ и дипломатическихъ переговоровъ девяностыхъ годовъ и совершенно раздѣляетъ взглядъ Зибеля на эту эпоху. Онъ опровергаетъ мнѣніе, выставленное французскими историками, что Франція была вовлечена въ войну 1792 года противъ ея воли, аггрессивной политикой Пруссіи и Австріи, и старается доказать, что успѣхъ союзныхъ войскъ былъ несомнѣннымъ и могъ бы повести къ подавленію террора, если бы дипломатическія соображенія и ссоры, польскія дѣла и зависть между Пруссіей и Австріей не отвлекали ихъ вниманія отъ войны съ Франціей и не охлаждали ихъ воинскаго рвенія.

Считаю долгомъ упомянуть здѣсь о добросовѣстности, съ которой читаетъ Гейссеръ. Онъ членъ нижней палаты и поэтому долженъ иногда уѣзжать въ Карлсруэ на засѣданіе. Но онъ всегда назначаетъ особенные часы для замѣна пропущенныхъ лекцій, и кромѣ того, такъ какъ осталось мало времени до конца семестра, вмѣсто 4-хъ часовъ, назначенныхъ въ недѣлю, читаетъ теперь по 6.

Кромѣ Гейссера, исторію читаетъ еще профессоръ Ваттенбахъ.

Ваттенбахъ принадлежитъ къ школѣ почтенныхъ историковъ-археологовъ, которая образовалась подъ руководствомъ Перца при изданіи его «Monumenta Germaniae». Ваттенбахъ былъ библіотекаремъ въ Бреславлѣ и въ прошломъ году получилъ каѳедру въ Гейдельбергѣ. Онъ читаетъ въ лѣтній семестръ исторію среднихъ вѣковъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не пользуется своими громадными познаніями въ археологіи среднихъ вѣковъ и не читаетъ спеціальнаго курса. Вмѣсто этого, онъ придерживается метода Гейссера и излагаетъ только политическую исторію въ бѣгломъ очеркѣ; но, не имѣя дара изложенія Гейссера и его опытности, онъ не достигаетъ результатовъ Гейссера, который умѣетъ разсказывать обще-извѣстные факты, проливая на нихъ новый свѣтъ и производя на слушателя глубокое впечатлѣніе. Профессоръ Ваттенбахъ читаетъ еще курсъ палеографіи, по 2 часа въ недѣлю. Онъ читаетъ этотъ курсъ въ библіотекѣ, гдѣ имѣетъ подъ рукой необходимыя изданія, снимки съ рукописей и самыя рукописи, хранящіяся въ Гейдельбергѣ. Такъ какъ онъ очень любезенъ и охотно отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы, то этотъ курсъ можетъ служить хорошимъ приготовленіемъ для дальнѣйшихъ практическихъ занятій палеографіей.

Въ Гейдельбергскомъ университетѣ въ настоящее время два приватдоцента исторіи: Онкенъ и Биссингъ. Они оба читаютъ греческую исторію и въ одни и тѣ же часы. Какъ кажется, всѣ молодые приватдоценты въ Германіи пробуютъ свои силы на греческой исторіи. Странно, что они не читаютъ спеціальныхъ курсовъ; они тогда имѣли бы, можетъ быть, немного слушателей, но приносили бы имъ бо́льшую пользу. Но читая общіе курсы, они не могутъ конкурировать съ профессорами. На приватдоцентахъ Гейдельбергскаго университета, особенно на Онкенѣ отражается вліяніе Гейссера. Но пріемы, которые могли бы произвести впечатлѣніе на многочисленное собраніе слушателей, не совсѣмъ умѣстны въ почти пустой аудиторіи.

Кромѣ курсовъ Ваттенбаха и римской исторіи Гейссера, я записался у Цёпфля, Блунчли и Целлера.

У Цёпфля я слушаю курсъ исторіи нѣмецкаго права. Такъ какъ онъ авторитетъ въ своей наукѣ, особенно въ археологической части ея, то изъ его курса можно почерпнуть много пользы. Онъ читаетъ по изданной имъ исторіи нѣмецкаго права, но такъ-какъ это сочиненіе очень обширно (около 1,000 стр.) то онъ диктуетъ своимъ слушателямъ краткое извлеченіе каждаго параграфа и ос-

тальное время лекціи употребляетъ на объясненіе. Нѣмецкіе студенты всѣ записываютъ это извлеченіе, хотя почти всѣ имѣютъ сочиненіе Цёпфля. Извлеченіе имъ вѣроятно удобнѣе для приготовленія къ экзамену, но нельзя не согласиться, что при этомъ способѣ теряется даромъ много времени. Объясненія Цёпфля были особенно интересны, когда онъ разбиралъ источники нѣмецкаго права. Изложеніе его рѣзко отличается отъ обыкновеннаго изложенія другихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Онъ говоритъ очень скоро, совершенно разговорнымъ языкомъ и любитъ пересыпать свои рѣчи различными шутками и анекдотами изъ древняго нѣмецкаго быта. Отъ этого его лекціи бываютъ очень оживлены и не утомляютъ слушателей, не смотря на то, что онъ читаетъ въ самое неудобное время дня, послѣ обѣда отъ 3—4 и 6 разъ въ недѣлю. Впрочемъ, большая часть его слушателей не очень сочувствуетъ его манерѣ читать. Привыкнувъ къ строгой чинности прочихъ лекцій, они находятъ, что Цёпфль слишкомъ легко относится къ своему предмету. Въ нѣкоторомъ отношеніи они правы, но все-таки они должны были быть благодарны за то, что онъ придаетъ сухому содержанію своего курса такой интересъ. Цёпфль ревностный защитникъ нѣмецкаго права, сильно потерпѣвшаго отъ вліянія римскаго; его выходки противъ романистовъ бываютъ очень забавны. Маленькое противодѣйствіе вліянію римскаго права, впрочемъ, вовсе не лишнее для нѣмецкихъ студентовъ-юристовъ, которые слушаютъ римское право 12 часовъ въ недѣлю. Но не такъ умѣстны бываютъ иногда нападки Цёпфля на филологовъ, занимающихся германскими древностями. Цёпфль любитъ указывать въ объясненіяхъ Гримма и другихъ филологовъ на недостатокъ юридическаго смысла; но этимологическія объясненія самого Цёпфля часто лучше всего доказываютъ, что юристы-археологи съ однимъ юридическимъ смысломъ и безъ филологическаго образованія могутъ увлечься до такихъ произвольныхъ толкованій, которыя чрезвычайно напоминаютъ этимологію греческихъ и римскихъ схоліатовъ *).

Блунчли приглашенъ въ Гейдельбергъ, какъ преемникъ Моля, и успѣлъ въ короткое время пріобрѣсти здѣсь большую популярность.

*) Такъ напримѣръ, онъ производитъ слова Schnur, сноха и Tochter отъ словъ Schnur, снурокъ и dicht, густой. Это ему нужно для юридическихъ соображеній. Эти соображенія могутъ быть справедливы, но тѣмъ не менѣе вышеупомянутыя слова можно произвести гораздо вѣрнѣе и безъ натяжки отъ корней, сохранившихся въ санскритскомъ языкѣ.

Его курсъ политики одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Онъ прочелъ до сихъ поръ слѣдующіе отдѣлы своего курса: опредѣленіе политики какъ науки, о вліяніи природы на политическую жизнь, о вліяніи человѣческой природы, о политическихъ партіяхъ, о цѣляхъ политической науки, о средствахъ политики и о государственномъ устройствѣ съ точки зрѣнія политики. Остается ему читать еще около мѣсяца. Каѳедра политики новая каѳедра, но ей предстоитъ большая будущность, особенно въ Германіи. Нѣмецкіе ученые пріобрѣтутъ въ политическихъ наукахъ такое же значеніе, какое они пріобрѣли въ политической экономіи. Хотя ихъ отечество въ экономическомъ быту стоитъ ниже другихъ странъ, но они успѣли сдѣлать очень многое для экономической науки и въ послѣднее время дали ей новое, плодотворное направленіе. То же самое они сдѣлаютъ и для политическихъ наукъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи раздробленность Германіи приноситъ свою долю пользы. Въ то время, когда въ метрополіи нѣмецкой науки, въ Берлинѣ господствуетъ совершеннѣйшій разладъ между политическими теоріями, принятыми наукой, и дѣйствительной жизнью, маленькое государство Баденское производитъ надъ собой счастливые опыты политическихъ реформъ, отдѣляя интересы церкви отъ государства, освобождая школу изъ подъ контроля іерархіи, и позволяя общественному мнѣнію свободно проявляться въ съѣздахъ учителей, священниковъ, стрѣлковъ и т. п. Это счастливое положеніе страны не могло не оказать хорошаго вліянія на тотъ университетъ, который рѣшился пригласить Спинозу въ мрачныя времена нетерпимости и въ которомъ Пуфендорфъ положилъ прочное основаніе развитія политическихъ наукъ. Изъ гейдельбергскихъ профессоровъ трое принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ Баденскихъ палатъ, Гейссеръ и Пагенштехеръ въ нижней, а Блунчли въ верхней. Въ настоящее время въ палатахъ обсуждаются чрезвычайно важные мѣстные вопросы, напримѣръ вопросъ о вліяніи духовенства на народныя школы и совершается пересмотръ уголовныхъ законовъ. Блунчли такимъ образомъ имѣетъ возможность приводить въ дѣйствительную жизнь тѣ теоріи, которыя онъ излагаетъ на каѳедрѣ. А практическая жизнь съ своей стороны вѣроятно также имѣла вліяніе на его научныя теоріи. Онѣ отличаются необыкновенной зрѣлостью и ясностью мысли, полной объективностью и совершеннымъ отсутствіемъ политической страсти и пропаганды. Внѣшнее изложеніе лекцій Блунчли соотвѣтствуетъ характеру ихъ содержанія. Онъ читаетъ чрезвы-

чайно ясно и логично, съ спокойнымъ тономъ, почти разговорнымъ языкомъ, умѣетъ приковать къ себѣ вниманіе слушателей, но читаетъ безъ увлеченія и безъ того риторства, которое можетъ такъ вредно дѣйствовать на молодыхъ слушателей особенно на лекціяхъ политическихъ наукъ.

Целлеръ, знаменитый представитель Тюбингенской школы, принадлежалъ сначала къ лѣвой сторонѣ Гегелистовъ, а теперь занимаетъ почетное мѣсто между самостоятельными нѣмецкими мыслителями, рядъ которыхъ тянется непрерывною цѣпью отъ Лейбница до нашего времени. Онъ былъ прежде членомъ богословскаго факультета въ Тюбингенѣ, а потомъ въ Бернѣ; отсюда былъ приглашенъ въ Марбургъ профессоромъ философіи и изъ Марбурга, въ прошломъ году, перешелъ въ Гейдельбергъ. Я слушалъ его курсъ государственныхъ и общественныхъ теорій и курсъ философіи религіи. Первый изъ этихъ двухъ курсовъ — небольшой, читается только по два раза въ недѣлю. Особенно интересны были лекціи Целлера о государственныхъ теоріяхъ греческихъ философовъ и потомъ нѣмецкихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ. Второй курсъ читается 5 разъ въ недѣлю и, по моему мнѣнію, самый замѣчательный изъ курсовъ, которые удалось мнѣ слышать за границей. Мнѣ хотѣлось бы поподробнѣе поговорить объ этомъ курсѣ; но такъ какъ онъ еще не оконченъ и впечатлѣніе, произведенное имъ, еще не полное, то я отлагаю это до болѣе удобнаго времени.

Гейдельбергъ, 20-го іюля 1863 года.

54) Кандидата В. Власьева.

Въ предъидущемъ своемъ отчетѣ я доносилъ министерству народнаго просвѣщенія о томъ, что я имѣлъ намѣреніе провести лѣтній семестръ при Гейдельбергскомъ университетѣ и курсы, на которые я записался: Bluntschli — Politik и Geschichte der neueren Staatswissenschaften; Rau — Volkswirtschaftslehre (Nationalökonomik); Dietzel — Handelspolitik und Handelsverträge; Laspeires — Armenwesen.

Изъ этихъ курсовъ особенно обращаетъ на себя вниманіе курсъ профессора Блюнчли о политикѣ, который посѣщается довольно большимъ числомъ слушателей. Наука эта, конечно, еще мало сложилась, что̀ видно во-первыхъ изъ того что есть голоса, которые отвергаютъ возможность ея, какъ науки, а во-вторыхъ изъ неустановившагося взгляда на нее самихъ ученыхъ, что̀ особенно

ясно, если сравнимъ два сочиненія, вышедшія въ послѣднее время: Вайца, который совершенно слѣдуетъ политикѣ Аристотеля, Ежера— профессора въ Цюрихскомъ университетѣ, равно какъ и лекціи Блюнчли, который придерживается Роберта Моля. Но можно сказать, что она должна имѣть въ ряду политическихъ наукъ почетное мѣсто, ибо въ настоящее время нельзя ограничиться преподаваніемъ одного государственнаго права т. е. однихъ отвлеченныхъ началъ государственной конструкціи; является потребность разработать также и его, такъ сказать, физіологическую сторону.

Лекціи Рау имѣютъ также большую пользу. Рау принадлежитъ къ прежней школѣ экономистовъ — до Рошеровской. Долговременная ученая дѣятельность его — онъ болѣе сорока лѣтъ занимаетъ уже каѳедру — въ которую входитъ большая часть развитія современной Политической Экономіи, даютъ его лекціямъ особенное значеніе. Онъ не отличается изящнымъ Vortrag-омъ, но за то содержаніе его лекцій очень богато и особенно полезно для ознакомленія съ развитіемъ науки, потому что въ каждомъ вопросѣ видно, что онъ принималъ въ немъ самъ живое участіе.

Что касается до лекцій Дитцеля о Handelspolitik и Handelsverträge, то нельзя сказать, чтобъ онѣ выходили изъ ряду обыкновенныхъ курсовъ; кромѣ того этотъ курсъ публичный, равно какъ и Armenwesen Ласпейреса, т. е. курсъ обязательный, потому что каждый приватъ-доцентъ обязанъ прочитать въ семестръ одинъ публичный курсъ и такіе курсы представляютъ обыкновенно мало чего либо особеннаго.

Гейдельбергъ, 7-го іюля 1863 года.

55) Кандидата Н. Яковлева.

Согласно плану занятій, который я составилъ себѣ на лѣтній семестръ въ Берлинскомъ университетѣ, и который изложилъ въ дополнительномъ рапортѣ за предпрошедшіе три мѣсяца, за исключеніемъ одной недѣли я постоянно находился и теперь нахожусь въ Берлинѣ, гдѣ посѣщаю лекціи профессоровъ въ университетѣ, приватныя лекціи въ обсерваторіи и при благопріятной погодѣ произвожу наблюденія. О предметахъ чтеній профессоровъ въ университетѣ въ нынѣшнемъ семестрѣ и о предметѣ приватныхъ лекцій, которыя я слушаю въ обсерваторіи, я уже довелъ до свѣдѣнія министерства въ помянутомъ дополнительномъ рапортѣ. Теперь могу только, къ

моему сожалѣнію, прибавить, что я выслушалъ нѣкоторыя статьи далеко не въ такомъ объемѣ, въ какомъ ожидалъ, въ объемѣ очень сжатомъ. Причины этого заключаются въ непродолжительности лѣтняго семестра и въ назначеніи неудобнаго времени для него; потому что онъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ мѣсяцы іюнь и іюль, отличающіеся здѣсь зноемъ и духотой. Вслѣдствіе первой профессоры спѣшили выполнить публикованную ими программу, вслѣдствіе втораго не могли аккуратно выполнить времени, положеннаго для каждой лекціи. Практическая или наблюдательная часть шла также не совсѣмъ успѣшно, потому что въ текущемъ семестрѣ число слушающихъ астрономію было довольно значительное, а именно простиралось до 15. Берлинская обсерваторія имѣетъ по одному экземпляру каждаго астрономическаго инструмента. Тѣ изъ этихъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ производятся постоянныя наблюденія въ обсерваторіи здѣшними астрономами-наблюдателями, бываютъ рѣдко доступны вообще, а при значительномъ числѣ слушателей въ особенности, потому что каждый изъ слушателей желаетъ ознакомиться съ пріемами наблюденій посредствомъ этихъ инструментовъ, къ которымъ главнымъ образомъ принадлежатъ меридіальный кругъ и экваторіалъ. Остаются всегда доступными пассажный инструментъ, универсальный инструментъ и секстантъ. Но и здѣсь каждымъ инструментомъ впродолженіи вечера наблюдаютъ вмѣстѣ трое или четверо слушателей. Конечно, такое присутствіе троихъ или четверыхъ наблюдателей при инструментѣ очень полезно, потому что тутъ дѣлаются различныя замѣчанія, происходитъ мѣна мыслей; но съ другой стороны, а именно въ дѣлѣ пріученія уха и глаза къ точной оцѣнкѣ моментовъ прохожденія свѣтилъ чрезъ нити инструмента, такое наблюденіе въ сообществѣ очень вредно, потому что каждый наблюдающій не можетъ быть въ присутствіи другихъ такъ спокоенъ, какъ если бы онъ былъ одинъ. Между тѣмъ пріученіе слуха и зрѣнія къ помянутой оцѣнкѣ составляетъ сущность наблюдательной части. Это обстоятельство заставило меня искать такой обсерваторіи въ Германіи, гдѣ бы я могъ впродолженіи значительнаго времени быть одинъ при инструментѣ. Такой обсерваторіей оказалась Альтонская. Поэтому, я отправился на нѣсколько дней въ Альтону, чтобы познакомиться съ директоромъ обсерваторіи и точнѣе узнать, въ какой мѣрѣ обстоятельства тамъ могутъ благопріятствовать занятіямъ. Оказалось, что въ Альтонѣ, хотя тамъ нѣтъ университета, гораздо удобнѣе зани-

маться, нежели въ Берлинѣ. Вслѣдствіе этого, я ожидаю только окончанія семестра, которое будетъ черезъ 2 недѣли, и письма изъ министерства, и тотчасъ переѣзжаю въ Альтону.

Берлинъ, 17 іюля 1863 г.

56) Студента Михаила Владиславлева.

Занятія мои въ Гёттингенскомъ университетѣ съ $^{1}/_{13}$ апрѣля по $^{1}/_{13}$ іюля текущаго 1863 года состояли въ посѣщеніи лекцій профессора Лотце по метафизикѣ и философіи религіи. Представить же полный и точный отчетъ объ этихъ чтеніяхъ я нахожу въ настоящее время неудобнымъ. Профессоръ Лотце по настоящее время едва успѣлъ прочитать половину изъ того, что намѣренъ прочесть въ текущій лѣтній академическій семестръ. Притомъ, чтенія эти, по своему характеру и по свойству самаго предмета ихъ, таковы, что точный отзывъ о нихъ возможенъ только по окончаніи ихъ. Поэтому, въ видахъ сообщенія точности и полноты моему отчету о лекціяхъ профессора Лотце — и вообще объ его философской дѣятельности и убѣжденіяхъ, я нашелъ нужнымъ отложить мой отчетъ объ упомянутыхъ чтеніяхъ до окончанія текущаго семестра.

Гёттингенъ, $^{3}/_{15}$ іюля 1863 года.

57) Доктора медицины А. Бабухина.

(За первые три мѣсяца пребыванія за границею).

Первое время пребыванія моего за границею я предположилъ посвятить полному изученію практической стороны гистологіи и эмбріологіи подъ руководствомъ опытнаго профессора. Я желалъ, именно, прежде всего вполнѣ овладѣть современною техникою гистологическихъ изслѣдованій по всѣмъ, безъ исключенія, отдѣламъ избранной мною науки и потомъ только перейти къ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ. Для выполненія такой цѣли, согласно совѣтамъ, полученнымъ мною отъ Московскаго медицинскаго факультета, я избралъ Вюрцбургъ и пріѣхалъ въ него, какъ кажется, въ самое благопріятное время. Я засталъ здѣсь курсъ эмбріологіи Келликера, приватный практическій курсъ сравнительной гистологіи Эберта и такъ называемый, приватный курсъ практической гистологіи Мюллера. Я не могъ однакоже ограничится только посѣщеніемъ курсовъ., Мюллеръ читаетъ только четыре часа въ недѣлю. Въ теченіи какихъ нибудь двухъ часовъ онъ долженъ словесно объяснить способъ

приготовленія пяти или шести различныхъ препаратовъ, долженъ нарисовать ихъ на доскѣ, показать способъ ихъ приготовленія, раздать слушателямъ матеріалъ для дѣланія препаратовъ и потомъ пересмотрѣть приготовленные препараты у каждаго слушателя въ отдѣльности, (болѣе нежели у 30 человѣкъ). Простой расчетъ укажетъ, что на каждый препаратъ для каждаго слушателя онъ можетъ употребить не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Ясность и картинность изложенія, искусство въ приготовленіи препаратовъ, необыкновенная внимательность къ слушателямъ и всегдашняя готовность помочь имъ словомъ и дѣломъ, все это дѣлаетъ курсъ Мюллера вполнѣ достаточнымъ для основательнаго изученія гистологіи. Каждый слушатель, какъ бы онъ ни былъ неспособенъ и невнимателенъ, выходитъ съ лекціи съ яснымъ понятіемъ о строеніи какой нибудь ткани или органа. Но при всемъ этомъ такой курсъ, хотя и предназначенъ для спеціалистовъ, далеко не можетъ удовлетворить потребностямъ посвятившаго себя исключительно изученію гистологіи съ цѣлію преподаванія: различныя и безчисленныя случайности въ способахъ изслѣдованія и приготовленіи препаратовъ остаются необъясненными, сравнительная оцѣнка и провѣрка на опытѣ различныхъ способовъ изслѣдованія тканей, остаются недоступными для слушателя на этомъ курсѣ; и я, для того, чтобы въ возможно короткое время извлечь возможно бо́льшую пользу изъ обширныхъ свѣдѣній и опытности Мюллера, счелъ необходимымъ просить его дать мнѣ отдѣльный и исключительно практическій курсъ. Обширныя занятія Мюллера не дозволили однакоже ему выполнить мое желаніе; онъ могъ предложить мнѣ только мѣсто въ своемъ кабинетѣ для какой нибудь спеціальной работы, причемъ обѣщалъ мнѣ полное свое содѣйствіе. Я счелъ, что спеціальная работа при такихъ условіяхъ, можетъ до извѣстной степени замѣнить полный практическій курсъ гистологіи. Находясь постоянно почти за однимъ столомъ съ Мюллеромъ, я могу слѣдить за всѣми техническими пріемами при гистологическихъ изслѣдованіяхъ, могу видѣть на дѣлѣ и, слѣдовательно, сравнивать выгоды или неудобства различныхъ методовъ.

Я избралъ для своей спеціальной работы вопросъ, который соприкасается съ двумя главными науками, составляющими мою спеціальность—эмбріологіею и гистологіею. Я предпринялъ, именно, изслѣдованіе развитія сѣтчатой оболочки параллельно съ развитіемъ гистологическихъ элементовъ большаго мозга. Относительно

этого вопроса существуютъ только отрывочные и, какъ мнѣ удалось найти, по большей части невѣрные факты. Для меня особенно важно было заняться этимъ вопросомъ въ лабораторіи Мюллера, который составилъ себѣ имя преимущественно своими изслѣдованіями надъ глазомъ. Не смотря на крайнюю бѣдность въ матеріалѣ, мнѣ удалось уже получить нѣсколько удовлетворительныхъ результатовъ. Понятно, что полный отчетъ объ этой работѣ возможенъ только послѣ ея окончанія. При чрезвычайной трудности добывать здѣсь зародышей, мнѣ оставалось еще достаточно времени, для того, чтобы заниматься въ кабинетѣ Мюллера другими работами и я обращалъ вниманіе, преимущественно, на тѣ вопросы въ гистологіи, которые представляютъ особенныя трудности въ техническомъ отношеніи. Я занимался именно: 1) изслѣдованіемъ окончанія нервовъ въ мускулахъ (вопросъ, на который обращено теперь вниманіе всѣхъ гистологовъ и который далеко еще не рѣшенъ), 2) провѣркою работы Либеркюна надъ развитіемъ костнаго вещества. Работа Либеркюна замѣчательна тѣмъ, что стремится совершенно разрушить утвердившееся въ наукѣ ученіе Мюллера объ окостенѣніи.

Я ограничиваюсь пока только этими немногими и краткими замѣтками о первыхъ моихъ занятіяхъ за границею. Въ настоящее время, когда работы, начатыя мною, еще не окончены, когда курсы не доведены еще до конца, подробный отчетъ не имѣлъ бы никакаго смысла, потому что долженъ былъ-бы состоять изъ отрывочныхъ, а можетъ быть, и неточныхъ свѣдѣній. Я отложилъ поэтому присылку полнаго отчета до окончанія лѣтняго семестра, т. е. до начала или половины августа.

Вакаціонное время (отъ половины августа до октября) я, согласно инструкціи, данной мнѣ Московскимъ университетомъ, предполагаю провести на морѣ для изученія морскихъ животныхъ. Я надѣюсь, что эта поѣздка будетъ не безполезна, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со мною, по всей вѣроятности, отправится адъюнктъ-профессоръ Московскаго университета Борзенковъ и прозекторъ здѣшняго зоотомическаго института Эбертъ — ученый, составившій себѣ уже имя въ наукѣ.

Вюрцбургъ, 12-го іюля 1863 года.

58) Кандидата Даніила Деларю.

Истекшіе три мѣсяца я безвыѣздно пробылъ въ Парижѣ. Все это время я преимущественно работалъ келейно по теоріи алгебраиче-

скаго рѣшенія уравненій, вопросу, спеціальнымъ изученіемъ котораго я началъ заниматься еще до поѣздки за границу. Этимъ отдѣломъ алгебраическаго анализа я занимался и въ бытность мою въ Гейдельбергѣ въ той степени, въ какой позволяло мнѣ слушаніе лекцій профессора Гессе и занятія по геометріи. Пріѣхавъ же въ Парижъ, я нашелъ, что большинство профессоровъ Collège de France и Сорбонны занимаются оканчиваніемъ курсовъ, читанныхъ ими въ теченіе зимняго семестра. Поэтому, въ посѣщеніи лекцій ихъ впродолженіе настоящаго лѣтняго семестра я не видѣлъ значительной пользы для себя. Мнѣ осталось избрать одно изъ двухъ: или посвятить преимущественно это лѣто келейнымъ занятіямъ, или поѣхать въ одинъ изъ Германскихъ университетовъ, гдѣ читался бы какой-нибудь спеціальный отдѣлъ занимающей меня науки. Первое болѣе соотвѣтствовало цѣли, которую я имѣю въ виду, а потому я и рѣшился остаться въ Парижѣ.

Какъ я уже извѣщалъ министерство въ двухъ первыхъ отчетахъ, я положилъ себѣ воспользоваться временемъ моей командировки главнымъ образомъ для изученія алгебраическаго анализа и геометріи. Поэтому, я прежде всего рѣшился провести одинъ семестръ въ Гейдельбергѣ, чтобы выслушать курсъ аналитической геометріи въ пространствѣ профессора Гессе. Курсъ чистой геометріи могъ я выслушать только въ Парижѣ, такъ какъ здѣсь только существуетъ отдѣльная каѳедра по этому предмету, занимаемая извѣстнымъ геометромъ Шалемъ (Chasles). Съ этою-то цѣлью и пріѣхалъ я собственно въ Парижъ. Что же касается до алгебраическаго анализа, то при существующемъ направленіи и объемѣ преподаванія чистой математики въ Германіи и Франціи, я не могъ предвидѣть найдти случай гдѣ либо выслушать серьёзный курсъ по этому отдѣлу анализа. Я рѣшился поэтому заниматься имъ келейно. Вопросъ, на которомъ я спеціально остановился, былъ рѣшеніе въ радикалахъ алгебраическихъ уравненій всѣхъ степеней. Изслѣдованія ученыхъ касательно этого предмета не представляютъ далеко ничего законченнаго: между ними трудно даже постановить часто надлежащую связь. Изслѣдованія Абеля, Мальмстена, Галоа, Кронеккера и Эрмита далеко не рѣшаютъ еще вопроса. Внутренняя связь, существующая между ними, часто исчезаетъ въ различіи пріемовъ этихъ ученыхъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою спеціальную цѣль. Въ такомъ видѣ вопросъ рѣшенія алгебраическихъ уравненій въ радикалахъ не могъ быть вводимъ въ цѣлости

даже и въ весьма серьёзные курсы алгебраическаго анализа, не смотря на всю свою теоретическую важность. Мнѣ казалось, поэтому, весьма полезнымъ заняться изученіемъ его съ цѣлью попытаться соединить все сдѣланное до сихъ поръ геометрами въ одно цѣлое, пополнивъ нѣкоторые существующіе пробѣлы и представивъ всѣ извѣстные результаты въ строгой взаимной связи и послѣдовательности. Теперь, кажется, я ужь въ состояніи выполнить въ извѣстной степени предположенное и надѣюсь успѣть совершенно окончить эту работу ко времени моего возвращенія въ отечество. Я не считаю умѣстнымъ распространяться здѣсь, въ какомъ именно видѣ и какимъ образомъ нахожу я удобнымъ сдѣлать это — я хотѣлъ только указать на сущность настоящихъ моихъ занятій.

Въ будущемъ зимнемъ семестрѣ откроются въ Collège de France и Сорбоннѣ многіе курсы, весьма меня интересующіе. Поэтому я буду спѣшить окончить въ главномъ настоящую мою работу ко времени ихъ начала, чтобы быть въ состояніи вполнѣ исправно слѣдить за всѣми лекціями. Кромѣ Шаля, который каждую зиму преподаетъ въ Сорбоннѣ курсъ высшей геометріи, я надѣюсь имѣть случай слушать лекціи Бертрана и Льювиля. Оба эти извѣстные геометра ежегодно излагаютъ въ Collège de France тѣ или другіе спеціальные вопросы анализа. Въ настоящій семестръ Бертранъ оканчиваетъ изложеніе методовъ интегрированія дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ. Все касающееся уравненій перваго порядка было имъ прочитано въ прошедшій семестръ; теперь же онъ излагаетъ изслѣдованія Ампера касательно интеграціи дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ втораго порядка. Льювиль читаетъ краткій курсъ теоріи вѣроятностей.

Значительный интересъ представляетъ теперь современная англійская математическая литература. Британскіе геометры обратились съ нѣкотораго времени на изслѣдованіе различныхъ вопросовъ анализа и геометріи при помощи *символическаго исчисленія Гамильтона*. Результаты, полученные ими, особенно въ теоріи интегрированія дифференціальныхъ уравненій, часто весьма замѣчательны. Поэтому, мнѣ непремѣнно хочется ближе познакомиться съ трудами современныхъ англійскихъ геометровъ. Съ этою цѣлью постараюсь непремѣнно побывать въ Англіи. Пока, я исподволь знакомлюсь съ главнѣйшими изъ вышедшихъ за послѣднее время англійскихъ математическихъ сочиненій. Такъ, въ настоящую минуту, для пополненія свѣдѣній моихъ въ аналитической геометріи,

я читаю сочиненіе Салмона: «Treatise on the Analytic Geometry of tree dimensions. Dublin, 1862.» Сколько я могу судить до сихъ поръ, сочиненіе это замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Не говоря ужъ о томъ, что оно содержитъ изложеніе многихъ вопросовъ, которые рѣдко встрѣчаемъ въ курсахъ, оно отличается превосходнымъ изложеніемъ, по возможности сжатымъ и, въ то же время, вполнѣ яснымъ. Авторъ удивительно искусно и у мѣста пользуется всѣми средствами науки, не злоупотребляя въ то же время новѣйшими пріемами. Такъ, пользуясь не только свойствами опредѣлителей, но и исчисленіемъ *кватерніоновъ* для доказательства геометрическихъ предложеній, онъ употребляетъ эти пріемы тамъ только, гдѣ они дѣйствительно приносятъ пользу. Вообще, сочиненіе это извѣстнаго ученаго есть безспорно одно изъ лучшихъ и самыхъ серьёзныхъ руководствъ по аналитической геометріи. Оно составляетъ какъ бы продолженіе двухъ другихъ сочиненій того же автора, именно: «A treatise on conic sections», и «A treatise on the higher plane curves».

Парижъ, 23-го іюля 1863 года.

59) Василія Модестова.

(За три мѣсяца занятій классическою филологіей за границей.)

Оканчивая свои филологическія занятія въ Германіи послѣ 14-ти мѣсячнаго въ ней пребыванія, считаю не лишнимъ съ одной стороны представить résumé этихъ занятій, съ другой сдѣлать нѣсколько замѣчаній о состояніи классической филологіи въ современной Германіи. Начну съ послѣдняго.

Извѣстно, что классической филологіей нигдѣ такъ усердно не занимаются, какъ въ Германіи. Извѣстно также и то, что никакая страна не можетъ представить такого количества филологовъ и филологическихъ книгъ, какъ Германія. При этомъ можно сказать смѣло, что вся черновая сторона этой науки, какъ-то: собраніе матеріяловъ (какими служатъ въ послѣднее время надписи, по преимуществу), разборъ рукописей и сличеніе текстовъ, своды параллельныхъ мѣстъ въ изданіяхъ древнихъ авторовъ, гипотезы относительно исправленія сомнительныхъ или дополненія утраченныхъ мѣстъ въ рукописяхъ — находится почти исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ филологовъ. Согласно съ этимъ, въ то время какъ въ странахъ, болѣе богатыхъ цивилизаціей, при неотразимой силѣ вліянія реальныхъ наукъ, самое занятіе классической филологіей при-

няло реальное направленіе, въ Германіи изученіе и преподаваніе этой науки проникнуто насквозь гелертерскимъ характеромъ, при которомъ изслѣдованія, часто не имѣя никакой ясно поставленной задачи, дѣлаются для самихъ себя, для науки. А такъ какъ для общества и для народа varietas lectionum и тому подобныя занятія не имѣютъ никакого интереса, то нѣмецкіе филологи естественно представляютъ особую касту, изъ среды которой выходитъ и за среду которой не выходитъ та огромная филологическая литература, которою переполнены антикварныя лавки во всей Германіи. Реальная цѣль, для которой молодые люди въ Германіи изучаютъ филологію, это стремленіе занять профессорскую, или учительскую каѳедру для своего жизненнаго обезпеченія. Людей, изучающихъ древнія литературы по чисто свободному влеченію (что̀ называлось у римлянъ studiis vacare), въ Германіи очень мало,—гораздо меньше, чѣмъ напр. въ Англіи, повидимому даже меньше, чѣмъ во Франціи: по крайней мѣрѣ такъ можно судить по личностямъ, подъ именами которыхъ выходятъ филологическія книги. Банкировъ, купцовъ, аристократовъ, какъ въ Англіи, или чиновниковъ, какъ во Франціи, среди этихъ именъ въ Германіи не встрѣчается.

Было время, когда занятія древностью въ Германіи были дѣломъ широкаго интереса, когда ею занимались и философы, и поэты, и государственные люди. Это время конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Оно вполнѣ миновало. Причина того лежитъ, сколько въ общемъ ходѣ направленія цивилизаціи въ настоящее время, въ явленіи новыхъ интересовъ образованности, когда изученіе древности не въ состояніи приносить тѣхъ плодовъ, какія доставляются реальными соціальными науками, столько и въ недостаткѣ у преемниковъ Вольфа и Нибура чутья связи науки съ жизнію. Сухое и безплодное направленіе, данное Германномъ и получившее рѣшительное, если не исключительное, право гражданства въ филологическихъ семинаріяхъ, направленіе, противъ котораго возстаетъ и въ самой Германіи всякій свободный отъ гелертерской традиціи умъ, это занятіе такъ называемымъ, «различіемъ чтеній», служитъ самымъ живымъ доказательствомъ потери чутья связи науки съ жизнью. А между тѣмъ особенно усердное занятіе «различіемъ чтеній» признается во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ краеугольнымъ камнемъ солиднаго филологическаго образованія. Да и внѣ этого убійственнаго занятія гелертерскій духъ до того проникаетъ нѣмецкихъ филологовъ, что даже на лекціяхъ исторіи литературы

и искусства главное, что̀ дается слушателю, это не самая исторія литературы и искусства, не исторія духовнаго развитія древнихъ народовъ, а неизчислимое множество цитатъ,—главы, да страницы. Вотъ почему такъ много схоластики въ нѣмецкихъ книгахъ, вотъ почему на десять книгъ едва попадается одна, которую можно читать, вотъ почему среди величайшей учености такая бѣдность въ здоровыхъ результатахъ и среди такого множества ученыхъ такъ мало двигателей науки и еще меньше людей, имѣющихъ своими сочиненіями вліяніе на общество.

Годъ тому назадъ, въ первомъ своемъ отчетѣ я высказалъ въ нѣскольких словахъ впечатлѣніе, вынесенное мной изъ наблюденія надъ преподаваніемъ классической филологіи въ Берлинскомъ университетѣ; познакомившись больше и съ наукой, и съ Германіей, и съ университетами, и профессорами, и студентами, я долженъ сказать съ той же откровенностью, что направленіе и методы преподаванія классической филологіи въ Германіи для Россіи совершенно не годятся. Тѣ изъ моихъ товарищей, которыхъ я привыкъ уважать за здравость сужденій и солидность образованія, пришли къ тому же заключенію. Но, готовясь къ профессорскому званію, и становясь тѣмъ самымъ въ категорію ученыхъ, я рѣшился какъ можно ближе войти въ нѣмецкую ученость, предоставляя себѣ право воспользоваться ею по своему. Съ этой цѣлью я знакомился у Ричля съ эпиграфикой и отчасти палеографіей, изучалъ его изданіе Плавта и слушалъ лекцій до 30 о латинскихъ звукахъ (Lautlehre), выслушалъ массу цитатъ у Отто Яна на лекціяхъ исторіи греческой литературы и въ археологической семинаріи, слѣдилъ въ филологической семинаріи у Ричля, какъ студенты занимаются исправленіемъ текста у греческихъ и римскихъ писателей, пересмотрѣлъ всю грамматическую литературу латинскаго языка. Все это я дѣлалъ для того, чтобы стать по возможности въ уровень нѣмецкой науки, хотя все болѣе и болѣе убѣждался, что такія занятія для филолога въ Россіи не много имѣютъ практической важности. Я убѣжденъ, что еслибъ я сказалъ свою первую лекцію такъ, какъ читаетъ Ричль, Отто Янъ, или Гауптъ, то на вторую не имѣлъ бы ни одного слушателя. Если чисто гелертерское направленіе находитъ въ Германіи и нѣкоторое сочувствіе и оправданіе, то оно имѣетъ за собой преданія, на которыхъ стоитъ и которыми поддерживается; вводить же его у насъ не было бы никакого смысла, да и не возможное дѣло.

Я прожилъ въ Боннѣ до $^{20}/_{8}$ Іюня. Получивъ извѣстіе, что Моммзенъ открылъ свои лекціи о государственномъ правѣ римской имперіи, я поспѣшилъ въ Берлинъ. Познакомиться теперь же со взглядами Моммзена на римскую имперію я считалъ тѣмъ болѣе нужнымъ, что пронесся въ ученомъ мірѣ слухъ, будто 4-й томъ его «Римской исторіи» выйдетъ не раньше, какъ черезъ четыре года. Въ послѣдніе годы стали часто являться сочиненія, имѣющія цѣлью доказать, что имперія вовсе не была временемъ упадка римскаго государства, какъ понимали дѣло Тацитъ, Монтескье, Нибуръ и др., а что, напротивъ, это было время прогресса и въ римскомъ государственномъ устройствѣ и вообще въ человѣчествѣ. Во главѣ представителей этого новаго ученія, которому такъ посчастливилось послѣ coup d'état 2-го декабря, стоитъ безспорно англичанинъ Меривель, написавшій 7 томовъ сочиненія подъ названіемъ: «History of the Romans under the Empire», by Charles Merivale. Lond. 2 ed., 1862. По мнѣнію этого писателя, пріобрѣвшаго уже громкую извѣстность, Тацитъ — защитникъ аристократіи и олигархіи, который оболгалъ римскихъ императоровъ, разливавшихъ повсюду благосостояніе, вслѣдствіе новой крѣпкой государственной организаціи. Рядомъ съ честнымъ трудомъ Меривеля неловко упоминать о низкомъ тенденціями сочиненіи императорскаго прокурора въ Нантѣ, Дюбуа-Гюшана: «Tacite et son siècle», Paris, 1861, потому что предисловіе и конецъ этого сочиненія не оставляютъ въ насъ сомнѣнія, что авторъ его, защитникъ военнаго деспотизма, поклонникъ «военной Франціи», написалъ два огромныхъ тома съ цѣлью польстить новому режиму въ своемъ отечествѣ; но слѣдуетъ указать на замѣчательную книгу Амедея Тьерри: «Tableau de l'Empire Romain», Paris, 1862. Тьерри смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія отношенія Рима къ побѣжденнымъ племенамъ и народностямъ и очень дѣльно разсуждаетъ о томъ, что имперія содѣйствовала возникшему въ тогдашнемъ мірѣ стремленію къ единству политическому, соціальному единству права и единству религіи. Тьерри не глумится надъ Тацитомъ, какъ Меривель, но очень умно замѣчаетъ, что Тацитъ не могъ видѣть тѣхъ выгодъ имперіи, которыя сдѣлались понятны въ наше время; забываетъ только сказать, что Тациту и его современникамъ во всякомъ случаѣ немного было пользы отъ тѣхъ стремленій къ «единству», которыя явились такъ привлекательными въ книгѣ французскаго историка. Съ книгой Тьерри, вѣроятно наша публика болѣе или менѣе знакома по рецензіи въ Re-

vue des deux mondes (2-я майск. кн. 1863), написанной Сен-Рене Тальяндье, по рецензіи впрочемъ нисколько незамѣчательной. Послѣ выхода сочиненій Меривеля и Ам. Тьерри, узнать на тотъ же предметъ взглядъ Моммзена — болѣе чѣмъ интересно. Кажется въ «Эдинбургскомъ обозрѣніи» дали Моммзену совѣтъ не издавать 4-го тома Римской исторіи, потому что будто-бы конкурировать съ Меривелемъ трудное дѣло. Но на самомъ дѣлѣ мы въ правѣ ожидать окончанія труда Моммзена съ нетерпѣніемъ, потому что изъ всѣхъ знатоковъ римской исторіи въ настоящее время никто не можетъ сравниться съ Моммзеномъ не только въ Германіи, но и гдѣ бы то ни было. Судя по тѣмъ лекціямъ, какія я имѣлъ удовольствіе слушать, Моммзенъ въ своемъ 4-мъ томѣ станетъ далеко выше Меривеля и обширностью свѣдѣній и критикой событій. Спѣшу сообщить послѣднія слова его заключительной лекціи (30 іюля): «Имперія, конечно, была продолженіемъ республики, но ни въ какомъ случаѣ неутѣшительнымъ. Вмѣстѣ съ потерею свободы, римскій народъ потерялъ и науку (вѣкъ Траяновъ есть единственная свѣтлая точка въ имперіи), а съ наукой — и цивилизацію, такъ что варвары, уничтожая имперію, имѣли дѣло не съ народомъ, вооруженнымъ цивилизацiей, а съ такими же варварами, только энервированными. Притомъ онъ замѣтилъ, что римская имперія умерла не насильною, а своею смертію».

Въ заключеніе, къ новымъ взглядамъ на римскую имперію я долженъ упомянуть о недавно вышедшей книгѣ Адольфа Штара: «Tiberius», von Adolf Stahr, Berlin, 1863. Эта очень легко и популярно написанная книга, не имѣя преимуществъ оригинальнаго воззрѣнія, есть очень дѣльная монографія о Тиберіѣ. Тиберій кажется Штару великой личностью. Надобно сказать правду, что Тацитъ говоритъ о Тиберіѣ съ особенной злобой, такъ что замѣтнаго старанія выставить Тиберія въ непріятномъ свѣтѣ нельзя отрицать въ Тацитѣ. Это замѣтилъ еще Монтань въ своихъ знаменитыхъ «Essais» (3-я кн.), особенно развилъ Сиверсъ и, само собой разумѣется, Меривель. Что касается собственно Штара, то его апологія Тиберія ужъ слишкомъ усердна. Тиберій былъ умный человѣкъ, это безспорно; но что онъ былъ тиранъ, тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ какъ въ нашихъ университетахъ открывается теперь каѳедра теоріи и исторіи искусства, то мнѣ очень пріятно сообщить о выходѣ книги мюнхенскаго профессора Вильгельма Любке: «Ge-

schichte der Plastik von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart». Leipzig, 1863. Книга Любке представляетъ первый опытъ полной исторіи скульптуры. Если она не представляетъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, то хорошее знакомство его съ трудами другихъ спеціалистовъ очевидно. Привлекательное простотою, ясностью и живостью изложеніе, неоспоримая способность уловлять въ каждомъ произведеніи искусства смыслъ народнаго воззрѣнія и жизни, дѣлаютъ эту книгу очень замѣчательною. Она вполнѣ заслуживаетъ перевода на русскій языкъ и для изучающихъ этотъ предметъ въ Россіи будетъ самымъ лучшимъ пособіемъ; — фотографическія и литографическія изображенія памятниковъ скульптуры, разсѣянныя по всей книгѣ въ числѣ 231, чрезвычайно содѣйствуютъ наглядности дѣла и оставляютъ живое впечатлѣніе въ читателѣ.

Для дальнѣйшихъ занятій отправляюсь въ Италію.

Берлинъ, $\frac{\text{2-го августа}}{\text{21-го іюля}}$ 1863 года.

60) Кандидата А. Веселовскаго.

Въ области историко-филологическихъ наукъ совершается теперь переворотъ, какого не было, быть можетъ, со времени великаго обновленія классическихъ знаній. Перевороты всегда соединены бываютъ съ неожиданнымъ расширеніемъ кругозора въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ. Это тѣмъ болѣе вѣрно, чѣмъ дальше отъ начала всякой исторіи, гдѣ человѣкъ тѣснѣе связанъ съ природой и его развитіе еще не успѣло создать себѣ своихъ собственныхъ, преданіемъ освященныхъ, законовъ; гдѣ народная масса мягче и развитіе ея ровнѣе. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ ярче выступаетъ система общественныхъ законовъ въ ея противоположности съ законами чисто физіологической жизни, которые вездѣ составляютъ ея подкладку. Но эта подкладка такая далекая, она перешла черезъ цѣлый рядъ преданій, успѣла формулироваться въ обычай и законъ, такъ что дальнѣйшее развитіе уже совершается въ формахъ этого закона и обычая. Это то, чтó мы называемъ прогрессомъ или органическимъ развитіемъ; оборотная сторона — это органическій упадокъ, по всѣмъ правиламъ общества и исторіи, какъ медикъ заставляетъ умереть больнаго по всѣмъ правиламъ искусства.

Переворотъ наступаетъ, когда въ это тихое развитіе изъ своихъ

собственныхъ началъ вторгается масса новыхъ началъ и фактовъ, съ которыми приходится считаться. Въ какую бы сторону ни окончилось борьба стараго съ новымъ, въ результатѣ всегда будетъ сдѣлка, не побѣда и не пораженіе — это одинъ изъ тѣхъ плодотворныхъ результатовъ гегелевской философіи, на которомъ тюбингенская школа построила свою исторію христіанства. Отворяются новые просвѣты въ даль, сопровождаемые часто пространственнымъ расширеніемъ горизонта, какъ будто съ расширеніемъ взгляда тѣсно соединено болѣе широкое знакомство съ внѣшнимъ міромъ. Такъ открытіе путей на востокъ въ крестовыхъ походахъ положило болѣе широкое основаніе средневѣковой культурѣ, возвысивъ рыцарскій идеалъ до рыцарей Храма и Св. Граля. Въ этомъ отношеніи стоитъ сравнить типы Вильгельма Оранскаго въ chanson de geste XI — XII вѣковъ, хоть бы съ Готфридомъ Бульонскимъ Тасса, въ которомъ рыцарскій идеалъ британскаго круга достигъ своего высшаго, хотя односторонняго развитія. Любители эпической наивности и первобытной простоты нравовъ, разумѣется, предпочтутъ аквитанскаго героя; здѣсь дѣло личнаго вкуса, здѣсь даже сравненія быть не можетъ, потому что сравненіе возможно только между сходными величинами и сравнивать прошедшее народа съ настоящимъ и такимъ путемъ выводить свой осуждающій приговоръ, такъ же ни къ чему не ведетъ, какъ сравнивать возможность развитія съ его совершеніемъ. Что сумма нравственныхъ началъ, каковы бы они ни были, въ позднѣйшихъ рыцарскихъ романахъ несравненно больше, чѣмъ въ такъ называемомъ героическомъ эпосѣ— противъ этого конечно никто не станетъ спорить. Что же интереснѣе наконецъ — прожитая ли жизнь, съ ея какими ни на есть выстраданными результатами, или отсутствіе всякой жизни, жизнь инстинктовъ и животной силы, гдѣ одинъ богатырь прокалываетъ другаго насквозь своимъ копьемъ, такъ что на высунувшійся кончикъ копья можно бы повѣсить свой плащъ, «qui s'en fust pris bien garde».

Тѣ же самые крестовые походы впервые подняли значеніе городовъ и средняго сословія дóма, пока рыцари добывали себѣ чести въ Палестинѣ. Когда вернулись они назадъ, ихъ встрѣтила цѣлая литература фаблiò и мѣщанскихъ разсказовъ, апологовъ и новеллъ, которую они же вывезли съ востока. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ разсказовъ уже существовала на западѣ до этого, принесенная изъ общей азіатской родины; но не доставало толчка, чтобъ имъ развиться въ ту громадную литературу, которая

по немногу заглушила рыцарскую. Толчекъ пришелъ съ востока, оттуда же, откуда рыцарству его высокіе идеалы борьбы и самоотверженія. Со 2-й половины XIII вѣка литература принимаетъ болѣе и болѣе мѣщанскій, поучительный характеръ, мѣсто романа занимаетъ новелла, легенда, наставленіе, стихъ переходитъ въ прозу. На самихъ рыцаряхъ позднихъ романовъ этой поры ложится фламандскій отпечатокъ они отправляются въ путь не очертя голову, а устроивши свои домашнія дѣла и взявъ денегъ, чтобъ хватило на дорогу. Такъ продолжается весь XIV и XV вѣкъ, — мы говоримъ особенно про Германію.

Здѣсь опять широкій просвѣтъ на востокъ и западъ; греческіе ученые приходятъ съ востока, на западъ отправляются европейцы отъискивать новый міръ. Мы знаемъ, какія громадныя слѣдствія для нравственнаго и матеріальнаго развитія нашей части свѣта имѣло это расширеніе кругозора и географическихъ разстояній. Въ XVI вѣкѣ сказались плоды того и другаго. Мы готовы почти принять, что исторія или то, что́ мы обыкновенно называемъ исторіей, только и двигается впередъ помощью такихъ неожиданныхъ толчковъ, которыхъ необходимость не лежитъ въ послѣдовательномъ, изолированномъ развитіи организма. Иначе говоря, вся исторія состоитъ въ Vermittelung der Gegensätze, потому что всякая исторія состоитъ въ борьбѣ. Изолируйте народъ, удалите его отъ борьбы и тогда попробуйте написать его исторію, если исторія будетъ. До тѣхъ поръ мы не вѣримъ въ возможность физическаго настроенія историческихъ явленій. Исторія не есть физіологія; если она развивается на исключительно физіологическихъ началахъ — она уже не исторія. Бёкль попытался сдѣлать для европейской исторической жизни, что́ возможно развѣ для какихъ нибудь Эскимосовъ или Готтентотовъ, да и то пока они не увидѣли перваго иноземца. Первый иноземецъ уже возмутилъ бы физіологическій покой ихъ жизни, правильный ходъ ихъ мысли нарушилъ бы обмѣнъ съ чужой мыслью, выросшей на иной почвѣ, въ другомъ кругѣ представленій. Опредѣлить законы этихъ столкновеній, разумѣется, невозможно, по крайней мѣрѣ для насъ; все ограничивается такими общими истинами, какъ порабощеніе низшей цивилизаціи высшею, сдѣлка борящихся началъ и т. п. Для науки исторіи, для физіологической науки исторіи, не настало еще время. Да и настанетъ ли?

Историко-филологическія занятія дѣйствительно получили въ недавнее время болѣе научное основаніе, чѣмъ какое имѣли до

тѣхъ поръ. Быстрые успѣхи, которые они сдѣлали съ тѣхъ поръ, какъ вступили на эту новую прочную почву, заставляютъ надѣяться на обширные результаты въ будущемъ. Будетъ смѣло сказать, что результаты эти отзовутся на всей исторической наукѣ, но что для первыхъ главъ своей исторіи цивилизаціи Бёкль былъ бы въ состояніи теперь же воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ — это доказываютъ труды Kuhn'a, Picte и др. для характеристики первобытной культуры. Вмѣсто того, мы получаемъ довольно скудное росписаніе различныхъ вліяній, какія производитъ на человѣкѣ климатъ, пища и т. п. природныя условія. Однимъ словомъ, строится исторія надъ человѣкомъ и вопреки человѣка, между тѣмъ какъ слѣдовало бы построить ее изъ самаго человѣка, какъ физіологической и психологической единицы, состоящей разумѣется подъ вліяніемъ окружающаго, но имѣющей достаточно матеріала въ самой себѣ, чтобъ изъ самой себя развиться.

Для такого внутренняго построенія исторіи, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей ея, всего болѣе сдѣлаетъ новая наука лингвистики. Это опять же одинъ изъ счастливыхъ результатовъ того расширенія умственнаго и вещественнаго горизонта, о которомъ мы такъ часто говорили. Англичане завоевали Индію, англійскіе ученые завоевали индѣйскую науку. Sir William Jones первый сдѣлалъ открытіе, что санскритскій языкъ родственъ съ греческимъ, латинскимъ и большинствомъ живыхъ европейскихъ языковъ. Открытіе, кажущееся само по себѣ маловажнымъ, повело за собой классическіе труды Боппа, совершенное обновленіе филологическихъ занятій. Санскритскій языкъ, введенный въ систему прусскаго университетскаго образованія усиліями Вильгельма Гумбольдта и Альтенштейна, въ рѣдкомъ изъ нѣмецкихъ университетовъ не имѣетъ теперь представителя, каѳедры его распространились даже въ Америку и вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе сравнительной грамматики. Англичане уже успѣли написать популярное руководство for the use of students. Выше замѣчено было, какое громадное вліяніе на научные пріемы исторической дисциплины могутъ имѣть новые успѣхи языкознанія. Не даромъ Штенцлеръ еще въ этомъ году провозгласилъ сравнительную грамматику частью сравнительной исторіи культуры. (Ich betrachte daher die vergleichende Gramatik nur als einen Zweig der vergleichenden Culturgeschichte des ganzen Volksstammes). Не говоря уже о томъ, что при ея помощи освѣтились такія темныя стороны историческаго міра, до которыхъ не смѣла дотрогиваться археологія —

она вызвала науку сравнительной миѳологіи. И на изученіе собственно германскаго эпоса и новеллы распространилось ея вліяніе; какъ прежде была манера говорить о заимствованіи, когда рѣчь шла о сходствѣ двухъ повѣстей, такъ теперь пріучились указывать на общее всѣмъ намъ отечество въ Азіи, откуда мы вынесли языкъ, одни обычаи и повѣрья. Быть можетъ, эти указанія заходятъ даже слишкомъ далеко, употребляются во зло, подъ вліяніемъ исключительной любви къ народной литературѣ. Заимствованіе, видите ли, оскорбительно, наслѣдство не оскорбительно, хотя наслѣдство то же заимствованіе, особенно изъ такихъ далекихъ рукъ, какъ наши праотцы на Иранской возвышенности. Такимъ образомъ шакалъ Гитопадеши, упавшій въ кадку съ синей краской и разсказъ о Реингардѣ-лисѣ, окрашенномъ въ золотой цвѣтъ, приводится въ филіацію къ одному общему прототипу сказанія. Наши нѣмецкіе ученые, говоритъ Гервинусъ по этому поводу, помогли создать новую науку языкознанія; сродство новыхъ языковъ между собою всюду указывало имъ на древній источникъ. Это было естественно, потому что языки можно измѣнять до неузнаваемости, но совершенно отложить нельзя. Другое дѣло сказанія, поэтическія произведенія. Крестовые походы заглушили почти всякую память о времени Оттоновъ, переселеніе народовъ уничтожило въ нашемъ отечествѣ всѣ великія воспоминанія о прошедшемъ; — и среди этихъ великихъ опустошеній страны, среди Богъ знаетъ сколькихъ тысячелѣтій переселеній, сохранилась басня объ окрашенной въ золото и синее лисицѣ! И то ужъ удивительно, что въ языкѣ многое сохранилось, о подвижной сагѣ мы не можемъ предположить того же самаго. Намъ кажется что даже и въ языкѣ слишкомъ мало обращали вниманія, что одинаковый даръ наблюденія, обращенный на одни и тѣ же предметы, могъ самостоятельно найти сходныя выраженія для внутреннихъ впечатлѣній и вѣроятно часто находилъ. *Если, при всякомъ сходствѣ въ исторіи, отправляться отъ такого предполагаемаго доисторическаго сродства — то не было бы закона внутренняго развитія, и никакой народъ, ни одинъ человѣкъ не могъ бы сдѣлать шагу, не заимствуя.*

Какъ мы сказали — къ отъисканію этого «закона внутренняго развитія», проложенъ путь въ новомъ философскомъ направленіи, какое получила въ наше время наука языка. Мы видимъ, какъ постепенно отъ отвлеченныхъ вопросовъ о началѣ языка она переходитъ къ такимъ живымъ вопросамъ, какъ начало миѳа, обычая,

22

народнаго характера, народной психологіи. Введеніе въ литературную исторію, которое Штейнталь читаетъ въ этомъ семестрѣ, также относится къ разряду дисциплинъ, получающихъ новый смыслъ и болѣе ясное значеніе подъ вліяніемъ философско-лингвистическаго взгляда. Когда Штейнталь спрашиваетъ себя о началѣ искусства и находитъ его въ религіи — это имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ извѣстныя всѣмъ повторенія о происхожденіи драмы изъ среды Діонисовыхъ празднествъ, о религіозныхъ началахъ греческаго ваянія и т. п. — Извѣстное всѣмъ эмпирическое отличіе поэзіи отъ другихъ изобразительныхъ искусствъ, будто поэзія изображаетъ дѣйствіе, ваяніе и живопись состояніе, получаетъ болѣе глубокое значеніе, когда оно сравнивается съ отличіемъ символа и миѳа, слова и предложенія. Слово — это символъ; предложеніе, фраза — миѳъ. Какъ въ представленіи Штейнталя слово произошло изъ предложенія, символъ изъ миѳа, такъ поэзія должна была явиться раньше другихъ образовательныхъ искусствъ. Надо было существовать миѳу, — въ поэзіи, чтобъ образовательныя искусства могли изобразить его символически.

Такимъ образомъ миѳъ, языкъ и искусство приводятся къ одному высшему единству и взаимно другъ друга объясняютъ. Многое, что̀ до сихъ поръ оставалось неяснымъ, въ примѣчаніяхъ и дополнительныхъ параграфахъ, войдетъ теперь въ самый текстъ. Наука объ изящномъ должна подвергнуться коренному измѣненію, вмѣстѣ съ ветхою истиною о тождествѣ прекраснаго, истиннаго и добра.

Сколько можно было замѣтить изъ предъидущаго, «введеніе» Штейнталя отличается эстетически-критическимъ характеромъ, поставляетъ общіе вопросы о прекрасномъ, о формѣ, объ отличіяхъ искусствъ; историческій обзоръ понятій объ исторіи литературы отъ древнихъ Грековъ до Шлегелей и Гервинуса занялъ одинъ нѣсколько лекцій. Въ моемъ первомъ отчетѣ мнѣ удалось высказать мой взглядъ на изученіе литературной исторіи. На видъ поставлена была задача — прослѣдить исторію образованія, не ограничивая ея одною Geschichte der Dichtung, допуская въ нее и исторію философскихъ построеній и религіозныхъ идеаловъ. Задача, которая многимъ покажется не по силамъ, по силамъ наукѣ. Штейнталь понимаетъ дѣло совершенно иначе. Для него исторія литературы совершенно эстетическая дисциплина, eine esthetische Disciplin; die Literaturgeschichte ist nur die Geschichte der eigentlichen Kunstdarstellungen auf dem Gebiete der Literatur. Какія произведенія составляютъ

предметъ исторіи литературы? Solche Werke deren ganzes Wesen vollständig auf der Form beruht. Исторія, краснорѣчіе, философія лишь на столько привходятъ въ исторію литературы, на сколько онѣ отличаются изящной формой. На этомъ основаніи Ѳукидидъ и Платонъ найдутъ себѣ мѣсто рядомъ съ Гомеромъ и Софокломъ, Кантъ и Фихте останутся за дверьми или помѣстятся развѣ въ приложеніи. Разумѣется, здѣсь надо взять въ расчетъ національныя особенности: нѣмцы обращаютъ вниманіе болѣе на содержаніе, чѣмъ на форму; имъ главнымъ образомъ важна добыча мысли, въ какой бы формѣ она выражена ни была. Оттого нѣтъ на свѣтѣ ученыхъ, которые бы такъ дурно писали, какъ нѣмецкіе. Другое дѣло французы: тѣ уважаютъ хорошій стиль и потому хорошо пишутъ, читаютъ до сихъ поръ Боссюэ, между тѣмъ какъ едва ли кто въ настоящее время возмется за Гердера, который однако хорошо писалъ. Такимъ образомъ становится неясна граница между хорошо и дурно пишущими учеными и вмѣстѣ съ тѣмъ неясенъ критерій кого допустить въ исторію литературы, кого нѣтъ. Да и на какомъ основаніи допустить? Штейнталь самъ называетъ научный языкъ— eine wissenschaftliche Nothsprache, какъ есть дѣловой языкъ, языкъ обыденнаго разговора. Красивъ ли этотъ научный языкъ или нѣтъ, даже при отсутствіи всѣхъ спеціальныхъ терминовъ и ученыхъ оборотовъ, онъ останется eine Nothsprache уже потому одному, что глубоко обусловленъ содержаніемъ изслѣдованія, логическимъ развитіемъ мысли. Если эта мысль не должна имѣть мѣсто въ изложеніи исторіи литературы, то какъ бы ея изложеніе ни возвышалось надъ уровнемъ обыкновеннаго научнаго Nothsprache, какъ напр. языкъ Lotze въ его микрокосмѣ, оно все же въ исторію литературы не идетъ, развѣ въ особую главу «о пріятномъ слогѣ».

Мы оставляемъ другимъ рѣшить, не слишкомъ ли узко очертилъ Штейнталь границы литературной исторіи? Мы себѣ объясняемъ дѣло такимъ образомъ. Существуетъ рубрика подъ названіемъ исторія литературы; ея границы неясны, они расширяются по временамъ до принятія въ себя такихъ элементовъ, которые съ своей стороны успѣли сложиться въ особыя науки. Надо было опредѣлить границы, провести межу, до которой позволено доходить литературной исторіи и за которой начинаются чужія владѣнія. Эти владѣнія — политическая исторія, исторія философіи, религіи, точныхъ наукъ. На долю исторіи литературы останутся такимъ образомъ однѣ, такъ называемыя, изящныя произведенія и она станетъ

эстетической дисциплиной, исторіей изящныхъ произведеній слова, исторической эстетикой. Это зовется узаконеніемъ и осмысленіемъ существующаго. Безъ сомнѣнія, исторія литературы можетъ и должна существовать въ этомъ смыслѣ, замѣняя собою тѣ гнилыя теоріи прекраснаго и высокаго, какими насъ занимали до сихъ поръ. Въ рукахъ Штейнталя оно такъ и сталось бы; но нужно имѣть его талантъ и мы боимся, что при такомъ направленіи, да въ другихъ рукахъ, исторія литературы всегда будетъ имѣть теоретическій характеръ или сдѣлается невѣрна самой себѣ и, выйдя изъ желанія заниматься однѣми только поэтическими произведеніями, принуждена будетъ прибѣгать за объясненіемъ ихъ къ особенностямъ политическаго и религіознаго развитія. Geschichte der deutschen Dichtung Гервинуса даетъ гораздо больше, чѣмъ можно бы ожидать по ея заглавію. И выходитъ, что вмѣсто того, чтобъ оставлять себѣ лазейку на всякій случай, лучше прямо сознаться, что границы литературной исторіи придется опредѣлять иногда гораздо шире, чѣмъ кругомъ исключительно изящныхъ произведеній. Осмысляя существующую рубрику, можно, я думаю, предложить и новую. Мы предложили исторію образованія, культуры общественной мысли, на сколько она выражается въ поэзіи, наукѣ и жизни. Точныя науки привходятъ, разумѣется, только своими результатами, какъ вообще на культуру онѣ стали имѣть вліяніе только въ послѣднее время.

Что эта задача не легкая — сознаю всего больше я самъ. Нужна масса знаній и нужно много времени для пріобрѣтенія этой массы знаній, а не два года, назначенные намъ распоряженіемъ министерства. Иногда опускаются руки передъ количествомъ матеріала, который хотѣлось бы одолѣть, чтобы сколько нибудь отвѣчать заданной самому себѣ задачѣ. Для этого необходимо порой специализироваться, а тутъ надо спѣшить, прочесть какъ можно больше книгъ. Этимъ объясняется, почему иногда разбрасываешься и много слушаешь лекцій, которыя отрываютъ отъ домашнихъ, более производительныхъ занятій. Въ настоящее время я занимаюсь дома старофранцузскимъ языкомъ, въ университетѣ слушаю психологію у Юргенъ Бона-Мейера, у Мюлленгофа — историческую грамматику нѣмецкаго языка и Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде въ связи съ нѣмецкой метрикой. О грамматикѣ нечего говорить: послѣ капитальныхъ трудовъ Якова Гримма трудно сдѣлать что нибудь новое, не опираясь на нихъ. Главная разница въ систематизаціи — напр. глаголовъ такъ называемой starker Conjugation, гдѣ Мюллен-

гофъ отступаетъ отъ Гримма и лекцій Лахмана. За то лекціи Лахмана, установителя древне-нѣмецкой метрики, совершенно легли въ основаніе метрическихъ чтеній Мюлленгофа, подкрѣпленныя новыми примѣрами изъ изданій Лахмана, Бенеке и Гаупта и развитыя въ частностяхъ. Отрывки изъ тѣхъ лекцій по запискамъ Zacher'a помѣщены были въ журналѣ Пфейффера и обработаны Оскаромъ Шаде въ Weimarische Jahrbücher. Наслѣдіе Лахмана еще долго будетъ чувствоваться въ наукѣ нѣмецкаго языка.

Шоттъ, извѣстный знатокъ китайскаго и финнскихъ языковъ, нѣсколько лѣтъ сряду объявляетъ, что будетъ читать о духовныхъ произведеніяхъ финнскихъ племенъ (de monumentis ingenii populorum Fennicae quae dicitur stirpis.) Не смотря на то, что лекціи объявлены публичныя, слѣдовательно даромъ, онѣ рѣдко когда устраивались. По нѣмецкимъ университетскимъ обычаямъ — tres faciunt collegium, а трехъ слушателей никогда не набиралось. Въ недавнее время чтенія кое-какъ уладились, но не публичныя, а на частномъ основаніи — слушателей двое. Мы уже получили полную библіографію финнской и эстонской литературы, куда вошли, разумѣется, сочиненія, писанныя о Финляндіи на шведскомъ языкѣ и такія, которыя писаны по-финнски, но не о Финляндіи. Профессоръ Шоттъ остановился подробнѣе на Калевалѣ и Калевипойгѣ, о которомъ готовитъ статью. Мы ожидали, что онъ больше обратитъ вниманія на языкъ, обычаи, миѳологію — вообще, на все то, что̀ собственно говоря, можно назвать произведеніемъ народнаго духа. Какъ бы то ни было — его лекціи даютъ много матеріалу, который рѣдко кому придется добывать изъ первыхъ рукъ.

61) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Въ предыдущемъ моемъ письмѣ я уже сообщалъ министерству народнаго просвѣщенія, что въ текущемъ семестрѣ я занимаюсь преимущественно прикладною математикою.

Я посѣщалъ два курса лекцій г. Вибе; о простыхъ частяхъ машинъ и о рабочихъ машинахъ, и курсъ г. Грасгофа, объ общей теоріи машинъ и о гидравлическихъ двигателяхъ, читанные ими въ Берлинскомъ Gewerbe Institut'ѣ.

Свой курсъ о простыхъ частяхъ машинъ Вибе началъ статьею о тѣхъ частяхъ машинъ, которыя основаны на теоріи винта и клина, причемъ обратилъ главное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя

употребляются, какъ связывающія или скрѣпляющія средства. За этою статьею слѣдовала довольно большая статья о построеніи частей машинъ, служащихъ для преобразованія и передачи движеній. Большая часть этой статьи была посвящена трущимся и зубчатымъ колесамъ. Курсъ былъ законченъ статьею о построеніи цапфовъ и опоръ.

Упражненіями въ проектированіи частей машинъ руководилъ профессоръ Финкъ.

Руководствомъ для лекцій г. Вибе о простыхъ частяхъ машинъ частію служитъ его сочиненіе: die Lehre von den einfachen Maschinentheilen, а при проектированіи, сочиненіе профессора Цюрихской политехнической школы г. Рюло: der Constructeur.

Другой курсъ г. Вибе, о рабочихъ машинахъ, былъ посвященъ паровымъ машинамъ, фабричнымъ, локомотивамъ и пароходнымъ. При чтеніи о локомотивахъ были сообщены подробности и объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. Упражненія въ проэктированіи рабочихъ машинъ дѣлались подъ руководствомъ самого г. Вибе. Кромѣ упражненій въ составленіи проектовъ, для большаго уясненія читаннаго г. Вибе дѣлалъ со слушателями экскурсіи на фабрики Борзига, на франкфуртскую и штеттинскую станціи желѣзныхъ дорогъ и на сцены королевскихъ театровъ.

Грасгофъ началъ свои чтенія съ общей теоріи движенія машинъ. Показавъ, съ одной стороны, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ движеніе машинъ дѣлается равномѣрнымъ по истеченіи только безконечно большаго времени, а съ другой стороны — всѣ выгоды равномѣрнаго хода машины и невыгоды неравномѣрнаго, онъ перешелъ къ теоріи регуляторовъ — снарядовъ уравнивающихъ ходъ машинъ. Послѣ общей теоріи движенія машинъ онъ приступилъ къ теоріи водяныхъ колесъ. Въ настоящее время, онъ окончилъ теорію вертикальныхъ колесъ и приступилъ къ турбинамъ.

Кромѣ занятій въ Gewerbe Institut'ѣ, я слѣдилъ еще за курсомъ г. Вейерштрасса о приложеніи теоріи эллиптическихъ функцій къ рѣшенію вопросовъ, взятыхъ изъ геометріи и механики. Въ этомъ курсѣ Вейерштрассъ разсмотрѣлъ вопросы о дѣленіи лемнискаты, о геодезической линіи и о вращательномъ движеніи неизмѣняемой системы около неподвижной точки.

Берлинъ, 16/28 іюля 1863 года.

62) Кандидата Николая Мельникова.

Во время весенней вакаціи я занимался въ секціонной залѣ профессора Гиртля препаровкою и студировалъ зоотомію въ его музеѣ. Музей Гиртля заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія каждаго интересующагося зоологіей. Здѣсь убѣждаешься до чего можетъ достичь искусство въ инъекціяхъ и выработкѣ анатомическихъ препаратовъ и имѣешь средство познакомиться съ организацією нетолько представителей европейской фауны, но и — фаунъ другихъ частей свѣта. Профессоръ Гиртль, какъ членъ чуть не всѣхъ естественно-историческихъ обществъ въ свѣтѣ, ежегодно получаетъ рѣдкихъ животныхъ изъ всѣхъ мѣстностей и странъ и имѣетъ такимъ образомъ возможность обладать столь завиднымъ матеріаломъ. Кромѣ того, какъ уважаемый преподаватель, онъ получаетъ средства для пополненія своего кабинета и отъ своихъ учениковъ — медиковъ, и тѣ, въ свою очередь, шлютъ со всѣхъ концовъ ему все, что только случится имъ встрѣтить болѣе или менѣе интереснаго.

Гиртль, какъ это ужъ можно судить по его работамъ, преимущественно интересуется рыбами и потому ихтіологическій отдѣлъ его музея относительно богаче другихъ. Въ немъ, начиная съ самыхъ низшихъ по организаціи рыбъ — съ Amphiostoma, относимой нѣкогда къ улиткамъ — и Mytine, которую Линней причислялъ къ червямъ, до Lepidosiren, о которой и теперь еще спорятъ зоологи — принадлежитъ-ли она къ рыбамъ, есть представители рѣшительно каждой группы класса.

Пользуясь позволеніемъ профессора посѣщать его собраніе въ каждое мое свободное время и вынимать даже изъ шкаповъ болѣе важные для меня препараты, я обратилъ главное вниманіе именно на ихтіологическій отдѣлъ собранія и въ немъ преимущественно на двѣ группы — группу Ganoidei и — Dipnoi.

Если классъ рыбъ, какъ исходная точка всего ряда позвоночныхъ, вообще имѣетъ большой интересъ, такъ изъ всѣхъ его группъ — Ganoidei по преимуществу интересна. Она по скелету и въ нѣкорыхъ другихъ отношеніяхъ сходна съ истинными хрящескелетными рыбами съ одной стороны; съ другой же — имѣетъ много общаго съ рептиліями. Кромѣ этого, группа Ganoidei заслуживаетъ особаго вниманія и тѣмъ, что сохранилась, съ большими или меньшими варіаціями формъ, до современной намъ эпохи, ведя свое начало еще съ періода отложенія цейхштейновыхъ пластовъ. Современные

рода группы Ganoidei, именно изъ ея отдѣла holostei, какъ-то Lepidostens напр. несомнѣнно близкій родственникъ вымершихъ Sauroidei, Lepidoidei и Pycnodontes; или какъ родъ Amia — родамъ Leptolepis, Sauropis, Megalurus и др., остатки которыхъ находимъ въ юрскихъ и мѣловыхъ пластахъ. Къ этому немногому, сказанному о группѣ Ganoidei, позволю себѣ присовокупить коротенькое замѣчаніе, касающееся систематики порядка. Извѣстно, что I. Миллеръ, руководствуясь неодинаковою степенью развитія скелета у различныхъ животныхъ порядка Ganoidei, раздѣлилъ его на два подпорядка — Ganoidei chondrostei и G. holostei. Но, строго говоря, такое раздѣленіе недопустимо: здѣсь рѣзкихъ отличій въ развитіи скелета нѣтъ у представителей группы Ganoidei. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, котораго бы скелетъ былъ или исключительно хрящевымъ или вполнѣ окостенѣлымъ. За примѣромъ ходить не далеко: у осетровыхъ рыбъ хотя остистые отрости и ребра окостенѣлы, но позвонки слиты. Еще же осязательнѣе выставляется невозжножность такаго раздѣленія, если обратиться къ окаменѣлымъ остаткамъ рыбъ, сходныхъ съ живущими представителями пор. Ganoidei.

Второй изъ названныхъ порядковъ замѣчателенъ, я хотѣлъ бы сказать, двойственною натурою своихъ видовъ. Характеры двухъ смежныхъ классовъ — рыбъ и амфибій слились въ этихъ курьезныхъ существахъ. Эта любопытная комбинація признаковъ рыбъ и гадовъ въ группѣ Dipnoi ясно выражается уже въ наружности ея представителей.

Форма тѣла ихъ похожа на форму тѣла угря и змѣи; покрыто оно чешуями и оканчивается сплюснутымъ хвостомъ, снабженнымъ переферическимъ плавнемъ. Оконечности представляются двумя парами нитевидныхъ прибавковъ, въ дѣйствительности не могущихъ служить ни орудіями для плаванія, тѣмъ менѣе орудіями для ходьбы. Задніе изъ нихъ по положенію своему около заднепроходнаго отверстія могутъ считаться аналогами заднихъ конечностей амфибій. Голова довольно широкая. Глаза маленькіе. Отверстіе рта широкое. Вооруженіе рта особенное — кости, соотвѣтствующія челюстнымъ, — представляются большими, складчатыми, рѣжущими пластинками; пластинки эти функціонируютъ какъ зубы. Настоящіе зубы весьма маленькіе и сидятъ только на межчелюстныхъ костяхъ. Носовыя отверстія помѣщаются у самаго конца морды.

Но не только въ ихъ наружномъ, а и во внутренномъ строеніи то же смѣшеніе признаковъ рыбъ и гадовъ, такъ что, не смотря

на то, что анатомія животныхъ пор. Dipnoi, уже довольно хорошо изучена, мнѣнія ученыхъ объ истинномъ ихъ мѣстѣ въ научной системѣ, до сихъ поръ расходятся.

Bischoff, первый изслѣдовавшій Lepidosiren paradoxa анатомически, нашелъ, что скелетъ его имѣетъ болѣе общаго съ скелетомъ рыбъ; а органы дыханія и кровообращенія представляютъ большее сходство съ этими органами amphibia perennibranchiata.

Придавая особую важность послѣднему обстоятельству, Bischoff поставилъ Lepidosiren рядомъ съ Amphiuma и Menopoma.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей подтвердили это мнѣніе Valentin, Vogt, Melville и еще нѣкоторые.

Owen же, Hyrtl, Peters и многіе другіе, изучившіе анатомію какъ Lepidosiren paradoxa, такъ и африканскаго представителя порядка Dipnoi — Protopterus единогласно относятъ оба рода къ классу рыбъ.

Не приводя здѣсь доводовъ этихъ послѣднихъ изслѣдователей, такъ-какъ это завело бы меня слишкомъ далеко и заставило бы вдаваться въ лишнія для отчета подробности, скажу только, что аргументы, представляемые въ пользу ихтіологической натуры Lepidosiren и Protopterus имѣютъ перевѣсъ. Притомъ еще замѣчу, что присутствіе или отсутствіе легкихъ не считается уже въ настоящее время, абсолютнымъ признакомъ для отличія класса рыбъ отъ класса гадовъ.

Лѣтній семестръ, проведенный тоже еще въ Вѣнѣ, я посвятилъ исключительно практическимъ студіямъ эмбріологіи. Я изучалъ преимущественно исторію развитія лягушекъ и жабъ. Яйца этихъ животныхъ представляютъ лучшій матеріалъ для первоначальныхъ работъ по эмбріологіи: такъ-какъ съ одной стороны нѣкоторые моменты развитія яйца возможно изучать только на яйцахъ, оплодотворяемыхъ наружи; съ другой — ихъ можно всего легче достать и достать въ нужно-большомъ количествѣ.

63) Кандидата Степанова.

Я уже въ прошломъ отчетѣ упомянулъ о моемъ намѣреніи провести настоящій семестръ въ Гиссенѣ; меня влекло сюда имя Лейкарта, извѣстнаго не только по своимъ ученымъ трудамъ, но пользующагося также репутацією отличнаго преподавателя, подъ руководствомъ котораго выработались лучшіе изъ молодыхъ германскихъ зоологовъ.

Исходною точкою моихъ занятій была и здѣсь лабораторія; изъ лекцій я слушалъ у профессора Лейкарта курсъ общей зоологіи и исторіи развитія человѣка.

Содержаніе лекцій общей зоологіи взято профессоромъ изъ извѣстнаго руководства, изданнаго имъ вмѣстѣ съ Bergmann'омъ, представляющаго обзоръ анатомическаго строенія животнаго царства съ физіологической точки зрѣнія. Многія изъ статей этого единственнаго въ своемъ родѣ творенія были при этомъ измѣнены сообразно современному состоянію науки. Не входя здѣсь вообще въ изложеніе предмета самыхъ лекцій, упомяну только объ одномъ элементѣ, которому профессоръ давалъ особенное значеніе въ своемъ курсѣ— это величина животнаго тѣла.

Въ отправленіяхъ каждаго организма различаемъ мы два момента; поверхность тѣла его служитъ для принятія и выдѣленія различныхъ веществъ, которыя переработываются остальною массою его. Слѣдовательно, процессъ принятія и выдѣленія веществъ въ организмѣ находится въ прямой зависимости отъ поверхности его тѣла, а процессъ обработки принятыхъ веществъ тѣсно связанъ вообще съ массою этого послѣдняго. Отношеніе между этими двумя дѣятелями должно намъ вполнѣ объяснить все то различіе въ результатѣ отправленій различныхъ организмовъ, которое имѣетъ въ своемъ основаніи законъ раздѣленія труда. Самое выгодное отношеніе между массою всего тѣла и его поверхностью встрѣчаемъ мы у микроскопическихъ животныхъ, какъ напр. грегаринъ; съ увеличеніемъ животнаго, объемъ его тѣла растетъ въ кубѣ, а поверхность только въ квадратѣ, такъ что необходимая зависимость между поверхностью тѣла и его остальною массою у большихъ животныхъ сохраняется только при посредствѣ разныхъ возвышеній, отростковъ, углубленій, которые вмѣстѣ съ тѣмъ усложняютъ строеніе самихъ организмовъ. Послѣ этого понятно, что вообще и отношеніе каждаго органа къ массѣ всего тѣла должно быть опредѣленное; органъ можетъ быть при этомъ разбитъ на различное число частей, имѣющихъ различное положеніе. Вмѣстѣ съ такимъ взглядомъ на значеніе отдѣльныхъ органовъ въ животномъ организмѣ, вносится въ сравнительную анатомію строго математическое направленіе, провести которое въ наукѣ принадлежитъ конечно будущимъ поколѣніямъ ученыхъ.

Высказанное здѣсь значеніе величины животныхъ лучше всего выражается въ томъ отношеніи, которое замѣчается между нею и вообще самымъ строеніемъ организмовъ; такимъ образомъ не трудно найти это отношеніе въ типѣ животныхъ позвоночныхъ, гдѣ величина животныхъ находится въ тѣсной связи съ присутствіемъ въ нихъ внутренняго скелета. Какъ извѣстно, скелетъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ извѣстнаго числа подвижныхъ частей, которыя обусловливаютъ собою присутствіе также опредѣленнаго числа мускуловъ и соотвѣтственнаго развитія нервной системы, пищеварительнаго аппарата и проч. Понятны послѣ этого будутъ намъ изслѣдованія Дана надъ классомъ животныхъ ракообразныхъ, между которыми онъ различаетъ пять типовъ; Дана показываетъ, что и здѣсь строеніе каждаго типа находится въ связи съ величиною принадлежащихъ къ нему животныхъ; переходя границу извѣстной величины, ракообразное животное представляетъ уже другой типъ въ своей организаціи.

Особенно удачно развиваетъ профессоръ, въ отдѣльной статьѣ, ту тѣсную зависимость, которая должна существовать между величиною животныхъ и самыми способами ихъ движеній; всѣ выводы его здѣсь, основанные на законахъ механики, имѣютъ особенный интересъ, такъ-какъ въ движеніяхъ животныхъ отражается и самый образъ ихъ жизни.

Подъ названіемъ исторіи развитія человѣка профессоръ читаетъ главнымъ образомъ эмбріологію млекопитающихся животныхъ и птицъ; при этомъ однако онъ часто дѣлаетъ замѣчанія, касающіяся даже исторіи развитія безпозвоночныхъ животныхъ; замѣчанія эти ясно показываютъ, что изслѣдованія эмбріологическія, можетъ быть, далеко не представляли бы той трудности, если бы изученіе исторіи развитія животныхъ было начато съ нисшихъ формъ. Въ началѣ своего курса профессоръ изложилъ общія положенія эмбріологіи, которыя развиты имъ въ извѣстномъ сочиненіи: о произрожденіи. Потомъ, съ особенною полнотою было имъ изложено ученіе о различныхъ оболочкахъ яйца, такъ-какъ для демонстрацій на этихъ лекціяхъ имѣлъ онъ подъ рукой превосходные препараты, оставленные здѣсь Бишофомъ. Вообще, въ лекціяхъ эмбріологіи выражался ясно весь талантъ профессора какъ преподавателя; первыя фазы въ развитіи зародыша, пониманіе которыхъ такъ затруднительно для начинающаго, представлялись его слушателямъ чрезвычайно простыми.

Занятія мои въ лабораторіи не имѣли спеціальной цѣли; главнымъ образомъ сосредоточивались они на изученіи анатоміи насѣкомыхъ и исторіи развитія птицъ.

Гиссенъ, 5-го августа 1863 года.

64) Кандидата Петра Алексѣева.

Мои занятія въ этомъ семестрѣ заключались:

1) *Въ практическихъ работахъ въ лабораторіи Вёлера.* Я началъ, какъ уже писалъ въ прошедшемъ отчетѣ, съ анализа газовъ. Покончивъ съ нимъ и продолжая свои работы по органической химіи подъ руководствомъ д-ра Бейльштейна, я обратилъ особенное вниманіе, на то, чтобы научиться тому, чему можно не во всякой лабораторіи,—такъ напр. различнымъ огневымъ работамъ, для которыхъ въ здѣшней лабораторіи находятся всѣ условія. Самъ Вёлеръ не оставляетъ меня своимъ руководствомъ.

Кромѣ того, онъ былъ такъ обязателенъ, что снабжалъ меня матерьялами для работъ съ рѣдкими неорганическими соединеніями, имѣть которыя въ рукахъ весьма важно для человѣка, спеціально занимающагося химіею. Такъ ему я обязанъ, что имѣлъ возможность работать съ цирконіемъ, теллуромъ, ванадіемъ и т. д.; причемъ онъ постоянно слѣдилъ за моими занятіями.

Въ моихъ же работахъ по органической химіи я не успѣлъ еще придти ни къ какому положительному результату.

2) *Въ слушаніи курсовъ:*

a) *Д-ра Бейльштейна «Органической химіи».* Начавъ съ ціанистыхъ соединеній и перейдя потомъ къ кислотамъ и ихъ производнымъ, одноатомнымъ спиртамъ, углеродистымъ водородамъ, 2 и 3 атомнымъ спиртамъ, искусственнымъ и естественнымъ алкалоидамъ, сахаристымъ и бѣлковымъ веществамъ; — онъ представилъ полный очеркъ химіи органической въ современномъ ея состояніи. Не останавливаясь на подробностяхъ, которыя могутъ быть усвоены занятіями въ лабораторіи и студированіемъ различныхъ руководствъ, онъ болѣе обращалъ вниманія на то, чтобы пріучить думать своихъ слушателей и показать имъ цѣль и методы химіи. На его лекціяхъ постоянно бывало много слушателей.

b) *Д-ра Гюбнера «Исторіи химіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на новѣйшее ея развитіе».* Нельзя не пожалѣть, что именно-то

на очеркъ новѣйшаго развитія онъ употребилъ такъ мало времени. Когда онъ кончилъ обзоръ работъ Либиха и Вёлера, ему на остальное оставалось только двѣ лекціи.

Профессоръ Вёлеръ продолжаетъ неутомимо работать. Весьма интересны его послѣднія изслѣдованія и я постараюсь вкратцѣ передать ихъ. Онъ уже прежде получилъ соединеніе кремнія съ кальціемъ ($Ca\ Si^2$, полагая $Si = 14$). При дѣйствіи на него соляной кислотой, получается желтое вещество, которое при нагрѣваніи вспыхиваетъ и въ остаткѣ получается смѣсь кремнезема и аморфнаго кремнія. Вещество это онъ называетъ *силиконъ;* составъ его очень сложенъ и анализъ не рѣшилъ еще, какова его формула: $Si_8\ H_4\ O_6$ или $S_{12}\ H_6\ O_8$. Силиконъ, при дѣйствіи солнечнаго свѣта подъ водой, выдѣляетъ водородъ и образуетъ другое соединеніе *лейконъ* — $Si_8\ H_5\ O_{10}$ или $Si_8\ H_6\ O_{10}$. Эти соединенія въ высшей степени интересны въ томъ отношеніи, что они такъ же сложны какъ органическія соединенія, и могутъ быть даже до нѣкоторой степени разсматриваемы какъ такія, гдѣ только углеродъ замѣщенъ кремніемъ, и быть можетъ, какъ говоритъ Вёлеръ, мы со временемъ будемъ имѣть такъ же обработанную химію кремнія, какъ теперь химія углеродо-органическая.

Недавно вышло 13-е изданіе неорганической химіи Вёлера *) и 6-е — органической; послѣдняя обработана здѣшнимъ асистентомъ, д-ромъ Фитихомъ.

Я долженъ еще обратить вниманіе тѣхъ на интересный трудъ здѣшняго профессора физіологіи Мейсснера: «Untersuchungen über den Sauerstoff.»

На слѣдующій семестръ я остаюсь въ Гёттингенѣ.

Лекціи всѣ теперь уже прекратились; на этой недѣлѣ закрывается лабораторія и я отправляюсь въ Россію, съ тѣмъ, чтобы 18-го сентября н. ст. быть уже обратно въ Штетинѣ, гдѣ будетъ тогда собраніе натуралистовъ.

Гёттингенъ, 13/1 августа 1863 года.

65) Магистра восточной словесности Спасскаго-Автономова.

11-го іюля 1863 года, я прибылъ въ Энзели, торговый портъ Гилянской провинціи, на шкунѣ общества Кавказъ и Меркурій,

*) Мнѣ кажется что переводъ этой книги былъ бы очень полезенъ у насъ.

«Армянинъ» (командиръ поручикъ Савельевъ) и въ настоящее время готовлюсь немедленно отправиться въ Тегеранъ по дорогѣ чрезъ囘Рештъ и Казвинъ.

Прилагаю при этомъ краткій отчетъ о сдѣланномъ мною путешествіи. 20-го марта я оставилъ Петербургъ; на слѣдующій день прибылъ въ Москву, гдѣ оставался до 10-го апрѣля, въ ожиданіи вскрытія Волги, занимаясь приготовленіями къ предстоящему путешествію. 11-го апрѣля прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Нижній-Новгородъ, откуда съ первымъ пароходомъ общества Самолетъ: «Проворный», 13-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, отплылъ въ Казань. Не смотря на сильный пловучій ледъ, нашъ пароходъ явился на мѣсто на другой день въ 9 часовъ вечера; въ Казани мы пересѣли на пароходъ «Туристъ», принадлежащій тому же обществу и, миновавъ удачно устье Камы, еще покрытой сплошнымъ льдомъ, благополучно окончили первый рейсъ до Астрахани, 19-го апрѣля, опоздавъ тремя днями къ пароходу общества: Кавказъ и Меркурій, «Князь Барятинскій», который уже отошелъ съ почтою по портамъ западнаго и южнаго берега Каспійскаго моря. Это обстоятельство заставило меня пробыть въ Астрахани до 1-го мая, когда я съ тѣмъ же пароходомъ отправился въ Баку, куда прибылъ 6-го числа того же мѣсяца. Здѣсь я до 29-го мая занимался собираніемъ матерьяловъ по части исторіи Ширвана. Сдѣлавъ отъ 29-го мая до 8-го іюня археологическую экскурсію по Абшаронскому полуострову, о которой готовлю отдѣльную статью, я возвратился въ Баку и 10-го іюня выѣхалъ отсюда въ Кубу, гдѣ имѣлъ случай присутствовать при религіозномъ представленіи убіенія Имама Хуссейна. Торжество это совершается въ Кубѣ съ большей роскошью, чѣмъ въ прочихъ городахъ Закавказскаго края и сопровождается особенными истязаніями, обычными только у жителей странъ близкихъ къ Дагестану, въ чемъ принимаютъ участіе не только шіиты, но и мѣстные сунниты. 18-го іюня возвратился въ Баку; между 29-мъ іюнемъ и 3-мъ іюлемъ снова посѣтилъ абшаронскія окрестности, избирая на этотъ разъ мѣста, пропущенныя мною въ прежнюю экскурсію и, за тѣмъ, сѣвъ 9-го іюля на шкуну Армянинъ, отправился въ Энзели, куда прибылъ 11-го числа того же мѣсяца.

Главнымъ предметомъ моихъ занятій въ продолженіи двухмѣсячнаго пребыванія моего въ Баку было приведеніе въ порядокъ снимковъ съ древнихъ надписей на Абшаронскомъ полуостровѣ, важнаго матерьяла для исторіи Ширвана, и повѣрка прежнихъ изы-

сканій по части татскаго нарѣчія, испорченнаго персидскаго языка, который сохранился только въ нѣкоторыхъ деревняхъ Бакинскаго и Кубинскаго уѣздовъ и теперь годъ отъ году замѣтно исчезаетъ. Ближайшее знакомство съ татомъ, который, къ сожалѣнію, не имѣетъ ни пѣсенъ, ни сказокъ и употребляется только въ общежитіи, мнѣ было необходимо, чтобы имѣть возможность, при случаѣ, повѣрить сходство этого нарѣчія съ тѣмъ, которое существуетъ подъ тѣмъ же названіемъ во многихъ мѣстностяхъ Персіи, какъ наприм. въ Самнонѣ. Результаты произведенныхъ мною изысканій я не замедлю представить своевременно, а о продолженіи моихъ занятій сообщу изъ Тегерана.

Энзели, 14-го іюля 1863 года.

66) Магистра Тихановича 2-го.

Въ послѣднемъ отчетѣ я замѣтилъ, что предметомъ моихъ спеціальныхъ изслѣдованій я избралъ нѣкоторые дериваты маннита. — Имѣлъ я въ виду получить амиды упомянутаго алкооля и изучать ихъ натуру. — Нѣтъ надобности говорить о научномъ интересѣ, связанномъ съ изученіемъ этихъ амидовъ; достаточно только обратить вниманіе на замѣтки въ этомъ отношеніи Hunt'a Berthelot и нѣкоторыхъ другихъ химиковъ, чтобы понять важное значеніе этихъ веществъ въ физіологическомъ и химическомъ отношеніи. Съ своей же стороны, избирая тему для спеціальной работы, я руководился еще тою мыслью, чтобы она, кромѣ научнаго интереса, представила бы мнѣ сколько возможно болѣе случаевъ познакомиться съ самыми разнородными практическими пріемами. При такихъ только условіяхъ спеціальныя работы — здѣсь существенно полезны; при такихъ только условіяхъ, мнѣ кажется, возможно усвоить себѣ ту ловкость и находчивость въ отдѣленіи тѣлъ, которою обладаютъ здѣшніе химики. Чѣмъ капризнѣе тѣла, чѣмъ болѣе трудностей всякаго рода представляютъ они при обиходѣ съ ними, чѣмъ менѣе извѣстенъ ихъ характеръ, тѣмъ полезнѣе изученіе ихъ здѣсь, ибо они доставятъ тысячи случаевъ къ усвоенію всякаго рода пріемовъ. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю убѣжденіе большинства лучшихъ нѣмецкихъ педагоговъ, которые, предлагая для изученія методовъ заниматься спеціальными работами *), указываютъ на

*) Helmholtz.

такія, при которыхъ работающему представлялось бы наиболѣе случаевъ усвоить разнообразные пріемы. Тема, избранная мною, кажется мнѣ, вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли. Она принадлежитъ къ разряду тѣхъ трудныхъ задачъ по химіи, при которыхъ положительно приходится имѣть дѣло со всѣми возможными методами и при которыхъ пріобрѣтается убѣжденіе въ томъ, какъ нужно обходиться съ органическою матеріею, для полученія положительнаго отвѣта на данный вопросъ.

Вопросъ, занимающій меня теперь, принадлежитъ, какъ и многіе вопросы во всякой наукѣ, къ числу тѣхъ, которые давно уже занимали умы многихъ и къ разрѣшенію которыхъ давно уже были употребляемы всевозможныя средства. Считаю неумѣстнымъ съ цѣлью краткаго отчета, выставлять полный историческій обзоръ разработываемаго мною предмета; упомяну только о современныхъ попыткахъ, сдѣланныхъ въ этомъ уголкѣ науки. Schützenberger, около 1861 года, нагрѣвалъ древесину съ концентрированнымъ воднымъ амміакомъ при 150° и получилъ аморфную массу, содержащую отъ 2,5 — 3% азота. Въ томъ же году P. Thenard, дѣйствуя газообразнымъ амміакомъ на виноградный сахаръ, получилъ бурое вещество, содержащее около 9, 94% азота. Этотъ же химикъ, около 1861 года, нагрѣвая долгое время маннитъ въ соприкосновеніи съ воднымъ амміакомъ, получилъ тоже бурое вещество, не имѣющее никакой опредѣленной формы и содержащее азотъ. Guignet, въ мартѣ этого года, напечаталъ небольшую работу, изъ которой видно, что онъ получилъ то же вещество какъ и Тенаръ и Шютценбергеръ, дѣйствуя воднымъ амміакомъ на гремучую хлопчатую бумагу. Какъ видно, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, упомянутые химики получали бурое вещество, не имѣющее никакой опредѣленной формы, которое, вѣроятно, невозможно было изслѣдовать, а потому этотъ вопросъ остался незаконченнымъ.

Изъ всѣхъ методовъ, употребляемыхъ химиками для полученія амидовъ, въ моемъ случаѣ можно примѣнить слѣдующій: 1) дѣйствіе амміака на вещество, полученное Бертело при реакціи соляной кислоты на маннитъ; т. е. дѣйствіе амміака на Mannitanbichlorür; 2) дѣйствіе амміака на соотвѣтственный бромистый продуктъ, Mannitanbibromür, который, впрочемъ, сначала надобно получить; 3) дѣйствіе амміака на маннитъ, избѣгая по возможности присутствія воды; 4) дѣйствіе амміака на нитроманнитъ, избѣгая присутствія

воды; 5) дѣйствіе амміака на этильманнитанъ. Что касается до первой реакціи, то на это нужно замѣтить, что полученіе Mannitanbichlorür'a по этому способу, будучи сопровождаемо большою потерею времени, доставляетъ матерьялъ только въ малыхъ количествахъ. Вотъ почему я рѣшился тогда только употребить Mannitanbichlorür, какъ главный матерьялъ, когда другія средства, болѣе легкія, дадутъ неудачные результаты. *Mannitanbibromür.* Профессоръ Erlenmeyer, у котораго я работаю въ лабораторіи, сообщилъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ моимъ пріѣздомъ въ Гейдельбергъ, онъ пробовалъ дѣйствовать бромисто-водородною кислотою на маннитъ. Опытъ, два раза повторенный, не далъ удовлетворительныхъ результатовъ. При обыкновенной температурѣ бромисто - водородная кислота плохо дѣйствуетъ, а при высокой происходитъ взрывъ. Слѣдовательно, полагаясь на слова профессора Erlemeyer'a, я не рѣшился повторять этой реакціи. Gay - Lussac при своихъ работахъ надъ царскою водкою показалъ, что при дѣйствіи соляной на азотную или соляной кислоты на селитру происходятъ: въ первомъ случаѣ — $Ho_2\ cl_2$, вода и хлоръ; во второмъ — хлористый калій, вода, подъ - азотная кислота и хлоръ свобод. Если нитроманнитъ есть азотнокислый эѳиръ предполагаемаго шести-атомнаго радикала $C_6\ H_8$, то можно надѣяться, что, при осторожной обработкѣ его бромисто-водородною напр. кислотою, должны образоваться: бромюры, группы $C_6\ H_8$, бромъ свободный, вода и летучіе продукты *). Если употребить при реакціи бромисто-водородную кислоту водную, то вѣроятно, что бромъ свободный, встрѣчая воду и органическое вещество, произведетъ окисленіе упомянутой группы $C_6\ H_8$; или же это окисленіе можетъ произойти на счетъ возстановленной азотной и свободной бромисто-водородной кислотъ; слѣдовательно, иначе говоря, должны образоваться органическія кислоты, соотвѣтствующія или маннитовому ряду или же, если окисленіе пойдетъ далѣе, то будетъ образоваться и щавелевая кислота. При этомъ, впрочемъ, можно надѣяться, что нитроманнитъ, возстановляясь на счетъ водорода бромисто-водородной кислоты, можетъ дать маннитанъ, а сей послѣдній, встрѣчая свободной бромъ, дастъ бромюры. Итакъ, слѣдовательно, вопросъ выражается такъ: не могутъ-ли при этой ре-

*) Какъ результатъ разрушенія азотной кислоты, какъ-то: $No_2\ Br_2$
$No_2\ Br$
No_4 и проч.

акціи образоваться бромюры группы $\text{Є}_6 H_8$, органическія кислоты, соотвѣтствующія манниту и летучіе продукты состава $No_2\ Br_2$ и $No_2\ Br$? Полученіе всѣхъ этихъ тѣлъ было-бы любопытно. Реакція, произведенная въ малыхъ размѣрахъ съ водною бромисто-водородною кислотою, указала мнѣ, что здѣсь дѣло идетъ просто. Съ одной стороны получаютъ бромюры, крайне впрочемъ неустойчивые, бромъ свободный и органическая кислота, (которой известковая соль, совершенно очищенная, растворимая въ водѣ, осаждается изъ воднаго раствора алкоолемъ); а съ другой, въ отгонѣ — бурая жидкость, дающая съ ѣдкимъ кали бромистый калій, азотисто-кислое и азотно-кислое кали. Известковая соль упомянутой кислоты будетъ на дняхъ анализирована. Равнымъ образомъ въ полученномъ мною бромюрѣ опредѣленъ до сихъ поръ только уголь и водородъ. Отношеніе процентнаго состава угля и водорода въ немъ наиболѣе или, правильнѣе выражаясь, совершенно соотвѣствуетъ $\text{Є}_6 H_8 H_2 Br_2 \Theta_3$. До сихъ поръ я могъ только, какъ и при всякой пробной реакціи, получить этотъ бромюръ въ весьма маломъ количествѣ. Само собою понятно, что знаніе его состава, а равно и разрѣшеніе сомнѣнія, не есть-ли это смѣсь бромюровъ, возможно только при дальнѣйшемъ повтореніи реакціи. Но не этотъ продуктъ особенно интересенъ въ упомянутой реакціи. Болѣе нежели вѣроятно, что въ этомъ случаѣ образуются тѣла: $No_2\ Br_2$, $No_2\ Br$, $No_3\ Br_2$ и пр. Полнымъ прослѣдованіемъ этой реакціи я теперь не могу заняться: при этомъ нужно употреблять много льду, а его здѣсь положительно невозможно имѣть въ приличномъ количествѣ. Слѣдовательно, реакція откладывается до зимы, къ величайшему моему неудовольствію.

Если довѣрять наблюденіямъ Bechamp'а и противурѣчащимъ показаніямъ Knop'а и Dessaignes'а, то, пожалуй, можно допустить, что нитроманнитъ есть азотнокислый эѳиръ маннита. Не стану здѣсь подробно разбирать, что́ такое нитроманнитъ? Замѣчу только, что, судя по процентному составу этого вещества, выведенному изъ наблюденій различныхъ химиковъ, надобно думать, что каждый изъ нихъ при своихъ работахъ имѣлъ дѣло съ различнымъ нитроманнитомъ и что подъ словомъ нитроманнитъ до сихъ поръ нужно понимать не одно какое-нибудь постоянное вещество, а смѣсь различныхъ тѣлъ. При своихъ работахъ я употреблялъ тѣло, которое было тщательно изучено Штрекеромъ, которому наиболѣе и можно довѣрять въ изслѣдованіяхъ надъ нитроманнитомъ. Наблюденія

Juncadella давно уже показали, что амміакъ, дѣйствуя на азотнокислый эѳиръ этиля, доставляетъ аммоніакальныя основанія. Въ этомъ уже году Heintz возобновилъ этотъ вопросъ и указалъ отчетливый методъ отдѣленія этихъ амміаковъ. Если допускать ту мысль, что нитромманитъ есть азотнокислый эѳиръ маннита, то судя по аналогіи, надобно думать, что при дѣйствіи на него амміака, въ числѣ другитъ продуктовъ, должны будутъ образоваться амиды. Наблюденія, произведенныя при обыкновенной температурѣ, весьма осторожно, показали, что при этомъ случаѣ образуются три тѣла: одно твердое, другое жидкое; оба растворимы въ водѣ, спиртѣ и эѳирѣ. Третье тѣло есть крайне неустойчивое, легко разлагающееся уже при обыкновенной температурѣ, быстро при слабомъ нагрѣваніи и даже при выпариваніи его раствора подъ колоколомъ воздушнаго насоса надъ сѣрною кислотою. Первое тѣло, тщательно мною изученное, оказалось имѣющимъ такой составъ: $\left.\begin{matrix} C_6\,H_9 \\ (N\Theta_2)_5 \end{matrix}\right\} \Theta_5$. Слѣдовательно, это есть азотнокислый эѳиръ пяти-атомнаго алкооля или его изомеръ. Остальныя два тѣла совершенно отдѣлены и въ этомъ мѣсяцѣ будутъ прослѣжены. Подробное извѣщеніе объ этой работѣ будетъ напечатано въ сентябрѣ въ спеціальномъ журналѣ. Что касается до дѣйствія амміака на діэтиль — маннитанъ *), то не считаю нужнымъ высказывать идею, побудившую меня къ этой работѣ. Каждому химику она понятна, кто только изучалъ натуру сахаристихъ веществъ. Проба, произведенная въ маломъ количествѣ надъ эѳирнымъ растворомъ совершенно чистаго діэтиль-маннитана, указала, что амміакъ дѣйствуетъ уже при обыкновенной температурѣ на упомянутый растворъ этого тѣла. Получается, какъ результатъ дѣйствія, съ одной стороны бѣлое, аморфное вещество, нерастворимое въ эѳирѣ; а съ другой — жидкость, имѣющая запахъ амміака, вѣроятно, этиль-маннитанъ другагo состава. Бѣлое вещество съ ѣдкимъ кали выдѣляетъ запахъ амміака. Подробнымъ изученіемъ этихъ тѣлъ займусь только послѣ окончанія работы надъ дѣйствіемъ амміака на нитроманнитъ. Ясно, что упомянутыя три работы клонятся къ одной и той же цѣли. Сначала я думаю окончательно изучить дѣйствіе амміака на нитроманнитъ, потомъ дѣйствіе этого же газа на діэтиль - маннитанъ и потомъ уже

*) Diäthyl-mannitan.

реакціи бромисто-водородной кислоты. Кромѣ спеціальныхъ работъ, я продолжалъ еще заниматься анализомъ газовъ и анализомъ по способу Грегама. Напечаталъ первую часть моей работы о полыньи. Изучилъ, хотя не вполнѣ, нѣкоторые способы титрированія. Сверхъ того дѣйствовалъ на сѣрно-маннитовокислыя соли ціановокислыми соединеніями; получилъ неудовлетворительные результаты. Пробовалъ дѣйствіе возстановляющихъ средствъ на нитроманнитъ. Амальгама натрія на смѣсь воды съ нитроманнитомъ дѣйствуетъ разрушительно и только съ достовѣрностью можно доказать азотистокислое кали.

20/8 августа 1863 года.

67) Магистра Потебни.

Мѣсяцы май, іюнь и іюль я употребилъ на поѣздку по Славянскимъ землямъ. Лекцій я не слушалъ, исключая двухъ-трехъ чтеній проф. Гатталы въ Прагѣ и Миклошича въ Вѣнѣ; наблюденій надъ языкомъ простаго народа я не дѣлалъ, частью потому, что не находилъ нужнымъ, частью, именно въ Галиціи, по причинамъ отъ меня независимымъ; тѣмъ не менѣе поѣздка моя не осталась безъ пользы для моихъ занятій. Не говоря о нѣкоторомъ практическомъ знакомствѣ съ языками — чешскимъ, отчасти словенскимъ и хорватскимъ литературнымъ (сербскимъ), въ Вѣнѣ я имѣлъ случай познакомиться съ г. А. Мажураничемъ, отличнымъ знатокомъ чаковскаго нарѣчія и воспользоваться его устными сообщеніями и напечатаннымъ имъ руководствомъ. Чаковское нарѣчіе весьма важно для славянскаго и вообще сравнительнаго языкознанія. Изслѣдованіе словоударенія (акцентуаціи) этого нарѣчія, весьма сходнаго въ этомъ отношеніи съ русскимъ, должно повести къ разъясненію законовъ, управляющихъ удареніемъ въ русскомъ языкѣ, и отношеній ударенія (измѣнчиваго, какъ въ русскомъ и въ южно-славянскихъ языкахъ) къ сохранившейся въ сербо-хорватскомъ и чешскомъ и до-исторической долготѣ и краткости гласныхъ.

Сверхъ занятій славянскими языками, я продолжалъ занятія Санскритомъ (прочелъ Багавадгиту по изд. Шлегеля) и приготовилъ къ печати статью о Слав. Божествѣ, соотвѣтствующемъ германской Голодѣ-Бертѣ, составляющую продолженіе статьи, о которой было сказано въ предъидущемъ моемъ отчетѣ. Эта послѣдняя будетъ напечатана въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей.

68) Кандидата А. Думашевскаго.

Изъ предъидущихъ отчетовъ моихъ читатель могъ уже усмотрѣть, что главный предметъ моихъ занятій въ истекшіе два семестра были римское и обще-германское права. Имѣющій же наступить лѣтній семестръ я намѣренъ посвятить французскому праву.

Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ отчетовъ я высказалъ уже ту мысль, что русскому, проживающему за границею съ ученою цѣлью, особенно если предметъ его занятій относится къ области наукъ юридико-специальныхъ, слѣдуетъ обратить свое вниманіе не только на книги и профессорскіе курсы, но и на жизнь Запада, конечно, съ соотвѣтствующей его специальности стороны ея. Если книги и курсы даютъ намъ положительное знаніе, то только одно познаніе и уразумѣніе европейской жизни дастъ намъ возможность съ пользою употребить это знаніе у себя, на родинѣ.

Выходя изъ этой точки зрѣнія, я, проведши два семестра въ Германіи, имѣлъ намѣреніе отправиться на зиму куда-либо во Францію, чтобы тамъ прослушать курсъ французскаго права. Но отъ этого удержали меня слѣдующія соображенія:

Во-первыхъ, способъ преподаванія гражданскаго права во Франціи. Французы читаютъ не гражданское право, а «Code Napoléon», т. е., они не читаютъ гражданскаго права, какъ науки, а даютъ болѣе или менѣе научную интерпретацію самаго свода. Для практиковъ это безспорно очень хорошо, но такой методъ имѣетъ мало научнаго достоинства.

Я полагалъ, что въ Страсбургѣ, какъ въ городѣ полу-германскомъ, преподаваніе права, быть можетъ, болѣе научно. Въ этихъ видахъ я въ первыхъ числахъ сего мѣсяца отправился туда, чтобы узнать это на мѣстѣ. Лекцій я уже не засталъ; производились экзамены, на которыхъ я имѣлъ возможность присутствовать, такъ-какъ они публичны (что нельзя не похвалить), и изъ которыхъ я вынесъ не очень лестное для факультета впечатлѣніе: мало того, что воспитанники плохо отвѣчаютъ, но эти плохіе отвѣты удостоиваются *хорошихъ* отмѣтокъ.

Я обратился за разъясненіями въ секретаріатъ и къ гг. профессорамъ. Изъ перваго я получилъ печатанное росписаніе предметамъ, днямъ и часамъ преподаванія на 186²/₃ академическій годъ

съ присовокупленіемъ правилъ о слушаніи лекцій и объ экзаменахъ, и изъ этихъ правилъ и изъ отвѣтовъ профессоровъ на мои распросы о способѣ преподаванія права въ Страсбургскомъ факультетѣ, я увидѣлъ, что онъ ни сколько не отличается отъ сказаннаго выше метода преподаванія гражданскаго права во Франціи вообще.

Второе задрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ. Преподаваніе кодекса раздѣляется во Франціи на три года и между тремя профессорами, которые читаютъ въ одни и тѣ же часы и дни, такъ что въ одинъ годъ можно прослушать только одну или двѣ части кодекса, и для того, чтобы прослушать каждый курсъ, пришлось бы пробыть года два или три.

Изъ германскихъ же университетовъ можно слушать французское право, сколько мнѣ извѣстно, въ университетахъ боннскомъ и гейдельбергскомъ. Читается еще въ Фрейбургѣ, но университетъ этотъ слишкомъ незначителенъ; слѣдовательно мнѣ предстоитъ провести зиму въ Боннѣ или Гейдельбергѣ, но такъ-какъ я не получилъ еще росписанія лекцій въ боннскомъ университетѣ на слѣдующій семестръ, то я и не рѣшилъ еще этого окончательно.

Зоденъ, 17/5 августа 1863 года.

Примѣчаніе. Въ прошедшемъ отчетѣ г. Думашевскаго (апрѣльской книжки отдѣлъ II, стран. 158) вкрались слѣдующія опечатки: строка 13: ипотезахъ *вмѣсто* ипотекахъ и строка 18: обязанности, *вмѣсто* обязательства.

69) Кандидата А. Ильина.

(За іюнь, іюль и августъ).

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ занятія мои состояли главнымъ образомъ въ изученіи теоріи чиселъ и преимущественно приложеній ея къ неопредѣленному анализу. При этомъ я пользовался лекціями профессора здѣшняго университета, д-ра Мöбіуса, о которыхъ я говорилъ уже въ предъидущемъ своемъ отчетѣ и независимо отъ нихъ самостоятельно изучалъ теорію квадратичныхъ формъ по сочиненію Гаусса «Disquisitiones arithmeticæ», которое появилось въ началѣ прошлаго іюня мѣсяца новымъ изданіемъ, первымъ послѣ изданія 1801 года, сдѣлавшагося очень рѣдкимъ въ послѣдніе годы. Вообще, должно сказать, что по теоріи чи-

селъ, математическія литературы всѣхъ націй представляютъ очень мало полныхъ трудовъ. Во французской математической литературѣ, такъ богатой почти во всѣхъ ея отрасляхъ, существуютъ, сколько мнѣ извѣстно, только два сочиненія по теоріи чиселъ: Лежандра «Théorie des nombres» и Поансо «Réflexions sur les principes fondamentaux de la théorie des nombres», изъ которыхъ первое въ настоящее время совершенно изчезло изъ продажи. Лишь въ послѣднее время предпринято въ этихъ видахъ во Франціи членомъ-корреспондентомъ Парижской академіи наукъ Lebesgue'омъ изданіе труда подъ названіемъ «Introduction dans la théorie des nombres». Германская литература обладаетъ капитальнымъ сочиненіемъ знаменитаго Гаусса, упомянутымъ мною выше; со времени же этого труда въ теченіе почти 55 лѣтъ появилось только два сочиненія: Minding'a—«Die Anfangsgründe der höheren Arithmetick», и Scheffler'a—«Unbestimmte Analytik»; и хотя въ этотъ періодъ времени теорія чиселъ была, по слѣдамъ Гаусса, разрабатываема Леженомъ-Дирихле, Якоби и Эйзенштейномъ, но ихъ многочисленные труды находятся по разнымъ періодическимъ изданіямъ, что̀ весьма затрудняетъ изученіе. Мы имѣемъ на русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе г. профессора Петербургскаго университета Чебышева «Теорія сравненій», сочиненіе весьма рѣзко отличающееся отъ подобныхъ ему сочиненій Лежандра и Гаусса. Но г. Чебышевъ въ сочиненіи своемъ разсматриваетъ теорію квадратичныхъ формъ только въ ея приложеніяхъ къ опредѣленію дѣлителей формъ, не касаясь другихъ ея приложеній.

Нельзя не сознаться, что изучаемое мною теперь сочиненіе Гаусса представляетъ часто довольно большія трудности и въ этомъ случаѣ мнѣ большою помощью, какъ комментарій, служитъ сочиненіе д-ра Шварца «Elemente der Zahlentheorie», которое главнымъ образомъ составлено по Гауссу и содержитъ въ себѣ всю сущность его изслѣдованій съ необходимыми поясненіями. Изученіе теоріи чиселъ составитъ предметъ моихъ занятій и на будущее время и съ этою цѣлью я предполагаю въ будущемъ зимнемъ семестрѣ, который начнется съ 19-го октября, воспользоваться лекціями профессора Кронекера въ Берлинскомъ университетѣ, такъ какъ предметомъ лекцій его въ этомъ семестрѣ будетъ, какъ я узналъ, теорія квадратичныхъ формъ.

Кромѣ упомянутыхъ занятій, я имѣлъ занятія еще другаго рода. Въ бытность мою еще въ Россіи я предпринялъ, вмѣстѣ съ быв-

шимъ преподавателемъ математики, теперь инспекторомъ 4-й гимназіи В. Григорьевымъ и преподавателемъ по военно-учебнымъ заведеніямъ Ѳ. Эвальдомъ, переводъ на русскій языкъ извѣстнаго сочиненія французскаго математика Коши: Cours d'analyse algébrique. Что побудило насъ къ этому — это легко найдетъ себѣ отвѣтъ, какъ въ совершенномъ отсутствіи подобнаго сочиненія въ русской математической литературѣ, такъ и въ важности этого сочиненія для всякаго, занимающагося математикой, сочиненія, о которомъ знаменитый Абель говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ трудовъ: «excellent ouvrage qui doit être lu par tout analyste qui aime la rigueur dans les recherches mathématiques» (T. I стр. 68 Oeuvres complètes). Находясь теперь въ Лейпцигѣ и пользуясь относительно дешевизною книгопечатанія, я взялъ на себя издать это сочиненіе здѣсь. При этомъ я счелъ своимъ долгомъ не ограничиться однимъ изданіемъ перевода подлинника, но сдѣлать къ нему многія необходимыя прибавленія и замѣчанія. Причины, побудившія меня къ этому, заключаются, какъ въ цѣли сочиненія, такъ и въ нѣкоторыхъ его частностяхъ. Цѣль, съ которою было первоначально издано сочиненіе Коши, была двоякая: научная и учебная. Какъ съ той, такъ и съ другой стороны появленіе его книги произвело эпоху въ этой отрасли математики. Съ первой стороны, точность съ какою онъ далъ основныя опредѣленія, поразившая всѣхъ строгость доказательствъ, какой мы не встрѣчаемъ даже въ классическомъ сочиненіи Эйлера «Introductio in analysin infinitorum», обратили на себя вниманіе всего математическаго міра. Потребность этого дальнѣйшаго развитія математики была въ первый разъ сознана Коши и выражена имъ изданіемъ въ свѣтъ упомянутаго сочиненія. Одною изъ главнѣйшихъ заслугъ Коши въ отрасли алгебрическаго анализа было, безъ сомнѣнія, ученіе о рядахъ. До него это ученіе почти не существовало и разсказываютъ (Laurent въ «Théorie des séries»), что знаменитый авторъ «Небесной механики», Лапласъ, ознакомившись въ первый разъ съ трудами Коши о рядахъ, счелъ своимъ долгомъ провѣрить сходимость всѣхъ рядовъ, употребленныхъ имъ въ своемъ сочиненіи. Со стороны учебной, сочиненіе Коши можетъ быть весьма точно сравнено съ упомянутымъ выше сочиненіемъ Эйлера «Introductio in analysin infinitorum». Цѣль какъ того, такъ и другаго съ этой стороны, — представить сборникъ предварительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для того, кто, обладая элементарными свѣдѣніями по математикѣ, желаетъ перейти къ изученію высшаго анализа и подвергнуть кри-

тическому и чисто научному обзору пріобрѣтенныя имъ понятія. Однимъ словомъ, изученіе этого сочиненія должно, по моему мнѣнію, служить первымъ шагомъ въ область университетскаго преподаванія. Съ этой цѣлью Коши въ 12 главахъ и 9 прибавленіяхъ излагаетъ общія опредѣленія ариѳметическихъ дѣйствій, даетъ общія понятія о вещественныхъ и мнимыхъ функціяхъ, различныхъ ихъ видахъ и основныхъ свойствахъ, о вещественныхъ, мнимыхъ и возвратныхъ рядахъ, о безконечныхъ произведеніяхъ, раціональныхъ дробяхъ, о корняхъ алгебрическихъ уравненій и рѣшеніи численныхъ уравненій.

Прибавленія, сдѣланныя мною при изданіи этого сочиненія, главнымъ образомъ относятся къ статьямъ о вещественныхъ, мнимыхъ и возвратныхъ рядахъ и къ статьѣ о корняхъ алгебрическихъ уравненій. Коши, какъ я сказалъ, первый положилъ основаніе ученію о рядахъ въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь; имъ былъ данъ, такъ сказать, толчекъ къ развитію этого ученія и со времени Коши много было сдѣлано въ этой отрасли анализа. Я счелъ необходимымъ дополнить эту статью тѣмъ, что́ было сдѣлано послѣ Коши, руководствуясь, конечно, при этомъ рамкою тѣхъ свѣдѣній, какія предполагаетъ издаваемое сочиненіе у читателей его. Такъ я разбираю нѣсколько случаевъ, когда сходимость ряда остается сомнительною при употребленіи признаковъ сходимости данныхъ въ подлинникѣ; указываю на необщность его основной теоремы о непрерывности суммы сходящагося ряда и потому даю другое доказательство разложенія бинома Ньютона при какомъ ни есть показателѣ, вмѣстѣ съ теоремами Абеля, на которыхъ оно основывается; распространяю статью о возвратныхъ рядахъ; къ статьѣ о корняхъ алгебрическихъ уравненій я прилагаю оригинальное доказательство Гаусса теоремы о существованіи корня въ алгебрическомъ уравненіи, доказательство основывающееся на геометрическомъ представленіи функцій отъ мнимыхъ перемѣнныхъ и приведенное, хотя не въ томъ видѣ, какъ я его излагаю, Ліувиллемъ въ его прошлогоднихъ лекціяхъ въ Collège de France. Наконецъ, въ концѣ книги я прилагаю статью о непрерывныхъ дробяхъ и ихъ нѣкоторыхъ приложеніяхъ. По моему мнѣнію, такого рода статья составляетъ необходимую принадлежность книги съ указаннымъ мною характеромъ. Притомъ Коши разсматриваетъ безконечные ряды и безконечныя произведенія, иначе сказать, обобщенныя безконечныя ариѳметическія дѣйствія — сложеніе (и вычитаніе) и умноженіе; по-

тому, совершенно у мѣста разсмотрѣть третій родъ результатовъ обобщеннаго ариѳметическаго дѣйствія — результатъ безконечнаго дѣленія или безконечныя непрерывныя дроби; не говорю уже какъ о важности ихъ въ анализѣ, такъ и интересѣ представляемомъ ими.

Матерьялами при составленіи упомянутыхъ статей мнѣ служили труды Абеля, Гаусса, Эйлера, Штерна, Паукера, Бертрана и многихъ другихъ и онѣ обработаны во время нахожденія моего въ Люттихѣ и Лейпцигѣ.

Ко второй половинѣ октября этого года я надѣюсь имѣть возможность представить министерству экземпляръ издаваемаго сочиненія и осмѣливаюсь выразить надежду, что министерство не оставитъ его своимъ вниманіемъ.

Лейпцигъ, $^{24}/_{12}$ августа 1863 года.

70) Кандидата Владислава Хорошевскаго.

(О занятіяхъ за границей съ $^{14}/_{2}$ іюня по $^{14}/_{2}$ августа 1863 года).

Отославъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія послѣдній свой отчетъ ($^{14}/_{2}$ іюня), я оставался еще около мѣсяца въ Парижѣ, продолжая заниматься (въ послѣднее время почти исключительно) составленіемъ монографіи объ Альбигойской войнѣ (см. предъидущіе отчеты). Эта работа принесла мнѣ много пользы. Изучая относящіеся къ этому событію источники, я все больше и больше пріучался къ пріемамъ исторической критики, къ пріемамъ самостоятельнаго историческаго труда. Находя ненужнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ, я отправился въ Гейдельбергъ. Здѣсь, пріостановивъ на время занятія по моей монографіи, я принялся за изученіе философіи исторіи, въ чемъ чувствовалъ настоятельную для себя необходимость. Я началъ съ Вико̀ и изучилъ его «Новую науку» по нѣмецкому переводу Вебера; причемъ служила мнѣ пособіемъ монографія Феррари «Vico et l'Italie». Отъ Вико̀ я перешелъ къ «Ideen zur Philosophie der Geschichte» Гердера. Кромѣ этихъ занятій на дому, я слушалъ лекціи «политики» профессора Блунчли и лекціи исторіи французской революціи Гейссера.

71) Старшаго учителя гимназіи А. Новоселова.

Истекшій семестръ я пробылъ въ Боннѣ. Занятія мои въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ были двоякія: одни — домашнія,

другія — состояли въ посѣщеніи лекцій. Уже въ прошломъ отчетѣ упоминалъ я о курсахъ профессоровъ Ричля и О. Яна, о содержаніи и характерѣ ихъ чтеній... Передавать же подробно содержаніе этихъ чтеній, я считаю дѣломъ совершенно лишнимъ для отчета. Позднѣе, по окончаніи своихъ заграничныхъ студій, я постараюсь сдѣлать это въ формѣ особой статьи, въ которой выскажусь обстоятельнѣе и вообще о методѣ и характерѣ чтенія тѣхъ изъ профессоровъ, которыхъ я имѣлъ и буду имѣть возможность слушать въ Германіи. Теперь же ограничусь только нѣсколькими добавочными и краткими замѣчаніями въ дополненіе къ тому, что̀ я уже имѣлъ случай говорить о лекціяхъ профессоровъ Ричля и О. Яна. Профессоръ Ричль, читавшій въ нынѣшній семестръ въ первый разъ историческую латинскую грамматику, успѣлъ обозрѣть всѣ три ея части *). Прямая и ближайшая цѣль его курса состояла въ томъ, чтобы облегчить занимающимся латинскимъ языкомъ пониманіе тѣхъ формъ и явленій въ упомянутомъ языкѣ, которыя доселѣ стояли у большей части грамматиковъ, какъ аномаліи и исключенія, и объяснить исторически, на основаніи законовъ развитія языка, законность и естественность образованія этихъ формъ. Дѣйствительно, многое изъ того, что̀ прежде считалось въ латинскомъ языкѣ непонятнымъ и не подходило ни подъ одно изъ созданныхъ грамматиками правилъ, теперь, благодаря лекціямъ знаменитаго филолога, является совершенно правильнымъ и логически вытекающимъ изъ коренныхъ свойствъ языка. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ, относительно тѣхъ пунктовъ и вопросовъ, которые рѣшались другими филологами иначе, профессоръ Ричль кратко и ясно показывалъ несостоятельность противоположныхъ мнѣній: но при этомъ онъ постоянно остается чуждъ тѣмъ мелкимъ придиркамъ и грубымъ выходкамъ противъ противника, на которыя бываетъ такъ щедра жалкая посредственность, когда она облекается въ одежду ученаго критика. Онъ далекъ отъ того грубаго и бездоказательнаго фразерства, къ которому прибѣгаютъ иногда нѣмецкіе ученые, чтобы дать въ глазахъ слушателей перевѣсъ своему мнѣнію надъ другимъ противоположнымъ.

Въ филологической семинаріи, гдѣ студенты, подъ руководствомъ упомянутаго профессора, пріучаются къ критикѣ текста древнихъ классиковъ, профессоръ Ричль старается сдерживать страсть моло-

*) См. предъидущій отчетъ стр. 154.

дыхъ людей — поправлять правильное, и привычку ихъ находить искаженіе текста тамъ, гдѣ этого на самомъ дѣлѣ вовсе не оказывается. Нельзя не замѣтить, что это направленіе приняло въ послѣднее время очень опасную для древнихъ классиковъ дорогу: оно доходитъ до такихъ крайностей, что многіе ученые филологи громче и громче подымаютъ противъ него голосъ, чтобы спасти болѣе или менѣе подлинный текстъ греческихъ и римскихъ писателей. Еще очень недавно Мейнеке, во введеніи къ своему изданію Софокла, рѣзко, но совершенно справедливо, напалъ на ту безцеремонность и на тотъ произволъ, съ которыми эта критическая школа обращается съ текстомъ древнихъ классиковъ. Онъ прямо говоритъ, что если подобное направленіе продержится въ настоящемъ своемъ видѣ еще нѣсколько времени, то мы скоро въ нашихъ классикахъ вовсе потеряемъ древнихъ классиковъ. Онъ называетъ не только вредною, но и оскорбительною для науки древностей ту крайность, до которой дошло упомянутое направленіе. Профессоръ Ричль также не принадлежитъ къ пламеннымъ сторонникамъ этого горячего отрицательнаго направленія.

Мое знакомство съ этимъ профессоромъ было полезно для меня и въ томъ отношеніи, что оно укрѣпило меня въ моемъ прежнемъ убѣжденіи относительно способа и метода, какимъ можетъ быть поднятъ уровень филологическаго образованія и самой науки древностей въ Россіи. Его справедливое мнѣніе объ этомъ важномъ вопросѣ заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ филологовъ: но оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ существовавшимъ у насъ доселѣ взглядомъ. Я намѣренъ сообщить мнѣніе знаменитаго филолога отдѣльно, когда буду имѣть подъ руками всѣ обѣщанныя имъ соображенія. Онъ посмотрѣлъ на это дѣло такъ серьёзно и былъ такъ обязателенъ, что выразилъ готовность переговорить о предложенномъ мною вопросѣ съ знакомыми ему педагогами и потомъ письменно передать мнѣ результатъ этихъ переговоровъ.

О курсѣ греческой литературы проф. О. Яна я также упоминалъ въ прошломъ отчетѣ. Въ послѣдніе три мѣсяца онъ читалъ о Сафо, Анакреонѣ, о началѣ прозы и ея проявленіи съ одной стороны въ исторіи, а съ другой — въ философіи, о логографахъ, (Акузилай, Гекатей и др.), о философахъ-физикахъ: Ѳалесѣ, Анаксимандрѣ, Анаксименѣ, затѣмъ о Пиѳагорѣ, о его школѣ и послѣдователяхъ, далѣе объ орфикахъ и наконецъ объ элеатскихъ философахъ: Ксенофонѣ, Парменидѣ, Зенонѣ и т. п. Строгая научность,

обиліе цитатовъ и подробность изложенія—составляютъ отличительный характеръ его лекцій.

Мои домашнія занятія состояли въ изученіи политическихъ рѣчей Демосѳена, комедій Аристофана и эпоса Гезіода. Само собою разумѣется, что слѣдить по возможности за современной филологической литературой я считалъ и считаю своею обязанностью.

12-го августа 1863 года.

72) Кандидата Аѳанасія Миротворцева.

Въ продолженіи лѣтняго семестра я находился въ Боннѣ. Не имѣвъ возможности, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, записаться въ число матрикулированныхъ студентовъ, и лишившись чрезъ то извѣстныхъ удобствъ и привиллегій, я долженъ былъ, кромѣ своихъ домашнихъ занятій, ограничиться только слушаніемъ нѣкоторыхъ лекцій въ университетѣ. Составъ лекцій по историческому отдѣлу былъ слѣдующій: проф. Зибель читалъ исторію XVIII столѣтія, проф. Кампшульте—исторію реформаціи, проф. Шпрингеръ—исторію культуры въ XVI и XVII вв. Не малый интересъ имѣли для меня послѣднія лекціи, хотя онѣ представляли нѣсколько не то, что́ можно было ожидать, судя по ихъ названію. Извѣстно, что предѣлы науки, обозначающейся этимъ именемъ, еще точно не опредѣлены. Профессоръ Шпрингеръ читалъ собственно не исторію культуры, какъ она обыкновенно подразумѣвается, но исторію искусствъ въ XVI и XVII вв., за то въ очень широкихъ размѣрахъ. Здѣсь представлено было не только послѣдовательное развитіе искусства этой эпохи, взятаго само въ себѣ, но обращено было большое вниманіе на отношеніе его къ другимъ сторонамъ исторической жизни, въ ряду которыхъ указано ему надлежащее мѣсто. Этимъ характеромъ отличаются и его сочиненія по части исторіи искусствъ, особенно его «Kunsthistorische Briefe», о которыхъ, между прочимъ, отзывается съ большою похвалою проф. Фишеръ, и какъ на особенное достоинство ихъ указываетъ, что въ нихъ особенно ясно раскрыты національный и индивидуальный характеръ искусства, и причины возникновенія его указаны въ климатическихъ, антропологическихъ, политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ условіяхъ народной жизни. Изложеніе лекцій отличалось живостію, теплотою и особенною наглядностію представленія. Въ другомъ родѣ были лекціи проф. Кампшульте, относившіяся къ той же эпохѣ, и назначенныя

по преимуществу для студентовъ-католиковъ *). Не смотря, впрочемъ на нѣкоторую исключительность и католическую особенность воззрѣній профессора относительно немногихъ частныхъ вопросовъ, въ общемъ лекціи эти не имѣли полемическаго характера, напротивъ, представляли спокойное, ровное изложеніе событій, и скорѣе обнаруживали желаніе помирить многіе противорѣчащіе взгляды, хотя и не вполнѣ достигалась эта цѣль. Между тѣмъ извѣстно, что не только въ исторіи реформаціи существуютъ діаметрально-противоположные взгляды на многія событія, но что они проходятъ и дальше почти чрезъ всю исторію, обусловливаясь разностію политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, и дѣлаютъ потому одинаково необходимымъ изученіе какъ протестантскихъ такъ и католическихъ сочиненій по исторіи, писанныхъ въ с. Германіи, и писанныхъ въ ю. Германіи. Я уже имѣлъ случай указать прежде на это обстоятельство, когда говорилъ о лекціяхъ проф. Гейссера, и ссылался на нѣкоторыя полемическія брошюры его и Онно Клоппа, въ которыхъ, по поводу Фридриха II, высказалась вообще противоположность ихъ взглядовъ на нѣмецкую исторію, и особенно на характеръ нѣмецкой имперіи. Гораздо шире взятъ и полнѣе раскрытъ вопросъ этотъ проф. Зибелемъ. Имѣвъ теперь возможность ближе ознакомиться съ его лекціями и важнѣйшими сочиненіями, я счелъ нужнымъ обратить также вниманіе на тѣ статьи, въ которыхъ яснѣе и полнѣе раскрыты его взгляды. Еще въ 1859 г., въ рѣчи, читанной въ Мюнхенской академіи, проф. Зибель высказалъ свои взгляды на характеръ средне-вѣковой нѣмецкой имперіи, и потомъ, когда встрѣтилъ много возраженій (Фиккеръ, Гфрёреръ и др.), подробнѣе развилъ ихъ въ извѣстной брошюрѣ своей: «Die deutsche Nation und das Kaiserreich». Здѣсь онъ, какъ извѣстно, старается раскрыть настоящій смыслъ тенденцій нѣмецкихъ императоровъ, выразившихся особенно, хотя и въ разныхъ формахъ, въ лицѣ Карла Великаго, Оттоновъ и Карла V, стремленіе ихъ, въ союзѣ съ церковію, основать европейскую христіано-нѣмецкую дер-

*) Въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ, кромѣ двухъ, параллельно стоящихъ богословскихъ факультетовъ: католическаго и протестантскаго, религіозное разъединеніе въ личномъ составѣ профессоровъ и въ характерѣ преподаванія сильно чувствуется и на другихъ факультетахъ. Въ прусскихъ же университетахъ, согласно статутамъ, три каѳедры (церковнаго права, философіи и исторіи) должны быть заняты католиками, на ряду съ протестантскими каѳедрами этихъ предметовъ.

жаву; развиваетъ дальше, что это стремленіе противорѣчило истиннымъ потребностямъ націи, и поэтому вело къ политическому разъединенію нѣмецкой имперіи. Излишне говорить, что подобные взгляды, выведенные строго-логически изъ фактовъ, составляютъ пріобрѣтеніе науки, и на долго останутся въ ней, какъ аксіомы; но въ то же время, по своей исключительности, они заслоняютъ собою многія другія важныя историческія стороны, и потому, естественно, должны были вызвать на защиту послѣднихъ голоса изъ другаго лагеря. Слѣдствіемъ этого были лекціи, читанныя въ Инсбрукѣ проф. Фиккеромъ, и изданныя потомъ подъ заглавіемъ: «Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen». Далѣе, его же другая брошюра въ отвѣтъ Зибелю: «Deutsches Königthum und Kaiserthum». Статьи эти написаны съ неменьшимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла, какъ и статьи Зибеля, но только, на оборотъ ему, представляютъ совершенную апологію нѣмецкому императорству, выставляютъ его, какъ исторически-необходимую и политически-здоровую институцію, вытекавшую изъ стремленій и потребностей націи. Иначе объяснены причины паденія нѣмецкой имперіи, и отношеніе ея къ церкви, замѣнявшее въ средніе вѣка какъ бы систему политическаго равновѣсія. Кромѣ этого общаго взгляда, замѣчательны взгляды на многіе частные вопросы, напр. на распаденіе имперіи Карла Великаго, которое онъ объясняетъ не отдѣленіемъ національностей, а стремленіемъ племенъ къ разъединенію; потомъ остроумно объяснены причины дальнѣйшаго ихъ соединенія и пр. Кромѣ Фиккера, на этотъ же вопросъ обратили вниманіе Онно Клоппъ, Виденбрукъ, Гёфлеръ, слѣдствіемъ чего были: довольно запальчивая брошюра Клоппа «Die gothaische Auffassung der deutschen Geschichte und der Nationalverein. Mit Beziehung auf die Schrift des Herrn von Zybel: die deutsche Nation und das Kaiserreich», болѣе ровная и серьёзная, но за то далеко не такъ остроумная и убѣдительная книга Виденбрука: «Die deutsche Nation und das Kaiserreich», также въ отвѣтъ Зибелю, и наконецъ Гёфлера «Kaiserthum und Pabsthum. Ein Beitrag zur Philosophie der Geschichte». Я не передаю подробно содержанія и характера всѣхъ этихъ брошюръ, что́ могло бы составить отдѣльную статью, и указываю на нихъ больше потому, что онѣ, не смотря на нѣкоторый болѣе политическій характеръ, проливаютъ свѣтъ на многіе запутанные вопросы, и могутъ служить надежнымъ руководствомъ и указаніемъ при изученіи тѣхъ сочиненій, на которыхъ болѣе или менѣе чувствуется вліяніе этихъ

воззрѣній. Въ домашнихъ своихъ занятіяхъ я продолжалъ главнымъ образомъ изученіе эпохи гуманизма и реформаціи. Намѣреваясь, на ряду съ этимъ, въ зимній семестръ заняться римскою исторіею, я читалъ нѣкоторыя общія сочиненія по римской исторіи, служащія какъ бы введеніемъ къ ея изученію.

Боннъ, 26/14 августа 1863 года.

73) Кандидата Головкинскаго.

Съ половины мая мѣсяца до настоящаго времени я оставался въ Тюбингенѣ. Познакомившись съ удобствами для занятій, которыя я нашелъ здѣсь, я рѣшился измѣнить мой прежній планъ и, отнявъ часть времени отъ предположеннаго мною путешествія, употребить его на занятія въ богатомъ палеонтологическомъ музеѣ здѣшняго университета. Музей, почти во всемъ его объемѣ, составленъ проф. Квенштедтомъ и замѣчателенъ не только по богатству матеріала, но и по его, полному идеи, расположенію и по многочисленнымъ препаратамъ, такъ же важнымъ, но рѣдкимъ въ этой отрасли естественныхъ наукъ, какъ труднымъ по изготовленію. Обыкновенно собиратель окаменѣлостей (да то же самое замѣчается въ зоологическихъ и ботаническихъ коллекціяхъ), пополняя свое собраніе, выбираетъ тотъ экземпляръ изъ многихъ, добытыхъ на экскурсіи, который наиболѣе сходенъ съ красивыми и, по большей части, ненатурально-отчетливыми рисунками палеонтологическихъ атласовъ; остальные, признаваемые *недостаточно характеристичными*, отбрасываются прочь, не удостоиваясь чести быть запертыми подъ витрину. Естественно, что разсматривая такимъ образомъ составленную коллекцію, занимающійся не находитъ никакой связи между ископаемыми формами, тѣмъ болѣе, что, по незначительности изслѣдованнаго пространства и по отрывочности геологическихъ формацій, эта связь и въ самой природѣ далеко не представляетъ непрерывной цѣпи. При этомъ не всегда помнится, что свойство, сообщенное музею его составителемъ, не есть свойство природы. Не таково собраніе проф. Квенштедта: здѣсь представителями породы — нерѣдко сотни экземпляровъ, показывающихъ многочисленныя варіяціи типа. Конечно, не по всѣмъ геологическимъ періодамъ музей имѣетъ такой составъ: главная масса окаменѣлостей относится къ окрестнымъ юрѣ и тріасу; но надобно замѣтить, что, можетъ быть, ни одна формація не въ состояніи дать такого интереснаго

палеонтологическаго матеріала, какъ юрская, по сравнительно спокойному и непрерывному образованію ея мощныхъ осадковъ. Достойно полнаго уваженія, что проф. Квенштедтъ, имѣя подъ рукою столько удобнаго матеріала для введенія въ науку сотенъ новыхъ названій — обстоятельство для многихъ столь соблазнительное,—не пользуется этимъ случаемъ, твердо слѣдуя убѣжденію, что въ наукѣ есть много работы, кромѣ обогащенія номенклатуры. Какъ извѣстно, это не уясняющее, а запутывающее дѣло, обогащеніе, не смотря на раздающіяся по временамъ жалобы и увѣщанія, продолжается по сю пору. Недавно одинъ германскій ученый заблаговременно объявилъ публикѣ, что вслѣдствіе внимательнаго изученія коралловъ, онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ ввести новыя родовыя названія... Не великъ рискъ предсказать, что ни ученымъ, ни кораламъ не будетъ лучше, когда исполнится эта угроза и перегородки полипняковъ будутъ съ большимъ тщаніемъ перечитаны и описаны, какъ характеры вновь созданныхъ породъ. Проф. Квенштедтъ часто повторяетъ, что любители возводить видоизмѣненія формы въ самостоятельные типы работаютъ въ своемъ кабинетѣ и мало знакомы съ природой. «Пусть попробуютъ, говорилъ онъ, выбрать и характеризовать видовые признаки между формами какого нибудь даннаго геологическаго яруса; пусть возьмутъ, напримѣръ, Ammonites Parkinsoni — онъ покажетъ, что такое хорошая species!» Этотъ аммонитъ, варіируя на сто ладовъ, не оставляетъ ни одного признака постояннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, формы такъ переходятъ одна въ другую, что не за что уцѣпиться для характеристики вида. Есть случаи, когда *только геогностическое положеніе* можетъ опредѣлить типъ формы, говоритъ Квенштедтъ — и я имѣлъ нѣсколько случаевъ убѣдиться собственнымъ опытомъ въ справедливости его словъ.... А если это справедливо, то важность такого положенія нѣтъ надобности выставлять на видъ — она понятна каждому натуралисту.

Я извлекъ много пользы, слушая живое и оригинальное изложеніе проф. Квенштедта въ курсахъ геологіи и палеонтологіи. Читая, онъ какъ будто въ то же время изслѣдуетъ и обсуживаетъ разсказываемые факты; ни на одной лекціи не впадалъ онъ въ сухое перечисленіе слоевъ и раковинъ; пытая и сравнивая явленія, характеризуя мѣткими эпитетами свойства породъ, очерчивая нѣсколькими фразами топографическій характеръ мѣстности, онъ не даетъ ослабѣть вниманію и интересу слушателя. Нужно замѣтить,

что свобода его разсказа много обусловливается возможностью, съ его стороны, предположенія, что обо всемъ недосказанномъ, или непослѣдовательно изложенномъ слушатель можетъ справиться въ его прекрасной книгѣ «Epochen der Natur». Въ курсѣ палеонтологіи проф. Квенштедтъ держался единственно метода наглядности и ограничивался, во многихъ случаяхъ, показываніемъ окаменѣлостей, не описывая спеціально видовыхъ, часто очень мелочныхъ признаковъ, что̀ было бы по справедливости безполезно, потому что никакая память не въ состояніи удержать этихъ характеристикъ; только частымъ обращеніемъ съ самими предметами занимающійся можетъ хорошо съ ними освоиться. Этотъ курсъ скорѣе вспомогательный для геологіи, нежели самостоятельный и, по недостатку времени, проф. Квенштедтъ обыкновенно читаетъ только нѣкоторыя, наиболѣе важныя въ геогностическомъ отношеніи группы: Cephalopoda, Gasteropoda, Brachiopoda, Conchyfera, Echinodermata, Polipi. Вообще, въ настоящее время нельзя смотрѣть на палеонтологію, какъ на самостоятельную науку; безспорно, она можетъ быть отдѣльной отраслью знанія, но не отдѣльной наукой. Можетъ быть даже, ея преподаваніе легко соединить въ одинъ курсъ съ геологіей, безъ вреда дѣлу. Конечно, съ другой стороны, она самымъ тѣснымъ образомъ связана съ зоологіей и ботаникой, но мысль, будто геологи должны оставить себѣ только, такъ называемыя, Leitmuscheln, а все остальное отдать зоологамъ, — совершенно непрактична. Во-первыхъ, гдѣ граница между *Leit-* и не *Leitmuschel?* Во-вторыхъ, что будетъ дѣлать зоологъ съ тѣми экземплярами, значеніе которыхъ можетъ быть разгадано не по формѣ, но *только* по геогностическому положенію?.. Если у геолога не отнято право судить о выкапываемыхъ и вычищаемыхъ имъ окаменѣлостяхъ (а такое право, кажется, вполнѣ естественно), если на его рукахъ остается палеонтологическій музей, то это нисколько не препятствуетъ не только зоологу, но и каждому желающему разсматривать, сличать, изучать коллекцію и выводить всевозможныя заключенія.

Кромѣ экскурсіи въ Шварцвальдъ, о которой я упоминалъ въ майскомъ отчетѣ, въ теченіи семестра предпринимались другія въ различные ярусы юры, тріаса и третичныхъ формацій. Вслѣдствіе того, что въ здѣшнемъ краѣ, подъ вліяніемъ проф. Квенштедта, издавна процвѣтаетъ геологія, добыча на экскурсіяхъ обыкновенно весьма скудная: во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ близъ интересныхъ

геологическихъ обнаженій, есть лица, торгующія окаменѣлостями и постоянно опустошающія эти обнаженія. Хорошо, если удастся попасть на мѣсто тотчасъ послѣ дождя, вымывающаго изъ обрывовъ новые экземпляры—тогда можно найти что нибудь цѣнное; иначе приводится покупать.

Не успѣвъ до сихъ поръ перебрать и половины матеріала, хранящагося въ здѣшнемъ музеѣ и интересуясь, кромѣ того, курсомъ кристаллографіи, на которую проф. Квенштедтъ имѣетъ своеобразный взглядъ, какъ я замѣтилъ при частныхъ бесѣдахъ съ нимъ, я склоняюсь къ мысли возвратиться въ Тюбингенъ къ зимнему семестру, когда читаются кристаллографія и минералогія. Я особенно цѣню доступность здѣшняго музея, гдѣ нѣтъ ничего навѣки запертаго подъ замокъ и гдѣ каждый предметъ дается въ руки при первой надобности.

Въ непродолжительномъ времени я думаю ѣхать на Рейнъ и въ Швейцарію.

Тюбингенъ, $^{15}/_{27}$ августа 1863 года.

74) Доктора Зарубина.

Главною цѣлью моей поѣздки въ Вѣну было ознакомленіе съ тѣми отдѣлами хирургической патологіи, которыхъ въ Берлинѣ я или совсѣмъ не нашелъ или нашелъ не въ очень цвѣтущемъ состояніи. Такимъ образомъ, въ Берлинѣ совершенно нѣтъ топографической анатоміи; между тѣмъ въ Вѣнѣ она имѣетъ знаменитый авторитетъ въ профессорѣ Гиртлѣ. Накожныя и сифилитическія болѣзни идутъ въ Берлинѣ, правда, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки, но разработка ихъ, при незначительномъ матеріалѣ, лежитъ на одномъ профессорѣ Бэренспрунгѣ; въ Вѣнѣ для этихъ болѣзней, при колоссальномъ матеріалѣ, есть два ученыхъ спеціалиста, уже давно составившихъ себѣ имя въ наукѣ. Ларингоскопія, которая въ послѣднее время сдѣлалась такъ важнымъ діагностическимъ средствомъ для терапевта и хирурга, получила свое начало и развилась преимущественно въ Вѣнѣ, гдѣ спеціально занимаются ею многіе. Не менѣе интереса представляла для меня и офталмологія: въ проф. Арльтѣ я зналъ превосходнаго практика и оператора, въ Егерѣ—давно извѣстнаго офтальмоскописта, въ Стельвагѣ—вполнѣ современнаго ученаго, которому анатомическая сторона глазныхъ болѣзней обязана значительными прі-

обрѣтеніями. Эти три офталмолога, вмѣстѣ взятые, составляютъ отличную школу. Что касается до самой хирургіи, то меня преимущественно привлекала клиника профессора Пита въ Вѣнской академіи. Кромѣ этихъ спеціальныхъ предметовъ моихъ занятій, я предполагалъ также посвятить нѣсколько времени и физіологіи, такъ необходимой для общаго медицинскаго образованія. Наконецъ, я надѣялся получить не малую пользу и отъ пріобрѣтенія знакомства съ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который сосредоточенъ въ вѣнской общей больницѣ. Имѣвши такой предварительно начертанный планъ, я, по пріѣздѣ въ Вѣну, старался, по возможности, выполнить его. Къ удовольствію моему, это удалось мнѣ, не смотря на то, что я пробылъ въ Вѣнѣ только около трехъ мѣсяцевъ. Этому не мало благопріятствовало то, что большая часть спеціальностей преподается въ Вѣнѣ отдѣльными кратковременными курсами (4—8 недѣльными), въ теченіи которыхъ можно довольно порядочно познакомиться съ ними.

Такъ какъ дѣятельность моя сосредоточивалась главнымъ образомъ въ общей больницѣ, то я считаю умѣстнымъ сказать хотя нѣсколько словъ о ней, тѣмъ болѣе, что эта больница выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Въ нее стекаются сотни иностранныхъ врачей, чтобы познакомиться съ личностями, производившими нѣсколько лѣтъ назадъ реформы въ медицинѣ, и воспользоваться тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, который едва ли гдѣ нибудь можно найти такъ сосредоточеннымъ. Больница выстроена въ 1784 г. императоромъ Іосифомъ II, который предполагалъ упразднить всѣ городскіе госпитали, а капиталъ ихъ употребить на постройку и содержаніе одной общей больницы. Въ 1832—1834 годахъ къ старому зданію сдѣланы были новыя пристройки. Все вмѣстѣ, образуя правильное цѣлое, занимаетъ пространство болѣе 3,400 квадр. саженей и содержитъ 9 большихъ, прорѣзанныхъ каналами дворовъ, большая часть которыхъ снабжена фонтанами, аллеями и скамейками. Число больничныхъ залъ, за исключеніемъ родильнаго института и заведенія для помѣшанныхъ, простирается до 93; въ нихъ помѣщается 2,200 больныхъ (1,240 мужескаго и 960 женскаго пола). Кромѣ больничныхъ палатъ, въ этомъ зданіи находятся квартиры директора, всѣхъ врачей, священниковъ, чиновниковъ, прислуги, одна часовня, большая аптека, бани, магазины и погреба. Въ каждой палатѣ помѣщается 35—40 кроватей, въ растояніи 2½ футовъ другъ отъ друга. Въ верхней половинѣ стѣнъ, по обѣимъ сторонамъ, нахо-

дятся окна, внизу и вверху вентиляторы. Входы въ отдѣльныя палаты всѣ со двора и ведутъ большею частью черезъ маленькую кухню. Отопленіе дѣлается по методѣ Мейсснера желѣзными печами. Вода получается посредствомъ трехъ водопроводовъ, вода для питья — изъ 13-ти колодцевъ на дворахъ.

Въ больницу принимаются лица всякого званія и состоянія; только дѣти моложе 4-хъ лѣтъ отсылаются въ госпиталь св. Анны. Такъ какъ въ больницу поступаютъ не только бѣдные, но и имѣющіе средства люди, то поэтому пріемъ бываетъ или безплатный, или съ платою. Совершенно безъ платы принимаются только бѣдные, рожденные или записанные въ Вѣнѣ. Не принадлежащіе къ Вѣнѣ принимаются также безъ платы, но за нихъ должно платить общество того участка, гдѣ они родились. На содержаніе каждаго больнаго перваго класса полагается 2 гульдена 45 крейцеровъ въ день, втораго класса—1 гульденъ 5 крейцеровъ, третьяго—42 крейцера. Госпиталь находится подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ директора (профессора) какъ во врачебномъ, такъ и экономическомъ отношеніи. Ему ежедневно подаются рапорты завѣдующихъ клиниками и отдѣленіями врачей о пріемѣ и выпускѣ больныхъ, а въ концѣ мѣсяца — отчетъ о количествѣ леченныхъ больныхъ, съ указаніемъ исходовъ леченія. Изъ этихъ отдѣльныхъ отчетовъ составляется общій отчетъ, который представляется высшему начальству. Общее число больныхъ въ 1861 году доходило до 25,119 (15,862 муж. и 9,257 жен. пола), изъ нихъ умерло 2,799 (1,521 мужск. и 1,278 жен.), слѣдовательно смертность 12, 1%.

Въ общей больницѣ находится 6 клиникъ (2 хирургическихъ, 2 терапевтическихъ, 1 глазная и 1 для женскихъ болѣзней) и 12 спеціальныхъ отдѣленій для грудныхъ, нервныхъ, глазныхъ, накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней. Свобода преподаванія и свобода ученія имѣютъ полную силу въ Вѣнскомъ медицинскомъ факультетѣ; первая обнаруживается неограниченнымъ количествомъ доцентовъ для всѣхъ предметовъ, вторая — уничтоженіемъ семестральныхъ и годовыхъ экзаменовъ, свободнымъ выборомъ предмета изученія. Студентъ медицины долженъ заниматься 10 семестровъ (5-ть лѣтъ), въ теченіи которыхъ онъ выслушиваетъ опредѣленное число обязательныхъ предметовъ и употребляетъ 4 семестра на посѣщеніе клиникъ; только послѣ этого онъ допускается къ экзамену. Дипломъ доктора медицины даетъ право на практику. Доктора хирургіи можетъ получить только имѣющій степень доктора меди-

цины; для этого требуется посѣщеніе хирургическихъ клиникъ въ теченіи 4-хъ семестровъ, выслушаніе ученія объ операціяхъ, инструментахъ и повязкахъ и написаніе двухъ клиническихъ исторій. Потомъ онъ выдерживаетъ два строгихъ экзамена: теоретическій изъ хирургіи и практическій, при которомъ требуется доказательство упражненій въ операціяхъ на трупахъ. Экзаменующійся получаетъ по жребію два вопроса, относящихся къ хирургическимъ и глазнымъ операціямъ, описываетъ ихъ подробно и производитъ на трупѣ. Для особеннаго усовершенствованія въ хирургіи при университетѣ есть операторскій институтъ, въ который можно быть принятымъ на казенный и на собственный счетъ. Обученіе продолжается 2 года, въ теченіи которыхъ воспитанники присутствуютъ при операціяхъ, дѣлаютъ ихъ сами подъ руководствомъ профессора и упражняются на трупахъ. По истеченіи 2-хъ лѣтъ, они получаютъ особенные дипломы, которые даютъ имъ право преимущества при занятіи мѣстъ, требующихъ хирургическихъ познаній.

Направленіе вѣнскаго клиническаго преподаванія по преимуществу практическое; область мечтаній и шаткихъ теорій оставляется вездѣ, на мѣсто ихъ заступаетъ опытъ, здравое изслѣдованіе болѣзней у постели больныхъ. Почти всѣхъ клиническихъ преподавателей можно назвать превосходными практиками; теоретическія начала ихъ опираются на одномъ только наблюденіи и опытѣ. Колоссальный матеріалъ, который собранъ въ общей больницѣ, доставляетъ имъ широкое поле для работъ; почти въ каждой клиникѣ и отдѣленіи больницы случаи извѣстныхъ болѣзней считаются не единицами, а десятками, а у Гебры и Сигмунда цѣлыми сотнями. Не удивительно, что добросовѣстное наблюденіе такого громаднаго количества больныхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ состояніи довести до заключеній, болѣе вѣрныхъ, особенно если взять въ расчетъ любознательность врачей и постоянное желаніе производить опыты какъ для собственнаго поученія, такъ и для демонстраціи слушателямъ. Изъ такихъ наблюденій и опытовъ рождаются у нихъ опредѣленныя положительныя правила, какъ руководство въ практикѣ. Оттого у всѣхъ ихъ проглядываетъ строгое требованіе точнаго исполненія извѣстныхъ практическихъ уловокъ, предписываемыхъ ими. Если назначается какое нибудь лекарство, то нужно брать его именно въ такомъ количествѣ, какъ сказано; если нужно втирать его, то втирать именно такъ, а не иначе, въ противномъ случаѣ или вовсе не будетъ пользы, или очень мало; если

нужно сдѣлать операцію, то надо производить ее такъ, а не иначе, въ противномъ случаѣ она будетъ безуспѣшна или болѣе затруднительна. Эти предписанія могутъ показаться на первый взглядъ мелочными, но на самомъ дѣлѣ въ нихъ лежитъ достаточно уважительное основаніе. Проф. Арльтъ, при глазныхъ операціяхъ, обращаетъ большое вниманіе на технику, на положеніе пальцевъ и держаніе руки; при производствѣ операцій на трупѣ и фантомѣ я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что исполненіе его практическихъ замѣтокъ необыкновенно облегчаетъ производство ихъ, операція дѣлается какъ бы сама собою, если только руки и пальцы расположены извѣстнымъ образомъ. Гебра разсказывалъ, что многіе изъ его учениковъ жаловались ему, что имъ не удавалось такъ счастливо, какъ ему, вылечивать экзему дёгтемъ; причина была въ томъ, что они не сами втирали его, а поручали прислугѣ или окружающимъ больнаго. Сигмундъ убѣдился опытомъ, что іодистый кали, если онъ въ состояніи сдѣлать что нибудь противъ сифилитической болѣзни, достаточно употреблять до 12 гранъ въ сутки; давать больше не слѣдуетъ, потому что тогда онъ дѣйствуетъ болѣе непріязненно на желудокъ, чѣмъ полезно на самую болѣзнь. Оппольцеръ, котораго я также иногда посѣщалъ, полагаетъ также большую, можно сказать, даже слишкомъ большую надежду на лекарства и на способъ употребленія ихъ; одинъ только Шкода представляется совершеннымъ нигилистомъ въ этомъ отношеніи. Что касается до теоретическихъ положеній науки, то большая часть слышанныхъ мною представителей вѣнской школы держится только тѣхъ, которыя опытомъ или наблюденіемъ признаны за несомнѣнныя, и уклоняется отъ тончайшихъ воззрѣній, уходящихъ въ предѣлы фантазіи. Нужно сказать впрочемъ, что ученіе Рокитанскаго глубоко укоренилось въ нихъ, они такъ свыклись и сроднились съ нимъ, что теперь имъ какъ будто жаль разстаться съ нимъ; поэтому нѣкоторые (особенно факультетскіе хирурги) остаются до сихъ поръ неизмѣнными послѣдователями этого ученія и какъ будто не знаютъ ничего о переворотахъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время патологическою гистологіею. Другіе выражаются просто, что въ практическомъ отношеніи все равно, клѣточка или бластема играетъ главную роль въ тѣхъ или другихъ процессахъ, и предоставляютъ рѣшить, гдѣ правда, будущему времени. Однакожъ они не отказываются отъ средствъ, предлагаемыхъ нынѣшнею химіею и микроскопіею для изученія того, что можно, такъ сказать, осязать чув-

ствами, не дополняя непонятнаго воображенiемъ; оттого въ сужденiяхъ своихъ они строго логичны и послѣдовательны.

Послѣ этого поверхностнаго очерка общей больницы и вѣнской медицинской школы, я скажу о нѣкоторыхъ личностяхъ, отъ которыхъ мнѣ удалось позаимствоваться тѣмъ или другимъ.

Совершенное отдѣленiе хирургiи отъ медицины сознавали невозможнымъ даже старые врачи, и въ новое время всѣ старанiя провести хоть какую нибудь границу между ними остались вполнѣ безуспѣшными. Такъ сифилитическiя и накожныя болѣзни составляютъ такiе отдѣлы патологiи, которые или относятъ цѣликомъ то къ медицинѣ, то къ хирургiи, или раздробляютъ на части, изъ которыхъ одну отдаютъ хирургiи, а другую медицинѣ. Нельзя не замѣтить, что при этомъ дѣленiи господствуетъ совершенный произволъ; напр. въ одномъ случаѣ рожа (отъ внутреннихъ причинъ) включается въ терапiю, въ другомъ та же самая болѣзнь (отъ наружныхъ влiянiй) отчисляется къ хирургическимъ болѣзнямъ; первичный сифилисъ передаютъ въ область хирургiи, а конституцiональный — въ область терапiи. Въ накожныхъ болѣзняхъ этотъ произволъ выдается еще замѣтнѣе; такъ если засоряется протокъ сальной желѣзки, вслѣдствiе чего отдѣленiе ея накопляется и образуетъ маленькое возвышенiе (milium), то его разсматриваютъ какъ накожную болѣзнь, а если съ теченiемъ времени, при постепенномъ накопленiи отдѣленiя, опухоль сдѣлается значительно больше (molluscum, atheroma), то это — хирургическая болѣзнь. Эта тѣсная связь медицины съ хирургiею, такъ рѣзко выражающаяся въ области накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, налагала на меня обязанность обратить особенное вниманiе на эти послѣднiя, тѣмъ болѣе, что съ обильнѣйшимъ матерiаломъ, который представляетъ Вѣна въ этомъ отношенiи, можно было познакомиться подъ руководствомъ отличныхъ учителей. *Гебра* написалъ много замѣчательныхъ статей; свои первыя работы о чесоткѣ онъ обнародовалъ въ 1842 г. Въ послѣднее время онъ занимается составленiемъ отдѣла накожныхъ болѣзней для частной патологiи, издаваемой Вирховымъ, и приготовленiемъ атласа, который по важности образцовъ и по великолѣпiю рисунковъ, превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстные. Въ нынѣшнемъ году замѣчательны его двѣ газетныя статьи о ножномъ потѣ и eczema marginatum. Его ученiе о накожныхъ болѣзняхъ есть результатъ долговременнаго опыта и обширнѣйшей практики. Каждый годъ онъ имѣетъ дѣло почти съ 4,000

больныхъ, а съ начала своей дѣятельности до послѣдняго времени онъ наблюдалъ болѣе 80,000 больныхъ. Понятно, что при такомъ колоссальномъ матеріалѣ не трудно было ему дойти до правильнаго сужденія о той или другой болѣзни, тѣмъ болѣе, что онъ подвергаетъ его всегда самому аккуратному изслѣдованію и постоянному, а не амбулаторному наблюденію, какъ дѣлали англійскіе врачи. При своей любознательности и охотѣ повѣрять все сказанное другими собственнымъ опытомъ, онъ выработалъ много точныхъ положеній относительно леченія накожныхъ болѣзней. Такимъ образомъ, онъ исправилъ многія ошибки Виллэна въ ученіи о классификаціи накожныхъ болѣзней и леченіи ихъ. Почти всѣ острыя сыпи онъ предоставляетъ простому экспектативному леченію, и всегда съ успѣхомъ. Нѣкоторыя хроническія (psoriasis, prurigo), по его мнѣнію, неизлечимы, но проходятъ часто на время сами по себѣ, безъ всякаго леченія. Для всѣхъ другихъ у него нѣсколько методовъ леченія, которые, по его сравнительнымъ опытамъ, оказались самыми дѣйствительными. Употребленіе извѣстныхъ средствъ Гебра показываетъ своимъ слушателямъ большею частью самъ и затѣмъ даетъ возможность видѣть дѣйствіе ихъ до выхода больнаго изъ клиники. Lupus (съ которымъ всегда около 60 больныхъ) лечитъ всегда сильными прижиганіями посредствомъ ляписа. Его ванны, которыя пріобрѣли медаль на лондонской выставкѣ, оказываются удобными на самомъ дѣлѣ; а полезность ихъ я имѣлъ случай видѣть нѣсколько разъ при ожогахъ. Прежде утверждали, что ожога тѣмъ опаснѣе, чѣмъ большее пространство тѣла занимаетъ. Наблюденія Гебры показали несправедливость этого; ожога второй степени, даже на огромнѣйшемъ пространствѣ, не опасна, между тѣмъ какъ ожога третьей степени, даже на ограниченномъ мѣстѣ, можетъ окончиться смертью въ короткое время. Причину этого явленія нельзя искать ни въ прекращеніи дѣятельности кожи, ни въ страхѣ, дѣйствующемъ на больныхъ угнетающимъ образомъ: она остается пока неизвѣстною, хотя химическое вліяніе высокой температуры на кровь кажется довольно правдоподобнымъ. Ожога второй степени вылечивается лучше всего постоянною теплою ванною; успокоивающее дѣйствіе ея на больнаго обнаруживается сейчасъ же. Нельзя отрицать, разумѣется, пользу и другихъ средствъ (Lin. calcareum, lapis inf. etc.); но вода составляетъ между всѣми самое простое и дешевое средство. Притомъ же нужно сказать, что всѣ прославленныя противъ ожоги средства помогаютъ только при второй степени ея,

а при третьей часто ничто не въ состоянiи спасти больнаго отъ гибели. Одинъ больной, у котораго ожога третьей степени занимала на спинѣ пространство не болѣе 2-хъ ладоней, умеръ при мнѣ въ 24 часа.

Съ особеннымъ удовольствiемъ и, можно сказать, даже съ наслажденiемъ я слушалъ лекцiи проф. *Гиртля* о топографической анатомiи. Его охотное желанiе подѣлиться своими познанiями, его способность излагать самые трудные вопросы весьма понятно и просто, его умѣнье приковывать вниманiе слушателей къ своему предмету, привлекаютъ въ его аудиторiю даже и неинтересующихся особенно анатомiею. Не смотря на то, что его лекцiи назначены очень рано (7½ час.), аудиторiя его всегда полна. Въ лѣтнiй семестръ онъ прочиталъ анатомiю таза и конечностей. Извѣстно, до какой степени запутано въ анатомiяхъ описанiе промежности (perinaeum); каждый анатомъ описываетъ ее по своему. Если прочитать нѣсколько сочиненiй объ этомъ предметѣ, то найдешь столько различныхъ названiй фасцiй, столько различныхъ взглядовъ на ходъ ихъ, что рѣшительно не съумѣешь выпутаться изъ этого хаоса, пока самому не придется поработать нѣсколько разъ на трупѣ. Гиртль рисунками и препаратами изобразилъ эту часть такъ ясно, просто и наглядно, что, кажется, на всю жизнь останется отчетливое понятiе о ней. Нѣкоторые упрекаютъ Гиртля за разнохарактерность содержанiя его лекцiй, мнѣ кажется, совершенно несправедливо. Топографическая анатомiя не должна быть сухимъ, голословнымъ описанiемъ относительно положенiя составныхъ частей тѣла, она должна быть чисто прикладною наукою, показывая, почему и гдѣ важно то или другое; тогда только студенту будетъ понятнымъ кажущееся мелочное описанiе хода фасцiй, длины и ширины извѣстныхъ каналовъ, относительнаго расположенiя сосудовъ и нервовъ и пр.; тогда только и будетъ интересною для него топографическая анатомiя.

На лекцiяхъ Гиртля я узналъ, между прочимъ, его мнѣнiе о происхожденiи аномальнаго хода артерiй, которое еще не обнародовано имъ. Объ аномалiяхъ артерiй написано много подробныхъ и прекрасныхъ сочиненiй, но о причинахъ происхожденiя ихъ—ничего пока неизвѣстно. Гиртль надѣется объяснить происхожденiе ихъ, основываясь на законѣ *непрерывнаго анастомоза артерiй.* Онъ имѣетъ уже нѣсколько превосходныхъ препаратовъ, но для боль-

шей поддержки своего мнѣнія собираетъ болѣе обширный матеріалъ. Сущность этого объясненія состоитъ въ томъ, что глубоколежащія артеріи отдаютъ отъ себя вѣтви, которыя доходятъ до кожи, гдѣ аностомозируютъ другъ съ другомъ. Такія вѣтви не должны проходить чрезъ мускулы, потому что мускулы подвергаются измѣненіямъ вслѣдствіе сокращенія; онѣ проходятъ по фибрознымъ отросткамъ фасцій, въ такъ называемыхъ междумышечныхъ связкахъ. Напр. arteria peronea идетъ около малоберцовой кости къ стопѣ; на этомъ пути отъ нея отдѣляются вѣтви, которыя достигаютъ до кожи голени, и раздѣляются тамъ на тонкія вѣточки, аностомозирующія другъ съ другомъ. На этомъ основываетъ Гиртль законъ о непрерывномъ анастомозѣ артерій. Случись, что нѣтъ вѣточекъ, идущихъ отъ art. peronea къ кожѣ, за исключеніемъ одной самой верхней, то кровь протекаетъ по этой вѣтви въ аностомотическія вѣточки, изъ которыхъ развивается мало по малу значительной величины артерія. Такимъ образомъ происходитъ аномалія лучевой артеріи, которая выходитъ иногда изъ подключичной, и аномалія позвоночной артеріи, которая начинается иногда на грудныхъ позвонкахъ.

Въ клиникахъ Шу и Думрейхера я былъ только по нѣсколько разъ, собственно съ цѣлью получить какое нибудь понятіе о нихъ; обыкновенно я посѣщалъ клинику проф. *Пита.* Она принадлежитъ медико-хирургической академіи и находится въ гарнизонномъ госпиталѣ. Академія есть институтъ для образованія военныхъ врачей и стоитъ наравнѣ съ медицинскимъ факультетомъ университета. Въ клиникѣ проф. Пита, которая многимъ напоминала мнѣ клинику Лангенбека, я видѣлъ довольно интересныхъ и поучительныхъ хирургическихъ случаевъ; описывать каждый изъ нихъ невозможно, поэтому я ограничусь только общими замѣтками. Весьма часто представлялись наблюденію застарѣлые вывихи, особенно плечевой кости; почти всѣ остались невправленными, не смотря на то, что были перепробованы всѣ возможные способы вправленія. По этому поводу Пита говорилъ очень часто и много о патологической анатоміи вывиховъ, о распознаваніи ихъ, о препятствіяхъ для вправленія и о достоинствѣ методовъ вправленія. Пита того убѣжденія, что мускулы не составляютъ препятствія для вправленія вывиха, потому что часто они совсѣмъ отрываются отъ мѣста прикрѣпленія, какъ удалось ему видѣть въ двухъ случаяхъ; еслибы они и составляли иногда препятствіе, то съ нимъ легко управиться,

сообразивши положеніе ихъ и предпринявши методъ, при которомъ они разслабляются. Препятствія могутъ заключаться: a) или въ очень маломъ разрывѣ капсулы, которая ущемляетъ головку кости, b) или въ приращеніяхъ, если вывихъ застарѣлый. Вправленіе вывиховъ посредствомъ машинъ сопряжено съ большими неудобствами и даже опасностями. Во 1-хъ направленіе, въ которомъ производится влеченіе, всегда одно и тоже, перемѣнить его нельзя, — это уже большой недостатокъ машинъ, потому что при вправленіи вывиха дѣло меньшее въ вытягиваніи, чѣмъ въ рычагообразныхъ движеніяхъ. Во 2-хъ трудно опредѣлить силу, съ которою можно производить влеченіе безъ вреда для больнаго. Седильо прибавилъ къ полиспасту измѣритель силы (динамометръ), который однакожъ не можетъ служить надежнымъ руководствомъ, потому что резистенція мускуловъ и другихъ мягкихъ частей даннаго больнаго намъ неизвѣстна; оттого иногда случаются разрывы подключичной вены, съ быстро-слѣдующею за тѣмъ смертью (какъ было однажды въ Ліонѣ), иногда остаются параличи, вѣроятно вслѣдствіе разрыва или чрезмѣрнаго растяженія нервовъ. По этимъ причинамъ съ машинами нужно обращаться всегда осторожно. Прежде думали, что вытягиваніе нужно дѣлать, взявши конечность ниже здороваго состава, потому что, если схватить за мускулы вывихнутой кости, то они раздражаются, побуждаются къ сокращенію и препятствуютъ движенію кости. Это едва-ли основательно, потому что мускулы подвергаются при вытягиваніи такому сильному давленію отъ наложенныхъ петель, что дѣлаются совершенно неспособными къ сокращенію.

Резекціи въ клиникѣ Пита не очень часты; онъ не даетъ для нихъ такихъ обширныхъ показаній, какъ Лангенбекъ. Въ двухъ случаяхъ резекцій локтя, видѣнныхъ мною, больные получили довольно свободную подвижность. Въ одномъ — операція была предпринята при osteoporosis, въ другомъ — при травматическомъ поврежденіи состава. Резекція плечевой кости, на продолженіи ея, кончилась неблагополучно. Пуля прошла спереди, мимо сосудовъ, и раздробила кость въ верхней трети, оставивши головку нетронутою. Pitha вынулъ осторожно осколки, отдѣливши ихъ отъ надкостной плевы, и резецировалъ верхній и нижній куски кости жеффреевскою пилою. Верхній кусокъ былъ перепиленъ какъ разъ на границѣ съ сумочною связкою состава, такъ что составъ былъ не тронутъ. Мускулы pectoralis major и teres major оставались въ связи

съ надкостною плевою. Послѣдовательныя кровотеченія, которыя совершенно обезсилили больнаго; смерть. При вскрытіи было найдено, что грудные мускулы были совершенно превращены въ кашу, подкрыльцевая артерія закупорена, артерія и составъ не повреждены. На мѣстѣ, соотвѣтствующемъ размелченію грудныхъ мускуловъ, свѣжій фибринозный эксудатъ на плеврѣ. Однажды была сдѣлана частная резекція пяточной кости при костоѣдѣ ея. Послѣ разрѣза кожи, открыта костная полость, отскоблены грануляціи и поверхностные слои кости, послѣ чего рана перевязана въ надеждѣ, что полость выполнится здоровыми грануляціями. Многіе не одабриваютъ резекціи пяточной кости, на томъ основаніи, что нога дѣлается негодною къ употребленію, лишаясь самой важной точки опоры. Однакожъ въ Англіи произведено нѣсколько такихъ операцій съ хорошими результатами. Пита одинъ разъ также резецировалъ пяточную кость; больной выздоровѣлъ и могъ ходить, но выздоровленіе шло очень медленно, гноеніе было обильно и продолжительно. Такъ какъ операція во всякомъ случаѣ дозволяетъ расчитывать на болѣе или менѣе сомнительный успѣхъ, то Пита не совѣтуетъ предпринимать ее въ частной практикѣ.

При ампутаціяхъ Пита предпочитаетъ всегда циркулярное сѣченіе. Одинъ только способъ Блазіуса онъ находитъ хорошимъ для лоскутнаго сѣченія; при всѣхъ другихъ — лоскуты выходятъ не очень ровны, иногда зубчаты и не хорошо прилаживаются, оттого рана закрывается плохо. Между тѣмъ, при способѣ Блазіуса рана закрывается совершенно гладко и плотно, особенно если не дѣлать слишкомъ острыхъ угловъ, а болѣе округленные, какъ совѣтуетъ Пита. Необходимо также отпиливать большеберцовую кость косвенно; лоскутъ ложится тогда на гладкую поверхность и не подвергается давленію со стороны угла кости. При такихъ измѣненіяхъ способа Блазіуса, Пита получалъ иногда вполнѣ первичное заживленіе. Впрочемъ, въ томъ случаѣ, гдѣ ампутація была сдѣлана при мнѣ, рана не зажила первичнымъ натяженіемъ и разошлась; послѣдовало поверхностное омертвѣніе. Причина этого, какъ мнѣ казалось, заключалась въ слишкомъ большой массѣ оставленныхъ мускуловъ, которые въ зашитой ранѣ подверглись сильному давленію, вслѣдствіе чего прекратилось кровообращеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такое оставленіе слишкомъ большой массы мускуловъ обусловливало неудачу операціи въ одномъ случаѣ, гдѣ я самъ производилъ операцію (въ Россіи); поэтому, чтобы получить первичное

натяженіе, нужно оставлять самое малое количество мускулатуры. Если же швы будутъ напряжены, то они непремѣнно разорвутся, рана разойдется и потребуетъ много времени для очищенія и заживленія, почти втрое больше, чѣмъ при циркулярномъ сѣченіи. По этой-то причинѣ, вѣроятно, опытные хирурги подъ конецъ своей практики совершенно бросаютъ лоскутное сѣченіе. Такъ сдѣлали многіе французскіе хирурги, Velpeau, Roux, Sabatier и др.

Раненія пальцевъ, съ разрывомъ кожи и раздробленіемъ костей, Пита считаетъ всегда очень опасными. Ампутація нѣсколькихъ пальцевъ составляетъ почти столь же серьёзное раненіе, какъ отнятіе плеча или предплечія; по статистическимъ вычисленіямъ — смертность одинаковая. Вопросъ: не лучше ли предоставлять разорванныя раны пальцевъ произвольному теченію, чѣмъ отнимать пальцы? Изъ наблюденій извѣстно, что разорванныя раны пальцевъ, особенно кончиковъ ихъ, болѣе всего опасны, потому что столбнякъ нерѣдкое явленіе послѣ нихъ; поэтому, слѣдуетъ ампутировать и превращать рану въ правильную, порѣзанную, которая, безъ сомнѣнія, скорѣе заживетъ, чѣмъ разорванная, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ пальцы были длиннѣе и болѣе годны къ употребленію. Однакожъ, и послѣ ампутаціи такія поврежденія требуютъ заботливаго надсмотра, потому что столбнякъ все-таки можетъ развиться. Это обязываетъ стараться, по возможности, предотвращать его, удаляя причины. Первое средство — закрыть рану отъ вліянія воздуха и инородныхъ тѣлъ, находящихся въ немъ; второе — предупреждать толчки и ушибы раны, посредствомъ обкладыванія ватою, обвиванія бинтомъ и держанія руки въ спокойномъ положеніи. Paget сейчасъ послѣ ампутаціи дѣлаетъ подкожное впрыскиваніе морфія, съ цѣлію пониженія чувствительности нервовъ. Это средство, по мнѣнію Пита, дѣйствительно полезное, и имъ слѣдуетъ пользоваться, особенно если въ ранѣ начнутъ усиливаться признаки раздраженія; но самое главное состоитъ въ хорошемъ закрываніи раны отъ дѣйствія воздуха и спокойствіи члена. Воздухъ оказываетъ самое большое вредное вліяніе; въ немъ летаютъ всегда постороннія частицы, которыя, падая на руку, усиливаютъ раздраженіе ея, какъ инородныя тѣла. Въ одномъ случаѣ разорванно-ушибленной раны, видѣнномъ мною въ клиникѣ Пита, не было сдѣлано никакой операціи; рабочему упала на ногу тяжесть болѣе 30 центнеровъ и разможжила среднюю и четвертную предплюсневыя кости при соединеніи ихъ съ пальцами. Здѣсь постоянная ирригація ока-

зала величайшую пользу; косточки вышли, рана очистилась и зажила. Постоянная ирригація была употреблена также у ампутированнаго по способу Блазіуса, послѣ того какъ рана разошлась и представляла на многихъ точкахъ помертвѣніе. Рана очистилась довольно скоро, но кость омертвѣла на концѣ, изъ канала ея выдавалась значительной величины круглая опухоль (грануляціи). Масса мягкихъ частей лоскута весьма большая, но не отъ имбибиціи вслѣдствіе орошенія водою, а отъ первоначально большаго количества оставленной мускулатуры, потому что она не уменьшилась послѣ прекращенія употребленія ирригаціи. Пита говоритъ, что для ускоренія заживленія можно было бы отрѣзать эту массу и зашить рану, если бы больной не былъ сильно истощенъ прежнимъ кровотеченіемъ.

Мнѣ казалось страннымъ, что Пита не согласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, что ампутація болѣе опасна, чѣмъ вылущиваніе. Основаніемъ для его противорѣчащаго убѣжденія служитъ то, что при вылущиваніи вскрывается составъ, синовіальная оболочка котораго воспаляется и гноится. Однакожъ, въ большинствѣ случаевъ синовіальная оболочка совершенно уносится, за исключеніемъ колѣннаго состава; отъ этого гноеніе предотвращается, рана скоро заживаетъ. Съ другой стороны, вылущиваніе изъ состава производится легче, чѣмъ ампутація, кость не перепиливается; слѣдовательно, нѣтъ костной раны, нѣтъ опасности отъ раненія костномозговыхъ венъ, которыя послѣ ампутаціи часто воспаляются и закупориваются. Самыя наблюденія говорятъ также въ пользу вылущиванія. Ларрей даже для плеча совѣтовалъ предпочитать вылущиваніе высокой ампутаціи. Вылущиванія составовъ стопы, такъ часто предпринимаемыя, почти всегда заживаютъ первичнымъ натяженіемъ. Высокая ампутація бедра опаснѣе вылущиванія; больные погибаютъ часто отъ кровотеченія, особенно на войнѣ. Одинъ только колѣнный составъ дѣлаетъ исключеніе; вылущиваніе его всегда болѣе или менѣе опасно, потому что синовіальная оболочка остается на нѣкоторыхъ пунктахъ и переходитъ въ дурное гноеніе.

Очень часто приходилось наблюдать въ клиникѣ Пита различныя болѣзни составовъ. Съ давняго времени существуетъ предразсудокъ въ леченіи воспаленій составовъ антифлогистическими средствами, соотвѣтственно реакціи,—ставятъ піявки, часто въ большомъ количествѣ, повторяютъ приставленіе ихъ и даже прибѣгаютъ къ общему кровопусканію. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что послѣ такого энергическаго леченія реакція дѣлается всегда сильнѣе, боли

ожесточаются, опухоль увеличивается, даже является рожистое воспаленіе; чѣмъ больше ставятъ пьявокъ, тѣмъ больше ожесточеніе. Такое послѣдствіе потери крови можно наблюдать въ особенности хорошо послѣ травматическихъ поврежденій составовъ, которыя сопровождаются повторенными и обильными кровотеченіями; пацiенты иногда дѣлаются анемическими отъ кровотеченій, а воспаленіе все-таки бываетъ очень сильное. На такое вредное вліяніе и злоупотребленіе кровопусканій при болѣзняхъ составовъ указалъ въ первый разъ Бонне, говоря, что послѣ приставленія піявокъ является рожа, флегмонозное воспаленіе, особенно если нужно приложить ледъ или холодныя примочки. Лангенбекъ и Пита совершенно такого же мнѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда образуется гной вокругъ состава, разрѣзы въ кожѣ составляютъ вполнѣ раціональное дѣйствіе; послѣ нихъ уменьшается напряженіе фасціи и ослобляется давленіе, претерпѣваемое ею, что̀ влечетъ за собою замѣтное и скорое утишеніе болей. Въ хроническихъ случаяхъ, окончившихся анкилозомъ, Пита не находитъ благоразумнымъ приступать скоро къ насильственному выпрямленію, потому что едва успокоившійся процессъ можетъ опять ожесточиться и сдѣлаться гораздо худшимъ. Гораздо раціональнѣе способствовать совершенному окончанію процесса, помогая всасыванію эксудатовъ, если они есть, іодистыми втираніями, ваннами. Если есть еще значительныя боли въ составѣ, то лучшее средство — спокойствіе члена въ неподвижной повязкѣ. При накопленіи жидкости въ составѣ (hydrarthron), особенно если жидкость въ огромномъ количествѣ, какъ представилось это въ одномъ случаѣ, по мнѣнію Пита, не помогаютъ никакія средства, ни наружныя, ни внутреннія. Одно только впрыскиваніе іода можетъ принести пользу. Въ двухъ случаяхъ Пита достигъ, при помощи его, излеченія водянки, но при весьма бурныхъ припадкахъ послѣдовательнаго воспаленія; поэтому, на такое рискованное средство нужно рѣшаться съ осторожностью и съ согласія больнаго. Пункція не приноситъ никакой пользы, но всегда вредна, потому что уже маленькое количество воздуха достаточно для вызванія сильнаго раздраженія. Давленіе повязкою усиливаетъ иногда воспалительные припадки. На сколько оно полезно при паренхиматозныхъ воспаленіяхъ, напр. яичка, уменьшая гиперемію сосудовъ, на столько безполезно при накопленіяхъ жидкости, напр. hydrocele, hydrarthron. Кстати о hydrocele. Въ клиникахъ Лангенбека и Пита она лечится іодистыми впрыскиваніями. Между множествомъ обыкновенныхъ случаевъ, я

видѣлъ три особенно интересныхъ; одинъ въ клиникѣ Лангенбека, гдѣ на одной сторонѣ была hydrocele, а на другой — haematocele (операція въ одинъ сеансъ); другой случай въ клиникѣ Пита — Spermatocele (въ жидкости найдены микроскопомъ сперматозоа); третій, взятый для оцѣнки способовъ леченія, представился также въ клиникѣ Пита. Водянка была оперирована 12 лѣтъ назадъ громаднымъ разрѣзомъ, судя по величинѣ рубца. Послѣдовалъ рецидивъ,— доказательство, что нѣкоторые несправедливо вооружаются до сихъ поръ противъ инъекцій (Schuh, Dummreicher), говоря, что онѣ не предотвращаютъ возвратовъ, и употребляютъ разрѣзъ, какъ истинно радикальное средство. Послѣ впрыскиванія іода влагалищная оболочка не срастается съ яичкомъ посредствомъ, такъ называемаго, адгезивнаго воспаленія, какъ думали прежде. Лангенбенъ имѣлъ случай при вскрытіи (по истеченіи года послѣ операціи) убѣдиться въ этомъ.

Въ заключеніе, не могу не упомянуть, что я считалъ непремѣннымъ долгомъ познакомиться съ замѣчательными музеями Вѣны, особенно съ музеемъ Гиртля для человѣческой и сравнительной анатоміи, съ огромнымъ собраніемъ восковыхъ анатомическихъ препаратовъ, принадлежащихъ академіи, и съ патолого-анатомическимъ музеемъ Рокитанскаго. Нельзя не пожалѣть при этомъ, что доступъ въ послѣдній довольно затруднителенъ и сопряженъ каждый разъ съ порядочною тратою денегъ.

Парижъ, $^{6}/_{18}$ августа 1863 года.

75) Кандидата В. Сергѣевича.

Очеркъ кассаціи въ Пруссіи.

*(Къ вопросу о кассаціонномъ судѣ *).*

Въ настоящее время, въ виду близкаго преобразованія судоустройства въ Россіи, вопросъ о значеніи и организаціи кассаціоннаго суда представляетъ для насъ не одинъ только теоретическій интересъ. Не имѣя собственной опытности въ этомъ дѣлѣ, мы, по необходимости, должны обратиться къ исторіи кассаціи судебныхъ рѣшеній у другихъ народовъ, воспользоваться, по крайней мѣрѣ, ихъ опытностію.

*) См. Особенности французскаго кассаціоннаго суда. Стр. 75.

Мысль французскаго кассаціоннаго суда не осталась безъ вліянія на новыя судебныя учрежденія и внѣ предѣловъ Франціи. Учрежденіе, такъ много обѣщающее по своей идеѣ (единство въ примѣненіи закона), не могло не вызвать и другія государства къ законодательнымъ попыткамъ въ томъ же родѣ. При крайней близости нѣкоторыхъ изъ нихъ къ французскому образцу, ни одна, однакоже, не воспроизводитъ всѣхъ его особенностей. Изученіе различій, существующихъ между новыми попытками и ихъ первообразомъ, весьма важно: различія всегда указываютъ на слабыя стороны французскаго кассаціоннаго суда, хотя нововведенія и не во всемъ приводятъ къ лучшему рѣшенію задачи этого учрежденія. Нѣмецкія учрежденія въ этомъ родѣ всего болѣе расходятся съ французскимъ кассаціоннымъ судомъ; ближе къ нему подходятъ—кассаціонный судъ въ Бельгіи, Нидерландахъ и Италіи, напр. въ Сициліи.

На этотъ разъ я останавлюсь на Прусскомъ верховномъ трибуналѣ (Obertribunal). Особенности, существенно отличающія его отъ французскаго кассаціоннаго суда, имѣютъ свое начало въ обще-нѣмецкомъ судопроизводствѣ. Эта связь новыхъ прусскихъ учрежденій съ старыми заставляетъ меня остановиться на исторіи кассаціи судебныхъ рѣшеній по обще-нѣмецкому праву, которая и сама по себѣ, внѣ этой связи, представляетъ не мало поучительнаго.

Еще въ римскомъ правѣ выработалось различіе между судебными рѣшеніями несправедливыми (sententia injusta s. iniqua) и ничтожными (sententia nulla). По римскому взгляду можно было оспаривать не только несправедливый приговоръ, приговоръ, нарушающій матеріяльное право той или другой стороны; но и справедливый, не нарушающій ничьего матеріяльнаго права, если только онъ противорѣчилъ тѣмъ условіямъ, соблюденіе которыхъ законъ считаетъ необходимымъ для возникновенія законнаго рѣшенія. Эти существенныя условія законности судебнаго рѣшенія подводятся подъ 4 категоріи:

1) Условія, относящіяся къ организаціи суда; напр. рѣшеніе должно быть произнесено судомъ, составленнымъ согласно съ предписаніями закона; поэтому, не могутъ имѣть обязательной силы для тяжущихся рѣшенія судьи — глухаго, малолѣтнаго, судившаго въ собственномъ дѣлѣ и проч.

2) Условія, опредѣляющія характеръ тяжущихся; такъ рѣшеніе не можетъ получить обязательной силы, если одна изъ сторонъ по

закону вовсе лишена права искать передъ судомъ (наприм. роды) и прочее.

3) Условія, опредѣляющія порядокъ судопроизводства; наприм. обѣ стороны должны быть выслушаны, и проч.

4) Условія, опредѣляющія самый характеръ приговора; напр. приговоръ долженъ быть на латинскомъ языкѣ (съ конца IV вѣка допускается и греческій языкъ); онъ долженъ заключать въ себѣ, опредѣленно высказанное, обвиненіе или оправданіе; онъ долженъ быть согласенъ съ существующими законами *) и проч. Изъ этихъ условій я остановлюсь нѣсколько подробнѣе только на послѣднемъ. По римскому праву, судебный приговоръ не долженъ былъ противорѣчить существующимъ постановленіямъ; но это противорѣчіе римскіе юристы принимали въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ широкимъ толкованіемъ, которое современная французская практика придаетъ словамъ — contravention expresse à la loi. Неправильное пониманіе закона и неправильное его примѣненіе не дѣлаетъ еще рѣшенія ничтожнымъ. Для этого нужно, чтобы судья разрѣшилъ извѣстный случай на основаніи такого правила, которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ существующими законами **). Такъ, если-бы онъ призналъ напр., что несовершеннолѣтній можетъ сдѣлать завѣщаніе и на основаніи этого правила утвердилъ за извѣстнымъ лицемъ права наслѣдства. Подведеніе же фактовъ не подъ законъ, подъ который по существу дѣла слѣдовало бы ихъ подвести, точно такъ же какъ и неправильная оцѣнка доказательствъ — обусловливаютъ только несправедливое рѣшеніе ***) и ведутъ къ аппелляціи, а не кассаціи. Такимъ образомъ, римскіе юристы несогласіе судебныхъ рѣшеній съ законами понимали совершенно въ томъ смыслѣ, въ какомъ высказалось по этому предмету французское учредительное собраніе 1790 г., съ тѣмъ только важнымъ различіемъ, что это пониманіе вполнѣ соотвѣтствовало цѣлямъ римскаго процесса, но не могло вести къ тѣмъ, для осуществленія которыхъ учреждался кассаціонный судъ.

Рѣшеніе, состоявшееся съ нарушеніемъ этихъ существенныхъ

*) Linde — Lehre von den Rechtsmitteln, 403 — 447. 1840 г. Zweiter Theil. Bethmann-Hollweg — Gerichtsverfassung und Progress des sinkenden Römischen Reichs: 373 — 376. 1834 г.

**) Contra jus constitutum s. constitutionis, въ нѣмецкой практикѣ — contra jus in thesi.

***) Contra jus litigatoris, въ нѣмецкой практикѣ — contra jus in hypothesi.

условій, никогда не могло пріобрѣсти законной силы для тяжущихся *). Это было — ничтожное рѣшеніе (Sententia nulla, nullius momenti est, non est judicatum), ибо оно возникло внѣ того порядка суда, который опредѣленъ законами. Такимъ образомъ, тяжущійся, противъ котораго состоялся приговоръ хотя и справедливый, но съ нарушеніемъ установленнаго порядка, поставленъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ тотъ, который имѣетъ противъ себя несправедливый приговоръ, но удовлетворяющій всѣмъ существеннымъ условіямъ законнаго рѣшенія. Послѣдній долженъ аппеллировать и, если пропускалъ срокъ аппелляціи, несправедливое рѣшеніе получало для него силу закона; первый не нуждался въ аппелляціи, рѣшеніе и безъ этого средства не было для него обязательнымъ. Это различіе вытекаетъ изъ слѣдующаго общаго начала. Вопросъ о томъ, что справедливо въ извѣстномъ дѣлѣ, рѣшается субъективнымъ убѣжденіемъ судьи. Внѣшней мѣрки справедливости — нѣтъ. Если тяжущійся находитъ рѣшеніе несправедливымъ, — у него нѣтъ другаго средства, какъ обратиться къ другому судьѣ, который также, какъ и первый, произнесетъ о правѣ на основаніи своего субъективнаго убѣжденія; потомъ къ третьему и т. д. Которое нибудь изъ этихъ субъективныхъ убѣжденій должно быть признано окончательнымъ, иначе не возможенъ никакой судъ. Согласно съ этимъ, судебныя учрежденія не выставляютъ никакого общаго мѣрила справедливости. Законъ опредѣляетъ только нѣкоторыя внѣшнія условія, соблюденіе которыхъ, не приводя непремѣнно къ матеріяльной правдѣ, представляетъ только возможно лучшее (по пониманію законодателя) для этого средство. Если эти законныя условія нарушены, рѣшеніе — по этому самому — не можетъ получить законной силы.

Римское право не знало, подобно французскому, никакого особаго судебнаго органа, который бы вѣдалъ кассированіе ничтожныхъ рѣшеній. Это достигалось такимъ образомъ. Если ничтожный приговоръ послѣдовалъ противъ отвѣтчика, онъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ, пока истецъ не приступалъ къ исполненію (actio judicati). Въ этомъ случаѣ противъ иска объ исполненіи приговора отвѣтчикъ имѣлъ право выставить exceptio nullitatis **).

*) Кромѣ, конечно, того случая, когда сторона, имѣющая возможность сослаться на ничтожность рѣшенія, сама захочетъ его признать.

**) Т. е. отвѣтчикъ говорилъ: приговоръ, по которому отъ меня требуютъ исполненія, ничтоженъ.

Если, наоборотъ, ничтожный приговоръ послѣдовалъ противъ истца, онъ, нисколько имъ не стѣсняясь, могъ снова начать свой искъ. Если отвѣтчикъ противъ этого повторенія иска выставлялъ exceptio rei judicatae *), истецъ могъ устранить эту эксцепцію возраженіемъ ничтожности приводимаго противъ него приговора (replicatio nullitatis **). Если въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ успѣвалъ доказать свою exceptio nullitatis, а во второмъ истецъ свою replicatio nullitatis, — стороны разсматривались такъ, какъ будто бы между ними не происходило никакого дѣла.

Этотъ порядокъ былъ существенно измѣненъ каноническимъ правомъ. Заимствовавъ изъ римскаго дѣленіе приговоровъ на несправедливые и ничтожные, для преслѣдованія послѣднихъ оно установило особый искъ (agere de nullitate, actio nullitatis). Кто имѣлъ противъ себя ничтожное рѣшеніе, могъ прямо обратиться въ судъ. Но просьба была направлена не на разсмотрѣніе самого дѣла, а только на разсмотрѣніе порядка его рѣшенія, насколько при этомъ были нарушены тѣ существенныя условія, которыя законъ считаетъ необходимыми для возникновенія законнаго рѣшенія. Каноническое право, извѣстное своею любовью къ аппелляціямъ и всякимъ средствамъ нападенія на судебныя рѣшенія, перенесло иниціативу на самого пострадавшаго въ силу ничтожнаго приговора и тѣмъ вывело его изъ того пассивнаго, хотя и совершенно обезпеченнаго, состоянія, въ которомъ онъ находился по римскому праву.

Въ этомъ видѣ уничтоженіе судебныхъ рѣшеній перешло въ нѣмецкое право, которому не принадлежитъ дальнѣйшая судьба этого учрежденія. Не смотря на то, что выработанное римскимъ правомъ дѣленіе судебныхъ рѣшеній на несправедливыя и ничтожныя вытекаетъ изъ самого существа дѣла, приложеніе этого дѣленія къ отдѣльнымъ случаямъ не легко и можетъ быть поводомъ важныхъ злоупотребленій. Эти злоупотребленія и не замедлили обозначиться на нѣмецкой почвѣ.

Actio nullitatis представляла очень важное преимущество передъ аппелляціей: предъявлять аппелляцію допускалось только въ теченіи 10-дневнаго срока; доказывать же ничтожность судебнаго рѣшенія можно было и по прошествіи этихъ 10 дней. Для actio nul-

*) Т. е. если отвѣтчикъ говорилъ: это дѣло уже рѣшено и получило для насъ силу закона.

**) Т. е. истецъ говорилъ: рѣшеніе, на которое ссылается отвѣтчикъ, ничтожно.

litatis не было особаго срока, кромѣ общаго со всѣми личными исками, право на которые погашалось только истеченіемъ 30 лѣтъ. Что же касается до различія въ поводахъ, то нельзя сказать, чтобы оно исключало всякую возможность смѣшенія рѣшеній ничтожныхъ съ рѣшеніями только несправедливыми. Разграничительная линія, ясная въ общемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ скоро они не исчерпываются положительнымъ законодательствомъ, легко можетъ сдѣлаться предметомъ спора: что одинъ судъ считаетъ поводомъ къ кассаціи, въ томъ другой можетъ видѣть только поводъ къ апелляціи. Чтобы исчерпать всѣ возможные случаи кассаціи и тѣмъ облегчить примѣненіе этого средства, нѣмецкая юриспруденція выставила ихъ такое множество, что различіе между sententia nulla и sententia iniqua сдѣлалось нераспознаваемымъ. Этимъ воспользовалась практика для распространенія кассаціи и на такія рѣшенія, которыя подлежатъ собственно только апелляціи, но за пропущеніемъ срока не могутъ болѣе воспользоваться этимъ средствомъ. Процессы усложнились: почти каждому иску о ничтожности предшествовало особое производство о томъ—дѣйствительно ли причина, приводимая истцомъ, какъ основаніе ничтожности рѣшенія, обусловливаетъ ничтожность, или только несправедливость приговора? Слѣдствіемъ была крайняя шаткость судебныхъ рѣшеній: до истеченія 30 лѣтъ выигравшій почти не могъ имѣть увѣренности, что противъ него не начнутъ иска о ничтожности и что приговоръ не будетъ уничтоженъ.

Практика, расширивъ примѣненіе кассаціи, должна была измѣнить и самый порядокъ производства этого иска; когда дѣло шло только о ничтожныхъ рѣшеніяхъ, цѣль иска совершенно достигалась, если высшій судъ признавалъ ничтожнымъ обжалованный приговоръ и, такимъ образомъ, ставилъ стороны въ такое положеніе, какъ бы между ними вовсе не было процесса. Теперь, когда различіе между рѣшеніями ничтожными и несправедливыми значительно сгладилось, этотъ путь оказался слишкомъ длиннымъ. Чтобы приспособить иски о ничтожности къ новой цѣли, судьи стали произносить не только о ничтожности, но въ то же время и о самомъ дѣлѣ. Понятно, что такое постановленіе о существѣ дѣла допускали не всѣ иски, а только тѣ, ничтожность которыхъ была, такъ сказать, неполная, не на столько существенная (defectus sanabiles), чтобы высшій судъ не могъ поправить ее самъ. Этотъ новый видъ ничтожности получилъ особое названіе — heilbare Nichtigkeiten, попра-

вимая ничтожность, въ отличіе отъ нуллитетовъ, выработанныхъ еще римскимъ правомъ, непоправимыхъ (unheilbare Nichtigkeiten), ведущихъ къ уничтоженію рѣшенія, а не къ исправленію. Подъ этотъ новый видъ подходили по большей части нуллитеты 4-й категоріи, въ основаніи которыхъ лежитъ противорѣчіе рѣшенія тексту закона, противорѣчіе, которому нѣмецкая практика дала очень широкое толкованіе.

На ряду съ этими постоянными усиліями практиковъ расширить средства нападенія на окончательныя рѣшенія, законодательная власть стремится ввести кассацію въ ея собственныя границы и тѣмъ положить конецъ злоупотребленіямъ практики *). Послѣднее изъ относящихся къ этому вопросу постановленій имперіи (jüngste Reichs-Abschied, 1654 г.) разрѣшило его такимъ образомъ: искъ о ничтожности имѣетъ мѣсто въ теченіи 30 лѣтъ только въ томъ случаѣ, если были нарушены существенныя формы судопроизводства относительно качествъ судьи, тяжущихся и самого порядка суда. Всѣ же другія условія ничтожности (и въ томъ числѣ тѣ, которыя возникали изъ противорѣчія судебныхъ рѣшеній съ текстомъ закона) были подчинены обыкновенному апелляціонному сроку. Это постановленіе хотя и не даетъ ни точнаго опредѣленія «существенныхъ формъ судопроизводства», ни исчисленія отдѣльныхъ случаевъ кассаціи; но, уравнивая сроки кассаціи и апелляціи для огромнаго большинства нуллитетовъ, выработанныхъ нѣмецкой практикой, оно въ значительной степени сокращаетъ возможность злоупотребленій. Такимъ образомъ, хотя нуллитеты остались въ томъ же размѣрѣ, какъ и прежде, но (за уравненіемъ сроковъ) для практиковъ не было побужденій прибѣгать къ этому средству предпочтительно передъ апелляціей **).

Эти постановленія обще-нѣмецкаго права имѣли силу и въ Пруссіи до половины XVIII вѣка, съ тѣмъ различіемъ, что поправимые нуллитеты вовсе не были признаны прусскимъ законодательствомъ.

---

*) Какъ значеніе имперскихъ постановленій касательно нуллитетовъ, такъ и вся исторія этого института въ нѣмецкомъ правѣ представляетъ чрезвычайно много спорнаго въ литературѣ. Для моей цѣли довольно было указать на самыя крупныя явленія.

**) Кассація въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сохранила самостоятельное отъ апелляціи значеніе только для небольшихъ дѣлъ, цѣна которыхъ не допускала апелляціи. Въ этихъ случаяхъ надо было обращаться не къ апелляціи, а къ кассаціи, на которую не распространяются ограниченія по цѣнѣ иска.

Jüngste Reichs-Abschied, не исчисливъ точно всѣхъ поводовъ къ кассаціи, а обозначивъ ихъ общимъ выраженіемъ, далъ основаніе къ новымъ колебаніямъ практики: одни подъ существенными формами процесса разумѣли въ тѣсномъ смыслѣ — только формы судопроизводства, другіе подводили подъ это понятіе и нарушеніе смысла закона въ приговорѣ. Это колебаніе практики было одной изъ причинъ, заставившихъ Фридриха Великаго въ свою радикальную судебную реформу, положившую совершенно новыя начала въ основу прусскаго судопроизводства, совершенно отмѣнить нуллитеты. Но не прошло и 35 лѣтъ съ этого преобразованія, какъ при томъ же Фридрихѣ Великомъ прусское законодательство снова пришло къ старой мысли, къ признанію случаевъ, въ которыхъ судебное рѣшеніе должно быть объявлено ничтожнымъ, должно быть лишено возможности когда либо войти въ законную силу. Это повело къ возстановленію непоправимыхъ нуллитетовъ въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены еще въ jüngste Reichs-Abschied, только съ исчисленіемъ самыхъ случаевъ, весьма немногочисленныхъ. За незначительными позднѣйшими измѣненіями, иски о ничтожности допускаются теперь въ случаѣ нарушенія слѣдующихъ существенныхъ условій суда:

1) По отношенію къ лицу судьи: если дѣло было рѣшено лицомъ, вовсе не имѣющимъ юрисдикціи; или и имѣющимъ, но не въ томъ судѣ, которому дѣло было подсудно.

2) По отношенію къ тяжущимся: если кто нибудь, обязанный имѣть опекуна или попечителя, искалъ или отвѣчалъ безъ ихъ содѣйствія; если кто нибудь искалъ или отвѣчалъ за другаго или вовсе не имѣя полномочія, или — фальшивое.

3) По отношенію къ самому приговору: если онъ основанъ на ложныхъ актахъ и ложныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Порядокъ производства такой. Если пострадавшій отъ рѣшенія, послѣдовавшаго съ нарушеніемъ этихъ существенныхъ условій, не воспользовался обыкновеннымъ средствомъ защиты — аппелляціей или ревизіей, въ такомъ случаѣ онъ можетъ, въ теченіи общаго для личныхъ исковъ срока, начать особый искъ о ничтожности. Въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право просить особенно о кассаціи и долженъ основанія ничтожности привести въ подтвержденіе своей аппелляціонной жалобы. Цѣль иска о ничтожности не перерѣшеніе самого дѣла, а только признаніе рѣшенія ничтожнымъ. Подается онъ, кромѣ перваго случая, въ тотъ самый судъ, кото-

рый постановилъ ничтожный приговоръ. Это обращеніе къ тому же суду объясняется во 1-хъ тѣмъ, что приговоръ, ничтожный самъ по себѣ, не можетъ связывать судей, его постановившихъ; во 2-хъ тѣмъ, что причина, побудившая истца къ жалобѣ, лежитъ не въ волѣ и не въ особенностяхъ пониманія судьи, какъ напр. въ приговорахъ несправедливыхъ, а въ такомъ обстоятельствѣ, которое собственно и не было у судьи на разсмотрѣніи, какъ напр. ложность свидѣтельскаго показанія, фальшивость акта. Въ 1-мъ же случаѣ, когда причина ничтожности лежитъ въ самомъ судьѣ, искъ подается въ аппелляціонный судъ, который назначаетъ для его разсмотрѣнія какой-либо изъ судовъ первой степени.

Такимъ образомъ, въ настоящее время непоправимые нуллитеты существуютъ въ Пруссіи почти въ томъ видѣ, какъ они были выработаны каноническимъ и обще-нѣмецкимъ правомъ, въ основаніе которыхъ легло еще извѣстное римскому праву дѣленіе приговоровъ на несправедливые и ничтожные. Вся разница состоитъ въ томъ, что новое прусское законодательство, воспользовавшись опытомъ предшествовавшаго времени, значительно ограничило случаи кассаціи и совершенно отмѣнило тѣ, которые, по признанію нѣмецкихъ процессуалистовъ, всего болѣе сдѣлали шаткими судебныя рѣшенія.

Въ такомъ положеніи вопросъ этотъ оставался до 1833 года, когда подъ вліяніемъ новаго французскаго судоустройства, прусское законодательство ввело и, такъ называемые, поправимые нуллитеты обще-нѣмецкаго права. Вновь введенные нуллитеты принадлежатъ только къ тремъ категоріямъ:

1) По отношенію къ судьѣ: если въ сужденіи о дѣлѣ участвовало меньшее число судей, чѣмъ сколько по закону слѣдовало; если судья принималъ личное участіе въ дѣлѣ, какъ свидѣтель или совѣтникъ и проч.

2) По причинѣ нарушенія формъ судопроизводства: когда напр. обвиненному не было сообщено то возраженіе противника, на которомъ судья основалъ свой приговоръ; когда приговоръ послѣдовалъ безъ словеснаго производства въ закрытомъ засѣданіи и проч.

3) Изъ содержанія приговора: когда не высказаны мотивы рѣшенія; когда въ приговорѣ вовсе не упомянуто о такомъ фактѣ, который былъ приведенъ одною изъ сторонъ и могъ бы дать иной характеръ рѣшенію и проч. *).

*) Очень хорошо у Коха: Der Preussische Civil-Process — 688 — 703, 1855 г.

Отличаясь и въ этомъ случаѣ отъ обще-нѣмецкаго права полнымъ исчисленіемъ всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ поправимыхъ нуллитетовъ, прусское законодательство отличается отъ него еще и тѣмъ, что признаетъ противорѣчіе приговора съ текстомъ закона основаніемъ ничтожности въ самомъ широкомъ смыслѣ. Искъ о ничтожности можетъ быть начатъ не только противъ приговора, нарушающаго прямое постановленіе закона (въ римскомъ смыслѣ), но и противъ такого, въ которомъ нарушеніе открывается только изъ общаго смысла законовъ; точно также ничтожно рѣшеніе и въ томъ случаѣ, если примѣненъ не тотъ законъ, который по существу дѣла слѣдовало бы примѣнить. Этимъ постановленіемъ Пруссія узаконила давнишнія стремленія нѣмецкой практики, результатомъ которыхъ было смѣшеніе приговоровъ несправедливыхъ съ ничтожными и крайняя шаткость судебныхъ рѣшеній.

Такое отступленіе отъ того направленія, которому до сихъ поръ слѣдовало Прусское законодательство, не случайно. Оно допущено для достиженія иной, неизвѣстной древнему судопроизводству цѣли. Широкимъ опредѣленіемъ поводовъ кассаціи, Пруссія подчинила толкованіе законовъ во всѣхъ аппелляціонныхъ судахъ надзору одного высшаго трибунала. И въ этомъ случаѣ она поступила послѣдовательнѣе Франціи. Если въ государствѣ должно быть учрежденіе, наблюдающее за единствомъ практики, то, конечно, разсмотрѣнію этого учрежденія должны подлежать не одни только случаи прямаго противорѣчія тексту закона, но и всякое неправильное его примѣненіе. Иначе, средства не будутъ вести къ цѣли.

Но этимъ единствомъ отдаленной цѣли кассаціи и ограничивается сходство съ французскимъ кассаціоннымъ судомъ. Весь порядокъ производства въ Пруссіи иной. Въ этомъ случаѣ она также воспользовалась уроками исторіи нѣмецкаго судопроизводства, какъ и при возстановленіи непоправимыхъ нуллитетовъ, и такимъ образомъ, избѣжала тѣхъ вредныхъ послѣдствій, къ которымъ могло бы вести смѣшеніе приговоровъ ничтожныхъ съ несправедливыми.

Просить объ исправленіи ничтожности (Nichtigkeits-beschwerde) можно только тогда, когда свойства иска не допускаютъ ни аппелляціи, ни ревизіи *). Если же возможно одно изъ этихъ средствъ, кассація, какъ особое средство, не допускается: пострадавшій въ силу ничтожнаго рѣшенія, долженъ аппеллировать и въ оправданіе

*) Ревизія есть аппелляція на рѣшеніе второй инстанціи.

апелляціи можетъ приводить и основанія ничтожности. Какъ скоро срокъ апелляціи пропущенъ, кассація точно также не имѣетъ мѣста, какъ и апелляція. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не допускается ни ревизія ни апелляція *), просьба о кассаціи подается въ обыкновенный апелляціонный срокъ — на рѣшенія первой инстанціи во вторую, (Rekurs) на рѣшенія второй—въ третью—(Высшій трибуналъ). По иску о ничтожности высшій трибуналъ не уничтожаетъ только рѣшенія, но и постановляетъ новое о самомъ дѣлѣ; такъ же поступаетъ и апелляціонный судъ въ случаѣ Rekurs'а. Высшій трибуналъ, какъ верховный судья въ вопросѣ объ истинномъ смыслѣ законовъ, этотъ истинный смыслъ прилагаетъ самъ, не ставя низшія инстанціи въ несогласную съ значеніемъ суда необходимость примѣнять законъ не по собственному убѣжденію.

Такимъ образомъ, хотя поводы кассаціи и апелляціи и не настолько различны, чтобы не было возможности смѣшивать ихъ, но порядокъ производства кассаціи до такой степени близокъ къ порядку производства апелляціи, что смѣшеніе этихъ средствъ можетъ имѣть результатомъ только то, что дѣла, которыя по закону должны быть рѣшены окончательно во второй инстанціи, будутъ еще разъ рѣшены въ третьей **). Прусская попытка ввести особый органъ для установленія единства практики—приводитъ къ третьей инстанціи, отличающейся въ этомъ случаѣ весьма немногими особенностями отъ обыкновеннаго апелляціоннаго суда.

Избѣгнувъ тяжелыхъ формъ французской кассаціи, прусское законодательство, при рѣшеніи труднаго вопроса о введеніи единства въ судебную практику, не избѣгло ошибки другаго рода. Желая придать толкованіямъ высшаго трибунала болѣе твердости и постоянства, оно опредѣлило: всякій разъ, когда который либо изъ сенатовъ трибунала (трибуналъ дѣлится на сенаты) въ пониманіи и примѣненіи закона сдѣлаетъ отступленіе отъ господствовавшаго

---

*) На рѣшенія первой инстанціи апелляція не допускается, если цѣна иска ниже 50 талеровъ. Изъ второй инстанціи въ третью можно апеллировать (Revision): 1) по дѣламъ возникающимъ изъ семейственнаго права, напр. въ спорахъ объ усыновленіи, о бракахъ и проч.; 2) въ спорахъ объ имуществѣ ревизія допускается только въ томъ случаѣ, если предметъ спора дороже 500 талеровъ, и если притомъ вторая инстанція измѣнила рѣшеніе первой. Всѣ случаи, не подходящіе подъ эти двѣ категоріи, рѣшаются окончательно во второй инстанціи.

**) И тѣ, которыя окончательно рѣшаются въ первой, будучи еще разъ пересмотрѣны во второй.

до сихъ поръ въ высшемъ судѣ пониманія,—вопросъ подавшій поводъ къ этому отступленію, долженъ быть предложенъ на разсмотрѣніе полнаго собранія всѣхъ сенатовъ высшаго трибунала. Заключеніе его по этому вопросу должно быть обязательно для отдѣльныхъ сенатовъ при позднѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ подобныхъ случаевъ, пока принятое толкованіе не будетъ измѣнено такимъ же постановленіемъ общаго собранія *). Такимъ образомъ, на высшій трибуналъ перенесены свойства законодательной власти. Вредныя послѣдствія, которыя могли бы возникнуть отъ этого смѣшенія, смягчаются во 1-хъ тѣмъ, что постановленія высшаго трибунала во всякомъ случаѣ уступаютъ постановленіямъ общей законодательной власти, а во 2-хъ тѣмъ, что и въ этомъ провизорномъ значеніи они обязательны только для отдѣленій трибунала, а не для всѣхъ судовъ въ государствѣ.

При этомъ, ясно опредѣлившемся, стремленіи прусскаго законодательства ввести въ судебное устройство такой органъ, который бы могъ способствовать установленію единства въ примѣненіи законовъ, что нашла возможнымъ Пруссія перенять у Франціи, ранѣе ея попавшей на эту мысль? очень немногое. Вмѣсто двухъ высшихъ судовъ (Geheime Obertribunal въ Берлинѣ и Revisions- и Kassationshof въ рейнскихъ провинціяхъ) **), которые существовали въ Пруссіи до 50-хъ годовъ, былъ учрежденъ одинъ высшій трибуналъ, на который мало по малу и перенесли наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ законовъ по всему государству. Наблюденіе это совершается болѣе простымъ и скорымъ порядкомъ чѣмъ во Франціи: уничтоженіемъ рѣшенія, противорѣчащаго смыслу закона, и постановленіемъ новаго. Этотъ способъ, также какъ и французскій, не уничтожая возможности различнаго толкованія законовъ, ибо это различие можетъ проявиться и въ самыхъ стѣнахъ высшаго трибунала, препятствуетъ, однако, образованію столькихъ отдѣльныхъ способовъ толкованія законовъ, сколько аппелляціонныхъ судовъ въ государствѣ.

Сближая особенности французскаго кассаціоннаго суда съ прусской кассаціей, нельзя не придти къ убѣжденію, что сила и значеніе этого новаго учрежденія состоитъ единственно въ томъ, что

---

*) Heffter — Civil Process für d. Preuss. St., 22 стр.

**) Въ этомъ очеркѣ я не касался права, дѣйствующаго въ прирейнскихъ провинціяхъ.

оно *«одно»* для всего государства, а не въ другихъ его особенностяхъ; не въ томъ напр. что оно не рѣшаетъ дѣла въ существѣ, а дѣлаетъ только заключеніе о правѣ. А вмѣстѣ съ этимъ, вопросъ о приведеніи къ единству судебной практики путемъ французскаго кассаціоннаго суда сводится къ слѣдующему вопросу: пространство государства допускаетъ учрежденіе «одного» высшаго суда, или нѣтъ? А каковъ долженъ быть этотъ судъ — аппелляціонный или кассаціонный, это для единства практики дѣло не существенное. И французскій кассаціонный судъ вводитъ единство не отрицательной стороной своей дѣятельности, не уничтоженіемъ рѣшеній, а положительной властью издавать обязательныя для низшихъ судовъ заключенія, иначе—властью рѣшать дѣла въ существѣ. Что Пруссія учредила у себя одинъ высшій судъ,—этотъ примѣръ для Россіи не обязателенъ: Пруссія почти вдвое меньше Франціи.

76) Кандидата Льва Модзалевскаго.

Занятія мои при Іенскомъ университетѣ за текущій (лѣтній) семестръ продолжались въ томъ же направленіи, которое уже было указано въ предшествовавшемъ отчетѣ. Посѣщая лекціи логики и метафизики, исторіи древней философіи и психологіи, я старался обратить болѣе вниманія на послѣднюю, и сравнительно съ учебниками, обыкновенно страдающими бездоказательностью положеній и сухимъ схематизмомъ, не могъ не найти особеннаго интереса въ такихъ сочиненіяхъ, каковы напр. «Psychologische Briefe — v. Dr. Erdmann» 3-е изданіе 1863 года или: «Blicke in's Triebleben der Seele— v. A. W. Grube» 1861 года, ибо авторы ихъ, стараясь сдѣлать психологію болѣе *положительною*, особенно глубоко входятъ въ міровую, общественную и обыденную жизнь и изъ ея явленій черпаютъ свои доказательства и выводы. Грубе же, оказавшему такъ много важныхъ услугъ педагогической литературѣ, нельзя отказать въ превосходномъ знаніи естественныхъ наукъ и умѣньи примѣнять его къ разъясненію тончайшихъ психологическихъ вопросовъ. Неполнота и нѣкоторая односторонность собственно психологическаго содержанія этихъ сочиненій искупается прекраснымъ методомъ, ясностью и занимательностью изложенія.

Особенно много времени, не менѣе 18-ти часовъ еженедѣльно, поглощала педагогическая семинарія профессора Стоя, вечернія засѣданія которой часто продолжались за полночь. Кромѣ теоретиче-

скихъ занятій подъ руководствомъ профессора, я, въ интересахъ практики, долженъ былъ принять на себя преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, въ образцовой семинарской школѣ — на сколько это позволяло мнѣ знаніе нѣмецкаго языка — ибо постоянная практика и ея критика необходимы для каждаго педагога, если онъ не желаетъ заразиться одной книжностью, которою можно только сбить съ толку и себя и другихъ. Хотя я уже близко узналъ и главнѣйшія педагогическія начала профессора Стоя, которыхъ, за немногими исключеніями, нельзя не раздѣлять, и практическое ихъ примѣненіе въ его педагогическихъ учрежденіяхъ; но на этотъ разъ еще отлагаю *полную* оцѣнку его дѣятельности какъ писателя, профессора и практика-педагога: будущій (зимній) семестръ послужитъ мнѣ преимущественно для этой цѣли. Что профессоръ Стой, какъ практикъ, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ полагаютъ нѣкоторые изъ нашихъ педагоговъ, достаточно привести пока слѣдующій фактъ: недавно королевское саксонское правительство присылало въ Іену свѣдущаго человѣка для изученія всего устройства образцовой педагогической семинаріи профессора, такъ-какъ при Лейпцигскомъ университетѣ предполагается такое же учрежденіе, въ пользѣ котораго начинаютъ все болѣе убѣждаться въ Германіи. Нѣкоторые еще доказываютъ, будто семинарская школа для практики молодыхъ педагоговъ есть учрежденіе не только побочное, но даже совершенно выходящее за предѣлы назначенія университета; однако тѣ же самые люди признаютъ необходимость такихъ побочныхъ учрежденій, каковы клиники, ботаническіе сады, агрономическія фермы и т. под. для практики студентовъ, тѣмъ явно противорѣча самимъ себѣ. Въ Гёттингенѣ и Килѣ педагогическія семинаріи при университетахъ далеко не могутъ соперничать съ Іенской, пока первой и единственной въ своемъ родѣ, благодаря трудамъ профессора Стоя. Нельзя не пожалѣть, что въ то самое время, какъ педагогика болѣе и болѣе слагается въ стройную научную систему и пріобрѣтаетъ права на самостоятельность въ германскихъ университетахъ, въ новомъ уставѣ нашихъ университетовъ она, по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, совершенно *исключена* изъ числа наукъ философскаго отдѣла на историко-филологическомъ факультетѣ..... Насколько именно педагогика признается предметомъ университетскаго преподаванія въ Германіи въ настоящее время — могутъ показать слѣдующія статистическія данныя: въ текущій (лѣтній) семестръ она *читается* профессорами въ 13-ти

нѣмецкихъу ниверситетахъ (съ Бернскимъ), которые можно причислить вообще къ лучшимъ, и *не читается* только въ 6-ти, въ Бреславлѣ, Эрлангенѣ, Фрейбургѣ, Марбургѣ, Мюнхенѣ и Ростокѣ, — въ зимнемъ же семестрѣ она вѣроятно и въ нихъ получитъ мѣсто. Интересно также, что изъ 13 университетовъ, только въ трехъ преподается исторія педагогики, въ остальныхъ же лекціи посвящены собственно теоретической ея части. О неудовлетворительности этихъ лекцій вообще въ Германіи я уже говорилъ въ одномъ изъ моихъ отчетовъ *).

При вопросѣ о педагогикѣ, какъ предметѣ университетскаго преподаванія, о степени необходимости этого предмета въ Германіи и у насъ, не надо забывать объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, на которое я также уже указывалъ прежде — о богатствѣ педагогической литературы нѣмцевъ, въ которой ежегодно тысячами являются новыя книги по всѣмъ частямъ, и о существованіи въ Германіи множества низшихъ педагогическихъ семинарій, мужскихъ и женскихъ; тогда какъ у насъ вовсе нѣтъ этихъ благопріятныхъ условій для распространенія педагогическихъ идей и свѣдѣній въ кругу учителей, воспитателей и въ самой образованной части общества. Можно смѣло утверждать, что въ Германіи больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ Европы, распространенъ чистый интересъ къ педагогикѣ; это убѣдительно доказываетъ, между прочимъ, судьба проектовъ устройства нашихъ учебныхъ заведеній: проекты были съ хорошею цѣлью разосланы къ разнымъ авторитетамъ Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи, но только *въ одной Германіи* они такъ сильно заинтересовали лучшихъ ученыхъ и педагоговъ, высказавшихъ по ихъ поводу не мало дѣльнаго въ разныхъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. Правда, не все изъ ихъ совѣтовъ было пригодно для насъ, но все доказывало горячее сочувствіе и живой интересъ нѣмцевъ въ педагогическихъ вопросахъ. У насъ въ Россіи еще существуетъ повальное предубѣжденіе противъ нѣмецкой педагогики, противъ ея темной книжности — съ одной стороны и перехитренной искусственности — съ другой; но справедливо-ли будетъ сплеча наносить этотъ упрекъ *всей* педагогикѣ нѣмцевъ, и забывать о ея очевидныхъ заслугахъ въ самой дѣйствительной жизни, когда слова Брума «das Alphabet des Schulmeisters ist mächtiger, als das Bajonett des Soldaten» оправдываются на самомъ дѣлѣ?

*) Стран. 109.

Жизненное направленіе дѣятельности нѣмецкихъ педагоговъ прекрасно выражается также въ безпрерывныхъ учительскихъ съѣздахъ, то большихъ, то малыхъ, которые не остаются безплодными ни для школы, ни для жизни, и съ каждымъ годомъ принимаютъ все большее развитіе. Объ *общихъ* съѣздахъ нѣмецкихъ учителей надо замѣтить, что они представляютъ явленіе еще довольно новое. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху сильнаго національнаго движенія во всей Европѣ, изъ изящнаго Дрездена раздался голосъ, призывающій къ единству всѣхъ нѣмецкихъ учителей и воспитателей, независимо отъ того, «учатъ-ли они малютокъ по пріютамъ лепетать первые звуки роднаго языка — или читаютъ уже съ зрѣлымъ юношествомъ творенія Гомера и Цицерона, помогаютъ-ли ребенку затвердить азбуку — или вводятъ юношу въ обширный храмъ науки, образуютъ-ли они будущихъ ученыхъ — или практиковъ, вѣруютъ-ли они уже въ явившагося — или еще въ грядущаго — Мессію, причисляютъ-ли себя къ римско-католической — или къ германско-католической церкви, принадлежатъ-ли къ правовѣрной—или къ свободной общинѣ по вѣроисповѣданію *). Осенью 1848 года въ Эйзенахѣ (Вел. Герц. Саксенъ-Веймарское), гдѣ такъ ярко разгорѣлась когда-то первая заря реформаціи, происходило и первое общее педагогическое собраніе, на которомъ были также установлены общія правила для «общества нѣмецкихъ учителей» называвшагося Allgemeiner deutscher Lehrerverein. Опредѣленіе цѣли и назначеніе формулировалось такъ: 1) утвержденіе *національнаго образованія* всего нѣмецкаго юношества посредствомъ основанія истинно-нѣмецкой народной школы; а для этого — 2) *братскій союзъ* между всѣми учителями всевозможныхъ школъ Германіи. Строгая организація этого общества, съ руководительнымъ комитетомъ во главѣ и съ ежегодными общими собраніями въ разныхъ городахъ Германіи, его постоянное сношеніе съ комитетами мѣстныхъ обществъ (Landesvereine), изданіе обще-нѣмецкой педагогической газеты, какъ органа и средоточія по всѣмъ дѣламъ общества учителей, выборы депутатовъ отъ мѣстныхъ обществъ для представительства въ главномъ комитетѣ, — все это вскорѣ возбудило недовѣріе въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ правительствахъ, которыя не замедлили выступить съ запрещеніемъ противъ участія учителей, осо-

*) Encyclopedie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens — v. Dr. K. A. Schmid. 1862. Heft. 33.

бенно народныхъ, въ дѣятельности упомянутаго общества. Когда въ Пруссіи ,циркуляромъ 1-го февраля 1854 года, формально запрещалось учителю быть членомъ главнаго общества, — на дѣлѣ оно уже не существовало болѣе, не устоявъ противъ всестороннихъ репрессивныхъ мѣръ и превратившись въ періодическія общія собранія нѣмецкихъ учителей — Allgemeine deutsche Lehrerverhandlungen. Прекрасная идея не могла умереть, и продолжаетъ жить, но только — подъ другой формой. Нельзя не признать, что и самое запрещеніе было слѣдствіемъ одного недоразумѣнія, однѣхъ реакціонныхъ крайностей послѣ предшествовавшихъ революціонныхъ смутъ. Въ стремленіи учителей къ сближенію не было ничего опаснаго для общественнаго спокойствія, польза же для всего педагогическаго дѣла такъ велика и очевидна, что уже въ 1860 году (3-го іюля) прусское министерство снова разрѣшило учителямъ принимать участіе въ общихъ собраніяхъ. Только народные учителя менѣе прогрессивныхъ нѣмецкихъ государствъ, напр. Баварскаго, Гессенскаго, Мекленбургскаго и др. до самаго послѣдняго времени не имѣли права являться на эти собранія. Нынѣшній 1863 годъ окончательно уничтожилъ всякое стѣсненіе учителей въ стремленіи и средствахъ къ самоусовершенствованію, признавъ наконецъ, что взаимный обмѣнъ идей есть одно изъ лучшихъ средствъ добраться до истины. Правительства, наиболѣе заботящіяся объ улучшеніи народнаго образованія и когда - то запрещавшія сближеніе учителей, теперь явно покровительствуютъ ему. Еще на прошлогоднемъ общемъ собраніи въ Герѣ было нѣсколько педагоговъ-депутатовъ, присланныхъ австрійскимъ правительствомъ съ заявленіемъ самого горячаго сочувствія его къ прекрасному дѣлу *). Нынѣшнее же 14-е общее собраніе нѣмецкихъ учителей въ Мангеймѣ (26 — 28-го мая), посѣтить которое я считалъ своею обязанностью, можно назвать уже дѣйствительно *общимъ*, ибо между 28-ю сотнями съѣхавшихся учителей были представители отъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ: и изъ столицъ — и изъ мѣстечекъ, и изъ обширной университетской аудиторіи — и изъ скромной комнатки

*) Въ Австріи собственно, какъ въ католической землѣ, все народное образованіе стоитъ далеко ниже, чѣмъ въ другихъ протестантскихъ государствахъ Германіи; но въ настоящее время австрійскимъ правительствомъ предприняты коренныя преобразованія школьнаго дѣла, на самыхъ широкихъ основаніяхъ. (Allgem. deutsche Lehrerzeitung, 1863. № 28).

деревенской школы, спѣшили сюда поборники единства и процвѣтанія нѣмецкой школы.

Сочувствіе правительствъ и самого общества къ дѣлу, одушевляющему педагоговъ, можно видѣть изъ множества фактовъ. Правленія многихъ обществъ желѣзныхъ дорогъ сбавили цѣны на 20%, на 30%, иныя даже на 50% для ѣхавшихъ на собраніе учителей, или прямо обезпечивали имъ безплатный возвратный проѣздъ. Городское общинное правленіе Мангейма снабдило комитетъ, завѣдывавшій устройствомъ съѣзда, значительной суммой для необходимыхъ расходовъ, и верховный церковный совѣтъ герцогства открылъ для педагогическихъ засѣданій огромную церковь Св. Троицы. Граждане Мангейма приняли на себя безплатное расквартированіе и отчасти продовольствіе многочисленныхъ гостей на все время съѣзда *). Самъ великій герцогъ Баденскій, безкорыстно преданный благу своихъ подданныхъ и дѣлу осуществленія германскаго единства, лично выразилъ собранію полное уваженіе къ его просвѣщеннымъ стремленіямъ и посвятилъ ему цѣлый (2-й) день, слушая пренія, осматривая выставку и «дѣтскій садъ». На собраніе пріѣхало не мало швейцарцевъ. Даже французы изъ Ліона прислали ему слѣдующее дружеское письмо: «Chers collègues! Les instituteurs primaires de Lyon, empêchés par la distance et leurs fonctions d'assister à vos interessantes conférences, ont chargé Mr. Hoffet, officier de l'instruction publique, lequel veut bien être leur délégué, d'exprimer toute leur sympathie à leurs confréres de l'Allemagne. Nous sommes avec vous de coeur et de pensée, car nous travaillons tous à la même oeuvre, à la régénération sociale par l'instruction et l'éducation du peuple. Pour cette oeuvre sainte, il n' y a pas de barrières, qui puissent nous séparer. Nous vous tendons par consèquent une main amie et que notre devise, comme la votre, soit: aux progrès moraux et intellectuels des peuples et à l'union fraternelle de tous les instituteurs primaires. 20-го мая 1863».

Самое содержаніе мангеймскаго собранія, съ рѣчами, преніями и обѣдами, вѣроятно уже извѣстно изъ сообщеній гг. Авенаріуса и Сентъ-Илера. Чтобы избѣжать повтореній, я ограничусь только немногими общими выводами.

Ничего новаго, ничего необыкновеннаго на собраніи не было

---

*) Интересно знать, чѣмъ-то выскажется пресловутое гостепріимство въ нашемъ обществѣ въ отношеніи къ своимъ педагогамъ, которымъ нынѣ также дана возможность устроивать педагогическіе съѣзды по мѣстамъ или спеціальностямъ?....

высказано, и каждый, слѣдившій за движеніемъ педагогической литературы нѣмцевъ за послѣднее время, могъ уже заранѣе знать, какія «brennende Fragen» будутъ подняты педагогами, какъ напр. 1) О возбужденіи въ юношествѣ любви къ общему нѣмецкому отечеству; 2) О лучшемъ преподаваніи всѣхъ предметовъ вообще, религіи же и естествознанія въ особенности; 3) Объ усиленіи школьной гимнастики въ видахъ военнаго подготовленія юношества; 4) Объ эмансипаціи школы отъ исключительняго вліянія церкви или государства, 5) Объ улучшеніи нравственнаго и матеріяльнаго быта народныхъ учителей, и кое-что еще*). Не мало было также старыхъ вопросовъ, нерѣшенныхъ въ Германіи точно также, какъ и у насъ. Но хотя большинство вопросовъ этихъ было не ново, хотя многочисленность и партіальная раздражительность собранія препятствовали возможности правильнаго обсужденія; все же многое разъяснилось, и иная, давно знакомая и почти позабытая, истина, облеченная въ пламенное слово инаго даровитаго оратора, снова освѣтилась и запылала ярче въ душѣ утомленнаго жизнью учителя. При томъ же, каждый изъ присутствующихъ, чувствуя себя членомъ одной обширной педагогической семьи, почерпнулъ въ ней много новой вѣры въ свое дѣло, много силы и знанія для его выполненія. Можно даже сказать, что неоффиціальная часть съѣзда, его «трактирная» сторона, съ новыми знакомствами, задушевными бесѣдами, одушевленными тостами и т. под. — еще важнѣе оффиціальной, съ ея довольно нескладнымъ парламентаризмомъ. Самъ Гербартъ, внесшій въ новѣйшую педагогику глубокій философскій элементъ, въ одномъ изъ своихъ педагогическихъ разсужденій **), также высказывается противъ слишкомъ большихъ собраній учителей, ибо вопросы о теоріяхъ и принципахъ не рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ педагогикѣ же произволъ опаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. «Если число спорящихъ, говоритъ онъ, такъ велико, что оратору надо кричать и торопиться ***), чтобы и другимъ

*) Въ предварительномъ собраніи профессоръ Стой удачно предложилъ, для избѣжанія односторонности при выборѣ темъ для обсужденія въ полномъ собраніи, держаться такого правила: на каждый день желательно имѣть: одну тему изъ области *воспитанія*, одну — изъ области *преподаванія*, и третью изъ непосредственной *практической жизни*. Всѣхъ присланныхъ рефератовъ было 26.

**) Т. XI. стр. 415 и слѣд. «Ueber pädagogische Discussionen und die Bedingungen, unter denen sie nützen können.

***) При послѣднемъ праздникѣ турнеровъ въ Лейпцигѣ (2 — 5-го авг.), политическій духъ котораго проникаетъ и въ нѣмецкую школу, всѣхъ турнеровъ было

дать возможность сказать свое слово, то вслѣдствіе недосказанности и неполноты въ развитіи мысли, возникаютъ одни недоразумѣнія и раздраженіе». Мангеймскій учительскій съѣздъ много оправдываетъ приговоръ Герберта: дѣйствительно, ни одинъ вопросъ не былъ *рѣшенъ окончательно*, а только затронутъ и нѣсколько разъясненъ; но такъ-какъ съѣзду никакъ нельзя отказать въ томъ нравственномъ, соціальномъ и отчасти политическомъ значеніи, на которое мы выше указали, — то всѣ доводы противъ такихъ большихъ собраній вообще не основательны, и никакъ не могутъ устранить очевидность ихъ благодѣтельнаго вліянія на жизнь и школу. Соглашеніе и единство, убѣжденіе и вѣра — важны въ каждомъ общемъ дѣлѣ, а потому не надо пренебрегать никакими средствами, которыя ведутъ къ нимъ. Въ Германіи же еще вовсе не достигнуто это соглашеніе во многомъ, въ чемъ, казалось бы, не могло быть никакого разномыслія. Таинственное Эйзенахское анти-собраніе «Друзей Креста Господня», происходившее въ одно время съ Мангеймскимъ и состоявшее по большей части изъ прусскихъ педагоговъ-піетистовъ и клерикаловъ, свидѣтельствуетъ о существующемъ разладѣ въ самой нѣмецкой школѣ. Духъ слабѣющей ретроградной партіи все болѣе и болѣе стремится къ крайностямъ, и первой жертвой ихъ становится — школа.

Въ дополненіе къ общей характеристикѣ Мангеймскаго собранія учителей, необходимо еще упомянуть *о выставкѣ учебныхъ пособій*, какъ о новомъ явленіи въ Германіи, которая въ этомъ отношеніи нѣсколько отстала отъ Англіи, гдѣ еще въ 1854 году извѣстное «The society of Arts» первое устроило въ Лондонѣ такую педагогическую выставку. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ (іюля и августа) здѣсь же ежедневно читались для посѣтителей и лекціи о примѣненіи лучшихъ учебныхъ пособій, которыя были тутъ же подъ руками. Выставка эта, открытая самимъ покойнымъ принцемъ Альбертомъ, не мало сдѣлавшимъ для поощренія педагогическихъ успѣховъ въ Англіи, сдѣлалась съ этого времени постоянною при «обществѣ искусствъ» и помѣщается въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Устройство особаго педагогическаго отдѣленія на послѣдней всемірной выставкѣ въ Лондонѣ есть также первая, но весьма удавшаяся попытка. Мангеймская выставка равнялась развѣ $1/_{10}$ части

болѣе 20,000, а потому каждому оратору позволялось говорить не долѣе 5-ти минутъ, но за то тутъ не полагалось никакихъ преній, и никакихъ теоретическихъ и философскихъ тонкостей.

Лондонской, но все же была самой богатой въ Германіи (до 900 нумеровъ различныхъ отдѣловъ), представляла не мало интереснаго и привлекла множество посѣтителей не изъ одного учительскаго сословія. Тутъ были и дѣтскія рукодѣлья изъ «дѣтскихъ садовъ», и образцовыя работы изъ ремесленныхъ школъ, множество учебниковъ и пособій по всѣмъ предметамъ для всевозможныхъ учебныхъ заведеній и возрастовъ, для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Особенно много было иллюстрированныхъ дѣтскихъ изданій и картинъ для нагляднаго обученія; главную же часть выставки составляли, конечно, разныя модели и техническія учебныя пособія, начиная отъ геометрическихъ фигуръ и разныхъ линеекъ для сѣтей, и кончая сложными астрономическими и физическими аппаратами. Много было вещей, хитро придуманныхъ, но безполезныхъ, но еще больше дѣйствительныхъ пособій при обученіи, которыми поспѣшила запастись не одна школа. Такъ напр. за 13 руб. можно было пріобрѣсти слѣдующій аппаратъ для объясненія математической географіи: онъ состоитъ въ 1-хъ, изъ горизонтальнаго круга, раздѣленнаго на 12-ть частей (съ календаремъ на краяхъ) и обозначающаго путь земли, и во 2-хъ — изъ трехъ шариковъ, представляющихъ солнце, землю и луну. Весь механизмъ устроенъ такъ, что его легко можно принаровить къ каждому дню; причемъ, солнце само занимаетъ должное мѣсто на эклиптикѣ и становится въ должное отношеніе къ землѣ. Особый указатель придѣланъ для обозначенія того параллельнаго круга, на который отвѣсно падаютъ лучи солнца, такъ что различныя времена года, зависящія отъ солнцестоянія, объясняются самымъ нагляднымъ образомъ. Этого мало: тотъ же указатель означаетъ кульминаціонную точку каждаго мѣста и дѣлаетъ возможнымъ, съ помощью часоваго циферблята, опредѣлить долготу дня и ночи на любомъ мѣстѣ земнаго шара въ данное время; указательными стрѣлками при этомъ служатъ меридіаны. На земномъ шарѣ мы видимъ, кромѣ того, горизонтъ, опредѣляющій освѣщенную и тѣневую сторону земли, всю перемѣну временъ года, восхожденіе и захожденіе солнца, продолжительность дня и ночи для каждаго мѣста въ извѣстное число. Не забыта и луна: день за днемъ мѣняются ея фазы, и не трудно также опредѣлить время ея восхожденія и захожденія, если угодно, можно тотчасъ произвести затмѣніе солнца или луны и прослѣдить затмѣніе послѣдней по эпициклоиду... Болѣе другихъ нѣмецкихъ государствъ

прислала на выставку Австрія, и ея изданія, особенно по естествовѣдѣнію, были особенно роскошны, но — роскошь не для школы...

Выставки устроиваются для *наглядности*, а потому подробно описывать ихъ хотя и возможно, но безполезно. Если бы такія описанія къ чему нибудь вели, то были бы не нужны и самыя выставки. Я считаю болѣе сообразнымъ, въ прибавленіе къ отчету, сказать нѣсколько словъ о *мѣстномъ* годичномъ собраніи (Landesversammlung) учителей Веймарскаго Великаго Герцогства, на которомъ мнѣ привелось быть, и которое можетъ ближе подходить къ нашимъ будущимъ областнымъ педагогическимъ съѣздамъ, если только имъ суждено правильное развитіе....

Собраніе это, 10-е по счету, происходило отъ 6 до 9-го августа нов. ст. въ маленькомъ мануфактурномъ городѣ Апольдѣ, и привлекло до 300 гостей-педагоговъ изъ окрестныхъ городковъ и деревень Веймарской земли*). Апольда гордится въ 1-хъ, тѣмъ, что готовитъ отличные чулки чуть-ли не на всю сѣверную Германію, и во 2-хъ, тѣмъ, что Шиллеръ, въ Іенскій періодъ его жизни, писавши свой «Колоколъ», пріѣзжалъ на Апольдайскій заводъ изучать литейное производство. Надо замѣтить, что веймарскіе учителя никогда прежде не хотѣли собираться въ Апольдѣ, полагая, что этотъ исключительно-промышленный городокъ не очень-то сочувствуетъ ихъ педагогическимъ стремленіямъ, и потому нечего расчитывать на его гостепріимство. Однако на этотъ разъ педагоги раскаялись въ такомъ предубѣжденіи: Апольдайцы приняли ихъ такъ радушно въ свои семейства, такъ усердно угощали и забавляли, что при разъѣздѣ гостей всѣ углы и стѣны домовъ по улицамъ были исписаны благодарственными адресами учителей, и въ стихахъ и прозой. При расквартированіи я самъ попалъ къ такому радушному хозяину, что онъ не давалъ мнѣ покою, почти не отходилъ отъ меня, и даже въ трактирахъ не позволялъ ни за что платить.... Такъ измѣняются расчетливые нѣмцы при случаѣ, особенно когда принимаютъ въ гости своихъ педагоговъ, или своихъ турнеровъ, стрѣлковъ, пѣвцовъ, видя въ нихъ главную надежду на счастіе отечества, главное орудіе для осуществленія его желаннаго единства!

---

*) Государство это состоитъ изъ 66 кв. миль, съ народонаселеніемъ въ 275,000 душъ, преимущественно протестантовъ, ибо католиковъ и евреевъ въ этомъ числѣ не болѣе 12,000. Оно принадлежитъ къ наиболѣе просвѣщеннымъ и прогрессивнымъ кусочкамъ Германіи.

Вообще, мѣстное собраніе педагоговъ какого-нибудь маленькаго государства, или отдѣльной провинціи, или наконецъ отдѣльнаго города, есть совершенная миніатюра большаго общаго; но только польза отъ такихъ небольшихъ собраній непосредственно для педагогическаго дѣла еще значительнѣе. Городъ, ожидающій гостей, принимаетъ въ подобныхъ случаяхъ также праздничный, торжественный видъ. Каждый обыватель не жалѣетъ флаговъ, гирляндъ, или придумываетъ другіе, болѣе экономическіе способы украсить свой домъ: такъ продавецъ кожъ вывѣситъ изъ всѣхъ оконъ побольше кусковъ разноцвѣтнаго сафьяну; хозяинъ желѣзной лавки ухитрится прибить вдоль стѣны множество молотковъ, щипцовъ, клещей, такъ что выйдутъ какія-то симметрическія фигуры; у купца краснотоварца протянутся изъ окна въ окно разные яркіе ситцы и сукна; всюду, гдѣ только можно, навѣсятся и налѣпятся громадныя «willkommen!»... Такой же праздничный видъ представляла и Апольда отъ 6-го по 9-е августа, въ другое время невыносимо унылая.... Когда собралось порядочное число учителей, изъ которыхъ каждый получилъ за 5 грошей кокардочку и карту съ программой предстоящихъ занятій и увеселеній, — вечеромъ 6-го августа былъ выбранъ президентомъ одинъ пожилой народный учитель г. Херхеръ, а также двое помощниковъ и двое секретарей-стенографовъ. На другой день уже въ 7-мь часовъ утра открылось первое засѣданіе въ просторномъ и тщательно убранномъ залѣ «Гармоніи», принадлежащей гражданамъ Апольды *). Дамы и любители помѣстились на хорахъ. По обыкновенію пропѣтъ былъ всѣми какой-то гимнъ Лютера и произнесена привѣтственная рѣчь бургомистромъ города: онъ благодарилъ учителей за честь посѣщенія Апольды, сказалъ нѣсколько дѣльныхъ словъ о значеніи подобныхъ собраній, и наконецъ, распространившись въ повтореніяхъ одного и того же, какъ-то потерялся и умолкъ. Тѣмъ не менѣе чистосердечное привѣтствіе его было принято гостями съ одушевленіемъ.

Первымъ изъ референтовъ явился на каѳедрѣ профессоръ Стой, встрѣченный громкими аплодисментами, и объявилъ, что президентъ уговорилъ его прочитать здѣсь то же самое, что онъ уже читалъ на Мангеймскомъ собраніи, а именно: «О педагогикѣ Уланда». Въ

*) Это нѣчто въ родѣ нашихъ провинціяльныхъ клубовъ, но съ тою разницею, что здѣсь не только ѣдятъ, танцуютъ и играютъ въ карты, но и дѣйствительно читаютъ газеты, слушаютъ публичныя лекціи и классическую музыку, или смотрятъ представленія любителей.

Мангеймѣ чтеніе этой статьи не совсѣмъ-то удалось: оно происходило въ *заключеніе* собранія перваго дня, и профессоръ могъ удержать около своей каѳедры лишь нѣсколько сотъ слушателей; большинство же, уступая влеченію своихъ проголодавшихся желудковъ, удалилось изъ церкви. Въ Апольдѣ, напротивъ того, съ напряженнымъ вниманіемъ было всѣми выслушано живое слово профессора, проникнутое силою убѣжденія и богатымъ поэтическимъ элементомъ, почерпнутымъ имъ изъ произведеній любимаго и только что утраченнаго нѣмцами поэта. Уландъ не только не былъ никогда педагогомъ и ничего не писалъ по педагогикѣ, но даже не имѣлъ радости воспитывать собственныхъ дѣтей и умеръ бездѣтнымъ; но тѣмъ не менѣе онъ справедливо можетъ быть названъ «пѣвцомъ дѣтской красоты». Многія изъ его произведеній раскрываютъ истинные идеалы родительской любви и дѣтской доблести, прелестныя картины семейнаго счастія. Если нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Каппъ изложилъ педагогику Платона и Аристотеля, а Раумеръ въ своей исторіи — педагогику Лютера, что даже у насъ писали «о Бѣлинскомъ — какъ педагогѣ»; то нѣтъ также ничего страннаго въ томъ, что профессоръ Стой сгруппировалъ въ одну картину разныя дѣтскія личности и характеры изъ произведеній Уланда и привелъ въ нѣкоторую систему тѣ общія педагогическія начала, которымъ, можетъ быть, безсознательно слѣдовало творчество поэта. Хотя г. Стой говорилъ постоянно сценами и цитатами, но мнѣ возможно передать здѣсь только главный ходъ идей его рѣчи и тѣ главныя начала, какія оставались въ выводѣ. Начала эти, постоянно одушевляющія профессора и въ его практической дѣятельности, какъ воспитателя, вносятъ въ жизнь его собственной школы много поэтическаго. Вотъ они: воспитаніе не можетъ *создавать* силъ, но только укрѣплять и направлять данныя самой природой. Развитіе дитяти и юноши должно *слѣдовать* природѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Свобода развитія должна быть, однако, поставлена въ извѣстные, но возможно просторные предѣлы. Дѣло воспитанія должно стоять въ предѣлахъ дома, его нравовъ и порядка, обусловливаемыхъ самымъ понятіемъ «семейства». Въ его нѣдрахъ коренятся: семейные нравы, семейная честь, племенные нравы, народная гордость, любовь къ отечеству. Изъ него же выростаетъ чувство честности, права, мужества въ битвѣ съ житейскою ложью. Только при такомъ патріотизмѣ живетъ несокрушимая вѣра въ конечную побѣду права. Педагогика Уланда есть школа

мужества и силы, отважной борьбы и дѣтской покорности; ея идеалы — суть истинные пути, по которымъ природа дитяти и юноши приходитъ къ зрѣлому мужеству и почтенной старости. Она взываетъ къ «скромному геройству» (zum schlichten Heldenthume), безъ котораго немыслима истинная жизнь. Уландовскими идеями и образами высокой нравственной чистоты, святости семейства, мужества предъ суровыми требованіями жизни, долженъ по преимуществу проникнуться каждый педагогъ, и изъ нихъ почерпнуть побольше мудрости и силъ для «скромнаго геройства», помня вѣщее слово поэта, обращенное къ нему:

«Der Himmel hat dein Leben
Nicht für dein Volk begehrt,
Doch für ein Kind gegeben —
Ist ihm dein Opfer werth!»

Рѣчь эта не могла возбудить и не возбудила никакихъ преній, а потому президентъ пригласилъ собраніе перейти къ другому реферату, предложенному учителемъ Шмидтомъ и весьма хорошо характеризующему общее настроеніе нѣмецкихъ педагоговъ по поводу одного важнаго школьнаго вопроса. Тема г. Шмидта была: «Принципъ развитія въ примѣненіи къ преподаванію религіи въ народной школѣ». Послѣ черезъ чуръ длиннаго вступленія, въ которомъ референтъ старался убѣдить въ необходимости развивающаго элемента во всякомъ преподаваніи и впалъ въ общія мѣста, онъ потомъ живо представилъ послѣдствія, когда христіанскія истины только заучиваются дѣтьми, и при томъ безъ всякой постепенности въ содержаніи и умѣренности въ количествѣ. Вопросъ этотъ былъ близокъ сердцу каждаго учителя и вызвалъ оживленныя пренія; ихъ результатомъ были слѣдующія положенія г. Шмидта, принятыя огромнымъ большинствомъ: 1) Каждая способность дитяти должна совершенствоваться сама по себѣ (aus und durch sich). 2) Преподаваніе религіи, поэтому, должно и формой и содержаніемъ возбуждать и развивать *религіозную способность* дитяти. 3) По той же причинѣ преподаваніе религіи должно быть *индивидуальнымъ*. 4) Самымъ твердымъ основаніемъ для него въ народной школѣ должна служить исторія (?), и преимущественно библейская исторія, а не катехизисъ*). Въ заключеніе преній объ этомъ предметѣ

*) Для однихъ-ли нѣмцевъ могутъ имѣть значеніе и важность такія педагогическія положенія?..

профессоръ Стой предложилъ, чтобы каждый учитель, опираясь на собственный опытъ, опредѣлилъ для каждаго отдѣленія народной школы minimum и maximum заучиваемаго матеріала, твердо держась двухъ положеній: во 1-хъ, quantum заучиваемаго должно быть соразмѣряемо еще съ каждою индивидуальностью, и во 2-хъ, при преподаваніи религіи долженъ быть употребляемъ катехетическій методъ. Тому же учителю Шмидту собраніе предложило обработать этотъ предметъ для слѣдующаго годичнаго съѣзда веймарскихъ учителей, собравъ отъ нихъ точныя, статистическія данныя, извлеченныя изъ ихъ опыта при преподаваніи религіи. Почему дѣло это не даетъ покою, вообще, всѣмъ нѣмецкимъ народнымъ учителямъ, объясняютъ многіе факты, которые можно назвать педагогическими злоупотребленіями. Такъ напр. бывшій саксонскій (?) министръ Бетманнъ-Гольвегъ (?) однажды издалъ предписаніе, чтобы каждый, выходящій изъ народной школы, непремѣнно зналъ наизусть 1,300 библейскихъ изрѣченій! Старый Баденскій уставъ, писанный подъ вліяніемъ церкви, до сихъ поръ требовалъ, чтобы въ каждой протестантской школѣ всѣ дѣти выучивали: 157 вопросовъ съ отвѣтами изъ катехизиса, по 42 церковныхъ пѣсни, по 287 строфъ, возможно больше молитвъ и всю библейскую исторію по предписанному тексту. У католиковъ подобныя требованія еще не умѣреннѣе. Учителя болѣе другихъ понимаютъ, что количество заученнаго вовсе не ручается за прочность и глубину внутренняго религіознаго развитія; они желали бы индивидуализировать преподаваніе религіи. Но можно-ли помышлять о «развивающемъ элементѣ», когда дѣти остаются въ школѣ только до 13 — 14-ти лѣтъ, и предписанныя программы должны быть буквально выполнены!

Слѣдующая тема «о нѣмецкой пословицѣ въ школѣ», предложенная также однимъ народнымъ учителемъ, имѣла не менѣе интереса для слушателей, благодаря довольно хорошей литературной обработкѣ. Но начало также не обошлось безъ докучныхъ общихъ мѣстъ и патріотическихъ разглагольствованій, которыя однако въ настоящее время особенно охотно выслушиваются нѣмцами, раздражая ихъ мечты о близкомъ единствѣ Германіи.... Но референтъ умѣлъ сказать не мало дѣльнаго и въ педагогическомъ отношеніи. Мастерски сгруппировавъ пословицы въ такомъ порядкѣ, что онѣ выражали здравый народный взглядъ на всѣ важнѣйшія стороны семейной, общественной и религіозной жизни, онъ доказывалъ приблизительно слѣдующее: нѣмецкія пословицы могутъ быть прекра-

снымъ посѣвомъ для духа и характера нѣмецкаго юношества, и неисчерпаемымъ источникомъ практической мудрости. Онѣ особенно способствуютъ передачѣ юношеству всѣхъ лучшихъ духовныхъ свойствъ нѣмецкаго народа, вѣрно и полно нося въ себѣ все, что онъ мыслитъ, чувствуетъ и выражаетъ, все, въ чемъ видитъ онъ добро, истину и красоту. По своей краткости и народной оригинальной оболочкѣ, по своему, часто юмористическому отношенію къ дѣйствительности, онѣ охотно принимаются и легко запоминаются юношествомъ. Обязанность каждаго нѣмецкаго учителя состоитъ въ томъ, чтобы сроднить своихъ учениковъ съ пестрымъ міромъ пословицъ, *приправляя* ими, гдѣ только можно, все преподаваніе. Выборъ и толкованіе ихъ должны быть дѣлаемы съ особенною осторожностью и умѣньемъ, и наибольшему вниманію подлежатъ пословицы, смыслъ и иронія которыхъ часто понимается ложно, напр. Jugend hat keine Tugend *). Спорить противъ всего этого было нечего, новаго было сказано также не много; важно было только это напоминаніе учителямъ о томъ, какое сокровище у нихъ подъ руками, и будетъ-ли простительно не воспользоваться имъ на благо юношества. Между разными частными замѣчаніями на рѣчь референта, между прочимъ, высказано было мнѣніе, что было бы хорошо собрать всѣ мѣстныя пословицы каждаго края, часто имѣющія замѣчательный историческій или этнографическій характеръ, и съ выборомъ примѣнять къ преподаванію въ мѣстныхъ школахъ. Замѣчаніе дѣльное!

Для заключенія засѣданія перваго дня, президентъ сказалъ о состояніи ихъ веймарскаго «Песталоцціевскаго общества» (Pestalozziverein). Цѣль этого общества, которому подобныя распространены по всей Германіи, есть — обезпеченіе учительскихъ дѣтей, особенно сиротъ, въ средствахъ къ образованію. Президентъ выразилъ сожалѣніе, что изъ 600 народныхъ учителей Веймарской земли только около 400 состоятъ членами этого общества и дѣлаютъ правильные взносы; причемъ прочелъ и небольшой отчетъ о со-

---

*) Или у насъ: «Стыдъ не дымъ — глаза не ѣстъ», «брань на вороту не виснетъ» и т. под. Наши русскія пословицы, превосходя нѣмецкія и богатствомъ содержанія, и художественностью формы, и ѣдкостью юмора, конечно, должны также занять почетное мѣсто въ нашей народной школѣ, а слѣдовательно и *въ педагогической семинаріи*, гдѣ вся народная поэзія должна изучаться какъ можно глубже. Пословицы нѣмцевъ часто страдаютъ тяжеловѣсностью, надуманностью; многія высижены и надѣланы.

стоянии кассы общества, о вновь сдѣланныхъ для нея пожертвованіяхъ деньгами, книгами, и разными вещами — обыкновенно трудами учительскихъ женъ и дочерей, и наконецъ, о выручкѣ отъ бывшей лотереи общества. Послѣ того какъ былъ выбранъ президентомъ и на слѣдующій день тотъ же г. Херхеръ, такъ какъ собраніе было совершенно довольно имъ, — засѣданіе прекратилось. Было уже около 2-хъ часовъ по полудни — время обѣда.

За общимъ обѣдомъ, въ той же залѣ Гармоніи, участвовало, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Апольдайскими гражданами, всего, около 400 человѣкъ. Кормили болѣе рѣчами, чѣмъ хорошими блюдами. Ораторъ являлся за ораторомъ, тостъ за тостомъ, и самыя рѣчи принимали все болѣе и болѣе веселый характеръ, звонъ стакановъ, цѣлованье, смѣхъ, безпрерывные «Hoch!» наконецъ заглушали голоса самыхъ горластыхъ ораторовъ, и общая веселость скоро перешла въ пѣніе. Одна пѣсня была пропѣта всѣми учителями съ особеннымъ одушевленіемъ:

So sind vereint zum frohen Festesmahle
Wir heut auf's Neue, Jung und Alt! и проч.

Такъ-какъ въ ней вполнѣ выразилось общее настроеніе всего сословія, я привожу ее въ дословномъ переводѣ:

«Собрались мы для радостнаго пира сегодня вновь, и юный и старикъ, такъ лейся-жь пѣснь! Вы-жь, звонкіе бокалы, всѣмъ возвѣстите нашъ завѣтный кликъ: мы братски хотимъ ликовать на пирахъ, чтобъ вѣяла чистая радость въ сердцахъ! — Насъ единитъ высокое призванье; его на насъ Господь самъ вложилъ! Да развернется почка въ цвѣтъ прекрасный, не станемъ мы жалѣть трудовъ и силъ. Съ любовью свершенные нами труды для неба, для жизни приносятъ плоды. Когда-жь любовь пылаетъ въ сердцѣ нашемъ, идетъ работа быстро и легко, и съ вѣрою спѣшимъ мы къ вѣрной цѣли, и божья рука отъ насъ не далеко. Впередъ же съ надеждой! Ни шагу назадъ! Для мужества нѣтъ неприступныхъ преградъ!»

Въ дверяхъ обѣденной залы толпились ученики изъ Апольдайскихъ школъ и съ любопытствомъ слѣдили, какъ веселятся ихъ наставники и пьютъ тосты также за ихъ здоровье и успѣхи. Какъ ни быстро возрастало веселье, — но ученическаго или неприличнаго ничего не было — такова умѣренная натура нѣмца. Послѣ обѣда изъ трехъ блюдъ, длившагося ровно 3 часа, одни изъ учителей

отправились на литейный заводъ, на которомъ нарочно для этого случая былъ отлитъ колоколъ и объясненъ мастеромъ весь процессъ подобнаго производства; другіе — въ «Дѣтскій садъ», помѣщавшійся на этотъ разъ въ большой залѣ городской школы. Маленькія дѣти, по большей части дѣвочки, стоя въ кругъ, пѣли пѣсенки, говорили стихи, много бѣгали, прыгали въ разныхъ назначаемыхъ имъ играхъ, но все шло вяло. Малютки не привыкли ни къ новому помѣщенію, ни къ такому множеству посѣтителей, и въ играхъ ихъ не было ни веселости, ни наивности; да и сами учительницы, еще молодыя дѣвушки, какъ-то конфузились.... За то выставленныя тутъ же дѣтскія работы были безукоризненно хороши, даже изящны, особенно плетенья. Но однимъ этимъ еще нельзя утѣшаться, такъ-какъ тутъ видно одно прилежаніе, которое такъ легко можетъ убить въ дѣтяхъ все, что́ есть лучшаго въ ихъ природѣ. Вообще, Фрёбелевская система, если ею не умѣютъ какъ слѣдуетъ пользоваться, можетъ легко превратиться въ одно систематическое угнетеніе дѣтей. Въ подобныхъ злоупотребленіяхъ виноватъ уже не Фрёбель, — а исполнители его наставленій: est modus in rebus.

Весь остальной вечеръ былъ проведенъ гостями въ иллюминованномъ саду «Гармоніи», гдѣ музыка и учительскія пѣсни не прекращались до глубокой ночи. Въ залѣ же «Гармоніи» собрался особый кружокъ: здѣсь какой-то старенькій учитель-юмористъ въ продолженіи почти 4-хъ часовъ времени читалъ, попивая пиво, рукописную Bierzeitung, вызывая постоянный хохотъ и апплодисменты; но надо было слишкомъ хорошо знать всѣ ихъ «учительскія тайны», чтобы понимать разные намеки, остроты, насмѣшки, — и притомъ имѣть нѣмецкое терпѣніе, чтобы дослушать до конца это накопленное за цѣлый годъ остроуміе.

На другой день (8-го августа), въ 7-мь часовъ утра, опять началось засѣданіе, открытое чтеніемъ разныхъ поздравительныхъ депешъ отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ педагоговъ, наприм. старца Шольца, бременскаго Любена и др. Содержаніемъ слѣдующаго реферата былъ вопросъ: «Какъ возбудить въ нѣмецкой народной школѣ интересъ къ отечественной исторіи?» Представившій его учитель утверждалъ, что возбужденіе интереса къ отечественной исторіи есть прямая задача народной школы, а потому для этого предмета надо отвести больше учебнаго времени, чѣмъ полагалось до сего времени; что преподаваніе отечественной исторіи по формѣ и содержанію должно быть принаровлено къ патріотическимъ цѣ-

лямъ, къ которымъ должно сводиться даже все школьное обученіе (!); что, наконецъ, картины должны служить при этомъ главнымъ вспомогательнымъ средствомъ. Обсужденіе разныхъ отдѣльныхъ сторонъ этого реферата заняло довольно много времени и было, конечно, не безъ нѣкоторыхъ пустыхъ замѣчаній или нелѣпыхъ требованій, передавать которыя было бы утомительно и излишне. Время уже приближалось къ полудню, и такъ-какъ другихъ темъ болѣе никѣмъ не было предложено, то собственно педагогическое отдѣленіе всего праздника было, такимъ образомъ, окончено, и заключено также пѣніемъ гимна. Далѣе на программѣ того же дня стояло: «въ 12 часовъ общій обѣдъ въ «Гармоніи»; въ 2 часа по полудни—церковный концертъ изъ классической музыки,—со сборомъ въ пользу Песталоццiевскаго фонда; въ 6-ть часовъ—концертъ Апольдайскаго общества пѣвцовъ. Утромъ слѣдующаго дня (9-го августа)—общая прогулка въ Кöзенъ и Рудельсбургъ, и общее прощаніе. Но я раньше простился съ гостепріимной Апольдой и съ новыми знакомыми, пожертвовавъ этими удовольствіями въ пользу Іены, гдѣ у меня еще продолжались лекціи...

Такъ веселятся нѣмецкіе народные учителя во время каникулъ, мѣшая дѣло съ удовольствіями, и предварительно выпивъ до дна чашу трудовъ, нужды и лишеній. Иные пришли въ Апольду пѣшкомъ за нѣсколько миль, сберегая гроши. Чтобы дать возможность всѣмъ время отъ времени участвовать въ подобныхъ съѣздахъ, мѣста для нихъ каждогодно мѣняются. Во все время Апольдайскаго собранія въ той же залѣ «Гармоніи» была выставлена довольно большая коллекція новыхъ педагогическихъ книгъ и пособій, изъ которыхъ кое-что раскупилось. Статей было прочитано и разобрано, пожалуй, не много; но не должно забывать, что кромѣ такихъ годичныхъ собраній, бываютъ еще окружныя конференціи, такъ что разныхъ педагогическихъ вопросовъ поднимается и обсуживается множество, и рѣдко что остается не затронутымъ. Прекрасные результаты такого порядка вещей не требуютъ доказательствъ. Уваженіе къ своему призванію, любовь къ дѣлу, свѣжесть силъ и мужество въ трудахъ—суть общія характеристическія черты здѣшняго учительскаго сословія, уважаемаго и любимаго всѣми другими классами общества. Объ исключеніяхъ я не говорю: они неизбѣжны всегда и всюду.

Пользуясь каникулярною свободою, я намѣренъ, по окончаніи семестра, посѣтить нѣкоторыя французскія школы, устройство ко-

торыхъ хотя уже и извѣстно мнѣ, между прочимъ, изъ описанія К. Д. Кавелина, но не достаетъ непосредственнаго знакомства. Затѣмъ, по приглашенію г. Фрелиха, предполагаю проѣхать въ Бернъ, гдѣ скоро будетъ общее собраніе швейцарскихъ учителей, отъ котораго я ожидаю болѣе, чѣмъ отъ Мангеймскаго, въ педагогическо-практическомъ отношеніи.

77) Кандидата Леопольда Беркевича.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія департамента, что, въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ, я занимался вычисленіемъ наблюденій, произведенныхъ въ Альтонѣ и Копенгагенѣ и имѣющихъ цѣлью опредѣленіе разности географическихъ долготъ между этими пунктами, а именно: вычисленіемъ истиннаго положенія звѣздъ, наблюдаемыхъ относительно точки весенняго равноденствія и экватора (1-го мая 1863 года), опредѣленіемъ азимута, колимаціонной ошибки, наклонности оси и вліянія этихъ ошибокъ на время прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ.

Кромѣ того, я вычислилъ по своимъ элементамъ годичную эфемериду планеты Ніобе на 1864 годъ, и ея эфемериду для предстоящей ея оппозиціи въ февралѣ мѣсяцѣ, и переслалъ эти вычисленія для напечатанія въ Берлинскомъ астрономическомъ мѣсяцесловѣ.

Имѣя въ виду, по окончаніи вычисленій, отправиться къ знаменитому профессору Ганзену для изученія его теоріи вычисленія пертурбаціи малыхъ планетъ, я еще въ Альтонѣ занимался теоретическимъ изученіемъ ея, и съ этою цѣлью прочиталъ слѣдующія сочиненія Ганзена:

1) Auseinandersetzung einer zweckmässigen Methode zur Berechnung der absoluten Störungen der kleinen Planeten.

2) Ueber die Entwickelung der Grösse $(1 - 2\alpha H + \alpha^2)^{-\frac{1}{2}}$ nach der Potenzen von α.

3) Entwickelung des Products einer Potenz des Radius-Vectors mit der Sinus oder Cosinus eines vielfachen der wahren Anomalie in Reihen, die nach den Sinussen oder Cosinussen der vielfachen der wahren, excentrischen oder mittleren Anomalie fortschreiten.

4) Entwickelung der Negativen und ungraden Potenzen der Quadratwurzel der Function $r^2 + r'^2 - 2rr'$ (Cos. U cos. U' + sin. U sin. U' cos. T).

5) О гипергеометрическихъ рядахъ, мемуаръ Гаусса, помѣщенный въ запискахъ Геттингенскаго ученаго общества.

6) Докторскую диссертацію доктора Лессера: Untersuchung ueber die allgemeine Störungen der Metis.

Въ концѣ августа я отправился въ Гейдельбергъ, какъ для посѣщенія г. члена правленія училищъ, тайнаго совѣтника Пирогова, такъ и для того, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ астрономическаго общества. Н. И. Пирогова я не засталъ въ Гейдельбергѣ, мнѣ объявлено, что онъ путешествуетъ теперь по Швейцаріи, и по сему мнѣ не представилось никакой возможности воспользоваться его совѣтами.

Зато посѣщеніе засѣданій астрономовъ, дало мнѣ возможность познакомиться лично съ ними и воспользоваться ихъ совѣтами, а въ особенности, совѣтами знаменитаго директора Боннской обсерваторіи, который благосклонно одобрилъ мое желаніе познакомиться съ теоріею пертурбаціи Ганзена. На этихъ засѣданіяхъ положено было основаніе обществу нѣмецкихъ астрономовъ, и такъ какъ цѣлью этого общества, какъ видно изъ его проекта, есть раздѣлъ работъ, касающихся различныхъ отраслей астрономіи и печатаніе работъ, то я счелъ долгомъ записаться въ члены онаго, о чемъ честь имѣю довести до свѣдѣнія департамента. Въ заключеніе этихъ засѣданій, ассистентъ Лейпцигской обсерваторіи представилъ свой новый фотометръ, устройство котораго заключается въ слѣдующемъ:

Внутри астрономической трубы поставлено выпуклое зеркало такъ, чтобы въ фокусѣ трубы давало изображеніе огня спиртовой лампы, находящейся съ боку трубы; вслѣдствіе сего, наводя трубу на неподвижную звѣзду, мы увидимъ двѣ звѣзды, одну истинную, другую искусственную отъ спиртовой лампы. Слѣдовательно мы можемъ сравнить относительный ихъ блескъ, но выразить это отношеніе въ числахъ мы не въ состояніи; для сего нужно, чтобы блескъ изображенія искусственной звѣзды можно было увеличивать или уменьшать до того, чтобы сдѣлать его равносильнымъ съ изображеніемъ настоящей звѣзды, и знать отношеніе между силою свѣта первоначальнаго и измѣненнаго. Этого докторъ Цольнеръ достигаетъ помощью поляризованнаго свѣта. Извѣстно, что если поляризованный свѣтъ падаетъ на зеркало, то сила его измѣняется съ измѣненіемъ угла, составленнаго плоскостью поляризаціи и бывающаго опредѣленною функціею этого угла. Если, слѣдовательно, въ трубку ведущую свѣтъ отъ спиртовой лампы, введена призма, главное сѣченіе которой можно измѣнять, и на присоединенномъ при семъ кругу

отсчитать уголъ, между плоскостью поляризаціи и плоскостью отраженія, и если, такимъ образомъ, приведемъ изображеніе искусственной звѣзды до такого состоянія, чтобы оно было равносильно съ изображеніемъ настоящей звѣзды, и измѣримъ соотвѣтствующій уголъ; то можемъ найти относительную силу между свѣтомъ звѣзды и свѣтомъ лампы. Сравнивая различныя звѣзды впродолженіи двухъ часовъ, (въ этотъ промежутокъ времени блескъ лампы можно считать постояннымъ), мы опредѣлимъ отношеніе между напряженіемъ свѣта различныхъ звѣздъ. Но при этомъ сравненіи оказывается одно неудобство, а именно, нѣкоторыя звѣзды показываютъ цвѣты, и слѣдовательно не могутъ быть сравнены съ бѣлымъ искусственнымъ свѣтомъ. Для устраненія этого затрудненія, изобрѣтатель прибѣгаетъ къ цвѣтной поляризаціи, а именно: между лампою и призмою ставитъ пластинку горнаго хрусталя такъ, чтобъ этой пластинкѣ можно было давать различныя положенія, независимо отъ движенія призмы или вмѣстѣ съ нею. По отзыву профессора Брунса, инструментъ этотъ въ практическомъ отношеніи заслуживаетъ особенное вниманіе; но, по причинѣ неблагопріятствовавшей погоды, нельзя было произвести самаго опредѣленія.

Изъ Гейдельберга, посѣтивъ обсерваторію въ Мангеймѣ, я отправился въ Готу къ знаменитому профессору, тайному совѣтнику Ганзену. Здѣсь, благодаря письму директора Пулковской обсерваторіи, котораго я встрѣтилъ въ Гейдельбергѣ на астрономическихъ засѣданіяхъ, я нашелъ чрезвычайно ласковый пріемъ. Профессоръ Ганзенъ объявилъ мнѣ, что желающіе ознакомиться съ его теоріею, занимаются въ его кабинетѣ и могутъ испрашивать у него разрѣшенія сомнѣній встрѣчаемыхъ при вычисленіи, причемъ каждый долженъ заниматься нѣкоторыми вычисленіями, предложенными самимъ профессоромъ. По одобренію профессора, для вычисленія общей пертурбаціи я выбралъ планету Юно и уже сталъ ею заниматься. Въ настоящее время, при профессорѣ Ганзенѣ занимается насъ двое: докторъ Оверсъ и я.

Гота, $\frac{\text{24-го августа}}{\text{5-го сентября}}$ 1863 года.

78) Кандидата М. Авенаріуса.

Я имѣлъ случай сообщить министерству народнаго просвѣщенія въ прошломъ отчетѣ, что намѣренъ былъ посвятить лѣтній семестръ преимущественно практическимъ работамъ.

Лекціи я посѣщалъ только профессоровъ Дове и Поггендорффа. Первый, читая о способахъ производства опытовъ съ оптическими приборами, и здѣсь, какъ въ курсѣ общей физики и теоріи цвѣтовъ, придерживался изложенію историческому. То же направленіе преобладало и у Поггендорффа въ его курсѣ физической географіи, такъ какъ онъ излагалъ собственно физическій ея отдѣлъ, т. е. разсмотрѣвъ различныя теоріи образованія солнечной системы вообще и нашей планеты въ особенности, онъ перешелъ къ явленіямъ тепла и электричества на земной поверхности. Важность здѣсь историческаго изложенія очевидна.

Опытною частью я занимался въ физической лабораторіи Магнуса. Всѣ произведенныя здѣсь работы имѣли цѣлью: разрѣшеніе вопросовъ термоэлектрическихъ, и въ статьѣ, напечатанной мною по этому поводу въ іюльской книжкѣ: Pogg. Ann. der Phys. und Chem., подъ заглавіемъ: Die Thermoelektricität, ihrem Ursprunge nach, als identisch mit der Contactelektricität, betrachtet, — я указалъ на причины происхожденія термоэлектрическихъ токовъ и, если не ошибаюсь, объяснилъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя здѣсь явленія.

Въ физическихъ собраніяхъ Магнуса мнѣ пришлось разобрать новѣйшую работу E. Becquerel'a: Recherches sur la détermination des hautes températures et l'irradiation des corps incandescents, помѣщенную въ майской и іюньской книжкахъ Ann. de Chim. et de Phys. По поводу этой работы, я принужденъ былъ произвесть рядъ наблюденій, результаты которыхъ, помѣщенные въ августовской книжкѣ Pogg. Ann. der Phys. und Chem., показали, вопреки мнѣнію Беккереля, что электро-возбудительная сила пары платинъ-палладіума можетъ быть выражена функціею 2-й степени отъ температуры.

Берлинъ, $\frac{\text{20-го августа}}{\text{1-го сентября}}$ 1863 года.

79) Адъюнкта Коркина.

(О занятіяхъ за границею отъ 23-го мая по 23-е августа 1863 г.)

По возвращеніи изъ Россіи, куда ѣздилъ я на нѣкоторое время съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія, я остановился въ Берлинѣ съ цѣлью познакомиться въ методами германскихъ геометровъ и ихъ способами изложенія различныхъ отраслей наукъ математическихъ. Берлинъ, сосредоточивая наибольшее число знаменитыхъ математиковъ, сравнительно съ другими городами Германіи, казался мнѣ наиболѣе удобнымъ для занятій, сообразныхъ

съ цѣлью, которую я предложилъ себѣ. По пріѣздѣ въ Берлинъ, я не засталъ уже начала семестра; но при помощи записокъ, которыя мнѣ удалось собрать, я успѣлъ познакомиться съ прочитанными лекціями этого семестра и съ лекціями предыдущаго.

Въ особенности мнѣ интересны были курсы, читанные знаменитостями Берлина: Куммеромъ, Вейерштрассомъ и Кронекеромъ. Къ сожалѣнію, Кронекеръ не читалъ въ нынѣшнемъ лѣтнемъ семестрѣ, такъ что я долженъ былъ ограничиться его лекціями о дѣленіи круга, которыя мнѣ были доставлены его слушателями, слѣдившими за его курсомъ въ прошедшемъ семестрѣ.

Предметы, читанные Куммеромъ были идеальныя числа и теорія кривизны поверхностей. На лекціяхъ объ идеальныхъ числахъ онъ изложилъ то, что̀ находится въ его мемуарахъ объ этомъ предметѣ, и ограничился приложеніемъ идеальныхъ чиселъ къ дѣленію круга. Изысканій своихъ относительно закона взаимности и ферматовой теоремы о невозможности удовлетворить уравненію $x^n + y^n = z^n$ цѣлыми значеніями перемѣнныхъ x, y и z, исключая случай $n = 2$, онъ не излагалъ на своихъ лекціяхъ. Въ вопросахъ о кривыхъ поверхностяхъ Куммеръ показалъ предварительно различныя свойства касательныхъ плоскостей и нормалей къ поверхностямъ, радіусовъ кривизны косвенныхъ и нормальныхъ сѣченій, свойства касательныхъ къ кривымъ двоякой кривизны, ихъ соприкасающихся и нормальныхъ плоскостей, выраженія радіусовъ первой и второй кривизны; вообще, онъ изложилъ сначала тѣ предметы, которые составлютъ существенную часть обыкновенныхъ курсовъ о кривыхъ поверхностяхъ. Потомъ, онъ перешелъ къ кривизнѣ поверхностей и показалъ мѣру ея, предложенную Гауссомъ и потомъ принятую всѣми математиками. Онъ изложилъ изслѣдованія Гаусса относительно кривизны поверхностей, не касаясь разложенія въ ряды сторонъ и угловъ безконечно-малыхъ трехугольниковъ, образуемыхъ на певерхностяхъ геодезическими линіями. Куммеръ разсмотрѣлъ съ достаточною подробностью вопросъ объ этихъ линіяхъ, который тѣсно связанъ съ кривизною поверхностей.

Въ нынѣшнемъ семестрѣ Вейерштрассъ читалъ введеніе въ теорію Абелевыхъ функцій и приложенія эллиптическихъ функцій, что составляетъ продолженіе его лекцій объ эллиптическихъ функціяхъ, читанныхъ въ предыдущихъ семестрахъ. Его лекціи представляютъ особенный интересъ по самостоятельному и оригинальному методу. Вейерштрассъ ввелъ въ теорію эллиптическихъ функцій особенныя

функціи, составляющія числителей и знаменателей въ выраженіяхъ эллиптическихъ функцій, но не совпадающія съ функціями Θ. и H. Якоби. Онѣ были найдены въ первый разъ Абелемъ, который указалъ ихъ основныя свойства и далъ нѣкоторыя разложенія ихъ въ ряды, въ предисловіи къ Précis d'une théorie des fonctions elliptiques и въ одномъ изъ писемъ къ Лежандру. Вейерштрассъ обобщилъ указанія Абеля и далъ рѣшеніе общей задачи объ обращеніи интеграловъ, коихъ подъ-интегральная функція составлена раціональнымъ образомъ изъ перемѣнной независимой и квадратнаго корня изъ цѣлой функціи этой перемѣнной какой угодно степени. Частный случай этого вопроса рѣшенъ былъ Гёпелемъ и Розенгайномъ, которые исходили отъ рядовъ, данныхъ Якоби, для разложенія функцій Θ. и H. Рѣшеніе это было публиковано прежде, нежели Вейерштрассъ напечаталъ свои изысканія въ журналѣ Крелля въ 1856 году. Послѣ же этотъ вопросъ разсмотрѣнъ былъ Риманомъ, который совершенно другимъ путемъ доказалъ результаты, извѣстные прежде, и сдѣлалъ весьма важныя новыя открытія. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій составилась общая теорія, обнимающая значительный классъ функцій, и принадлежащая къ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ теорій въ анализѣ. Лекціи Вейерштрасса, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, представляютъ особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что изящество и простота изложеніи постоянно сопровождаютъ ихъ. Въ нынѣшнемъ семестрѣ Вейерштрассъ читалъ приложенія эллиптическихъ функцій къ дѣленію лемнискаты, къ опредѣленію геодезическихъ линій на эллипсоидѣ вращенія и къ вращательному движенію твердаго тѣла около неподвижной точки. На лекціяхъ о теоріи Абелевыхъ функцій онъ изложилъ тѣ начала, на которыхъ основаны его изысканія, напечатанныя въ журналѣ Крелля въ 1856 году. Я слышалъ, что Вейерштрассъ намѣренъ напечатать свой курсъ эллиптическихъ функцій.

80) Доктора медицины В. М. Стадіона.

1.

Съ удовольствіемъ я нынѣ приступаю къ составленію своего отчета. Лѣтній семестръ давно уже прекратился, и я, неповторяясь, могу нынѣ представить читателямъ нѣчто въ родѣ цѣлаго, а именно: обзоръ моей дѣятельности за весь истекшій семестръ.

Обращаюсь прежде всего къ самому главному для меня предмету, т. е. къ терапевтической клиникѣ. Клиника эта, состоящая въ Вюрцбургѣ подъ завѣдываніемъ проф. Бамбергера, открылась 2-го мая новаго стиля и продолжалась полныхъ три мѣсяца. Я не выждалъ однакожъ конца семестра и 26-го іюля нов. ст. оставилъ Вюрцбургъ, какъ объ этомъ и вспомяну еще ниже. Такимъ образомъ, терапевтическая клиника въ Вюрцбургѣ продолжалась *при мнѣ* въ теченіе 80 дней. Такъ какъ проф. Бамбергеръ почти ежедневно представляетъ посѣтителямъ своей клиники новаго больнаго, то изъ этого можно было бы заключить, что я имѣлъ случай присутствовать при разборѣ 80 болѣзненныхъ случаевъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, да еще тѣхъ дней, въ которые мѣсто клинической лекціи занимало клиническое вскрытіе, число больныхъ, подвергнутыхъ клиническому анализу, составляетъ всего 53, изъ которыхъ 41 мужескаго и 12 женскаго пола. Случаи эти, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующіе:

№	полъ.	лѣта.		*Клиническій діагнозъ.*
1.	Ж.	18	»	Chlorosis.
2.	М.	52	+	Carcinoma ventriculi.
3.	М.	34	»	Insufficientia et stenosis aortae.
4.	М.	24	»	Bronchiectasis.
5.	М.	16	»	Tumor cerebri.
6.	М.	77	+	Pneumonia.
7.	М.	27	»	Pleuritis.
8.	Ж.	27	»	Morbilli.
9.	М.	43	»	Pneumonia.
10.	Ж.	43	»	Parotitis.
11.	М.	61	+	Catarrhus chron. et emphys. pulmonum; hypertr. et dilatatio cordis; atheroma aortae; hydrops universalis.
12.	М.	18	+	Catarrh. chron. et emphys. pulmonum; bronchopneumonia lateris dextri.
13.	М.	23	»	Rheumatismus articulorum acutus.
14.	М.	19	»	Pneumonia lateris sinistri.
15.	М.	42	+	Insuffic. valv. mitralis et tricusp., catarrh. chron. pulmonum; hydrops universalis.
16.	М.	53	»	Dysenteria chronica.
17.	М.	39	+	Emphys. lateris dextri; pneumothorax a thoracocentese; catarrhus et œdema pulmonum.

Клиническій діагнозъ.

№	полъ.	лѣта.		
18.	М.	26	»	Paralysis ex intoxicatione chronica cum plumbo.
19.	М.	14	+	Typhus abdominalis.
20.	М.	28	»	Febris intermittens quotid. — Tumor lienis.
21.	Ж.	39	»	Ulcus ventriculi rotundum.
22.	М.	17	»	Insuffic. arteriae pulmonalis.
23.	М.	48	»	Ulcus ventriculi rotundum.
24.	М.	32	»	Empyema.
25.	М.	40	»	Paralysis ex intoxicat. chronica cum plumbo.
26.	М.	27	»	Exsudatum pleur. lateris sin. ex pneumonia ortum.
27.	М.	21	»	Exsudat. periton. saccatum inter fundum ventriculi, lienem et caudam pancreatis.
28.	Ж.	19	+	Peritonitis ex affectione intestini.
29.	Ж.	35	»	Emphysema et catarrh. pulm. chron.; dilatat. ventric. dextri, ascites et anasarca extremitatum infer.
30.	М.	21	»	Pericorditis et pleuritis.
31.	Ж.	34	»	Hypertrophia cordis, emphysema et dyspnoë.
32.	Ж.	20	»	Insuff. valvulae mitralis.
33.	М.	22	»	Pleuritis vetus., pericorditis recens.
34.	М.	53	»	Tumor fibroplasticus omenti. (Wahrscheinlichkeitsdiagnose).
35.	Ж.	76	+	Ileus — ex enterostenosi (?) (Wahrscheinlichkeitsdiagnose).
36.	М.	29	»	Tumor lienis; leukæmia (?).
37.	М.	36	»	Dilat. cordis dextri; insuffic. valvulae tricusp.; emphysema et catarrhus pulm. chronicus.
38.	М.	40	+	Typhus abdominalis.
39.	М.	38	»	Hypertr. cordis dextri; insuffic. valv. tricusp.; hypertr. hepatis; emphys. et catarrhus pulm. chronicus.
40.	М.	21	»	Typhus.
41.	Ж.	7	+	Noma, post scarlatinam.
42.	Ж.	26	»	Exanthema syphilitic. papuloso-squamosum.
43.	Ж.	34	»	Hemiplegia lateris sin. ex apoplexia orta.
44.	М.	9	»	Exsudatum seroso-fibrinosum in cavo pleurae sin.
45.	М.	18	»	Tuberculosis utrius lateris.
46.	М.	58	»	Tuberculosis.
47.	М.	25	»	Tuberculosis.

Клиническій діагнозъ.

№	пол.	лѣта.		
48.	М.	34	+	Morbus Brightii, uraemia, emphys. et catarrh. pulm. chron., hydrops.
49.	М.	20	»	Hypertr. cordis dextri; insuffic. valv. tricuspid.
50.	М.	67	»	Insuffic. aortae; dilat. cordis dextri; degener. cordis adiposa, hyperämia hepatis et renum.
51.	Ж.	19	»	Dilatatio ventriculi post ulcus rotundum.
52.	М.	60	»	Emphysema et catarrhus pulmon.; cyanosis; hypertr. cordis. praecipue dextri; insuff. valv. tricusp.; pulsatio venarum colli.
53.	М.	21	»	Anaemia; tumor lienis; intermittens quotidiana.

Примѣч. Въ этой таблицѣ М. = мужчина; Ж. = женщина; + = смертельный исходъ.

Изъ этого перечня видно, что посѣтителямъ вюрцбургской медицинской клиники представлены были въ продолженіе минувшаго лѣтняго семестра 53 больныхъ, изъ которыхъ 41 мужескаго и 12 женскаго пола. Изъ этихъ 53 больныхъ, 12 человѣкъ умерли въ клиникѣ и были подвержены профессоромъ патологической анатоміи, въ присутствіи всѣхъ посѣтителей клиники, подробной автопсіи. Прочіе больные, или оставляли клинику выздоровѣвшими, вполнѣ либо отчасти, или оставались въ леченіи до самого исхода семестра. Чтобы составить себѣ понятіе, на сколько означенные здѣсь діагнозы соотвѣтствуютъ настоящему состоянію больныхъ, мы сдѣлаемъ лучше всего, если сличимъ въ 12 случаяхъ, кончившихся смертью, клиническій діагнозъ съ результатами вскрытія. Автопсія единственно-вѣрный контроль клинициста, мѣткости его взгляда, основательности научныхъ его предположеній и вѣрности его сужденія. Выздоравливать можетъ нерѣдко и человѣкъ, коего болѣзнь вовсе неузнана пользующимъ его врачемъ, такъ какъ иные выздоравливаютъ *не потому*, что имъ давали такое-то лекарство, а *не смотря на то*, что имъ были даны извѣстныя лекарства. При автопсіи ничего подобнаго быть не можетъ. Анатомическій ножъ окончательно отвергаетъ либо подтверждаетъ мнѣніе врача на счетъ существовавшей болѣзни; сомнѣнію здѣсь мѣста нѣтъ. Въ нижеслѣдующей сравнительной таблицѣ, цифра въ началѣ означаетъ номеръ, подъ какимъ отмѣченъ больной въ вышеприведенномъ перечнѣ всѣхъ больныхъ.

Клиническій діагнозъ.	*Анатомическій діагнозъ.*
№ 2. Георгій Габель, 52 лѣтъ. Carcinoma ventriculi.	№ 2. Carcinoma ventriculi et oesophagi; strictura cordiae, dilatatio oesophagi; emphys. et oedema pulmonum.
№ 6. Pneumonia.	№ 6. Составитель отчета при вскрытіи не присутствовалъ.
№ 11. Іоаннъ Фуксъ, 61 года. Emphys. catarrhus pulm. chronicus, hypertr. et dilat. cordis; atheroma aortae, hydrops universalis.	№ 11. Emphys. et oedema pulm; bronchitis purulenta, atheroma aortae; dilat. cordis; hypertr. coni arteriosi, hepar adiposum; atrophia renum ex nephritide parenchymatosa.
№ 12. Петръ Гофманнъ, 18 лѣтъ. Catarrh. chronic. et amphysema pulmonum; bronchopneumonia lateris dextri.	№ 12. Bronchitis; pneumonia lateris dextri.
№ 15. Эмиль Шлейхеръ, 42 лѣтъ. Insuffic. valvulae mitr. et tricusp; catarrhus chronic. pulm.; hydrops universalis.	№ 15. Hydrothorax; insuffic. valvul. ostior. venos.; dilatatio cordis, praecipue dextri, hypertr. cordis dextri; degener. adiposa fibr. muscul. cordis; bronchitis purul.; bronchiectasis; emphysema; tumor lienis chron. catarrhus intestin.; ascites.
№ 17. Мартинъ Биргель, 39 лѣтъ. Emphysema lateris dextri, pneumothorax a thoracocentese, catarrhus et oedema pulm.	№ 17. Pneumothorax dext.; compressio pulmonis dextri; pleuritis sinistra; oedema pulm.; bronchitis purulenta.
№ 19. Михаилъ Шнейдеръ, 14 л. Typhus abdominalis.	№ 19. Bronchitis; tumor lienis, glandular. mesenter. et folliculorum Peyerianorum.
№ 28. Іенте Гетцъ, 19 л. Peritonitis ex affectione intestini.	№ 28. Peritonitis ex perforatione processus vermif. calculo faeculento; pleuritis sinistra; oedema pulmon.

Клиническiй дiагнозъ.	*Анатомическiй дiагнозъ.*
№ 35. Франциска Бишель, 76 л. Ileus ex enterostenosi (?).	№ 35. Hernia foraminis obturatorii incarcerata; diphtheritis ilei; atrophia lienis; catarrhus chron. ventriculi, tumores fibr. et polypi uteri; emphysema et oedema pulm.; bronchitis purulenta.
№ 38. Iоаннъ Ростъ, 40 л. Typhus abdominalis.	№ 38. Pneumonia dextra incipiens; bronchitis purul., oedema pulmon; tumor lienis; typhus abdomin.
№ 41. Катерина Шеферъ, 7 лѣтъ. Noma post scarlat.	№ 41. Gangr. maxillae infer.; pneumonia lobularis; bronchitis purul.
№ 48. Iоаннъ Плетнеръ, 34 лѣтъ. Morbus Brightii; uraemia; catarrh. chron. et emphysema pulmon.; hydrops.	№ 48. Hydrops; emphys. et oedema pulm.; bronchitis purul.; degeneratio amyloidea lienis, renum; tuberculosis hepatis (??); catarrhus intestinalis.

Изъ этой таблицы видно, что изъ 12 случаевъ, вскрытіе всего только одинъ разъ показало совсѣмъ другаго рода измѣненіе, чѣмъ по клиническому діагнозу можно было ожидать, а именно у Франциски Бишель (№ 35). Она при жизни страдала такъ называемымъ «Ileus», и Бамбергеръ предполагалъ, что это происходитъ отъ съуженія просвѣта кишечнаго канала, преимущественно накопившимся, твердымъ каломъ. Онъ не оставилъ обратить вниманіе слушателей и на то, что нерѣдко рубцы, особенно послѣ тифа, дизентеріи, туберкулозныхъ язвъ etc, а также различнаго рода грыжи и ущемленія вызываютъ «Ileus»; но вышеупомянутыя болѣзни вовсе не предшествовали, стало быть, не было и рубцовъ, а послѣ тщательнаго изслѣдованія оказалось, что въ данномъ случаѣ нѣтъ и грыжи никакой. Тѣмъ не менѣе вскрытіе показало herniam foraminis obturatorii правой стороны съ ущемленіемъ тонкой кишки фута на 3 выше valvulae ileocoecalis. Но въ оправданіе проф. Бамбергера надобно сказать, что отверстіе овальной диры было столь узко, что ноготный составъ мизинца съ трудомъ въ него проникалъ, такъ что при жизни на наружной поверхности таза не было ни малѣйшаго откло-

ненія отъ нормы, вслѣдствіе чего точный діагнозъ дѣйствительно былъ невозможенъ. Кромѣ того, проф. Бамбергеръ ясно высказалъ, что принимая съуженіе просвѣта кишечнаго канала отъ накопившагося кала, онъ накладываетъ только діагнозъ *вѣроятный*, но нисколько не точный. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вскрытіе, или прямо подтвердило клиническій діагнозъ, или, подтвердивъ его, показало сверхъ того еще и другія измѣненія. Измѣненія эти однакоже клинически были вовсе не важны или маловажны, какъ напр. у той же самой Франциски Бишель фиброиды и полипы матки или представляли предсмертныя явленія, какъ напр. нерѣдко найденныя oedema et emphysema pulmonum; или наконецъ были совершенно отодвинуты на задній планъ другою преобладающею болѣзнію, такъ что легко могли вовсе не быть приняты въ уваженіе, какъ напр. pneumonia lobularis у больной съ «Noma» (№ 41), гдѣ больная лежала безъ сознанія, чуть жива и едва допускала сколько нибудь точное изслѣдованіе. Въ двухъ только случаяхъ, по моему сужденію, діагнозъ могъ быть *полнѣе*, а именно въ № 11, у Іоанна Фукса, у котораго гипертрофія и расширеніе лѣваго сердца и общая водянка безъ натяжки указывали на пораженіе почекъ, при чемъ анализъ мочи могъ тотчасъ служить контролью; тѣмъ не менѣе пораженіе почекъ, какъ причина гипертрофіи сердца, не было принято въ уваженіе, и только одно вскрытіе показало атрофію этихъ органовъ послѣ паренхиматизнаго ихъ воспаленія. Это упущеніе вѣроятно произошло отъ того, что проф. Бамбергеръ сильно оспариваетъ мнѣніе проф. Траубе, будто болѣзни почекъ ведутъ за собою болѣзни сердца, а, напротивъ, принимаетъ, что болѣзни сердца ведутъ къ пораженіямъ почекъ.

Вторую неполноту діагноза мы встрѣчаемъ у больнаго подъ № 48. Такъ какъ въ этомъ случаѣ еще при жизни была принята phthisis pulmonum incipiens, то сильное пораженіе почекъ съ большою вѣроятностью можно было принять за амилоидное, такъ какъ Фирховъ и Траубе неоднократно указываютъ на чрезвычайно частое совпаденіе амилоиднаго перерожденія почекъ и другихъ органовъ съ phthisis, scrophulosis, syphilis, tuberculosis и подобными худосочіями. Я, по крайней мѣрѣ, внутренне былъ убѣжденъ, что у Іоанна Плетнера почки непремѣнно представятъ амилоидное перерожденіе; тѣмъ не менѣе одно только вскрытіе показало это измѣненіе, о которомъ въ клиникѣ не было и рѣчи. Случай этотъ замѣчателенъ еще въ другомъ отношеніи. Проф. Ферстеръ, дѣлая вскрытіе, и находя въ

печени маленькіе узелки величиною съ булавочную головку, продиктовалъ протоколисту вотъ что: «in der Leber zerstreute, tuberculöse Knötchen». Такъ какъ въ легкихъ бугорковъ однакожъ не было, то проф. Ферстеръ самъ сталъ сомнѣваться, точно ли узелки въ печени настоящіе бугорки. Онъ ихъ изслѣдовалъ микроскопомъ, и измѣнилъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что узелки эти представляютъ лимфатическія опухоли, на томъ будто основаніи, что найденныя въ узелкахъ ячейки большаго объема и чрезвычайно походятъ на лимфатическія тѣльца. Тѣмъ не менѣе ни я, ни другой соотечественный врачъ, д-ръ Деньковскій, подающій большія надежды въ будущемъ, не могли при изслѣдованіи микроскопомъ найти какую нибудь разницу между этими узелками и обыкновенными туберкулами, находящимися въ распаденіи. Очевидно было, что изслѣдуемые нами узелки ужъ слишкомъ были измѣнены, чтобъ по нимъ можно было судить о первоначальномъ ихъ свойствѣ. Дѣло однакожъ вскорѣ допустило совсѣмъ другое объясненіе. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи печени, въ ней нашлись маленькіе, рѣзко очерченные воспалительные очаги, которые, безъ сомнѣнія, происходили отъ небольшихъ «emboli», занесенныхъ изъ чрезвычайно хрупкой и амилоидно перерожденной селезенки путемъ селезеночной, большой брыжжеечной и воротной венъ въ существо печени, гдѣ они запружали просвѣты капиляровъ и вызвали сначала малые воспалительные очаги, а впослѣдствіи — распаденіе ихъ въ узелки, которые, по наружному своему виду, ничѣмъ не отличались отъ бугорковъ (tubercula).

Что до предсказаній (prognosis), то меня въ Вюрцбургской клиникѣ поразило то обстоятельство, что проф. Бамбергеръ раза три распространялся о больныхъ, начерталъ планъ дальнѣйшему ихъ леченію и прописывалъ имъ новыя лекарства, въ то время какъ часа 3 или 4 спустя послѣ лекціи больные эти переселялись въ лучшій міръ, не дождавшись даже лекарства изъ клинической аптеки. Трудно предполагать, чтобъ столь опытный и основательный клиницистъ, каковъ проф. Бамбергеръ, не былъ въ состояніи предъугадывать близкую кончину своихъ паціентовъ; но съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что никакое упущеніе въ наукѣ не проходитъ безнаказаннымъ. Въ клиникѣ не трудно было убѣдиться, что проф. Бамбергеръ далеко не въ той мѣрѣ цѣнитъ точныя измѣренія температуры больныхъ, какъ они того заслуживаютъ. Между тѣмъ точное опредѣленіе температуры больныхъ даетъ самую на-

дежную и вѣрную точку опоры для предсказанія исхода болѣзни. И въ упомянутыхъ трехъ случаяхъ температура больныхъ, превосходившая 41° С. и продолжавшаяся безпрерывно сутки полторы и болѣе, не предвѣщала ничего хорошаго и свидѣтельствовала о предстоящей опасности; но проф. Бамбергеръ, повидимому, не считалъ нужнымъ, или просто забылъ обратить на этотъ пунктъ вниманіе— и смерть больныхъ застигала его въ расплохъ.

Не могу закончить отчета своего о клиникѣ проф. Бамбергера, чтобъ не отдать должную дань уваженія и похвалы честности, добросовѣстности, глубокимъ свѣдѣніямъ и необыкновенно равномѣрному обращенію съ слушателями и больными этого заслуженнаго наставника и врача. Проф. Бамбергеръ равно уважаемъ своими учениками какъ и больными, и нѣтъ, кажется, клинициста, который менѣе былъ бы чуждъ всякой аффектаціи, всякаго рода натяжки и шарлатанства, какъ проф. Бамбергеръ. Онъ никогда не прочь сознаться въ сдѣланной имъ ошибкѣ съ самою непритворною откровенностью, и къ славѣ его надо прибавить, что подобныя ошибки случаются у него чрезвычайно рѣдко, какъ это уже видно изъ 12 приведенныхъ нами клиническихъ вскрытій.

У преподавателя патологической анатоміи, проф. Ферстера, я посѣщалъ въ теченіе семестра: a) его секціонный курсъ, b) его курсъ патологической гистологіи. Секціонный курсъ проф. Ферстера, хотя онъ самъ по себѣ имѣетъ много хорошаго, не научилъ меня однакожъ ничему новому. Предъ вскрытіями Фирхова и Реклинггаузена въ Берлинѣ, секціи проф. Ферстера совершенно блѣднѣютъ. Нѣтъ ни того совершенства метода, ни той, до самого мелкаго доходящей, подробности разбора, ни той вѣрности въ оцѣнкѣ измѣненій, ни той отчетливости въ выводахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ секціонныхъ залахъ Фирхова. Словомъ, въ нихъ нигдѣ не просвѣчивается тотъ лучъ геніяльности, который мы почти на каждомъ шагу видимъ у великаго берлинскаго изслѣдователя, и который составляетъ какъ бы его исключительную собственность. Лично мнѣ вскрытія проф. Ферстера были полезны лишь тѣмъ, что доставляли мнѣ матеріалъ для гистологическихъ изслѣдованій; въ микроскопическомъ отношеніи они для меня прошли чуть ли не безслѣдно.

Гораздо болѣе пользы я вынесъ изъ курса патологической гистологіи, который давался два раза въ недѣлю по два часа. Въ этомъ курсѣ, проф. Ферстеръ давалъ участвующимъ, для изслѣдованія посредствомъ микроскопа, тотъ матеріалъ, который онъ по-

лучалъ изъ вскрытій. Число участвующихъ превышало 35 человѣкъ, а такъ какъ проф. Ферстеръ тщательно избѣгалъ всякаго пристрастія и старался распредѣлить двухчасовую лекцію поровно между всѣми участвующими, то на долю всякаго изъ нихъ приходилось не болѣе какъ по 3 минуты — время далеко недостаточное, чтобъ человѣку, еще мало посвященному въ патологическую гистологію, оріентироваться на счетъ трехъ, четырехъ загадочныхъ препаратовъ. По счастію, проф. Ферстеръ разрѣшилъ мнѣ заниматься у него въ кабинетѣ и даже позволилъ обращаться къ нему за объясненіемъ, лишь только мнѣ встрѣтится въ томъ надобность. Этимъ способомъ неудобства, сопряженныя съ его курсомъ, совершенно для меня изчезли, такъ какъ я имѣлъ довольно времени и внѣ курса изслѣдовать всѣ органы и, въ случаѣ надобности, пользоваться желательнымъ наставленіемъ. Кромѣ того, занимаясь въ обществѣ другихъ врачей по 6 и болѣе часовъ въ день въ кабинетѣ проф. Ферстера, я имѣлъ случай усвоить себѣ и технику микроскопическихъ изслѣдованій, что́ совершенно необходимо всякому, желающему дѣлать гистологическія наблюденія.

Выписываю здѣсь изъ своего дневника перечень тѣхъ патологическихъ измѣненій, которыя я въ теченіе лѣтняго семестра имѣлъ случай изслѣдовать, большею частію по нѣсколько разъ.

1. Пневмонія.
2. Бугорчатка легкихъ.
3. Гангрена легкихъ.
4. Ракъ легкихъ. Carcinoma melanoticum pulmonum.
5. Ожиреніе печени.
6. Ракъ печени, (3 раза).
7. Cirrhosis hepatis.
8. Diphtheritis recti.
9. Ulcera tuberculosa recti.
10. Ракъ желудка.
11. Ракъ пищепріемника.
12. Soor oesophagi.
13. Коллоидное перерожденіе щитовидной желѣзы, (3 раза)
14. Брайтовые почки во всѣхъ стадіяхъ.
15. Cystides renis, наполненныя коллоидною массой.
16. Амилоидное перерожденіе почекъ.
17. Амилоидное перерожденіе селезенки.
18. Ожирѣніе сердца, въ различныхъ степеняхъ.

19. Воспаленіе околосердечной сумки.
20. Сухожильныя пятна сердца (Sehnenflecke).
21. Atheroma aortae, carotidis et arter. radialis, (нѣсколько разъ).
22. Ожирѣніе легочной артеріи (рѣдкость, 1 разъ).
23. Апоплектическій очагъ мозга.
24. Ложныя перепонки durae matris съ кровью, измѣненною въ пигментъ.
25. Окостенѣніе и омѣлотвореніе реберныхъ хрящей.
26. Myoma uteri, (нѣсколько разъ).
27. Carcinoma Mammae (4 раза).
28. Noma maxillae inferioris.
29. Carcinoma epitheliale, (2 раза).
30. Lipoma, (2 раза).
31. Carcinoma alveolare recti.
32. Papiloma vesicae urinariae.
33. Cholesteatoma piae matris.
34. Грибы съ pytyriasis versicolor.
35. Onychomycosis.
36. Acarus scabiei.
37. Villi membranae synorialis in arthriside nodosa.
38. Воспалительное отверденіе соединительной ткани.
39. Cystosarcoma Mammae.
40. Cystis dermoidea. etc. etc.

Изъ большаго числа изслѣдуемыхъ органовъ я сохранилъ микроскопическіе препараты, задѣланные между стеклянными пластинками, отчасти для собственнаго наставленія, отчасти и для памяти.

Въ продолженіе истекшаго семестра я также участвовалъ въ курсѣ *нормальной* гистологіи проф. Генриха Мюллера. О содержаніи этого курса сказать нечего. Онъ состоитъ изъ болѣе или менѣе сжатаго изложенія всей нормальной гистологіи. Скажу только, что преимущества этого курса состоятъ въ томъ, что проф. Мюллеръ, извѣстный своими обширными познаніями въ сравнительной гистологіи, снабжаетъ своихъ слушателей превосходными объектами изслѣдованія, взятыми изъ цѣлаго ряда позвоночныхъ животныхъ, особенно же если какія нибудь элементарныя части, какія либо ткани или органы лучше и яснѣе видно у животныхъ, чѣмъ у человѣка. Но сверхъ того и само изложеніе проф. Мюллера отличается необыкновенною ясностью, такъ что наврядъ ли кто либо въ Германіи излагаетъ нормальную гистологію проще и нагляднѣе

его. Жаль только, что большое число участвующихъ (около 40 человѣкъ) дѣлаетъ курсъ его менѣе плодотворнымъ, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Съ другой же стороны, проф. Мюллеръ упорно отказывается наставлять въ норм. гистологіи *внѣ* своего курса, такъ что по неволѣ приходится или довольствоваться тѣмъ, что́ онъ излагаетъ, или отказаться отъ этого отличнаго ученаго совсѣмъ.

Изучить въ 4 мѣсяца такую обширную и многообразную науку, какова патологическая гистологія, нѣтъ возможности и при самомъ усидчивомъ трудѣ. Это разумѣется само собою. Иное дѣло однакожъ, ознакомиться съ микроскопомъ, съ методомъ и свойствомъ гистологическихъ изслѣдованій — а съ этой точки зрѣнія я въ Вюрцбургѣ достигъ того, что въ будущемъ мнѣ даны средства къ болѣе глубокому вниканію въ свойство патологическихъ измѣненій, безъ чего клиницистъ въ настоящее время неудобомыслимъ.

14/26 іюля я оставилъ Вюрцбургъ, чтобы до исхода семестра познакомиться съ клиниками малыхъ германскихъ университетовъ. Прежде всего я отправился въ Тюбингенъ, гдѣ терапевтическою клиникою завѣдываетъ составитель самого лучшаго руководства частной терапіи — извѣстный Нимейеръ. Проф. Нимейеръ ознакомилъ меня со своею клиникою съ величайшею готовностью. Клиника его невелика; всего въ ней мѣстъ на 20 кроватей; но за то изъ небольшаго своего матеріала, проф. Нимейеръ извлекаетъ всевозможную пользу. Болѣе всего меня поразило важное значеніе его амбуляторной клиники. Туда ежедневно является за совѣтомъ человѣкъ 10—12, которые, хоть и наскоро, подвергаются однакожъ довольно тщательному изслѣдованію и получаютъ врачебный совѣтъ и наставленіе. Такимъ образомъ, студенты знакомятся съ тѣми многочисленными недугами, скорое распознаваніе и леченіе которыхъ столь важно для практическаго врача, между тѣмъ какъ ни одно ни другое никогда не пріобрѣтается въ стаціонарныхъ клиникахъ, куда большею частію попадаютъ лишь тяжко больные, или, такъ сказать, люди, одержимые болѣзнями по правиламъ и требованіямъ руководствъ. Въ тюбингенской амбуляторіи больнымъ никогда не прописываютъ лекарства болѣе чѣмъ на два или на три дня, дабы они почаще являлись въ клинику, и студенты имѣли бы возможность слѣдить за ходомъ болѣзни. Въ Дерптѣ, гдѣ и я обучался, тоже принимается ежедневно значительное число приходящихъ больныхъ; но, будучи студентомъ, я не былъ въ состояніи оцѣнивать вполнѣ все значеніе амбуляторной клиники. Въ Берлинѣ, за исклю-

ченіемъ клиники Ромберга, которая нынѣ совершенно опустѣла, ничего подобнаго нѣтъ; въ Вюрцбургѣ то же самое. Такимъ образомъ въ небольшомъ Тюбингенѣ, гдѣ, по недостатку матерьяла, прибѣгаютъ къ помощи амбуляторій, безплатно дающихъ всякому приходящему и совѣтъ и лекарство, я почти впервые убѣдился въ незамѣнимой пользѣ, которую извлекаютъ молодые медики изъ приходящихъ больныхъ.

Не могу пройти молчаніемъ одного интереснаго случая, видѣннаго мною въ амбуляторіи проф. Нимейера. Представилась дѣвушка лѣтъ 25, съ которою въ апрѣлѣ текущаго года, ночью, во время сна, случилось что-то въ родѣ удара, вслѣдствіе чего она перестала владѣть *правыми* конечностями. Ясно поэтому, что, если въ черепѣ былъ экстравазатъ, онъ находился на *лѣвой* сторонѣ. Экстравазатъ этотъ, повидимому, подвергся всасыванію, такъ какъ больная теперь снова владѣетъ своими конечностями. Въ настоящее время, при высовываніи языка, остріе его (apex) постоянно направлено въ *правую* сторону, что́ безъ труда объясняется пораженіемъ *лѣваго* nervi hypoglossi и преобладаніемъ *праваго* челюстноязычнаго мускула (m. genioglossus) надъ лѣвымъ, вслѣдствіе чего остріе языка и обращено вправо. До сихъ поръ все еще въ порядкѣ вещей. Странность заключается въ томъ, что, при движеніи глазъ справа на лѣво, *оба* глаза дѣйствуютъ правильно; при движеніи же слѣва на право, причемъ на *лѣвый* глазъ дѣйствуетъ musc. rectus internus, получающій нервныя свои вѣтви отъ N. oculomotorius, на *правый* же глазъ musc. rectus externus, находящійся подъ господствомъ nervi abducentis, лѣвый глазъ совершаетъ свое движеніе нормально, *правый* же остается неподвижнымъ; изъ чего опять явствуетъ, что у больной существуетъ параличь *праваго* отводящаго нерва. Итакъ, въ общемъ результатѣ наблюдателю представляются: первоначальный экстравазатъ въ *лѣвой* половинѣ черепа; пораженіе нѣкоторыхъ волоконъ *лѣваго* подъязычнаго нерва, и наконецъ полный параличь *праваго* отводящаго нерва. При такихъ данныхъ очевидно, что параличь праваго, глазъ отводящаго, нерва не имѣетъ ничего общаго съ бывшею апоплексіею, и происходитъ отъ совершенно другой причины. Нимейеръ сначала предполагалъ, что вслѣдствіе конституціональнаго сифилиса, быть можетъ, образовался гдѣ либо въ черепѣ tophus, мѣстно сжимающій правый отводящій нервъ; но ни объективное изслѣдованіе половыхъ частей, какъ и цѣлаго организма больной, ни личныя ея увѣренія не допустили даже и

тѣни подозрѣнія объ участіи въ данномъ случаѣ сифилиса. Это, конечно, не исключаетъ возможности другаго рода опухоли, несифилитическаго свойства; но понятно, что убѣдиться въ этомъ нѣтъ возможности, и о свойствѣ измѣненій въ черепной полости можно сдѣлать лишь однѣ, болѣе или менѣе вѣроятныя, догадки.

По случаю одного больнаго, одержимаго легочной чахоткой и представившагося при мнѣ въ амбуляторіи, я позволилъ себѣ высказать ученому профессору нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя мною въ послѣднее время на счетъ этой болѣзни. Проф. Нимейеръ на это возразилъ, что онъ совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе, что и онъ самъ уже года два или три обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и что, въ виду большаго практическаго значенія этого вопроса, онъ желалъ бы довести его до желаемаго разъясненія. Не будучи однакожъ въ состояніи, по многочисленности своихъ занятій, посвятить все свое вниманіе одному этому пункту, проф. Нимейеръ предложилъ мнѣ взяться за дѣло, обѣщавъ содѣйствовать мнѣ при этомъ всѣми средствами. Я благодарилъ ученаго профессора за это лестное для меня предложеніе и обѣщалъ ему, по возвращеніи въ Тюбингенъ, заняться этимъ вопросомъ серьёзнѣе.

Въ стаціонарной своей клиникѣ, проф. Нимейеръ показалъ мнѣ два случая успѣшнаго леченія водянки помощью молочной діэты. Больные принимаютъ подъ конецъ ежедневно 3 штофа молока, 3 куриныхъ яйца и $^1/_2$ фунта бѣлаго хлѣба. Водянка появилась въ обоихъ случаяхъ въ теченіе брайтовой болѣзни и произошла отъ сильныхъ потерь бѣлковинныхъ частей и отъ обѣднѣнія крови этими частями. Улучшеніе больныхъ было собственно временное т. е. продолжалось на столько, на сколько черезмѣрные расходы организма бѣлковинными частями покрывались подвозомъ тѣхъ-же частей въ видѣ молока и яицъ. Проф. Нимейеръ сознался однакожъ, что въ тѣхъ случаяхъ брайтовой болѣзни, въ которыхъ водянка происходитъ не столько отъ разжиженія крови, сколько отъ сильнаго боковаго давленія въ волосныхъ сосудахъ почки, молочная діэта не приноситъ никакой пользы. Слѣдовательно здѣсь, какъ и во всѣхъ болѣзняхъ вообще, дѣло врача — специализировать по возможности данный случай и не довольствоваться однимъ только прiисканіемъ оффиціяльнаго имени для болѣзни.

Въ Тюбингенѣ я также посѣтилъ лабораторію тамошняго профессора физіологической и патологической химіи, Ф. Гоппе, и я тѣмъ болѣе былъ радъ познакомиться съ этимъ отличнымъ чело-

вѣкомъ и ученымъ, что мнѣ, до моего возвращенія въ Россію, безъ сомнѣнія прійдется еще побывать болѣе продолжительное время въ Тюбингенѣ и пользоваться научными его пособіями.

Изъ Тюбингена я отправился въ Эрлангенъ, гдѣ клиники, къ счастію, еще не были закрыты. Я посѣтилъ терапевтическую клинику проф. Цимсена, бывшаго ассистента Нимейера и недавно еще приглашеннаго въ Эрлангенъ.

Клиника проф. Цимсена по объему, устройству и духу совершенно походитъ на клинику проф. Нимейера. Сюда, какъ и въ Тюбингенѣ, тоже является немалое число амбуляторныхъ больныхъ, изъ которыхъ молодые медики извлекаютъ такую-же пользу какъ и тамъ. Въ стаціонарной клиникѣ проф. Цимсена я имѣлъ случай видѣть на нѣсколькихъ больныхъ прекрасное дѣйствіе холодныхъ обвертываній въ тифѣ. Дѣйствіе этихъ обвертываній ограничивается всего тремя либо четырмя часами, но за то оно почти мгновенное. Плотно окутавъ больнаго въ простыни, намоченныя холодною водою, этимъ тотчасъ вызываютъ пониженіе его температуры на одинъ и даже на полтора градуса Цельзія. Кто знаетъ, что тифъ принадлежитъ къ болѣзнямъ, которыхъ искуственно пріостановить невозможно, и что вся задача врача состоитъ здѣсь въ устраненіи вредно дѣйствующихъ вліяній и въ неусыпномъ присмотрѣ за теченіемъ лихорадочнаго процесса, который именно своею черезмѣрностью и разрушаетъ организмъ, тотъ пойметъ все важное значеніе холодныхъ окутываній въ леченіи тифа. Проф. Цимсенъ не скрываетъ, что иногда и это средство не спасаетъ больныхъ, но за то онъ утверждаетъ, что ни разу еще не замѣтилъ вреднаго дѣйствія отъ холодныхъ обвертываній — а это говоритъ вполнѣ въ пользу этого способа леченія тифа.

Въ Эрлангенѣ я посѣтилъ тамошняго преподавателя патологической анатоміи, проф. Ценкера, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить въ одномъ изъ прежнихъ своихъ отчетовъ департаменту. Проф. Ценкеръ далъ мнѣ случай видѣть подъ микроскопомъ много препаратовъ, показывающихъ измѣненіе мышицъ въ тифѣ. Поперечно-полосатыя мышицы мѣстами обезцвѣчиваются, блѣднѣютъ, теряютъ свою полосатость и распадаются въ видѣ комковъ, остается одинъ лишь перимизіумъ, который затѣмъ сплющивается. Измѣненныя такимъ образомъ мышицы возрождаются въ послѣдствіи новообразованіемъ мышечныхъ волоконъ. Съ ожирѣніемъ процессъ этотъ не имѣетъ ничего общаго.

Благодаря любезности Эрлангенскаго профессора хирургіи, Тирша (Thiersch), славящагося чуть-ли не по всей Европѣ рѣдкимъ своимъ мастерствомъ изготовлять инсекціонные препараты, я имѣлъ случай осматривать его рѣдкую и драгоцѣнную коллекцію подобныхъ препаратовъ. Проф. Тиршъ употребляетъ для изслѣдованія готовыхъ препаратовъ англійскій микроскопъ особеннаго устройства. Такъ какъ увеличеніе, при которомъ разсматриваются инъецированные препараты, большею частью бываетъ слабое, то поле зрѣнія его микроскопа сдѣлано вдвое, даже чуть-ли не втрое больше, чѣмъ въ обыкновенныхъ микроскопахъ. Сверхъ того, микроскопъ снабженъ *двумя* окулярными трубами, по одной для каждаго глаза, такъ что отъ изслѣдуемаго предмета получается стереоскопическое изображеніе. Другія особенности этого микроскопа, менѣе существенныя, я здѣсь прохожу молчаніемъ. Вѣрность, осязательность и изящество изображеній, которыя такимъ образомъ получаются, поражаютъ и вмѣстѣ восторгаютъ наблюдателя. Такъ напр. въ одномъ препаратѣ изъ кишечнаго канала, гдѣ видны инъецированныя ворсы и пейеровы бляшки, я былъ пораженъ осязательностію отношенія этихъ частей между собою; ворсы со своею нѣжною сѣтью волосныхъ сосудовъ представлялись въ видѣ палисадъ около пейеровой бляшки, которая сама находилась какъ бы на днѣ углубленія въ общей поверхности. Такъ опять, разсматривая на вертикальномъ разрѣзѣ заднюю половину глаза, съ изъумительною ясностію можно было замѣтить двоякаго рода и совершенно различнаго калибра и свойства сосуды: сверху сосуды нервной оболочки, какъ они развѣтвляются изъ средины зрительнаго нерва и образуютъ къ периферіи узлы, а глубже сквозящуюся сѣть капиляровъ сосудистой оболочки. Эти изображенія такъ великолѣпны, что глазъ не насыщается разсматривать ихъ. Еще въ Вюрцбургѣ я перебиралъ богатыя коллекціи инъецированныхъ препаратовъ у Келликера и г. Мюллера, происходящія большею частію изъ коллекцій Гиртля въ Вѣнѣ, Герлаха и Тирша въ Эрлангенѣ; но такого великолѣпія, какъ у самого Тирша съ его стереоскопическимъ микроскопомъ, я нигдѣ не замѣчалъ.

Проф. Мюллеръ въ Вюрцбургѣ предупредилъ меня, что Тиршъ наврядъ ли уступаетъ свои препараты за плату; тѣмъ не менѣе я рискнулъ сдѣлать на этотъ счетъ ученому профессору осторожный вопросъ. Онъ отозвался вотъ какъ: «товарищамъ я дарю свои препараты, но не уступаю ихъ за деньги, *заведеніямъ* же я, пожалуй,

не прочь ихъ уступать и за плату». При этомъ проф. Тиршъ сказалъ мнѣ, что относительно цѣны препаратамъ необходимо должна существовать огромная разница, смотря по тому, пріобрѣтается ли изъ удачно инъецированнаго животнаго большое число препаратовъ, какъ напр. изъ удачной инъекціи легкихъ, или же все животное даетъ, даже въ случаѣ удачи, *одинъ* только препаратъ, какъ напр. если требуется инъекція глаза, при чемъ на *оба* глаза рѣдко можно расчитывать. Въ первомъ случаѣ стоимость препарата обойдется въ $1/2$ флорина и еще менѣе (25 — 30 коп. сер.), такъ что коллекцію изъ 300 препаратовъ, въ которой найдутся разрѣзы головнаго и спиннаго мозга, легкихъ, печени, почекъ, селезенки, кишечнаго канала, яичекъ, слюнныхъ и иныхъ желѣзъ, не только человѣка, но и различныхъ животныхъ, можно пріобрѣсти рублей за 70 или 80 нашею монетой. Препараты другой категоріи, добываніе которыхъ сопряжено съ большею потерею времени и цѣннаго матерьяла, обуйдутся столь дорого, что наврядъ-ли, по мнѣнію Тирша, какое нибудь заведеніе рѣшится ихъ выписать.

Если принять въ разсужденіе, что безъ инъецированныхъ препаратовъ наврядъ-ли можно себѣ составить точное понятіе объ анатомическомъ устройствѣ, а затѣмъ и о функціи органовъ; что подобныя инъекціи удаются не всякому и требуютъ особенной снаровки и знанія техники этого дѣла; что у насъ обучающимся медикамъ почти никогда, или очень рѣдко, показываются такіе наглядные объекты, и что они всегда должны довольствоваться неполными и дурно или только тематически сдѣланными рисунками — то нельзя не желать отъ души, чтобъ наши анатомическіе и физіологическіе кабинеты снабдили себя за столь умѣренную, почти ничтожную, плату превосходными препаратами проф. Тирша. Сознаюсь, что, выслушавъ слова профессора, я душевно жалѣлъ, что я не заведеніе, а то я съ величайшимъ удовольствіемъ вручилъ бы неутомимому профессору плату за коллекцію въ 300 препаратовъ, въ то время какъ теперь я долженъ былъ довольствоваться *тремя* препаратами печени, которые мнѣ *подарилъ* проф. Тиршъ въ память нашего знакомства.

Уѣзжая сначала изъ Тюбингена, потомъ изъ Эрлангена, гдѣ я, скромный и безвѣстный чужестранецъ, встрѣтилъ столько радушія и предъупредительности со стороны людей, высоко стоящихъ въ наукѣ, я невольно вспомнилъ про слова, высказанныя Н. И. Пироговымъ, въ недавно опубликованномъ его письмѣ:

«Всѣмъ тѣмъ которые, кромѣ лекцій и другихъ научныхъ занятій, ищутъ еще сближенія съ профессорами — что для всякаго спеціалиста чрезвычайно важно — я совѣтую выбрать одинъ изъ маленькихъ и отдаленныхъ университетовъ (т. е. германскихъ), въ которыхъ они найдутъ и радушный пріемъ и дружески-откровенный совѣтъ лицъ, высоко стоящихъ въ наукѣ».

Спасибо Н. И. Пирогову за этотъ прекрасный, вполнѣ его достойный совѣтъ! но воздадимъ и должную дань благодарности и тѣмъ отличнымъ мужамъ, которые столь живо и непритворно сочувствуютъ всякому научному стремленію, откуда бы оно ни явилось. Они похожи на солнце: они грѣютъ и оплодотворяютъ, не остывая при этомъ и сами.

Будущій семестръ я проведу въ Вѣнѣ, куда и прибуду недѣли за двѣ *до* начала лекцій, т. е. около исхода сентября новаго стиля.

Блазевицъ, возлѣ Дрездена, $^{9}/_{21}$ августа 1863 г.

2.

Сообразно съ предположенной себѣ цѣлью *) я намѣренъ изобразить на нижеслѣдующихъ страницахъ быстрый обзоръ характера новѣйшей медицинской клиники, и ея отличительные признаки отъ клиники истекшей эпохи. Я постараюсь при этомъ избѣгать всѣхъ подробностей, не строго указанныхъ самою сущностью дѣла, какъ и миновать, съ другой стороны, ту краткость и бѣглость, которая такъ легко переходитъ въ поверхностность. Ни на минуту, однакожъ, я не хочу терять изъ виду, что я здѣсь преслѣдую цѣль практическую; что главное мое стремленіе направлено собственно къ тому, чтобъ представить характеръ нынѣшней *русской* клиники, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и указать на тѣ средства, помощью которыхъ ее можно поставить въ болѣе достойное и современное положеніе. Съ этой точки зрѣнія я, на предшествовавшія какъ и на нынѣшнія свои страницы, могу смотрѣть не какъ на цѣль, а какъ на средство лишь къ достиженію извѣстной цѣли. Оба эти сообщенія должны служить лишь введеніемъ къ тому, чтó послѣдуетъ за ними, и они совершенно будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, если только содѣйствуютъ къ тому, чтобъ сдѣлать болѣе яснымъ и понятнымъ послѣдующее за ними изображеніе отечественной клиники. Достигну ли я этой цѣли — объ этомъ можетъ только судить чита-

*) См. стр. 146.

тель; что же до меня, то я довольствуюсь пока тѣмъ, что яснѣе обозначилъ идею, лежащую въ основѣ скромныхъ моихъ сообщеній.

Если бы я желалъ строже придерживаться своей задачи, и набросить здѣсь только параллель между *клиниками* прежней и нынѣшней эпохъ, то мнѣ не слѣдовало бы зайти далѣе первой четверти истекшаго столѣтія: ибо Боергавъ, дѣйствовавшій до 1730 года, былъ *первый*, у котораго мы встрѣчаемъ правильное клиническое преподаваніе. Но изученіе практической медицины существовало болѣе двухъ тысячелѣтій до Боергава, а главное — общій характеръ медицины *до* знаменитаго голландскаго врача остается почти тотъ же, какъ и послѣ него, такъ что собственно эпохи онъ въ медицинѣ вовсе не составляетъ. Вотъ почему, быть можетъ, не безъинтересно будетъ набросить здѣсь въ самыхъ главныхъ чертахъ очеркъ характера и цѣли практической медицины въ *историческoй* послѣдовательности, не строго ограничиваясь рамками «клиники».

Въ теченіе 22-хъ слишкомъ столѣтій медицина считалась только *искусствомъ*, ars medendi, искусствомъ возстановлять здоровье заболѣвшихъ людей. Гиппократъ начинаетъ свои афоризмы словами: «ars longa, vita brevis etc», гдѣ подъ «ars» разумѣется ars medendi— искусство врачевать. О «scientia» древніе не знали, и легко понять, почему они нигдѣ не говорятъ о медицинѣ, какъ о наукѣ. Наука предполагаетъ зрѣлость размышленія, полноту сознанія, которыя приходятъ гораздо позже, чѣмъ вдохновеніе. Гиппократъ, образецъ древнѣйшей, средневѣковой, а въ извѣстной мѣрѣ даже и новѣйшей медицины, не зналъ ни анатоміи, ни самыхъ элементарныхъ вещей физіологіи, которыя однакожъ составляютъ первую основу научной медицины. Этотъ взглядъ древнихъ на медицину перешелъ даже и въ новѣйшіе языки; такъ въ нѣмецкомъ напр. мы встрѣчаемъ слово Heilkunst — означающее медицину и Heilkünstler — означающее врача. Гиппократъ высшее назначеніе врача видитъ въ томъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ: tuto, cito et jucunde, т. е. вѣрно, скоро и пріятно; но какимъ образомъ онъ долженъ поступить, чтобъ достигнуть этого совершенства, объ этомъ Гиппократъ не распространяется. Понятно однакожъ, что если врачъ исключительно художникъ, то первую роль у него, какъ у всякаго художника, играетъ даровитость или призваніе, а за тѣмъ инспирація или вдохновеніе. Даровитость эта должна быть направлена къ тому, чтобы мѣтко наблюдать за больнымъ, или вѣрнѣе въ смыслѣ древ-

нихъ — за болѣзнью, подмѣчать ея признаки, оттѣнки, переходы и исходы; главное же, пріискивать средства, какія лучше и вѣрнѣе всего служатъ къ изгнанію врага, засѣвшаго въ человѣческій организмъ подъ видомъ болѣзни. Такого врачебнаго артиста старины здоровый человѣкъ очень мало занималъ, потому что въ немъ онъ не встрѣчалъ тѣхъ враждебныхъ существъ, противъ которыхъ ему приходилось выступать. Одни только больные, какъ обладатели болѣзней, должны были приковывать все его вниманіе.

При такихъ понятіяхъ естественно, что медициной могъ заниматься всякій, кто считалъ себя для этого довольно одареннымъ и призваннымъ, и всякій, кто ею занимался, считалъ себя, вѣроятно, совершенно къ тому призваннымъ. Оставалась за тѣмъ инспирація; но она вѣрнѣе всего пріобрѣталась общеніемъ съ высшими силами и богами, которые внезапно могли озарить человѣка въ затруднительномъ случаѣ. Такимъ образомъ сталось, что древніе греческіе врачи были почти исключительно жрецами, и около храмовъ стали формироваться первые госпитали, а впослѣдствіи вѣроятно и нѣчто въ родѣ клиники, т. е. тѣ мѣста, гдѣ художники-новички посвящались впервые въ явленія болѣзней и въ способы лечить ихъ. Первыя отрасли медицины, которыя при этомъ получили свое начало, были безспорно «земіотика», или наставленіе о явленіяхъ и признакахъ болѣзней съ одной стороны, и «фармакологія», или наставленіе о средствахъ, дѣйствующихъ противъ болѣзней, съ другой стороны. Всякому больному давали разныя средства, *φαρμακα* а если онъ выздоравливалъ, то это приписывалось дѣйствію употребленнаго средства. Выздоравливаніе и средство всегда были приняты въ причинной между собою связи. Научная критика въ тогдашнее время еще не существовала, и безусловно господствовало положеніе: post hoc, ergo propter hoc. При выборѣ и пріискиваніи средствъ, врачами руководила отчасти случайность, отчасти какія то смутныя идеи о сущности болѣзни, отчасти какое нибудь наружное сходство между внѣшнею формою какого нибудь вещества и формою какой либо части человѣческаго тѣла; отчасти также, или, вѣрнѣе, въ большей части случаевъ, одинъ только предразсудокъ.

Со временемъ, число наблюденій надъ проявленіемъ различныхъ болѣзней значительно возрасло; умножилось также число средствъ, употребляемыхъ въ болѣзняхъ; но о сущности болѣзней не имѣли и не могли имѣть въ тогдашнее время никакого понятія, равно и

о способѣ, какимъ лекарства обнаруживаютъ цѣлебное свое дѣйствіе. Задача врача, въ самомъ лучшемъ даже случаѣ, состояла исключительно въ наблюденіи надъ симптомами болѣзней, и въ употребленіи средствъ, которыя, вслѣдствіе эмпиріи, оказались полезными въ подобныхъ случаяхъ. Конечно, человѣческій духъ на этомъ не успокоивался. Всегда находились избранныя личности, которыя составляли себѣ теоріи на счетъ происхожденія и самой сущности болѣзней; самъ Гиппократъ имѣлъ подобную теорію; но за то и самъ онъ, замѣтивъ вѣроятно все шаткое и произвольное въ своей теоріи, высказалъ, что теорія не должна влiять на практику, что единственными руководителями врачебнаго художника должны быть наблюденіе и опытность, experientia.

Съ распространеніемъ христіанства по Европѣ, греческая медицина почти безслѣдно исчезла изъ жизни и сохранилась лишь въ рукописяхъ тогдашнихъ библіотекъ. Эта эпоха для медицины продолжалась около восьми столѣтій, пока аравитяне, обратившись черезъ посредство іудеевъ къ греческой медицинѣ, снова ее не вывели изъ забвенія и не обогатили ее разными пріобрѣтеніями. Но и у аравитянъ, господствовавшихъ въ Испаніи до половины XIII вѣка, медицина сохранила характеръ чистаго искусства, и не имѣла еще въ себѣ ничего научнаго.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, когда въ Европѣ основывались первые университеты, медицина еще не входила въ составъ университетскаго преподаванія, да и гораздо позже, такъ напр. въ XVI, XVII, отчасти даже и въ XVIII вѣкѣ мы находимъ университетское преподаваніе всей медицины нерѣдко въ рукахъ одного только человѣка, и весь медицинскій курсъ оконченнымъ въ теченіе одного года. Такъ напр. Іоаннъ Гортеръ, ученикъ Боергава, будучи до своего переселенія въ Россію профессоромъ въ Гадервикѣ, преподавалъ тамъ, съ 1725—1754 года, анатомію, физіологію, химію, ботанику, общую патологію, практическую медицину и хирургію. Проф. Сталь читалъ въ началѣ XVIII вѣка въ Галле: ботанику, физіологію, патологію, діэтетику, фармакологію и практическую медицину. Все это живыя доказательства того жалкаго положенія, въ которомъ находились не столь давно еще эти разнообразные предметы. Главнѣйшее свое наставленіе медицинскіе адепты получали, въ качествѣ фамулюсовъ, у занятыхъ практикою врачей, или, въ распространенныхъ уже въ тогдашнее время, госпиталяхъ. Въ госпиталяхъ и у врачей они научались искусству и ремеслу.

Самый разительный примѣръ ничтожности тогдашняго университетскаго и важности госпитальнаго образованія представляетъ намъ Ambroise Paré, одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей и хирурговъ не только своего времени, но и всѣхъ временъ вообще. Ambroise Paré, умершій въ 1590 году, принадлежалъ сначала къ цеху «barbiers-chirurgiens», чего то въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ фельдшеровъ. Занимаясь въ качествѣ бродобрея въ Парижѣ, онъ три года сряду былъ ревностнымъ посѣтителемъ тамошняго госпиталя Hôtel-Dieu. Въ немъ научился онъ наблюдать, въ немъ научился онъ и дѣйствовать. A. Paré никогда не посѣщалъ университета, латынь же ему была совершенно незнакома. Это не помѣшало ему сдѣлаться лейбъ-хирургомъ французскаго короля, профессоромъ хирургіи при «collège St. Côme», образовать много извѣстныхъ учениковъ и возъимѣть огромное вліяніе на развитіе хирургіи и акушерства во Франціи и въ остальной Европѣ. За то Ambroise Paré былъ и геніальной даровитости, обладалъ необыкновенною наблюдательностью и принадлежалъ, по своей спеціальности, къ числу тѣхъ исключительныхъ явленій, которыя, какъ Кесари и Наполеоны, попадаются лишь изрѣдка въ теченіе вѣковъ. Онъ былъ настоящій врачъ Божьею милостью, par la grâce de Dieu, художникъ въ полномъ значеніи слова. Никто его таковымъ не сдѣлалъ.

Появленіе Боергава, перваго настоящаго преподавателя клинической медицины, въ первой четверти XVIII столѣтія, и распространеніе его ученія помощью знаменитыхъ его учениковъ чуть ли не по всей образованной Европѣ, имѣло слѣдствіемъ только то, что врачи стряхли съ себя вѣковую пыль схоластики, отвернулись нѣсколько отъ безполезныхъ и ребяческихъ теорій, и, по примѣру Гиппократа, Амбруаза Паре, Зиденгама и самого Боергава, снова обратились къ трезвому наблюденію, къ болѣе утонченной эмпиріи. Научнаго все-таки не было и не могло быть и слѣда въ ихъ дѣятельности; ибо вспомогательныя науки медицины, на которыхъ она необходимо должна опереться, были только что въ зарожденіи, и не имѣли пока ничего вѣрнаго, ничего удобопримѣнимаго. Медицина все еще сохранила чисто-художническій свой характеръ, только врачи, вмѣсто вдохновенія, ввели другіе аттрибуты настоящаго медицинскаго художника, а именно: «практическій взглядъ», «практическій тактъ». Что такое этотъ практическій тактъ, никто этого точнѣе опредѣлить не могъ; очевидно было только то, что онъ пріобрѣтался многолѣтнею опытностью, многолѣтнимъ обраще-

ніемъ съ больными. Но что же такое врачъ, пока онъ еще не усвоилъ себѣ этого такта, этого медицинскаго чутья? и что такое врачъ, который во всю свою жизнь не успѣлъ себѣ усвоить этого такта и чутья? Во всякомъ случаѣ онъ не былъ художникомъ; ученымъ онъ тоже не былъ, потому что сущность болѣзни всегда и вездѣ оставалась для него неразгаданною, да и дѣйствовать сознательно у кровати больнаго онъ не былъ въ состояніи: стало быть, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ ремесленника съ завязанными глазами. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ художники рождаются не ежедневно, такъ какъ истинное дарованіе не есть явленіе, слишкомъ обыденное, такъ какъ необходимый практическій тактъ не былъ удобопередаваемъ, а составлялъ только даръ свыше, такъ какъ наука тоже не руководила врачемъ, а скорѣе имъ управляла грубая эмпирія безъ разбора и критики, — то и вся масса врачей состояла большею частью изъ ремесленниковъ, видѣвшихъ въ медицинѣ лишь промыселъ, а не призваніе, лишь средство къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ, а не науку.

Этимъ плачевнымъ состояніемъ медицины и объясняется тотъ, повидимому, вопіющій анахронизмъ, который мы встрѣчаемъ въ началѣ XIX столѣтія, а именно: *появленіе гомеопатіи.* Гомеопатія есть полное отрицаніе всякой научности въ медицинѣ. Гомеопатія, какъ округленная медицинская система, первая непритворно высказала, что знаніе анатоміи, физіологіи, химіи, вскрываніе труповъ etc. не только безполезны, но даже вредны истинному врачу, ибо набиваютъ его голову вздорными теоріями, и отвлекаютъ его отъ самаго главнаго — отъ прослѣдованія симптомовъ болѣзни и симптомовъ, вызванныхъ лекарственными веществами. Здѣсь не мѣсто войти въ разборъ ученія Ганеманна; но надобно сказать, что основатель гомеопатіи Ганеманнъ — былъ человѣкъ далеко не дюжинный, и обладалъ большими умственными дарованіями. По собственному своему сознанію, однакожъ, онъ засталъ медицину въ такомъ жалкомъ состояніи, ея положенія и правила такъ были шатки и неосновательны, ея увѣренія о дѣйствіи лекарствъ такъ ложны и обманчивы, что, при выступленіи на практическое поприще, имъ овладѣла полная безнадежность, и онъ сталъ отчаяваться въ успѣшности тогдашнихъ медицинскихъ ученій. Человѣкъ столь замѣчательно одаренный, какъ Ганеманнъ, не могъ долго оставаться въ этой безнадежности. Онъ долженъ былъ или вовсе отказаться отъ медицины, или создать себѣ нѣчто новое, что́, по его мнѣнію, пре-

восходило прежде существовавшее. Онъ предпочелъ послѣднее: придумалъ новое ученіе, новыя положенія, и, въ качествѣ основателя новой медицинской ереси, привязался къ своему ученію всѣмъ фанатизмомъ пылкой вѣры, и въ немъ одномъ видѣлъ спасеніе для человѣчества.

Все это представляетъ, однакожъ, лишь психологическую сторону появленія Ганеманна. Болѣе же всего замѣчательно само появленіе подобнаго человѣка въ началѣ XIX столѣтія — этотъ одинъ голый фактъ самъ по себѣ. Замѣчательно, что въ 1810 году еще можно было не только сомнѣваться, но и отчаяваться въ пользѣ и положительности ученій, слывшихъ неопровержимыми въ теченіе 22-хъ вѣковъ. Замѣчательно, что подобнаго скептика нисколько не считали помѣшаннымъ, а, напротивъ, человѣкомъ черезвычайно дѣльнымъ; что ученіе его, вмѣсто того, чтобъ угаснуть съ его смертью, пріобрѣтало все болѣе и болѣе приверженцевъ; главное же, что, хотя многіе изъ его современниковъ и видѣли печальныя заблужденія и произвольности его ученія, ни одинъ изъ нихъ однакожъ не могъ очистить медицину отъ тѣхъ горькихъ упрековъ и обвиненій, которыя возводилъ противъ нея Ганеманнъ. Стало быть, за обвиненіями Ганеманна скрывалось много истины; стало быть, медицина точно давала поводъ отчаяваться въ ней, хотя настоящій путь къ спасенію и не былъ тотъ, на который указывалъ основатель гомеопатіи.

Этотъ одинъ фактъ лучше всего доказываетъ несостоятельность медицины, какъ одной только «ars medendi», рыхлость ея ученій, шаткость ея правилъ во весь этотъ безконечно длинный періодъ, когда точныя науки еще не были краеугольнымъ ея камнемъ, и она поддерживалась лишь безсознательными твореніями геніяльныхъ своихъ художниковъ.

Глубоко внѣдрившаяся, ложная идея о свойствѣ болѣзни болѣе всего противилась прониканію чисто научнаго начала въ практическую медицину. По понятіямъ, очень недавно еще бывшимъ въ ходу, болѣзнь составляла что-то *конкретное*, какое-то *существо* (ens) само по себѣ, вникнувшее въ организмъ *извнѣ*, и ему совершенно несвойственное и *чужеродное*; словомъ, что-то въ родѣ паразита. Задача врача состояла въ томъ, чтобъ умертвить болѣзнь, и заставить ея «caput mortuum» выбраться изъ организма. Но какъ до этого добраться научнымъ путемъ, когда свойства этого воображаемаго паразита никому не были извѣстны? Что поможетъ знаніе

анатоміи и физіологіи *нормальнаго* человѣка, когда *больной* организмъ, сдѣлавшись театромъ борьбы съ забравшимся въ него паразитомъ, совершаетъ всѣ свои отправленія по совершенно *другимъ*, нерѣдко даже весьма причудливымъ законаиъ? Нельзя вѣдь оспаривать, что и въ безъотрадныя времена медицины занимались въ университетахъ анатоміею, физіологіею, химіею etc. въ тогдашнемъ недостаточномъ ихъ объемѣ. Но не говоря уже о схоластическомъ, большею частію спекулятивномъ духѣ, которымъ въ прежнія времена отличались эти науки, онѣ для врача оставались неудовлетворительными именно потому, что у кровати больнаго предполагались совсѣмъ *другія отношенія, другіе законы, другія функціи*, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ *нормальномъ* организмѣ.

Въ настоящее время заблужденія эти окончательно устранены. Новѣйшіе успѣхи физіологіи и патологической анатоміи уяснили наши понятія о болѣзни вообще. Болѣзнь для насъ — не какой-нибудь чужеродный тѣлу паразитъ, а *отклоненіе отъ нормы* какой-либо части нашего тѣла, сначала въ его устройствѣ, за тѣмъ и въ его отправленіи, или функціи, или же и на оборотъ. Всякая болѣзнь предполагаетъ только *измѣненіе условій*, при какихъ любая часть нашего тѣла существуетъ и дѣйствуетъ въ нормальномъ состояніи; *законы* же организма остаются при этомъ *неизмѣненными*. Если извѣстная часть нашей ноги постоянно подвергается тренію со стороны обуви, то наступаетъ мѣстное раздраженіе кожи, бо́льшій приливъ крови, измѣненное питаніе этой части, вслѣдствіе этого опять чрезмѣрное образованіе кожицы, которая образуется здѣсь по тѣмъ же законамъ, какъ и въ нормальномъ состояніи; далѣе же происходитъ давленіе этой твердой кожицы на нервныя волокна подлежащей кожи, отъ этого опять боль etc. Словомъ, мы имѣемъ предъ собою отклоненіе отъ нормы, пожалуй, и болѣзнь, называющуюся *мозолью*. Все это однакожь не оттого, что въ ногу засѣлъ какой-нибудь паразитъ, производящій мозоли; а оттого, что нога находится подъ вліяніемъ несвойственнаго ей условія, а именно, подъ вліяніемъ постояннаго тренія. Печень отдѣляетъ желчь. Желчь накапливается въ резервуарѣ, называемомъ желчнымъ пузыремъ. Изъ этого резервуара желчь въ извѣстныя времена стекаетъ въ полость кишечнаго канала. Если теперь, по любой причинѣ, испражненіе желчи въ кишечный каналъ воспрепятствуется, то наступитъ цѣлый рядъ измѣненій, отчасти вслѣдстяіе отсутствія желчи въ кишкахъ, гдѣ она необходима, отчасти же отъ чрезмѣрнаго переполненія

желчнаго пузыря. Мы тогда имѣемъ предъ собою болѣзнь, или вѣрнѣе: больной организмъ; но опять не вслѣдствіе какого-нибудь враждебнаго существа, проникнувшаго извнѣ въ организмъ, и отмѣнившаго *законы* животной экономіи, а вслѣдствіе *измѣненныхъ условій*, при которыхъ испражненіе желчнаго пузыря обыкновенно имѣетъ мѣсто; причемъ *законы* животной экономіи остаются *безъ всякаго измѣненія*.

Сообразно съ этимъ, задача врача, по теперешнимъ понятіямъ, состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы поставить, по возможности, организмъ или части его въ болѣе благопріятныя условія, а измѣненнымъ частямъ давать возможность возвратиться къ ихъ нормальному состоянію. Но врачъ никогда не выполнитъ этой задачи, если онъ не можетъ себѣ отдать полнаго отчета въ томъ, какъ составлена и какъ дѣйствуетъ такая-то часть человѣческаго организма въ *нормальномъ состояніи*; далѣе же, въ чемъ состоитъ измѣненіе этой части въ данномъ случаѣ; наконецъ, на сколько онъ, врачъ, можетъ искусственно содѣйствовать къ возстановленію пораженной части. Все это требуетъ для своего рѣшенія большаго наличнаго запаса самыхъ разнообразныхъ *свѣдѣній*, и чѣмъ глубже и основательнѣе эти *свѣдѣнія*, чѣмъ искуснѣе ихъ примѣненіе къ данному случаю, тѣмъ вѣрнѣе и удачнѣе врачъ выполнитъ свою задачу.

Этимъ однакожъ кончается роль врача, какъ человѣка *научнаго*. *Теперь* на арену выступаетъ *художникъ*, который долженъ осуществить и привести въ исполненіе то, что́ постигнуто, уяснено и признано за благо человѣкомъ *научнымъ*. Много дорогъ ведутъ въ Римъ, говорятъ; и до исцѣленія больнаго человѣка можно добраться различными путями. Выбрать же путь самый короткій, самый вѣрный и менѣе всего обременительный — вотъ задача медицинскаго художника: tuto, cito et jucunde, какъ сказалъ Гиппократъ. Но для этого дѣйствительно нужно истинное призваніе и опытность. Тутъ-то, въ самомъ дѣлѣ, врачемъ нерѣдко руководитъ какое-то чутье, какой-то инстинктъ, безсознательно ему нашептывающій, что вотъ эта-то тропа скорѣе его доведетъ до цѣли, чѣмъ другая, а вонъ-та третья, пожалуй, его вовсе не доведетъ, хотя повидимому она столь же положительна.

Итакъ, самая рѣзкая разница между *прежнимъ* врачемъ и *нынѣшнимъ* состоитъ въ томъ, что прежде врачъ былъ *лишь художникомъ*, нынѣ онъ долженъ быть и *ученымъ и художникомъ*. Прежде

онъ могъ дѣйствовать совершенно безсознательно, или на основаніи ложныхъ, произвольно-придуманныхъ и ничѣмъ недоказанныхъ теорій; теперь онъ долженъ отдавать себѣ и другимъ ясный отчетъ въ сущности измѣненій, которыя онъ видитъ, конечно, соотвѣтственно средствамъ, которыя современное состояніе науки даетъ ему въ руки. Далѣе же, разъяснить взаимную связь этихъ измѣненій, мѣсто ихъ происхожденія, возможность ихъ устраненія, и наконецъ, число и значеніе средствъ, ему для этого данныхъ.

Если специально обратимся теперь къ *клиникѣ*, то мы легко увидимъ и поймемъ всю разницу въ характерѣ клиники истекшей и нѣнѣшней эпохъ. Пока на медицину исключительно смотрѣли какъ на искусство, а на врача какъ на художника, то и клиника, въ качествѣ образовательнаго заведенія для медицинскихъ агентовъ, могла только стремиться къ образованію художниковъ. Она давала своимъ посѣтителямъ матерьялъ для наблюденія, т. е. для изощренія ихъ «практическаго взгляда», а за тѣмъ болѣе или менѣе удачные примѣры искусственнаго леченія; но не болѣе. Но такъ-какъ всякое искусство предполагаетъ особенную даровитость, и истинные художники составляютъ явленіе довольно рѣдкое, то и прежнія клиники доставляли пользу лишь такимъ личностямъ, которыя приносили съ собою истинное призваніе и разительный талантъ. Вся же остальная масса не выносила изъ клиники никакой почти пользы, такъ-какъ искусство неудобо-передаваемо человѣку, неприспособленному къ тому природой, а научнаго въ тогдашней клиникѣ было чрезвычайно мало, а отчасти даже и не предполагалось. Отъ этого и происходитъ, что мы въ прежнія времена встрѣчаемъ лишь крайности: великихъ врачей съ большею частью безсознательнымъ, но истинно-геніяльнымъ взглядомъ на болѣзни, съ колосальною репутаціею и небывалыми успѣхами въ устраненіи болѣзней — и опять огромную массу врачей съ самыми превратными понятіями, съ самыми ложными идеями, въ самомъ безъотрадномъ и жалкомъ невѣжествѣ и въ положеніи простыхъ грубыхъ ремесленниковъ. Клиника, неимѣвшая ничего положительнаго, ничего научнаго, могла только производить или великихъ художниковъ, или темныхъ поденщиковъ, смотря по дарованіямъ посѣщавшихъ ея личностей; середины не было, или встрѣчалась очень рѣдко.

Совсѣмъ другое клиника новѣйшихъ временъ. Она даетъ все то, что̀ давала прежняя клиника, но она представляетъ еще много другаго, чего въ прежней клиникѣ вовсе не было. Въ клиникѣ те-

нерешняго времени молодой медикъ, снабженный многими точными свѣдѣніями, обогащенный цѣлымъ запасомъ разнородныхъ наукъ, *учится прилагать эти свѣдѣнія* къ распознаванію и устраненію болѣзней; зная изъ физіологіи способъ, коимъ совершаются въ нормальномъ состояніи дыханіе и біеніе сердца, а изъ физики законы о вибраціи упругихъ тѣлъ, онъ употребляетъ эти данныя для распознаванія болѣзней дыхательныхъ путей и кровеносной системы. Зная отношеніе бѣлыхъ и красныхъ шариковъ въ нормальной крови, онъ изучаетъ помощью микроскопа ихъ отношеніе въ извѣстныхъ болѣзняхъ. Клиника ему доставляетъ экскреты больныхъ, химія и микроскопъ даютъ ему возможность судить о ихъ составѣ, а изъ состава опять выводить заключенія о сущности измѣненій, и о мѣстѣ самого пораженія. Словомъ, клиника *научаетъ* его наблюдать, изощряетъ и приводитъ въ дѣйствіе всѣ его органы чувствъ, исключая развѣ вкуса; *показываетъ какъ* примѣнить данныя естественныхъ наукъ къ уясненію измѣненій въ данномъ случаѣ и какія неотразимыя изъ этого вытекаютъ послѣдствія для леченія.

Все это удобно *изучается.* Но все это предполагаетъ извѣстный *запасъ свѣдѣній*, который пріобрѣтается обыкновенно трудомъ и доброю волею, но *безъ* котораго новѣйшая клиника *неудобомыслима.* Все научное наставникомъ удобно передается ученику. Художничество до сихъ поръ все еще въ сторонѣ.

Къ сожалѣнію, дѣйствіе несравненно большей части лекарственныхъ веществъ еще вовсе не изведано; т. е. не изведано, какія измѣненія претерпѣваетъ при этомъ человѣческій организмъ, и вслѣдствіе какихъ своихъ свойствъ лекарственныя вещества обнаруживаютъ свое дѣйствіе. Не изведано также, отчего тамъ, гдѣ указанъ извѣстный методъ леченія, вовсе не все равно къ какому средству одной и той же категоріи мы именно прибѣгаемъ, а еще менѣе безразлично, въ какое время мы его употребляемъ, въ какомъ количествѣ, иной разъ даже въ какомъ составѣ. Не изведано, наконецъ, отчего два средства, имѣющія, повидимому, одинаковое или очень сходное дѣйствіе, производятъ нерѣдко различные эффекты. Все это до сихъ поръ не доступно еще научному изслѣдованію; связь между причиною и эффектомъ здѣсь пока нисколько не разъяснена — и вотъ почему многое еще предоставлено личному соображенію врача. Вотъ почему и теперь еще существуетъ *искусство* лечить больныхъ, и просторная арена, гдѣ врачъ можетъ заявить себя истиннымъ художникомъ. *Этому*, однакожъ, клиника никогда не на-

учитъ. Эти тонкости неудобопередаваемы, и художникомъ всегда будетъ только тотъ, кто художникомъ и родился, кто носитъ на своемъ челѣ печать истиннаго дарованія, самороднаго таланта.

Итакъ, новѣйшая клиника не есть заведеніе для образованія медицинскихъ артистовъ, которыхъ очень мало, и на которыхъ разсчитывать нечего, а для образованія *научныхъ врачей*, или вѣрнѣе сказать: *для пріученія научно-подготовленныхъ адептовъ прилагать надлежащимъ образомъ запасъ своихъ свѣдѣній къ уясненію и пониманію болѣзненныхъ процессовъ*. Новѣйшая клиника стремится лишь къ тому, что̀ удободостижимо и занимается лишь тѣмъ, что удобопередаваемо. Она желаетъ давать *каждому* врачу возможность пробираться помощью положительныхъ и извѣданныхъ способовъ, сквозь тотъ мракъ, которымъ покрыта всякая внутренняя болѣзнь; но въ то же время она даетъ возможность одаренному свыше развернуть художническій свой талантъ. Тѣмъ не менѣе она на художниковъ не разсчитываетъ, а сохраняетъ въ виду большинство, или, вѣрнѣе сказать, посредственность. Блаженъ врачъ, который съ основательнымъ научнымъ образованіемъ соединяетъ и истинное призваніе; онъ будетъ великъ, слава его распространится далеко, и многимъ страждущимъ онъ возвратитъ здоровье и радости жизни. Но, благодаря новѣйшей клиникѣ, и менѣе одаренный не обреченъ нынѣ на невѣжество и жалкую участь поденщика. Ему даютъ возможность, хотя медленнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ путемъ анализа, пробираться до желаемой цѣли; помощью точнаго и испытаннаго метода, который ему дается въ руки, его въ извѣстной мѣрѣ эманципируютъ отъ необходимаго обладанія отличительнымъ талантомъ, и даютъ ему случай дѣйствовать, хотя въ меньшемъ объемѣ, но не съ меньшею вѣрностью, чѣмъ это бываетъ съ истиннымъ дарованіемъ. Много такихъ болѣзней, и весьма серьезныхъ, которыя въ настоящее время съ одинаковою легкостью и вѣрностью будутъ узнаваемы самымъ знаменитымъ клиницистомъ, какъ и самымъ скромнымъ и безвѣстнымъ деревенскимъ врачемъ.

Представленная здѣсь характеристика новѣйшей клиники, въ отличіе отъ прежней, безспорно самая главная; но, надобно сознаться, лишь *съ самой общей* точки зрѣнія. Сто̀итъ только спуститься ступенькою ниже, и всмотрѣться въ дѣло нѣсколько пристальнѣе, какъ число этихъ отличительныхъ признаковъ, все еще весьма существенныхъ, быстро возрастаетъ. Такъ напр. мы находимъ въ новѣйшей клиникѣ совершенно иныя понятія о сущности

воспалительнаго и лихорадочнаго процессовъ, далѣе — стремленіе къ локализаціи болѣзней, о чемъ прежніе клиницисты *внутренней* медицины почти понятія не имѣли; локализація терапевтическихъ агентовъ, что́ для прежнихъ врачей тоже было неуловимо, и т. д. Но я оставляю эти вопросы нетронутыми, потому что считаю ихъ для своей цѣли не вполнѣ здѣсь необходимыми. Сверхъ того, близкое разсматриваніе этихъ вопросовъ неминуемо завлекло бы меня въ техническія подробности, которыя здѣсь, въ этомъ отчетѣ, наврядъ ли были бы на своемъ мѣстѣ.

Одинъ пунктъ, однакожъ, кажется мнѣ болѣе другихъ существеннымъ и заслуживающимъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько пространнѣе.

Нынѣшняя медицина главное свое назначеніе и, можно сказать, всю свою честь видитъ въ томъ, чтобы примкнуть, какъ можно тѣснѣе, къ точнымъ наукамъ. Выступать во всемъ съ мѣрою и вѣсами въ рукахъ, выражаться ясно и отчетливо, вообще же, усвоивать себѣ всѣ пріемы точной, естественной науки — вотъ что для нея составляетъ настоящій жизненный вопросъ. Не смотря однакожъ на свою новизну, на совершенно измѣненный свой характеръ, новѣйшая клиника все-таки не болѣе какъ произведеніе прошедшаго, какъ законный плодъ клиники предшествовавшей эпохи. Словомъ, у нея есть *традиція*, и даже весьма мощная и вліятельная. Традиція эта съ истиннымъ и достославнымъ соединяетъ, однакожъ, много неутѣшительнаго, по крайней мѣрѣ много такого, что́ ужъ никакъ не заслуживаетъ подражанія. Прежняя медицина, перешедшая черезъ двадцативѣковую эпоху мистицизма, діалектики, спекуляціи и безплоднаго гипотезотворства, пріучилась къ темному и сбивчивому слогу. Она преимущественно любила неясныя выраженія, двусмысленные термины, расплывчивыя обозначенія. Она часто и охотно употребляла слова: «вѣроятно», «почти», «отчасти», «болѣе или менѣе», «какъ кажется» etc. Короче сказать: слогъ ея былъ въ извѣстной степени дипломатическій — такъ, да не такъ; сказалъ да не сказалъ. Въ ней вѣчно встрѣчается что́-то недосказанное, что-то сдержанное, изъ вѣчнаго страха, чтобы все высказанное завтра-же не оказалось чистѣйшимъ самообольщеніемъ. Прежній врачъ, на всякій случай, всегда оставлялъ за собою то, что̀ французы называютъ «une échappatoire», такъ какъ онъ невольно чувствовалъ, что аргументація его опирается не на объективныхъ, строго доказанныхъ фактахъ, а на субъективныхъ воззрѣніяхъ. Но не однимъ

только народамъ, и наукѣ трудно отказаться отъ традицій. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, возможности сдѣлать «tabula rasa» съ громадною литературой, накопившеюся въ теченіе вѣковъ. Это значило бы, отказаться отъ руды, потому что въ ней нѣтъ, или очень мало *самороднаго* золота; отказаться отъ богатой жатвы потому только, что между сочными и питательными плодами попадается много бурьяна. Тѣмъ не менѣе клиника, въ качествѣ передоваго заведенія, служащаго образцомъ будущему поколѣнію врачей, должна во чтобы ни стало искоренить изъ среды себя этотъ завѣщанный ей ея предшественницей бурьянъ. Для этого ей данъ одинъ только способъ: поступать вездѣ, гдѣ только можно, съ полнѣйшею объективностью. Прежніе врачи и даже клиницисты говаривали: у больнаго «чуть замѣтный жаръ», или «легкій жаръ», или просто «жаръ», «порядочный жаръ», «сильный жаръ», «сильнѣйшій жаръ». Нынѣшній клиницистъ знаетъ, что изъ такихъ данныхъ нельзя вывести никакого вѣрнаго заключенія, что подобная оцѣнка не заслуживаетъ никакого довѣрія, такъ какъ она основана на субъективномъ чувствѣ врача, которое опять зависитъ отъ чувствительности его кожи, отъ ея температуры, даже отъ способа, какимъ осязаніе производилось. Нынѣ у больнаго погружаютъ термометръ подъ мышку, въ ротъ, въ ухо, или въ любое другое отверстіе тѣла, и прямо говорятъ, что у такого-то больнаго 38, или 39,6 или 40,4 градуса Цельзія, а что это означаетъ, о томъ всякій, до кого дѣло относится, съумѣетъ составить себѣ сужденіе. Прежній врачъ говаривалъ: «селезенка, *кажется*, увеличена». Но, находившійся возлѣ, товарищъ его нерѣдко, съ убійственною флегмой, возражалъ: «селезенка, *кажется, не увеличена*». Нынѣ клиницистъ беретъ въ руки плессиметръ и, помощью постукиванія, опредѣляетъ длину и ширину селезенки, и выражаетъ это въ извѣстныхъ единицахъ протяженія. Фактъ тогда не сомнѣненъ и дѣло съ концомъ. Точно-ли при этомъ увеличена селезенка и на сколько — объ этомъ всякій ужъ можетъ судить по своему; главное въ томъ, чтобъ фактъ самъ по себѣ, что такой-то органъ имѣетъ такую-то длину и ширину, былъ точно опредѣленъ. Конечно, бываетъ *иногда*, что и это постукиваніе напр. не ведетъ къ вѣрнымъ даннымъ, но такіе случаи исключительны, и клиницисту остается то утѣшеніе, что онъ заблуждался не изъ неряшества. Отношеніе между клиницистами старой и новой школъ остается все-таки слѣдующее: клиницистъ новой школы можетъ, дѣйствительно, *иной разъ ошибаться*, но въ большей части случаевъ

этого съ нимъ не бываетъ; клиницистъ же прежней школы могъ, дѣйствительно, *иной разъ отгадать* истину, большею частью однакожъ этого съ нимъ не случалось.

Это неусыпное стремленіе къ точности требуетъ со стороны современнаго клинициста и много свѣдѣній и много снаровки. Онъ долженъ себѣ усвоить основательныя свѣдѣнія въ употребленіи микроскопа; онъ долженъ быть въ состояніи сдѣлать, въ случаѣ нужды, химическій анализъ; онъ долженъ обладать искусствомъ аускультировать и перкутировать; онъ долженъ умѣть обходиться съ офтальмоскопомъ, ларингоскопомъ и всѣми другими инструментами, открывающими нашему зрѣнію доступъ въ сокровенныя части человѣческаго организма; онъ долженъ наконецъ пріучиться не дѣлать и шагу безъ мѣрки, безъ вѣсовъ, безъ термометра. Все это не такъ легко, какъ кажется на первый видъ; но современная медицина вправѣ этого требовать отъ человѣка, занимающаго въ отношеніи къ ней передовое положеніе, и долженствующаго служить образцомъ цѣлымъ поколѣніямъ молодыхъ врачей.

Послѣдствія, вытекающія изъ этого стремленія къ точности, чрезвычайно важны и разнообразны. Отъ этого выигрываетъ наука, приходящая такимъ образомъ въ обладаніе вѣрнымъ и положительнымъ матеріяломъ. Но еще болѣе отъ этого выигрываютъ молодые медики. Они, вслѣдствіе этого, пріучаются обращать на все вниманіе и ничего не упускать изъ виду; словомъ, они научаются *наблюдать*, а это—моментъ первостепенной важности, преимущественно для врача. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они научаются наблюдать *вѣрно и отчетливо*, выражать свои наблюденія въ числахъ объема, вѣса или протяженія. Далѣе же, они пріучаются къ *объективности*, и отстраняются отъ всякихъ чисто субъективныхъ, большею частью невѣрныхъ предположеній. Эта объективность должна въ одинаковой мѣрѣ быть свойственна наставнику, какъ и ученику. Что у больнаго напр. объемъ сердца вдвое больше противъ нормальнаго—должно быть столь же ясно студенту какъ и профессору. Профессоръ не имѣетъ никакого права требовать къ себѣ довѣрія. «Jurare in verba magistri» не принято въ современной клиникѣ. Профессоръ обязанъ устранять сомнѣнія своего студента на счетъ фактичности существующихъ измѣненій; доказать ему до очевидности, что дѣло такъ, какъ онъ, профессоръ, говоритъ, что такое-то отклоненіе отъ нормы въ данномъ случаѣ дѣйствительно существуетъ. Но если наставникъ не въ состояніи объективно доказать своего

утвержденія, онъ долженъ не только допускать, но даже самъ вызывать сомнѣніе, и никакъ не возставать противъ него, какъ бы онъ *лично* ни былъ убѣжденъ въ справедливости своего предположенія. Несомнѣнность существующаго отклоненія отъ нормы, должна быть одинакова для всѣхъ. Только въ *оцѣнкѣ* этихъ измѣненій, въ *объясненіи* взаимной ихъ связи, ихъ значенія, ихъ вліянія на исходъ и леченіе болѣзни, авторитетъ наставника остается неоспоримымъ.

Объективность и строгая точность метода важна еще въ другомъ отношеніи. Знакомясь съ труднымъ и копотливымъ путемъ клиническаго изслѣдованія болѣзней, съ чрезмѣрными усиліями, которыми пріобрѣтаются хорошія и положительныя наблюденія, врачебные адепты научаются цѣнить и уважать *фактъ*, ибо все, что̀ намъ сто̀итъ много труда, что добывается въ потѣ лица, становится намъ дорого и мы не легко отъ этого отступаемся. Одинъ, съ трудомъ добытый, подобный фактъ пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ самая остроумная и затѣйливая гипотеза, основанная только на предположеніяхъ. Подъ руководствомъ точнаго метода, молодые врачи предохраняются впослѣдствіи отъ гибельнаго вліянія различныхъ медицинскихъ шарлатановъ, громогласно восхваляющихъ придуманные ими системы, или методы леченія. Человѣкъ, опирающійся на положительныхъ фактахъ, не скоро увлечется мишурой новой системы, новой теоріи, и отречется отъ своего обладанія только тогда, когда ему докажутъ, что факты его основаны на невѣрномъ наблюденіи; но и тогда еще ему остается изслѣдовать, лучшую ли имѣетъ основу то, что̀ ему предлагается въ замѣнъ. Словомъ, медикъ новой школы не безъ критики; а гдѣ только участвуетъ критика, тамъ увлеченіе не легко.

Вотъ *въ самыхъ главныхъ чертахъ* отличительныя свойства новѣйшей медицинской клиники. Что они не единственныя, что ихъ гораздо болѣе, упомянуто мною уже выше; но упомянуто также, что для преслѣдуемой мною цѣли не было надобности исчислять ихъ всѣ. Нынѣшнимъ очеркомъ я желалъ только пріобрѣсти масштабъ, который бы впослѣдствіи можно было употреблять при оцѣнкѣ отечественной клиники. Удалось ли мнѣ это, или нѣтъ — судить не мнѣ; несомнѣнно только то, что для измѣренія неизвѣстной еще величины, нужна прежде всего какая нибудь точно-опредѣленная единица.

Слѣдующій очеркъ, который я буду имѣть честь представить, отнесется исключительно къ русской клиникѣ.

Дрезденъ, $\frac{\text{23 августа}}{\text{4 сентября}}$ 1863 года.

81) Кандидата Гарничъ-Гарницкаго.

Прошлый семестръ я провелъ въ Гейдельбергѣ, работая въ лабораторіи проф. Эрленмейера и посѣщая его же лекціи химіи (курсъ общей химіи и теоретической). Работы мои исключительно заключались въ изслѣдованіяхъ іодистыхъ и бромистыхъ производныхъ отъ ацетона, хотя въ то же время, по мѣрѣ возможности, я работалъ и надъ бензойнымъ альдегидомъ въ томъ же направленіи, какъ и прежнія мои работы надъ уксуснымъ альдегидомъ.

Относительно изслѣдованій моихъ надъ ацетономъ, я долженъ сказать, что хотя они далеко еще не окончены, но мнѣ уже удалось достигнуть нѣкоторыхъ интересныхъ результатовъ, которые и помѣщены, въ видѣ извлеченія, въ журналѣ, издаваемомъ профессоромъ Эрленмейеромъ.

Дальнѣйшія мои изслѣдованія надъ вышеупомянутыми тѣлами я намѣренъ продолжать въ лабораторіи Вюрца, въ Парижѣ.

Гейдельбергъ, 2-го сентября 1863 года.

82) Кандидата Фортунатова.

Продолжительная болѣзнь въ концѣ весны нынѣшняго года задержала меня въ Крайнѣ долѣе, чѣмъ я думалъ, и побудила меня, по совѣту докторовъ, оставить на лѣтніе мѣсяцы юго-славянъ и перебраться до осени въ Чехію. Здѣсь здоровье мое окончательно поправилось и я получилъ возможность продолжать прерванныя занятія. Считаю нужнымъ теперь припомнить вкратцѣ общія впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ путешествіемъ между краинскими словенцами.

Если исключить славянъ, подвластныхъ Пруссіи, то въ національномъ отношеніи участь словенцевъ грустнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ вѣтвей славянскаго народа. Доказательства тому видны повсюду: въ языкѣ, въ литературѣ, въ соціяльномъ положеніи, въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и пр. Напримѣръ, нынѣшней зимой были засѣданія земскихъ сеймовъ краинскаго, хорутанскаго и штирійскаго. Въ Крайнѣ, гдѣ словенцевъ 453,000, а нѣмцевъ только 25,000, на сеймѣ было менѣе половины депутатовъ, стоявшихъ за права словенской народности. Потому, естественно, всѣ предложенія, били въ пользу этихъ правъ падали, хотя бы потребность ихъ была ясна, какъ день. Главными пропагандистами германизаціи были даровитые ораторы графъ Антонъ Ауерспергъ и Дежманъ. Первый, извѣ-

стный въ нѣмецкой литературѣ подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна, издалъ когда-то нѣсколько пѣсенъ словенскихъ въ нѣмецкомъ переводѣ; причемъ въ предисловіи высказалъ теплую любовь къ своимъ славянскимъ землякамъ. Да и недавно еще въ альбомѣ, изданномъ въ 1859 г. на память словенскаго патріота В. Водника, А. Грюнъ помѣстилъ стихотвореніе: Nachruf an Presérn, гдѣ стоитъ, по видимому, за равноправность славянъ и нѣмцевъ. Не то было на сеймѣ. Здѣсь графъ проповѣдывалъ, что словенскій языкъ принадлежитъ къ анти-австрійскимъ функціямъ сепаратистовъ, что краинцы не должны противиться благодѣяніямъ германизаціи и т. п. Другой оппонентъ словенцевъ Дежманъ—самъ по происхожденію словенецъ, какъ и большая часть краинскихъ германизаторовъ. Дарованія Дежмана и основательное знакомство его съ исторіей, языкомъ и нынѣшнимъ состояніемъ Словеніи, дѣлаютъ очень чувствительной потерю его для славянскаго лагеря. Еще года 3 тому назадъ онъ былъ ревностнымъ поборникомъ національности. Но Крайна все-же хоть морально не такъ унижена на сеймѣ, какъ словенцы Штиріи и Хорутаніи. Все-же количество депутатовъ патріотовъ въ Люблянѣ составляетъ почти половину цѣлаго сейма. Въ Хорутаніи, правда, большинство населенія — нѣмцы, до 188,000, но и славянъ не мало — 113,000, а на сеймѣ стоялъ за словенскіе интересы только одинъ депутатъ! Въ Штиріи и того хуже. Тамъ между представителями 370,000 словенцевъ не нашлось ни одного, кто бы выступилъ на сеймѣ противъ притѣсненій славянской доли штирійскаго народонаселенія. Только одинъ нѣмецкій депутатъ, по фамиліи Германъ, горько порицалъ своихъ соплеменниковъ за ихъ постыдную политику въ отношеніи къ славянамъ. Конечно, практическихъ результатовъ изъ того не вышло никакихъ. Не много лучше велось славянамъ и на сеймѣ въ Горицѣ, главномъ городѣ австрійскаго приморья. Тамъ нѣмцы слабы, да итальянцы — не меньшіе противники славянства. Что-то будетъ черезъ 3 года, когда настанутъ новые выборы на сеймы? Словенцы имѣютъ на сельскихъ выборахъ не малое вліяніе, благодаря духовенству, почти исключительно національному. Число горожанъ, даже чиновниковъ, покидающихъ лагерь централистовъ и нѣмцевъ, постоянно увеличивается. Тѣмъ не менѣе, надежды словенцевъ на большіе успѣхи въ будущемъ не могутъ назваться особенно блестящими. Въ массѣ городскаго населенія все еще господствуетъ презрѣніе къ своей національности, а крестьяне или равнодушны въ этомъ отношеніи или тоже видятъ въ нѣмец-

кой культурѣ, а главное въ нѣмецкомъ языкѣ, единственное спасеніе. Понятія о національности въ низшемъ и среднемъ классахъ народа самыя смутныя. До сихъ поръ еще краинскій крестьянинъ, ремесленникъ, чиновникъ чувствуетъ себя только краинцемъ, а отнюдь не словенцемъ, тѣмъ менѣе славяниномъ. Штирскій словенецъ для него такъ-же мало родственъ, какъ и хорватъ. Даже краинцевъ, живущихъ въ селеніяхъ пограничныхъ съ Хорватіей, считаютъ и называютъ въ Крайнѣ хорватами. А на дѣлѣ-то и тѣ хорваты, что̀ живутъ около Карловца, Загреба, Вараждина по рѣчи принадлежатъ скорѣе къ краинцамъ, чѣмъ къ хорватамъ, за исключеніемъ интеллигенціи. Чиновники и другіе, порядочно образованные краинцы, говорятъ по-нѣмецки легче и потому чаще, чѣмъ по словенски. И въ національной партіи я не встрѣтилъ 10 людей, которые-бы говорили по словенски, безъ страшныхъ германизмовъ въ словахъ и синтаксисѣ. Ремесленники, мелкіе торговцы, прислуга, зажиточные крестьяне говорятъ по нѣмецки хоть и не отлично, но охотнѣе, чѣмъ на родномъ языкѣ, а пишутъ и читаютъ почти исключительно по-нѣмецки. Порча языка менѣе сильна въ дальней Крайнѣ, но только въ деревняхъ. Сами-же доленцы даже отдаютъ преимущество горенскому говору. Почему? Въ словахъ и синтаксисѣ потому, что горенская рѣчь болѣе вырядилась украшеніями языка культуры, нѣмецкаго. Въ формахъ потому, что искаженныя, усѣченныя формы горенцевъ произносятся быстрѣе, а въ звукахъ потому, что горожане, главное люблянцы, не соблюдаютъ тонкостей доленскаго вокализма.

Что можетъ пробудить національную гордость въ словенцахъ? Численность ихъ незначительна. Національныхъ воспоминаній нѣтъ, такъ какъ исторія ихъ неразрывна съ исторіей священной римской имперіи. Единственная точка соприкосновенія съ исторіей другихъ славянъ — борьба съ турками — тоже народнаго значенія не имѣетъ: героями борьбы являлись словенскіе феодалы — нѣмцы по убѣжденію и по крови, напр. фамилія Ауэрсперговъ. Край словенскій бѣденъ, недостаточенъ для прокормленія густаго народонаселенія, а подати, особливо въ Крайнѣ, истинно непомѣрныя: словенецъ принужденъ заработывать кусокъ хлѣба въ иныхъ странахъ. И вотъ съ дѣтства твердятъ ему: съ краинскимъ языкомъ далеко не уйдешь. О чешскомъ движеніи онъ не имѣетъ понятія. Довольно чеховъ разсѣяно въ Крайнѣ, да это чиновники, такіе-же противники славянства, какъ и нѣмцы. И, вообще, чехи не пользуются симпатіей

другихъ австрійскихъ народовъ. Отъ сербовъ словенцы отдѣлены хорватами, а хорватъ слишкомъ исключителенъ въ національномъ отношеніи: словенца онъ презираетъ. Россія далеко. Свѣдѣнія объ ней въ словенскомъ народѣ ограничиваются преданіями о наполеоновскомъ походѣ, когда краинцы гибли отъ русскихъ морозовъ, казаковъ и крестьянъ. Слѣдовательно, воспоминанія не утѣшительныя. Новѣйшія старанія образованныхъ словенцевъ о поддержаніи словенской народности кажутся простому народу странными, чуть-ли не смѣшными затѣями господъ, которымъ дѣлать нечего. Моего вниманія ко всему, что̀ относится къ словенской народности, крестьяне краинскіе не только не могли взять въ толкъ, но и подозрѣвали во мнѣ шпіона! Большинство чиновниковъ тоже держалось такого мнѣнія. Вся надежда теперь на молодежь. Наставники Люблянской гимназіи, кромѣ двухъ, насквозь проникнуты идеей нѣмецкой культуры, но старанія ихъ производятъ уже скорѣе противоположное дѣйствіе. Въ Новомъ Мѣстѣ (Neustadt, въ дольней Крайнѣ) учителя гимназіи всѣ монахи-францисканцы. Года 3 тому назадъ и эта гимназія была вполнѣ нѣмецкая, но теперь монахи стали поддерживать словенскій элементъ, отчасти въ видахъ католицизма. Однако старанія духовенства и небольшаго числа словенскихъ литераторовъ какъ-то не смѣлы, половичны. Они сами еще такъ недавно очнулись, не успѣли еще привыкнуть къ своей роли, да и, кажется, не совсѣмъ ее понимаютъ. Пишутъ они для народа, да пропаганда ихъ слишкомъ абстрактна. Все еще мало обращаютъ словенцы вниманія на пѣсни, пословицы и преданія народныя, а сельскій людъ и безъ того уже слишкомъ равнодушенъ къ этому крѣпкому оплоту противъ нѣмецкой культуры. Довольно вспомнить маленькій народецъ сербо-лужичанъ, чтобы понять тѣсную связь народнаго самосознанія съ неискусственной поэзіей. Далѣе слѣдовало бы словенцамъ поменьше писать ученыхъ изслѣдованій о римскихъ надписяхъ и т. п., а побольше учебныхъ руководствъ. Это-бы и теперь было благодѣтельно въ домашнемъ воспитаніи, а тѣмъ болѣе въ будущемъ. Дождутся-же когда нибудь словенцы того, что и въ ихъ гимназіяхъ языкомъ преподаванія будетъ родной языкъ.

Прага, 29/17 августа 1863.

83) Кандидата Николая Михайлова.

Уже давно приходится мнѣ наблюдать и изучать за границею ту сторону народной дѣятельности и народнаго выраженія, кото-

рая у насъ, русскихъ, далеко не такъ развита, какъ здѣсь, которая, впрочемъ, и здѣсь не можетъ похвалиться полнымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ. Я разумѣю художественную дѣятельность, народное выраженіе въ искусствѣ и науку объ искусствѣ.

Здѣсь художественная дѣятельность уже замѣтна и наука объ искусствѣ давнѣе, чѣмъ у насъ. Здѣсь уже богатая научная литература объ искусствѣ, здѣсь въ университетахъ уже существуютъ каѳедры по исторіи и теоріи искусства. Здѣсь въ области художественной дѣятельности явленія такъ разнообразны, что вопросъ объ искусствѣ уже ставится и съ педагогической, и съ юридической и съ экономической точекъ зрѣнія и т. д. Здѣсь отличные музеи въ главныхъ городахъ; каждый порядочный городокъ имѣетъ или старается завести свой музей; здѣсь общества любителей искусствъ, правильно организованныя, во взаимныхъ сношеніяхъ между собою, съ постоянною опредѣленною дѣятельностью, съ капиталами; здѣсь постоянныя и временныя выставки художественныхъ произведеній; здѣсь нѣсколько періодическихъ изданій посвящены искусству вообще или спеціально христіанскому искусству съ католической или евангелической точки зрѣнія; здѣсь произведенія искусствъ составляютъ особый предметъ торговли, предметъ спекуляцій, шарлатанствъ. Если мы сообразимъ всѣ явленія, вызванныя замѣтно развивающеюся здѣсь художественною дѣятельностью, то увидимъ, что вопросъ объ искусствѣ поставленъ уже прочно, разроѳся широко, что художественная дѣятельность со всѣми побочными явленіями, такъ сказать, охватила жизнь. Далеко не таковы эти явленія у насъ.

Однакоже и здѣсь, какъ художникъ, создающій произведенія искусствъ, такъ и ученый, осмысливающій разныя явленія художественной дѣятельности, и диллетантъ, просто наблюдающій за разными явленіями той же сферы, согласятся, что художественная дѣятельность идетъ еще далеко не такъ, какъ бы желательно было. Художникъ, напр., жалуется сильно на то, что нѣтъ сбыта его произведеніямъ, ученый также можетъ указать на множество затрудненій, которыя онъ встрѣчаетъ при занятіяхъ, диллетантъ поражается самыми несовмѣстными явленіями въ области художественной дѣятельности и объясняетъ ихъ ея неполнымъ развитіемъ.

Причины малаго развитія художественной дѣятельности у насъ и неполнаго развитія ея на западѣ одинаковы, насколько зависятъ онѣ отъ самаго искусства, свойствъ, средствъ и исторіи его.

Поэзія, напр., въ каждомъ народѣ популярнѣе, нежели другія

отрасли искусства. Причина простая: матеріалъ поэзіи—слово; въ народѣ и по міру распространяется она живымъ и летучимъ словомъ. Слово стало рано записываться и переписываться. Этимъ путемъ многое сохранилось отъ погибели; этимъ путемъ, все что̀ должно быть обнародовано, легко обнародовалось. Уже при медленности переписыванія, при рѣдкости и дороговизнѣ писчаго матеріала, возможны были библіотеки. Введеніе книгопечатанія, постепенное усовершенствованіе его, примѣненіе машинъ и пара къ печатанію, оказали великія услуги поэзіи. Теперь каждое поэтическое произведеніе, посредствомъ печатанія, сохраняется отъ погибели, увѣковѣчивается возможностью перепечатки, само идетъ въ міръ въ потребномъ числѣ экземпляровъ, дѣлается доступнымъ для всякаго грамотнаго и даже неграмотнаго. Цѣны ни книги уже сравнительно не высоки и могутъ понизиться еще болѣе. Произведеніе поэзіи, напечатанное въ формѣ листовъ или книги, удобоподвижно; при современномъ устройствѣ путей сообщенія оно быстро идетъ въ публику. Не будучи дороги, не требуя большаго помѣщенія, книги могутъ значительно скопляться въ частныхъ рукахъ, могутъ разростаться въ библіотеки частныя и общественныя, могутъ ссужаться однимъ лицомъ другому. Въ настоящее время каждый народъ, обладающій литературою, хранитъ въ своихъ библіотекахъ всѣ произведенія своей поэтической дѣятельности; можетъ пріобрѣсти и произведенія иностранныхъ литературъ. Важно и то, что поэтъ не нуждается ни въ какомъ цѣнномъ матеріалѣ для своихъ произведеній; слово у него не куплено, выработано цѣлымъ народомъ; расходы небольшіе идутъ только на писчій матеріалъ, да еще, пожалуй, на переписываніе. Еще важнѣе то, что съ печатаніемъ поэтическаго произведенія во многихъ экземплярахъ, цѣнность его, или плата автору, падаетъ не на одно лицо, а на читающую публику. Есть уже и посредники между авторомъ и публикою въ денежной части — издатели.

Итакъ, у поэзіи всегда были средства къ обнародованію ея произведеній; эти средства весьма удовлетворительны въ настоящее время. Этимъ обусловливается и раннее образованіе, и большее развитіе, и большая популярность поэзіи; поэтому, естественно раньше должна была образоваться, скорѣе и значительнѣе развиться и наука о поэзіи.

Такихъ средствъ, такихъ выгодъ, какими обладаетъ поэзія, никогда не имѣла и не имѣетъ никакая другая отрасль искусства; но

и онѣ постоянно стремились и стремятся выработать себѣ такія же средства, или замѣнить ихъ чѣмъ нибудь.

Живопись, такъ же какъ и поэзія, имѣетъ задачею указать, по возможности всѣмъ, на избранный ею предметъ и для этого обнародовать и увѣковѣчить его; только тогда произведеніе живописи и можетъ назваться живымъ и дѣйствительнымъ. Но средствъ для этого у живописи и не было и нѣтъ. Произведенія живописи не обезпечены отъ погибели, имъ нѣтъ такого доступа въ публику, какой имѣютъ произведенія поэзіи. Немного сохранилось для насъ памятниковъ древней живописи; и это немногое сохранилось случайно, какъ исключеніе. Мало имѣемъ и словесныхъ извѣстій о древней живописи, потому что живопись должна и сохраняться и распространяться въ живописи же, а не въ словѣ. Многія произведенія средневѣковой живописи находятся въ жалкомъ состояніи, разрушаются съ стѣнами зданій, уничтожаются вмѣстѣ съ хрупкимъ стекломъ, тлѣннымъ полотномъ, невѣковѣчнымъ деревомъ, носящими на себѣ живописныя изображенія. Самыя краски подвергаются вредному вліянію атмосферы, тускнутъ, линяютъ. Все какъ бы обрѣчено на неизбѣжную погибель. Какъ для этихъ гибнущихъ произведеній живописи, такъ и для вновь создающихся, нѣтъ средствъ къ распространенію въ публикѣ. Произведеніе живописи въ большей части случаевъ осуждено существовать въ одномъ экземплярѣ. Лучшія произведенія живописи едвали распространены въ публикѣ на столько, на сколько распространены въ ней, напр., посредственныя литературныя произведенія. Сикстинская мадонна, можно сказать, принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ произведеній живописи: она безпрерывно копируется въ дрезденской галереѣ, она распространена въ гравюрахъ, въ значительномъ множествѣ фотографій; съ озображеніемъ ея можно найти медальонъ, закладку въ книгу, крышку на кружку, узоръ для вышиванія по канвѣ и т. д. и т. д. Это единственный примѣръ такого копированія произведенія живописи; но было бы не жаль, если бы многихъ изъ этихъ копій не существовало. Въ средствахъ копированія живописныхъ произведеній всегда былъ недостатокъ. Копіи, подобныя оригиналамъ, т. е. живописныя и тѣхъ же размѣровъ, не всегда возможны, потому что онѣ почти такъ же цѣнны, какъ оригиналы: приготовленіе ихъ медленно; даже приготовленіе живописныхъ копій въ меньшихъ размѣрахъ и медленно и цѣнно. Гравированіе, явившееся какъ самостоятельная отрасль художественной

дѣятельности, было потомъ примѣнено къ копированію и распространенію въ публикѣ произведеній живописи. Усовершенствованіе гравированія отняло много времени. Въ настоящее время, когда оно уже достигло значительной степени совершенства, когда гравюры могутъ давать понятіе объ оригиналѣ, все-таки пользованіе гравюрами не возможно, потому что онѣ слишкомъ дороги, и копированіе этимъ путемъ неудобно по причинѣ медленности. То же можно сказать о печатаніи красками, о фото-литографіяхъ. Одинъ изъ удобнѣйшихъ способовъ копированія въ настоящее время есть фотографія; фотографіи могутъ давать копіи тотчасъ, могутъ давать ихъ въ потребномъ количествѣ, сравнительно дешевле гравюръ, хотя все-таки дорого, и нисколько не хуже лучшихъ гравюръ. Всего же болѣе должна сдѣлать для копированія неудающаяся до сихъ поръ цвѣтная фотографія. Отсутствіе средствъ къ быстрому, дешевому (машинному, неиначе) и удовлетворительному способу копированія, дѣлающее произведенія живописи достояніемъ немногихъ, вредитъ успѣхамъ живописи.

Произведеніе живописи, за недостаткомъ средствъ копированія, остается въ одномъ экземплярѣ. Художникъ затратилъ для него на краски извѣстный капиталъ и трудъ. Капиталъ долженъ быть возвращенъ, трудъ вознагражденъ. Но чѣмъ цѣннѣе вознагражденіе, тѣмъ труднѣе найти для него покупателя, потому что цѣнность его должна быть уплачена однимъ лицомъ, и не разлагается на публику, какъ при оплатѣ произведеній поэзіи. Отсюда жалобы художниковъ на то, что не раскупаются ихъ работы, какъ бы за недостаткомъ симпатіи къ живописи и пониманія въ ней. Если одинокое произведеніе живописи пріобрѣтается частнымъ лицомъ, то оно теряется для публики, становясь доступнымъ для немногихъ, потому что картины не вращаются въ публикѣ такъ, какъ книги. Большое скопленіе картинъ въ однихъ частныхъ рукахъ не возможно, потому что оно было бы цѣнно; обыкновенно это скопленіе даже у изрядныхъ любителей оканчивается тогда, когда стѣны жилища уже достаточно увѣшаны картинами. Такихъ частныхъ собраній произведеній живописи нельзя сравнивать съ домашними библіотеками. Такія частныя собранія недостаточны для того, чтобъ постоянно напоминать о томъ, что́ такое живопись, какъ искусство, какое значеніе можетъ имѣть она, какой матеріалъ хранится въ ея созданіяхъ. Человѣкъ, начавшій чтеніе съ домашней, хорошо составленной, библіотеки, увлечется раньше въ пользу какихъ-либо студій,

пойдетъ дальше и легче въ этихъ студіяхъ. Съ другой стороны, и весь народъ не соберетъ всѣхъ произведеній своихъ художниковъ въ галерею, соотвѣтствующую публичнымъ библіотекамъ; онѣ будутъ распространяться и по частнымъ рукамъ и по чужимъ націямъ.

Сначала живопись могла развиваться только какъ религіозная живопись; здѣсь она служила общему интересу. Произведенія религіозной живописи, украшавшія храмы, были доступны для всѣхъ, служили всѣмъ и были оплачиваемы художникамъ не отдѣльными лицами, а общими силами. Тоже нужно сказать объ украшеніи всякихъ общественныхъ зданій. Кромѣ этого, развивалась живопись на счетъ богатыхъ сословій, богатыхъ отдѣльныхъ лицъ, на счетъ владѣтельныхъ лицъ и т. п. При этомъ она была только ихъ достояніемъ, ихъ и выраженіемъ. Нынѣ стремятся дать живописи возможно-полное всестороннее развитіе, сдѣлать ее достояніемъ всѣхъ имущихъ и неимущихъ, устроить ея развитіе на общія средства, привлечь всѣ силы къ участію въ этомъ развитіи. Вслѣдствіе этого стремленія, существуютъ всѣмъ доступные музеи, существуютъ особенныя общества, заботящіяся объ искусствѣ. Музеями, постоянными и временными выставками, передвиженіемъ цѣлыхъ выставокъ изъ одного города въ другой, конечно, помогаютъ дѣлу, замѣняя этимъ путемъ копированіе, усиливая обнародованіе произведеній живописи. Много помогаютъ дѣлу, оплачивая трудъ художника общими силами. Но всѣ эти вспомогательныя средства оказываются недостаточными; это средства предварительныя, временныя. Не всѣ имѣютъ возможность посѣщать музеи и выставки; притомъ нѣсколько часовъ, посвященныхъ осмотру большаго музея или большой выставки, не принесутъ большихъ плодовъ. А нѣсколько такихъ часовъ могутъ случиться разъ въ годъ или въ нѣсколько лѣтъ, или даже разъ въ жизнь. Правильнѣе заниматься въ музеѣ ученому и художнику, хотя и здѣсь не безъ большихъ неудобствъ.

Неизвѣстно, будетъ-ли это и къ тому-ли идетъ дѣло, но было бы несравненно лучше, если бы обнародованіе произведеній живописи могло устроиться такъ, какъ идетъ обнародованіе литературныхъ произведеній. Каждое новое произведеніе живописи, по какимъ либо причинамъ стоющее обнародованія, должно быть обнародовано тотчасъ по выходѣ его изъ рукъ художника, обнародовано первымъ легкимъ и удовлетворительнымъ путемъ, въ фотографіи или гравюрѣ. Теперь же новое произведеніе или становится неподвижно, ожидая къ себѣ посѣтителей отовсюду, или нѣсколько разъ перемѣ-

нитъ мѣсто, также привлекая зрителей къ себѣ. Путемъ копированія, конечно, произведеніе живописи могло бы распространиться и скорѣе, и дальше, и было бы извѣстно большему числу лицъ. При этомъ плата художнику за трудъ не пала бы на одно лицо, а была бы легко выплачена получившими кôпіи. Если для самаго художника изданіе копій не возможно, то могли бы браться за это музеи и общества любителей искусства, пріобрѣтая оригиналы для себя и сохраняя ихъ. Интересъ къ искусству и изученію его былъ бы возбужденъ значительно, если бы произведенія художниковъ издавались вполнѣ въ альбомахъ, а не въ произвольномъ выборѣ. Высокій интересъ могли бы имѣть альбомы съ произведеніями одинаковыми по содержанію, выражающими собою извѣстную сторону жизни, извѣстную мысль и т. п. Но такіе альбомы сравнительно должны быть также полны и дешевы какъ литературныя произведенія. Подобныя явленія существуютъ уже и теперь, но они произвольны и одиноки. Въ торговлѣ, напр. много распространено фотографій съ замѣчательныхъ произведеній живописи; въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ, въ Дрезденѣ, въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ найдутся люди, которые какъ будто уже спеціально посвятили труды свои фотографированію этихъ произведеній. Но такихъ людей еще мало, фотографическихъ копій приготовлено также немного, изъ нихъ не удается составить полнаго альбома ни для одного художника, и то, что́ удастся составить, будетъ стоить необыкновенно дорого или будетъ плохо. Съ каульбаховскихъ произведеній существуютъ, напр., великолѣпныя фотографіи; но цѣны назначены баснословныя, какъ будто для того, чтобы какъ можно менѣе покупали ихъ. Есть альбомы съ заглавіями «Вѣнская галерея»; «Берлинская галерея», «Дрезденская галерея» и т. п. и въ каждомъ изъ этихъ дорогихъ альбомовъ заключается по 10 фотографій, долженствующихъ представлять собою всю галерею. Найдется «Madonnenalbum» и въ немъ опять таки 10 фотографій, произвольно явившихся вмѣстѣ. Такой еще произволъ существуетъ въ этомъ отношеніи. Но утѣшительно уже и то, что изъ существующаго запаса фотографическихъ копій, хотя бы и разныхъ форматовъ, разнаго изданія, разнаго достоинства, хотя бы и съ большимъ трудомъ, съ большими издержками, но можно составлять альбомы для нѣкоторыхъ художниковъ, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей. Такіе альбомы уже появляются и въ продажѣ. Если это дѣло не остановится, то можно сказать, что когда нибудь мы будемъ имѣть цѣльные альбомы многихъ худож-

никовъ, что дѣло идетъ къ изданію художниковъ. Насколько можно мечтать объ этомъ изданіи, насколько это изданіе можно сравнивать съ изданіемъ литературныхъ произведеній, вопросъ о живописи и исторіи ея представляется такъ: неизданное въ достаточномъ числѣ копій произведеніе живописи соотвѣтствуетъ литературному произведенію, остающемуся въ рукописи; занятіе исторіею живописи, разработка даннаго ею матеріала, слѣдовательно, представляетъ трудности и невыгоды занятій и обслѣдованія какого нибудь вопроса по неизданному матеріалу. При совершенно произвольной разбросанности матеріала, занятія исторіею живописи, соединенныя съ неудобствами путешествій, перемѣною мѣстопребыванія, съ тратою времени и денегъ, могутъ достаться на долю немногимъ и не могутъ идти такъ быстро и успѣшно, какъ занятія совершающіяся на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ причина и сравнительно поздняго образованія науки объ искусствѣ и сравнительно малаго развитія ея. До сихъ поръ отъ ученыхъ трудовъ по искусству требуютъ и ожидаютъ болѣе, нежели можно дать; ученые также часто обѣщаютъ болѣе, нежели даютъ, нежели могутъ дать. До сихъ поръ еще приходится считать произведенія живописи, приходиться разсказывать, что такое-то произведеніе хранится въ такомъ-то городѣ, въ такомъ-то собраніи, въ такомъ состояніи, за такимъ номеромъ и проч. Приходится часто знакомить заочно съ произведеніемъ искусства, описывать его, не имѣя возможности показать. Съ изданіемъ художниковъ, произведенія ихъ вообще будутъ извѣстнѣе въ публикѣ, публику не нужно будетъ знакомить съ ними и съ мѣстами ихъ нахожденія.

Если въ настоящихъ попыткахъ копированія нужно видѣть начало изданія художниковъ, то изданіе это не легко и рѣшеніе этой задачи не близко, потому что матеріала для изданія много. Фотографіямъ тогда предстоитъ развиться въ своего рода учрежденія, соотвѣтствующія типографіямъ; тогда должны будутъ образоваться своего рода хранилища, соотвѣтствующія библіотекамъ, или кабинетамъ съ гравюрами. Можно сообразить, какую это предполагаетъ дѣятельность, какая масса картинъ войдетъ такимъ путемъ въ жизнь. Можно спросить, какую пользу принесетъ такое множество картинъ, не будетъ ли это излишнимъ? Кажется, что тогда только живопись и будетъ въ состояніи исполнять свою задачу. Теперь стѣны жилищъ низшихъ, несостоятельныхъ классовъ въ обиліи украшаютъ грубыя, безсмысленныя картины, въ обиліи приготов-

ляемыя извѣстнаго рода художниками. Эти картины должны и могутъ быть вытѣснены копіями съ лучшихъ, уже готовыхъ картинъ. Къ дѣтскимъ книгамъ стряпаются также аляповатыя пустыя картиночки. Для дѣтей мало-мальски разумѣющихъ, могущихъ дрянной рисунокъ сразу отличить отъ хорошаго, какъ для учебныхъ книгъ, такъ и для книгъ для чтенія, можно выбирать отличныя картины уже изъ готоваго матеріала, даннаго живописью. Вообще, къ учебникамъ, къ описаніямъ путешествій, къ географическимъ, этнографическимъ, историческимъ и другимъ сочиненіямъ, украшаемымъ вновь дѣлаемыми посредственными политипажами, нашлось бы для копированія много готовыхъ картинъ хорошихъ художниковъ. Этого, къ сожалѣнію, не дѣлается. Если копіи съ хорошихъ картинъ желательно имѣть въ сейчасъ указанныхъ случаяхъ, если тамъ отсутствіе ихъ еще можетъ быть чѣмъ нибудь извинено, то уже вовсе неизвинительно отсутствіе ихъ въ брошюрахъ и сочиненіяхъ по исторіи искусствъ, являющихся съ посредственными политипажами. Хорошая гравюра или фотографія въ такихъ сочиненіяхъ еще рѣдкость, объявляется уже на обертномъ листкѣ, возвышаетъ цѣну книги.

Таковы еще судьбы живописи. Судьбы пластики, во многомъ сходныя съ судьбами живописи, еще печальнѣе. Слышно сожалѣніе о паденіи пластики; разными путями стараются отклонить это паденіе; различнымъ образомъ объясняютъ его; обвиняютъ даже новое время въ неспособности къ пластической дѣятельности и проч. Дѣйствительно ли пала пластика, или это паденіе только кажущееся, сказать трудно; факты и соображенія говорятъ и за и противъ; факты же и соображенія говорятъ, что пластическая дѣятельность и теперь идетъ такъ, какъ можетъ идти. Пластика развилась особенно въ Греціи, между прочимъ, и потому, что тамъ находится самый лучшій и удобный для пластическихъ работъ матеріалъ. Гдѣ нѣтъ этого матеріала, гдѣ трудно получить его, тамъ произведенія пластики уже не будутъ такъ чисты, тамъ этотъ удобный матеріалъ долженъ замѣниться другимъ, менѣе годнымъ, будетъ ли это дерево, камень или металлъ. Уже эта замѣна лучшаго матеріала худшимъ въ общемъ должна понизить уровень пластической дѣятельности, хотя отдѣльныя явленія также могутъ быть блестящи. Произведеніе пластики также оплачивается художнику однимъ лицомъ, потому что существуетъ въ одномъ экземплярѣ. Такъ какъ произведенія пластики цѣнны, то не легко и раску-

паются. Вслѣдствіе этого пластическая дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ она служитъ не частнымъ, а общимъ интересамъ, гдѣ трудъ художника и матеріалъ выплачиваются не отдѣльными лицами, а обществомъ. Пластика можетъ взять на себя украшеніе храмовъ, общественныхъ зданій, сооруженіе памятниковъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ и т. п. Эту задачу съ успѣхомъ выполняетъ она и въ настоящее время. Въ частныхъ рукахъ произведенія пластики скопляться не могутъ по причинѣ дороговизны и потому, что не могутъ составлять комнатнаго украшенія и потребовали бы особаго, при своей массивности, большаго помѣщенія. Произведенія живописи, удобно располагающіяся по стѣнамъ, выигрываютъ въ этомъ отношеніи передъ пластикою, также какъ и рельефъ выигрываетъ передъ статуею. Частныя собранія произведеній живописи, встрѣчаются чаще и достигаютъ бо́льшихъ размѣровъ, нежели собранія произведеній пластики. Произведеніе пластики съ трудомъ обнародуется. Будучи ломко, хрупко, массивно, тяжело, оно неудобоподвижно въ оригиналѣ, да и назначается всегда стоять на одномъ мѣстѣ. Произведенія живописи, напр., въ оригиналѣ объѣдутъ нѣсколько городовъ, покажутся на нѣсколькихъ выставкахъ; произведенія пластики не могутъ слѣдовать за ними и, оставаясь на одномъ мѣстѣ, ждутъ къ себѣ зрителей. Отсутствіе произведеній пластики на выставкахъ также ведетъ къ мысли о паденіи скульптуры. Зайдешь въ магазинъ съ произведеніями пластики, и тамъ найдешь немного стоющаго вниманія. Средства копированія и распространенія въ большомъ числѣ копій съ произведеній пластики также неудобны. Копія въ тѣхъ же размѣрахъ и изъ того же матеріала, какъ оригиналъ, цѣнна, приготовленіе медленно, число экземпляровъ не можетъ быть достаточно, и къ распространенію въ публикѣ представляются тѣ же неудобства, какъ и при оригиналѣ. За гипсовыми копіями остается одно преимущество сравнительной дешевизны. Копіи въ сильно-уменьшенныхъ размѣрахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ, драгоцѣннымъ бездѣлушкамъ. Живописныя копіи были бы цѣнны и медленно приготовлялись; притомъ живописная копія, переносящая пространство на плоскость, дала бы произведеніе пластики только съ одной точки зрѣнія. То же нужно сказать о гравюрахъ и фотографіяхъ. За послѣдними все-таки остается болѣе возможности дать копію скорѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія, также удовлетворительнѣе и дешевле. Но изданіе произведеній пластики также ушло еще недалеко.

30

Вслѣдствіе ограниченной сферы изображеній, возможныхъ для пластики, тогда какъ живопись почти неограниченна въ этомъ случаѣ; вслѣдствіе большихъ трудностей, встрѣчающихся при обнародованіи оригиналовъ, при недостаткѣ удовлетворительныхъ копій, пластика не можетъ соперничать съ живописью. Гдѣ она хочетъ соперничать съ живописью, тамъ она сама становится живописью или прибѣгаетъ къ ея помощи; рельефъ, дающій болѣе сложныя изображенія, болѣе удобный къ передвиженію, есть уже своего рода живопись; раскрашиваніе произведеній пластики, копированіе ихъ въ гравюрахъ и фотографіяхъ совершается на счетъ и въ средствахъ живописи. Большее развитіе живописи, успѣхи дѣлаемые ею, также ведутъ къ мнѣнію о бѣдственномъ состояніи пластики.

Причины, мѣшающія развитію пластической художественной дѣятельности, мѣшаютъ и изученію исторіи пластики, мѣшаютъ пользоваться научнымъ матеріаломъ, даннымъ пластикою. Въ руководствахъ къ исторіи искусства находимъ мы поверхностные очерки общей исторіи пластики. Исторію древней пластики пытались уже разработывать отдѣльно въ цѣломъ и въ частныхъ вопросахъ. Эта большая разработка исторіи древней пластики и то обстоятельство, что музеи преимущественно наполнены оригинальными произведеніями древней пластики и копіями съ нихъ, при незначительной долѣ оригиналовъ и копій съ произведеній средневѣковой и новой пластики, опять наводятъ на мысль о паденіи новой пластики. Но произведенія древней пластики отжили свой вѣкъ, оставили мѣста, на которыхъ стояли неподвижно, сгруппировались въ музеяхъ и разныхъ частныхъ собраніяхъ; это облегчило и приготовленіе готовыхъ копій и изученіе исторіи древней пластики. Произведенія средневѣковой и новой пластики стоятъ еще на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ имъ указано стоять; снятіе съ нихъ копій затруднительно, по крайней мѣрѣ, въ большей части случаевъ; группированіе ихъ въ памяти и воображеніи, при такой разбросанности ихъ, также нелегко; поэтому, изученіе средневѣковой и новой пластики соединено съ большими неудобствами и затрудненіями. Не смотря на то, въ «Исторіи пластики» Любке (Лейпцигъ, 1863, 753 стр.) мы имѣемъ уже попытку представить исторію развитія средневѣковой и новой пластики. Но на этомъ почтенномъ трудѣ, результатѣ продолжительныхъ занятій, оказалось вліяніе перечисленныхъ нами неудобствъ при изученіи пластики. Возможнѣе изученіе спеціальныхъ вопросовъ и изложеніе ихъ въ духѣ совре-

менныхъ требованій. Старкъ въ своемъ трудѣ «Ніоба и Ніобиды въ ихъ литературномъ, художественномъ и миѳологическомъ значеніи» (Лейпцигъ, 1863, XVI, 448) поставилъ вопросъ съ современной точки зрѣнія, исчерпалъ матеріалъ для своей задачи, и изложилъ ее, какъ она ему представлялась, удовлетворительно.

Окончивъ, по высказанной уже программѣ, занятія въ Берлинѣ, 12-го апрѣля отправился я чрезъ Лейпцигъ въ Дрезденъ. Въ Лейпцигѣ былъ осмотрѣнъ мною городской музей. Картинная галерея этого маленькаго музея (312 картинъ) состоитъ большею частью изъ произведеній новой живописи. Между множествомъ пустыхъ картинъ и ландшафтовъ, изрѣдка попадаются хорошія произведенія извѣстныхъ художниковъ. Все собраніе гравюръ и фотографій (числомъ 1,600) расположено группами на стѣнахъ, по школамъ и націямъ. Между 54 нумерами гипсовыхъ копій скульптурнаго отдѣла музея находятся копіи съ произведеній Микельанжело, Кановы, Ригеля, Рауха и Торвальдсена. Этотъ отдѣлъ назначенъ собственно для произведеній новой пластики. Гипсовыя копіи съ произведеній древней пластики хранятся въ особомъ, такъ называемомъ, археологическомъ музеѣ. И этотъ музей еще весьма бѣденъ.

Близъ Лейпцига, въ Лигейнѣ, въ имѣніи бар. Спека, осмотрѣна была мною частная картинная галерея, превосходящая городскую лейпцигскую.

Шесть недѣль проведены были мною въ Дрезденѣ. Дрезденъ, какъ извѣстно, весьма богатъ собраніями произведеній искусствъ. Картинная галерея — гордость саксонца, любимица германскихъ ученыхъ, weltberühmte, — и музей съ оригинальными произведеніями пластики привлекаютъ наибольшее вниманіе. Музей гипсовыхъ копій съ произведеній пластики, съ экземплярами рѣдкими въ другихъ подобныхъ собраніяхъ, хотя не обширенъ, но хорошо составленъ. Копій съ произведеній новой пластики немного. Весьма полонъ и кабинетъ съ гравюрами и рисунками. Дрезденскія собранія произведеній искусствъ представляютъ слѣдующія удобства: картинная галерея содержитъ въ себѣ лучшія произведенія лучшихъ художниковъ; по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ художниковъ представляетъ достаточное число картинъ; для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ она даетъ сама по себѣ довольно полный матеріалъ, напр. для исторіи изображеній Богородицы въ живописи; картины съ изображеніемъ темъ, бывшихъ нѣкогда любимыми, напр. св. Магдалины, Сусанны, Лота и его дочерей и т. п., картины съ изображе-

ніемъ одинаковыхъ мотивовъ, напр., Давидъ съ головой Голіафа, Юдифь съ головой Олоферна, Иродіада съ главой Іоанна Предтечи и т. п. встрѣчаются въ значительномъ числѣ. Всѣ собранія вмѣстѣ даютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возможность историческаго и сравнительнаго изученія. Съ этой стороны каждый музей представляетъ свои услуги. Въ Дрезденѣ, напр., вслѣдствіе-ли случая, или особой системы при собираніи, находится особенно много Венеръ. Отъ многихъ, хранящихся здѣсь, оригинальныхъ изображеній Венеры въ древней пластикѣ; отъ гипсовыхъ копій съ хранящихся въ другихъ мѣстахъ оригиналовъ, наблюдатель переходитъ къ изображеніямъ этого сюжета въ новой пластикѣ и къ цѣлому ряду картинъ съ тѣмъ же содержаніемъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы, не упуская изъ виду главной задачи, я удѣлялъ нѣсколько времени на ближайшее ознакомленіе со славянствомъ на мѣстѣ. Недѣля была проведена мною у сербовъ-лужичанъ въ Будышинѣ и его окрестностяхъ. Въ первыхъ числахъ іюня прибылъ я въ Прагу. Оттуда сдѣлалъ путешествіе по югозападной и восточной Чехіи и Моравіи. Имѣю еще возможность удѣлить нѣсколько времени на ознакомленіе съ южными славянами. Цѣль моего пребыванія между славянами — изученіе славянскихъ нарѣчій, ознакомленіе съ современною научною, литературною и художественною дѣятельностью славянскихъ племенъ. Нынѣ отправляюсь я въ Вѣну.

Частыя поѣздки и скопившіяся, вслѣдствіе этого, работы не дозволили мнѣ своевременно дать департаменту должнаго отчета.

Прага, 26 августа 1863 г.

84) Кандидата О. Паульсона.

Мои занятія состояли:

1) Въ постоянномъ посѣщеніи курса исторіи развитія человѣка — профессора Р. Лейкарта.

Объ образѣ чтенія, какъ равно и о содержаніи лекціи не стану писать, тѣмъ болѣе, что курсъ не представлялъ ничего новаго. Замѣчу только, что этотъ, какъ и всѣ курсы почтеннаго профессора, сопровождался постоянными демонстраціями, вслѣдствіе чего, студентамъ представлялась возможность самимъ провѣрить и убѣдиться въ изложенномъ, а не удовлетворяться одною голою теоріею, которая рѣшительно ни къ чему не ведетъ; потому что слышанное

также быстро испарится, какъ было пріобрѣтено, если не дана возможность провѣрить каждый отдѣльный фактъ. Это аксіома и не стоило бы и говорить объ этомъ; но, къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчаются препятствія, особенно у насъ, по недостатку средствъ.

Итакъ, я практически занимался изслѣдованіемъ развитія цыпленка и, кромѣ того, одного насѣкомаго — Chironomus, развитіе котораго изложилъ мой другъ и пріятель Вейсманъ въ Фрейбургѣ. Эта работа весьма отчетлива и приложенные рисунки изданы съ большою тщательностью и вѣрностью. Chironomus принадлежитъ къ той группѣ, въ которой зародышная полоска образуется прорваніемъ зародышнаго листа.. Одно только, по моему взгляду, весьма невѣроятно, т. е. образованіе средней части пищепріемнаго канала, такъ называемаго, млекотворительнаго желудка, который развивается независимо отъ передней и задней части, свободнымъ зарожденіемъ около желудка, т. е. изъ непосредственной метаморфозы самихъ желточныхъ шариковъ или изъ выдѣленной plasmæ. По наблюденіямъ Лейкарта и Келликера, млекотворительный желудокъ развивается, подобно какъ у и другихъ, послѣ распаденія зародышнаго листа на животный и растительный слои, изъ послѣдняго; причемъ, сперва образуется брюшная часть, а потомъ — при замыканіи спины, и спинная часть.

Для высиживанія яицъ былъ въ нынѣшнемъ семестрѣ устроенъ особенный приборъ, по плану профессора Буня въ Христіаніи, который самъ регулируется и слѣдственно не требуетъ ухода, что̀ весьма важно во время сильныхъ колебаній температуры.

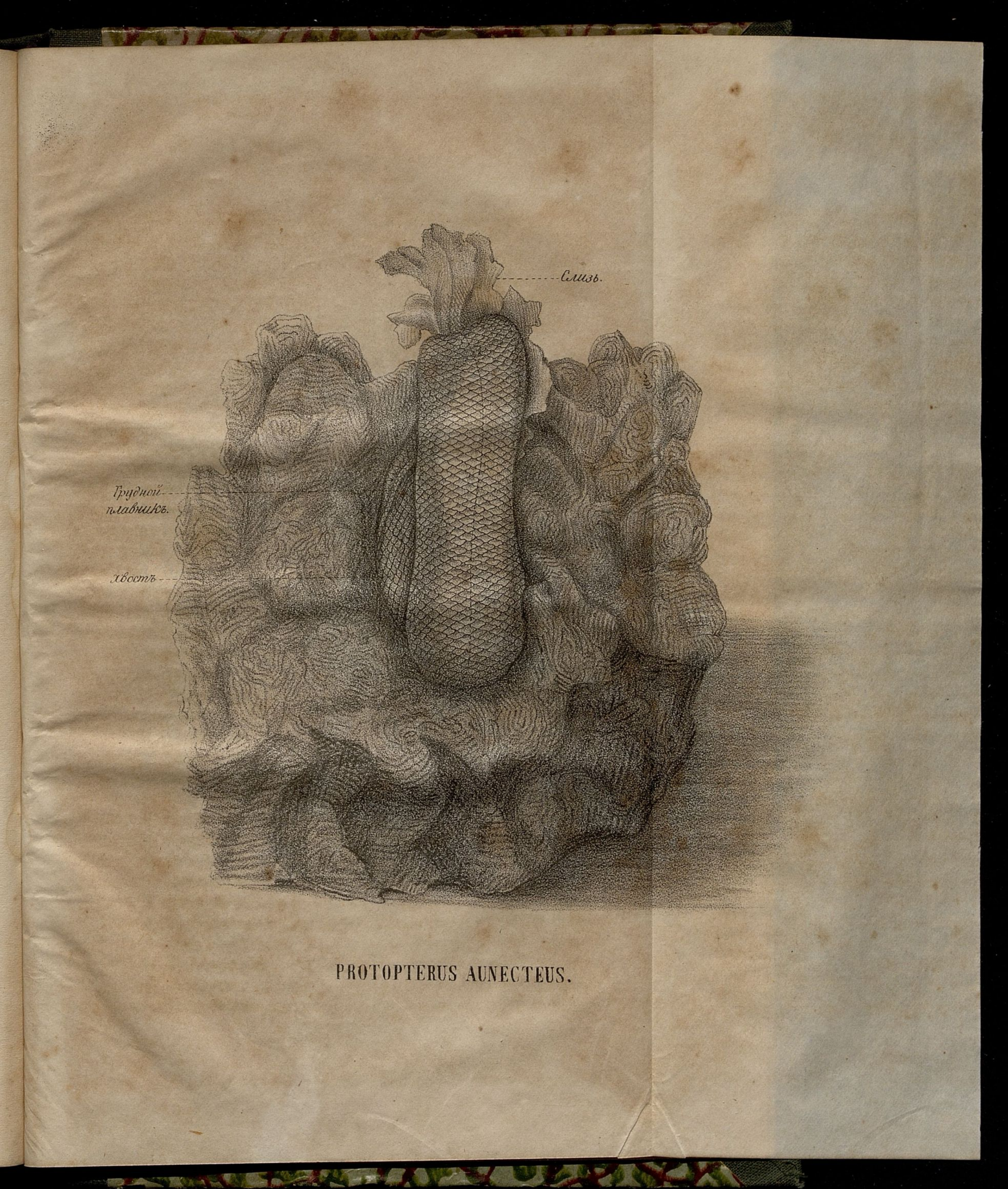
2) Въ практическихъ занятіяхъ по сравнительной анатоміи и въ изученіи паразитовъ, играющихъ въ настоящее время такую важную роль въ медицинѣ, что въ нѣкоторыхъ университетахъ были читаны отдѣльные курсы о болѣзняхъ, порождаемыхъ ими.

Изъ Нижняго-Новгорода былъ сообщенъ проф. Лейкарту весьма интересный фактъ. Г. Линдеманъ наблюдалъ, что выпаденіе волосъ часто зависитъ отъ появленій грегароля на головѣ. Для потвержденія этого, онъ прислалъ нѣсколько волосъ, около которыхъ были скучены псороспермiи.

Гисенскій акваріумъ недавно обогатился весьма рѣдкою и интересною рыбою изъ Африки. Въ Лондонѣ были куплены 3 экземпляра Protopterus aunecteus — 2 для франкфуртскаго зоологическаго сада, третій для Гисена. Франкфуртскіе умерли на четвертый день — нашъ благополучно живетъ уже 6-ю недѣлю и кормится преиму-

щественно Sacumarus pulex. Рыба привезена въ естественномъ видѣ, т. е. въ кускѣ глины, куда она зарывается во время засухи, оставляя небольшое отверстіе для притока воздуха. Полагали, что Protopterus устроиваетъ себѣ гнѣзда изъ листьевъ, но это насправедливо: хотя дѣйствительно около него видно нѣчто похожее на листья, но это нечто иное, какъ затвердѣвшая слизь. Изъ приложеннаго рисунка видно, что онъ лежалъ согнувшись въ 2 дуги, такъ, что голова помѣщалась между хвостомъ и средней частью туловища; кусокъ неудачно разбитъ, потому не видно головы. Когда его вынули и посадили въ воду, онъ издалъ довольно сильный звукъ, вслѣдствіе выпусканія воздуха изъ легкихъ. Число наружныхъ жабръ, кажется, непостоянное — гисенскій экземпляръ имѣетъ съ каждой стороны одну пару. Protopterus рѣдко появляется на уровень воды и вовсе не глотаетъ воздуха, если же дышитъ, то вѣроятно ноздрями; между тѣмъ отъ времени до времени выпускаетъ воздухъ изъ подъ жаберной крышки. Спрашивается, будетъ ли это выдыхаемый воздухъ? въ такомъ случаѣ легкія фунгируютъ во время его пребыванія въ водѣ; или только газъ, подобный тому, который выдѣляется рыбами въ плавательномъ пузырѣ.

Гисенъ, $^{5}/_{17}$ августа 1863 г.

PROTOPTERUS AUNECTEUS.

СОДЕРЖАНІЕ.

